This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Fes. 27897 d. 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Ге. 27817 d. 72

11649

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°).

1864.

11649

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

Фунд. [illegible]
Спб. 3 [illegible]
Ш. XLXIX
Полка 26
№ 2
[illegible] 8716

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.
Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°).
1864.

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 8-го января 1864 г.

МАРЕВО

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ.

I. Тишь да гладь.

Будто въ панорамѣ стелется волнообразная, зеленая равнина, мѣстами прорѣзанная полосами чернозема, со всѣми пригорками, рощами, водой и осѣвшими по ней хуторками. Приземистыя, бѣлыя хатки съ соломенными крышами выглядываютъ изъ темной зелени вишневыхъ садовъ; желтые скирды пестрѣютъ за плетнями; яры каймятъ берега прудовъ съ нависшими ветлами и очеретомъ;* кое-гдѣ за околицей одиноко торчитъ вѣтрякъ;** а тамъ опять пошла

* Камышъ.
** Вѣтреная мельница.

развотѣнная зелень овса, пшеницы, жита и проса, колыхаясь отъ вѣтра и переливаясь на солнцѣ до слѣдующаго хутора. И тянется безконечная степь, далеко уходя изъ глазъ, теряя всякую перспективу въ прозрачномъ, струящемся воздухѣ. Ясное, синее небо охватило кругозоръ и такъ низко прилегло по краямъ, будто хочетъ закрыть этотъ тихій уголокъ отъ дурнаго глаза...

По степи ѣхалъ видный молодой человѣкъ, любуясь вечернею картиной. Полевая стежка слегка пылилась подъ дробными шажками малорослой лошаденки, и косые лучи солнца бросали длинный до уродливости силуэтъ ихъ по скошенной травѣ. Путникъ почти не правилъ лошадью; онъ какъ-то лѣниво протянулъ ноги на рогульки бѣговыхъ дрожекъ и самъ мѣшковато согнулся. Вѣтеръ относилъ назадъ изъ-подъ кожаной фуражки русые волосы; на румяномъ лицѣ такъ и сквозило, что окрестные виды не успѣли еще приглядѣться этимъ сѣрымъ глазамъ, весело перебѣгавшимъ съ одного предмета на другой. Подъѣхавъ къ хутору, онъ сталъ погонять коня; спустился съ покатаго берега пруда на хворостяную гать, распугавъ и столкнувъ въ воду крикливую семью утокъ, миновалъ два ряда хатъ и плетней, сопровождаемый неистовымъ лаемъ кудлатыхъ псовъ и криками мальчишекъ, засѣдавшихъ верхомъ на плетнѣ, и остановился у калитки панскаго двора.

Панскій домъ, впрочемъ, лишь съ большою натяжкой могъ удержать за собой такое громкое имя. Правда, это было длинное строеніе съ двумя выступавшими крыльцами по бокамъ и низенькою террасой межъ нихъ, уставленною цвѣтами въ горшкахъ, но тѣмъ и ограничивались его претензіи на барство; кругомъ обильно произросталъ клоповникъ, употребляющійся на вѣнички; маленькія окна подслѣповато глядѣли на террасу; деревянныя стѣны каждый праздникъ бѣлились крейдою *; а высокая, соломенная крыша сообщала ему до того сельскую физіономію, что съ приходской колокольни домъ казался прошлогоднимъ стогомъ сѣна. На террасѣ сидѣли всѣ владѣльцы хуторка, пользуясь вечернею прохладой. Анна Михайловна Горобець, толстая барынька, лѣтъ сорока пяти, съ полнымъ безцвѣтнымъ лицомъ, одѣляла чаемъ семью. Сынъ ея, Авеаиръ Николаевичъ, гля-

* Мѣлъ.

дѣлъ англійскимъ юношей хорошаго тона; на его худощавое лицо набѣгали рѣденькіе свѣтлые волосы, пестрый лѣтній пиджакъ свободно охватывалъ его жиденькую фигурку, комфортабельно развалившуюся у кресла сестры. Подлѣ хорошенькой Юленьки вертѣлся молодой сосѣдъ-помѣщикъ, и что-то съ жаромъ ей разказывалъ. Юленька, улыбалась всѣмъ розовенькимъ личикомъ, выставляя два ряда крошечныхъ бѣленькихъ зубковъ, шумѣла голубымъ шелковымъ платьемъ, поправляла каштановые волосы. Съ своей стороны, помѣщикъ, повидимому, имѣлъ самаго разрушительнаго свойства намѣренія насчетъ ея сердечка. Не безъ умысла принарядился онъ въ одноцвѣтную лѣтнюю пару planche, и такъ лихо закрутилъ усы и эспаньолку....

— Владиміръ Иванычъ! радостно крикнула хозяйка: — я думаю, что это словно кого-то не достаетъ, а оно вонъ кого.. Да, идите скорѣй! Экой увалень!

Пріѣхавшій въ самомъ дѣлѣ шелъ по двору развалистою походкой, и еще издали началъ улыбаться...

— Мусье Русановъ, племянничекъ майора, а это Акиндинъ Павловичъ Ишимовъ, сосѣдъ вашъ, представила хозяйка другъ другу гостей:—ну, какъ ваше здоровье? Нечего и спрашивать; по лицу видно...

— Что ему дѣлается! Онъ самъ все сломать радъ, засмѣялась Юленька, когда Русановъ опустился въ кресло, такъ что оно хрустнуло.

— Такъ я не кончилъ, заговорилъ Ишимовъ:—какъ только она долетѣла до зайца, а это былъ не заяцъ, а зайчиха, такъ обѣ отъ напора... такъ, pardon, и оценились....

— Ah, quelle horreur! крикнула Юленька.

— Что жь за horreur, вмѣшался Авениръ:—все это такъ натурально, въ порядкѣ вещей.

— Такъ что значитъ кровь-то! Щенята-то такъ зайчатъ-то и хватаютъ, такъ и хватаютъ!

— Слѣпые-то? спросилъ Русановъ.

Ишимовъ холодно отвѣтилъ ему, что чистокровные не родятся слѣпыми.

— Что жь Инды Николаевны не видать? обратился Владиміръ къ Юленькѣ.

— Да когда жь ее видать? Съ самаго обѣда пропала; таскается гдѣ-нибудь съ своимъ Ларой...

Наступила минута молчанія. Хозяйка замѣтила, что должно

быть, тихій ангелъ пролетѣлъ, а Ишимовъ даже поглядѣлъ въ небо....

— Ну, что, какъ у васъ идутъ уставныя грамоты? спросилъ Русановъ.

— Э, охота вамъ, ей Богу! сказала хозяйка: — ничего не подѣлаешь съ этимъ народомъ; а тутъ еще посредникъ въ отставку хочетъ, просто и не глядѣла бы ни на что!...

— Говорятъ, у васъ саранча появилась?

— Кто ее знаетъ, говорятъ...

— Слышали новость? Въ Ильцы молодой графъ пріѣхалъ, сказалъ Ишимовъ, закуривая сигару.

— Какже! Вотъ веселье-то пойдетъ! Совсѣмъ жизнь перемѣнится! Богатѣйшій, вѣдь, аристократъ; балы станетъ давать, пикники, катанья...

— А я слышалъ, Бронскій гордецъ; до сихъ поръ носу ни къ кому не показываетъ, перебилъ Ишимовъ.

— Бронскій? Владиславъ? спросилъ Русановъ. — А я и не зналъ, что у него и въ этихъ краяхъ имѣнье; мы вмѣстѣ кончили курсъ въ университетѣ...

— А вы надолго въ наши палестины?

— Не знаю, право; дядя уговариваетъ остаться съ нимъ... А кстати, Анна Михайловна: онъ поручилъ мнѣ попросить у васъ розановъ для варенья...

— Да кто жь у него варитъ? Неужто самъ? Это вѣдь надо умѣючи...

— Вонъ непосѣда-то идетъ! объявила Юленька.

Изъ саду шла высокая, стройная дѣвушка въ черномъ платьѣ и мускетеркѣ, бравурно надвинутой на задумчивое, немного блѣдное лицо. Черные глаза смѣло глядѣли изъподъ рѣзко очерченныхъ бровей, черные волосы густыми локонами разсыпались по плечамъ. Рядомъ съ ней громадный черный водолазъ, величаво выступая, несъ во рту корзинку съ цвѣтами....

— Вотъ онъ, Аня! Наконецъ-то нашла! крикнула она, обращаясь къ Авениру и показывая ему какой-то цвѣтокъ; но вдругъ словно осѣклась, сухо поклонилась собесѣдникамъ и прошла въ комнату.

— Кладъ нашла, усмѣхнулась Анна Михайловна,—только и дѣла. Словно принцесса какая, и словечка не кинула!

Собесѣдники продолжали заниматься чаемъ, только Русановъ началъ выказывать признаки безпокойства, повер-

тывался на стулѣ, поправлялъ воротнички, безъ всякой надобности глядѣлъ въ сторону, и наконецъ всталъ.

— Я тутъ.. привезъ книги Аннѣ Николаевнѣ, проговорилъ онъ торопливо и, не докончивъ, отворилъ дверь въ домъ. Онъ проворно прошелъ залу съ круглымъ столомъ, фортепіано и плетеными стульями, гостиную съ мягкою мебелью, картинами, кивотомъ до потолка, полнымъ образовъ, и остановился у боковой двери.

— Можно войдти?

— Это что за китайскія церемоніи? отвѣтили извнутри.

Русановъ вступилъ въ маленькую комнатку, рѣзко отличавшуюся отъ прочихъ. Обоевъ не было; надъ желѣзною кроватью висѣли портреты Жоржа Санда и Женни д'Эрикуръ; надъ ними старинная сабля, отдѣланная золотомъ и каменьями. Письменный столъ, комодъ, на которомъ стояли книги, два стула и стѣнные часы составляли все убранство.

— Ну, здраствуйте, сказала Инна, надѣвая голубую туфлю вмѣсто промоченныхъ насквозь ботинокъ.—Какъ въ васъ столичныя-то замашки въѣлись!

— Развѣ и пуритане сердятся, шутливо спросилъ Русановъ.

— Еще бы! Ужь если докладывать, такъ впередъ извольте такъ: sa majesté la reine des fleurs veut-elle recevoir son humble serviteur? Въ городъ ѣздили? Въ библіотекѣ были? Регò привезли?

— И Регò привезъ, и, кромѣ того, два новые романа...

— Ну, вотъ это напрасно! Я не стану читать...

— Отчего?

— Да я никогда ихъ не читаю; зачѣмъ? Смотрите по сторонамъ, вотъ вамъ и романы!

— И никакихъ?

— Диккенса кое-какъ осиливаю на сонъ грядущій... Да вы, кажется, сибаритничать тутъ располагаетесь? спросила она, замѣтивъ, что Русановъ, закуривъ папироску, съ наслажденіемъ потянулся на стулѣ.

— А что?

— А что? Хорошъ! Вопервыхъ, я буду переодѣваться; пожалуй оставайтесь, если вамъ это занятно... Вовторыхъ, что скажетъ княгиня Анна Михайловна? Ну положимъ и это вздоръ... Втретьихъ, втретьихъ... Неужели надо сказать правду?...

— Валяйте!

— Вѣдь вы у насъ вовсе не такое рѣдкое явленіе, чтобы занять меня больше Регó. Я его ждала цѣлый мѣсяцъ...

— Покоряюсь, сказалъ Русановъ, смѣясь и отвѣшивая ей поклонъ...

Онъ пошелъ въ залу. Тамъ Юленька пѣла съ аккомпанементомъ Виртовской рояли, а Ишимовъ, облокотясь на инструментъ, такъ и пожиралъ ее взглядомъ. Она закидывала головку, и еще громче выводила: „когда бъ онъ зналъ, что горькою тоскою“ „Отравлена младая жизнь моя!“ А тутъ же Авенировъ молодъ кофе на ручной машинѣ, нисколько не женируясь пѣніемъ сестры.

— Вотъ оцѣните, сказалъ онъ Русанову, и тотчасъ же прибавилъ:—пятьдесятъ рублей далъ.

— Помилуйте, за мельницу-то?

— Да вы посмотрите, James, Manchester настоящій! Она муку мелетъ...

И Авенировъ принялся высчитывать, сколько она мелетъ и сколько мелетъ вѣтрякъ, что̀ стоитъ ремонтъ его и во сколько обойдутся рабочіе чтобы вертѣть рукоятку: вышло почти вдвое дешевле.

Озадаченный потокомъ политической экономіи, Русановъ не нашелся возразить.

„Когда бъ онъ зналъ, какъ пламенно, какъ нѣжно“, выводила Юленька.

Кончили тѣмъ, что четверо усѣлись въ ералашъ по пятачку сотня, а политико-экономъ принялся читать *Биржевыя Вѣдомости*, посмѣиваясь надъ ренонсами Русанова. Анна Михайловна спорила и горячилась, когда ей случалось дѣлать отибку; Ишимовъ отпускалъ доморощенные каламбуры насчетъ керовыхъ и пиковыхъ дамъ.

Въ десять часовъ Грицько съ Горпиной подали настоящій деревенскій ужинъ. Тутъ былъ супъ съ баклажанами, фаршъ изъ гуся, караси въ сметанѣ, чиненыя тыквы, вареные раки, вареники и туземный кавунъ. Московскаго студента сначала покоробило при видѣ несмѣтнаго количества „стравы“; но, самъ того не замѣчая, онъ отдалъ вполнѣ заслуженную честь каждому блюду, не отсталъ даже отъ Авенира, который выказалъ вовсе не экономическія способности своего желудка. Инна тоже вышла къ ужину; впрочемъ она болѣе занималась плодами земными. По окон-

чаяи трапезы, Авениръ и Юленька подходили къ ручкѣ Анны Михайловны, говоря каждый по своему: merci, maman; thank you, my mother.

— Что̀ это за цвѣтокъ нашли вы, Инна Николаевна? полюбопытствовалъ Ишимовъ.

— Cypripaedium.

— И не слыхивала, отозвалась Анна Михайловна.

— Пустоцвѣтъ, объяснила Инна.

— Скажите! На что̀ жь онъ годенъ?

— Да ни на что̀...

— А растетъ, удивлялся Ишимовъ.—Подлинно непостижимы цѣли Творца!

— Да, ужь подлинно, что непостижимы, сказала Инна.— Покойной ночи, господа!—И пошла къ себѣ.

Что-то сладкое, спокойное охватило Русанова, когда онъ выѣхалъ въ поле. Наступала свѣтлая, сыроватая ночь; душистые пары волновались по лугамъ, даль стушевывалась въ темномъ небѣ, а надъ головой искрились и переливались звѣздные узоры. Шаги лошади звучно отдавались по полю, перепела били взапуски, кузнечики трещали безъ умолку, съ болота подавали голосъ лягушки, съ улицы неслись пѣсни, скрипка и дружный топотъ башмаковъ. Русановъ придержалъ лошадь, и сталъ прислушиваться; десятка два деревенскихъ пѣвцовъ сливались въ хорѣ, напоминая звуки органа, задушевно отхватывали припѣвъ, затихали, и вдругъ, какъ будто изъ середины ихъ, выплывалъ одинокій, чистый голосъ женщины, затягивая новую строфу... Русановъ пустилъ лошадь, хоръ все глуше и глуше подхватывалъ припѣвы, а соло, казалось, ничуть не теряло силы. „Вотъ какъ глохнутъ артисты-то на Руси, подумалъ Русановъ, да впрочемъ имъ и горюшка мало. Легко имъ живется, не то что тамъ... И Анна Михайловна!... Вѣдь есть же время отъ скуки играть на двѣ руки въ пьяницы... И совершенно убѣжденъ, что правою рукой управляетъ ангелъ-хранитель, а когда лѣвая начинаетъ забирать взятки, то это сатана одолѣваетъ... И Ишимовъ—непостижимый... А какъ время летитъ у нихъ! Или ужь это домомъ такъ бываетъ, что и молчать-то у нихъ весело? Не запановать ли ужь и мнѣ?“

Онъ бросилъ вожжи, и лошадь пошла сама по знакомой тропинкѣ межь двухъ полосъ серебрившейся ржи.

Дядя Владиміра Ивановича въ 1849 году вышелъ въ отставку майоромъ и поселился въ маленькомъ наслѣдственномъ хуторкѣ, нераздѣльномъ съ братомъ; этотъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ качествѣ вольнопрактикующаго медика. Одна изъ сосѣднихъ панночекъ не на шутку затронула военное сердце, старый воинъ былъ уже обрученъ, какъ вдругъ его невѣста простудилась на балу, заболѣла, захирѣла и умерла. Майоръ остался старымъ холостякомъ. Нажитая грусть съ природно-веселымъ нравомъ сдѣлали его душою окольнаго общества. Гдѣ бы ни собрались помѣщики, чуялось, что чего-то нѣтъ, если старый майоръ не сидѣлъ въ углу, съ своимъ черешневымъ чубукомъ и пенковою трубочкой. За то если онъ сидѣлъ тамъ, все толпилось вокругъ него; старое и малое хохотало, а онъ, пуская мелкими кольцами дымъ, разказывалъ имъ, какъ онъ выхватилъ разъ своего товарища изъ-подъ коней венгерскихъ гусаръ, взвалилъ на спину и бѣжалъ, бѣжалъ до самаго перевязочнаго пункта, задавая ему всю дорогу разные вопросы и удивляясь его молчаливости. Только тутъ открылась причина: у пріятеля была дырочка на груди противъ самаго сердца; докторъ не счелъ нужнымъ и пулю вынимать. Разказывалъ майоръ, какъ и самъ онъ былъ раненъ въ такую часть тѣла, за которую, по собственному сознанію его, не подобало бы награждать знаками отличія.

— А нуте, майоръ, какъ вы въ Турка не попали?

Въ сотый разъ принимался майоръ за этотъ необыкновенный случай, и немногихъ анекдотовъ вполнѣ хватало на увеселеніе неприхотливой компаніи. Такъ шли годы за годами, а старый майоръ, казалось, заколдовалъ себя отъ нападокъ времени. На стриженой головѣ его не убавилось ни одного изъ сѣдыхъ волосъ, на красномъ лицѣ не прибавилось ни одной морщины, и сизые усы оттѣняли ту же самую полугрустную улыбку, какъ вдругъ онъ получилъ письмо изъ Москвы. Племянникъ извѣщалъ, что отецъ его, а его, майора, братъ, волею Божьею скончался, а самъ онъ кончаетъ курсъ и думаетъ устраиваться въ Москвѣ. Майоръ, прочитавъ письмо, задумался, выкурилъ три трубки залпомъ, и цѣлый день проходилъ будто самъ не свой. Потомъ съ военною аккуратностью сталъ отвѣчать на письмо.

„Конечно, писалъ майоръ, кандидату университета открыты всѣ пути въ мірѣ и блескъ столицъ; но и наша

сторонка не клином сошлась. Найдутся добрые люди, помогутъ просвѣщенному человѣку устроить свою судьбу. Нашъ хуторокъ будетъ со временемъ твоею собственностью, а самъ я не прочь имѣть въ тебѣ утѣшеніе на старости лѣтъ."

Во всякомъ случаѣ, старикъ звалъ племянника погостить лѣто въ деревнѣ и отдохнуть отъ многотрудныхъ ученыхъ занятій. Онъ запечаталъ письмо старинною печатью съ изображеніемъ глаза въ трехугольникѣ и надписью вокругъ: „сія есть моя надежда", самъ отвезъ его на почту и сталъ поджидать гостя.

Владиміръ Ивановичъ три недѣли уже проживалъ на хуторѣ. Сперва онъ подтруниваль надъ выбѣленными стѣнами, къ которымъ нельзя было прислониться, надъ дубовыми съ потрескавшеюся кожей креслами, что̀ обѣими руками не поднимешь, надъ обѣденнымъ столомъ, который составлялся изъ двухъ ломберныхъ съ ложбинками для марокъ. Когда они покрывались скатертью, и непосвященный ставилъ стаканъ на ложбинку, тотъ немедленно опрокидывался и обдавалъ профана содержимымъ. Существовало преданіе, что нѣкогда кирасирскій офицеръ вызывалъ майора на поединокъ, обливъ такимъ образомъ свои лосинные рейтузы краснымъ виномъ; чѣмъ кончилось сіе достопамятное происшествіе, слухи не доходятъ.

Мало по малу Владиміръ Ивановичъ пригляделся къ домашнему обиходу, потомъ полюбилъ его.

Подъѣхавъ къ дому, онъ кинулъ вожжи Іоськѣ, и постучался въ свѣтившееся окно. Іоська принялъ бразды со всею неповоротливостью Малоросса за сорокъ лѣтъ, и ведя лошадь въ конюшню зафилософствовалъ на свой ладъ.

— Ще сего не було... о півночи до дому не їдуть... Хиба в насъ нема що повечерять,—и, пнувъ не распряженную лошадь въ стойло, завалился на боковую.

II. Туземцы.

— Ну, дяденька, я рѣшительно остаюсь, говорилъ Русановъ на другой день, кончая съ майоромъ утренній чай.

— Вотъ спасибо, дружочекъ!—И майоръ обнялъ племянника, широко распахнувъ полы бухарскаго халата съ разводами.

— Да, дяденька, и знаете что? очень не дурно бы попасть въ мировые посредники.

Дядя прочилъ племянника во что-то до того высокое, что и самому себѣ не могъ отдать отчета, во что именно, а потому такъ и обрадовался.

— Какъ, ты дѣлаешь намъ честь быть нашимъ посредникомъ? Ну, молодецъ, Володя! Позволь же выразить тебѣ....

И бухарскій халатъ опять сотрясся.

— Да захочетъ ли дворянство?

— Сосѣди-то? Помилуй, да они за счастіе почтутъ....

— Въ такомъ случаѣ надо съѣздить къ нимъ съ визитомъ...

— Что жь! Вотъ послѣ чаю и поѣзжай! Вели заложить пѣгашку въ дрожки, да и съ Богомъ..

— Вы мнѣ скажите, кто тутъ вліятельнѣй!...

— Какихъ тебѣ вліятельныхъ? Такъ кругомъ хутора по ранжиру и валяй. Тутъ всѣ вліятельные..

— Ну, видно я въ самомъ дѣлѣ попалъ въ Эльдорадо, сказалъ Русановъ, улыбаясь.

— А ты, Володичка, поменьше мудреныхъ словъ то говори; у насъ этого не долюбливаютъ....

И майоръ самъ пошелъ наставлять Іоську. Сей деревенскій философъ занималъ почетную должность возницы и глубоко пропитанъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства. „Не моі дѣло“, важно обрѣзывалъ онъ бабу, когда та просила его принести воды или о чемъ подобномъ: „моі дѣло съ паномъ іиздить, а не зъ жінками возиться.“ На кликъ барина онъ явился въ утреннемъ негліже съ нечесаною бородой.

— Іоська, дрожки вычищены?

— Эге, чого жь ихъ чистить? Щобъ упьять у грязь лѣзти? Се такъ!

— Ну, и шлея не починена?

— Та коли жь іі було чинить? Ще тільки недѣля минула, якъ вона порвалась..

— О, чортъ тебя дери! Запрягай, какъ есть.

— И я жь кажу, запрягти, якъ воно е.

И довольный, что оставилъ за собой послѣднее слово, Іоська проворно заложилъ пѣгашку. Владиміръ принарядился въ приличный торжественному выѣзду костюмъ и явился передъ дядей въ полномъ блескѣ столичной пары.

— Счастливой удачи! крикнулъ майоръ вслѣдъ удалявшемуся экипажу.

Свѣжее утро возбудительно дѣйствовало на молодаго искателя приключеній; ласточки съ писконъ, прихотливыми извивами, сновали мимо дрожекъ...

— Чей хуторъ? спросилъ онъ, подъѣзжая къ воротамъ.

— Якій? отъ сей? Бобырца Игнатъ Васильича...

И Іоська съ шикомъ разогналъ было пѣгашку къ крыльцу, но къ прискорбію пришлось осадить его на всемъ скаку. Мѣсто было занято. Самъ Игнатъ Васильичъ красовался въ казацкомъ казакинѣ на какомъ-то чортѣ въ видѣ коня; вокругъ него прыгала стая гончихъ и борзыхъ всѣхъ мастей и голосовъ; человѣкъ пять доѣзжачихъ составляли фонъ картины. Сообразивъ, что подъѣздъ неприступенъ, Іоська взялъ бокомъ и поровнялся со всадниками. Русановъ отрекомендовался.

— А очень радъ, очень радъ! забасилъ Бобырецъ:—я съ вашимъ дядюшкой другъ-пріятель... Эй, Хома, сѣдлай барину безпардонную! живо!

— Что это, Игнатъ Васильичъ, зачѣмъ?

— А какже? На охоту-то пѣшкомъ?

— Въ другой разъ съ удовольствіемъ...

— Полноте кобениться! Вы не Иванъ Иванычъ! Тотъ все отказывается; что жь ты. говорю, за подлецъ, душа моя, вѣдь я тебя нагайками отдую...

— Право, въ другой разъ лучше...

— Да что за церемоніи! Я вѣдь и не зову васъ въ домъ: у меня тамъ Содомъ и Гоморръ, битва Русскихъ съ Кабардинцами... А я васъ такимъ бѣлякомъ угощу! Нате, Налета вамъ уступаю, продолжалъ неистовый Мелеагръ, суя Русанову свору...

— Да, какже, возразилъ Русановъ, — теперь и поля еще не убраны...

— Мои поля—вѣдь не ваша забота! Такъ не хотите? Ну чортъ съ вами! Трогай!

Вся ватага, щелкая арапниками, съ визгомъ, лаемъ и топотомъ понеслась по двору и скоро исчезла изъ глазъ изумленнаго Русанова. Онъ опомнился только на другомъ хуторѣ.

— Дома баринъ?

— Ни, отвѣтила бойкая дѣвка въ красномъ намистѣ, —

пожалуйте: пани дома, воны рады будутъ,—и уже отворила дверь и ввела гостя въ переднюю.

— Додожи: Русановъ, сказалъ онъ, оправляясь.

Дѣвка поглядѣла на него и отворила дверь въ залу.

— Онъ пани, говорила она, тыкая пальцемъ,—у куточку * сидять...

На встрѣчу Русанову поднялась съ дивана дебелая красавица лѣтъ тридцати и томно пригласила садиться.

— Вамъ вѣроятно необычайно скучно въ нашемъ захолустьи, начала она послѣ первыхъ привѣтствій.

— Я нахожу здѣсь такой радушный пріемъ...

— Это у Горобцевъ-то? Васъ удивляетъ, что намъ извѣстны ваши посѣщенія? Чѣмъ же заниматься въ деревнѣ, кромѣ комеражей! Такъ вамъ не знакомо это чувство? Счастливецъ! Поживите въ глуши безвыѣздно, когда сердцу доступны высшія потребности...

— Сударыня... началъ было Русановъ.

— Помните, что говоритъ философъ? „И скучно мнѣ, и грустно мнѣ, и некому мнѣ руку подать въ минуту сердечной тревоги...“

— Сударыня, надѣюсь вашъ супругъ...

— Мой супругъ овецъ стрижетъ, это такой жалкій матеріалистъ! Скажите, что́ можетъ быть завиднѣй, сказала она, наклонивъ головку и разбирая кружево мантильи: —qu'est ce qu'il y a de plus beau, que d'être comprise!

— Сударыня, я желалъ бы....

— Говорите, почти простентала она, — я стою на сторонѣ чувства... „Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ...“

— Я желалъ бы переговорить съ вашимъ супругомъ.... я желалъ бы быть посредникомъ...

— О, шалунъ! Вы знаете, какъ это опасно! Вы хотите быть посредникомъ между жертвой и тираномъ?

— Какъ-съ?

— Между замужнею женщиной...

— Нѣтъ-съ, мировымъ посредникомъ...

— А-а-а-а! Я вѣдь сказала вамъ, мужа нѣтъ дома. Это не по моей части...

Послѣдовала пауза.

— Извините, что обезпокоилъ васъ, проговорилъ Русановъ, откланиваясь.

* Въ уголку.

„Плохо“, подумалъ онъ, усаживаясь на дрожки и удерживаясь отъ смѣха при дѣвкѣ. „Эта барынька не проститъ мнѣ...“

— Дома?

Ишимовъ показался у окна въ бархатномъ шлафрокѣ, съ сигарой въ зубахъ.

— Милости просимъ; слышали новость? встрѣтилъ онъ Русанова. — Гарибальди бунтуетъ.—И подалъ ему нумеръ *Сына Отечества*.

— Да это не новость уже...

— Слава Богу, насилу-то порѣшили обратить на него вниманіе, то-есть правительство-то; ужъ онъ меня такъ безпокоилъ...

— Васъ?

— Да, помилуйте, что это такое. Нельзя, нельзя! Я въ этомъ отношеніи солидаренъ съ Наполеономъ III, говорилъ Ишимовъ, закручивая усики.

— Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой...

— Все что угодно!

Эта готовность къ услугамъ замѣтно охладилась, когда онъ узналъ чего добивался Русановъ.

— Знаете ли? Эта должность требуетъ многихъ условій....

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, надо имѣть 500 десятинъ земли. Да впрочемъ вы кандидатъ; вамъ довольно 200...

— Но вѣдь это улаживается на бумагѣ.

— Конечно, конечно; но на это мѣсто мѣтитъ одно вліятельное лицо.

Онъ сталъ уговаривать Русанова отказаться отъ своего плана, говоря, что у него есть пріятель, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты, который можетъ доставить ему болѣе выгодный постъ. И тутъ же показывалъ купленный у Жида стереоскопъ съ разными картинками чрезвычайно игриваго содержанія.

— Ну, вотъ эту еще посмотрите... А? каково?

— Хорошо, говорилъ Русановъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, обѣдаете у меня?

Русановъ посмотрѣлъ на часы и согласился. За столомъ хозяинъ былъ необыкновенно любезенъ и за десертомъ, когда вино развязало откровенность, или можетъ забыв-

шись, просилъ Русанова подать голосъ за него на мѣсто посредника.

— Поѣдемте рысаковъ смотрѣть, приставалъ онъ къ Русанову за кофе:—отличные рысаки! превосходные рысаки!

Русановъ уже садился на дрожки, а Ишимовъ, провожая его, все трубилъ въ уши: „Madame Capelle говоритъ, смотрите Мосье Ишимовъ, не удержите; а я ей: soyez tranquille madame... А она мнѣ“... Часовъ въ 7 вечера добрался Владиміръ Ивановичъ до хутора Конона Терентьича Горобца, деверя Анны Михайловны: онъ объѣхалъ еще хуторовъ пять. Въ одномъ домѣ прислуга озабоченно допытывалась, не чиновникъ ли онъ, и только послѣ усиленныхъ отрицаній впустила въ комнаты; а хозяинъ сообщилъ, что на немъ большія взысканія, и такъ какъ садъ его лежитъ на границѣ двухъ губерній, то когда становой пріѣдетъ, онъ сейчасъ на другой конецъ сада и пишетъ оттуда: „выѣхалъ въ такую-то губернію“. Очевидно такая личность не могла имѣть никакого вѣса. Въ другомъ имѣніи, отставной генералъ даже раскричался на Русанова за то, что тотъ непочтительно сѣлъ, не дожидаясь приглашенія. Прочихъ онъ не засталъ дома. Конона Терентьича всегда можно было застать дома; онъ страдалъ ипохондріей, и былъ извѣстенъ въ околоткѣ подъ именемъ ученаго чудилы-мученика. Онъ принялъ Русанова, сидя въ вольтеровскихъ креслахъ у окна съ двойными рамами, хотя на дворѣ было слишкомъ 20° Реомюра. Лицо его могло бы назваться красивымъ, еслибы глаза не разбѣгались во всѣ страны свѣта, да еще еслибы не было какой-то полуслѣденькой, полупрезрительной улыбочки.

— И что это за непонятная страсть у нынѣшней молодежи лѣзть въ омутъ, говорилъ онъ, слизывая съ ложечки рябиновое варенье.—Что вы за публичныя женщины, господа?

— Вотъ тебѣ разъ! Надобно жь кому-нибудь служить, возражалъ Русановъ.

— Ну пусть кто-нибудь и служитъ, а вы-то что? Да и почему это надобно мѣшаться въ чужія дѣла? Жили бы сами по себѣ, благо дураки за воротъ не тянутъ...

„Начало невмѣшательства!“ подумалъ Русановъ. — Скажите-ко, Гизо, что это вы домъ-то сами по себѣ не строите? Который годъ у васъ лѣсъ подъ окнами лежитъ?

— Да какъ его строить? еще жалобнѣй заныл ипо-

хондрикъ:—архитектора надо, рабочихъ! возня! Такіе люди, какъ я, не способны ни къ чему матеріяльному.

— На что жь вы лѣсъ покупали?

— Какъ на что? Домъ строить... Право я относительно этого вопроса нахожусь въ переходномъ моментѣ; все не придумаю, какъ бы побезопаснѣй...

— Отъ пожара что ли? Кройте толемъ...

— Да, да, вотъ хоть и отъ пожара, заговорилъ торопливо ипохондрикъ, и воспаленные глазки его забѣгали:—теперь въ два этажа не стану строить; случись пожаръ, изъ окна скакать—ноги переломаешь...

— А кто жь вамъ велитъ жить во второмъ этажѣ?

— А внизу воры заберутся, задушатъ...

— Ну, пока вы будете рѣшать, въ какомъ этажѣ жить, вашъ лѣсъ абсолютно сгніетъ.

Въ комнату вбѣжалъ гимназистъ лѣтъ пятнадцати; бѣлые, курчавые волосы его растрепались, онъ едва переводилъ духъ...

— Дяденька, Незамайкины на васъ хотятъ въ судъ жаловаться.

— Что такое? спросилъ тотъ, поблѣднѣвъ.

— Я, видите, купилъ шарманку; ну и хотѣлъ попробовать, взялъ ее съ собой на дрожки и ружье захватилъ. Только поравнялся съ ихъ домомъ, заигралъ. Со двора на меня собакъ девять. Я, бацъ! бацъ! Двухъ на повалъ, одной хвостъ отшибъ. Они говорятъ, что вы подучаете... Вѣдь это ужь подло!

— Ну будетъ по сумашедшимъ домамъ шляться. Пошелъ къ Горобцямъ, крикнулъ Русановъ Іоськѣ, выйдя отъ чудилы-мученика.

Но Іоськѣ не безъ пользы прошло пребываніе въ сумашедшихъ домахъ. Онъ свое дѣло сдѣлалъ: аккуратно на каждой станціи выпрашивалъ стаканчикъ потереть у лошади ссадину, и теперь, видимо отыскивая центръ тяжести, находился въ неустойчивомъ равновѣсіи. Прицѣливался, прицѣливался въ ворота, и таки нагналъ пѣгатку на заборъ. Раздосадованный Русановъ самъ сѣлъ къ вожжамъ и скоро подкатилъ къ гостепріимному крылечку. Грицько объявилъ ему, что панны всѣ уѣхали въ городъ, а паночка Инна въ саду.

Во время оно, генералъ-аншефъ Горобецъ разбилъ здѣсь англійскій паркъ, выстроилъ на пруду бельведеръ, держалъ ялики, роговую музыку и хоръ крестьянокъ въ пунцовыхъ сарафанахъ и соломенныхъ шляпахъ. Ничего не уцѣлѣло отъ барскихъ затѣй при слѣдующемъ поколѣніи; за то теперь и растительность одичала. То тамъ, то самъ, изъ кустовъ бѣлой акаціи поднималась готическая стрѣлка пирамидальнаго тополя; тутъ, волошскій орѣхъ блестѣлъ на солнцѣ пепельнымъ стволомъ; тамъ, раскидистая шелковица пріютила въ тѣни мелкую листву глода, а дальше за молодыми каштанами сплошная стѣна вишенъ отгородила поляну съ пчелиными ульями и подсолнечниками. Межь темныхъ дубовъ мелькали березы, груши, яблони, и все сливалось надъ головой въ прозрачную сѣтку зелени на голубомъ подбоѣ, бросая на траву и на дорожки золотистыя пятна, голубоватыя тѣни...

Русановъ шелъ по заросшей тропинкѣ мимо плетня, увитаго хмѣлемъ и отдѣлявшаго баклу съ красными и желтыми гарбузами, турецкими огурцами и прочими, насажденными Авениромъ, овощами. „Какой ни на есть огурецъ, все жь онъ огурецъ, говорилъ экономъ, хвастаясь передъ сестрами; а вы что?“ Русановъ спускался къ пруду; солнце въ туманно-красномъ разливѣ, будто комокъ расплавленнаго стекла, пряталось за высокій берегъ, оставляя въ глазахъ зеленоватыя пятна; лиловыя облака разсѣялись по небу, и отражаемыя въ пруду деревья выступали темнѣе, какъ на старинныхъ картинахъ, крытыхъ зеленымъ лакомъ. Надъ водой сидѣла Инна, облокотясь на гнилой пень липы и лаская водолаза.

— Лара, Лара! говорила дѣвушка. Собака протянула морду на колѣни хозяйки и слезливо смотрѣла ей въ глаза.

— Ты одинъ у меня! продолжала Инна, поглаживая бѣлую полоску на лбу водолаза. Тотъ завилялъ хвостомъ.—Ты думаешь онъ придетъ? Ихъ нѣтъ больше на свѣтѣ... Ни одного, прибавила она, задумчиво опуская голову.

Русановъ остановился: это было такъ ново для него, такъ непохоже на все что ему удавалось видѣть. Собака заворчала было, но вглядѣвшись въ него, махнула раза два волнистымъ хвостомъ и улеглась.

— Кого это вы ждали? спросилъ Русановъ, подойдя.

— Хоть бы и васъ...

— Ну, люди въ здѣшней сторонѣ! сказалъ онъ, опускаясь возлѣ нея на траву:—А я-то думалъ, что это Аркадія какая-то, да и дяденька хорошъ...—Онъ началъ описывать ей свои странствія.

— Будетъ, перебила она,—вѣдь это вамъ въ диковинку, а за меня они почти всѣ сватались...

— Вы это такъ говорите, какъ будто вамъ ни разу не приходила мысль выйдти замужъ...

— Сбейте-ка мнѣ вонъ ту гливу!

Русановъ подалъ ей спѣлую, сочную грушу.

— Вотъ это хорошая вещь въ нашихъ краяхъ!

— Да, вы правы; за кого тутъ выйдешь? проговорилъ Русановъ.

Она улыбнулась, а потомъ, лѣниво поднявшись, проговорила:

— Давайте ходить, роса падаетъ.

Они долго гуляли. Она шла впередъ, легко и свободно пробираясь въ чащѣ, подбирая цвѣтки для гербарія. Русановъ ходилъ за ней, раздвигая вѣтви, жевалъ листья и все собирался говорить о чемъ-то. Одинъ разъ онъ будто и рѣшился, кашлянулъ...

— Славный нынче день, сказалъ онъ и опустилъ глаза подъ пристальнымъ взглядомъ Инны.

— Я не люблю такихъ...

— Какіе же вы любите?

— Сѣренькіе, осенніе; тѣ какъ-то подъ ладъ...

Русанова очень интересовалъ характеръ Инны. Онъ постоянно замѣчалъ, что она разсѣянна, задумчива, груститъ, а причины не могъ разгадать. Да и она никогда не заговаривала о себѣ. Во время его частыхъ посѣщеній случалось имъ говорить и о литературѣ, и о музыкѣ, и о современныхъ вопросахъ, и о домашнихъ дѣлахъ. Она очень бойко разсуждала, но все это, какъ будто, нисколько ее не затрогивало. Она, какъ будто, понимала, что все это есть, что всѣмъ этимъ люди могутъ заниматься, но у самой не вырывалось ни одного теплаго слова, ни одной задушевной мысли; точно она сама стояла въ сторонѣ и наблюдала жизнь отъ нечего-дѣлать. Иногда, посреди горячей тирады Русанова о значеніи современнаго движенія, она перебивала его вопросомъ: „А не хотите ли вы подсолнуховъ: у насъ поспѣли...“

На югѣ послѣ заката солнца, очень скоро смеркается; сумерки почти замѣтно глазу надвигаются на окрестность. Вмѣстѣ съ наступавшею темнотою Русановъ становился смѣлѣе...

— Инна Николаевна, хотѣлось бы вамъ побывать въ Москвѣ?

— Къ чему это вы такой вопросъ задаете? точно Подколесинъ....

— Вѣдь вамъ здѣсь скучно, неправда ли?

— Вотъ что!... Нѣтъ не хотѣлось бы... Гдѣ намъ провинціаламъ конфеты ѣсть!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! Тамъ развлеченія, театръ, общество....

— Вотъ этого-то я и не люблю.

— То-есть чего же?

— Да вообще многолюдства, а въ частности того что̀ называется обществомъ.

— И то сказать, приспособиться къ средѣ, привыкнешь и самъ.

— Ну, эта тема напредки годится; а пока я думаю, что все-таки я такая не отъ того, что здѣсь; а скорѣе здѣсь, потому что такая.

— Ну, еще одинъ нескромный вопросъ, простите... Кто это *они*?

Инна остановилась...

— Они, кого „нѣтъ больше на свѣтѣ“, пояснилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да какъ же вы смѣете подслушивать? Вотъ я васъ Ларой затравлю.

— Вы такъ громко говорили съ собакой...

— А вы бы сами погромче крикнули и дали мнѣ знать, что я не одна. Вотъ и сконфузились! Какой вы тихоня! Такъ и ждешь, не сказали бы вы, извините, что я родился. Ну, зачѣмъ вамъ знать, кто такіе *они*? Я живу здѣсь слишкомъ двадцать лѣтъ, вамъ надо разказывать все сначала; многое я сама забыла, а оно во мнѣ нѣтъ-нѣтъ да и скажется; мы не поймемъ другъ друга...

— Я думалъ.... Я разчитывалъ на вашу дружбу....

— Вы вѣрите въ дружбу? Я отъ васъ, впрочемъ, всегда этого ожидала.

— А вы не вѣрите? У васъ есть, однако, родные.

— Кто это? Мачиха? Она меня только что не ненавидитъ; Юля совершенно равнодушна къ моему существованію; Аня—славный малый, но.... вы видите, и тутъ даже *но*!

— Ну, Богъ съ вашими *но*!

— Хорошо, извольте. Они тѣ, которые сумѣли стать выше земли.

— Романтики? Идеалисты?

— Они тѣ, перебила она съ досадой,—чья душа и темна и свѣтла, какъ эта ночь; они тѣ, что̀ не продадутъ своей совѣсти ни за какія.... ковражки, рѣшила она, расхохотавшись, а Русанова покоробило отъ этого смѣха.

— Только то? сказалъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Вы думаете это легко? Вотъ могила моего отца, сказала она, указывая на заросшій цвѣтами холмикъ подъ самымъ домомъ. Онъ цѣлую жизнь промаялся одинъ и завѣщалъ похоронить себя въ саду; онъ боялся сосѣдей даже на кладбищѣ.

Русановъ не могъ видѣть ея лица; они стояли въ тѣни дома, но голосъ сталъ до того грустенъ, до того симпатиченъ, ему было такъ хорошо, что онъ невольно подвинулся къ ней. Золотистыя верхушки деревьевъ давно потемнѣли; облака задымились, оставляя жемчужныя окраины. Изъ-за большой группы ихъ медленно выдвинулся мѣсяцъ; темными призраками выступали кусты, по землѣ ложились черныя тѣни. Все темнѣй становилось въ чащѣ, осыпанной серебристыми блестками тополей; кое-гдѣ ярко бѣлѣлъ стволъ березы, а тамъ опять черныя тѣни, темныя массы.

— Прощайте, вдругъ сказала Инна,—я лучше уйду, а то я буду несносна.

— Этому причиной я?

— Вы! Вы! Вамъ удалось вызвать меня на откровенность, а это рѣдко со мною случается. Я пробовала сходиться со многими.... Какъ только они меня узнавали, тотчасъ начинали издѣваться. Прежде это меня огорчало. Если и вашъ вкрадчивый голосъ—притворство, я васъ возненавижу.

— Инна Николаевна, сказалъ Русановъ, взявъ ее за руку,—не думайте такъ обо мнѣ.... Я тоже круглый сирота....

— Ну, до свиданія, круглый сирота. А кстати, санти-

ментальный сирота, что̀ это вамъ вздумалось сегодня по сосѣдямъ шляться?

— Я ищу мироваго посредничества.

— Вы? Ха! ха! ха!—И она порхнула въ дверь.

Русановъ постоялъ еще немного, тряхнулъ головою и прыгнулъ на дрожки. Задремавшій Іоська закричалъ съ испугу не своимъ голосомъ, признавъ его за *живулаку*, и погналъ лошадь во весь духъ.

— Ну, дружочекъ, съ чѣмъ поздравить? встрѣтилъ его майоръ на крыльцѣ.

— Да ни съ чѣмъ.

— Какъ ни съ чѣмъ? Отказъ?

— Почти, разсѣянно отвѣтилъ племянникъ.

— Свиньи эдакія! выругался майоръ.

„Странная дѣвушка," думалъ Русановъ, входя за нимъ въ комнаты.

III. Родникъ замутился.

Инна проснулась, по обыкновенію, очень рано. „Горобцы пробудутъ сегодня въ городѣ, я сама себѣ панна", подумала она еще въ просонкахъ. Наскоро одѣвшись, кликнула она Лару и пошла въ садъ. У калитки Грицько остановилъ ее вопросомъ, что̀ ей готовить къ обѣду?

— Ничего!

Грицька это поразило до такой степени, что онъ только проводилъ ее глазами и пошелъ въ глубокомъ раздумьи сообщить Горпинѣ, что панночка день ото дня чуднѣй дѣлается.

А панночка пробѣжала въ садъ и спустилась къ пруду. Тутъ съ досадою замѣтила она, что въ торопяхъ забыла ключъ отъ купальни. Дѣлать нечего, не ворочаться же назадъ! Она пошла вдоль по берегу.

Прудъ, начинавшійся въ саду, былъ однимъ изъ тѣхъ прудовъ, которые въ маловодныхъ губерніяхъ замѣняютъ рѣки, тянутся на версту, на двѣ, обросшіе ольшанникомъ, вербою и осокой. Берега то песчаные, то грязно-тинистые на одномъ концѣ обыкновенно переходятъ въ топкое болото, притонъ всевозможной дичи. Въ сплошномъ очерету

постоянно хныкаютъ лыски *. Вода съ весны цвѣтетъ ряской и мелкими зелеными крупинками; за то къ осени, отстоявшись, становится прозрачнѣй хрусталя. Водолазъ вдругъ повернулъ въ кусты, взобрался на спрятанную тамъ лодку и съ подобающею важностію улегся на дно. Инна сѣла къ веслamъ и задумчиво глядѣла, какъ вѣтеръ качаетъ черные султаны аира, пошлепываетъ листьями кувшинокъ и вдругъ подернетъ воду серебристою зыбью. Рѣзвыя камышевки чирикаютъ, стрекозы съ трескомъ путаются въ мелкой листвѣ ольхи. Солнце печетъ, вода дышитъ прохладой на раскаленный берегъ и пряным ароматомъ водяныхъ растеній. Это было любимое мѣсто Инны; часто просиживала она тутъ обѣдъ, чай, съ книгою въ рукахъ. Съ нею бранились домашніе. Анна Михайловна находила, что гораздо лучше вязать чулокъ чѣмъ думать Богъ вѣсть о чемъ. Потомъ привыкли и оставили Инну въ покоѣ.

Инна взяла весла; лодка выплыла изъ очерета и, описавъ дугу, пошла къ дубовой рощѣ, разростейся на концѣ пруда вдоль по болоту. Инна разсѣянно сѣдила за парою кырковъ, которые, завидѣвъ ее, заныряли въ запуски къ очерету. Выйдя на берегъ, странники пошли по опушкѣ. Инна собирала красные грибы, а Лара нашелъ ежа и остановился въ недоумѣніи, вытянувъ морду. Онъ попробовалъ было кинуться на страннаго звѣрка, но тотчасъ укололся и отступилъ съ негодованіемъ. Инна увидала эту продѣлку и поощряла своего друга ко вторичному нападенію; тотъ только зѣвнулъ во всю ширину рта и длину языка. Справились и съ ежомъ. Инна посадила его въ платокъ. У самаго начала болота выдалось песчаное мѣстечко съ чистою, прозрачною водой. Инна соблазнилась, раздѣлась въ кустахъ и погрузилась въ холодную утреннюю воду. Лара сталъ порывисто плавать во всѣ стороны.

По болоту глухо раскатился выстрѣлъ.

Инна посмотрѣла въ ту сторону. Шагахъ во ста отъ нея, по кочкамъ, шелъ молодой охотникъ и кричалъ что-то пестрой польской собакѣ. Онъ пробирался прямо къ Иннѣ, и она поспѣшила присѣсть по горло.

— Послушай, милая, сказалъ онъ, подошедъ къ берегу,— чей это хуторъ?

---

* Водяная курица.

— Мой, отвѣтила она съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Pardon, проговорилъ онъ, приподнимая сѣрую шляпу: —извините, пожалуста.

— Ничего, потрудитесь войдти вонъ въ шалашъ, пока я одѣнусь. Въ водѣ неудобно вести разговоры.

Тотъ пошелъ, посмѣиваясь, и сталъ заряжать ружье. Скоро и она присоединилась къ нему. Пока собаки знакомились съ свойственнымъ ихъ роду раченіемъ, онъ еще разъ извинился, что обезпокоилъ ее.

— Вашъ сосѣдъ, Владиславъ Бронскій.

— Очень пріятно, проговорила она, закусивъ губку.

— Заблудился; мѣста эти мнѣ еще совершенно незнакомы. Далеко ли до Ильцовъ?

— Верстъ пять....

— Экая досада! Я голоденъ какъ волкъ.

Инна не то робѣла, не то сердилась сама на себя. Она отвыкла отъ незнакомыхъ людей и, не желая выказать этого молодому аристократу, рѣшилась на отчаянную выходку. Она сообразила, что Бронскій, по своему положенію въ свѣтѣ, никогда не будетъ знакомъ съ Горобцами; куда ни шло одинъ разъ подурачиться.

— Хотите продолжить оригинальное знакомство? Обѣдайте со мной.

— Еще бы не хотѣть!

— Слѣдуйте за мной, важно проговорила она.

Собаки, окончательно подружившіяся, побѣжали впередъ, помахивая хвостами. Бронскій, озадаченный ея серіозностію, не заговаривалъ, дожидаясь вызова. Она привела его къ лодкѣ и молча указала на корму. Къ удивленію ея, онъ поплевалъ на руки, взялъ весла и заработалъ ими такъ что лодка полетѣла стрѣлой.

„Такъ вотъ онъ, этотъ салонный левъ," думала прокаэница взглядываясь въ своего гондольера. Лицо его отличалось типическою красотой польской аристократіи; темный загаръ кожи, тонкіе морщины на высокомъ лбѣ, обрисованномъ кудрявыми волосами, надменно сдвинутыя брови и длинные усы придавали ему оттѣнокъ суровости и силы.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе?...

— Я фея здѣшнихъ водъ.

— Очень пріятно познакомиться. Что жь это у васъ въ платочкѣ?

— Нашъ обѣдъ.

— Чортъ возьми, зачѣмъ же мы?... Впрочемъ, виноватъ, это ужъ черезчуръ кажется....

— Ничего, будьте какъ дома.

— Такъ съѣдимте его здѣсь.

— Какъ, въ этомъ видѣ? Она показала ему сырые грибы и живаго ежа, и оба расхохотались. Послѣдніе остатки натянутости исчезли.

— Въ самомъ дѣлѣ, чтобы не остаться при этомъ, дайте-ка ваше ружье.

Бронскій съ удивленіемъ видѣлъ, какъ она очень ловко приложилась и ударила въ самую середину кучи беззаботно плескавшихся домашнихъ утокъ. Собаки тотчасъ подали три жертвы. Графъ шелъ по саду рядомъ съ ней, помахивая ружьемъ за плечами и тяжело ступая, будто пробуя, сдержитъ ли его земля. Инна наблюдала его манеры косыми взглядами; ей не понравилось, что онъ прикусилъ шею одной подстрѣленной уткѣ.

Войдя въ гостиную, она кликнула Грицька, велѣла ему немедленно содрать шкуру съ ежа; сама принялась щипать утокъ; гостя же, повидимому, рѣшилась озадачить во что бы то ни стало.

— Что жь вы ничего не убили?

— А еще бы вы ваше болото все въ торфъ изрѣзали... Совсѣмъ плохо охотникамъ на свѣтѣ жить стало.

— Ну, ступайте въ кухню, велите Горпинѣ зажарить эти грибы....

Онъ взялъ узелъ и понесъ его надъ головой.

— Ясновельможная Горпино! сказалъ онъ изумленной дѣвкѣ, потомокъ графовъ Бронскихъ проситъ васъ зажарить эти грибы въ возможно лучшей сметанѣ.—Вернувшись въ комнаты, Бронскій закурилъ надъ лампадкой сигару и, открывъ фортепіано, попросилъ Инну что-нибудь сыграть.

— Я не играю, а такъ иногда пою.

Она сѣла, и звучнымъ, богатымъ контральто спѣла ему застольную пѣсенку Орсино. Спокойно, игриво до самозабвенія, вылилась у нея первая половина. „Если весело жить вы хотите“, пѣла она, и слушателю казалось, что только такъ и можно весело жить, настоящимъ лишь днемъ наслаждаясь. Потомъ стала протягивать окончаніе пѣсни, будто нехотя разставаясь съ мотивомъ; въ голосѣ послы-

шалось дрожаніе. Она взяла странный, рѣзкій аккордъ; быстро модулируя, проворными пальцами, перешла въ мольный тонъ, и запѣла le dèsir Бетговена, съ такою неподдѣльною, страстною грустью, что Бронскій не могъ надивиться, та ли это беззаботная рѣзвушка, что сейчасъ чуть не на головѣ ходила.

— Хорошо? спросила она, остановясь.

— Вы поете не дурно....

— Это я и безъ васъ знаю. Я спрашивала, нравятся ли вамъ эти вещи?

— Не люблю я этихъ медоточивыхъ....

— Стóитъ же для васъ пѣть, сказала она, и хотѣла захлопнуть крышку, когда Бронскій самъ сѣлъ на табуретъ.

— Вотъ моя музыка, сказалъ онъ, и мастерски сыгралъ caprice héroique Контскаго: le réveil du lion....

Явилось импровизованное жаркое, простокваша и дыни. Инна усѣлась противъ графа и засадила себѣ въ ротъ огромный кусокъ ежа. Бронскій поглядывалъ на нее, улыбаясь.

— Послушайте, вы всегда такая?

— Всегда. День прошелъ, и слава Богу; приходи скорѣй другой....

— И не надоѣстъ это вамъ?

— Э нѣтъ, не по той дорогѣ, ваше сіятельство! „Все вѣдомо, и только повторенье грядущее сулитъ“.... продолжала она декламировать.

— Вѣдь это отъ бездѣлья....

Она скроила уморительную рожицу, пропѣла изъ какого-то водевиля: „Скучно за дѣломъ, скучно безъ дѣла, но безъ продѣлокъ скучнѣй!“

— Что жъ ты не остановишь меня, обратилась она къ Грицьку, безсмысленно на нихъ глядѣвшему; вѣдь я за обѣдомъ пою.... Понимаете? Нѣтъ, вижу, что не понимаете... Вы вотъ находите, что я не дурно пою, а я и ботанику хорошо знаю. Грицько! хочешь, я прочту тебѣ лекцію, а впрочемъ свари лучше кофе, коль хватитъ способностей....

Бронскій все посмѣивался, да поглядывалъ на нее умными, проницательными глазами.

— Здѣшнія барышни выписываютъ собраніе романовъ и повѣстей, находя, что тутъ никакой критики пропускать не надо, все сподрядъ читается....

Бровскій разсмѣялся.

— Ну, а я именно то и читаю чего онѣ не разрѣзываютъ; да къ чему все это?... Скучно, графъ, очень скучно, а дѣлать нечего.

— Что жь будетъ лѣтъ черезъ двадцать?

— Что вы это, почти вскрикнула она:—а я еще не въ комплиментъ вамъ, считала васъ паенькой. Развѣ въ наше время, когда и проч. и проч... люди живутъ по стольку?

— Позвольте, вы напрасно разыгрываете безнадежную; а это что за кольцо у васъ?

— Кольцо, какъ кольцо!

— Нѣтъ-съ, это намъ знакомо.

Онъ подавилъ пружинку, кольцо открылось; въ перстнѣ былъ миніатюрный портретъ мущины съ зачесанными назадъ волосами, бородой и сложенными на груди руками.

— А что?

— Это-то? Памятникъ прошлой вѣры....

— Будто бы?

— Гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

— И съ этимъ покончили? Жаль мнѣ васъ!

— Что вы? Я опять ждала чего-нибудь поумнѣй....

— Но вотъ что странно: глядя на васъ, никто бы не догадался, какія бури играли въ вашей головѣ. Лицо такъ спокойно, такъ даже.... не желто....

— Я никогда не загораю, это плохой знакъ.

— Вы думаете это у меня загаръ? сказалъ графъ.—Этотъ загаръ и зимой не сходитъ. Иногда я встаю совершенно зеленый отъ злости.

— Вы стало-быть злитесь?

— А вы?

— Нѣтъ. Я только... пожалуста не смѣйтесь, этого нельзя иначе выразить.... я *сковчу**, какъ....—Она вдругъ оборвалась и выглянула въ окно.

Бровскій увидалъ подъѣзжавшій тарантасъ....

— Кто это съ Инной? крикнулъ Авениръ, соскакивая съ подножки.

— Человѣкъ отъ графовъ Бровскихъ, сказала Горпина, по своему понявшая слово потомокъ.

— И она посадила его съ собой? Я его, каналью!

---

* Мѣстное названіе визга щенятъ.

Инна выбѣжала на крыльцо, а графъ сталъ кормить собакъ остатками трапезы. Черезъ нѣсколько времени вывалились Горобцы. Бронскій представился и, немного погодя, несмотря на усиленныя просьбы остаться, поблагодарилъ за угощеніе, сѣлъ въ предложенный тарантасъ и, обѣщавъ какъ-нибудь завернуть, уѣхалъ.

„Это какой-то уродъ," думалъ онъ дорогой: „я бы на ея мѣстѣ давно отравился, или замужъ вышелъ par dépit, что ли!"

— Какже онъ? самъ пришелъ? какъ онъ представился? закидала Анна Михайловна падчерицу вопросами:—каковъ онъ?

— Онъ мнѣ понравился, только у него какая-то пленка на мозгу....

— Что ты, Богъ съ тобой, можно ли такъ отзываться! Слышите, онъ ей понравился! Еще бы не понравиться!

— А зачѣмъ же онъ такія штуки выкидываетъ?

— Что жь онъ выкинулъ?

— Перелѣзъ чрезъ заборъ въ саду, и выстрѣлилъ прямо въ трубу. Пять утокъ съѣлъ!

— Браво! крикнулъ Авенировъ:—откуда жь они взялись?

— Онъ говоритъ, настрѣлялъ; купилъ должно-быть....

— А ты позволила ему въ нашемъ домѣ тратить свою провизію?

— А что жь съ нимъ было дѣлать, коли онъ пошелъ на кухню, да еще поругался съ Горпиной.

— То-то ты, я думаю, съ нимъ любезничала, проговорила Юленька, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Что жь, я развѣ неумѣлая!

— Чьи жь это косточки? спрашивалъ Авенировъ.

— А это онъ своего ежа съѣлъ. Ахъ Юля, еслибы ты видѣла, что это за ежъ былъ! Ученый! Графъ игралъ, а ежъ танцовалъ, прелесть!

Послѣднее извѣстіе показалось до того невѣроятнымъ, что Горпина была призвана къ допросу; но показанія ея какъ нельзя болѣе подтвердили разказъ. Вслѣдствіе того, на домашнемъ совѣщаніи порѣшено было, что молодой графъ съ придурью.

— Да развѣ мало такихъ, распространялась Анна Михайловна:—вонъ Ишимовъ который годъ ѣздитъ, а до сихъ поръ не

знаетъ, понимаю ли я его французскую брехню; такъ и норовитъ: неспа мадамъ? Се вре? И пошелъ: та-та-та, чи-чи-чи!

— Все жь онъ первый женихъ, кончила Юленька.

— Однако, пора обѣдать, мы не ѣвши, сказала Анна Михайловна,

— Що жъ обѣдать? ничóго немà, объявила Горпина:—панночка казала ничóго не трéба....

— Вотъ оно чтооо! такъ вотъ, отчего графъ и велъ себя такъ странно! рѣшила Анна Михайловна:—осрамила ты насъ на весь уѣздъ!

Инна отошла и сѣла къ окну.

— Когда ты будешь сколько-нибудь похожа на людей? продолжала Анна Михайловна патетическимъ тономъ.

Инна молчала.

— Когда ты будешь видѣть что-нибудь у себя подъ носомъ? Когда ты сумѣешь принять гостя? А? когда?

— Никогда, обрѣзала падчерица.

— Господи, хоть бы насъ-то пожалѣла! Что̀ теперь графъ скажетъ! Возьмешься-ли ты за разумъ?

— За вашъ? Ни за что̀!

— Инна вмѣшалась Юленька:—можно ли такъ выходить изъ себя?

— Это фраза!

— Ты хочешь быть выше всѣхъ?

— Опять фраза!

— А глаза-то какіе сдѣлаетъ, горячилась Анна Михайловна:—вся въ отца, какъ есть, вся въ отца!

— Вѣчно всѣмъ недовольна! говорила Юленька:—чего жъ тебѣ хочется?

— Чтобы меня оставили въ покоѣ!

— Безчувственная! безчувственная! стонала Анна Михайловна.

Инна поблѣднѣла, и выпрямилась.

— Анна Михайловна! сказала она:—вы одному человѣку отравили жизнь, удовольствуйтесь! Меня вамъ не свалить. И пошла изъ комнаты.

На порогѣ ея кабинета, встрѣтилъ ее Авенировъ, забившійся туда отъ сцены.

— Инночка! отъ тебя-то ужь я этого не ожидалъ.

— Чего? Что эти бури въ стаканѣ воды меня когда-нибудь взбѣсятъ?

— Не то, Богъ съ ними! Ты и меня забыла съ этимъ проклятымъ графомъ! Ѣсть хочется!

— Пойдемъ, я тебѣ сдѣлаю вареники....

— Душечка, прикажи Горпинѣ!

— Нѣтъ, я сама, сама!

— Иночка, вѣдь.... какже....

— Ну?

— Вѣдь ихъ въ ротъ нельзя будетъ взять!

— Lara, ici! крикнула Инна, схватила тяпку и выбѣжала въ садъ.

IV. Товарищи.

На одной изъ лучшихъ улицъ уѣзднаго городка стоялъ домъ дворянскаго предводителя. Выстроилъ онъ его по поводу новой должности и давалъ балъ по случаю своихъ именинъ. Это и было причиной скораго возвращенія Горобцовъ: имъ надо было готовить наряды.

Громадное трехъ-этажное зданіе, въ глубинѣ двора-не-двора, сада-не-сада, глядѣло на улицу сквозь вызолоченную рѣшетку. Широкія плитныя дорожки или полукругомъ отъ подъѣзда къ двумъ воротамъ. Надъ антре, украшеннымъ колоннами и капителями іонійскаго ордена, поднималось нѣчто въ родѣ индійской пагоды съ чернымъ циферблатомъ, а еще выше шпицъ съ гербовымъ флагомъ. Справа, ни къ селу, ни къ городу, прилѣпилась хрустальная оранжерея. Кирпичнаго цвѣта стѣны пестрѣли бѣлыми лѣпными украшеніями. На ступенькахъ крыльца лежали два льва съ черными гривами, а по куртинамъ двора, межъ кустовъ сирени, торчали деревянныя статуи тѣлеснаго цвѣта съ зелеными листочками. Вечеромъ, подъѣздъ и дворъ освѣтились плошками, а деревья разноцвѣтными фонариками.

— Magnifique! magnifique! восхищалась губернаторша, выпархивая изъ кареты и щурясь передъ фронтономъ.

— Шестьдесятъ тысячъ серебромъ сталъ, ваше превосходительство, сообщалъ хозяинъ, ведя ее подъ руку на крыльцо. Кареты то и дѣло мелькали свѣтлыми полосами фонарей.

Дамы спѣшили черезъ освѣщенныя, окуренныя залы въ

уборную, тумя шелковыми платьями. Небольшая кучка офицеровъ и львовъ губернскаго общества, съѣхавшаяся на праздникъ, держалась въ сторонѣ отъ прочихъ. Военные горделиво натягивали лайковыя перчатки и пришелкивали шпорами. Но когда вошелъ весь въ золотѣ гродненскій гусаръ, и они посторонились.

— Что, видно прогрессъ прогрессомъ, а гусаръ гусаромъ, острился гимназистъ, племянникъ Конона Терентьича, извѣстный въ свѣтѣ, къ крайнему его прискорбію, подъ именемъ нигилиста-Коли.

— Ужь вы до чего-нибудь договоритесь, замѣтилъ ему другой острякъ посолиднѣе.

Въ уборной происходила конференція о томъ, кому открыть балъ.

— Конечно гусару, съ твердымъ убѣжденіемъ высказалась одна дама, отряхая пышное гласе.

— Qu'est ce que c'est qu'un гусаръ? возразила другая:— c'est pour ainsi dire метеоръ, мелькнулъ и нѣтъ его; а графъ здѣшній...

— Конечно, конечно! живо заговорила третья, отвертываясь отъ зеркала:—изъ графа легко сдѣлать гусара, а изъ гусара графа не сдѣлаешь...

— А какой онъ оригиналъ! Вообразите, силою врывается въ дома!

— Э, полноте, отъ кого вы это слышали?

— Мнѣ говорила Дарья Дмитріевна, а ей по секрету сказывала Анна Михайловна...

— Ну, куда жь вы годитесь съ вашею Дарьей Дмитріевной; мнѣ сама Анна Михайловна...

— Уйдемъ, ma chère, ради Бога уйдемъ, говорила одна молоденькая дама другой: — а то пожалуй опоздаемъ...

Муцины тоже находили, что графъ заявилъ себя нѣсколько страннымъ образомъ. Всѣ ожидали, что онъ сформируетъ вокругъ себя партію въ чаяніи будущихъ выборовъ.

— Подобно тому, какъ ни одно порядочное свѣтило не обходится безъ спутниковъ, говорилъ мѣстный философъ:—я не говорю о сволочи въ родѣ Меркурія. И что же? Вдругъ такое равнодушіе! До сихъ поръ ни у кого не былъ.

Вотъ почему, какъ только появился графъ, во всѣхъ кружкахъ поднялись толки о его наружности. Въ его костюмѣ не

было ничего лишняго, ни одного бриллианта, ни одной брелоки; только бѣлье необыкновенной бѣлизны и атласистое сукно бросались въ глаза. Вошелъ онъ какъ будто въ свой кабинетъ, отыскалъ глазами хозяйку, и представясь ей довольно холодно, отошелъ къ окну поставить шляпу. Нѣсколько минутъ спустя, хозяинъ, съ подобострастною улыбкой, просилъ его открыть балъ.

Сколько сердецъ забилось въ ту роковую минуту, когда Бронскій пристегнулъ на одну пуговицу свой фракъ и медленно пошелъ къ хору, отыскивая достойную жертву.

Русановъ пріѣхалъ съ дядей. Старика тотчасъ завербовали въ ералашъ, а Русановъ, остановясь у дверей, обвелъ залу взглядомъ, подошелъ къ Юленькѣ и столкнулся съ Бронскимъ.

— Владиславъ! Здравствуйте! вскрикнулъ онъ.

Бронскій поклонился и протянулъ руку.

Русановъ пошелъ дальше.

— Что жь вы хотѣли представить меня Доминову, сказалъ онъ, столкнувшись съ Ишимовымъ: — онъ, говорятъ, здѣсь.

Они пошли въ дальнія комнаты къ зеленому столу, за которымъ предсѣдательствовалъ молодой человѣкъ, очень красивой наружности, съ живыми карими глазками, крошечнымъ крестикомъ въ петличкѣ и бакенбардами en côtelettes.

Ишимовъ почему-то сробѣлъ передъ своимъ пріятелемъ и пробормоталъ что-то о государственной службѣ.

— Не понимаю, лаконически отвѣтилъ тотъ.

— Я желалъ бы съ вами служить, вмѣшался Русановъ:— Акиндинъ Павловичъ далъ мнѣ надежду, что вамъ это не будетъ не пріятно.... Кандидатъ Русановъ, поспѣшилъ онъ прибавить, видя, что Ишимовъ вкатилъ его въ не совсѣмъ красивое положеніе.

— Charmé, сказалъ Доминовъ:—Король самъ другъ и не беретъ!.. У меня есть вакансія... Я запишу за вами три взятки... Пріѣзжайте послѣзавтра ко мнѣ; очень радъ!

Русановъ подсѣлъ къ дядѣ и сталъ смотрѣть на игру.

— Голова онъ у меня,хвастался старикъ,—административная! Въ министры мѣтитъ, бестія! Нечего на ноги-то ступать, вѣдь мѣтишь?

Русановъ сталъ бродить по залѣ, прислушиваясь къ

толкамъ. Всѣ были въ восторгѣ отъ графа. Губернатору онъ помогъ счесть выигрышъ; въ мужскомъ кружкѣ разказалъ самый свѣженькій скандальчикъ; ни одной дамы не оставилъ своимъ вниманіемъ. Наконецъ Русановъ ушелъ отъ нестерпимой духоты въ боскетную. Тамъ, въ глубинѣ трельяжа изъ тропическихъ растеній, стояло маленькое голубое пате, слабо освѣщенное малиновымъ фонарикомъ. Онъ помѣстился на немъ и сталъ отмахиваться платкомъ. Сперва онъ думалъ объ Иннѣ. Потомъ его заинтересовала мысль, что ему какъ будто скучно безъ нея; онъ искалъ, на комъ-бы изъ присутствующихъ остановиться, есть ли тутъ хоть одна сродная ему личность; и все глубже давало себя чувствовать одиночество. Даже Бронскій, старый товарищъ, и тотъ не выказывалъ особенной радости при свиданіи. „Иночка помѣшалась,“ пролетѣло въ ушахъ Русанова. Онъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться. Ишимовъ усаживалъ Анну Михайловну такъ близко отъ Русанова, что между ними оставался только трельяжъ.

— Неужели? говорилъ Ишимовъ:—а впрочемъ она ведетъ такую странную, созерцательную жизнь, долго ли до бѣды...

— Именно. Не говоря ужь объ огорченіи видѣть ее въ такомъ положеніи, съ ней жить опасно! У ней раздражительность какая-то стала показываться.

— О, въ такомъ случаѣ, ее слѣдуетъ удалить, нельзя же жертвовать своимъ спокойствіемъ!

— Да, какъ же это сдѣлать? Что скажутъ? Имѣніе это вѣдь ея, материнское; она скоро выходитъ изъ-подъ опеки..

— Надѣюсь, дружескія отношенія даютъ мнѣ право быть вамъ полезнымъ. Позвольте мнѣ за это взяться. Я приглашу доктора, мы побесѣдуемъ съ ней, и если окажется серіозное поврежденіе...

— Ну-те?

— Можно представить предводителю о неспособности ея управлять имѣніемъ, освидѣтельствовать на законномъ основаніи...

Русановъ торопливо прошелъ залу, сказалъ дядѣ, чтобы тотъ о немъ не безпокоился и сталъ пробираться сквозь хитрѣйшій rond, который выдѣлывали пары подъ предводительствомъ графа.

— Ахъ! крикнула одна дама, замотавшись. Русановъ

подхватилъ ее, думая что съ ней обморокъ. Она глядѣла черезъ плечо; весь задъ платья, оторванный отъ лифа, спустился и открылъ бѣлыя юпки.

— Извините, бормоталъ сконфуженный Коля.

— Медвѣженокъ!

Тотъ проворчалъ что-то и пошелъ было.

— Что такое? сказала та, поднявъ носикъ.

— Я говорю, вольно жь вамъ такіе шлейфы отращивать, что ходить нельзя...

— Да какъ вы смѣете? Дерзкій мальчишка!

— А вы синица долгохвостая!

— Г. Горобецъ, извольте отправиться въ гимназію и объявить дежурному надзирателю, что вы мною арестованы въ карцеръ, сказалъ подошедшій инспекторъ губернской гимназіи.

— Позвольте вамъ замѣтить, господинъ Егоровъ, отвѣтилъ нисколько не смутившись юноша,—что вы мой начальникъ только въ зданіи гимназіи, а здѣсь такой же гражданинъ, какъ и я.

Разстроившійся rond собрался вокругъ спорившихъ.

— Что такое? Что такое? раздавались голоса.

— Ну всѣ на одного, кричалъ разгорячившійся питомецъ гимназіи:—милости просимъ, я давно до васъ добирался.

— А вотъ я тебѣ уши выдеру, не стерпѣлъ инспекторъ.

— Прошу рукамъ воли не давать, отвѣтилъ тотъ, взявшись за стулъ: сами прозвали нигилистомъ!

— Вотъ они вредоносные-то плоды литературы, вмѣшался старый чиновникъ.

— Это вы говорите потому что я васъ въ вѣдомостяхъ обличилъ, да еще въ воровствѣ?

— Il est poli ce petit bonhomme! Нечего сказать, слышались женскіе голоса.

— Это вы говорите оттого что я не хочу съ вами ногъ вывертывать какъ ученая собачка, или оттого что у васъ подъ шляпками вмѣсто мозговъ цвѣты на сажень торчатъ?

— Позвольте васъ спросить, милостивый государь, гдѣ вы воспитывались? сказалъ Бронскій подойдя въ свою очередь..

— [redacted]вьте его, шепнулъ Доминовъ:—это забавно.

— Нѣтъ, онъ можетъ повредить... также полушепотомъ отвѣчалъ Бронскій.

— Наше поколѣніе само себя воспитывало, продолжалъ Коля.

— И съ перваго раза поретъ дичь, спокойно возразилъ Бронскій.—Что это за ваше поколѣніе? Развѣ не каждую минуту люди родятся?

— Браво! Браво! раздалось вокругъ.

— Что тутъ значатъ лѣта? Тутъ важны одинаковыя убѣжденія...

— Значитъ, ничего не признавая, признаемъ классификаціи, признаемъ убѣжденія...

— А да чортъ васъ побралъ бы, крикнулъ гимназистъ и улизнулъ изъ залы.

— Молодецъ, графъ, не вынѣшнимъ чета! замѣтилъ солидный господинъ, съ большимъ интересомъ слѣдившій за этимъ объясненіемъ.

— Знай нашихъ! восхищался Ишимовъ.

Между тѣмъ хозяинъ подошелъ къ Бронскому и подалъ ему записку.

— Къ вамъ изъ Ильцовъ съ нарочнымъ, сказалъ онъ.

Графъ, болтая съ Юленькой, хотѣлъ положить ее въ карманъ, взглянулъ на печать, чуть примѣтно сдвинулъ брови и отошелъ къ карсели. Между тѣмъ предводительша, велѣвъ музыкантамъ дать сигналъ мазурки, слѣдила за своимъ кавалеромъ. Бронскій разсѣянно подошелъ къ окну, взялъ шляпу, и съ письмомъ въ рукѣ вышелъ изъ залы, какъ человѣкъ, у котораго одна мысль поглотила всѣ другія.

Собравшіеся въ кружокъ зрители съ нетерпѣніемъ дожидались мазурки; всѣмъ хотѣлось видѣть настоящаго мазураста. Предводительша послала Ишимова узнать, что же наконецъ сдѣлалось съ графомъ. Тотъ вернулся и объявилъ, что графъ уѣхалъ.

— Какъ? не извинившись? Должно быть какой-нибудь несчастный случай.

— Да вѣдь у отца подагра, что жь мудренаго!

На крыльцѣ Бронскому попался разстроенный Русановъ.

— Я ищу, не ѣдетъ ли кто домой. Нельзя ли вамъ взять меня?

— Къ себѣ?

— Нѣтъ только до Нечуй-Вѣтера; это по дорогѣ.

— Поѣдемте.

Погода стояла сырая, ночь темная; бывшіе товарищи прижались каждый въ свой уголъ и коляска покатилась.

— А вѣдь эта Юленька очень не дурна, сказалъ графъ.

— Да, глупа только больно.

— Это-то и хорошо; залежь, новинка; что посѣешь, то и выростетъ.

— Пожалуй чертополохъ выростетъ...

— И то добре, нехотя отвѣтилъ Бронскій.

Русановъ сталъ закуривать папиросу и освѣтилъ лицо графа. Брови сдвинуты, губы стиснуты, глаза глядятъ жестко.

— Вы все такой же, Владиславъ! Вотъ вы опять утонули въ мечтахъ; когда-то вы ихъ приложите!

— А вы свои приложили?

— Да, помните, какъ мы, разставаясь на станціи, пили наше вступленіе въ жизнь? Съ завтрашняго дня я столоначальникъ гражданской палаты.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, сказалъ графъ, отодвигаясь. Русановъ расхохотался.—А дорого вы заплатили за это мѣстечко? прибавилъ Бронскій.

— Мнѣ его далъ Доминовъ.

— Протекція, понимаю. Ну вамъ не поздоровится съ такимъ начальникомъ!

— Это отчего?

— Да такъ, видна птица по полету. Онъ, должно-быть, изъ нашихъ.

— Нѣтъ, Бронскій, давайте намъ побольше такихъ вашихъ.

— Да вы разсмотрѣли чѣмъ у него шарфъ заколотъ? Какъ вы думаете, что значитъ этотъ золотой топорикъ?

— Ахъ, Бронскій Бронскій!

— Ахъ, Русановъ! Русановъ!

У околицы хуторка товарищи разстались. Графъ велѣлъ кучеру не щадить лошадей и скоро остановился у подъѣзда великолѣпнаго замка. Онъ проворно выскочилъ изъ экипажа и взбѣжалъ по чугунной лѣстницѣ.

— Если отецъ спроситъ, сказалъ онъ встрѣтившему его лакею:—я легъ спать.

Въ кабинетѣ у затопленнаго камина сидѣлъ человѣкъ въ дорожномъ платьѣ. На полу валялись плащъ, войлочная шляпа и сѣдло. Рѣдкіе длинные волосы съ серебристыми нитями сѣдины на вискахъ, пыльное, помятое лицо и густая

борода странно противорѣчили блестящимъ черкымъ глазамъ и почти пѣвучему голосу. Подъ вѣками рѣзко выступали отеки, широкія морщины прорѣзывали лобъ, но все лицо имѣло въ себѣ что-то привлекательное. Такъ и хотѣлось сказать, взглянувъ на него: „Ухъ, братъ! да какъ же ты здорово покутилъ на своемъ вѣку! Ну да былъ молодцу не укоръ: не дешево оно и досталось тебѣ сердечному.“

Онъ приподнялся было на встрѣчу графу, но тотчасъ опустился опять и только протянулъ руку.

— Я совсѣмъ разбитъ, сказалъ онъ:—такая варварская дорога!

— Какъ вы провезли такую кучу, спрашивалъ Бронскій, разбирая на столѣ бумаги.

Тотъ указалъ на распоровное сѣдло, протянулъ ноги на рѣшетку догоравшаго камина и впалъ въ какую-то истому, тупо глядя на красненькіе и синенькіе огоньки, перебѣгавшіе по головешкамъ.

Графъ снялъ со стѣны географическую карту, углубился въ бумаги, чертя карандашемъ, справляясь съ картою и ворочая листы.

— Чудная сторона, Леонъ, сказалъ графъ, отрываясь отъ занятій:—и все это наша земля...

— Пожалуй, что и наша; я по крайней мѣрѣ знаю здѣсь каждый кустикъ.

— Вы развѣ здѣсь бывали?

— Я здѣсь родился. Было время весь этотъ край на два дня ѣзды собирался подъ бунчуки моего пращура. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Пращуръ мой захохоталъ бы и плюнулъ, глядя на щедушнаго потомка. А что въ свѣтѣ дѣлается?

— Ничего, пока все обстоитъ благополучно. Намъ не мѣшаютъ. Я теперь у нихъ божкомъ.

— Хорошо у васъ, графъ, говорилъ Леонъ, съ наслажденіемъ потягиваясь въ креслѣ:—давно я не бывалъ въ такомъ пріютѣ... Вспоминаются дѣтскіе года. Мнѣ и въ голову не приходило тогда, что зачастую придется кочевать то въ грязной корчмѣ, то въ пустой ригѣ, а то и въ степи подъ дождемъ.

— Однако вы вдаетесь въ элегію, а тутъ вотъ новости поинтереснѣй: работы предстоитъ порядочно...

— Хорошо вамъ и работать-то!

Часовая стрѣлка показывала уже четыре по полуночи. Леонъ спалъ, тяжело дыша и вздрагивая во снѣ; а графъ все сидѣлъ за бумагами; онъ налилъ себѣ стаканъ вина, оставшагося отъ ужина, и опять углубился въ свои занятія.

V. Нежданый гость.

Грицько, краснощекій парень, никогда не зналъ что̀ за штука сапоги; ходилъ онъ въ цвѣтной жилеткѣ съ мѣдными пуговками поверхъ бѣлыхъ портъ и рубахи. Онъ отличался самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ: лицо всегда гладко какъ только что выстроганная доска; сообразить что-нибудь для него было труднѣй всякаго дѣла. Напримѣръ: у Горобцевъ было заведено, чтобы дрова лежали въ сѣняхъ, вотъ и говоритъ Анна Михайловна: „Принеси дровъ...“—„Дровъ?“—„Да, дровъ...“—„Изъ сѣней?“ — „Изъ сѣней“— „Заразъ“, тянетъ Грицько, точно родитъ свое слово. Ему, какъ и панночкѣ, очень пріятны были тѣ дни, которые Горобцы проводили въ городѣ: онъ могъ спать сколько угодно.

„Оть коли-бъ ще и вченья не було,“ думалъ онъ, доѣдая остатки панночкина обѣда. Однако дѣлать нечего: собралъ онъ свои книги, и вышелъ на крыльцо.

— Эге, се жъ вы и пріихали! сказалъ онъ, увидавъ Русанова.

— А гдѣ панночка? спрашивалъ тотъ.

— У школѣ, дѣтей учитъ.

— А у васъ есть школа? Гдѣ жь она?

— А ось де.

Русановъ пошелъ за нимъ въ садъ и невольно залюбовался. На порогѣ старой, полуразвалившейся бесѣдки сидѣла Инна съ аспидною доской на колѣняхъ. Вокругъ нея крестьянскіе ребятишки въ рубашонкахъ, въ плахтахъ, иной въ отцовскихъ чоботахъ, кто стоя, кто сидя на травѣ, всѣ съ дешевыми букварями Золотова. Одинъ мальчуганъ, лежа на брюхѣ, старательно выводилъ графелемъ оники, при чемъ помогалъ себѣ языкомъ, высовывая его на сторону. Передъ панночкой стояла дѣвочка лѣтъ десяти, и опершись одною рукою на голову тутъ же засѣдавшаго

Лары, повторяла склады: „кри-ни-ца“, „кре-са-ло“, „ка-га-нецъ“ писанные на доскѣ.

— Вотъ совершенно своеобразная школа, сказалъ Русановъ, подходя.

— Надѣюсь не то что ваши воскресныя, гдѣ учителя на вы съ учениками! За то какъ они у меня читаютъ! Ты лѣнтяй, обратилась Инна къ Грицько,—вѣчно къ самому началу поспѣетъ! Ну, армія въ походъ, веселѣй, сказала она, одѣляя дѣтей вишнями:—завтра хорошенько уроки готовить.

Армія не ударила лицомъ въ грязь, и выступила въ разсыпную съ пѣснями, криками, какъ было приказано. Лара кинулся со всѣхъ ногъ въ догонки.

— Что жь васъ вчера не было?

— А демократія-то эта съ кѣмъ бы осталась? Намъ здѣсь веселѣй!

— Я вѣдь къ вамъ по дѣлу...

— А вотъ не хотите ли прежде сдѣлать со мной обходъ по деревнѣ?

— Куда угодно.

— Ну, и прекрасно.

Она привела его въ свою комнату, достала изъ коммода баночку съ мазью, какую-то стклянку, нѣсколько тряпокъ.

— Держите, передавала она Русанову все это; потомъ отворила кранъ Либиховскаго аппарата, гдѣ готовился лимонадъ, наполнила графинъ и также передала ему.

— Несите за мной и постарайтесь не пускать въ ходъ извѣстной вашей ловкости...

— Посѣщеніе болящихъ?

— Да; чему же улыбаться-то? строго спросила она, накинула тляпку и пошла по улицѣ.

Вошли они въ грязную, темную хату; нестерпимая духота и вонь, какъ въ хлѣву, сразу ошибли Русанова, такъ что онъ пріостановился на порогѣ. Про всемъ томъ стѣны были чисто выбѣлены, въ печи виднѣлось нѣсколько горшковъ, и даже надъ божницей висѣло ожерелье изъ маленькихъ красныхъ тыквъ. На пологѣ подъ овчиннымъ тулупомъ охалъ старикъ.

— Що вінъ? спросила Инна у старухи, вѣроятно жены больнаго.

— Та же нездужае, * зовсѣмъ смерзъ...

— Замерзъ, подумалъ Русановъ съ удивленіемъ.

Инна пощупала пульсъ у больнаго, передала старухѣ стклянку и проговорила со вздохомъ: „давай, какъ прежде“.

— Ничего нельзя сдѣлать, грустно говорила она Русанову на улицѣ,—старику скоро девяносто лѣтъ, это просто дряхлость; а все не хочется умирать! Удивительно!

— Это ужасно, говорилъ Русановъ, гдѣ жь она хваленая опрятность Малорбсса? Надо во что бы то ни стало развить эстетическія наклонности въ народѣ...

Проговоривъ это, Русановъ засмѣялся. Инна такъ свистнула, что хоть любому ямщику.

— Каково жь это! Эстетику проповѣдуетъ... Да у насъ бабки повивальной нѣтъ во всемъ околоткѣ! Эстетику! Вы бы хоть Ивана Купалу изъ головы ихъ выбили, и то большое спасибо можно сказать; а то вотъ не угодно ли полюбопытствовать, какъ у насъ слушаются запрещенія начальства прыгать черезъ огонь? ** сказала Инна, отворяя дверь въ другую хату.

На соломѣ лежала молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати двухъ, съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Большіе на выкатѣ голубые глаза ея съ безпредѣльнымъ изумленіемъ окинули вошедшихъ, и остановились на Иннѣ. Странная улыбка скользнула по губамъ, и лицо спряталось въ подушку.

— Не бійсь, Посмитюха; это я, а се братікъ мій, говорила Инна.

Дѣвушка тихо подняла голову и улыбнулась подсѣвшей къ ней Иннѣ, поглядѣла ей въ глаза, погладила по головѣ.

— Я тебе люблю, проговорила она тихимъ протяжнымъ голосомъ, достала изъ-за пазухи два яблока и подала Иннѣ. — Тото кислыя; я знаю, ты любишь кислыя... Что жь ты долго не приходила? Гдѣ была? Тамъ?

Дѣвушка махнула рукой на окно и улыбнулась.

Лѣтъ пять назадъ, позднею осенью, пошли крестьяне обмолачивать хлѣбъ и нашли забившуюся въ скирду дѣвочку. Она дрожала въ одномъ пончевномъ сарафанишкѣ и на всѣ ихъ разспросы только отмахивалась руками, да

* Болѣнъ.

** Обычай прыгать черезъ костры въ ночь на Ивана Купалу, не смотря на запрещеніе, сохраняется во всей первобытной чистотѣ.

улыбалась, потомъ вскочила и пропала въ садахъ. На другое утро опять въ скирдѣ. „Возьмить ii, тетко Маруся, въ васъ нема дѣтокъ," порѣшили люди. Вдова взяла ее къ себѣ, отогрѣла, накормила и вечеромъ, присѣвъ къ постели новой питомицы, стала ей шить плахту. На утро постель оказалась пустою; потолковали люди, погорѣвала тетка Маруся „ну, знать така ii доля". Глядь! къ ночи идетъ бѣглянка къ Марусѣ, сѣла за столъ, вечеряетъ. Такъ и прижилась на хуторѣ; помѣщики выхлопотали ей видъ, и люди всѣ къ ней привыкли. Бывало, мужикъ рубитъ дрова въ лѣсу, начинаютъ на него сыпаться жолуди; онъ такъ и знаетъ, что это „Посмитюхо" взлѣзла на дерево, и только крикнетъ: „а ну, кажи ліку *, не ховайсь". Изъ зелени покажется смѣющееся личико и опять спрячется. Часто мельникъ, неся кули по лѣстницѣ, заставалъ ея на самомъ верху. Она выскакивала изъ темнаго угла и съ хохотомъ пробѣгала мимо его. „Бачъ бѣсівска дѣвчина, якъ злякала" **, говорилъ онъ, выглядывая въ окно; и бѣсівска дѣвчина съ ловкостью бѣлки проскакивала взадъ и впередъ межь вертѣвшихся крыльевъ вѣтряка. А тамъ опять пропадетъ дня на два, на три. Такъ и не добились люди, „чья вона така, вiткiля". Говорила она какимъ-то смѣшаннымъ нарѣчіемъ: и русскія, и малорусскія, и вовсе непонятныя слова. Пытались учить ее хозяйству. Старая Маруся подзоветъ ее бывало, и долго толкуетъ какъ хлѣбы мѣсить; та стоитъ, смотритъ, поворачивая голову съ боку на бокъ, улыбаясь,—вдругъ щелкнетъ пальцами, прыгнетъ на порогъ; только ее и видѣли. А какъ осенью налетаютъ маленькія пичужки, называемыя въ народѣ „посмитюхами", и бѣгаютъ по грязи съ маленькимъ писком, кивая на ходу бѣленькими головками, то хуторъ такъ и прозвалъ ее „Посмитюхой".

— Ну теперь покажи ногу, говорила Инна,—что, небого, небось упрыгалась.

Посмитюха выставила изъ-подъ одѣяла обернутую въ холстъ ногу. Инна стала ее разбинтовывать. Русановъ тоже подошелъ, но не могъ удержать конвульсивную гримасу, увидавъ на грязномъ тѣлѣ красную рану обжога.

---

* Лицо.

** Съ польскаго — испугала.

— Дайте мазь; да не падайте въ обморокъ, сказала Инна, замѣтивъ его отвращеніе, и принялась намазывать на тряпки.

— Вотъ это ей питье, передала она Марусѣ графинъ:—да не давайте ей вставать; разбередитъ, такъ и безъ ноги останется... Ну, теперь я къ вашимъ услугамъ, обратилась она къ Русанову, и взявъ его подъ руку, вышла на улицу.

— Однако, сказалъ-тотъ,—нужно много смѣлости, чтобы брать на себя отвѣтственность въ такихъ важныхъ, случаяхъ, гдѣ и докторъ не всегда успѣшно дѣйствуетъ...

— Вопервыхъ народъ докторамъ не вѣритъ, а я еще и не на такія штуки поднимаюсь. Какъ-то тутъ обварили мальчика кипяткомъ; вся кожа со спины слѣзла; докторъ приказалъ обложить ватой; стали прикладывать—кричитъ проситъ холодной воды. Я его посадила въ ванну—боль унялась; какъ только вышелъ, опять кричитъ. Такъ я его цѣлую недѣлю въ ваннѣ и продержала, а потомъ ceratum simplex, и какъ рукой сняло.

— Какъ вы должны быть счастливы въ такія минуты, восторженно сказалъ Русановъ, пожимая ея руку.

— Вы думаете? задумчиво проговорила она, и вдругъ, что всегда поражало Русанова, голосъ ее зазвучалъ нотой, близкою къ отчаянію.—Все безполезно! Все напрасно! Ни къ чему не ведетъ...

— Ну, сказалъ Русановъ, — такъ вотъ о чемъ я пріѣхалъ говорить; я вчера подслушалъ заговоръ...

— Вотъ какъ! Я замѣчаю, это у васъ обращается въ привычку...

— И прекрасно, сказалъ онъ,—это касается васъ...

— Тѣмъ хуже, я и слушать не хочу; если вы заговорите, я убѣгу; а вамъ меня не догнать...

— Но, послушайте, сказалъ Русановъ, засмѣявшись этому тровожному потоку словъ:—если вамъ будетъ бѣда, или по крайней мѣрѣ большая непріятность...

— Вамъ-то какое дѣло?

Онъ потупился было, но тотчасъ же поднялъ на нее глаза.

— Не смотрите на меня такъ пристально, проговорилъ онъ:—я не могу привыкнуть къ вашему взгляду.

— Ага, то-то!

— Да вѣдь больно, коли ни за что, ни про что не довѣряютъ...

— Ну, миръ, сказала Инна, подавая ему руку:—это у меня тоже дурная привычка; теперь мнѣ ужь трудно отстать, не обращайте вниманія. Одно только скажите, кто это злоумышляетъ противъ меня?

Русановъ назвалъ мачиху и Ишимову.

— Достойные союзники! Желала бы я знать что я имъ сдѣлала?

Они шли нѣсколько времени молча.

— Когда-то и я жила въ вашемъ свѣтѣ; опротивѣло мнѣ, заперлась дома; и тутъ страхи да ужасти! Куда жь бѣжать? На какой благодатный островъ? Впрочемъ, что-жь это я васъ поучаю... Вамъ еще жить хочется.

— Я думаю, возразилъ Русановъ.

— А все хотя изъ любопытства желательно бы знать, что это васъ такъ привязываетъ къ жизни?

— Развѣ у меня не можетъ быть привязанности?

— У васъ? Полноте!

— Вы думаете, я не способенъ?

— Вы? Полноте!

— Инна Николаевна! Вы вотъ смотрите на меня, да только и говорите, что полноте; а есть ли какая-нибудь возможность выдаваться такъ чтобы вы этого не сказали? Чѣмъ же я виноватъ, что это случается только въ романахъ, да еще въ тѣхъ что Бѣлинскій велитъ Ванькѣ по субботамъ читать...

— Не горячитесь, подите! Какое у васъ смѣшное лицо!

— Ну, вотъ видите!

— Что видѣть-то? Вовсе не то. И теперь можно; только это труднѣй чѣмъ боксомъ дѣйствовать...

— Мы когда-нибудь поговоримъ объ этомъ, а теперь....

Онъ началъ отвязывать отъ крыльца свою лошадь;—я завтра уѣзжаю въ губернію ...

— Что у васъ служба, что ли?

— Служба. Прощайте, сказалъ онъ, взявъ ее руку,—вспоминайте иногда, а я....

Она посмотрѣла на него серіозно.

— Я все-таки лучше объ васъ думала, тихо проговорила она.

— Какъ такъ? озадачился онъ.

— Я не думала, чтобъ и вы пошли по избитой колеѣ. Неужели нельзя пробить свою тропинку?

— Вотъ что! Ну это точно, какъ вамъ сказать вѣрнѣе, выше или ниже силъ... Помните, Лермонтовъ говоритъ, что живетъ, точно читаетъ дурной переводъ книги, послѣ оригинала? Да, горько, когда жизнь разбиваетъ всѣ мечты, а намъ и того хуже; мы опытны....

— То-есть?

— То-есть, у насъ и мечты-то никакой нѣтъ, нечѣмъ и въ молодости-то было скрасить дѣйствительность.

— А лазѣйку нашли, гдѣ можно ничего не дѣлать? Странно!

— Инна Николаевна, да кто жь мнѣ мѣшалъ жить въ Москвѣ, сложа руки? Тамъ у меня и домъ есть и доходъ порядочный. Нѣтъ, это мое убѣжденіе, только такъ и можно что-нибудь сдѣлать; все остальное безсильно....

— Ну, помогите мнѣ написать въ *Искру* стихи. Начнемъ такъ:

Не хочу я служить Аполлону,
Навѣваетъ онъ дикую чушь,

а окончимъ:

И въ объятья слѣпыя Ѳемиды
Отдаюся горячей душой.

— Некогда, некогда, говорилъ Русановъ, усаживаясь на дрожки.

— Пхе! подумала Инна, глядя ему вслѣдъ.—И у этихъ добровольныхъ бываютъ вспышки! Тоже, поди, чай и любовишка есть, и честишка водится; и проживетъ, не пропадетъ.“

Вечеръ былъ душный, солнце садилось въ сухомъ туманѣ, называемомъ у мѣстныхъ жителей вьюгой. Черное облако мошкары вилось высоко надъ деревьями. Инна подсѣла къ окну и развернула книгу, но ей не читалось. Мысли, одна другой безотраднѣй, шли водоворотомъ въ головѣ. Наканунѣ у ней опять была стычка съ Анной Михайловной. Той почему-то хотѣлось, чтобы падчерица ѣхала на балъ. Стали одѣваться; то не такъ, другое не такъ, ничего ты не умѣешь сдѣлать. Принесли раскаленныя щипцы, и хотѣли припекать ея волосы. Она вскочила со стула и наотрѣзъ отказалась отъ поѣздки. Зачѣмъ чужой хлѣбъ отбивать? Безъ меня много найдется тряпичницъ. Анна Михайловна не замедлила

принять это на свой счетъ, и пошла потѣха. Все это было очень смѣшно, но тѣмъ не менѣе невыносимо; цѣлая жизнь впереди съ періодическими грибными дождями. Продать имѣніе? Уѣхать? Но куда же? Будетъ ли она кому-нибудь нужна? А здѣсь все-таки что-нибудь есть, да и привыкла она.... Утомленная безконечною вереницей предположеній, она задремала и погрузилась въ то полусладкое, полуапатическое забытье, которое всегда слѣдуетъ за головною бурей. Часы мѣрно постукивали маятникомъ, сверчокъ уныло покрикивалъ въ печкѣ. Лара протяжно храпѣлъ, взлаивая во снѣ и перебирая лапами по ковру. Вдругъ ей почудилось, кто-то пробѣжалъ подъ окномъ и что-то упало ей на колѣни. Она открыла глаза и удивилась, что такъ долго проспала. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло, на платьѣ у ней лежала записка.

„Что за нѣжности въ деревнѣ?“ подумала она, зажигая свѣчу, и пробѣгая начерченные карандашемъ строки. Вдругъ она поблѣднѣла, схватила свѣчу, проворно обѣжала комнаты и опрометью пустилась назадъ. „Онъ! Онъ!“ шептала она, прислонясь къ окну и колеблясь, какъ бы собирая силы; потомъ три раза хлопнула въ ладоши.

Въ темныхъ кустахъ послышались торопливые шаги; человѣкъ, закутанный въ плащъ, перелѣзъ подоконникъ и подошелъ къ ней. Она кинулась къ нему на шею, несвязно лепеча: „Леня!.. Ты!.. Милый ты мой!“ Онъ поцѣловалъ ее съ нѣжностію; по щекѣ его катилась слеза. Водолазъ поднялся съ ковра, съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нихъ, и глухо зарычалъ, не зная, на что рѣшиться.

— Лара! окликнулъ Леонъ.

Собака насторожила уши, скосила голову на бокъ и вглядывалась.

— Лара, Лара! убѣждалъ тотъ.

Водолазъ обнюхалъ его, кинулся лапами на плеча и лизнулъ его въ лицо, махая хвостомъ. Потомъ, будто дѣло сдѣлалъ, улегся у ногъ и сталъ глядѣть въ глаза.

Леонъ обернулся къ Аннѣ; тихая радость разлилась по его лицу. Она усадила гостя и обвила его шею руками.

— Живъ? Здоровъ? заглядывала она ему въ глаза.

— Какъ видишь....

— Негодный, въ два года ни строчки.... Я даже завираюсь отъ радости, а право я думала, ты умеръ....

— Нѣтъ, не умеръ, да что толку....

— Леня, ты все также несчастливъ? Надо чего-нибудь? Денегъ?

— Не нужно ли тебѣ....

— Такъ ты разжился? Милый мой, я все не опомнюсь... Какъ много разказывать!.. Ну, скорѣй.... Какъ живешь, можешь? Гдѣ? Помирился ли? Ну, хоть немного?

— А совѣсть?

— Ну, и славно, Леня, славно! И я не мирюсь.

— Все-таки лучше!

— Ластовка ты моя! Какъ же долго я тебя не видала! И она опять поцѣловала его.

— Какъ ты похудѣла! Они тебя замучаютъ.

— Какже не такъ! Ахъ, Леня, Леня! Гдѣ жь они ти люде, дѣ ти добри, що хотѣлось зъ ними жити, ихъ любити? Какъ это они непримѣтно закутались?

— Милый ты мой сумасбродъ!

— Нѣтъ, давай поговоримъ, какъ въ старину, въ счастливые дни, помнишь? Ты теперь одинъ только и поймешь меня.... Его нѣту....

— Слышалъ, проговорилъ Леонъ опавшимъ голосомъ,—и можетъ-быть.... передъ смертью онъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, быстро перебила она:—онъ простилъ тебя.

— Простилъ? вскрикнулъ Леонъ, и глаза его засверкали:—онъ простилъ меня и за себя, и за тебя?

— Я рыдала передъ нимъ, я умоляла его, не уносить ненависти, хоть къ тебѣ; я ему говорила, что видно ужь не судьба сбыться нашимъ надеждамъ. Я заклинала его смириться передъ этимъ непостижимымъ, чѣмъ-то страшнымъ что все по своему ломаетъ. Отецъ.... Нѣтъ, не могу....

Голосъ ея оборвался, она зарыдала и спрятала голову на груди Леона.

— Ну, полно, полно, говорилъ онъ съ испугомъ, лаская ее.

— Ничего.... оставь.... улыбалась она сквозь слезы.—Мнѣ хорошо. Ты не знаешь, какъ этого давно не было со мной.... Пройдетъ....

— Спасибо тебѣ, говорилъ Леонъ,—и мнѣ теперь легче; лучше о себѣ разкажи; ты вѣдь съ нимъ въ Петербургѣ жила послѣднее время....

— Онъ не могъ выносить этого чистилища. Я съ нимъ

уѣзжала, я и привезла его оттуда въ засмоленомъ гробу. Вотъ онъ тутъ подъ окномъ и похороненъ.

— Ну, будетъ объ этомъ. А твоя комнатка ничуть не измѣнилась, проговорилъ Леонъ, подходя къ комоду,—только вотъ это что-то новое.

Онъ снялъ полотняный чехолъ, подъ нимъ оказался фантомъ человѣка изъ папье-маше, съ красными, синими жилками, бѣлыми нервами.

— Да, это новое, усмѣхнулась она:—это я то же изъ Петербурга вывезла; тутъ вся ихъ и мудрость! Смотри, отойди лучше, того и гляди обругаетъ да еще ударитъ.

Леонъ засмѣялся.

— Да ты не шути этимъ... Я еще и не тому тамъ, въ Петербургѣ, выучилась... Ты можетъ-быть думаешь, что ты свободное существо, а ты просто физико-химическая машина. Что? Небось языкъ хочешь мнѣ высунуть? Какъ же не такъ. Это вонъ электричество изъ той тучи подѣйствовало на твой мозгъ, и онъ передалъ языкоглоточному нерву....

— Инна, что у тебя за порывы? Это меня безпокоитъ, право.

— Ничего, мнѣ давно такъ хорошо не было.... Ты думаешь, я вру? Это не ты думаешь, это фосфоръ въ твоемъ мозгу отдѣляетъ мысль. Что за безобразіе! вскрикнула она, толкнувъ фантомъ.

Тотъ закачался, тяжело стукнулся на комодъ, нѣсколько кусочковъ свалилось на полъ.

— Зачѣмъ же ломать? Вѣдь это, я думаю, дорого?

— Два семейства цѣлый годъ сыты будутъ этою дрянью. Нѣтъ, слушай Леня: въ самомъ дѣлѣ, ѣсть, пить, расти, драхлѣть, разсыпаться, тутъ и все?

— Да будетъ тебѣ....

— Нѣтъ, это трусость, это остатки глупыхъ надеждъ. Стоитъ рѣшиться, да и кинуться.

— Вотъ я и кинулся! Пока ты тутъ съ книгами, да съ этою дрянью возилась, я перебывалъ и въ раскольничьихъ скитахъ, и въ цыганскихъ таборахъ, корчемничалъ, у контрабандистовъ на Прутѣ годъ прожилъ. Что жь ты думаешь, есть въ этомъ хоть капля поэзіи? Сволочь!

— Нѣтъ, Леня, люди правы! Съ нами имъ житья не было

бы. Вспомни ты, кто въ вашей семьѣ кончилъ путнымъ? То энергія безъ удержу, точно нефть горитъ въ жилахъ то апатія до самоубійства, или до сумашествія....

— Не кощунствуй, смѣясь говорилъ Леонъ:—ты и меня въ отчаяніе приведешь.

— О, о! Я еще тебя твоимъ любимымъ вареньемъ угощу.

Она достала банку и, откупоривая, шутливо продекламировала ему: „о, наша жизнь, гдѣ сладко лишь варенье“, „Гдѣ вечеромъ опасно такъ ходить“. Ну, а теперь гдѣ жь ты живешь? „Птичка Божія не знаетъ“...

— Нѣтъ, я почти осѣдлымъ сталъ.

— По какому виду? Или ты ихъ самъ выдаешь?

— Мало ли насъ безвидныхъ-то! Всѣхъ не переловишь; кто поумнѣй и самъ не попадается.

Они стали говорить такъ тихо, что въ комнатѣ стало слышно какъ шелестилъ вѣтеръ въ темной листвѣ сада и тамъ, гдѣ-то въ глуши, перекликались сычи.

VI. Заказъ.

Невесело глядитъ уѣздный городишка южной полосы,— особенно подальше отъ центра его, гдѣ на двухъ, трехъ улицахъ, да на грязной площади сбились присутственныя мѣста, лавки, двѣ церкви, а иногда и одна, и каменные дома зажиточныхъ обывателей. Чѣмъ ближе къ чертѣ города, тѣмъ кривѣй и тѣснѣй становятся улицы; въ дождливую погоду немощеный черноземъ растворяется въ жидкое мѣсиво съ запавшими колеями возовъ. Раздолье цѣлымъ стадамъ свиней, которыя публично занимаются своими дѣлами; хаты покривились, крыши почернѣли, людей не видать. Если невзначай въѣдешь въ предмѣстье, такъ и не узнаешь что̀ городъ. Гремитъ столичная печать противъ татарщины и лѣни провинціаловъ, поучаетъ ихъ дѣятельности, мощенію мостовыхъ, освѣщенію газомъ, посыпанію тротуаровъ пескомъ и разнымъ хорошимъ вещамъ. Сидятъ провинціалы по темнымъ угламъ, охотятся по-праздникамъ на дикихъ утокъ въ чертѣ роднаго города, въ темныя ночи пробуютъ относительную плотность лбовъ и столбовъ, изрѣдко утонетъ какой-нибудь пьяница въ невылазной грязи.

И нѣтъ имъ дѣла до столичной печати, что̀ такъ краснорѣчиво сулитъ журавля въ небѣ.

По одному изъ переулковъ, выходившихъ на живописную природную набережную узенькой рѣчонки, пробиралась старуха, тяжело шлепая по липкой грязи развалившимися башмаками. Крехтя наклонилась она къ землѣ, подняла чурку и морщинистое лицо просіяло. Она положила находку въ фартукъ, юркнула, сгорбившись, въ калитку и вошла въ небольшую комнату, перегороженную еще пополамъ. Молодой парень прилежно строгалъ доску у единственнаго окна и загораживалъ свѣтъ. Старуха завозилась въ печкѣ, шаря по холодному поду. Парень взглянулъ на нее, тряхнулъ подстриженными въ скобку волосами и еще проворнѣе заработалъ фуганкомъ.

— Что̀ жь, матушка? не выгораетъ? спросилъ онъ немного погодя, словно нехотя.

— Эко горе, эко горе, запамятовала старуха:—всю улицу избѣгала.... Просила ужь хоть двугривеннаго всего на два дня до получки. Ни у кого нѣтъ. Арсениха вчера и курицу свою на базаръ снесла....

— Ну не бѣда, пока есть лебеда, похлебаемъ и ее, молодцовато сострилъ парень.

— То-то не бѣда! Изморилась я на тебя глядючи; шутка-ль другая недѣля, все квасъ да квасъ! Какая тутъ работа на умъ пойдетъ?...

Парень сильно пустилъ фуганокъ, вырвалъ длинную стружку, бросилъ ее на полъ и сѣлъ за столъ подгорюнившись. Худощавый овалъ лица его съ темными глазами носилъ отпечатокъ той думы, которую сплошь и рядомъ встрѣчаешь у рабочаго люда. Чуялась въ этомъ взглядѣ живая русская сметка, туманился онъ слегка дѣйствительнымъ горемъ, нуждой безысходною; да и не безъ гордости глянулъ бы онъ въ глаза вамъ, готовясь отпустить мѣткое словцо, не то на вашъ счетъ, не то въ пику осиленной судьбѣ. Онъ засучилъ рукава засаленной ситцевой рубахи, утеръ капли пота на лбу, перетянутомъ ремешкомъ, и принялся хлѣбать приготовленную матерью тюрю съ лукомъ и квасомъ. Старуха покачивала головой, да приговаривала вполголоса.

— Да полножь, матушка! Быдобъ о чемъ! дастъ Богъ

поправимся... Вотъ братишка подростетъ, изъ ученья выйдетъ, вмѣстѣ захозяйничаемъ; знамо, одному не сподручно....

— Охъ, дитятко! Гляди-ко-сь выйдетъ ли еще твой Алешка-то.... Заколотитъ его этотъ людоѣдъ, прости Господи....

— Этого нынче не велятъ....

— Не велятъ, да бьютъ, родимый....

— Нѣтъ, нынче строже стало, а безъ этого нельзя. Меня небось не заколотилъ....

— То-то ты и жирный такой!

— Ну, что объ этомъ толковать! Откроемъ тогда по маленьку свое заведеніе. И тебѣ матушка помощница будетъ.... Право, заживемъ....

— Гдѣ-жь ты ее возьмешь-то? говорила старуха внезапно веселѣя и лукаво поглядывая на сына.

Тотъ молчалъ, глядя въ чашку.

— Нынче невѣсты-то больно спѣсивы стали, продолжала старуха:—развѣ на селѣ какую возьмешь.

— Мало ихъ что ли! возразилъ сынъ съ легкимъ оттѣнкомъ досады въ голосѣ:—вонъ хоть Аленку взять, опять же можно и другую.

— Какую жь такую другую-то?

— Да чѣмъ же тебѣ Аленка-то не люба? говорилъ парень, наклоняясь къ краюхѣ.

— Люди говорятъ, не пойдетъ она за тебя, Аленка-то, трунила старуха.

— Говорятъ, гдѣ наварятъ, а у насъ съ тобой вонъ какое варево-то!

Видно было, что мать и сынъ совершенно понимали другъ друга; это было своего рода кокетство, заигрыванье.

Подъ окномъ застучали колеса и легкая коляска, пробираясь въ колеяхъ, остановилась у калитки.

— Эка! Неужто къ намъ? удивлялась старуха.

— Эва! Какую ворону занесло! ухмыльнулся сынъ.

Вошелъ Бронскій. Хозяева переглянулись и поклонились.

— На силу, братъ Григорій, нашелъ тебя, заговорилъ графъ, опускаясь на лавку.—Хлѣбъ да соль!

— Нешто вы меня знаете, баринъ?

— А ты говори: „хлѣба кушать!“ Я не откажусь....

— Пожалуйте, баринъ, да ужь не судите, ѣда у насъ самая такая, конфузилась старуха.

— Ничего, мы не брезгаемъ, не чиновные....

Онъ хлѣбнулъ раза два предложенною ложкой, но такой ѣды видно не ожидалъ, поморщился....

— Что жь ты сталъ, Григорій, садись! А то и я встану вѣдь....

— Ничего-съ, постоимъ.

— Садись, знай!

Мастеровой присѣлъ на лавку, какъ-то неловко крякнувъ. Ему почему-то казалось, что баринъ надъ нимъ подтруниваетъ.

— Вотъ что, заговорилъ Бронскій, доставая бумажникъ:— можешь ты мнѣ сдѣлать станокъ вотъ по этому рисунку? Онъ вынулъ бумажку съ чертежомъ литографнаго станка.

Рабочій окинулъ взглядомъ чертежъ.

— Можно-съ, отчего не сдѣлать? Былъ бы рисунокъ да размѣръ....

— Ну такъ вотъ такихъ три станка, хорошаго дубоваго дерева.... Не спѣши дѣлать, чтобы послѣ ни чинить. За цѣной я не постою.

Глаза у рабочаго заискрились.

— Это все можно. Зачѣмъ же намъ оху́лку на руку класть, Будетъ въ лучшемъ видѣ-съ.

— Какой у тебя взглядъ славный!

— Взглядъ-съ? усмѣхнулся рабочій.

— Ну, такъ дѣлай.

— Это точно-съ, заговорилъ тотъ въ смущеньи:—то-есть теперь матеріялу много пойдетъ, а пора трудная...

— Денегъ нужно? Ты такъ и говори, сказалъ графъ, вынимая красненькую:—вотъ покупай что нужно; послѣ сочтемся.

— Благодѣтели вы наши! Какъ намъ за васъ Бога молить? заговорила старуха.

И парень повеселѣлъ.

— Не надо, сказалъ Бронскій.—Мы попросту, мы за васъ стоимъ, а не за сильныхъ; и вы за насъ держитесь...

— Кого жь намъ и держаться, какъ не давальцевъ, вступился парень:—извѣстно, кто честно расплатился, тому и мы всею душой....

— Дѣла-то твои, я вижу, не больно хорошо идутъ, ласково говорилъ графъ.

— Гдѣ хорошо идти! Такъ кое-какъ перебиваемся. Гдѣ

большой хозяинъ, да много работниковъ, всѣ туда и даютъ.... Опять же машины эти....

— А я вотъ видишь къ тебѣ; ты только насъ держись, мы друзья народу, мы и отъ богатыхъ васъ избавимъ.... Всѣмъ будетъ хорошо....

— Такъ-съ, нашелся отвѣтить мастеровой.—Вотъ этой штуки я не понимаю: въ колесѣ этомъ значитъ ободка надыть? Одинѣ спицы во втулкѣ?

— Одинѣ, одинѣ; и покрѣпче ихъ надо вдѣлать; ихъ во всѣ стороны вертѣть будутъ....

— Это, примѣрно, машина такая?

— Да, если кто спроситъ, такъ и скажи: машина, молъ, масло жать. У тебя она скоро поспѣетъ?

— Да черезъ недѣльку, не ближе.

— Ну, ладно, я заѣду. А лучше ты побереги ее отъ чужаго глаза-то, а то сосѣди перейматъ, она привилегированная....

— Не извольте безпокоиться, никто не увидитъ.

— Вижу, ты малый смышленый. Ты изъ какихъ?

— Господина Итимова человѣкъ былъ, въ Москвѣ обучался, теперь извѣстно.... свобода-съ.

— Мнѣ бы съ тобой покороче хотѣлось сойдтись! Ты мнѣ жизнь свою раскажешь...

— Жизнь-съ? усмѣхнулся Григорій:—какая-жь наша жизнь....

Послѣдовало молчаніе. Графъ вертѣлъ шляпу, взглядывая на Григорья изъ подлобья. Тотъ ломалъ голову, чего баринъ не уѣзжаетъ? Можетъ тутъ что-нибудь сдѣлать надо... А кто его знаетъ! Извѣстно, кабы свой братъ, въ трактиръ свести, чайкомъ попоить, хоть и на его жь деньги...

— Да, такъ мы еще поговоримъ, торопливо заговорилъ графъ:—ты такъ и другимъ скажи, коли кому нужда будетъ, пусть ко мнѣ идутъ; у меня работа найдется....

— Зачѣмъ-же-съ? Если ужь вашей милости моя работа понравится, такъ не оставьте....

— Ну, все-таки.... Я васъ всѣхъ люблю.... Вы труженизи... А эти что обираютъ васъ, не долго напануютъ....

Хозяева съ низкими поклонами проводили богатаго барина до коляски.

— Не надо, не надо, говорилъ онъ:—не студитесь....

Коляска покатилась.

— Чудной баринъ! проговорилъ Григорій.

— Такъ-то, соколикъ, радовалась старуха:—голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ....

— Это кто говоритъ! А баринъ чудной! Взглядъ вишь понравился? Совсѣмъ на барина не похожъ, равно онъ къ тебѣ подлащивается....

— А-а-ахъ! Свѣтики! Глянь-ко, это онъ свой бумажникъ забылъ... Какъ же такъ, надо бы добѣжать, воротить надо; гляди, како дѣло! всхлопоталась старуха.

— Гдѣ жь его теперь искать? Самъ пріѣдетъ... Какая штучка! Работа, надо быть, нѣмецкая! Поди рублей двадцать одна стоитъ... А денегъ-то въ ней, я чай...

— Не тронь, Гриша, еще вернется неравно.

— Ничего, поглядѣть можно; чай онъ имъ счетъ знаетъ! И не сочтешь, все красненькія, да сѣренькія.... Эхъ, хоть бы четвертушку, сейчасъ бы захозяйничали, и вывѣску повѣсили съ золотыми литерами: столяръ Григорій Орудный! На, матушка, убери подъ божницу, ажь глядѣть противно. Отъ богатыхъ, говоритъ, избавлю, а самъ-то что!

Онъ сѣлъ за столъ и принялся разсматривать рисунокъ. Вошла дѣвушка въ полугородскомъ нарядѣ, въ шубейкѣ, съ платочкомъ на головѣ, помолилась и обратилась къ хозяйкѣ.

— Я, тетушка Ѳедосьевна, по сосѣдству зашла... Вамъ денегъ нужно было?

— И что ты, красавица, нѣтъ!... Такъ я говорила, примѣрно... У мово сына деньги водятся, онъ не шалопутный какой!

— Тото, а то у меня возьмите.

Парень ужь чертилъ рисунокъ въ большомъ размѣрѣ, и, будто тутъ только заслышавъ приходъ гостьи, поднялъ голову...

— Алексѣ Тимоѳеевичѣ наше почтенье! проговорилъ онъ,— садитесь, гости будете...

— Здравствуйте, Григорій Сидорычъ, отвѣтила та, потупившись и прикрываясь рукавомъ. Подошла къ столу и заглянула въ бумагу.

— Работу получили? спросила она просто.

— Получилъ, благодареніе Богу. Ваши всѣ ли здоровы?

— Живутъ помаленьку. Что жь это будетъ?

— Кто ее знаетъ, не женское дѣло. Матушка, надо бы самоварчикъ поставить..:

— Нѣтъ, заговорила дѣвушка:—коли для меня, не надо; я на минуту...

— Куда, мать моя, сама-то я больно охоча, не могу ужь безъ этого зѣлья теперь, прилыгала старуха.

— Вотъ, матушка, размѣняй, сказалъ Григорій, вынимая изъ-за пазухи красненькую.—Кажется чай-то весь у насъ...

Кто бы подумалъ, глядя на степенно-важныя лица молодыхъ людей, что у нихъ все полажено ужь межь собою и ждутъ они только поправки въ дѣлахъ, чтобы завестись своимъ домкомъ!

Какъ только старуха мелькнула мимо окна, Григорій подвинулся къ стоявшей возлѣ него дѣвушкѣ и обнялъ ея талію. Она глядѣла въ окно, закраснѣвшись; чуть замѣтная усмѣшка блуждала на губахъ. Онъ сталъ притягивать ее къ себѣ, она защищалась локтемъ.

— Не трожьте не балуйте, шептала она.

— Любъ я тебѣ, Леня? Любъ что ли?

Она повернула къ нему запылавшее лицо и такъ и впилась въ губы....

Въ ту же минуту дверь сильно распахнулась и вошелъ Бронскій, блѣдный, съ встревоженнымъ лицомъ. Дѣвушка, какъ испуганная птичка, отскочила въ сторону; Григорій смѣшался, но графъ ничего не замѣчалъ.

— Не обронилъ ли я тутъ бумажника? растерянно говорилъ онъ:—тамъ деньги... деньги...

— Здѣсь-съ, оправился рабочій:—цѣлы всѣ...—И вынесъ ему бумажникъ.

Графъ торопливо открылъ его дрожавшими руками, еще проворнѣй пересмотрѣлъ всѣ отдѣленія, и насилу успокоился...

— Ты честный человѣкъ, Гриша, проговорилъ онъ:—я не ожидалъ...

— То-есть какъ-съ?

Графъ выложилъ всѣ деньги изъ бумажника и подалъ ему.

— Это тебѣ на разживу; смотри, никому не сказывай!

Григорій глядѣлъ на него, выпучивъ глаза.

— Ты тутъ ничего не читалъ? спросилъ графъ, пытливо на него посматривая...

— Зачѣмъ же-съ? За что же это баринъ?

— Ну, прощай! Прощай! крикнулъ Бронскій, уходя.

Все это произошло такъ скоро, что мастеровой рѣшительно не могъ придти въ себя. Дѣвушка даже и не поняла ничего съ испугу.

— Матушки, деньгъ-то сколько! говорила она, опомнившись;—рублей триста будетъ...

— Рехнулся онъ что ли? засмѣялся мастеровой:—то деньги подай, то ужь и не надо стало. Ну, матушка, крикнулъ онъ входившей старухѣ, — знать мы съ тобой въ сорочкѣ родились... Спрашивай скорѣй, пойдетъ ли за меня. Такую заведенію открою! И машины будутъ!

Старуха стала креститься.

VII. Наслѣдство.

— Богъ съ тобой, говорилъ старый майоръ племяннику:— тебѣ видно скучно со мной, старикомъ...

Русановъ намекнулъ ему, что не хочетъ быть ему въ тягость, особенно въ такое время, когда доходы и безъ того уменьшились.

— А вотъ видишь, вотъ ужь и не хорошо, Володичка! Гордость смертный грѣхъ! На нашъ вѣкъ съ тобой хватитъ, дружочекъ.

— Да не въ томъ дѣло, дяденька...

— А я было какъ привыкъ-то къ тебѣ! Сына роднаго такъ не любилъ! говорилъ майоръ, забывая, что у него такого предмета и въ заводѣ не бывало.

— Дяденька, говорятъ, люди нужны, упрекаютъ, что никто не хочетъ служить.

— Да, послушай, дружочекъ, попробовалъ еще возразить майоръ,—съ какими ты еще людьми сойдешься, оцѣнятъ ли?

— Точно я красный товаръ! смѣялся Русановъ.

И майоръ захотѣлъ поѣхать съ племянникомъ. Увязали въ чемоданы всю движимость Русанова. Толстая Стеха, ключница, сама укладывала на дорогу пироги, цыплятъ. Обывательскія живо помчали родичей. Тряская жидовская бричка скоро укачала майора. Онъ долго кивалъ головой, наконецъ, опустился на подушки и заснулъ, а Русановъ глядѣлъ на окрестности, медленно уплывавшія за бричку. Напомнили онѣ

ему движущуюся картину Миссисипи, видѣнную въ Москвѣ почти ребенкомъ, и мало-по-малу, не званое не прошеное, стало ему приходить на память прошлое. Вотъ онъ кудрявый, краснощекій бутузъ бѣгаетъ по двору въ красной рубашонкѣ, и съ любопытствомъ разглядываетъ старый, обросшій мохомъ заборъ. „Это няня, что?“—„Это паукъ-коси-сѣно, оторвать ему ногу, онъ все будетъ косить.“ И ребенокъ спѣшитъ оторвать ногу, и долго носитъ ее на ладони, любуясь странными движеніями. Вотъ красный мундиръ гимназиста, шапка на затылкѣ, отважно шлепаетъ по лужамъ съ портфелью подъ мышкой, а уличные ребятишки никакъ не хотятъ признать мужа науки и выражаютъ плебейское негодованіе громкими криками: „красная говядина!“ До нихъ ли ему, когда въ головѣ рѣшается Пиѳагорова теорема! Вотъ университетскій садъ, шумитъ кружокъ синихъ воротниковъ. Господинъ Пшендшткевичъ, носящій бакенбарды и потому считающійся отчасти передовымъ, становится на дерновую скамью, опирается на суковатую палку, и громко читаетъ адресъ попечителю: „Мы нижеподписавшіеся обязываемся заставить начальство дать отчетъ, за что оно погубило будущность Лжемпиковскаго, исключивъ его изъ студентовъ...“—„Господинъ Русановъ, говоритъ Вшисцинскій, вы, конечно, не подпишетесь?“—„Развѣ медалисты подписываются? Ихъ дѣло въ передней ректора торчать“, говоритъ Лжемпиковскій.—„О, если такъ, господа! чтобъ доказать вамъ, я готовъ“, говоритъ герой, и подписываетъ адресъ. Большинство благоразумныхъ разрываетъ его.—„Господа,“ говоритъ Русановъ, „вы играли моею фамиліей, моею будущностью, слишкомъ безцеремонно; позвольте же выразить мое презрѣніе къ этой комедіи!“—„Господинъ Русановъ,“ говоритъ Пшендшткевичъ, заходя къ нему въ домъ: „вы должны мнѣ дать удовлетвореніе!“ Обнажаются студентскія шпаги, господинъ Русановъ получаетъ уколъ въ плечо, господинъ Пшендшткевичъ въ бокъ, и оба довольны на другой день своими ранами, возбуждающими любопытство товарищей. А милая Зиночка встрѣчаетъ своего героя кузена чуть не со слезами: „не стыдно ли, Вольдемаръ, рисковать дорогою жизнью?“ А тамъ смерть отца, отъѣздъ... Все это далеко, далеко позади. Теперь надо цѣпляться за новыя снасти, держаться на шаткой палубѣ...

— Довезите, просилъ женскій голосъ.

Русановъ выглянулъ изъ брички. На пригоркѣ сидѣла дѣвушка въ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ, повязанная платочкомъ; возлѣ нея лежалъ бѣлый узелъ.

— Довезите, баринъ, говорила она,—смерть устала.

Русановъ велѣлъ остановиться. Дѣвушка взобралась на облучокъ, и опустила глаза.

— Вы куда же идете? спрашивалъ Русановъ.

— Въ городъ-съ, искать работы, не смѣло отвѣтила та.

— Много вы прошли?

— Верстъ десять; я сегодня съ зорькой вышла...

— У васъ тамъ знакомые въ городѣ?...

— Нѣтъ-съ, никого нѣтъ...

— Какъ же это? Дали ль вамъ, по крайней мѣрѣ, на дорогу?

Дѣвушка покраснѣла и пробормотала, что это очень не далеко. Русановъ, спустя нѣсколько времени, развернулъ пирожки и предложилъ ей закусить вмѣстѣ. Она поблагодарила, не отказывая. Тутъ только онъ разглядѣлъ ее. Дѣвушка была очень миловидна. Свѣженькое румяное личико, съ ямочками и легкимъ пушкомъ на щекахъ, бойкіе, каріе глаза, съ немного опухшими вѣками, словно недавно пережили какое-то горе: руки бѣлы и нѣжны, волосы причесаны по-городски.

— Вы что жь на фабрику хотите?

— Нѣтъ, я бы куда-нибудь въ горничныя, или какъ это, Haushälterin...

— Вы по-нѣмецки говорите?

— Дѣдушка былъ нѣмецъ, я еще маленькая съ нимъ въ Россію пріѣхала; онъ тутъ у богатаго барина служилъ, въ садовникахъ занимался...

— А теперь?

— Померъ. Никто этимъ нынче не занимается, а дѣдушка богатыя оранжереи разводилъ; но потомъ все меньше было достатку; вмѣсто того чтобы накопить денегъ, да ѣхать на родину, сталъ проживать... Потомъ заболѣлъ, и корову нашу продали... А потомъ и меня не стали держать, теперь въ чужихъ людяхъ надо жить.

— Но зачѣмъ же въ горничныя? Лучше шить на какой-нибудь магазинъ...

— Я къ этому не пріучена, не умѣю... Вотъ бы какой-нибудь старой барынѣ книжки читать. Я дѣдушкѣ все газеты читала!

— Кто это съ тобой разговариваетъ? отозвался майоръ въ полудремотѣ.

— Тутъ, дяденька, дѣвушка одна... Въ городъ идетъ!

— А, ну, ну, ну! Пусть ее...

Ночью въѣхали они въ заставу губернскаго города. Мостовая задребезжала, каменные дома тихо двигались мимо, по окнамъ свѣтились огни. Экипажъ остановился у гостиницы.

Майоръ тотчасъ отправился хлопотать о нумерѣ и переноскѣ вещей. Русановъ присѣлъ съ дѣвушкой на крыльцо. Полный мѣсяцъ ярко освѣщалъ бѣлый домъ, обливая голубоватымъ отливомъ выступы и карнизы, бросая тѣни на землю, золотя крестъ какой-то церкви. Подъ навѣсомъ храпѣли кони; по двору расхаживали ямщики; кто-то наигрывалъ на гармоникѣ „барыню“.

— Ну, вотъ мы съ вами и доѣхали, Нилочка. Вы теперь куда думаете идти?

— Куда-нибудь на постоялый дворъ, тамъ не дорого, у меня есть два рубля....

— Живали вы когда въ городахъ?

— Ниразу еще. Какъ не хорошо пахнетъ! Что-то страшно: много такъ народу, я совсѣмъ здѣсь чужая...

— Еще бы, такая чистая, свѣжая! Хотите, я вамъ дамъ совѣтъ?

Дѣвушка простодушно глянула на него.

— Берите первое попавшееся мѣсто, принимайтесь скорѣй за работу; а то васъ какъ разъ испортятъ! Нилочка, вѣдь вы не поддадитесь дурному, неправда ли?

— Ни за что на свѣтѣ! вскрикнула она съ жаромъ, схвативъ его руку.

— А пока возьмите это на память отъ меня, на случай, пока пріищете себѣ мѣсто...

Дѣвушка развернула ассигнацію и не рѣшалась.....

— Куда ее столько! Какой вы добрый!

— Берите, берите, это отъ друга...

— Какъ васъ звать? Чтобы знать, за кого молиться?

— Вы часто молитесь, Нилочка?

— И утромъ, и вечеромъ...

— Поминайте въ вашихъ молитвахъ... Ивану, попросите ей счастья... Иду, иду! крикнулъ онъ дядѣ, звавшему его съ

лѣстницы.—Будетъ нужда, спросите въ гражданской палатѣ Русанова, упомните?

Онъ пожалъ ей руку и сталъ подниматься по грязнымъ ступенькамъ. Вошедши въ нумеръ, онъ тотчасъ улегся на тюфякъ, и майоръ погасилъ свѣчку.

„Бѣдная“, думалось ему: „одна, совершенно одна, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, безъ средствъ, безъ знанья... Въ этомъ омутѣ... Что̀ еслибы та гордая душа была на ея мѣстѣ? Вынесла ли бы она?“

Глаза стали слипаться, пріятная усталость охватила все тѣло. Русановъ сталъ забываться. Казалось ему, что онъ ѣдетъ по степи на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ и серебристый ковыль волнуется, волнуется, наводя на него усыпленіе... Довезите, довезите, раздаются серебристые голоски... Сколько Нилочекъ! На каждомъ пригоркѣ, у каждаго ручейка, все Нилочки... Онъ беретъ одну на руки, привозитъ въ какой-то мраморный храмъ; портики, колонада, розовый занавѣсъ, и все освѣщено голубымъ свѣтомъ... А Нилочка ужь не Нилочка, а гордая красавица въ черномъ платьѣ, съ пышными черными кудрями, и онъ стоитъ передъ ней на колѣняхъ. Инна Николаевна, говоритъ онъ,—вы извините меня, пожалуста; я никакъ не могу влюбиться въ васъ... Не потому что у меня только тысяча рублей наслѣдства, да домъ на Пречистенкѣ; я не боюсь смерти, я дрался на шпагахъ съ господиномъ Пшендшкевичемъ... Да отчего же, грустно? говоритъ Инна Николаевна: вѣдь только за васъ я и могу выйдти, вы одинъ изъ *нихъ*... Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ Русановъ,—и слезы подступаютъ къ горлу: Мальвина мнѣ не позволитъ, я долженъ посвятить себя для высшихъ цѣлей... Ха, ха, ха! раздается смѣхъ Инны: я и забыла, что вы мировой посредникъ, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! раздается явственнѣй.

— Что̀ такое? вскакиваетъ Русановъ.

— Какже, помилуй, говоритъ майоръ,—одиннадцать часовъ ужь, я и къ обѣднѣ сходилъ, смотрю, а онъ тутъ цѣлуетъ подушку.... Что̀ это ты видѣлъ во снѣ?

— Мало ли что̀ во снѣ привидится?

— Я дружочекъ поѣду; къ губернатору надо, еще кой-куда, ты меня не жди.... Сходи, городъ, осмотри достопамятности.

— Куда спѣшить? Жить буду, все узнаю.

Владиміръ Ивановичъ, проводивъ дядю, одѣлся и сошелъ

въ билліардную; народу набралось порядкомъ. Онъ велѣлъ дать себѣ чаю и усѣлся на диванчикъ.

— Сыграть что ли? предлагала одна личность съ багровымъ носомъ и щетинистыми усами въ военномъ пальто.

— Да вѣдь ты объегоришь, голова, возражала другая въ долгополомъ сюртукѣ, съ небритою физіономіей.

— Ну, наладилъ, на четвертакъ идетъ?

— Что, ай завелся? Гдѣ Богъ послалъ?

— Что я, жуликъ что ли?

— Много ль впередъ-то?

— Впередъ сколько угодно нынче такъ и такъ.

— Ну ставь, маркелъ, пять шаровъ.

— Съ нашимъ почтеньемъ-съ. На чай будетъ съ кого получать?

— Ладно, заговаривай зубы-то!

— Партія съ того кто выиграетъ, что ли?

— Извѣстно, съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

Пальто прицѣлилось, поерзало кіемъ и съ трескомъ влѣпило желтаго въ уголъ.

— Упалъ? крикнуло оно косовымъ акцентомъ.

— На себя! крикнулъ другой.

— Не нашелъ лучше на кого упасть! проворчалъ пьяный горбунъ, облокотившись на бортъ и слѣдя за игрой.

Особа прекраснаго пола влетѣла въ залу въ необъятномъ кринолинѣ, напѣвая сиплымъ голосомъ разудалую пѣсню; за ней купчикъ съ французскою бородкой.

— Люблю, крикнулъ горбунъ,—никто не смѣй моему ндраву препятствовать.

— Кто это такой? спросилъ купчикъ половаго.

— Это горбатый-то-съ? отвѣтилъ тотъ, молодцовато тряхнувъ головою и перекинувъ полотенце на другое плечо:— учитель какой-то былъ, на музыкѣ что-ли; да больно ужь изъ себя-то не удались; опять же и жена бросила; таперича третій мѣсяцъ кутятъ. Это они еще въ своемъ видѣ, а къ вечеру не хороши бываютъ; зачнутъ это все бить, совсѣмъ не годятся!

— Тридцать шесть и очень досадно! покрикивалъ маркеръ.

— Не разойдтиться ли намъ? сказало пальто, положивъ кій.

— Тридцать шесть и никого-то?

— Не разойдтиться ли?

— Катай, катай знай!

— Отходу не даешь? Ну, держись же!

Пальто съ удару кончило партію. Долгополый пустилъ ругательство; разряженная особа взвизгнула; всѣ хохотали, натягивали носы, стучали ногами; посуда звенѣла.

— Молодой человѣкъ, сыграемте, предложилъ побѣдитель, подсаживаясь къ Русанову:—отставной поручикъ Кондачковъ!

Отставной поручикъ произнесъ все это очень быстро въ носъ и нагло глядя въ лицо Русанову.

— Я не играю, отодвинулся Русановъ.

— Можетъ ли быть? Молодой чѣэкъ не играетъ на билліардѣ? Ну, на китайскомъ, по пирожку партія?

— И на китайскомъ не умѣю, сказалъ Русановъ улыбаясь. Собесѣдникъ начиналъ интересовать его.

— Ну, кто дальше плюнетъ—по рюмкѣ коньяку плевокъ!

И поручикъ, какъ пулю, влѣпилъ плевокъ черезъ всю комнату въ аспидную доску.

— Неискусенъ и въ этомъ, расхохотался Русановъ.

— Ну, хорошо! На порцію котлетъ.... Сколько въ комнатѣ шаговъ? Двадцать три—считайте!

— Постойте, я лучше такъ закажу. Не знаете ли, не отдаются ли тутъ квартиры?

— Вамъ велику ли надо? Вонъ у Пудъ Савича комнаты три есть.... Почтеннѣйшій, пожалуйте сюда!

Небритый Пудъ Савичъ подошелъ и сталъ описывать Русанову удобства своихъ квартиръ. Потомъ замѣтилъ, что дѣло-то вести въ сухомятку какъ-то не приходится; надо бы, по русскому обычаю, чайку испить и малую толику пропустить.

Русановъ велѣлъ подать чаю, водки; подоспѣлъ завтракъ и новые пріятели усѣлись къ столику.

Отставной поручикъ, почувствовавъ себя окончательно въ своей сферѣ, развеселился.

— Я вамъ разкажу случай, молодой человѣкъ, заговорилъ онъ, кладя въ ротъ полъ-соленаго огурца. Играемъ разъ въ банкъ! Я, майоръ Бурзюкъ, помѣщикъ Бобырецъ, еще кто-то. Вдругъ входитъ въ енотовой шубѣ. Позвольте поставить карту? Извольте. Ставитъ—беретъ; другую ставитъ—беретъ; третью—опять беретъ. Я, говорю, господа! шулеръ! Терпѣть не могу шулеровъ! Взяли его за ноги, окно отворили, до половины высунули.... Хочешь? говоримъ.... Такъ это онъ откровенно и говоритъ: не хочу!

— Скажите, какая странность!

— Ну, взяли мы его дегтемъ вымазали, въ пуху обваляли и съ лѣстницы въ три шеи! Такъ вѣдь это недоволенъ остался!

Пудъ Савичъ упрекалъ Русанова неумѣньемъ *усидѣть* графинчикъ.

— Вы не сумлѣвайтесь, говорилъ онъ,—только первая рюмка коломъ, вторая соколомъ, а тамъ ужь пошли мелкія *птушки*!

Отдавъ должное русскому обычаю, пріятели отправились въ домъ мѣщанина Растравилова (онъ же и Пудъ Савичъ), и порѣшили тамъ три чистенькія комнаты за сто рублей въ годъ. За столъ Русановъ будетъ платить пять съ полтиною въ мѣсяцъ; ему въ придачу будутъ сапоги чистить.

Потомъ они отправились по мебельнымъ лавкамъ, по магазинамъ, и цѣлый день прошелъ въ торгахъ и переторжкахъ. Только къ вечеру вернулись домой съ тремя возами, къ великому соблазну сосѣдей, которые пораскрывали окна и слѣдили за перетаскиваніемъ мебели съ такимъ участіемъ, какого не у всякаго историка заслуживаетъ великое переселеніе народовъ. Такъ и оставались до тѣхъ поръ, пока растворенныя на обѣ половинки двери не поглотили послѣдняго стула. И тутъ все еще чего-то ждали; въ окнахъ двигалась свѣча, изъ чего они заключили, что мебель разставляютъ; когда же свѣтъ сталъ неподвиженъ, успокоились на томъ что все въ порядкѣ и имъ тутъ больше нечего дѣлать.

— Такъ вотъ гдѣ ты устроился, дружочекъ, говорилъ дядя, входя къ племянничку.

Старикъ дивился комфортабельной обстановкѣ, радовался каждой мелочи какъ ребенокъ. Въ кабинетѣ онъ пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Вѣдь это дорого? спрашивалъ онъ.

— Я, дяденька, порѣшилъ наслѣдство-то....

— Володя, ты геній!

И майоръ шагнулъ къ третьей комнаткѣ, но геній шагнулъ еще проворнѣй и загородилъ дорогу, заперевъ дверь на ключъ.

— Это что жь за комната?

— Тутъ всякій хламъ....

— Ничего, покажи и хламъ, у тебя и хламъ-то долженъ быть губернаторскій.

— Да это спальня.... Право, дяденька, не интересно.

— Ну, ну, не безпокойся; ты, братъ, не обзавелся ли ужь канареечкой какой, вишь ты какъ прытко!

Русановъ увѣрялъ дядю, что онъ вообще до пѣвчихъ птицъ не охотникъ, а до канареекъ въ особенности.

— Ой ли? сказалъ майоръ.

Уѣзжая и прощаясь, майоръ остановился въ раздумьи на крыльцѣ.

— Володя, комнатка-то? а?

— Что же?

— Кавуръ! сказалъ дядя, погрозивъ пальцемъ.— Ну, дай Богъ жить поживать, да добра наживать; пиши же хоть разъ въ недѣльку.

Въ послѣдствіи въ сосѣдствѣ распространился слухъ, что новый жилецъ—чернокнижникъ. Старухи даже подсмотрѣли съ сосѣдняго чердака, въ чемъ заключается его спеціяльность. Оказывалось, что онъ по ночамъ не спитъ часовъ до двухъ. И все что-то пишетъ, пишетъ, а потомъ погаситъ свѣчку, и не видать, какъ онъ въ трубу вылетаетъ.

— Не русскій, матушка, человѣкъ, не русскій, сообщала хозяйка на рынкѣ какой-то старушкѣ-просвирнѣ.—Ни молебна не отслужилъ на новой квартирѣ, ни въ баню не ходитъ, ни что....

— Вотъ они жильцы-то, поди пущай ихъ, соболѣзновала та.

— А пожаловаться грѣхъ; за полгода впередъ деньги отдалъ; и такъ простъ, такъ простъ, что ни!... точно и не чиновникъ.

— Кто его знаетъ, родимая? Чужая душа потемки!

VIII. Отсталые.

На другой день, часовъ въ десять поутру, Русановъ снималъ пальто въ пріемной гражданской палаты.

— Тутотка не вѣшайте, ваше благородіе, флегматически замѣтилъ ему сторожъ:—это для начальства мѣсто.

— Такъ куда же?

— Вы къ намъ на службу, что ли? Вотъ съ чиновниками извольте....

— Не все равно?

— Нѣтъ-съ, ужь это у насъ порядокъ такой. Съ монаршею милостью честь имѣю поздравить, прибавилъ онъ, протягивая руку.

Русановъ далъ ему что-то и вошелъ въ канцелярію, поправляя волосы.

— Позвольте спросить, гдѣ тутъ вакантный столъ? обратился онъ къ одному чиновнику, усердно строчившему опредѣленіе.

— Не знаю, грубо отвѣтилъ тотъ и уткнулся въ бумаги.

Онъ очень хорошо зналъ, гдѣ былъ этотъ столъ, котораго онъ ждалъ цѣлыхъ три года, и радъ былъ хоть чѣмъ-нибудь кольнуть студентика, сѣвшаго ему на шею по протекціи.

— Пожалуйте, Владиміръ Ивановичъ, пожалуйте, подскочилъ къ нему маленькій, худенькій человѣчекъ въ потертомъ вицъ-мундирѣ въ обтяжку.—Позвольте рекомендоваться, коллежскій регистраторъ Чижиковъ, помощникъ вашъ!

Что-то приниженное, покорное свѣтилось въ его прищуренныхъ глазкахъ.

— Очень пріятно, проговорилъ Русановъ, садясь къ столу, покрытому изрѣзаннымъ, закапаннымъ чернилами, зеленымъ сукномъ.—Присутствіе собралось?

— Нѣтъ-съ, раньше одиннадцати у насъ рѣдко кто пріѣзжаетъ, развѣ когда докладъ. Позвольте, торопливо проговорилъ онъ, замѣтивъ, что Русановъ положилъ локти на столъ:—тутъ пыльно!

И въ самомъ дѣлѣ локти и обшлага были всѣ въ пыли.

— Развѣ у насъ только одинъ писецъ? спросилъ Русановъ, разсматривая молодаго человѣка съ безсмысленными, оловянными глазами и желтымъ, геморроидальнымъ лицомъ, навалившагося всею грудью на столъ.

— Нѣтъ-съ, да тѣ на телеграфъ пошли....

— Это зачѣмъ же?

— Вы не извольте удивляться; это у насъ погребокъ такъ прозывается; по лѣстницѣ-то вмѣсто перилъ веревочка протянута; ну, они и выражаются такъ, что мордомоченіе, дескать, совершаемъ по телеграфу.

— А-а-а! И часто это бываетъ?

— Какъ случится, наивно отвѣтилъ Чижиковъ.

— Ну-съ, указы сегодня есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Русановъ подошелъ къ шкафу.

— Что это? Ревизія была?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да что жь это, и апелляціонныя, и частныя, и доклады, и рѣшенныя, и мелкія бумаги, все какъ попало?

— Это у насъ всегда такъ, чтобы подъ рукой ближе было.

— Нѣтъ, ужь сдѣлайте одолженіе.... Это какой-то хаосъ; тутъ чортъ ногу переломитъ.... Давайте разберемъ.

Стали разбирать. Русанову попалась купчая, помѣченная вступавшею за два мѣсяца.

— Почему жь это до сихъ поръ не доложено, спросилъ онъ, уже нахмурясь.

Помощникъ мгновенно струсилъ и съежился.

— Завалилось какъ-нибудь.

— Это ужь и вовсе не хорошо, сказалъ Русановъ, откладывая ее въ сторону.

Тутъ къ нимъ подошелъ другой столоначальникъ, старичокъ. Стриженые, бѣлые съ желтизной волосы торчали вверхъ, плутоватые глазки такъ и бѣгали; онъ все помаргивалъ, да подергивалъ губами...

— Занялись горяченько, сказалъ онъ съ сладенькою улыбочкой:—извѣстно, новая метла чисто мететъ...

— Вы развѣ находите, что я похожъ на метлу? спросилъ Русановъ, которому эта личность почему-то сразу не понравилась.

— Нѣтъ-съ, какъ можно! Это такъ пословица...

— Ну тутъ, кажется, никакія пословицы не помогутъ, говорилъ Русановъ, отыскавъ просроченный указъ.

— Горячо вы очень къ сердцу принимаете, не обтерпѣлись еще, не настоящій чиновникъ! увѣщевалъ старичокъ.

— Съ такимъ, какъ вы говорите, терпѣніемъ и до взятокъ не далеко, рѣзко замѣтилъ Русановъ.

— Хе, хе!.. Молода еще...

— Что?

— Въ Саксоніи не была... Эхъ, молодой человѣкъ! Кто же беретъ взятки? Это запрещено закономъ, за это лишаютъ чиновъ, дворянства...

— А все-таки берутъ...

— Да не взятки же: благодарность за труды! Если вы, примѣрно, ночь просидите за какимъ-нибудь дѣломъ, изготовите къ докладу, какая же это взятка? Развѣ вы обязаны сидѣть

ночь? Въ Сводѣ Законовъ полагается присутствовать только до двухъ часовъ...

И старичокъ, доставъ красный фуляръ, высморкался съ полнымъ сознаніемъ неотразимаго аргумента...

— Да почтеннѣйшій collega, перебилъ Русановъ,—если предлагаютъ деньги, такъ вѣрно не за очередное: то и безъ того доложится... Стало-быть взятка!

— Погодите, послужите; попривыкнете къ нашему порядку...

— Ну, ужь это дудки! Это вамъ придется къ нашему порядку-то приглядываться...

— Какъ вы находите новенькаго-то? спрашивалъ пріѣхавшій между тѣмъ секретарь, солидный мущина въ золотыхъ очкахъ у отошедшаго старичка.

— Это... это революціонеръ какой-то.

— Экъ вы вѣдь хватите-то всегда, словно чортъ въ лужу...

— Да, помилуйте, я думалъ, онъ на новоселье позоветъ; а онъ чуть не ругается...

— Ничего, умается! Видали мы слетковъ-то и почище! сказалъ секретарь, и оба засмѣялись.

Такъ и прошелъ день въ переборкѣ бумагъ. На слѣдующіе пошла спѣшная работа, и Русановъ пожалѣлъ, что ухлопалъ на первыхъ порахъ свои капиталы на омеблированіе своей квартиры. Оказывалось, что штатныхъ писцовъ не хватаетъ на переписку докладныхъ записокъ; онъ долженъ быть признавать своего и значительно урѣзалъ у себя жалованье. Мало-по-малу косо стали посматривать на него сослуживцы.

— Что жь это, говорили пожилые:—просителей на домъ не принимаетъ, даже бумагой казенною не пользуется? Чѣмъ онъ жить будетъ?

— Говорятъ, пишетъ по ночамъ, должно-быть въ *Колоколѣ*...

Съ своей стороны Русановъ сталъ открыто въ разрѣзъ съ канцелярскою братіей.

Однажды послѣ присутствія подошелъ къ нему Чижиковъ.

— Позвольте надѣяться, Владиміръ Иванычъ, что вы не откажете мнѣ въ покорнѣйшей просьбѣ откушать у меня сегодня....

Проговоривъ эту очевидно приготовленную фразу, помощникъ столоначальника совсѣмъ сконфузился....

Они пошли, разговаривая, на самый конецъ города. Чижиковъ заботливо обходилъ лужи и рытвины, стараясь при этомъ уступать Русанову лучшую дорогу.

— Вотъ моя обитель, проговорилъ онъ, переходя черезъ улицу къ крошечному деревянному домику съ мезониномъ. Въ открытыя окна свѣсились вѣтки герани, бальзамина, слышалось разбитое фортепіано; хлопнула низенькая калитка, со двора пахнуло сырыми дровами, фортепіано замолкло...

— Кто жь это у васъ играетъ?

— А вотъ сейчасъ познакомитесь, отвѣчалъ хозяинъ, вводя Русанова въ низенькую гостиную.

Мебель была обтянута коленкоровыми чахлами; пестрыя занавѣски по окнамъ; по стѣнамъ обиліе литографій въ домодѣльныхъ рамкахъ. На столѣ лежали разобранные стѣнные часы и прошлогодній нумеръ *Отечественныхъ Записокъ*. Каковы были прочіе апартаменты, предоставлялось фантазіи гостя, такъ какъ хозяинъ, вошедши въ нихъ, старательно притворилъ дверь. Русановъ заглядѣлся на гравюру Татьяны, чертящей завѣтный вензель на стеклѣ, когда Чижиковъ снова вошелъ, облаченный въ покойное пальто, расправляя спину и потягиваясь; за нимъ вышла молодая особа лѣтъ двадцати, подстриженная въ скобку, въ черномъ фартукѣ сверхъ шерстянаго платья.

— Прошу любить, да жаловать... Ну-ка угости насъ, чѣмъ Богъ послалъ...

— Я васъ ждала, Владиміръ Иванычъ, я была увѣрена...

— Это ваша сестрица? спросилъ Русановъ.

Молодые люди переглянулись, улыбаясь.

— Это жена моя, Катерина Васильевна, урожденная Ишимова. Такъ дѣвчонкой и осталась: стрижка! Вы мнѣ позволите съ вами здѣсь запросто?

— Какъ вамъ не совѣстно...

— Фууу! Отлегло! Ну, значитъ „громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ!“ Не хотите ли папиросъ, прибавилъ хозяинъ, развеселившись и подвигая Русанову пачку жиденько набитыхъ патроновъ.—Табакъ не взыщите незавидный, что называется самъ-панъ-тре.

Катерина Васильевна принесла суповую чашку, и горячій паръ борща пріятно защекоталъ обоняніе проголодавшихся служакъ.

— Милости просимъ! Опять таки не взыщите. За моею женой три су, а за мной и тѣхъ нѣтъ. Какъ намъ жить съ тобою въ мірѣ, а?

— Ну, ну, какъ нибудь проживемъ... Вѣчно у него шуточки! обратилась она къ Русанову.

— Нѣтъ, не вѣрьте, ничто не вѣчно подъ луною. Небось, какъ хворала-то, досталось ему и отъ меня на орѣхи...

— Кому это?

— Да вотъ братцу-то любезному...

— Ну, полно; Богъ съ нимъ...

— Вина у насъ не водится, говорилъ Чижиковъ, подвигая графинъ:—а вотъ наливкой я васъ угощу такой, какую только Катенька и умѣетъ приготовлять.

Обѣдъ пролетѣлъ какъ на рельсахъ. Служаки закурили самъ-панъ-тре и расположились на диванѣ. Катенька понесла куда-то хлѣбныя крошки въ фартукѣ.

— Скажите, какъ это вы въ самомъ дѣлѣ живете?...

— Да такъ?

— Сколько, бишь, вы получаете жалованья?

— Четыре рубля въ мѣсяцъ.... Что не дурно? Да вотъ къ слову, посмотрите!

Русановъ выглянулъ въ окно, выходившее на палисадникъ съ клумбами малины, крыжовнику и нѣсколькими яблонями. Катенька сидѣла на самомъ припекѣ и бросала крошки тремъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, королькамъ; пѣтушка можно было узнать только по гребешку. Они путались мохнатыми ножками и, кудахтая, подбирали крошки.

— Такъ-то, сказалъ Чижиковъ,—курочка по зернышку...

— Нѣтъ, серіозно?

Чижиковъ задумался на минуту.

— По правдѣ сказать, Владиміръ Иванычъ, я не безъ задней мысли и пригласилъ васъ поглядѣть на наше житье-бытье... Я васъ побаивался...

— Меня-то?

— Вы вѣдь того-съ... изъ нынѣшнихъ, сказалъ Чижиковъ, посмѣиваясь:—а я... лучше ужь разомъ покаяться... я беру взятки.... А вы погодите, вы не сразу казните... Я и уроки даю, получаю рублей пятнадцать въ мѣсяцъ; ну мезонинъ доставляетъ пятьдесятъ ежегодно. Этимъ бы можно и жить, да вы возьмите то: начальство требуетъ, чтобъ являлись въ своемъ видѣ, не оборвышемъ; ну и сапоги... хотя съ высшей точки зрѣнія, казалось бы, что такое сапоги! А тутъ благодарятъ двумя, тремя рубликами... Не бралъ-съ, ей-Богу не бралъ,

пока оставалось кой-что у жены; все надѣялся на повышеніе, а вышло вотъ что̀...

Чижиковъ пустилъ густое, бѣлое кольцо дыму; оно плыло, плыло, расширилось въ темную ленту и пропало въ воздухѣ...

— Скажите пожалуста, началъ Русановъ, желая прекратить тяжелое объясненіе:—неужели Ишимовъ ничего не далъ за сестрой?

— Какже, разворился! По закону четырнадцатую часть отсыпалъ. Вотъ домикъ этотъ и купили. И то вѣдь я Катеньку почти похитилъ. И думать у меня, говоритъ, не смѣй за нищаго выходить. Ну, она, русская душа, и говоритъ ему: думать-то я, братецъ, не намѣрена,—а выйдти-выду. Съ тѣхъ поръ у насъ онъ ни ногой....

— Такъ она у васъ бой!

— Да, вотъ тутъ и подумай! Конечно въ видахъ современныхъ потребностей, можно на меня смотрѣть какъ на гадину, пожалуй и раздавить можно; да вотъ какъ у меня на рукахъ этотъ бой, а пожалуй и боята пойдутъ, такъ я и самъ, того-съ, право!

Русановъ засмѣялся.

— Идетъ! Вы при ней пожалуста...

— Что̀ жь ты, Митя, ничего не сыграешь Владиміру Иванычу, сказала Катенька, садясь къ нимъ и отряхая фартукъ.

— Если ихъ благородіе прикажутъ, не смѣю отговариваться. Да что̀! Все играю-то я такое....

Онъ развязно сѣлъ за фортепіано и бойко заигралъ польку-folichon.

„А, каковъ? Еще и польки на умѣ!“ думалъ Русановъ.

— Хотите? подошла къ нему Катенька, подставляя руку на плечо.

Русановъ отъ души сдѣлалъ съ ней тура три.

— Не хорошо, что̀ дѣлать! говорилъ Чижиковъ:—пристрастился къ бальнымъ танцамъ; переписывалъ когда-то ноты, какъ Руссо!.. Вотъ и пристрастился...

— Слушайте вы его; пристрастился къ бальнымъ танцамъ, передразнила Катенька:—у купцовъ иногда вечера бываютъ, понимаете? А ты лучше свое-то сыграй...

Чижиковъ немного смѣшался.

— Я, Владиміръ Иванычъ, написалъ вальсикъ... Совѣтовали напечатать, да что̀! Русская фамилія туго идетъ.

Онъ махнулъ рукой и заигралъ свой вальсикъ.

И это былъ вальсъ для танцевъ, но какъ будто въ немъ вертѣлись и „Лучинушка“ и „Матушка голубушка“ и „Борода ль моя бородушка“. Что-то широкое, русское слышалось въ бѣглыхъ звукахъ...

„Откуда эта сила берется?“ думалъ Русановъ, невольно приближаясь къ фортепіано; а Катенька стояла, облокотясь, противъ играющаго, и когда вальсикъ замеръ на послѣдней пѣвучей коткѣ, она взяла его за голову, и притянувъ къ себѣ, звонко чмокнула.

— О чемъ это вы задумались, Владиміръ Иванычъ?

— Ахъ, еслибы вы знали, какъ я васъ понимаю!

— А что? спросилъ Чижиковъ.

— Нѣтъ, такъ! спохватился Русановъ.

— Нѣтъ не такъ! И Катенька лукаво погрозила ему пальчикомъ.

Отецъ-командиръ покраснѣлъ и перемѣнилъ разговоръ.

IX. Передовые.

Наступили два дня табельные. Еще наканунѣ Русановъ въ какомъ-то тревожномъ состояніи ходилъ по своимъ комнатамъ; поглядѣлъ въ окно: шарманщикъ вертитъ свой органъ—скучно! Снялъ со стѣны скрипку, сталъ вспоминать недавно слышанный désir—скучно!

„А что если поѣхать? Отчего жь и не поѣхать? Что за бѣда? Мнѣ просто весело тамъ; съ ней пріятно время провести....“

По утру онъ ужь вылѣзалъ изъ брички у крыльца Конона Терентьевича, владѣльца перваго знакомаго хутора по пути.

— Покорми тутъ, сказалъ онъ Жиду, входя въ переднюю.

Слышались голоса дяди и племянника въ горячемъ спорѣ.

— Я удивляюсь, говорилъ Кононъ Терентьевичъ,—какъ это тебя можетъ занимать!

— А я вотъ удивляюсь, какъ это васъ занимаетъ, что меня это занимаетъ....

Русановъ увидалъ Конона Терентьевича, умывавшагося въ двухъ тазахъ; сперва съ мыломъ, а потомъ набѣло въ чистой водѣ; племянникъ стоялъ на стулѣ и курилъ въ душникъ, такъ-какъ дядя терпѣть не могъ табачнаго воздуха,

увѣряя, что дышать имъ гораздо вреднѣе чѣмъ самому курить.

— Хвала Аллаху, насилу-то путное сказалъ.... Ахъ, здравствуйте!... Извините пожалуста....

— Продолжайте, продолжайте.... Въ чемъ дѣло?

— Да, вотъ юнота воюетъ....

— Но, послушайте, дяденька, надобно же что-нибудь дѣлать....

— Кто жъ тебѣ сказалъ, что есть на свѣтѣ дѣло? Никакого дѣла нѣтъ, все это фантасмагорія!

Русановъ поглядѣлъ на оратора, а племянникъ даже и курить пересталъ.

— Ну будешь служить, вотъ спроси у него: изъ чего? Жалованье получать! Будешь литераторомъ—гонорарій; купцомъ—барышъ; а результатъ одинъ: пить, ѣсть, наслаждаться жизнію.... Дураки хлопочутъ, изъ кожи вонъ лѣзутъ, а умный человѣкъ и такъ проживетъ....

— Да какже, по вашему, и цѣли въ жизни нѣтъ?

— Да что ты лошакъ что ли испанскій? Тѣмъ вотъ, когда на гору ѣдутъ, клочокъ сѣна передъ мордой вѣшаютъ; ну они и идутъ, все хотятъ дойдти.... И ты туда же?

— Послѣ этого и призванія никакого нѣтъ?

— Отстань, надоѣлъ.... Ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, дяденька! Вы сами себѣ противорѣчите.... На той недѣлѣ вы читали Искандера и восхищались; вчера пѣречитывали *Переписку* Гоголя, и опять восхищались, а нынче опять другое говорите....

— Да ты глупъ! Ну смотришь ты на розу—тебѣ нравится; нюхаешь жасминъ—опять нравится....

— Да? Такъ это всѣ цвѣточки?

— А ты въ самомъ дѣлѣ думалъ ягодки?

Русановъ прислушивался къ литературному каруселю не безъ любопытства. Онъ ждалъ какого-нибудь рѣшительнаго удара, когда вошелъ мужикъ съ глуповатымъ лицомъ и остановился у притолки.

— Что ты, Хведько?... Да, я за тобой посылалъ, заговорилъ Кононъ Терентьевичъ.—Поѣдешь въ городъ, купи ты мнѣ сала...

— Чую, протянулъ мужикъ.

— Ну, что чую? Ничего не чуешь! Сало бываетъ двухъ сортовъ: одно бѣлое, другое желтое....

— Се я понимаю....

— Такъ ты мнѣ самаго желтаго привези: это самое лучшее, оно на заграничный рынокъ идетъ.... въ Лондонъ. Когда спросъ увеличился, такъ наши купцы стали бѣлое подкрашивать орлеаномъ и гуммигутомъ, чтобы показистѣй было.... Понялъ?

— Эге! почесывался мужикъ, оглядывая всѣхъ изподлобья. Русановъ улыбался.

— Такъ смотри жь самаго желтаго! Да еще вотъ что̀ попробуй; сало вѣдь состоитъ изъ трехъ кислотъ: олеиновой, маргариновой и стеариновой, да еще органическое основаніе—глицеринъ. Такъ это дурное сало, коли въ немъ много олеину!

Мужикъ переминался съ ноги на ногу и съ ожесточеніемъ глядѣлъ на сапоги.

— Ты его пожми сквозь тряпку!

— Звольте! согласился мужикъ.

— Коли олеинъ потечетъ—не бери!

— Коли олея пидетъ, не бери! повторилъ мужикъ.

— Ну такъ ступай, да помни; сдѣлай это не въ службу, а въ дружбу; я вѣдь не панъ теперь....

— Якъ же не панъ? возражалъ мужикъ....

— Мы теперь сосѣди, объяснялъ Кононъ Терентьевичъ....

— Спасиби вамъ, кланялся мужикъ,—дозвольте мини вже и сынку взять зъ собой; вони тамъ на ставу * карасей ловять....

— Карасей ловятъ? Ребятишки? Какъ же они смѣютъ? Коля, дай-ка мнѣ шубу!

— Помилуйте, дяденька, жара такая!

— Давай, давай, проворно одѣвался Кононъ Терентьевичъ: —извините на минутку....

— Ничего, и я съ вами, сказалъ Русановъ.

Коля послѣдовалъ за ними въ сопровожденіи мужика. На пруду ребятишекъ не застали. Пошли по хатамъ.

— Съ чѣмъ у васъ борщъ? спрашивалъ Кононъ Терентьевичъ, входя въ комнату:—съ карасями?

— Зъ якими карасями? Виткиля? огрызлась бабуся, закрывая заслонкой печь.

— А вотъ я погляжу виткиля....—И Кононъ Терентьевичъ, какъ былъ въ шубѣ, полѣзъ въ печь и сталъ вытаскивать ухватомъ горшки....

— Это что̀, не караси? кричалъ онъ вытаскивая деревян-

* На пруду.

кою ложкой рыбу изъ горшка и швыряя въ лохань:—это не караси?

— Та хай вамъ бѣсъ, панъ, кричала баба,—увись борщъ замутили!

— А изъ панскаго пруда таскать умѣете! Чтобы впередъ не было! Въ судъ отправлю!

— Съ чѣмъ борщъ, спрашивалъ онъ въ другой хатѣ.

— Та не ма въ насъ, паночку, весело обрадовалась молодуха: —може каши поснидаете: е и чорна, и била!

— Съ карасями?

— Отъ се такъ! Яка жь така каша съ карасями?

Русановъ взялъ подъ руку Колю и пошелъ съ нимъ по деревнѣ, предоставляя на волю Конону Терентьевичу продолжать свои странствія.

— Это ужасно! горячился гимназистъ:—до какой пошлости можетъ дойдти человѣкъ! Сколько лѣтъ владѣетъ здѣсь, а ни одного грамотнаго на всемъ хуторѣ нѣтъ! Это какой-то феодальный баронъ!

— Это Конономъ Терентьичъ-то? усмѣхнулся Русановъ.—А у васъ славный черноземъ, почти на три четверти аршина, продолжалъ онъ, осматривая оврагъ.

— Да, вѣдь вся эта полоса была покрыта моремъ....

— Что такое?

— Я говорю про допотопный періодъ: тутъ море было, рыбы громадныя плавали, звѣри.... А потомъ, вымирая, гнили вмѣстѣ съ растеніями, образовали черноземъ; море стекало, появились рѣки, и прорыли эти овраги....

— Куда жь оно стекало?

— Оно стекало.... разумѣется куда? Съ земли.... Дяденька ничему этому не вѣритъ.... Онъ даже въ микроскопъ не вѣритъ! съ грустью говорилъ юноша.

— А! соболѣзновалъ Русановъ:—нуте?

— Конечно, тутъ много правды! Вѣдь мы съ вами призраки?

— Нѣтъ, неужели?

— Да какъ же? Что такое вѣсъ? Давленіе на вашу руку—ощущеніе! Цвѣтъ — раздраженіе вашего глаза — ощущеніе! Кто жь поручится, что ощущенія ваши вѣрны? И что такое вы сами? Призракъ!

— Какъ же вы это мирите геологію и Канта?

— Мирить не надо, воскликнулъ юноша: — это подлецы-

умѣренные выдумали! Мы принадлежимъ къ краснымъ; мы должны слѣдовать Руссо! Еслибы всѣ читали *Contrat Social*, весь міръ передѣлался бы самъ собою....

— Ну, весь запасъ свѣдѣній выложили? Или еще что̀ есть? Экого сумбура вамъ дяденька въ голову набилъ...

— Какъ дяденька? Я самостоятельныя изслѣдованія произвожу.... Конечно, онъ мнѣ много помогъ въ развитіи....

— Чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

— Акклиматизаціей. Вѣдь мы съ вами отъ обезьянъ произошли, такъ?

— Такъ, говорилъ Русановъ.

— Ну, точно такимъ же рядомъ постепеннаго совершенствованія, можно довести ворона, сороку до того, что они будутъ свободно выражаться на человѣчьемъ языкѣ....

Русановъ улыбался, но юноша, замѣтивъ это, нахмурился.

— Вы не вѣрите? Вы стало-быть принадлежите къ партіи ретроградовъ?

— Я ни къ какой партіи не принадлежу, говорилъ Русановъ.—Ну, что̀ вы будете дѣлать съ вашими сороками?

— Какъ не видѣть пользы! Дѣло говоритъ само за себя; тогда можно будетъ замѣнить ими разсыльныхъ съ эстафетами....

Хведько въ это время поровнялся съ ними, выѣзжая за околицу.

— Ну что̀, крикнулъ Русановъ:—понялъ какого сала барину надо?

— Эге, самаго билійшаго, крикнулъ тотъ, снимая шапку.

Русановъ окончательно расхохотался.

— Господа, пойдемте скорѣй домой, подошелъ къ нимъ Кононъ Терентьевичъ,—со мной несчастье!

— Что̀ такое? тревожно спросилъ Русановъ.

— Да вотъ съ этими проклятыми хамами! Полѣзъ на лавку, хотѣлъ осмотрѣть посуду, да объ полку носомъ и стукнулся.... что-нибудь вскочитъ.... Оподельдоку приложить или аглицкаго пластыря?

— Нѣтъ, задумчиво говорилъ Коля,—это невозможно, тутъ нужны радикальныя средства....

— Ты полагаешь?

— Кононъ Терентьевичъ уже поблѣднѣлъ.

— Да, какже, посудите сами; мы гибнемъ и никому до этого

дѣла нѣтъ! Лучшіе люди, напримѣръ графъ, вотъ онъ, и мало ли ихъ, всѣ они не обращаютъ....

— Что ты за чепуху несешь?

— Я все про Россію, дяденька.

— Тьфу, чортъ побери! Я думалъ про ушибъ....

— Нѣтъ, это невыносимо! Это возмутительно. На что жь вы учились? На что вамъ вся эта философія?...

— Прощайте-ка, господа, мнѣ пора, сказалъ Русановъ, и поѣхалъ.

„Гниль проклятая!“ думалъ онъ, выѣзжая со двора. „Мало того, что самъ до сумасшествія зарапортовался, еще и молокососа этого на свою дорожку тянетъ....“

А вечеромъ онъ уже подъѣзжалъ къ Горобцевскому хутору, несмотря на просьбы дяди остаться у него.

— Вотъ вы какимъ букой сдѣлались! встрѣтила его Инна на крыльцѣ:—по двѣ недѣли глазъ не кажете!

— Неужели это замѣтно?—И Русановъ просіялъ.

— Нѣтъ! Qui va à la chasse, perd sa place, весело говорила она, таща его въ гостиную.—Теперь насъ веселитъ графъ: повадился каждый день....

Владиміръ Ивановичъ не узналъ было своего товарища. Бронскій сидѣлъ съ Юленькой на диванѣ въ какой-то красной, шитой золотомъ венгеркѣ и блестящихъ ботфортахъ.

— Ба! Машина! сказалъ онъ, протягивая руку Русанову.

Всѣ, и Анна Михайловна, и Авениръ, несказанно обрадовались гостю.

— Ну-те, Владиміръ Иванычъ, умильно разспрашивала Анна Михайловна:—вступили въ должность? Дѣла у васъ есть?

— Есть, отвѣчалъ Русановъ.

— Идутъ?

— Идутъ.

— Ну, какъ же у васъ тамъ?

Русановъ началъ описывать чиновный міръ. Онъ привыкъ овладѣвать разговоромъ въ маленькомъ кружкѣ, и пошелъ по своей колеѣ съ свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ.

Бронскій слушалъ съ саркастическою улыбкой, покачивая ногой. Его замѣтно подмывало....

— Да, да, заговорилъ онъ вдругъ:—я самъ былъ вчера въ судѣ и видѣлъ тамъ судью.... Ну такъ и кажется, что быть

ему въ раю! Какъ не пожалѣть въ самомъ дѣлѣ! Жена, дѣти et caetera, et caetera.... О, благодѣтели! Неужели это оправданіе? Неужели по этой причинѣ вашъ убѣленный сѣдинами, угобзившійся въ Сводѣ секретарь достоинъ снисхожденія? Да чортъ съ нимъ! Дурную траву изъ поля вонъ, и конецъ! А вотъ, пока не переведутся такіе молодцы какъ ваша милость, и того нельзя будетъ сдѣлать!

— За что меня-то въ опалу?

— А вотъ за то, что вы этимъ самымъ тономъ говорите и съ ними, и со мной, со всякимъ! По моему, ужь лучше быть отъявленнымъ плутомъ; по крайней мѣрѣ знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь. Но аще будете ни теплы, ни холодны.... такъ что ли это по вашему?... изблюю васъ изъ устъ моихъ.

И Бронскій принялся говорить въ духѣ такой нетерпимости, что Русановъ рѣшился уступить поле противнику и удалился въ уголокъ. Бронскій громилъ все сплеча, говорилъ съ жаромъ; въ голосѣ слышалась правда. Онъ далъ полную волю негодованію и накопившейся желчи. Отъ чиновничества перешелъ къ обществу, что такъ равнодушно смотритъ на продѣлки служилыхъ; досталось и литературѣ.

— Куда мы идемъ! восклицалъ онъ:—есть ли у насъ просвѣщенные вожаки? Какая у насъ наука? Понюхаетъ того, другаго, заглянетъ въ двѣ-три книжонки и пошелъ благовѣстить съ каѳедры!

А Владиміръ наблюдалъ издали за впечатлѣніями слушателей. Анна Михайловна сидѣла, сложа руки, не спуская глазъ съ сіятельнаго гостя, и только изрѣдка съ улыбкой поглядывала на другихъ: дескать, вотъ какіе люди къ намъ ѣздятъ! Авениръ копался въ журналахъ и поднималъ голову только при высокихъ нотахъ. Юленька, къ которой Бронскій чаще всѣхъ обращался, дѣйствовала мимикой, стараясь выказать сочувствіе красотѣ слога. Инна лежала на козеткѣ, поглаживая усѣвшагося подлѣ Лару; но глаза ея свѣтились, вспыхивали при неожиданныхъ оборотахъ рѣчи, и по этимъ взглядамъ, по неожиданному жесту, Русановъ видѣлъ, что она не пропускаетъ ни одной сколько-нибудь замѣчательной мысли. Онъ очень хорошо зналъ привычки Бронскаго, понималъ, что тотъ не даромъ это дѣлаетъ. „Которая же изъ двухъ?“ Вотъ въ чемъ вопросъ!

— Ни на чемъ нельзя остановиться, кончилъ Бронскій:— нѣтъ ни одного отраднаго явленія!

— Въ чемъ же спасенье? сказалъ Русановъ, подходя и облокачиваясь на столъ.

— Спасенье?—Бронскій тоже всталъ и прямо смотрѣлъ ему въ лицо.—Ага! Вотъ что! Доктрину имъ подавай! Формулы для жизни!

— Да, твердо сказалъ Русановъ,—и хорошую доктрину! Дѣльныя формулы!

— Дайте срокъ, дадутъ вамъ и доктрину, и дѣйствовать научатъ, а теперь пока мы можемъ высказаться только такой душѣ, которая совмѣстила бы въ себѣ жаръ расплавленнаго желѣза съ молчаніемъ гробовой плиты....

— Помилуй Богъ, какіе страхи! съ улыбкою сказалъ Русановъ.—Скажите, графъ, что это за охота....—Онъ чуть не сказалъ: „дурачить себя....“—Что это за охота дѣлать изъ себя какого-то сфинкса?

Бронскій сдвинулъ брови, и, кто знаетъ, чѣмъ кончился бы споръ, еслибы не вмѣшалась Инна.

— А я вотъ разгадала этого сфинкса, сказала она поднимаясь.—Что такое значитъ dowódca?

Бронскій вспыхнулъ, и обвелъ всѣхъ безпокойнымъ взглядомъ.

— Мнѣ кажется.... началъ было онъ.

— Мнѣ кажется, перебила Юленька,—завтра все-таки надо устроить кавалькаду, графъ.

Русановъ расхохотался, и разговоръ принялъ другое направленіе.

Послѣ ужина, всѣ вышли провожать гостей. Двое дворовыхъ съ трудомъ удерживали графскаго коня, покрытаго тигровымъ вальтрапомъ; бѣлая пѣна капала съ мундштука; онъ рылъ землю ногой, и, храпя, косился на дрожащее пламя свѣчи. Графъ, чуть коснувшись чолки, сидѣлъ уже въ сѣдлѣ, а конь, почувствовавъ себя на свободѣ, взвился было на дыбы, но тотчасъ сталъ какъ вкопаный подъ сильнымъ цукомъ. Владиміръ усѣлся на свои дрожки.

— Вы не злитесь на меня? говорилъ графъ, выѣзжая изъ воротъ.

— Ничуть: вы испортили мнѣ вечеръ, вотъ и все!

— Фу, какъ вы поэтически выражаетесь!

— У васъ научился.... Вамъ налѣво?

— Да, не по пути. До завтра?

— До завтра.

Владиміръ, пріѣхавъ домой, тотчасъ кинулся на приготовленное ему ложе, и погасилъ свѣчу. Мухи озадаченныя внезапною темнотой, подняли неистовое жужжанье, бились въ потолокъ, лѣзли въ глаза и насилу, насилу успокоились. А онъ все не могъ заснуть, ворочался съ боку на бокъ и освобождалъ себя вздохомъ какъ изъ бочки. Старый майоръ слушалъ, слушалъ; наконецъ потерялъ терпѣнье....

— Да что съ тобою?

— Мухи, дяденька, жалобно отвѣтилъ племянникъ.

— Каверъ! сказалъ дядя.

— Ну, Юльчикъ, говорила Анна Михайловна, сидя у постели дочери,—поцѣлуй меня, такихъ успѣховъ я отъ тебя и не ожидала! Ты просто обворожила графа!

— Что вы, maman! Мнѣ стыдно! Сказала та, потупивъ глазки и позируя въ живописномъ дезабилье, охватывавшемъ ея роскошныя формы.

— Да какъ и не обворожить! Какъ и не обворожить этакой красавицѣ! Только ты ужь больно проста, надо посмѣлѣй, да понѣжнѣй...

— Какъ это можно, maman! При всѣхъ-то? Наединѣ съ нимъ я могу быть понѣжнѣе, а при другихъ нельзя и виду показать...

— Графинюшка ты моя! Гдѣ мнѣ учить? Ты умнѣй меня!

— Не правда ли, maman, какое громкое имя: графиня Юлія Бронская? Я непремѣнно упрошу его провести медовый мѣсяцъ въ Парижѣ...

— Развѣ я тебѣ наскучила? Говорила Анна Михайловна:— мнѣ бы только порадоваться на васъ...

— Мы скоро вернемся, maman, право скоро... Какъ вы думаете, можетъ онъ къ вѣнцу сдѣлать мнѣ головной уборъ изъ золотыхъ розъ съ бриліантами вмѣсто росы? Недурно вѣдь?

— Какое-жь въ этомъ сомнѣніе!

— То-то. Я не хочу его раззорять...

Онѣ распрощались, но на порогѣ Анна Михайловна остановилась въ раздумьи.

— А ты, душечка, вотъ что еще. Ты напрасно Ишимовато совсѣмъ отпихнула. Хорошо, какъ Богъ дастъ графа, а то не ровенъ случай. Да и графъ приревнуетъ, и это лучше.

— Fi, maman!... Ишимовъ! сказала дочка, выставивъ губку. Она это переняла у Бронскаго.

X. Тайна.

На другой день графъ Бронскій и Русановъ опять встрѣтились на хуторѣ Горобцовъ. Только спала жара, графскіе берейторы подвели лошадей къ крылечку. Графъ хлопоталъ около Юленьки, и усаживалъ ее на сѣдло.

Русановъ подошелъ къ Иннѣ.

— Не трудитесь, beau chevalier, я сама сажусь на лошадь.

Она стала горячить воронаго коня, и поскакала впередъ. Русановъ за ней, любуясь ловкостью и непринужденностью, съ какою она держалась на сѣдлѣ: точно она всю жизнь ничего другаго и не дѣлала....

— Васъ узнать нельзя, говорилъ онъ, едва поспѣвая за ней: — вы сегодня такъ веселы, такъ оживлены!

— Забудьте мою брюзгливость, которая, я думаю, порядкомъ надоѣла вамъ! Вы ея больше не увидите...

— И давно такая перемѣна?

— Да какъ вамъ сказать? Съ того дня какъ мы съ вами распрощались....

— Какъ это понимать?

— Какъ хотите, такъ и понимайте!

И, подавъ лошадь въ галопъ, она запѣла:

Полно прясть, о, сага mia,
Брось свое веретено!
Въ San Luigi прозвонили
Ave Maria давно!

— Будемъ жить и веселиться! крикнула она вдругъ, повертывая лошадь къ кавалькадѣ.

Они обогнули прудъ и остановились у довольно широкой канавы. Юленька проворно обскакала ее и стала вызывать графа обогнать ее до рощи, рисуясь и шаля, какъ дитя. Голубая амазонка такъ и волновалась въ кокетливыхъ движеніяхъ, раскраснѣвшееся лицо дышало веселымъ лукавствомъ, расширенныя ноздри и плутовскіе глазки такъ и поддразнивали....

— Усидите ли вы? говорилъ графъ, не спуская съ нея глазъ.

— Ловите жъ! крикнула она, и, ударивъ лошадь хлыстомъ, съ хохотомъ понеслась по полю....

Графъ нагнулся, далъ шпоры, и перескочивъ канаву, пустился въ карьеръ за ней.

Инна хотѣла послѣдовать его примѣру, но, обернувшись, увидала Русанова, объѣзжавшаго канаву съ опущенною головой!...

— Что это вы такою пѣночкой? сказала она, подъѣхавъ къ нему.

— Я думалъ объ васъ, встрепенулся онъ.

— Можно узнать эту думу?

— Я боюсь, что вы попадете подъ вліяніе Бронскаго.

— А что? Развѣ онъ брыкается?

— Вы не знаете что это за человѣкъ....

— Нѣтъ это вы не знаете! Развѣ не правду говорилъ онъ вчера? поправилась она.

— Правду!

Она поглядѣла на Русанова сбоку.

— Вы, стало-быть, сознаетесь? Все на что онъ нападалъ дурно?

— Стало-быть.

Она подняла брови.

— Да вѣдь это все одни слова, заговорилъ было Русановъ....

— А чего жь вамъ еще? Неужели вы не видите, что пока возможны только слова, слова и слова! Можно впрочемъ еще ждать....

— Чего-же?

— Пришествія того времени, когда первые будутъ послѣдними....

— Вы этому вѣрите?

— О, какой вы глупый! Не пеняйте, сами напросились на дружбу!

— А онъ, я вамъ доложу, бѣдовый! Онъ ужь не одну молодую голову вскружилъ, онъ на это мастеръ....

— Да вѣдь тутъ есть цѣль!

— Какая жь цѣль?—Русановъ сорвалъ кленовый листъ, положилъ на ладонь и хлопнулъ.—Вотъ какъ дѣти забавляются: хлопнулъ одинъ, давай другой, это его тѣшитъ....

— И вы съ нимъ росли, учились, были пріятелями.... Какъ вы его славно поняли!

— Мы никогда не были задушевными пріятелями: развѣ вы не знаете, что Поляки даже и въ университетѣ отдѣль-

нымъ кружкомъ. Онъ, правда, былъ общительнѣй, любилъ ходить ко мнѣ поспорить... Есть вещи, до которыхъ если дойдетъ, мы съ нимъ хоть на ножи...

— Что жъ онъ по вашему?

— Баричъ, мечтатель! Признаться, я за то и люблю его, что онъ не такъ страшенъ, какъ самъ себя размалевываетъ. Поглядите-ка его въ обществѣ: тамъ онъ и властямъ угождаетъ, и на всѣ руки...

— Онъ другое дѣло!

— Это какъ же?

— Ишь какой любопытный. Ау! крикнула она на опушкѣ. Изъ рощи не откликались.

— Я его прозвалъ изжогой...

— Что-о-о?

— Изжога послѣ тридцатилѣтняго поста.

— Говорите проще, я терпѣть не могу метафоръ.

— Ну вотъ какъ изъ темной комнаты выйдешь на свѣтъ, долго еще щуришься; такъ и эти господа воображаютъ, что фронда ихъ современна...

— Хорошо, да вѣдь до сихъ поръ и вы только отрицаете. Какой же вашъ-то идеалъ? Обрисуйте...

— Что за идеалъ? Хорошее встрѣчается и въ дѣйствительности.

— Кто жъ это? спросила она насмѣшливо, ожидая, что онъ или скажетъ ей комплиментъ, или замнется и тонко намекнетъ на себя. Въ послѣднемъ случаѣ она рѣшилась взбѣсить его.

— Вотъ напримѣръ Доминовъ, сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Доминовъ? Я не подозрѣвала.

— Да, заговорилъ Русановъ съ увлеченіемъ:—вотъ умный-то человѣкъ. Свѣтлый взглядъ, знанье дѣла...

Инна слушала съ улыбкой.

— А его юморъ? Я помню, недавно мы съ нимъ бродили въ городскомъ саду; онъ остановился у штамба георгинъ, наблюдая тлю... Вы никогда не видали? Это прелюбопытно! Кучка этой мелюзги облѣпитъ стебель и сосетъ соки, и два три муравья суетятся и хлопочутъ около нихъ. Я, профанъ въ зоологіи, думалъ, что они ѣдятъ тлю. Доминовъ обратилъ мое вниманіе на ихъ занятія и разъяснилъ фактъ. Муравей подбѣжитъ къ букашкѣ, и пощекочетъ ее щупальцами; она

поднимется на переднія ножки, выпуститъ каплю переработаннаго, прозрачнаго, сахарнаго сока, а муравей проворно овладѣетъ ей. Какъ бы славно было, говоритъ Петръ Николаевичъ, кабы и мы такими же лишними соками питались!

— А мнѣ вотъ и не нравится въ немъ именно то, что онъ самымъ разнохарактернымъ людямъ умѣетъ понравиться. Не вѣрю я въ хамелеоновъ этихъ! Представьте, графъ поетъ ему почти такой же панегирикъ! Мы впрочемъ незамѣтно удалились отъ начала разговора: вы меня сегодня просто поразили, и потому объявляю вамъ, сэръ, разъ навсегда, что никогда ни подъ чьимъ вліяніемъ состоять не намѣрена...

Они въѣхали въ самую чащу рощи. Инна бросила поводья, и пустила лошадь шагомъ по извилистой, перерѣзанной корнями лѣсной тропинкѣ. Вечерѣло, посвистывали малиновки, гдѣ-то невдалекѣ журчалъ ручеекъ. Инна вдругъ откинула съ лица локоны, и проговорила: „бѣдный, бѣдный мой Леонъ!“

— Какъ? спросилъ Русановъ измѣнившимся голосомъ. Ему было такъ хорошо въ эту минуту ѣхать съ ней рядомъ, будто они вмѣстѣ переживали какую-то тихую мелодію, и вдругъ такой рѣзкій диссонансъ....

— Хотите я вамъ на ночь разкажу страшную сказку? Вы хорошо знаете дядю Конона Терентьича...

— Кролика-то? Имѣлъ счастіе познакомиться.

— Это нисколько не мѣшало ему быть въ свое время вольтеріанцемъ, гегелистомъ, байронистомъ, чѣмъ угодно. Это его послѣднія реформы такъ ошеломили, что у него все спуталось... Ну-съ, такъ года три тому назадъ, здѣсь былъ одинъ молодой человѣкъ, красавецъ, благородный, смѣлый, умный... Да впрочемъ, благо вамъ знакомъ одинъ изъ нихъ.... Мы жили съ нимъ душа въ душу.

— Вы?

— Да, не перебивайте, если хотите дослушать. Дяденька тогда часто ѣздилъ къ намъ и бесѣдовалъ все больше о матерьяхъ важныхъ... Ну вотъ онъ и принялся просвѣщать насъ; училъ „на жизнь насмѣшливо глядѣть“.

— И вы уцѣлѣли?

— Я? Я и не поддавалась. Когда онъ пріѣхалъ сюда изъ столицы, мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Онъ не догадался, что я почти ребенкомъ покончила съ его проповѣдями. Чтобъ это васъ не сбило съ толку, смотрите: отъ меня двѣ тѣни...

Русановъ въ самомъ дѣлѣ увидалъ на землѣ двѣ тѣни, одну рѣзкую черную, другую свѣтлѣе, туманнѣе...

— Не примите меня за сверхъестественное существо!

Она, смѣясь, показала ему солнце отраженное въ болотной лужѣ.

— Такъ вотъ эта рѣзкая тѣнь—это я, какъ вы меня знаете; а эта я же, если заглянуть въ меня попристальнѣй. Меня уберегъ отцовскій закалъ, а Леонъ благоговѣлъ предъ столичнымъ ученымъ и вѣрилъ въ него, какъ Турокъ въ Коранъ. Мнѣ тяжело объ этомъ говорить, хоть и сама вызвалась...

Не легко было и Русанову; но на его лицѣ, всегда спокойномъ, какъ въ стоячей водѣ, никогда не было зыби...

— Онъ скоро превзошелъ учителя, собралъ уѣздную молодежь: пасквили, попойки, развратъ перессорили ихъ со всѣми сосѣдями. Это они звали отсутствіемъ предразсудковъ, оппозиціей застою, и еще сколько названій! Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, вошелъ въ долги, а за все это платилась я.

Лошадь Русанова кашлянула, и попробовала укусить его шенкель.

— Сижу, бывало, и плачу цѣлую ночь напролетъ, чтобы двери ему отворить, чтобъ отецъ не зналъ. Онъ придетъ пьяный, а на другой день рветъ на себѣ волосы, клянется оставить безпорядочную жизнь.

— Чѣмъ же это кончилось?

— Чѣмъ кончилось? Да надо еще придумать, вѣдь это сказка.... Продолжаю фантазировать. Онъ увлекъ жену одного изъ сосѣдей, мужу шепнули; онъ подкараулилъ ихъ съ дворовыми и хотѣлъ попросту на конюшнѣ отодрать. А у Леона всегда съ собой былъ тульскій ножъ, мой подарокъ. Онъ ударилъ супруга рукояткой въ високъ, и тотъ отправился къ предкамъ.

— Что жъ сталось съ тѣмъ несчастнымъ?

— Онъ бѣжалъ, и съ тѣхъ поръ я такъ и не имѣла объ немъ извѣстія; только очень недавно....

Невдалекѣ послышались голоса графа и Юленьки, топотъ лошадей....

— Я надѣюсь, эта дикая фантазія останется между нами, сказала Инна, повертывая лошадь навстрѣчу имъ.

— Гдѣ вы были милыя дѣти? Мы васъ цѣлый часъ ищемъ, кричала Юленька.

— Гдѣ жъ часъ? Не можетъ быть, говорилъ графъ. Онъ

принялся болтать и выдѣлывать разныя эволюціи на лошади, пока кавалькада выбиралась изъ лѣсу.

— Пройдемтесь пѣшкомъ, сказала Юленька, остановивъ лошадь:—я устала.

Бронскій вспыхнулъ и заботливо снялъ ее съ сѣдла.

— Возьмите мою руку, если устали.

Онъ повелъ ее, держа въ другой рукѣ поводья.

— Нѣтъ лучше ѣхать, рѣшила она,—только не шибко; я отвыкла отъ сѣдла.

Совсѣмъ стемнѣло, когда они подъѣзжали къ дому. Русановъ взялъ Инину лошадь подъ уздцы и удержалъ назади.

— Что же, чѣмъ кончилось?

— Я его недавно видѣла.

— Но, ради Бога, кто онъ? Что онъ вамъ такое?

— Нѣтъ, проговорила Инна, взявъ его за руку:—обдумали вы, чего вы добиваетесь? Малѣйшая промолвка, и вся сказка,—прибавила она смѣясь,—погибла....

— Не мучьте же меня!

— Что такое?—Она отдернула руку.

— Я привыкъ почти молиться на васъ. Ради нашей дружбы, зачѣмъ вы бросили на себя тѣнь?

— А-а-а! Вотъ пусть это и будетъ вашей дружбѣ испытаніемъ.

Она ударила лошадь хлыстомъ и присоединилась къ другой парѣ. Анна Михайловна дожидалась ихъ на террасѣ, боясь, чтобы не приключилось чего любимой дочкѣ. Юленька, сойдя съ лошади, бросилась въ ея объятья, смѣясь и плача въ одно и то же время. Бронскій стоялъ, кусая усы.

— Что ты, голубчикъ, что съ тобой? всхлопоталась Анна Михайловна.

— Устала, проговорила Юленька и торопливо, путаясь въ шлейфѣ, побѣжала въ комнаты.

— Пора гостямъ ко дворамъ, сказалъ графъ.—Вы завтра въ городъ? обратился онъ къ Русанову.

— Да.

— Пріѣзжайте ко мнѣ; вмѣстѣ отправимся.

XI. Интрига.

Леонъ сидѣлъ въ кабинетѣ графа за письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ матовымъ свѣтомъ лампы. Передъ нимъ лежали бумаги, счеты, ландкарты; онъ машинально чертилъ по нимъ

перочинным ножом, безцѣльно глядя въ темное окно. Лицо его всегда серіозное, почти мрачное въ людяхъ, имѣло какое-то страдальческое выраженіе когда онъ оставался съ самимъ собою. Прошло еще нѣсколько времени; въ домѣ послышалась бѣготня прислуги. Бронскій весело вошелъ и бросилъ на столъ хлыстъ.

— Ужинъ! Лучшаго вина! Мы сегодня кутимъ, Леонъ! Проворнѣй! приказывалъ онъ лакею.

— Позволено ли мнѣ спросить что мы здѣсь дѣлаемъ, графъ? сурово проговорилъ Леонъ.

— Пока тонемъ въ роскоши Капуи, милѣйшій! говорилъ графъ, трепля его по плечу.

— А наши?

— Что жь? Мы не теряемъ времени, мы вербуемъ хорошенькихъ прозелитокъ.

— Ужь не женитесь ли вы, чего добраго?

— Я женюсь? У васъ бѣлая горячка?

Леонъ нахмурился.

— Такъ любуюсь. Просто вы озлоблены противъ женщинъ.... Скажите-ка лучше какъ идетъ крестьянское дѣло? Развѣдали вы?

— Ходилъ, угрюмо отвѣтилъ Леонъ.

— Ну, и какъ же они приняли наши грамоты?

— Въ Теретковской волости повѣрили, волнуются....

— За успѣхъ! крикнулъ Бронскій, поднимая бокалъ.

— Погодите радоваться-то! Въ другихъ стоятъ на своемъ, а изъ одной вашъ посланецъ на силу ноги унесъ.

— Что за вздоръ! сказалъ графъ, стукнувъ бокалъ объ столъ такъ неосторожно, что ножка отскочила и порѣзала ему руку. — Не умѣютъ взяться, продолжалъ онъ, слизывая кровь;—нужно добиться во что бы то ни стало. Я и не такимъ народомъ верчу какъ пѣшками, а тутъ чтобъ не сладить съ этимъ *быдломъ!*

— Попробуйте, говорилъ Леонъ.

Онъ сталъ опоражнивать стаканъ за стаканомъ, и все угрюмѣй дѣлалось красивое лицо.

— Вамъ не слѣдуетъ пить, сказалъ графъ, вставая изъ-за стола:—васъ вино не веселитъ!

— Старая мораль, замѣтилъ Леонъ,—и гораздо хуже вашего венгерскаго.

Спустя часъ графъ ужь спалъ, беззаботно раскинувшись

на постели; одна рука лежала на груди, будто прислушиваясь къ ровному біенію сердца. Курчавые волосы разметались на подушкѣ, на губахъ бродила улыбка. Леонъ, охмѣлѣвъ еще за ужиномъ, стоялъ надъ нимъ въ одной изъ тѣхъ думъ, которыя обыкновенно развязываетъ вино.

„Счастливецъ, думалось ему, можетъ-быть его завтра схватятъ; онъ гордо выйдетъ на судъ. Кто вы такой? Званіе, имя, фамилія? Графъ Владиславъ Броньскій. Какого вѣроисповѣданія? Никакого. Не дѣйствовали ль вы противъ правительства? Дѣйствовалъ. Знаете ли вы, чему вы подвергаетесь? Знаетъ, и спитъ.... покойно. Онъ вѣритъ, вѣритъ!“

Леонъ спустился невѣрною походкой по витой лѣстницѣ въ нижній этажъ, и пошелъ черезъ огромную залу, бѣлую подъ мраморъ, увѣшанную фамильными портретами. Мѣсяцъ слабо освѣщалъ ее сквозь стеклянныя двери и окна оранжереи. Шаги его съ трескучимъ эхомъ отдавались въ залѣ. Онъ безцѣльно остановился передъ портретомъ какого-то рыцаря въ латахъ.

„Убійца!“ проговорилъ онъ глухимъ голосомъ: „убійца!“ повторилъ онъ передъ другимъ портретомъ, вышелъ въ садъ и зашагалъ по темнымъ аллеямъ. На воздухѣ вино еще больше бросилось ему въ голову; онъ разстегнулъ воротъ рубашки и слонялся по песчанымъ дорожкамъ, шатаясь по сторонамъ, хватаясь руками за колючую акацію.

Онъ повалился на траву, и тяжело заснулъ.

Спустя два или три часа, онъ проснулся и оглядѣлся съ изумленіемъ. На востокѣ краснѣло, сумерки будто уходили за сплоченную массу мелкихъ барашковъ; четуйчатая броня ихъ зарумянилась по краямъ; золотистая полоска прорѣзала тучу; того и гляди выйдетъ солнце.

Леонъ подошелъ къ берегу рѣчки, огибавшей садъ. Будто дымъ отъ выстрѣла въ сырую погоду, стлался туманъ по изливамъ воды. Куличокъ съ громкимъ свистомъ потянулъ изъ-подъ ногъ Леона. Онъ сталъ освѣжать голову холодною водой. Стая утокъ просвистала рѣзвыми крыльями надъ нимъ; онъ проводилъ ее глазами и пошелъ въ поле разминать тѣло, утомленное возліяніями, безсонницей и разгорячеяымъ воображеніемъ. Когда онъ вернулся къ дому, солнце ужь было высоко. На дворѣ графъ разговаривалъ съ незнакомымъ ему господиномъ, садясь въ коляску. Леонъ спрятался отъ нихъ за уголъ.

— Экое утро! проговорилъ Русановъ, прищуриваясь отъ блеснувшихъ прямо въ лицо теплыхъ лучей.

— Да, восторженный бюрократъ: свѣжее какъ огурецъ, покойное какъ лежачія рессоры!

— Такъ, такъ! проговорилъ Русановъ: — вѣчное глумленье! Человѣкъ такъ устроенъ, что ему надо чему-нибудь кланяться; генераламъ совѣстно ужь, такъ давай духу времени.

— Какой слогъ! Какая глубина! посмѣивался Бронскій.—Не будемъ ругаться, давайте лучше говорить о Фейербахѣ: это вѣчто нейтральное.

— Не надоѣлъ онъ вамъ еще, пока литографировали? А кстати, графъ, вамъ ничего, а тамъ вѣдь кое-кто посидѣлъ за эту продѣлку.

— Что̀, небось, жалко стало? Фарисеи всегда заботятся о мятѣ, рутѣ, а лѣса истребляютъ безъ зазрѣнія.

— Что это, ваше сіятельство, на церковный гласъ запѣли? Нѣтъ, Христосъ не проповѣдывалъ рѣзни. Онъ и плевелъ не велѣлъ дергать, чтобы пшеницы не сгубить.

— За то и привилось его ученье на кострахъ инквизиціи!

— Этакъ мы съ вами и за горло другъ друга схватимъ, сказалъ Русановъ.

— Доказательство сильное! возразилъ Бронскій, завертываясь въ плащъ.

Часовъ въ двѣнадцать доѣхали до города. Русановъ пошелъ прямо на службу, а графъ велѣлъ остановиться у губернаторскаго дома, проворно взобрался по коврамъ лѣстницы и вошелъ въ пріемную залу. Нѣсколько просителей ожидали выхода его превосходительства. Дежурный чиновникъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ, считая паркетныя клѣтки и стараясь попадать ногой въ темныя.

— Потрудитесь доложить его превосходительству: графъ Бронскій по дѣлу не терпящему отлагательства.

— Его превосходительство заняты, не смѣю взять на себя вашего порученія.

— А возьмете вы на себя отвѣтственность въ государственномъ преступленіи, если оно совершится, пока я буду ждать?

Чиновникъ поклонился, вошелъ въ кабинетъ и спустя нѣсколько минутъ попросилъ графа пожаловать.

— А, очень радъ, проговорилъ губернаторъ, протягивая руку.

— Ваше превосходительство, сказалъ Бронскій, раскланиваясь:—я никакъ не осмѣлился бы отвлекать васъ, еслибы не забота объ общественной безопасности.

— Что такое, графъ? Садитесь пожалуста!

— Мнѣ стало извѣстно, началъ Бронскій офиціальнымъ тономъ:—что нѣкоторые неблагонамѣренные люди смущаютъ крестьянъ, научаютъ ихъ неповиновенію властямъ и всѣми силами стараются произвесть смуту въ нашемъ краѣ.

— Скажите! Стало-быть правда? проговорилъ губернаторъ, блѣднѣя.

— Со дня на день должно вспыхнуть возмущеніе въ Терешковской волости. Не смѣю совѣтовать....

— Говорите, графъ, говорите!

— Я полагалъ бы немедленно послать туда военную силу, для энергическаго вразумленія непокорныхъ.

— Разумѣется! Большое вамъ спасибо, что вы вовремя пріѣхали; представьте, въ какое затрудненіе я былъ поставленъ; все это хотѣли на васъ свалить. Я вчера получилъ на васъ доносъ. Не угодно ли полюбопытствовать?—Онъ указалъ графу листъ почтовой бумаги, и тотъ взволнованнымъ голосомъ прочелъ: „Честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, что графъ Бронскій, дѣйствуя постоянно во вредъ законному правительству, распространяетъ ложные слухи и пагубныя идеи въ народѣ. Не утруждая васъ изложеніемъ причинъ моего инкогнито, осмѣливаюсь просить, для блага ввѣренной вашему управленію губерніи, обратить особенное вниманіе ваше на возмутителя общественнаго спокойствія.“

— И только, сказалъ графъ съ презрительною усмѣшкой,— но вѣдь это анонимное письмо, и я надѣюсь, ваше превосходительство цѣните его какъ должно. Какая гнусность! Какое холопство!

— Успокойтесь, графъ.

— Да, сказалъ Бронскій, вздохнувъ,—у меня много враговъ.

„Русановъ, непремѣнно Русановъ,“ вертѣлось у него въ головѣ.

— Много враговъ слѣдятъ за мною, продолжалъ онъ съ грустью:—они знаютъ, что пока я живъ, ни одинъ бездѣльникъ....

— Но кто же эти бездѣльники? перебилъ губернаторъ.

— Настоящіе дѣятели въ здѣшнемъ краѣ неизвѣстны мнѣ;

я эти свѣдѣнія получилъ отъ преданныхъ людей, но имѣю сильное подозрѣніе на нѣкоторыхъ....

— Здѣшнихъ?

— Ваше превосходительство, это дѣло очень щекотливое, пока подозрѣніе не оправдалось. По мѣрѣ подтвержденія, я не премину сообщить вамъ имена людей, которыхъ слѣдуетъ удалить. Пока я могу назвать только чиновника гражданской палаты, Русанова.

— Русанова? переспросилъ губернаторъ, записывая въ памятную книжку.

— Точно такъ, человѣкъ очень вреднаго направленія.

— И все молодежь? А?

— Большею частію, ваше превосходительство. Вотъ они надежды нашего бѣднаго отечества! Безсмысленная болтовня, духъ отрицанія. Таковы ли истинные патріоты? Станутъ ли они попусту разглагольствовать тамъ, гдѣ нужны живыя силы, рабочія способности.

— Но если такъ, это еще не страшно.

— Нѣтъ, они опаснѣй чѣмъ вы изволите полагать; они рѣшились развращать народъ до послѣдней степени и произвесть всеобщее возстаніе.

Долго еще бесѣдовалъ графъ съ губернаторомъ. Генералъ проводилъ его до залы, и остановясь въ дверяхъ, обратился къ нему съ любезною улыбкой.

— Отчего вы не служите, графъ? Я поручилъ бы вамъ почетный постъ.

— Цѣню выше всего благосклонность вашего превосходительства, но предпочитаю служить интересамъ отечества, не стѣсняя себя формальными обязанностями.

Губернаторъ подозвалъ дежурнаго чиновника.

— Потрудитесь передать вашимъ товарищамъ секретно: графъ Бронскій входитъ ко мнѣ во всякое время дня и ночи безъ доклада, сказалъ онъ, и началъ обходить просителей.

А графъ, въ сопровожденіи чиновника, спустился въ переднюю, далъ ассигнацію швейцару и сѣлъ въ коляску.

— Имѣю честь поручить себя вашему сіятельству, неизвѣстно для чего говорилъ дежурный, откланиваясь графу съ крыльца, безъ шляпы, съ заискивающею улыбкой.

Бронскій торопилъ кучера, развалясь на подушкахъ.

— Buona sera! Buona se-e-e-ra! напѣвавъ онъ, посмѣиваясь

и покачиваясь въ экипажѣ. Прохожіе, останавливаясь, съ завистью любовались кровными сѣрыми рысаками.

Въ то же утро, едва Доминовъ увидалъ вошедшаго Русанова, взялъ его подъ руку, и отошелъ въ сторону.

— Я не могу нахвалиться вами, началъ онъ: такой распорядительности, такой дѣятельности, я право не ожидалъ; нынѣшніе студенты... охъ!

Русановъ поклонился.

— Это заслуживаетъ особеннаго поощренія; не останавливайтесь на полдорогѣ. Я не доволенъ секретаремъ, это мѣсто будетъ ваше. Не обращайте вниманія на толки здѣшнихъ служакъ; это люди съ толкучаго рынка: они дотягиваютъ свою лямку. Найдутся другіе, которые отдадутъ вамъ справедливость... Постойте, есть еще частное дѣльце, объясните мнѣ, что это значитъ?

Доминовъ показалъ ему какую-то бумагу.

Русановъ взглянулъ и покраснѣлъ.

— Какъ это... я... такъ? могъ онъ только проговорить. Въ концѣ бумаги вмѣсто его подписи значилось: Иночка.

— Ничего, ничего. Выскоблить и сандаракомъ потереть, вотъ и все. Не въ томъ дѣло. Вы ужь не влюбились ли? говорилъ Доминовъ, слегка подтрунивая.—Смотрите Владиміръ Иванычъ, не дайте маху! Передъ вами прекрасная карьера, у васъ отличныя способности... Положимъ, женитьба дѣло тоже хорошее. Если вы возьмете за женой тысячъ пятьдесятъ, шестьдесятъ, это не помѣшаетъ, даже выдвинетъ васъ. Но вотъ бѣда: въ ваши лѣта такъ не женятся...

Русановъ улыбался.

— Вы извините меня пожалуста; я говорю по дружбѣ и по опыту. Это имя напомнило мнѣ одну госпожу, извѣстную своею эксцентричностью, и я такъ только предостерегаю васъ. Мы, новые люди, должны крѣпко стоять другъ за друга, прибавилъ онъ, пожимая руку Русанову.

XII. Бродячая труппа.

Въ началѣ августа уѣздный городокъ замѣтно оживился, открылась ярмарка. Вдоль по главной улицѣ и на всей площади потянулись ряды палатокъ съ краснымъ товаромъ, возы со всевозможными фруктами, рядна съ деревянною и глиняною посудой. За городомъ въ полѣ пасся табунъ лошадей въ

дощатой загороди. Покупатель на свое счастье и на потѣху зрителей забрасывалъ арканъ; поднималась бѣготня, ржанье, и пойманнаго степняка выводили при одобрительныхъ крикахъ толпы. Два ремонтера ругались съ барышниками. На перекресткахъ сидѣли бабы съ мѣшками вареныхъ раковъ; ихъ тутъ же поглощали мѣстные гастрономы на мѣдныя деньги. Губернская и уѣздная аристократія каталась въ разнообразныхъ экипажахъ; помѣщики толкались на торгу. Тамъ и самъ расхаживали продавцы пряниковъ и прочей мелочи. Въ толпѣ любопытныхъ проворный Жидокъ предлагалъ попытать фортуны на попорченной астролябіи; кто поставитъ сразу алидаду на извѣстную черту—тому карбованецъ; промахнется—давай гривну; и много гривенъ перешло въ карманъ хитреца. Хотѣли ужь побить его, но вмѣшалась полиція. Большой кружокъ народа собрался подлѣ фонарнаго столба съ длинною афишей; на ней было изображено крупными буквами:

„Съ дозволенія начальства, труппою путешествующихъ артистовъ представлено будетъ, съ участіемъ мѣстныхъ любителей, подъ дирекціей Шураховскаго....“ Потомъ шло исчисленіе піесъ, изъ которыхъ одна была малороссійская и въ заключеніе обѣщался дивертисементъ съ танцами, пѣніемъ, чтеніемъ стиховъ и чуть не фейерверкомъ.

—Cousin! кричала Юленька, высовываясь изъ кареты:—venez donc!

Коля подбѣжалъ къ дверцамъ.

— Что это вы покупаете?..

— Конфедератку, важно отвѣтилъ онъ, показывая ей четырехугольную шапку, съ мерлушковымъ околышемъ.

— Возьмите намъ ложу, побліже къ сценѣ. Вы будете, конечно?

— Непремѣнно, устраивается демонстрація...

— Ну, то-то!

Карета покатилась.

На дворѣ предводительскаго дома, въ просторномъ манежѣ устроили сцену. Наскоро отгородили полукругомъ рядъ ложъ, поставили стулья, а позади ихъ горкой возвышались скамьи для *галерки*, какъ называли студенты раекъ. Въ семь часовъ театръ наполнился. Въ ложахъ рисовались дамы *декольте*. Изъ послѣдней къ сценѣ, драпированной красными занавѣсками, предводительша слѣдила за Бронскимъ. Онъ стоялъ въ первомъ ряду креселъ и фамиліарно разговаривалъ съ какимъ-то

повидимому мѣщаниномъ, въ сѣрой поддевкѣ, въ очкахъ, съ длинною бородой. Тотъ явно важничалъ, поднималъ красное лицо къ ложамъ, и отрывисто отвѣчалъ на вопросы. Цѣлая компанія молодежи въ бѣлыхъ свиткахъ окружала ихъ.

— Кто это? спросилъ Русановъ у пріѣхавшаго съ нимъ Доминова.

— Какъ! Вы не знакомы? Это извѣстный Лукошкинъ, всю Россію обошелъ...

— А, это онъ? Слыхалъ, сказалъ Русановъ и обернулся къ ложамъ, отыскивая Горобцевъ. Онъ увидалъ въ ихъ ложѣ Инну въ черномъ шелковомъ платьѣ съ высокимъ воротомъ. Она смотрѣла на *галерку*, откуда раздавались нетерпѣливыя рукоплесканія.

Плохой оркестръ мѣдныхъ инструментовъ проигралъ что-то. Занавѣсъ съ изображеніемъ жертвенника раздвинулся на обѣ стороны. Шураховскій въ казацкомъ костюмѣ расхаживалъ по сценѣ, представлявшей внутренность хаты, ломаясь и размахивая руками. Жена его въ красномъ казакинѣ съ корабликомъ * на головѣ, очень смазливенькая, уперла руки въ боки, и притопывая подковами черевиковъ, запѣла довольно пріятнымъ голосомъ:

И вчора пампушки!
И сегодня пампушки!

Графъ первый началъ хлопать, молодежь подхватила, за ней *галерка*, и вся зала затряслась отъ аплодисментовъ, Инна наклонилась черезъ барьеръ и бросила къ ногамъ артистки букетъ бѣлыхъ гарденій.

— Неужели это такъ хорошо? спрашивалъ озадаченный Русановъ. Онъ съ самаго начала пробрался въ ложу и стоялъ за стуломъ Инны.

— Это такъ нужно; это льститъ національности, сказала она, обертываясь къ нему.

— Странно что-то! Отчего жъ эта жинка измѣняетъ мужу для москаля. Вотъ и москаль-чаривникъ, и тамъ тоже....

— Ну, вотъ вѣчно съ серіозными вопросами! говорила Инна, обмахиваясь вѣеромъ:—подите, не портите мнѣ bien-aise....

— Вы рѣшительно перемѣнились...

— Да, можетъ-быть оттого что частое удовольствіе не въ

* Головной уборъ.

удовольствіе! Мнѣ хорошо въ толпѣ нынче... И какъ-то право весело... Что-то такое во мнѣ...—И она такъ взглянула на Русанова, что у того все запрыгало въ глазахъ....

Шла нѣмая игра изумленнаго мужа при видѣ жены, преобразившейся въ солдата. Въ одной изъ ложъ шумно усаживались новоприбывшіе. Русановъ направилъ свой бинокль, и узналъ Ишимова съ разряженною молоденькою женщиной. Онъ бережно снималъ съ нея бархатную тальму, она кивнула ему хорошенькою головкой съ васильковымъ вѣнкомъ на взбитыхъ волосахъ.

— Это онъ въ пику мнѣ! сказала Юленька сестрѣ, добродушно улыбаясь.

Въ партерѣ все любовалось красавицей.

— Это возмутительно! Въ три недѣли! Проговорилъ Русановъ какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ, опуская бинокль.

Инна взглянула на него. Владиміръ Ивановичъ былъ блѣденъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ она его знала.

Піеса кончилась при громкихъ рукоплесканіяхъ. Вызывали Шураховскаго.

— Всѣхъ! Всѣхъ! раздавались голоса.

— Что съ вами такое было? спросила Инна, обертываясь къ Русанову.

— Помните, я вамъ разказывалъ про Нилочку?.. Это она, бѣдная Нилочка, въ золотыхъ браслетахъ, въ кружевахъ...

— А! Ну, подите, выпейте стаканъ лимонаду.... Послѣ! Послѣ!

Опять поднялся занавѣсъ. Пошла русская піеса: *Не мѣсто красить человѣка*. Актеры играли вяло, говорили заученымъ голосомъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ.

— Этого просто слушать нельзя, сказала Инна:—ну не отчаивайтесь же, можетъ-быть это такъ только...

— Что такое? спросилъ Русановъ.

— Да, Нилочка-то ваша...

— Инна Николавна, мнѣ не слѣдовало объ этомъ и заговаривать....

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь; я не изъ московскихъ барышенъ, хоть можетъ-быть и меньше ихъ знаю. Что онъ перебилъ у васъ любовницу, это вы хотѣли сказать?

— У меня? Какъ у меня?

— Такъ это не ревность? Что жь это?

— Неужели жь вамъ не жалко бѣдной, развращенной дѣвушки?

— Это развѣ развратъ? Вотъ видите, какъ различны бываютъ взгляды! А я ее уважаю; она по крайней мѣрѣ живетъ...

„Я становой приставъ и не могу измѣнить моимъ убѣжденіямъ“ трагически произнесъ молодой актеръ.

Графъ приподнялся и шикнулъ, въ партерѣ опять подхватили...

— Насилу-то! сказала Инна и подала руку Русанову.—Пройдемтесь, здѣсь жарко.

Русановъ накинулъ ей бедуинку и повелъ по дорожкѣ, межь двухъ рядовъ статуй, освѣщенныхъ краснова тымъ свѣтомъ плошекъ.

— А все-таки она стоила не такой любви, говорилъ Русановъ.—Онъ ее броситъ!

— Вы вѣрите въ неизмѣнную? насмѣшливо спросила Инна.

— Мнѣ непріятно это слышать отъ васъ; особенно послѣ грустныхъ извѣстій, которыя получены мной изъ Петербурга...

— Что жь такое?

— Тамъ у меня пріятель есть: удивительныя новости сообщаетъ. Что вы скажете, напримѣръ, о семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая вскакиваетъ на столъ съ бокаломъ въ рукѣ и кричитъ: „крови! крови!“

— Ну, Петербургъ, это извѣстно.

— Только извѣстно?

— Нѣтъ, пожалуй съ одной стороны этому радоваться надо...

— Вотъ какъ! А мнѣ кажется, что это со всѣхъ сторонъ безобразіе. Вонъ мой пріятель, пожалуй, восхищается, что выпущенные изъ крѣпости молодые люди хватаются тѣмъ, будто они чему-то научились на предки... Люди, значитъ, энергіи и дѣла!

— Что жь, и этому можно порадоваться!

— Да помилуйте, что жь тутъ хорошаго! Безсмысленными выходками добиться до безпощадной реакціи. Вонъ и воскресныя школы закрыли, потому что тамъ коммунизмъ проповѣдывался; и читальни закрыли: тамъ то же чортъ знаетъ что творилось... Ну и на здоровье имъ, за что жь народу-то въ чужомъ пиру похмѣлье? Послѣднія средства выйдти изъ невѣжества отнимаются.

Инна сѣла на скамейку, и прислонясь къ рѣшетчатой спинкѣ, смотрѣла на вьющіеся огоньки плошекъ и шкаликовъ.

— Вспомнилось и наше студенчество, продолжалъ Русаковъ. Сколько силъ потрачено! Сколько времени убито! И для чего? Разграничивали, разграничивали Европу, а потомъ пошли на площадь и тамъ ихъ лавочники похватали! До чего дошло: своими ушами слышалъ въ Англійскомъ клубѣ господина. На что̀ намъ, говоритъ, образованные люди?..

— Ну-съ, перебила Инна, наговорили вы много, къ какому результату вы пришли?

— Какой же тутъ результатъ?

— Очень простой: не остановить вамъ этого движенія никакими сентенціями. Пойдемте лучше русскую комедію дослушивать!

Между тѣмъ Бронскій отправился за кулисы. Тамъ Коля ухаживалъ за молоденькою танцовщицей; она сидѣла у одной изъ плошекъ, освѣщавшихъ боковыя декораціи и протягивала ножку поклоннику искусства. Окружавшіе молодые люди спорили за право надѣть ей башмачекъ.

— Мы живемъ *ан-сосіетэ*, сообщалъ Колѣ jeune premier:— бо́льшая часть выручки идетъ на великое дѣло, остальное мы дѣлимъ поровну...

— Вотъ жизнь! восхищался тотъ:—право еслибы mademoiselle поцѣловала меня, я бы пошелъ къ вамъ въ труппу.

— Въ поцѣлуѣ нѣтъ грѣха, сострила Терпсихора, протягивая губки.

Начался дивертисементъ. Одинъ любитель пѣлъ малороссійскую пѣсню, въ которой излагались похожденія, нравы и обычаи различныхъ птицъ, начиная съ синицы и кончая журавлемъ. Это особенно нравилось *галеркѣ*, которая въ простотѣ сердечной и не понимала политическаго смысла пѣсни. Оттуда слышались восклицанія въ родѣ: „швидче *, сучій сынку!“

— Голова! сообщалъ Колѣ jeune premier, указывая на любителя:—кандидатомъ курсъ кончилъ въ Кіевѣ, да замотался, запился въ этой затхлой средѣ; теперь къ намъ хочетъ...

— Рѣшительно иду въ труппу! восклицалъ Коля.

— Вы все еще сердитесь на меня? подошелъ къ нему Бронскій.

---

* Шибче.

— Полноте, графъ, отвѣтилъ обрадованный юноша.

— Вспомните, что мы были въ обществѣ обскурантовъ. Зачѣмъ открывать игру? Высшая тактика: „скачи враже, якъ панъ каже“; надо брать людей, какъ они есть, чтобъ они на что-нибудь годились... А васъ я еще тогда замѣтилъ, вы одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ передовыхъ людей.

— Ахъ, графъ! могъ только проговорить юноша, захлебываясь отъ восторга.

Краковякъ прошелъ превосходно къ общему удовольствію публики. Танцовщица не скупилась на позы: видно было многое. Одинъ помѣщикъ выходилъ изъ себя, высовывался изъ ложи, и отбилъ себѣ до-красна ладони. *Галерка* неистовствовала.

Наконецъ выступилъ московскій купецъ Заевъ, пріѣхавшій на ярмарку съ книгами. Онъ держалъ въ рукѣ томъ Лермонтова, и сталъ читать пѣсню о купцѣ Калашниковѣ.

Прошли три, четыре строфы. Съ галерки раздалось: „довольно“. Купчикъ дрогнулъ, по лицу пробѣжала краска, но онъ все-таки продолжалъ.

Въ креслахъ послышался свистокъ, другой, третій. Заевъ опустилъ книгу и растерялся.

— Го! Га! Втикай! гремѣли свитки въ партерѣ....

— Чуешь? Отзывались на *галерки*, може такъ и треба?— Галерка подхватила.

Шураховскій съ Колей выскочили на сцену.

— Кланяйтесь и благодарите! крикнулъ первый. Заевъ до того сконфузился, что кланялся волновавшейся и хохотавшей публикѣ, и улыбался блѣдный, какъ мертвецъ.

— Надѣньте шапку, кричалъ Коля, нахлобучивая ему капелюхи.

— Занавѣсъ! Занавѣсъ! Кричалъ графъ изъ креселъ, покрывая шумъ своимъ голосомъ.

У выхода поднялась давка. Зрители расходились и разъѣзжались въ темнотѣ. Графъ и Русановъ усаживали въ карету Горобцевъ.

— Вы завтра у насъ, графъ? спрашивала Юленька, выставляя назадъ ручку.

— Непремѣнно, сказалъ Бронскій, украдкой прижимая ее къ губамъ.

— Счастливецъ, говорилъ Русановъ Инѣ:—можетъ располагать своимъ временемъ.

— А вы опять на двѣ недѣли, и къ моему рожденію не пріѣдете?..

— Во что̀ бы то ни стало, говорилъ Русановъ, въ восторгѣ.— Я и завтра еще пробуду здѣсь...

— Ну, такъ до свиданія—въ библіотекѣ!

На сценѣ тушили плошки, подметали грязь; танцовщица безъ церемоніи облекалась въ обыденное, засаленное платье; *coulisse* перепилось до вращенія земли и подралось при дѣлежѣ.

— Что̀ жь это? думалъ Русановъ, пробираясь по забору, это просто демонстрація; то-то порадуются противники искусства для искусства.

Графъ выѣхалъ въ своемъ экипажѣ на уголъ улицы и дожидался кого-то, завернувшись въ плащъ. Подошелъ мущина въ пальто съ поднятымъ воротникомъ.

— Шураховскій, вы?

— Я.

— Садитесь. Пошелъ! Выручка велика?

— Больше тысячи рублей; насъ вездѣ встрѣчали съ сочувствіемъ; третьяго дня вѣнокъ поднесли.

— Это хорошо; вы получите отъ меня еще пять тысячъ. Сдайте кому-нибудь дирекцію и отправляйтесь завтра въ Литтихъ; я вамъ дамъ адресъ завода. Смотрите, чтобы всѣ ружья были съ моимъ клеймомъ: В и Б подъ короной; тамъ ихъ вамъ уложатъ, а провести ужь ваше дѣло.

— Лучше всего на границѣ контрабандистамъ поручить.

— Ужь тамъ какъ знаете. Кстати захватите экземпляровъ двѣсти *Колокола*, ну и еще какой-нибудь дряни; это удивительный конфортативъ на здѣшніе мозги!

— Что̀ сказать отъ васъ варшавскимъ друзьямъ?

— Скоро самъ буду къ нимъ.

XIII. Публичная библіотека.

Проснувшись поздно, Русановъ тотчасъ одѣлся и отправился въ библіотеку. Она помѣщалась на площади, въ небольшомъ, чистенькомъ домикѣ. Русановъ отворилъ обитую клеенкой дверь, колокольчикъ задребезжалъ на всѣ комнаты.

„Все какъ быть должно,“ подумалъ онъ, сбрасывая пальто, и вошелъ въ свѣтлую залу. По стѣнамъ висѣли портреты

русскихъ писателей, по срединѣ стоялъ столъ, заваленный ежедневными газетами и окруженный стульями.

„И тутъ хорошо, рѣшительно мы цивилизуемся“, думалъ Русановъ, проходя въ слѣдующую комнату. Тамъ даже мебель была мягкая, на столѣ въ порядкѣ разложены толстые журналы; сквозь отворенную дверь виднѣлась спина библіотекаря за конторкою въ третьей комнатѣ. Но все это только мелькнуло въ глазахъ молодаго человѣка. Облокотясь на одну руку и запустивъ ее въ роскошные волосы, Инна перелистывала журналъ; нѣсколько времени онъ любовался ею, пока она не подняла головы.

— Ну, васъ кошечка не съѣстъ, сказала она, показывая часы,—скоро и обѣдать пора.

— Вы одни здѣсь?

— А что? Васъ это поражаетъ? Не тужите безвременно.... Ужо въ библіотекѣ будетъ цѣлый полкъ; у насъ аккуратно собираются по вечерамъ играть въ карты; недурно?

— Я и объ этомъ не тужу; изъ отчета видно, что карты доставляютъ половину всего дохода.

— Да, вотъ что! Утилитарность!

— А какъ же иначе? Эти господа и конѣйки бы не пожертвовали; играютъ они въ боковыхъ комнатахъ, заниматься не мѣшаютъ. А вы что это почитывали?

— *Основу.*

— Скажите пожалуста, вамъ ближе знать, какая это *Основа?* чего? Я, признаюсь, думалъ, что это *основа* небывалаго языка.

— Ну, да ужь вамъ стóитъ только подумать, непремѣнно парадоксъ выйдетъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, для кого пишетъ хоть г. Кулишъ? Если для народа, такъ вѣдь мало написать *ындывыдуальность, цывылызацiя*, надо растолковать въ чемъ дѣло, а на это понадобятся цѣлые тома; а если для общества—такъ какъ вамъ это нравится?

— Да ужь что вамъ за дѣло! Нравится ли, нѣтъ ли, а вотъ наша молодежь начинаетъ такъ говорить на родномъ языкѣ.

— Вы стало-быть раздѣляете надежды хохломановъ?

— Да, вы не ругайтесь, я вамъ опять скажу, духа времени вамъ по своему не перевернуть.

— Что такое духъ времени? Это ужь для меня и совсѣмъ непонятно.

— А вотъ оно что! Вы просто оригинальничать изволите... Ну, теперь все понятно!

— Нѣтъ, не шутя, Инна Николаевна, что такое духъ времени? Вы вотъ, вѣроятно, представительница его; ну, а я какъ? Не во времени существую?

— А вы тормазъ его....

— И всѣ, кто также думаетъ?

— Вы хотите сказать, что васъ больше? Тѣмъ стыднѣй!

— Да послушайте, еслибъ это было къ лучшему, я первый присталъ бы.... Ну, скажите по совѣсти, какіе идеалы выработали эти господа? Шевченко, напримѣръ.... Послѣднее слово? Максимъ *рѣже*, а Ярема, еще лучше—не *рѣже—лютше* на пожарищахъ.

— А нуте-ка, я вамъ задамъ такой же вопросъ: порѣшили ли вы что лучше, то ли что вамъ кажется такимъ, или что мнѣ? Вамъ вотъ съ дѣтства говорили, что это зеленое сукно, вы его и называете такъ, и я тоже; а такъ ли глазъ нашъ видитъ его? Очень можетъ-быть, мы называемъ по привычкѣ однимъ именемъ разные цвѣта.

— Вотъ она, батюшка, вотъ она! еще въ залѣ кричалъ Коля, таща подъ руку Лукошкина.

Онъ сбросилъ свитку, надѣтую сверхъ красной рубашки, и подвелъ товарища къ Иннѣ.

— Позвольте вамъ представить русскую женщину: моя кузина!

Русановъ поглядѣлъ на нихъ съ усмѣшкою. Сама Инна сконфузилась.

— Я видала monsieur Лукошкина въ Петербургѣ, поспѣшно проговорила она, протягивая руку.—Вы теперь наши края посѣщаете?

— Да, путешествую по великой и обильной землѣ нашей и все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что порядка въ ней нѣтъ.

— Тутъ чортъ знаетъ что дѣлается! прорвало вдругъ гимназиста:—вотъ полюбуйтесь: *Русскіе Вѣстники*, *Домашнія Бесѣды*, *Сыны Отечества*... знаете на что все это пригодно?

— А на что? спросилъ Лукошкинъ, видимо ждавшій надлежащаго отвѣта.

— Запалить ихъ, да и подпалить вонъ то прекрасное зданіе, отвѣтилъ гимназистъ, показывая въ окно на стоявшій насупротивъ земскій судъ.

— Ого! Да вы дальше насъ пошли, сказалъ Лукошкинъ, совершенно довольный выходкой.

Русанова это, наконецъ, взорвало.

— А вамъ, значитъ, няня сказала, какъ оно называется?

— Какъ вы смѣете? Э, да что съ вами изъ пустаго въ порожнее переливать; васъ всѣ отсталымъ называютъ.

— Господа, сказала Инна,—мы вчера съ графомъ разсуждали, какъ бы заохотить аборигеновъ къ чтенію, и рѣшили дать литературный вечеръ.... въ пользу бѣдныхъ студентовъ нашего края; вы, конечно, примете участіе?

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Лукошкинъ,—у меня кстати поспѣлъ уже очеркъ здѣшняго народнаго быта...

— Да что читать-то? возразилъ Коля,—скоро ли мы доживемъ до того времени, когда позволятъ Герцена...

— Да скоро ужь и позволятъ, усмѣхнулся Русановъ:— больше опоздаться нельзя...

— Ну, а вы принесете свою лепту?..

— Нѣтъ, увольте; у меня отъ этой литературы ужь голова трещитъ...

— Напрасно! подтрунивала Инна:—Такъ и порѣшили ничего не читать, чтобы голова всегда свѣжа была?..

— Такъ и порѣшилъ, отвѣтилъ съ неудовольствіемъ Русановъ, подавая ей накидку.

— И такъ до общаго свиданія, проговорила она, кивнувъ имъ головкой.

XIV. Жаръ крови.

Съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся Русановъ за дѣла.. Чижиковъ, глядя на него, и самъ сталъ усердствовать и работать на славу. Старые служаки только переглядывались.

— Столичная штучка, а хватка поди! говорилъ взъерошенный столоначальникъ.

Поручили Владиміру Ивановичу исправлять должность секретаря; предсѣдатель сталъ относиться къ нему съ уваженіемъ; молодые писцы въ клѣтчатыхъ невыразимыхъ, съ бородками и эспаньолками, души въ немъ не чаяли. А онъ съ каждымъ днемъ становился грустнѣй, да грустнѣй. Пока въ присутствіи, не даетъ себѣ ни минуты свободной, читаетъ указы, провѣряетъ докладныя записки; если своего дѣла

нѣтъ, у другихъ возьметъ; а домой придетъ, сидитъ на диванѣ скучный, скрипку возьметъ, фантазируетъ.

— Что вы это, Владиміръ Иванычъ, все такое жалостное наигрываете? Али пора пришла? спросилъ разъ Пудъ Савичъ, внося ему свѣчи на столъ.

— Какая пора?..

— Извѣстно-съ, пора молодцу жениться, пора ѣхать со двора...

— Н...да, вотъ какая! проговорилъ Русановъ какъ-то на двое.

Однажды, возвратясь изъ палаты, онъ нашелъ на столѣ письмо, только что пришедшее съ почты. Онъ тотчасъ же узналъ почеркъ.

„Если вы не пріѣдете къ 30-му августа, я сочту всю нашу дружбу громкою фразой, и побѣда останется за мной. Побалуйте новорожденную Инну.“

— Которое нынче число? спрашивалъ Русановъ, входя къ хозяину.

— Двадцать седьмое-съ..

— Пожалуста, добрѣйшій Пудъ Савичъ, распорядитесь, чтобы завтра мнѣ были лошади готовы... Наймите,—и Русановъ обнялъ изумленнаго хозяина.

— Къ дядюшкѣ отправляетесь погостить?

— Погостить, погостить, весело отвѣтилъ Русановъ.

Вернувшись въ кабинетъ, онъ для чего-то старательно убралъ на столѣ бездѣлушки, потомъ взялъ листъ почтовой бумаги, и сталъ писать.

„Помнится, я обѣщалъ тебѣ, милый другъ, подробно писать тотчасъ по пріѣздѣ. И вотъ только теперь собрался. Читай, удивляйся, но не подражай! Я такъ счастливъ въ эту минуту, такъ счастливъ, что не подѣлиться не могу. Сейчасъ только получилъ очаровательное письмо... отъ нея. Перечитываю въ сотый разъ, и все новый смыслъ, новоезначеніе! Испытывала ли ты то чувство, когда, говорятъ, камень сваливается съ плечъ? Но, такъ ты ничего не поймешь. На счастье или на бѣду, я нашелъ въ черноземной почвѣ Украйны алмазъ чистѣйшей воды (см. руководство къ минералогіи). Смѣйся, смѣйся, я и самъ смѣюсь, что въ угоду тебѣ пишу такимъ высокимъ слогомъ. Представь себѣ Грёзовскую головку... Впрочемъ искони извѣстно, хоть ты и „живописица преславна,“ какъ ни представляй, ничего не выйдетъ! Каюсь, veni, vidi, victus sum...

„Вижу отсюда твое строгое лицо, въ которомъ одни глаза умѣютъ зло улыбнуться; вижу, какъ ты опускаешь руку съ письмомъ, задавая себѣ вопросъ: читать ли дальше... Какъ? А международное право? А далеко ли подвинулась ваша магистерская диссертація? Чортъ ихъ дери! Я буду однимъ изъ многихъ—вотъ и все! Ты и представить себѣ не можешь какъ хорошо быть однимъ изъ многихъ...

„Бронскій здѣсь, чудитъ попрежнему. Что это такое? Врожденная ли неспособность понимать дѣйствительность, или упорное проведеніе въ жизнь доктрины его во что бы то ни стало? Это, вотъ, тебѣ задача!

„А знаешь что? Не придетъ ли тебѣ фантазія къ осени-то, какъ бывало, эмигрировать изъ Москвы? Несись сюда: край преинтересный по части ландшафта и жанра. Можетъ-быть палящіе лучи юга разогрѣютъ твое мраморное сердце! Пожелай успѣха въ предстоящемъ рѣшительномъ объясненіи твоему преданному другу Владиміру Русанову. 1862 г. 27 августа."

На конвертѣ Русановъ написалъ адресъ: „ея высокоблагородію, Мальвинѣ Францовнѣ Штейнфельсъ. Въ Москву. На Молчановкѣ, въ приходѣ Николы что на Курьихъ Ножкахъ, въ собственномъ домѣ. Весьма нужное."

Наконецъ, наступилъ день, котораго такъ томительно ожидалъ молодой человѣкъ,—день рожденія Инны. Какъ длинна казалась ему дорога! Какъ онъ ухаживалъ на станціяхъ за смотрителями, старостами, боясь, чтобы какъ-нибудь не было задержки! Но вотъ наконецъ и дубовая роща, вотъ и покатый берегъ пруда, и соломенная крыша мелькаетъ въ саду. Какъ все это мило! Словно и деревья обрадовались его пріѣзду, киваютъ вѣтвями и перешептываются. И воздухомъ-то этимъ вольнѣе дышится! Онъ остановилъ ямщика у плетня, далъ ему лишній полтинникъ, перелѣзъ черезъ загородь, и пошелъ садомъ. На поворотѣ аллеи слышались веселые голоса; онъ остановился за кустомъ, чтобы перевести духъ. На встрѣчу ему шелъ графъ подъ руку съ Юленькой; за ними Инна, довольная, улыбающаяся, въ бѣлой вышитой шелками сорочкѣ, черной атласной юпкѣ и черевичкахъ. Черные волосы падали на спину двумя косами перевитыми лиловою лентой; на шеѣ блестѣло коралловое ожерелье. У Русанова зарябило въ глазахъ, и онъ, какъ шальной, здоровался съ ними, перевирая имена...

— Ага, испугались! сказала Инна, грозя ему:—ну теперь рѣшительно не помѣстимся! Владимiръ Иванычъ непремѣнно опрокинетъ лодку; поѣзжайте, отважные мореплаватели....

Графъ, поддерживая Юленьку, сталъ спускаться къ пруду.

— А вы извольте занимать новорожденную; сегодня я совершеннолѣтняя, и потому желаю капризничать....

Русановъ смутно чувствовалъ, что приготовленныя рѣчи испарились или по крайней мѣрѣ оказались такими же годными, какъ дѣловая бумага, которую изорвали на мелкiя кусочки.

— Посмотрите что̀ мнѣ графъ подарилъ! Она подала ему уютное, стереотипное изданiе Мицкевича и альбомъ фотографическихъ карточекъ. Русановъ прислонился къ дереву и перелистывалъ портреты, усиливаясь пріобрѣсть обычный contenance.

— Все запрещенные? спросилъ онъ, улыбаясь.

— Всѣ до̀ одного, также отвѣтила она.

— А это чей? Какое славное лицо!

— Еще бы: это другъ моего отца, Кошутъ...

— Другъ вашего отца?

— Да, отецъ мой тамъ былъ въ 1848 году. Здѣсь есть и портретъ моего отца.

Русановъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза.

— Да-съ, отецъ подальновидней вашего дядюшки понималъ бѣлые мундиры... Хотите, я вамъ прочту что-нибудь.

Она начала поэму *Dziady*. Русановъ слушалъ, а въ головѣ бродило другое. Солнце такъ и палило, ярко просвѣчивая въ разноцвѣтныхъ георгинахъ, красномъ макѣ, опьяняющiй запахъ цвѣтовъ доносился теплымъ вѣтеркомъ, пчелы жужжали на пасѣкѣ, по травѣ бѣжали тѣни облаковъ... Онъ глядѣлъ на Инну и сердце въ немъ билось, билось... Какъ она близко сидитъ! Опуститься бы вотъ передъ ней на колѣни, спрятать голову въ складкахъ платья и ждать приговора! А если все испортишь?... Вдругъ Инна прервала чтенiе.

— Ну что̀ я прочла? сказала она, инквизиторски смотря на него.

Русановъ совсѣмъ растерялся.

— Похвально! похвально! проговорила она.

— Да, вѣдь я не понимаю по-польски, силился оправдаться несчастный...

— Что̀ жь вы не скажете?

— Чтобы вы замолчали-то?

— Да что̀ вы такой юродивый нынче?

— Я получилъ мѣсто секретаря, отвѣтилъ онъ какъ нельзя болѣе впопадъ.

— Такъ скоро?

— Должно-быть отличился какъ-нибудь...

Инна расхохоталась.

— Постойте, у меня до васъ большая просьба...

— Приказывайте...

— Вотъ видите, вы у насъ какъ свой, начала Инна,—и лицо ее приняло озабоченное выраженіе;—вы, я думаю, замѣтили, что графъ не равнодушенъ къ сестрѣ?

— А! удивился Русановъ.

— Возьмите на себя трудъ поговорить съ ней объ этомъ...

— Но почему же вы сами не хотите?

— Въ томъ и дѣло, что я ужь пробовала намекать, но тутъ поднялся такой гвалтъ, меня заподозрили въ желаніи разстроить свадьбу...

— Что̀ жь я ей долженъ сказать?

— Вы постарайтесь ее увѣрить, что графъ и не думаетъ на ней жениться, что ей не слѣдуетъ такъ увлекаться, не узнавъ его намѣреній... Вѣдь ей же, бѣдняжкѣ, плохо придется! Въ этомъ случаѣ прямая обязанность наша остановить ее...

— Но почему жь вы это знаете?

Инна помолчала.

— Послушайте, сказала она съ разстановкой,—замѣчали вы, чтобъ я когда-нибудь лгала?

— Никогда, съ жаромъ отвѣтилъ Русановъ.

— Повѣрьте же мнѣ на слово. Больше я ничего не могу сказать...

— Нѣтъ, какъ хотите, такого порученья я не беру на себя...

— Не хотите вѣрить?

— Не то, Инна Николаевна. Какъ мнѣ разбивать чужія надежды, когда я самъ...

— Что̀ самъ?

— Когда я самъ вѣрю въ свою звѣзду...—Русановъ проклялъ свой языкъ.

— Что̀ жь, это хорошо надѣяться на звѣзду... На̀ какой лентѣ? На голубой, али хорошо и на красной?

— Эта звѣздочка даетъ мнѣ силу трудиться... льетъ живи-

тельные лучи, говорилъ онъ все болѣе и болѣе конфузясь, полушутливымъ, полусеріознымъ тономъ.

— Вотъ какая славная! Только отсталая, слѣдуетъ теоріи истеченія свѣта. Гдѣ жь она, въ Москвѣ?

— Инна Николаевна...

— Какъ ее зовутъ?

— Инной, бухнулъ Русановъ.

Она вскочила, и смѣряла его взглядомъ.

— Признаюсь, такого сюрприза и въ день рожденья не ожидала. Что съ вами? говорила она, вглядываясь въ его лицо.—Такъ это правда? правда?

— Ложь?... При васъ? не помня себя, говорилъ Русановъ съ сіяющими глазами.

Инна измѣнилась въ лицѣ и подалась назадъ.

— Что я надѣлала? проговорила она,—уйдите, оставьте меня на минуту....

— Инна, говорилъ Русановъ, — отдайте мнѣ вашу руку, вашу дорогую руку...—И, не совладавъ съ собой, онъ схватилъ ея руку и прильнулъ горячими губами...

— Владиміръ... Иванычъ, успокойтесь... Въ какое положеніе вы меня ставите!...

— Инна!

— Поймите меня... Я не могу быть ничьей женой. Этого нельзя... нельзя, Владиміръ...

Она потянула руку, Русановъ еще крѣпче стиснулъ ее, онъ уже не робѣлъ, онъ чувствовалъ себя въ самой быстринѣ неодолимаго потока. Дыханіе у него занималось, онъ не могъ говорить...

— Этого нельзя, Владиміръ, говорила она, перерывающимся голосомъ,—вы не должны....

Она сдѣлала надъ собой страшное усиліе, вся кровь бросилась ей въ лицо, и почти шепотомъ докончила:

— Я не достойна васъ... Я принадлежала другому...

Онъ затрепеталъ, кровь хлынула ему въ голову. Она отвернулась и со слезами на глазахъ глядѣла въ сторону; грудь ея такъ и поднимала тонкій батистъ. Наконецъ страсть, бѣшеная страсть охватила его пожирающимъ пламенемъ. Онъ схватилъ ее за талію и привлекъ къ себѣ. Она дрогнула, обернула къ нему блѣдное лицо и прижалась къ плечу... Садъ, мѣсто, время, все вылетѣло изъ головы Русанова.

— Владиміръ! Владиміръ! шептала она, вырываясь.—Вла-

диміръ! крикнула она въ испугѣ.—Ужо! ужо! черезъ силу проговорила она и убѣжала къ дому.

Русановъ опустился на траву. Долго не могъ онъ придти въ себя. Вокругъ была тишина, только какая-то птичка однообразно чирикала въ спокойной листвѣ. Онъ сталъ обмахиваться платкомъ...

„Мечты! мечты! гдѣ ваша сладость?“ послышался насмѣшливый голосъ.

Русановъ увидалъ Юленьку, опиравшуюся на руку Бронскаго.

— Non, mais voyez sa figure, говорила она, смѣясь,—вдохновенное какое лицо!

Русановъ вспомнилъ, что еще не представлялся Аннѣ Михайловнѣ и послѣдовалъ за ними.

XV. Посредникъ.

Не успѣли они взойдти на крыльцо, какъ къ нему подкатила старомодная пролетка парою разнотерсныхъ лошадей. Съ нея соскочилъ Кононъ Терентьевичъ безъ шапки, съ блуждающими глазами, едва держась на ногахъ.

— Бѣда! бѣда! крикнулъ онъ, завидѣвъ ихъ, шагнулъ мимо ступенекъ и чуть не клюнулся.

Бронскій прыснулъ со смѣху.

— Бунтъ!... Лапаки раззорятъ, бормоталъ Кононъ Терентьевичъ,—къ посреднику послалъ, надо пушки!

— Что такое? Владиміръ Иванычъ! Братецъ! кричала Анна Михайловна, выбѣгая на крыльцо и струсивъ при одномъ взглядѣ на Горобца.—Какъ меня напугали!

— Вы знаете народъ, говорилъ тотъ таинственно, но озираясь на кучера и на ухо Русанову:—это не возстаніе будетъ, а анатомическое препарированіе!

— Чортъ знаетъ что за чепуха! говорилъ Русановъ.

— Крестьяне взбунтовались, выговорилъ, наконецъ, Горобецъ.

— Пошлите въ городъ за военною силой, сказалъ Бронскій.

— Постойте, я съѣзжу, поговорю съ ними, предложилъ Русановъ.

— Что вы съ ума сошли? вскрикнулъ Горобецъ:—да и Филька не поѣдетъ, убьютъ!

— Убьютъ, убьютъ, разбойники! подхватила Анна Михайловна.—Голубчикъ мой, не ѣздите, убьютъ.

— Дайте мнѣ вашу лошадь, сказалъ Русановъ Бронскому.

— Не дамъ, отвѣтилъ тотъ хмурясь.

— Что жь вамъ жалко, что ли?

— Я самъ сейчасъ ѣду въ городъ за уланами. Этимъ шутить нельзя...

— Филька, отстегни пристяжную!...

Филька лѣниво началъ отстегивать постромки.

— Владиміръ, не ѣзди, проговорилъ Бронскій въ полголоса.

Русановъ удивился: такъ рѣдко случалось ему слышать дружеское *ты*.

— Я прошу, продолжалъ Бронскій, глядя изъ подлобья.

Ему подвели лошадь.

— Вздоръ! отвѣтилъ Русановъ, перекидывая потникъ на спину лошади.—Къ чему это улановъ-то?

— Тебя жь спасать придется! отвѣтилъ Бронскій и птицей вылетѣлъ за ворота...

„Надуритъ непремѣнно“, думалъ Русановъ, изо всѣхъ силъ погоняя взмыленную пристяжную. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ уже подлѣ хутора Конона Терентьевича. У него начинало захватывать духъ, когда онъ проскакалъ околицу. На концѣ селенія стояла толпа крестьянъ, размахивая руками и крича во все горло. Лошадь остановилась передъ народомъ, храпя и пятясь.

— Что у васъ тутъ, крикнулъ Русановъ.

Никто не отвѣчалъ. Въ громадѣ стоялъ Коля и съ жаромъ толковалъ что-то, не обращая вниманія на подъѣхавшаго.

— Такъ и есть, вездѣ поспѣлъ! Что у васъ тутъ?

— А вамъ, пане, чого треба? отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Шапки долой! крикнулъ Русановъ.

Крестьяне стали переглядываться.

— Что вы тутъ дѣлаете? сурово крикнулъ Русановъ, поймавъ за руку Горобца...

— Революцію, отвѣчалъ тотъ, нахлобучивая свою конфедератку:—ваше царствіе кончено! Идите-ка, идите своею дорогой!

— А я вамъ вотъ что скажу: если вы сію минуту по добру, да поздорову не уберетесь отсюда, я васъ связать велю.... За военною силой послано! Долой шапки! настойчиво проговорилъ Русановъ, снова обращаясь къ толпѣ.

Крестьяне молча стали снимать шапки.

— Не слушайте подлеца, кричалъ гимназистъ,—что жь такое военная сила? Такіе же люди. Вооружайся, кто чѣмъ можетъ!

— Хлопцы, крикнулъ Русановъ,—противъ Государя идете? Кого слушаете?

— Ни, заговорили всѣ разомъ:—якъ же то можно? Чижь мы дурни, або що!

Коля плюнулъ и пошелъ къ дому. Русановъ подмигнулъ на него старостѣ, тотъ подошелъ держа шапку въ рукахъ.

— Запри его въ комнату какую-нибудь, коли что еще вздумаетъ, а не то такъ покарауль... Не спускай его съ глазъ....

Тотъ пошелъ еще съ однимъ дворовымъ.

— Что жь у васъ тутъ подѣялось?

Опять всѣ заговорили разомъ, замахали руками, ничего нельзя понять....

— Стой, говори кто-нибудь одинъ; выходи впередъ.

Громада подвинулась.

— Та не всѣ разомъ. Ну, ты, обратился Русановъ къ одному паробку, который стоялъ въ шапкѣ, руки въ боки, и дерзко на него поглядывалъ.—Выходи со мной говорить!

— Эге, чого жь я пиду? мнѣ и ось де гарно, говорилъ тотъ, почесываясь и пятясь въ толпу.

— Ну стой тамъ, може тебе, якъ дрюкъ, у землю забилъ?

По толпѣ пронесся сдержанный хохотъ.

— Ходи, Остапъ, ходи до охвицира, говорили нѣкоторые, подталкивая худенькаго, щедушнаго мужичонка. Тотъ вышелъ, переминаясь.

— Ну, чего тебѣ надо? говорилъ Русановъ.

— Та ничогисенько, говорилъ тотъ, потупясь и разводя руками:—хай винъ намъ рибу ловить не заказуе...

— Кто такой?

— Та панъ.

— А этотъ что жь тутъ разказывалъ?

— Та кто е знае? Кать зна що. Каже, щобъ панамъ вѣры не давать, бо паны брешуть....

— А самъ-то онъ не панъ стало-быть? якъ же?

— Та звѣстно що панъ, слышались голоса.

— Какъ же вы его слушаете? Ще зовсѣмъ дитина...

— Та хиба мы що знаемо... Тильko бъ намъ отдали тію волю, що царь далъ!

— Какую жь такую?

— Та тутъ чоловѣкъ, якійсь, приходивъ, то чита въ ii, говорилъ Остапъ.

— Положеніе что ли?

— Ни, та не така, съ золотыми птыцями...

Подъѣхали дрожки, Ишимовъ, въ роскошномъ пиджакѣ и голубомъ галстукѣ, растаркался съ Русановымъ и накинулся на мужиковъ.

— Чего вы буяните? а? Бунтовать? а? Непокорство власти? Неповиновеніе законному правительству? а?

Толпа опять собралась и загудѣла.

— А що се за чоловѣкъ, началъ паробокъ,—якій се чоловѣкъ?

— Какъ, ты не знаешь меня? меня? Я мировой посредникъ!

— Хай насъ разумный панычъ разсудитъ, волновалась громада.

— Будьте съ ними поласковѣе. Ну, какіе они бунтовщики и сказалъ Русановъ по-французски Ишимову.

Они оба принялись разспрашивать крестьянъ, и вотъ что открылось: Хуторъ Конона Терентьевича примыкалъ къ пруду, находившемуся въ общемъ владѣніи съ двумя, тремя смежными владѣльцами. Скупой и разчетливый Горобецъ хотѣлъ заставить крестьянъ гатить ему плотину, толкуя имъ съ „Положеніемъ“ въ рукахъ, что это есть ихъ священная обязанность. Они отвѣчали, что мельница его, ему и гатить приходится, а если онъ позволитъ имъ рыбу ловить, такъ примутъ на себя работу.—Рыбы вамъ не видать! крикнулъ Кононъ Терентьевичъ:—А у васъ лопатокъ * не будетъ, сказалъ Остапъ, разумѣя, что ихъ водой снесетъ, когда греблю предоставятъ самой себѣ. Кононъ Терентьевичъ принялъ это за угрозу разсорить ихъ, погрозился высѣчь виновныхъ, и послалъ за посредникомъ. А панычъ Миколо прибѣжалъ на хуторъ, собралъ громаду, началъ говорить о полученной имъ грамотѣ съ „золотыми птыцями“, совѣтовалъ настойчиво требовать права на рыбную ловлю, обѣщался не выдавать ихъ; сообщалъ, что помѣщики возстаютъ на царя за отмѣну крѣпостнаго права, а потомъ, явясь къ ничего-нечаявшему дядѣ, какъ громомъ поразилъ его вѣстью, что на хуторѣ возстаніе,

* Лопатки водянаго колеса.

и онъ по волѣ народной уполномоченъ объявить плантатору приговоръ изгнанія. Перепуганный философъ едва могъ велѣть закладывать лошадей и, проѣзжая по улицѣ, не осмѣлился даже поднять сорванной вѣтромъ шапки.

— Вѣдь nec plus ultra, говорилъ Русановъ посреднику,— нечего сказать, подвизаются любезные соотечественники!

Ишимовъ почувствовалъ неловкость при видѣ смиренно стоявшей толпы народа. Ему стало совѣстно своего дебюта...

— Надѣюсь, продолжалъ Русановъ,—что вы не допустите ни до какихъ серіозныхъ послѣдствій.

— Конечно, конечно! А это что жь такое?

Къ селенію на полныхъ рысяхъ, пики въ руку, подъѣзжалъ эскадронъ уланъ.

— Батько нашъ, взмолились крестьяне,—заступись! и повалились Ишимову въ ноги.

— Ступайте по домамъ, по хатамъ! крикнулъ онъ, весьма довольный исходомъ дѣла.

Въ нѣсколько минутъ улица опустѣла, и потомъ наполнилась вооруженными всадниками.

— Стой, равняйся! скомандовалъ начальникъ, и молодцовато подскакавъ къ слѣдователямъ, осадилъ коня.

— Здѣсь возстаніе? спросилъ онъ, осматриваясь.

— Никакого возстанія здѣсь не было, отвѣчалъ Ишимовъ,— недоразумѣніе!

— Позвольте, позвольте, говорилъ Броновскій, вылѣзая съ исправникомъ изъ тарантаса:—здѣсь были подсылаемы возмутительныя грамоты....

— Да! сказалъ военный, крутя усы.

— Это ужъ мое дѣло, ротмистръ, обратился къ нему исправникъ, мущина среднихъ лѣтъ, съ грустнымъ выраженіемъ лица. Густые русые усы намекали, что онъ былъ изъ отставныхъ военныхъ.

— Это изъ рукъ вонъ, ворчалъ графъ:—рады все покрыть за деньги.

— Не нравится мнѣ этотъ господинъ, говорилъ исправникъ, взявъ подъ руку Русанова и отходя въ сторону:—прискакалъ ко мнѣ такой веселый, точно онъ въ театръ собирался смотрѣть, какъ мы по народу станемъ стрѣлять.... Какъ вы думаете, опасности не будетъ отпустить команду?

— Никакой, клянусь честью, говорилъ Русановъ, пожимая ему руку.—Вы-то что же будете дѣлать?

— Я жду судебнаго слѣдователя; тутъ подметные листы были, грустно усмѣхнулся исправникъ:—опять придется драть неповинныя спины! А все наши гуманные господчики кутятъ на чужія денежки!

— Слѣдовало бы угостить ребятушекъ водкой, подошелъ Ишимовъ, указывая на солдатъ.—Милости просимъ въ домъ, господа, за отсутствіемъ хозяина!

Исправникъ усмѣхнулся. А Русановъ шепнулъ Ишимову, что слѣдственная коммисія у истца не останавливается. Тотъ очень сконфузился....

Русановъ вошелъ въ комнаты и нашелъ паныча Миколу, беззаботно лежавшаго на диванѣ съ *Pucelle d'Orléans* въ рукахъ.

— Ну-съ, юный революціонеръ, пока вы замѣняете хозяина, распорядитесь дать солдатамъ вина. Слышишь? прибавилъ онъ дворовому. Тотъ побѣжалъ исполнять приказаніе.

— Какъ вы думаете, важно проговорилъ гимназистъ:—что для чего существуетъ: правительство для народа или народъ для правительства?...

— Рѣшить этого не берусь, посмѣивался Русановъ,—а наглядным образомъ, такъ и быть, докажу.

— Ваше поведеніе было отвратительно, гадко, подло! крикнулъ революціонеръ.

— И еще того хуже будетъ, невозмутимо проговорилъ Русановъ, запирая его на ключъ.

Между тѣмъ у Горобцевъ шелъ торжественный обѣдъ. Пріѣхалъ майоръ, и узнавъ о прибытіи племянника, предвкушалъ радость свиданія.

Кононъ Терентьевичъ, которому Анна Михайловна сообщила о предстоящей свадьбѣ, тоже развеселился и даже покусился на пирогъ съ цыплятами.

— Нѣтъ, боюсь, тотчасъ прибавилъ ипохондрикъ.—Пирогъ очень хорошъ, только ингредіенты не дожарены....

Инна покатилась со смѣху, а фразеологъ обидѣался и спросилъ о причинѣ веселости.

— Да какъ же, помилуйте, дяденька! цыплятъ ингредіентами звать, на что это похоже?

— Въ тридцатыхъ годахъ мыслили, что они отъ этого вкуснѣе бываютъ, объяснилъ Авениръ.

Докторъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, съ лысою головкой и солиднымъ брюшкомъ, тоже посмѣивался. Двѣ его дочери строили Авенирy глазки. Подали кофе, а уѣхавшіе гости все не возвращались. Наконецъ, часовъ въ шесть, подкатили дрожки Ишимова; за нимъ два всадника.

Всѣ такъ и бросились имъ на встрѣчу.

— Извините, говорилъ Ишимовъ,—опоздалъ.

— Опоздали? вскрикнулъ Кононъ Терентьевичъ.

— Да, то-есть поздравить новорожденную, говорилъ Ишимовъ, подходя къ Аннѣ.

— Возвращайтесь безъ боязни; крестьяне, пожалуй, и домъ вамъ выстроятъ, шутилъ Владиміръ Ивановичъ съ старымъ ребенкомъ:—а племянника вашего я въ гимназію отправилъ...

— Ну и спасибо! Да какъ же это?

— Чего какъ же? Ученье давно началось! Исправникъ взялся доставить его директору.

— Ну, ужь удружилъ мнѣ сегодня этотъ Русановъ, говорилъ Бронскій, отходя съ Анной къ окну:—какъ долбней по лбу! Все пропало по крайней мѣрѣ на полгода!

— А народъ-то знаетъ его, кажется, лучше насъ.... Вотъ бы такого человѣка подъ наше знамя!

— Да, проговорилъ Бронскій, сдвигая брови:—я прежде васъ оцѣнилъ его; два года съ нимъ бился. Что прикажете дѣлать? на трехъ сваяхъ, какъ говорится сидитъ, въ четвертую уперся; никакихъ средствъ нѣтъ....

— Средство-то есть, задумчиво говорила Анна.

— Какое же? живо спросилъ Бронскій.

— Какого я никогда не пущу въ ходъ, потому что онъ.... Все-таки онъ честенъ....

— Честь понятіе условное, говорилъ Бронскій, пристально глядя ей въ глаза.

— Нѣтъ, графъ, и тысячу разъ нѣтъ!

— Maman, говорила Юленька, надувъ губки:—что жь это она съ нимъ шепчется?

— Этого надо было ожидать, рѣшила Анна Михайловна.

XVI. Тостъ.

Хотя Ишимовъ на практикѣ совершенно утѣшился Нилочкой, но тутъ почему-то счелъ долгомъ разыграть несчастнаго любовника. Напустивъ себѣ на лицо какой-то дѣланной грусти, онъ подперъ голову рукой, и сѣлъ къ сторонкѣ. Въ сущности страдало только самолюбіе, и ему ужасно хотѣлось сцѣпиться съ графомъ, на котораго онъ и поглядывалъ травленымъ волкомъ.

— Иночка, подите-ка сюда, говорилъ Кононъ Терентьевичъ:—что вы все съ молодыми людьми! Въ кои-то вѣки разокъ можно и намъ старичкамъ полюбоваться!

Инна сѣла подлѣ него на диванъ.

— Какое вы художественное произведеніе! продолжалъ онъ, играя ея локонами.—Психея, не правда ли? обратился онъ къ подошедшему Русанову.

Молодые люди быстро переглянулись. Русановъ вспыхнулъ.

— Помните, продолжалъ Горобецъ и задекламировалъ, ударяя на рифмы:

О, долго буду я во мракѣ ночи тайной.
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Твоихъ волосъ густую прядь....

— Да, будетъ вамъ, дяденька! Вѣдь знаете, такихъ стиховъ желудокъ мой не варитъ....

— Ахъ, да, по сцѣпленію идей! На васъ жалоба.... Отъ Спортсмана....

— Ахъ, это Аня!... Онъ хочетъ лѣсъ продать; слышите, дяденька, нашъ чудный лѣсъ....

— Что лѣсъ? заговорилъ Авенировъ, подходя къ нимъ:—я хочу, дяденька, сахарный заводъ строить; свекловица у насъ превосходная, торфъ заготовленъ; дѣло за деньгами....

— А я ему доказываю, что всѣ заводчики эксплуататоры, перебила Инна.

— И, вы совершенно правы, вмѣшался Бронскій:—какой порядочный человѣкъ станетъ этимъ заниматься? Ужь лучше о чинахъ думать....

— Нѣтъ-съ, рѣзко замѣтилъ Авенировъ:—по моему идеалы водой разводить и того хуже...

— Не надежны заводы-то у насъ, сказалъ Русановъ.

— То-то и хорошо, говорилъ Авенаръ съ разгорѣвшимися глазами:—большіе упали, обанкрутились, и если я съ толкомъ устрою небольшое хозяйство, такъ общее безденежье мнѣ прямой барышъ! Сообразили?

— Вотъ въ такія минуты онъ мнѣ рѣшительно противенъ! отвернулась Инна.

— Нѣтъ, Инночка, онъ дѣло говоритъ, вмѣшался Кононъ Терентьевичъ:—только не надо этому придавать такой важности, совѣтовалъ онъ Авенару:—точно ужь въ этомъ и суть вся; не надо, не надо ограничивать себя ничѣмъ внѣшнимъ... Нравственное и умственное развитіе выше всего!

— А вотъ у меня, дядя, совсѣмъ другой планъ...

— Ну-те, Инночка? любопытствовалъ дядя, продолжая играть ея волосами.

— Я думаю продать все имѣніе, вѣдь оно отсюда верстахъ во ста, и мы никогда тамъ не живемъ; только лѣсъ одинъ оставить, и выстроить подлѣ него большой домъ. У насъ въ городѣ такъ много нищихъ дѣвочекъ... Эта частная благотворительность только плодитъ ихъ. А тутъ у каждой была бы комната, сытный столъ, простое платье....

— Ну? сказалъ Кононъ Терентьевичъ, выпуская изъ рукъ волосы.

— Ну, я стала бы ходить съ ними въ лѣсъ, учила бы ихъ различать травы, цвѣты; мы бъ ихъ сушили и сбывали въ аптеку...

— Но развѣ это окупится? возражалъ Авенаръ.

— Что жь за бѣда! Положимъ въ годъ пятьсотъ рублей убытку: тратимъ же мы и больше на тряпье... По вечерамъ въ общей залѣ музыка, чтеніе...

— Вѣдь это соціализмъ! воскликнулъ Кононъ Терентьевичъ.

— Такъ что же? сказалъ Броскій и нечаянно взглянулъ на Ишимова.

— Конечно, соціализмъ, вскочилъ тотъ сейчасъ же.

— Почему жь это дурно? обратилась къ нему Инна.

— Потому что... потому... parce que c'est du socialisme enfin!

— А вы-то, дяденька, восторженный поклонникъ Гёте, тоже испугались новаго слова? S'klingt so wunderlich? Не мерещится ли вамъ баррикада?

— Да, милый мой ученый, ну на что это женщинѣ бота-

ника, музыка, чтеніе! Лучше бы выучили ихъ шить, стирать, стряпать...

— Voilà, сказалъ Ишимовъ.

— Когда это женщины подрядились вамъ въ черноработія, господа? сказала Инна, гордо закидывая голову:—не угодно ли вамъ самимъ попробовать этихъ занятій, мсье Ишимовъ? Стало-быть, всѣ противъ меня? Никто не скажетъ слова *pro*.

— Я, вступился Русановъ, улыбаясь.

— Ну, вы тутъ не имѣете голоса!

— Вотъ вы и разсердились Иночка, вы меня не понимаете, говорилъ Кононъ Терентьевичъ,—я вѣдь не договариваю послѣдней мысли.

— Потому что ея нѣтъ, дяденька!

— Полноте, господа, говорилъ докторъ съ сладенькою улыбочкой:—охота вамъ поднимать такіе жгучіе вопросы. Я всегда стараюсь сглаживать эти оттѣнки, примирять враждующія партіи...

— Примиренье—застой, сказалъ Броскій.

У Русанова голова начинала застилаться какимъ-то туманомъ отъ этой болтовни. Точно они пузыри мыльные пускаютъ: чей лучше? думалось ему.

— Вѣчно спорятъ, подошла Юленька,—хоть бы потанцовали. Графъ, составимте кадриль!

— Подъ сухую?

— Вонъ, maman, сыграетъ... Maman!

— И! душечка! Я что̀ если играла, все забыла. Развѣ ужь для графа!

Анна Михайловна сѣла за фортепіано, и стала разбирать старинную „грацію“.

— Надо потѣшить папочекъ, говорила Инна, подавая руку Русанову, и становясь противъ графа и Юленьки. Авеніръ заигрировалъ одну изъ дочерей доктора. Ишимовъ сѣлъ въ уголъ и надулся. Докторъ, посмѣиваясь надъ нимъ, взялъ другую дочь.

— Молодежь, говорилъ майоръ, подавая Конону Терентьевичу табатерку,—и мы когда-то бывало? въ старину-то, а?

— „Съ тобой, владычица, привыкъ я вспоминать И то чѣмъ былъ, какъ былъ моложе, И то чѣмъ нынѣ сталъ, подъ холодомъ годовъ“, декламировалъ Кононъ Терентьевичъ.

За ужиномъ шла веселая болтовня; только Ишимовъ злобно мѣрялъ графа глазами. Много пили. Стали подавать шампанское.

— Спичъ! требовалъ Кононъ Терентьевичъ.

— По всѣмъ правамъ и талантамъ Владиміру Иванычу, смѣялась Анна.

— Господа, сказалъ Русановъ, приподнимаясь съ бокаломъ въ рукахъ:—сегодня 30-е августа, и я предлагаю вамъ тостъ, который встрѣтитъ громкій отзывъ въ вашихъ сердцахъ. Здоровье дорогаго именинника! Здоровье общаго примирителя и освободителя, говорилъ Русановъ съ блистающими глазами и, возвысивъ голосъ, крикнулъ:—Здоровье Государя Императора!

— Ура! дружно подхватили всѣ, вставая съ шумомъ и чокаясь.

Брочскій расхохотался и расплескалъ вино.

— Vive l'adresse! отвѣтила ему Юленька самымъ искреннимъ смѣхомъ.

Но Авенировъ, доливавшій рюмки дамъ, такъ и остался съ бутылкой въ рукѣ; докторъ засуетился около Конона Терентьевича и принялся что-то шептать ему; тотъ вдругъ поблѣднѣлъ и машинально что-то повторялъ за нимъ. Майоръ рванулся было къ Бронскому, но Ишимовъ предупредилъ его.

Больше всѣхъ растерялся Русановъ; будто оглушенный, онъ смутно видѣлъ, какъ Анна Михайловна съ улыбкой подносила графу свой бокалъ, какъ Ишимовъ, почти вырвавъ его у ней изъ рукъ, подошелъ къ Бронскому, и рѣзко проговорилъ: „пейте!“

Бронскій презрительно взглянулъ на него и протянулъ руку, отстраняя бокалъ.

— Пейте, заговорилъ Ишимовъ медленно и отчетливо, наступая на графа и словно высѣкая каждое слово:—пейте, не сходя съ мѣста, или я отмѣчу васъ, какъ....

Бронскій, не помня себя, замахнулся на Акиндина Павловича. Докторъ и Русановъ бросились между ними, Юлія вскрикнула, Анна Михайловна всплеснула руками, противники злобно глядѣли другъ на друга.

— Сестрица, сестрица, пожалуйте сюда, кричалъ Кононъ Терентьевичъ, какъ-то незамѣтно очутившійся въ сосѣдней комнатѣ. Онъ схватилъ за руки Анну Михайловну и Юленьку и поспѣшилъ увести. Докторскія дочки послѣдовали за ними. Анна стояла у окна, насмѣшливо поглядывая то на того, то на другаго, и обрывая зубами кружево платка.

— Господа, крикнулъ Ишимовъ, оборачиваясь къ прочимъ,—кто будетъ моимъ секундантомъ?

— Я, выступилъ Русановъ.

— Я! Я! крикнули Авенировъ и докторъ.

— По праву стараго солдата, проговорилъ майоръ, отстраняя ихъ рукою.

— Такъ до свиданія! сказалъ Бронскій, взявъ шляпу.

— Вонъ! раздались голоса.

— Потише, говорилъ Бронскій, взявши въ углу саблю майора,—или я не отвѣчаю за себя.— Онъ быстро ушелъ.

— Господа, началъ Русановъ,—изъ благоговѣнія передъ тою особой, которая не можетъ быть оскорблена сумашедшимъ, мы должны сохранить происшедшее въ тайнѣ. Если вы будете убиты, обратился онъ къ Ишимову,—я дерусь съ нимъ и, надѣюсь, мной не кончится.

Всѣ молча разъѣхались.

— Ну, поздравьте! озлобленно говорилъ Бронскій, входя въ кабинетъ:—таки влопался въ исторію!..

Леонъ вскочилъ изъ-за стола, взглянулъ въ лицо графу, и самъ измѣнился въ лицѣ, а Бронскій ходилъ большими шагами по комнатѣ и разказывалъ ему исторію.

— Этого нельзя такъ оставить! Драться, такъ драться! заключилъ онъ.

Леонъ презрительно тряхнулъ головой.

— Да, вамъ хорошо! Тряхнулъ, да и въ сторону!

— Онъ чортъ знаетъ что̀ здѣсь распуститъ; скажутъ струсилъ... Тутъ плохія шутки; мнѣ еще на годъ по крайней мѣрѣ нужно общее поклоненіе...

— А что̀ скажутъ наши, коли вы лобъ подставите?

— Вѣдь это и бѣситъ! Чортъ дернулъ пить! Нѣтъ, холопство-то какое! Пьянехонька была компанія, а тутъ и хмѣль куда дѣвался!..

— Вѣдь я говорилъ...

— Ну, что̀? говорилъ! Чѣмъ это теперь поможетъ? закричалъ Бронскій внѣ себя:—вѣдь мозгля какая! И пистолета чай въ руки взять не умѣетъ...

— Бросьте все, и ѣдемъ завтра въ ночь...

— Ѣдемъ-то мы завтра во всякомъ случаѣ, проговорилъ Бронскій, внезапно стихая:—такъ или иначе надо вывернуться. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ жертвовать цѣлою страной какому-нибудь господину Ишимову...

— Помните, графъ, если вы рискнете, вы теряете мое уваженіе!

— А чортъ съ вами и съ уваженіемъ вашимъ; мнѣ и безъ того не легко! Пошлите сейчасъ же за почтовыми, я что-нибудь придумаю.

Леонъ ушелъ, а Бронскій сѣлъ въ кресло, ожесточенно похлестывая хлыстомъ по полу.

— Это непростительно, вскрикивалъ онъ изрѣдка:—до такой степени забыться! До такой степени потерять тактъ!.. E ben trovato!...—Вдругъ онъ поднялся съ самодовольною улыбкой:—почему жь ему не остаться въ дуракахъ? Застрялъ же Твардовскій между небомъ и землей?

XVII. Рѣшительный шагъ.

На разсвѣтѣ Бронскій былъ уже въ губернскомъ городѣ. Остановясь у губернаторскаго дома, онъ послалъ кучера на почтовую станцію перемѣнить лошадей и вошелъ въ пріемную. Съ нахмуреннымъ лицомъ, не отвѣчая на поклоны чиновниковъ, прошелъ онъ въ кабинетъ губернатора и засталъ его еще въ утреннемъ дезабилье. Генералъ просматривалъ какой-то сатирическій листокъ.

— А! Вотъ кстати-то! проговорилъ онъ, протягивая руку Бронскому:—поглядите-ка, вѣдь это на меня! Самъ съ усамъ—собственною персоной.

И генералъ добродушно смѣялся, показывая графу карикатуру. Тотъ молчалъ.

— Экіе разбойники! Отца роднаго на показъ выставятъ!... И гдѣ это они мой портретъ откопали? Вѣдь какъ натурально! И лысину изобразили.... А это вотъ предсѣдатель говоритъ: „ахъ, ваше превосходительство, какъ вы опростоволосились!“ Ха, ха, ха! Простяка какого нашли! Смѣетъ мнѣ это сказать предсѣдатель!

— А вотъ же смѣли! замѣтилъ Бронскій.

— Свистуны-то? Пускай ихъ? Что жь? Какой-нибудь тамъ Пальмерстонъ видитъ себя въ *Пунш*ѣ, смѣется, а я-то чѣмъ же хуже его... Оно, если хотите, и полезно. Вотъ я сегодня всталъ что-то не въ духѣ, а тутъ прочелъ. Ну, и расхохотался.

— Если вы въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, такъ я и мѣшать не стану.

— Что такое? Развѣ опять что вышло?

— О, нѣтъ, ничего! отвѣтилъ Бронскій, взявшись за шляпу:—позвольте поблагодарить за лестное вниманіе, которымъ я постоянно у васъ пользовался. Къ величайшему моему прискорбію, я не могу болѣе сохранить его.

— Что съ вами, графъ? Вы взволнованы? Огорчены чѣмъ-то?

— Я долженъ уѣхать отсюда уѣхать заклейменнымъ, опозореннымъ въ глазахъ общества.

— Вы меня пугаете, графъ! Объяснитесь. Вы всегда найдете во мнѣ защиту и.... и....

— Противъ общества? Нѣтъ, ваше превосходительство, трудно вамъ будетъ взять мою сторону противъ цѣлаго общества. Оно сильнѣй васъ.

— Ну-ну-ну! извините! Это еще посмотримъ, какъ оно тамъ.... посмотримъ. „Я ѣду-ѣду не свищу...“

— Нѣтъ, нѣтъ; никогда изъ-за личнаго оскорбленія не стану я противъ....

— Да какже я-то позволю, чтобъ у насъ безнаказанно оскорблялись такіе люди? началъ горячиться губернаторъ.

— Едва ли вы въ состояніи помочь тутъ! Ихъ цѣлая партія, они имѣютъ сильное вліяніе.

— Но кто же? Укажите мнѣ ихъ.

— Это недовольные помѣщики, самые отсталые, самые закоснѣлые крѣпостники. Вамъ будетъ доложено о волненіяхъ въ Терешковкѣ. Это они не допустили привести крестьянъ въ повиновеніе, они хотятъ задобрить народъ. Вчера мы сошлись за ужиномъ, вино развязало имъ языкъ... Еслибы вы слышали, ваше превосходительство, что тамъ говорилось!

— Что жь такое говорилось?

— Ругали правительство, грозили терроромъ. Пили за возвращеніе крѣпостнаго права. Я отказался отъ тоста. Одинъ меня подлецомъ назвалъ, пьянъ до положенія ризъ, и лѣзетъ съ бокаломъ. Я горячъ, замахнулся на него.... Поднялся гвалтъ. Обвинили меня: въ чемъ бы вы думали? Въ оскорбленіи Величества? Какова наглость? Я, признаюсь, такъ былъ пораженъ, что и оправдываться не сталъ.

— Кто же этотъ господинъ?

— Господинъ Ишимовъ.

— Ишимовъ? Ахъ, онъ.... Постой же, я ему... Салонный подлипало, блюдолизъ.... А? Скажите на милость....

— Я никогда не прощу себѣ, если вы изъ-за меня потеряете популярность.... Ихъ много; тамъ и Русановъ.

— Опять Русановъ? Да что вы толкуете о популярности? На что она мнѣ, эта популярность? Я имъ покажу какъ со мной шутить!

— Мнѣ очень больно, а все приходится ѣхать. Честному человѣку оставаться здѣсь невозможно! Борьба слишкомъ неравна.... Я дѣлалъ все что могъ. Но я не донъ-Кихотъ; лѣзть на проломъ противъ общаго потока невозможно. Только поэтому я и прошу ваше превосходительство не подвергать себя напраснымъ оскорбленіямъ.

— Что жь это, графъ? Шутите вы что ли мною? Кто пойдетъ противъ меня? Желалъ бы я поглядѣть этого молодца.

— Эти люди ни передъ чѣмъ не останавливаются. Для нихъ нѣтъ ничего святаго.

— Да они у меня носу не покажутъ въ общество, проходу имъ не будетъ!

— Это мнѣ проходу-то не будетъ. Я отказался отъ вызова. Ишимовъ меня на дуэль вызывалъ.

— На дуэль? Въ моей губерніи? Mais c'est un gredin comme il y en a peu!... Въ такомъ случаѣ, уѣзжайте графъ, уѣзжайте на время, а этого господина я проучу... Вы и не хлопочите объ общественномъ мнѣніи; я заставлю ихъ думать, какъ я хочу... Я докажу имъ, что честный человѣкъ марается себя не отказомъ, а принятіемъ вызова отъ бездѣльника... Онъ его на одну доску съ собой ставитъ въ этомъ разѣ...

— Ваше превосходительство, трудно выразить, до какой степени я тронутъ истинно отеческою заботливостью вашею о направленіи общественнаго мнѣнія.... Еще разъ благодарю васъ...

Часамъ къ десяти вечера, Бронскій подъѣхалъ къ саду Горобцовъ и привязалъ лошадь у плетня. Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Онъ пошелъ къ дому; проливной дождь шумно падалъ въ траву; молнія безпрестанно освѣщала тропинку; за вспышками гудѣли отдаленные раскаты. Графъ сталъ стучать въ окно кухни. Немного погодя, оно поднялось, выглянула Горпина.

— Ты, Грицько?

— Это я, моя ластовка, вызови мнѣ панночку.

Горпина, не въ первый разъ исправлявшая должность наперсницы, скоро вернулась съ отвѣтомъ, что панночка боится грозы и проситъ графа пріѣхать завтра.

— Скажи ей, коли сейчасъ не выйдетъ, такъ можетъ-быть никогда и не увидимся...

— Та вонъ совсѣмъ было полягали, треба имъ одягаться, сказала Горпина, захлопнувъ окно.

Графъ отошелъ къ сиреневымъ кустамъ и сталъ глядѣть въ окно Инны. На столѣ горѣла свѣча; она сама сидѣла въ ночной кофтѣ, облокотясь на бумагу, задумчиво глядя въ темный садъ, вздрагивая и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Лара лизалъ ея руку, она не обращала на него вниманія; нѣсколько разъ она брала перо, бросала его, и начинала ходить по комнатѣ. Наконецъ, отворила окно, подышала воздухомъ, очищеннымъ грозою, полюбовалась нѣсколькими молніями, и опять сѣла писать. Бронскій сталъ расхаживать у калитки. Прошло съ четверть часа.

— Что жъ она румянится, что ли, для меня?

Не терпѣлось графу, и онъ опять подошелъ къ окну. На этотъ разъ окошко у Инны было заперто и опущена красная занавѣска; на ней просвѣчивалъ огонь и двѣ тѣни. Сквозь не плотно притворенную раму слышался мужской голосъ.

— Дуэль..., послышалось ему. Затѣмъ шопотъ, вѣтеръ, ничего не слыхать.

— Онъ здѣсь, говорилъ мужской голосъ,—онъ ничего не.... Такъ ослѣпленъ....

„Что за чортъ!“ подумалъ графъ: „это голосъ Леона. Такъ вотъ кто ей сказалъ обо мнѣ! Вотъ онъ куда ѣздилъ-то по ночамъ! Ну да и она молодецъ! Какова сила характера, ни разу не проговориться! Мастеръ же онъ выбирать людей! На такую можно положиться!“

— Мнѣ жаль его, заговорила Инна:—онъ такъ сильно привязанъ....—Опять шопотъ.

— Можетъ, ты и сама его любишь? раздался мужской голосъ. Дождь забарабанилъ въ стекла и заглушилъ его. Яркая молнія, и рѣзкою дробью прокатился ударъ, отразившись глухимъ гуломъ въ далекѣ.

Хлопнула калитка, и Бронскій потелъ на встрѣчу Юліи, и указалъ ей на бесѣдку. Та проворно пробѣжала тропинку и бросилась въ раскрытыя объятья Бронскаго.

— Ѣдемъ, говорилъ онъ, прижимая ее къ груди,—ѣдемъ, собирайся.

— Куда? Что съ тобой?

— Туда, туда, гдѣ жизнь, борьба, гроза, шутливо говорилъ

онъ, награждая ее съ каждымъ словомъ поцѣлуемъ, — самая страшная гроза! передъ ней всѣ грозы небесныя ничто!

— Да, полно же, что̀ съ тобой?

— Со мной? Полно скрываться! Я тебѣ вѣрю; вѣрю, что я тебѣ дороже всего на свѣтѣ.... не графъ я; это титулъ предковъ, гнилъ, я его презираю....

Молнія кинула краснымъ свѣтомъ въ лицо Бронскаго и сверкнула въ черныхъ глазахъ.

— Владя! я боюсь тебя.

— Ничего, это гроза.... Я нервенъ. Слушай, скоро можетъ-быть я стану изгнанникомъ, голова моя будетъ оцѣнена.... Тебѣ вѣдь это все равно? Тебѣ, я все-таки....

— Я не пущу тебя.

— Вотъ-те на! Мы ѣдемъ вмѣстѣ, сейчасъ же. Мой кабріолетъ тамъ....

— Зачѣмъ же ты обманулъ меня? Грѣхъ тебѣ....

— Да, пойми, нельзя же мнѣ оставаться.

Она была такъ поражена, что только проговорила:—Пожалѣй меня!

— Такъ это-то твоя любовь?

Бронскій толкнулъ ее, рванулъ дверь бесѣдки, такъ что она слетѣла съ ржавыхъ петель, и пошелъ.

— Владя, проговорила Юлія со слезами въ голосѣ: — это ужасно! Минуту!

— Поди прочь, гербовая любовница!

— Честь моя! крикнула она въ отчаяніи, закрывая лицо руками.

— Ничего, не краснѣйте, въ потемкахъ не видать! презрительно сказалъ Бронскій:—а впередъ урокъ, не ловить жениховъ героическими средствами.

Онъ зашагалъ по саду; она ухватилась за его плащъ и бѣжала рядомъ съ нимъ, повторяя слабымъ голосомъ его имя. Добѣжавъ до плетня, онъ сбросилъ плащъ, прыгнулъ черезъ плетень и отвязалъ лошадь.

— Владиславъ, крикнула она, едва держась на ногахъ и протягивая къ нему руки:—ради Бога!

Голосъ ея оборвался рыданіями, она опустилась на колѣна.

Бронскій ударилъ по лошади и уѣхалъ.

Съ минуту она ничего не понимала, слезы застилали глаза, а она все смотрѣла въ темноту....

„За что̀ же? За что̀?“ было у ней въ головѣ: „за что̀ онъ

меня бросилъ?" Горловая спазма стѣснила ей дыханіе, она опустилась на сырую траву, и громко, истерически хохотала. Испуганная цапля съ пронзительнымъ крикомъ вылетѣла изъ камышей, галки отозвались въ рощѣ тревожною перекличкой.

Она оглядѣлась: кругомъ темно, куда и страхъ дѣвался? Логика отчаянія овладѣла ею; она вообразила, что Бронскій пошутилъ съ ней, что онъ гдѣ-нибудь притаился въ кустахъ и ждетъ.

— Владя! кричала она;—Владя! Будетъ! Я больше не боюсь!

Мертвая тишина стояла въ воздухѣ; только фосфорическая молнія трепетала въ синей тучѣ....

XVIII. Инна.

Весь этотъ день Русановъ провелъ въ тревогѣ, ожидая вѣстей отъ Ишимова. Ночь ему не спалось; насилу дождавшись утра, онъ велѣлъ запречь бѣговыя дрожки и погналъ къ Горобцамъ; версты казались ему десятками верстъ, сомнѣніе смѣнялось надеждою, являлось недоброе предчувствіе—онъ спѣшилъ себя утѣшить, приписывая его дурно-проведенной ночи; рисовались ему пламенныя картины свиданія, и тотчасъ отзывалось пугающее воспоминаніе о странномъ поведеніи Инны наканунѣ. Измученный нравственною пыткой, въѣхалъ онъ на хуторъ.

Тутъ онъ встрѣтилъ Грицька, несшаго съ пруду ведра и суконный плащъ. Русановъ нагнулъ одно ведро, и жадно напившись холодной воды, вошелъ въ комнаты. Все пусто; въ залѣ, въ гостиной никого. Въ дальнихъ комнатахъ слышались какая-то возня, тревожные голоса. Сердце у него сжалось отъ знакомаго чувства: онъ вспомнилъ, что также пришелъ съ лекціи въ тотъ день какъ умеръ его отецъ. Машинально отворилъ онъ дверь въ Инну комнату и прислонился къ притолкѣ, съ мутнымъ взглядомъ. Все въ комнатѣ перерыто, поразкидано, ящики комода выдвинуты. На несмятой постели сидѣла Анна Михайловна въ слезахъ. Юлія видимо старалась бодриться. Авенировъ и того не дѣлалъ, онъ былъ убитъ на повалъ.

— Уѣхала, едва выговорилъ онъ, взявъ Русанова за руку.

— Кто уѣхала? спрашивалъ тотъ дрожащимъ голосомъ.

— Иннушка, жаловалась Анна Михайловна, закрываясь

платкомъ:—кинула насъ! Богъ ей судья! Прихожу я сегодня сюда, а ея ужь и слѣдъ простылъ.

— Какъ вы блѣдны! сказала Юлія:—Я вамъ сейчасъ чаю сдѣлаю.

— Да... я.... графъ.... дуэль....—Русановъ самъ не понималъ что говоритъ, и только отдернулъ ногу, почувствовавъ каблучокъ ботинки.

А Грицько хвастался передъ Горпиной находкой, сообщая ей, что ночью вмѣстѣ съ дождемъ цадали свитки. Горпина сказала ему дурня и стала доказывать, что еслибы свитки падали съ хуторской тучи, то и былибъ якъ у людей, а якъ вона паньска, та ще нѣмiцка, то и была занесена издалека вѣтромъ. Споряцiе скоро помирились на томъ, что свитку къ предстоящей свадьбѣ надо передѣлать, и пошли на зовъ Анны Михайловны.

— А, вотъ вы! Сказывайте: куда панночку дѣли? напустилась Анна Михайловна.

— Яку панночку? Ось вона! указывала Горпина на Юлію.

— Не ту, другую....

— Чижъ ii нема? схватился Грицько.

— Нема, отвѣчалъ Авенiръ.

— Се воно й було, сообщалъ Грицько, глядя на Горпину.

— Что жь такое было? Мурло твое поганое! кричала Анна Михайловна.

— Та тилько полягалъ я спаты, ажъ чую, панночка до комоду пошла, и уже гомонить, гомонить, та щось перебирае... Отъ гадаю, що се таке? Отъ такъ бы и побачивъ, що се таке... Та лѣнь встаты....

— Ну?

— Отъ тилько чую... Скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ, вже и записала... Що вона робитъ, гадаю, чомъ ii не спится? Отъ такъ бы и вскочивъ, такъ бы и побѣжавъ, та побачивъ.

— Дуракъ! крикнулъ Авенiръ.

— Ажъ чую, челомкаются: „Прощавайте панночка, бувайте здоровы!—Прощавай Горпино! прощавай моя ясочка.“

— Такъ это ты собирала ее? вскрикнула Анна Михайловна.

— Та брешетъ винъ, говорила смущенная Горпина, глядя на Грицька.

— А може и справды пригрезилось; тилько чую.... Трррр.... Поѣхали. Якъ були бъ крылля, такъ и полетѣвъ бы, побачивъ,

куды поѣхали.... Та лѣнь встаты; эге, гадаю, воны мини писулечки оставили, може такъ и треба.

— Письма? Вскрикнулъ Русановъ, гдѣ жь они?

— Та я ихъ, якъ снѣдать ходивъ, то у батьки и забувъ....

— Да иди, чортъ! толкнулъ его Авениръ.

Послали Грицька, а сами сидятъ, какъ потерянные. Вдругъ Авениръ озадачиваетъ всѣхъ вопросомъ: —А гдѣ жь Инночка?

— Да вѣдь никогда не придутъ вовремя. Какъ чай, какъ обѣдъ, такъ и дѣло.... начала было Анна Михайловна.—Тьфу! Никакъ я очумѣла!

Юлія ушла къ себѣ въ комнату. Она не въ силахъ была дольше крѣпиться. Авениръ слонялся изъ угла въ уголъ, наводя на всѣхъ еще пущее уныніе. Онъ подошелъ къ фортепіано и сталъ набирать однимъ пальцемъ Шопеновскую мазурку; вышло что-то въ родѣ похороннаго марша. Наконецъ явился Грицько, подалъ ему два немилосердо замасленныя письма и пояснилъ:—Ось вамъ писулечки.

— Это къ вамъ, сказалъ Авениръ, входя въ залу и отдавая Русанову одно, а это мнѣ....

Русановъ, срывая печать, чувствовалъ возвращавшіяся силы. Съ первыхъ строкъ онъ снова упалъ духомъ.

„Еслибъ я хотѣла рисоваться, я бы начала такъ: Въ то время, какъ вы будете читать это письмо и т. д.—форма извѣстная. Будемъ говорить просто: я васъ узнала поздно, вы меня совсѣмъ не знаете. Я пробовала вылѣчить васъ, даже безстыдно налгала на себя... Едва вы сказали первое слово любви, едва я поглядѣла вамъ въ глаза, я узнала одну изъ тѣхъ страстныхъ, упорныхъ привязанностей, которыя часто длятся цѣлую жизнь. Вотъ отчего я позавидовала на минуту той женщинѣ, которая могла бы дать вамъ счастье, вполнѣ васъ достойное. Чѣмъ больше мы съ вами сходились, тѣмъ больше убѣждалась я, что вы превосходный человѣкъ, и,—да, Владиміръ, мнѣ это очень тяжело писать,—что намъ не понять другъ друга. Пожертвовать собою? Обмануть васъ? Я испугалась самой себя и убѣжала, какъ преступникъ замышлявшій убійство. Да какое еще убійство! — медленнымъ, непримѣтнымъ ядомъ. Я не способна къ тихой, семейной жизни. Меня тяготитъ всякая забота о насущномъ. Это не остановило бы, еслибъ я могла вамъ отвѣтить такою же любовью. Знайте же все: тамъ, въ саду, я готова была уступить вамъ;

но послѣ я бросила бы васъ при первой размолвкѣ и можетъ-быть отравила бы вамъ жизнь. А размолвки были бы непремѣнно. Вы первый человѣкъ и не изъ нашихъ, и не похожій на другихъ; но все жь мы идемъ разными дорогами! У васъ много связей со старымъ. Мы воздухоплаватели, говорилъ покойный отецъ мой, шаръ нашъ опустился ночью въ темномъ лѣсу. Мы видимъ, что оставаться тутъ нельзя, а дороги не знаемъ. Вдали брежжетъ огонекъ— это можетъ-быть пастухи въ ночномъ, можетъ-быть избушка лѣсника, а можетъ-быть разбойничій притонъ. Намъ надо идти туда, очертя голову, чтобы не умереть съ голоду и холоду. Кто въ свѣтлой области, протяни намъ руку, а не издѣвайся надъ нищими духомъ. Леонъ везетъ меня туда, гдѣ мнѣ видится слабый проблескъ зари. Прощайте, забудьте меня; вамъ еще возможно это. На первыхъ порахъ утѣшьтесь тѣмъ, что я связана клятвой и никого не могу любить."

Русановъ поднялъ голову, странная усмѣшка скривила ему губы. Горобцы о чемъ-то перешептывались.

— Кто такой Леонъ? спросилъ Русановъ.

— Вотъ, посмотрите, что жь это? Съ ума надо сойдти! говорила Анна Михайловна, подавая ему записочку. Въ ней было всего нѣсколько строкъ:

„Любезный братъ! Не безпокойся объ участи Инны. Она будетъ счастлива по своему. Распоряжайся имѣніемъ; она вышлетъ тебѣ полную довѣренность. Левъ Горобецъ."

— Лошадь! говорилъ Русановъ:—велите мнѣ осѣдлать лошадь!

— Куда вы поѣдете. Поглядите вы на себя, говорила Анна Михайловна.

— Время бѣжитъ, умолялъ Русановъ:—ее надо спасти.... Это вѣдь ребячество! это Богъ знаетъ что! Я можетъ-быть застану ее на станціи....

— Да вы на дорогѣ свалитесь, убѣждалъ Авениръ.

— Я совершенно здоровъ, сказалъ Русановъ, и побѣжалъ въ конюшню.

— Что жь она ему пишетъ? всхлопоталась Анна Михайлова:—отговори ты его, Аничка, нельзя ему ѣхать!..

Они всѣ пошли за нимъ.

Русановъ съ Грицькомъ въ четыре руки сѣдлали лучшую лошадь.

— Пожалѣйте вы хоть себя-то! взмолилась Анна Михайловна.

— Анна Михайловна, намъ за нее придется отвѣтъ дать, рѣзко сказалъ Русановъ и поскакалъ.

Лошадь почти вытянулась въ струнку, а онъ все колотилъ ей бока каблуками. Одинъ за другимъ оставались позади его хутора, забѣлѣлись колокольни города, у лошади начала брякать селезенка, она поминутно опускала голову на грудь, отфыркиваясь изъ всей силы. Застучали подковы по мостовой: лошадь съ разбѣгу остановилась на дворѣ почтовой станціи.

— Кто у васъ проѣзжалъ? Есть ли кто-нибудь на станціи? спрашивалъ Русановъ, вбѣгая къ смотрителю.

— Никого нѣтъ-съ. Часу во второмъ этакъ ночью, его сіятельство изволили проѣхать...

— Какой сіятельство?

— Графъ Бронскій съ будущими, пожилой господинъ и дама, говорилъ смотритель,—молоденькая такая.

— Брюнетка? Высокая? Въ черномъ?

— Точно такъ-съ; вотъ извольте подорожную взглянуть, говорилъ смотритель, открывая книгу.

Подорожная была прописана въ Варшаву.

Долго не могъ придумать майоръ, что бы такое приключилось племяннику. Отъ Ишимова тоже не присылали. Чего добраго, не стрѣляются ли они; да, нѣтъ, они бы увѣдомили его. Проснувшись поутру, первое чѣмъ встрѣтилъ онъ Стеху: „а что Володя поздно пріѣхалъ?“ „Не ночували,“ отвѣтила та. Майоръ сталъ безпокоиться; вотъ пріѣдетъ, вотъ пріѣдетъ, думалъ онъ, откладывая розыски съ часу на часъ; такъ и другая ночь пришла. Онъ плотно пбужиналъ, рѣшившись завтра поутру, какъ онъ выражался, сдѣлать рекогносцировку, и заснулъ; въ самомъ сладкомъ снѣ почудился ему стукъ въ дверь. „Какого тамъ лѣшаго носитъ!“ подумалъ онъ, поворачиваясь на другой бокъ; стукъ въ дверь усилился; кукушка, на стѣнныхъ часахъ, крикнула три раза.

— Вишь и спать не даютъ, проговорилъ онъ, зѣвая и отыскивая разбросанныя туфли и накидывая халатъ.

Въ дверь застучали такъ, какъ будто хотѣли разрушить до основанія жилище мирнаго гражданина.

— Иду, иду, говорилъ онъ, подходя къ двери со свѣчой въ рукѣ, отворилъ, и тотчасъ попятился въ испугѣ. Передъ крыльцомъ лежало что-то большое, черное, и страшно храпѣло. Прикрывъ глаза рукою, онъ разглядѣлъ палую лошадь

и племянника, блѣднаго, всего въ грязи; онъ трясся всѣмъ тѣломъ и не могъ попасть зубъ на зубъ.

— Вотъ-те оказія! проговорилъ майоръ.

— Воды, дайте воды! хрипло говорилъ Русановъ, опускаясь на диванъ.

Майоръ испугался окончательно и побѣжалъ за водой; а Русановъ, чувствуя нестерпимый жаръ, рвалъ съ себя платье и бросалъ на полъ. Голова у него качалась, будто въ нее налили растопленнаго свинцу; мысли метались какъ вспуганный птичникъ; онъ тяжело дышалъ и безсмысленно глядѣлъ впередъ; вдругъ, вспомнивъ о письмѣ, отыскалъ его въ сюртукѣ: буквы скакали въ какой-то чертовской сарабандѣ, онъ попалъ глазами въ конецъ письма... „Ложь,“ крикнулъ онъ, „отвратительная ложь!“

(*До слѣд.* №.)

В. КЛЮШНИКОВЪ.

ТРЕТЬЕ МАЯ

1791 ГОДА

Geschichte des russischen Staates, von Dr. Herman. Sechster Band. 1860.

Послѣдній томъ исторіи Германа, если не ошибаюсь, едва извѣстенъ въ нашей литературѣ; а между тѣмъ по содержанію своему онъ представляетъ для насъ значительный интересъ. Весь этотъ томъ (около 600 страницъ) исключительно посвященъ международнымъ отношеніямъ. Онъ обнимаетъ собою семнадцать лѣтъ изъ исторіи русской внѣшней политики (1775—1792), и самая видная заслуга его, безспорно, заключается въ изслѣдованіи польскаго вопроса, на долю котораго приходится едва не половина книги.

Лѣтъ двадцать тому назадъ Германъ получилъ доступъ въ дрезденскій государственный архивъ, и главнымъ матеріаломъ для обзора польскихъ событій послужила ему дипломатическая корреспонденція Эссена, который долгое время занималъ должность саксонскаго резидента въ Варшавѣ. Донесеніямъ этого резидента, по его таланту и свѣдѣніямъ, Германъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе передъ донесеніями всѣхъ

другихъ дипломатовъ, депеши которыхъ ему приходилось имѣть въ своихъ рукахъ. Кромѣ того, онъ пользовался запасомъ дипломатическихъ документовъ въ Лондонѣ, а также тайнымъ архивомъ и архивомъ генеральнаго штаба въ Берлинѣ. Эти источники мѣстами пополняются у него извѣстіями изъ нѣмецкой журналистики, современной событіямъ.

Эпоха польской исторіи, наступившая за первымъ раздѣломъ, до сихъ поръ была весьма мало разработана, и потому сильно затемнялась поверхностными и пристрастными взглядами *. Въ предисловіи къ шестому тому Германъ сознается что ближайшее изученіе фактовъ привело его къ заключеніямъ, очень невыгоднымъ для Поляковъ. Вообще онъ относится къ польскому вопросу съ безпристрастіемъ, свойственнымъ его нейтральному положенію и нѣмецкой ученой добросовѣстности. Онъ нисколько не льститъ политикѣ сосѣднихъ державъ, но отдаетъ имъ должную справедливость; онъ также не увлекается и сожалѣніемъ о погибающей націи на столько, чтобы натягивать факты въ ея пользу и изображать ее жертвою чужаго эгоизма. Еще прежде, по поводу перваго раздѣла Польши, онъ замѣтилъ, что естественное стремленіе сосѣднихъ государствъ къ пріобрѣтеніямъ ни на комъ не отразилось съ такою силой, какъ на Полякахъ; „но надобно признаться также, что ни одна христіанская нація, считающая себя въ числѣ цивилизованныхъ, не виновна въ своемъ собственномъ несчастіи въ такой мѣрѣ, какъ польская; ни одна нація болѣе ея не твердила на словахъ о свободѣ и любви къ отечеству, и ни одна не согрѣшила столько противъ самыхъ первыхъ основъ гражданской добродѣтели, ради интересовъ личныхъ и интересовъ партій“ (V т. 357 стр.).

Что касается до характера изложенія, то его можно упрекнуть въ явномъ недостаткѣ литературной обработки. Притомъ, по самому свойству своихъ матеріяловъ, Германъ мало проникаетъ въ тѣ соціальныя отношенія польскаго народа, которыя обусловливали то или другое направленіе событій. За то надобно отдать справедливость добросовѣстности, съ которою онъ подвигается впередъ въ этомъ лабиринтѣ разнородныхъ политическихъ стремленій,

* Въ этомъ отношеніи очень мало помогаетъ дѣлу вышедшая въ 1862 году въ Парижѣ книга *Recueil des traités et conventions, concernant la Pologne*, 1762 — 1862; такъ какъ выборъ документовъ, собранныхъ здѣсь, крайне односторонекъ.

дипломатическихъ переговоровъ, депешъ, нотъ и т. п. Книгу свою Германъ снабдилъ и приложеніемъ многихъ изъ тѣхъ документовъ, которыми онъ пользовался.

На основаніи изысканій Германа, мы предлагаемъ здѣсь небольшой очеркъ того революціоннаго движенія, которое началось съ цѣлію обновитьвъ Польшѣ государственный порядокъ, и произвело на свѣтъ конституцію 3 мая, а окончилось, какъ извѣстно, совершеннымъ паденіемъ государства. Самый исходъ этого движенія, то-есть второй и третій раздѣлъ, Германъ отложилъ до слѣдующаго тома.

6 октября 1788 года собрался въ Варшавѣ обычный сеймъ, который потомъ сдѣлался извѣстенъ въ исторіи подъ именами: „четырехлѣтняго“, „великаго“ и „конституціоннаго“. Эссенъ въ своихъ депешахъ представляетъ весьма неутѣшительную картину Польскаго государства около этого времени. Внѣшняя и внутренняя политика находится въ рукахъ сосѣднихъ державъ. Поляки иногда пытаются возражать, но подъ-конецъ все-таки покаряются. Когда магистратъ одного города отказался выдать австрійскихъ дезертировъ, императоръ Іосифъ II потребовалъ, чтобы весь этотъ магистратъ былъ наказанъ палками. Прусскій король вопреки трактатамъ не позволяетъ Полякамъ вывозить хлѣбъ черезъ Силезію; а Русскіе въ сосѣднихъ съ ними областяхъ хозяйничаютъ какъ дома. Въ постоянномъ совѣтѣ (высшее правительственное мѣсто, учрежденное послѣ перваго раздѣла) время отъ времени раздаются жалобы на бѣдственное состояніе республики, но безъ всякихъ результатовъ. Русскій посланникъ знаетъ хорошо этихъ господъ, и знаетъ, какъ съ ними управляться: часть сенаторовъ получаютъ отъ него значительныя пенсіи, да и остальные почти всѣ „готовы всякую минуту продать Польшу“. А что дѣлаетъ польскій король? Слѣдующій случай прекрасно характеризуетъ легкомысленный характеръ этого государя. 20 апрѣля Станиславъ Понятовскій ужиналъ въ кругу своихъ родныхъ и довѣренныхъ лицъ. Онъ говорилъ о печальномъ положеніи государства, проливалъ слезы и былъ, казалось, совершенно убитъ горемъ. Вдругъ на улицѣ послышался голосъ странствующаго комедіанта съ волшебнымъ фонаремъ. Король тотчасъ велѣлъ позвать его въ комнату, занимался съ нимъ цѣлые два часа, и вполнѣ развеселился. „Чѣмъ болѣе король старѣетъ, замѣчаетъ Эссенъ тѣмъ болѣе слабѣютъ и его умственныя силы. Онъ чувстви-

теленъ, любитъ дѣлать добро, но чрезвычайно уступчивъ, и становится игрушкой въ рукахъ женщинъ, родственниковъ и любимцевъ. Онъ сознаетъ собственную и государственную несостоятельность; предвидитъ, что умретъ банкротомъ, и, если живетъ новаго сейма, то единственно для того, чтобы республика заплатила его долги. До какой степени простираются польскіе безпорядки, всевозможныя интриги, отрицаніе всѣхъ правилъ справедливости и морали—этого никто не въ состояніи описать, и за границей невозможно ихъ себѣ представить." Саксонскій резидентъ думаетъ, что такое положеніе дѣлъ едва ли можетъ продолжаться, и что внутренняя революція неизбѣжна; но онъ опасается, чтобы сосѣднія державы не повернули ея въ свою пользу.

На сеймѣ съ самаго начала ясно обозначились двѣ партіи: одна состояла изъ приверженцевъ Россіи, на ея сторонѣ находился и король; другая партія называлась патріотическою или національною: послѣдняя искала у Пруссіи опоры противъ Россіи и Австріи. Въ то время вниманіе и военныя силы этихъ обѣихъ державъ были отвлечены на югъ войною съ Турками. Появленіе Русскихъ войскъ въ Подоліи и Волыни вызвало явное неудовольствіе въ польскомъ обществѣ; а слухи о томъ, что во время каневскаго свиданія Екатерина предложила Станиславу Понятовскому союзъ противъ Турокъ, еще болѣе усиливали это неудовольствіе. Берлинскій кабинетъ находился тогда въ разладѣ съ обоими императорскими дворами. Онъ былъ встревоженъ завоевательными видами Россіи и Австріи; кромѣ того, Екатерина только что отклонила возобновленіе союза съ Пруссіей, истекшаго въ мартѣ 1788 г., и тѣсно сблизилась съ Австріей; она отклонила также посредничество прусскаго короля въ дѣлѣ съ Турціей. Поэтому король, придвинувъ войска къ польской границѣ, отправилъ своему послу въ Варшавѣ, Бухгольцу, 100.000 дукатовъ для противодѣйствія русской партіи, и велѣлъ внушить польскому дворянству надежду на его покровительство въ борьбѣ съ русскимъ вліяніемъ. Англія, не менѣе Пруссіи недовольная русскою политикой на Востокѣ, также выразила намѣреніе поддерживать польское движеніе противъ Россіи; а Швеція не замедлила открыть противъ насъ военныя дѣйствія. Итакъ, обстоятельства внѣшней политики сложились самымъ благопріятнымъ образомъ для возрожденія Польши. Представлялся вопросъ: сумѣютъ ли Поляки ими восполь-

зоваться, чтобы произвести необходимыя внутреннія реформы и возвратить себѣ политическую независимость?

Выборы на сеймъ совершились въ духѣ враждебномъ для Россіи. Это было первое пораженіе русской партіи; за нимъ тотчасъ послѣдовало и второе. Для устраненія liberum veto заранѣе рѣшено было производить сеймованіе въ формѣ конфедераціи (вопросы въ такомъ случаѣ рѣшались большинствомъ голосовъ). Постоянный совѣтъ написалъ для нея программу, и, такъ какъ бо́льшая часть его членовъ получали русскія пенсіи, то и программа конечно была написана подъ вліяніемъ русскаго посланника графа Штакельберга. Но соединенныя палаты сейма (сенаторская и посольская) 7 октября составили свою собственную программу, и во главѣ ея положили условіе, чтобы существующій порядокъ сохраненъ былъ на столько, на сколько онъ не препятствуетъ улучшенію законодательства. Такимъ образомъ открывался широкій путь преобразованіямъ. Маршалами сейма были выбраны: со стороны Польши графъ Станиславъ Малаховскій, коронный референдарій, а отъ Литвы князь Казиміръ Сапѣга, генералъ артиллеріи, — оба рѣшительные противники русскаго вліянія.

13 октября, сейму сообщена была нота прусскаго посланника. Она была направлена противъ союза Россіи съ Польшей, и предлагала республикѣ союзъ съ Пруссіей, который долженъ былъ послужить для Польши щитомъ противъ всякаго внѣшняго притѣсненія. Эта нота встрѣчена была съ энтузіазмомъ; нѣкоторыя аристократическія фамиліи, какъ Радзивилы и Огинскіе, открыто начали проповѣдывать сближеніе съ Пруссіей, и вступили въ непосредственныя сношенія съ берлинскимъ министерствомъ. Сеймъ съ своей стороны отвѣчалъ Бухгольцу увѣреніемъ, что цѣль настоящей конфедераціи совсѣмъ не союзъ съ Россіей, а единственно возстановленіе конституціонной свободы и принятіе необходимыхъ мѣръ для защиты страны. Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было довести численность польской арміи до 100.000 и для лучшаго контроля надъ ней назначить особую военную коммиссію. „Еслибъ этотъ энтузіазмъ былъ устойчивъ, замѣчаетъ Эссенъ, онъ непремѣнно произвелъ бы эпоху въ исторіи восточной Европы.“ Но дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ, что „Поляки сильны только на словахъ, и тамъ, гдѣ требуются дѣйствительныя жертвы, они скоро впадаютъ въ апатію“. Приговоръ о

стотысячной арміи остался только на бумагѣ. Съ такимъ же недовѣріемъ отнесся къ этому рѣшенію и Гэльсъ, англійскій уполномоченный при варшавскомъ дворѣ. Донося о томъ маркизу Кэрмартену, онъ предупреждаетъ маркиза не принимать за наличную монету легкомысленный приговоръ сейма. По его замѣчанію, стоило только видѣть эту несчастную страну, не имѣвшую ни торговли, ни промышленности, страну въ которой народонаселеніе не возрастаетъ, а уменьшается, чтобы понять невозможность содержать и половину предполагавшейся арміи.

5 ноября, сдѣлано было предложеніе объявить сеймъ постояннымъ, чтобы дать ему законную силу для проведенія задуманныхъ реформъ. Штакельбергъ подалъ ноту съ возраженіями на эту мѣру, которая нарушала гарантированную Россіей конституцію 1775 года. Король въ длинной рѣчи поддержалъ ноту Штакельберга; но, видя что рѣчь его произвела дурное впечатлѣніе, отсрочилъ засѣданія сейма до 10 ноября. Это обстоятельство еще болѣе усилило неудовольствіе; а маршалы не преминули замѣтить, что король собственно не въ правѣ отсрочивать или распускать конфедераціонный сеймъ.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, сеймъ занялся преимущественно отношеніями Польши къ Россіи. Штакельбергу были сообщены двѣ ноты: одна изъ нихъ отрицала русскія гарантіи, а другая требовала очищенія польскихъ провинцій отъ русскихъ войскъ. Прусская дипломатія поддерживала это движеніе офиціяльными нотами; она заявила, что трактаты скорѣе гарантировали республикѣ политическую независимость нежели вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла. Въ Варшаву былъ отправленъ изъ Берлина маркизъ Лукккезини съ спеціяльнымъ порученіемъ поддерживать антирусскую оппозицію. Въ виду такого горячаго участія Пруссіи, русская дипломатія сообщила Фридриху Вильгельму, что въ Петербургѣ уже оставлена мысль о присоединеніи Польши къ союзу противъ Турокъ. Но прусскій король не удовольствовался этимъ сообщеніемъ, и далъ понять, что нужны дѣйствительныя доказательства такой перемѣны, то-есть надобно немедленно очистить польскія области отъ русскихъ войскъ.

Эссенъ, какъ видно изъ его депешъ, не довѣряетъ даже и тому патріотическому одушевленію, съ которымъ сеймъ предъявилъ Штакельбергу требованіе о выводѣ войскъ. По его

словамъ, въ карманѣ у русскаго посланника находится точная оцѣнка патріотизма многихъ изъ этихъ законодателей; „только, къ несчастію, казна императрицы (въ это время) страдала истощеніемъ, и не было въ запасѣ старостъ для раздачи“. Между самими Поляками онъ встрѣчалъ людей, которые сознавали, что ихъ законодатели вышли не изъ школы Солона и Ликурга, и сильно опасались, чтобы вмѣсто обезпеченія внѣшней независимости и внутренняго спокойствія, не разыгрался духъ партій съ его неизбѣжнымъ слѣдствіемъ —междуусобною войной. Они не вѣрили также и въ безкорыстныя побужденія Пруссіи въ пользу польской независимости.

Между тѣмъ, требованія относительно вывода русскихъ войскъ продолжались. На подкрѣпленіе имъ явились донесенія изъ восточныхъ провинцій о замышляемомъ будто бы созстаніи крестьянъ православнаго исповѣданія и о тайномъ участіи въ этомъ замыслѣ со стороны русскаго правительства. Сеймъ обращается съ просьбою о заступничествѣ не къ одной Пруссіи; онъ пользуется случаемъ послать уполномоченныхъ къ другимъ дворамъ: въ Версаль, Вѣну, Константинополь и пр. Въ январѣ 1789 года большинствомъ 120 голосовъ противъ 13 былъ отмѣненъ ненавистный постоянный совѣтъ. Завѣдываніе иностранными сношеніями, вопреки правамъ короны, поручено особой, избранной сеймомъ, депутаціи, члены которой, подобно членамъ военной коммиссіи, должны были дать присягу въ томъ, что они не получаютъ и не будутъ получать русскихъ пенсій. При такомъ оборотѣ дѣлъ въ Польшѣ, имѣя уже на рукахъ двѣ войны, съ Турціей и съ Швеціей, Екатерина благоразумно уступила, чтобъ избѣжать разрыва съ Пруссіей. Русскія войска получили приказъ выйдти изъ польскихъ предѣловъ. Сеймъ торжествовалъ это событіе какъ великую побѣду. Но успѣхъ, повидимому, значительно ослабилъ его дальнѣйшую энергію. Въ ноябрѣ прошлаго года сеймъ рѣшилъ продолжить свои засѣданія на неопредѣленное время, до устройства дѣлъ: однако миновалъ еще почти годъ, пока члены сейма пришли къ заключенію, что надобно назначить депутацію, которая бы выработала проектъ новой конституціи.

Самые существенные и необходимые вопросы: улучшеніе финансовъ и увеличеніе военныхъ силъ, встрѣчали камни преткновенія на каждомъ шагу.

Въ началѣ 1789 года снова былъ поднятъ вопросъ о постоянныхъ податяхъ на содержаніе арміи; но одно засѣданіе слѣдовало за другимъ, а дѣло не подвигалось впередъ, потому что дворянство и духовенство показывало весьма мало охоты пожертвовать своею свободой отъ податей. Вообще споры велись безтолково и часто отвлекались въ сторону. Такъ напримѣръ, въ то время какъ коммиссія еще не имѣла точныхъ свѣдѣній о состояніи арміи, и количество податей еще не было на столько опредѣлено, чтобы разчитать, сколько войска можетъ содержать республика—уже возникали пренія, изъ скольких человѣкъ должна состоять кавалерійская рота: изъ 100, 120 или 150. Но, вотъ, членами сейма вдругъ овладѣла героическая рѣшимость. 27 февраля постановлено было, чтобы владѣльцы староствъ пожертвовали половиною доходовъ въ пользу государства; 24 марта духовенство согласилось платить 20 процентовъ изъ своихъ доходовъ, и обязалось еще вносить добавочную сумму подъ названіемъ „добровольной подати“. Король не захотѣлъ оставаться назади въ дѣлѣ патріотизма, и предложилъ изъ своихъ доходовъ 80.000 талеровъ ежегодно на потребности арміи. 27 марта это патріотическое одушевленіе достигло своего апогея: сеймъ постановилъ собирать 10 процентовъ съ доходовъ каждаго дворянина, чтобы доставить отечеству возможность возвратить свою внѣшнюю независимость. Эссенъ, извѣщая свой дворъ объ этомъ рѣшеніи, говоритъ: „если оно будетъ приведено въ исполненіе—необходимая оговорка ко всему что происходитъ въ этой странѣ,—то Польша снова займетъ свое мѣсто въ ареопагѣ народовъ“.

Послѣдствія не замедлили доказать справедливость этой оговорки. Едва принято было рѣшеніе о всеобщихъ жертвахъ, какъ обнаружилось и общее стремленіе избавиться отъ этихъ жертвъ. Когда начали подводить итоги дворянскихъ доходовъ, то, благодаря такому стремленію, въ большей части случаевъ доходы эти показывались вчетверо или впятеро менѣе дѣйствительныхъ. И скоро дѣло свелось къ тому, что финансы и армія остались въ прежнемъ положеніи, и всѣ патріотическія рѣчи и декламаціи въ этомъ отношеніи пропали даромъ. Такимъ образомъ расчетъ на собственныя силы въ борьбѣ за независимость явно оказывался несостоятельнымъ. Поэтому всѣ надежды и стремленія обратились

на внѣшнюю помощь, на политическіе союзы, отъ которыхъ стали ожидать спасенія республики.

Патріотическая партія начала хлопотать о тѣсномъ, оборонительномъ и наступательномъ союзѣ съ Пруссіей, вмѣстѣ съ которой Польша могла бы примкнуть и къ союзу съ морскими державами, Англіей и Голландіей. Но прусская дипломатія выставила требованіе, чтобы политическому союзу предшествовалъ торговый трактатъ и чтобы прежде всего выяснились прочныя основы предпринятыхъ реформъ въ польской конституціи. Англійскій посланникъ поддерживалъ это требованіе. А сеймъ, напротивъ, хотѣлъ прежде оградить себя прусскимъ союзомъ, и уже подъ его щитомъ приводить въ дѣйствіе свои реформы. Между тѣмъ нѣкоторыя начала, принятыя въ основу преобразованій, успѣли возбудить опасенія въ Пруссіи, въ особенности намѣреніе патріотовъ утвердить наслѣдственный престолъ въ Саксонскомъ домѣ. Фридрихъ Вильгельмъ заявилъ, что собственно противъ Саксонскаго дома онъ ничего не имѣетъ, но на принципъ наслѣдственности согласиться не можетъ. Въ этомъ взглядѣ поддерживали его старый министръ Герцбергъ (на поприщѣ дипломатіи ученикъ и послѣдователь Фридриха II) и маркизъ Лукезини, преемникъ Бухгольца въ Варшавѣ. Послѣдній писалъ къ Герцбергу, что введеніе наслѣдственнаго трона могло бы легко обратить Польшу въ сильную державу; тогда стоило бы только явиться въ ней искусному полководцу, и армія возвратила бы Польшѣ ея прежнее величіе. Когда же представители патріотической партіи настоятельно обратились къ Пруссіи съ этимъ пунктомъ, Лукезини уполномоченъ былъ отвѣчать, что прусскій король согласится на наслѣдственность трона, если того пожелаетъ вся польская нація и если Россія и Австрія также дадутъ согласіе.

Въ то время Полякамъ представлялось, повидимому, довольно легкое средство добиться тѣснаго союза съ Пруссіей. Это такъ-называемый галиційскій проектъ Герцберга. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы Польша уступила Пруссіи два важные торговые пункта на Вислѣ, Данцигъ и Торнъ. За нихъ предполагалось возвратить Полякамъ отъ Австріи часть Галиціи; а Австрія, въ обмѣнъ на Галицію, могла бы удержать часть турецкихъ земель, занятыхъ ея войсками. (Такимъ образомъ планъ вознагражденія за Галицію въ придунайскихъ земляхъ, встрѣчающійся у современныхъ европейскихъ публи-

цистовъ, далеко не новость.) Прусскій дворъ уже изыскивалъ средства принудить Австрію къ этому обмѣну и, повидимому, готовился даже къ войнѣ въ союзѣ съ Польшей; уже были завязаны сношенія съ галиційскими Поляками, которые обѣщали полное возстаніе. Но въ то же время прусскіе дипломаты настоятельно убѣждали польскихъ патріотовъ не подавать вѣнскому двору никакого повода къ неудовольствію и внушить Галиційцамъ, чтобъ они сохранили спокойствіе, пока предпріятіе не созрѣетъ. Сенъ-Джемскій кабинетъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній согласился также приступить къ галиційскому проекту, и обѣщалъ, въ случаѣ войны съ Россіей и Австріей, прикрыть своимъ флотомъ Пруссію на Балтійскомъ морѣ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Витвортъ, получилъ даже приказаніе подать угрожающую ноту, съ объявленіемъ, что Англія и Пруссія возьмутся за оружіе, если до апрѣля мѣсяца при ихъ посредничествѣ не будетъ заключенъ миръ съ Турками. Однако втайнѣ Англичане сильно надѣялись на мирный исходъ дѣла, такъ какъ предвидѣлась близкая перемѣна царствующаго лица въ Австріи, обѣщавшая и перемѣну въ ея политикѣ. А между тѣмъ англійская дипломатія разчитывала посмотрѣть, какъ Поляки воспользуются этимъ срокомъ, чтобы подвинуть впередъ вопросы о реформахъ въ конституціи и о прусскомъ союзѣ. Прусская дипломатія, съ своей стороны, также держалась выжидательной системы. На домогательства Поляковъ о союзѣ она отвѣчала, что переговоры о томъ начнутся не прежде, какъ республика устроитъ у себя надежную конституцію, доведетъ свою армію по крайней мѣрѣ до 60.000 человѣкъ и изыщетъ средства для ея содержанія. Это обстоятельство заставило усилить дѣятельность варшавской конституціонной коммиссіи.

Коммиссія для составленія проекта новой конституціи была назначена 7-го сентября 1789 г. Кромѣ президента Красинскаго, епископа каменецкаго, она состояла изъ 10 членовъ: четыре принадлежали сенату, а остальные шесть рыцарскому или шляхетскому сословію. По мѣрѣ того какъ вырабатывались коммиссіей статьи конституціи, онѣ поступали на обсужденіе сейма. Каждая статья подвергалась тщательному разсмотрѣнію, и вызывала жаркія пренія со стороны противной партіи. Однажды патріоты пригрозили гетману Браницкому и нѣкоторымъ его друзьямъ выбросить ихъ изъ окна, если они не перестанутъ дѣлать помѣхи при обсужденіи

конституціи. Угроза подѣйствовала, и слѣдующія засѣданія были спокойнѣе. 23-го декабря, проектъ коммиссіи въ общихъ чертахъ былъ утвержденъ сеймомъ, и притомъ безъ большой оппозиціи. Этому много способствовало то обстоятельство, что король, почти предоставленный петербургскимъ дворомъ самому себѣ, останцлъ съ преданными ему сенаторами и послами русскую партію, и примкнулъ къ патріотамъ.

Впрочемъ проектъ новой конституціи не отличался большими нововведеніями. По первому пункту престолъ оставался избирательнымъ, и королевская власть уменьшилась еще болѣе, потому что сейму предоставлялось право назначать высшихъ сановниковъ и членовъ совѣта министровъ. Но liberum veto отмѣнялось, и на избирательныхъ сеймикахъ право голоса получали только дворяне собственники, а голодная толпа неимущей шляхты, торговавшей своими голосами, устранялась. Послѣднее условіе вызвало наиболѣе сильное волненіе въ отдаленныхъ провинціяхъ, и доставило многочисленныхъ приверженцевъ оппозиціи; но въ областяхъ, ближайшихъ къ столицѣ, сеймики заявили къ ней свое сочувствіе.

Послѣ того завязались оживленные переговоры о прусскомъ союзѣ. Берлинскій дворъ предложилъ соединить политическій союзъ съ торговымъ трактатомъ, при чемъ соглашался понизить пошлину на Вислѣ съ 12 процентовъ на 6, на 4 и даже на 2 процента; но требовалъ за это уступки Данцига и Торна. Напрасно нѣкоторые наиболѣе дальновидные члены сейма уговаривали товарищей согласиться на требованіе Пруссіи. Партія, противная прусскому союзу, воспользовалась удобнымъ случаемъ, и подняла крикъ, какъ-будто дѣло шло о новомъ раздѣлѣ Польши. Сеймъ выразилъ желаніе перейдти къ торговому трактату послѣ политическаго союза, и обратился къ великодушію прусскаго короля, вмѣсто того чтобы связать съ собой Пруссію общими интересами. Фридрихъ Вильгельмъ показалъ уступчивость и согласился на отдѣльные переговоры относительно обоихъ трактатовъ.

27 марта 1790 г. союзный трактатъ представленъ былъ на утвержденіе сейма. Но и тутъ надобно было опасаться вліянія оппозиціи. Многіе члены едва понимали, что дѣло идетъ о послѣднемъ средствѣ спасенія для республики — о дружбѣ съ сильною сосѣднею державой. Потому главы патріотической партіи сочли необходимымъ употребить нѣкоторую уловку,

чтобы добиться единодушія. Они прибѣгли къ тому же способу, который съ успѣхомъ былъ приведенъ въ дѣйствіе нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, для бо́льшаго возбужденія умовъ противъ Россіи и удаленія русскихъ войскъ, т.-е. къ призраку крестьянскаго возстанія на Украйнѣ. Засѣданіе 27 марта неожиданно началось сообщеніемъ слѣдствія, наряженнаго надъ православнымъ Слуцкимъ архимандритомъ. Въ прошломъ году онъ былъ арестованъ, какъ одинъ изъ главныхъ двигателей предполагавшагося украинскаго мятежа. Чтеніе слѣдственныхъ актовъ возобновило въ памяти слушателей прошлогоднюю панику и привело все собраніе въ самое тревожное состояніе духа. Посреди этого чтенія раздалось нѣсколько голосовъ о немедленномъ заключеніи Прусскаго союза, безъ котораго невозможно отвратить опасности, угрожающія республикѣ. Дѣйствительно, трактатъ былъ одобренъ безъ возраженій.

Надежды, возбужденныя союзомъ съ Пруссіей, усилились еще болѣе, когда къ слѣдующемъ мѣсяцѣ сейму сообщено было извѣстіе о заключеніи союза между Пруссіей и Турціей. Такимъ образомъ Россіи, кромѣ двухъ войнъ, которыя она уже вела, стала грозить еще война съ Польшей, Пруссіей и, пожалуй, съ Англіей. Польскіе патріоты были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ и приняли очень смѣлый тонъ съ Петербургскимъ дворомъ. При извѣстіи, что императрица хочетъ замѣнить Штакельберга уполномоченнымъ низшаго ранга они погрозили отнять Брюлевскій дворецъ, и даже сдѣлали на сеймѣ предложеніе подвергнуть наказанію тѣ лица, которыя въ 1775 г. присовѣтовали очистить для русскаго посла этотъ великолѣпный дворецъ (покупка его и меблировка стоили республикѣ болѣе милліона польскихъ гульденовъ). Штакельбергъ вскорѣ дѣйствительно былъ отозванъ, и хотя онъ не отличался большою мягкостію, однако Полякамъ пришлось пожалѣть объ этой перемѣнѣ лица. На мѣсто Штакельберга пріѣхалъ Булгаковъ.

Еще за нѣсколько недѣль до заключенія прусскаго союза въ Австріи совершилась перемѣна, на которую разчитывали Англичане для мирнаго исхода польскаго вопроса. 20 февраля скончался Іосифъ II. Братъ и наслѣдникъ его, Леопольдъ II, былъ извѣстенъ какъ ловкій дипломатъ и государь не любившій войны. Дѣйствительно, въ политикѣ Австріи скоро

обнаружились существенныя перемѣны; завоевательные планы Іосифа II были оставлены. Въ то же время и въ Пруссіи направленіе политики значительно измѣнилось: Герцбергъ началъ терять свой вѣсъ въ берлинской дипломатіи; другая партія (Бишофсвердера и Лукезини) овладѣла королемъ, и галиційскій проектъ Герцберга отошелъ на задній планъ. Поэтому между Австріей и Пруссіей послѣдовало нѣкоторое сближеніе, и 27 мая 1790 г. они заключили такъ-называемую Рейхенбахскую конвенцію: Австрія отказывалась отъ завоеваній въ Турціи (удерживая, конечно, за собою Галицію), а Пруссія обязалась не препятствовать ей подавить возстаніе въ Бельгіи. Слѣдовательно, результатомъ этой конвенціи было statu quo; а потому польскіе патріоты уже не могли разчитывать на дѣятельную поддержку со стороны Пруссіи. Виноватъ былъ самъ сеймъ, который съ удивительнымъ упорствомъ отвергалъ всѣ предложенія и совѣты объ уступкѣ Данцига и Торна. Послѣ Рейхенбахскаго конгресса Лукезини уѣхалъ изъ Варшавы, и мѣсто его занялъ менѣе значительный дипломатъ графъ Гольцъ, что явно показывало нѣкоторое охлажденіе со стороны прусскаго короля. Герцбергъ продолжалъ еще требовать уступки упомянутыхъ городовъ; но Лукезини, познакомившійся съ положеніемъ польскихъ дѣлъ на мѣстѣ, утверждалъ, что для Пруссіи, вмѣсто ненадежнаго союза съ безсильною Польскою республикой, гораздо выгоднѣе опять сблизиться съ Петербургомъ и Вѣной, чтобы расширить свои предѣлы на счетъ Польши.

Между тѣмъ партія движенія въ Польшѣ обнаруживала весьма мало такта въ своихъ дѣйствіяхъ. Графъ Ржевускій совсѣмъ не вовремя принялся изъ Львова возбуждать Галицію къ возстанію. А военныя средства республики оставались при прежнемъ ничтожествѣ. Прусскій генералъ Каль-крейтъ, который былъ командированъ въ Польшу, чтобы служить республикѣ своими совѣтами по устройству войска, уѣхалъ изъ Варшавы, и иронически замѣтилъ о польской арміи, что „ей надобно римскаго полководца.“ Устройство финансовъ не подвигалось впередъ, несмотря на многочисленные проекты и пренія, и вновь придуманныя подати главною своею тяжестію попрежнему падали на крестьянское сословіе. Обработка конституціоннаго проекта подвигалась впередъ весьма медленно. На первый планъ выступилъ

вопросъ о наслѣдствѣ престола и вызвалъ самыя жаркія пренія, которыя отражались и въ цѣлой странѣ.

Но дальнѣйшія разсужденія о конституціи должны были на время прекратиться. Сеймъ засѣдалъ уже около двухъ лѣтъ: приближался срокъ для созванія слѣдующаго обыкновеннаго сейма, и возникъ вопросъ, нужно ли для этого предварительно распустить настоящій. По предложенію маршала Малаховскаго рѣшено было, съ цѣлію не повредить начатымъ реформамъ, не распускать настоящаго сейма до тѣхъ поръ, пока онъ не окончитъ трудовъ по составленію конституціи. Нельзя не замѣтить, что подобное рѣшеніе вынуждалось самою необходимостью. Конституціонный сеймъ до сихъ поръ занимался только разрушеніемъ стараго порядка, но не создалъ еще ни одной новой отрасли управленія, и такъ какъ онъ теперь былъ единственный обязательный авторитетъ въ странѣ, то съ распущеніемъ его ей угрожала полнѣйшая анархія. Въ то же время сеймъ пригласилъ воеводства выслать въ Варшаву обычное число пословъ. Такимъ образомъ, сохраняя прежній составъ, онъ подкрѣплялъ себя новыми членами, почему получалъ еще большій вѣсъ въ общественномъ мнѣніи страны. Это подкрѣпленіе оказывалось тѣмъ нужнѣе для авторитета господствовавшей партіи, что засѣданія сейма были чрезвычайно неполны: изъ 334 пословъ въ засѣданіяхъ участвовало обыкновенно не болѣе 200, а иногда не болѣе 130.

Подкрѣпленный сеймъ собрался въ декабрѣ 1790 г. Маршалъ Сапѣга, отъ имени литовскаго дворянства, предложилъ взять со всѣхъ членовъ присягу въ томъ, что они не будутъ получать никакихъ пенсій отъ иностранныхъ дворовъ и останутся вѣрны отечеству. Поводомъ къ этой присягѣ послужило сообщеніе польскаго агента изъ Петербурга о томъ, что Булгакову въ нѣсколько пріемовъ отправлено болѣе 100.000 дукатовъ. Предложеніе Сапѣги повело къ сильнымъ спорамъ, и успѣхъ иностраннаго вліянія ясно виденъ изъ слѣдующихъ словъ Эссена, которыя онъ написалъ послѣ одного изъ самыхъ шумныхъ засѣданій. „Я замѣчаю здѣсь дѣйствіе систематической и рѣшительной воли. Я вижу, что эта чуждая воля между самими Поляками находитъ болѣе послѣдователей, нежели можно было бы ожидать, но только тому, кто мало знаетъ характеръ республиканскихъ націй.“

Въ началѣ 1791 года, снова поднятъ былъ вопросъ о

торговомъ трактатѣ съ Пруссіей и объ уступкѣ Данцига и Торна. Послы голландскій и англійскій поддерживали требованіе Пруссіи. Но недальновидность Поляковъ въ дѣлѣ, отъ котораго могла зависѣть участь всего ихъ движенія, приводитъ въ удивленіе Гельса. Въ депешахъ своихъ онъ отзывается о большинствѣ сеймовыхъ пословъ, какъ о людяхъ не имѣющихъ никакого понятія ни о положеніи собственной страны, ни объ интересахъ другихъ націй. „Многіе изъ членовъ сейма, говоритъ онъ, проводили жизнь въ сельскихъ занятіяхъ, и вдругъ очутились на политической сценѣ, гдѣ интересы переплетаются между собою самымъ запутаннымъ образомъ. Недовѣріе и подозрительность, слѣдствіе крайняго невѣдѣнія дѣлъ, господствуютъ почти во всѣхъ умахъ; а примѣръ наиболѣе свѣдущихъ людей далекъ отъ того, чтобъ ободрить остальныхъ.“ Въ то же время графъ Гольцъ доноситъ Герцбергу, что теперь было бы самое удобное время для уступки Данцига и Торна, и если Пруссія не добьется этой уступки, то надобно перемѣнить систему дѣйствія въ Польшѣ, потому что въ будущемъ на Поляковъ разчитывать нечего: по характеру, языку, воспитанію и интересамъ самой религіи они наклонны болѣе къ Русскимъ чѣмъ къ Прусакамъ, которые „ненавистны имъ въ качествѣ Нѣмцевъ“.

Дѣло объ уступкѣ двухъ городовъ попрежнему не подвигалось впередъ, несмотря на обѣщанія, данныя Англіи и Пруссіи патріотическою партіей. Пруссія требовала наконецъ одного Данцига вмѣстѣ съ торговымъ трактатомъ. Но въ это время австрійская (собственно Леопольдова) дипломатія пустила въ ходъ весьма ловкую интригу. Изъ Вѣны вдругъ сообщено было извѣстіе, что прусскій дворъ завязываетъ съ австрійскимъ переговоры о новомъ раздѣлѣ Польши. Слухъ былъ совершенно неосновательный, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, и когда депутація иностранныхъ дѣлъ выступила съ торговымъ трактатомъ, на сеймѣ поднялась противъ него цѣлая буря. Напрасно генералъ Война, польскій посолъ въ Вѣнѣ, бралъ уже назадъ свое ложное извѣстіе о переговорахъ Пруссіи съ Австріей; напрасно была прочитана нота графа Гольца съ объявленіемъ отъ прусскаго короля, что единственною цѣлью упомянутаго слуха было возбудить къ нему недовѣріе въ польской націи. Мысль объ уступкѣ Данцига была рѣшительно отвергнута.

Несмотря на такой исходъ данцигскаго вопроса, патріоти-

ческая партія была настолько наивна, что продолжала надѣяться на вооруженную помощь Пруссіи и желала немедленно начать войну съ Россіей, хотя финансы и армія оставались въ прежнемъ состояніи. Послѣднему обстоятельству нисколько не помогали великодушные порывы и патріотическія рѣшенія, которымъ время отъ времени предавался сеймъ. Около того же времени обращено было вниманіе на положеніе городскаго сословія, и неожиданно утвержденъ проектъ такъ-называемой „гражданской конституціи," состоявшій изъ 18 пунктовъ: въ силу этихъ пунктовъ горожане освобождались отъ дворянскихъ судовъ и получали родъ представительства. Подобныя права сначала произвели было опасенія между сосѣдями; явилась мысль, не будутъ ли, напримѣръ, изъ Пруссіи многіе жители эмигрировать, чтобы наслаждаться правами польскаго городскаго сословія? Но, спустя нѣсколько дней, иностранная дипломатія успокоилась на томъ предположеніи, что принятая сеймомъ реформа не помѣшаетъ ему въ одно прекрасное утро найдти исполненіе ея неудобнымъ и отложить до слѣдующаго сейма, какъ это часто случалось. Что же касается до улучшенія быта несчастныхъ крестьянъ, въ этомъ отношеніи мы не встрѣчаемъ никакихъ попытокъ со стороны сейма *.

Вслѣдъ за утвержденіемъ гражданской конституціи, сеймъ отсрочилъ свои засѣданія на двѣ недѣли, предполагая послѣ свѣтлаго праздника заняться нѣкоторыми экономическими вопросами. Но въ этотъ промежутокъ времени случилось событіе, которое должно было нанести рѣшительный ударъ надеждамъ патріотической партіи. Изъ Берлина пришло извѣстіе, что Англія отказывается поддерживать Пруссію въ случаѣ ея войны съ Россіей; а вслѣдствіе того Пруссія также покидаетъ свои воинственные замыслы. Сюда присоединился страхъ передъ усиленною дѣятельностію русской партіи, которая старалась разорвать конфедераціонный сеймъ или образовать контръконфедерацію, и уже многіе послы оказались несостоятельными противъ иностраннаго золота. При

* Вопреки увѣреніямъ Огинскаго, который въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ, что были приняты „самыя мудрыя" мѣры, чтобы произвести эту перемѣну *нечувствительнымъ* образомъ, „не покушаясь на права дворянъ собственниковъ," и что еслибы великій сеймъ не былъ прерванъ, то крѣпостное право навѣрное было бы уничтожено (I, 59).

такихъ обстоятельствахъ патріотическая партія не видѣла другаго средства самосохраненія, какъ внезапный государственный переворотъ (coup d'etat). Мы говоримъ о конституціи 3 мая 1791 года. Спасенія республики искали, повидимому, въ театральныхъ эффектахъ.

Чтобъ обмануть сторонниковъ Россіи, патріоты выбрали для исполненія своего плана день, который офиціяльно назначенъ былъ для обсужденія другихъ вопросовъ. На разсвѣтѣ 3 мая, члены сейма, посвященные въ замыселъ, собрались въ королевскомъ дворцѣ. Послѣ предварительныхъ совѣщаній они вмѣстѣ съ королемъ перешли въ залу сеймовыхъ засѣданій. Тутъ депутація иностранныхъ дѣлъ объявила, что она должна немедленно сообщить сейму послѣднія депеши польскихъ повѣренныхъ за границей и частныя письма, которыя извѣщаютъ республику о великомъ грозящемъ ей бѣдствіи. Послѣдовало чтеніе депешъ и писемъ изъ Вѣны, Петербурга, Берлина, Парижа, Гаги и другихъ мѣстъ. Содержаніе ихъ клонилось къ тому, что Польшѣ угрожаетъ *новый раздѣлъ*! Между прочимъ Россіи приписывался планъ раздѣлить Польшу на шесть частей, изъ которыхъ одна назначалась для Потемкина!

Это чтеніе произвело потрясающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Король всталъ съ трона, и пригласилъ сеймъ, для отвращенія грозящей отечеству опасности, немедленно принять проектъ новой конституціи. За тѣмъ началось чтеніе этого проекта. Первыми пунктами его постановлялись: сохраненіе католической религіи господствующею и терпимость прочихъ религій, сохраненіе дворянскихъ привилегій и обезпеченіе за городскимъ сословіемъ вновь дарованныхъ ему правъ. Законодательная власть попрежнему вручалась сейму, раздѣленному на двѣ палаты (избы), сенаторскую и посольскую; а исполнительная власть оставалась за королемъ и совѣтомъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ націей. Обычай конфедерацій и liberum veto отмѣнялись. Но самая важная и коренная реформа заключалась въ томъ, что польскій престолъ объявлялся наслѣдственнымъ. Престолъ переходилъ къ саксонскому курфисту, а послѣ къ его дочери; король и нація изберутъ ей супруга, и потомство этой четы должно было образовать новую польскую династію.

Во время чтенія сеймовая зала наполнялась слушателями.

Многіе послы съ трудомъ сдерживали свое негодованіе на такой неожиданный оборотъ дѣла. Едва чтеніе окончилось, какъ поднялись энергическіе протесты противъ новой конституціи. Одни отрицали ее безусловно, другіе требовали по крайней мѣрѣ отсрочки. Нѣкто Сухоржевскій, калишскій посолъ, незадолго отличавшійся ревностною защитой правъ городскаго сословія, теперь пришелъ въ совершенное изступленіе, и кричалъ, что отмѣна избирательнаго трона будетъ гробомъ польской свободы. Но всѣ эти протесты заглушены были голосами патріотовъ, которые имѣли на своей сторонѣ большинство *. Чтобы прекратить дальнѣйшіе споры и волненіе, Станиславъ Августъ, по просьбѣ патріотовъ, немедленно присягнулъ новой конституціи; за нимъ присягнуло все собраніе. Король пригласилъ присутствовавшихъ отправиться въ соборъ, присягнуть тамъ еще разъ и возблагодарить Бога за счастливое окончаніе дѣла.

Было уже около семи часовъ вечера, когда сеймовая процессія двинулась изъ дворца въ соборъ. Она была встрѣчена и сопровождаема десятитысячною толпой народа, во главѣ которой находились магистратъ и цехи. Присяга и *Te Deum* совершились при громѣ пушекъ. Потомъ опять воротились въ залу засѣданій, и постановили, чтобы въ память счастливой революціи третье мая ежегодно праздновалось въ цѣломъ королествѣ и въ честь его была бы выстроена особая церковь. Военная коммиссія и члены магистрата въ тотъ же день дали присягу новой конституціи. На слѣдующій день присягнули всѣ находившіеся въ столицѣ генералы и офицеры. Отданъ былъ приказъ послать 10.000 войска въ южныя провинціи, такъ какъ недовольные послы большею частію принадлежали этимъ провинціямъ, и тамъ скорѣе всего можно было ожидать конфедерацій, враждебныхъ новому порядку. Кромѣ того, рѣшено учредить особый сеймовый судъ, который всякаго противящагося перевороту судилъ бы какъ государственнаго преступника.

Столица и вся страна, казалось, были въ восторгѣ отъ третьяго мая. Особенно прославлялось то обстоятельство,

---

* Воротясь домой послѣ неудачнаго протеста, фанатикъ Сухоржевскій схватилъ саблю и хотѣлъ отрубить голову своему маленькому сыну, чтобъ ему не пришлось жить въ неволѣ, подъ тиранскимъ правленіемъ Его едва удержали отъ преступленія. (*Pamiętniki Kitowicza.*)

что такая великая революція совершилась безъ всякихъ безпорядковъ и безъ пролитія капли крови.

Англійскій посолъ въ депешѣ своей отъ 8 мая главнымъ дѣятелемъ революціи называетъ графа Игнатія Потоцкаго, человѣка съ сангвиническимъ темпераментомъ и весьма славолюбиваго. По замѣчанію Гэльса, Потоцкаго отчасти одушевляла фамильная вражда съ гетманомъ Браницкимъ, приверженцемъ старой системы, а отчасти дѣйствительное желаніе оказать услугу отечеству. Онъ былъ членомъ коммиссіи для составленія проекта преобразованной конституціи; съ помощію своей твердости и довѣрія, которое къ нему питали, онъ увлекъ за собою многихъ нерѣшительныхъ людей, въ томъ числѣ и самого короля.

Даже рѣшительные противники реформы на первое время должны были склониться передъ успѣхомъ патріотовъ. Изъ всѣхъ министровъ только коронный канцлеръ Малаховскій (братъ сеймоваго маршала) сложилъ свое достоинство, какъ несогласный съ переворотомъ; но вскорѣ уступилъ просьбамъ короля и своихъ родственниковъ. Даже гетманъ Браницкій счелъ за лучшее на время признать себя побѣжденнымъ. Онъ ожидалъ, что вопросъ о конституціи будетъ обсуждаться 5 мая, какъ о томъ было объявлено. 4 числа онъ прискакалъ въ Варшаву въ сопровожденіи 200 дворянъ, и хотѣлъ протестовать противъ совершившихся перемѣнъ въ городскомъ судѣ; но нашелъ его уже запертымъ; а спустя два дня, и самъ подписался подъ новою конституціей. Его примѣру послѣдовали и остальные ея противники.

7 мая къ націи выданъ универсалъ, наполненный восхваленіями новаго порядка. Не только въ Польшѣ, но и за границей многіе увлеклись блестящимъ успѣхомъ революціи. Журналы усердно прославляли ее. Новый духъ и новый свѣтъ, говорили панегиристы, распространился между Сарматами, и они совершили самый замѣчательный изъ всѣхъ государственныхъ переворотовъ текущаго столѣтія.

Но возьмемъ оборотную сторону медали и посмотримъ, на сколько въ этомъ переворотѣ было искусственнаго, только кажущагося блеска. Изъ иностранныхъ резидентовъ, находившихся тогда въ Варшавѣ, почти никто не увлекся театральнымъ эффектомъ революціи. Наиболѣе проницательный взглядъ на ея дѣйствительное значеніе мы находимъ у того же Эссена. Въ донесеніяхъ своему двору (отъ 7 и 14 мая)

онъ выражаетъ рѣшительное сомнѣніе, чтобы большинство провинціяльныхъ сеймиковъ одобрило принципъ наслѣдственнаго трона, и потому полагаетъ, что съ этой стороны надобно ожидать сильнѣйшихъ протестацій. Далѣе, онъ не видитъ никакихъ ручательствъ, чтобы Поляки, извѣстные своимъ непостояннымъ, легко увлекающимся характеромъ, сумѣли осуществить рѣшеніе, принятое въ минуту энтузіазма. Не должно, кромѣ того, забывать слабохарактерность короля, неспособность его министровъ и полный недостатокъ въ искусныхъ государственныхъ людяхъ. Поэтому Эссенъ предостерегаетъ своего государя отъ непріятныхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою принятіе предлагаемой польской короны, тѣмъ болѣе что выборъ саксонской династіи обусловливается не какою-либо особою приверженностію къ ней, а просто страхомъ новаго раздѣла. Сюда присоединяются и нѣкоторые эгоистическіе разчеты: король Станиславъ питаетъ надежду женить своего племянника, князя Понятовскаго, на саксонской принцессѣ и тѣмъ упрочить корону за своею фамиліей; а князь и княгиня Чарторыйскіе разчитываютъ получить руку принцессы для своего старшаго сына.

Самый энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчена была въ Варшавѣ конституція 3 мая, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не совсѣмъ безкорыстнымъ, и патріотическая партія далеко не имѣющею глубокихъ нравственныхъ корней въ народѣ. Толпа, окружавшая въ тотъ день королевскій замокъ, состояла большею частію изъ подкупленной черни. Въ подкупахъ участвовалъ и самъ король. Другая часть толпы явилась вслѣдствіе разныхъ обѣщаній и возбужденныхъ надеждъ. Между прочимъ, предварительно распущенъ былъ слухъ, что въ засѣданіи 3 мая будетъ идти дѣло о подтвержденіи правъ, дарованныхъ городскому сословію, и что сенатъ противится этимъ правамъ; отъ трехъ до четырехъ тысячъ горожанъ собралось передъ замкомъ, чтобы присутствіемъ своимъ внушить страхъ сенаторамъ.

Наконецъ, впечатлѣніе, произведенное извѣстіями о грозящемъ новомъ раздѣлѣ и послужившее главнымъ поводомъ къ революціи, было основано на чтеніи ложныхъ или искаженныхъ донесеній. Объ этомъ прямо говорятъ повѣренные англійскій и саксонскій. Гэльсъ въ депешѣ, отъ 31 мая, обращаетъ вниманіе на то, что патріотическая партія, для сильнѣйшаго эффекта, не посовѣстилась обвинить въ замыслахъ

о раздѣлѣ и своихъ союзниковъ Пруссаковъ. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что донесенія, прочитанныя 3 мая съ единственною цѣлію показать необходимость настоящей революціи, были или искажены, или совершенно выдуманы.“ Еще болѣе точныя свѣдѣнія о томъ сообщаетъ Эссенъ въ депешѣ, отъ 28 мая, къ саксонскому кабинетъ-министру графу Лоссъ. Основою для всей этой комедіи, по его словамъ, послужило письмо русской императрицы къ прусскому королю, написанное еще въ 1782 г., гдѣ заключались нѣкоторыя соображенія о раздѣлѣ. Самое существованіе письма не было доказано, хотя Деболи, польскій повѣренный въ Петербургѣ, и увѣрялъ, что это письмо находится у него въ рукахъ. Все же остальное было произведено разными искусственными способами, каковы: умолчаніе хронологическихъ данныхъ и сообщеніе за новость незначительныхъ слуховъ, ходившихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; преувеличеніе фактовъ и умолчаніе всего что могло ослабить впечатлѣніе, и т. п. Передавая все это, честный Нѣмецъ приходитъ въ изумленіе передъ наглостію патріотовъ, и опасается, что курфирсту, пожалуй, его донесеніе покажется невѣроятнымъ.

Несмотря на успѣхъ театральныхъ эффектовъ и значительное число отсутствовавшихъ членовъ сейма, патріотамъ удалось провести конституцію 3 мая только слабымъ большинствомъ голосовъ. Изъ 157 присутствовавшихъ членовъ 88 вотировали за конституцію и 69 противъ.* Послѣ того господствующая партія всѣми силами старалась заглушить голосъ оппозиціи. Чтобы не узнали за границей о настоящемъ настроеніи нѣкоторыхъ областей, запрещена была всякая корреспонденція провинціальныхъ жителей съ иностранными резидентами въ Варшавѣ. Однако, вскорѣ не замедлили явиться печатные и письменные протесты противъ переворота даже со стороны многихъ сеймовыхъ пословъ.

Декаше (австрійскій посолъ) и Булгаковъ, представители тѣхъ именно державъ, противъ которыхъ была направлена конституція 3 мая, офиціально продолжали держать себя весьма осторожно и показывали равнодушный видъ. Кауницъ сначала нѣсколько встревожился: у него явилось подозрѣніе, не произошло ли все это по тайному соглашенію съ Пруссіей

* Впрочемъ, числа эти только приблизительныя. Ихъ приводитъ Эссенъ въ депешѣ 16 іюня; а въ послѣдующихъ его депешахъ они встрѣчаются нѣсколько измѣненными.

и Саксоніей, при чемъ Пруссіи, безъ сомнѣнія, было бы обѣщано территоріальное вознагражденіе. Но, когда обнаружилось, что ни прусскій король, ни саксонскій курфирстъ не принимали тутъ никакого непосредственнаго участія, то опытный австрійскій дипломатъ успокоился и принялся работать противъ польской революціи: съ одной стороны обольщать саксонскаго курфирста отдаленною надеждой на согласіе великихъ державъ относительно польскаго наслѣдства, а съ другой—втайнѣ поддерживать сосѣдній кабинетъ во враждебномъ настроеніи къ этой революціи.

Что касается до Пруссіи, то патріотическая партія, конечно, прежде всего спѣшила обезпечить за новою конституціей согласіе своей главной союзницы. Король Понятовскій немедленно написалъ къ Фридриху-Вильгельму письмо къ извѣстіемъ о совершившемся фактѣ, какъ о единственномъ средствѣ для республики выйдти изъ ея бѣдственнаго положенія. Польскій уполномоченный въ Берлинѣ, князь Яблоновскій, долженъ былъ вручить письмо прямо въ руки Фридриха, помимо министровъ. Онъ поступилъ очень ловко. Король находился на разводѣ одного кавалерійскаго полка, когда Яблоновскій попросилъ у него аудіенціи по весьма важному дѣлу. Тотчасъ послѣ развода Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ уполномоченнаго, прочелъ письмо, и прежде нежели могъ опомниться отъ неожиданнаго извѣстія, Яблоновскій сумѣлъ получить отъ него благосклонный письменный отвѣтъ. Въ Варшавѣ этотъ отвѣтъ поспѣшили объявить дипломатическимъ актомъ и, на основаніи его, обратились къ прусскому послу, графу Гольцу, съ просьбою представить сейму ноту, которая бы заключала со стороны Пруссіи официальное одобреніе конституціи 3 мая. Гольцъ очутился въ большомъ затрудненіи и отказался отъ подачи ноты до полученія инструкцій отъ своего двора. Дѣйствительно, прусское министерство, между тѣмъ, успѣло внушить королю недовѣріе къ польскому перевороту. Гольцъ получилъ приказъ давать въ Варшавѣ уклончивые отвѣты. Пруссія хотѣла прежде посмотрѣть, какъ пойдетъ дѣло конституціи въ самой Польшѣ, и уже разъ покинутая Англіей, не имѣла никакого желанія начать за Польшу войну съ Австріей и Россіей. Саксонскій курфирстъ съ своей стороны также медлилъ дать какой-нибудь прямой отвѣтъ на предложеніе польской стороны; онъ выжидалъ, пока выяснится, въ какое отношеніе къ другія державы къ польской революціи.

Но что̀ предпринимала между тѣмъ преобразованная республика, чтобы внушить къ себѣ довѣріе внутри и уваженіе извнѣ?

Первый неловкій шагъ послѣдовалъ со стороны короля: онъ составилъ новое министерство, но наполнилъ его почти исключительно явными приверженцами Россіи, каковы были, напримѣръ, коронный канцлеръ Малаховскій, литовскій подканцлеръ Хребтовичъ и коронный гетманъ Браницкій. Это обстоятельство тотчасъ возбудило въ патріотической партіи и въ иностранныхъ резидентахъ подозрѣніе, что король смотритъ на революцію не серіозно и при удобномъ случаѣ легко можетъ перейдти опять на сторону Россіи. На замѣчанія графа Гольца Станиславъ-Августъ оправдывалъ свой выборъ тѣмъ, что хотѣлъ такимъ образомъ парализовать противодѣйствіе людей наиболѣе преданныхъ русской партіи. Но эта уловка, конечно, не разсѣяла опасенія патріотовъ. Они съ своей стороны тоже не замедлили сдѣлать значительное отступленіе отъ конституціи 3 мая, въ ущербъ королевской власти относительно права помилованія и права замѣщенія должностей.

На сеймѣ оппозиція майскому перевороту мало-по-малу усиливалась; одни члены ея старались возбуждать неудовольствіе въ провинціяхъ, другіе искали поддержки за границей. Нѣкоторые вельможи удалились въ Вѣну, и хлопотали тамъ около правительства Леопольда II. Предводители недовольныхъ, генералъ артиллеріи Феликсъ Потоцкій и польный гетманъ Ржевускій, изъ Вѣны переѣхали потомъ въ Яссы, чтобъ оттуда подъ покровительствомъ Потемкина подготовить контрконфедерацію. На Волыни и въ Подоліи началось замѣтное движеніе между шляхтою, и производились уже попытки осуществить эту контрконфедерацію, но были подавлены военными мѣрами королевскаго племянника, Іосифа Понятовскаго. Движеніе въ самой Польшѣ особенно возбуждаемо было упомянутымъ посломъ Сухоржевскимъ. Число членовъ присутствующихъ на сеймѣ постоянно убавлялось: одни совсѣмъ уѣзжали изъ Варшавы; другіе, хотя и оставались, но избѣгали присутствовать именно на тѣхъ засѣданіяхъ, которыя посвящались дальнѣйшей обработкѣ конституціи. Даже члены патріотической партіи, которые усердно являлись на засѣданія, часто были движимы не столько патріотизмомъ, сколько другими побужденіями. Такъ, въ засѣданіи 15 сентября

произошла неприличная сцена, когда посолъ Мельчинскій прямо въ лицо королю говорилъ объ его отношеніяхъ къ членамъ сейма и упоминалъ, какъ король одному обѣщалъ должность, другому орденъ, третьему мѣсто въ дипломатическомъ корпусѣ, четвертому покровительство въ процессѣ, пятому выгодную невѣсту и т. п. Эссенъ въ одной изъ своихъ депешъ прямо говоритъ, что королю дорого стоило снабжать квартирою, столомъ и экипажемъ отъ 50 до 60 пословъ, каждому платить по 20 или 30 дукатовъ въ мѣсяцъ, и еще покровительствовать ихъ родственникамъ и друзьямъ. Князь Чарторыйскій подобнымъ же образомъ содержалъ 15 пословъ; не меньшее число находилось на попеченіи Потоцкихъ; также поступали и другіе вожди партій, смотря по своему состоянію.

Интересно рѣзкое мнѣніе о революціи и ея представителяхъ, высказанное нѣкоторыми изъ людей противной партіи. Витебскій каштелянъ графъ Ржевускій открыто говорилъ, что онъ собственно не противъ конституціи 3 мая, а противъ ничтожества національнаго характера: онъ не вѣритъ, чтобы съ такимъ характеромъ можно было привести ее въ исполненіе. Другой вельможа, и притомъ изъ наиболѣе уважаемыхъ, подканцлеръ Хребтовичъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ въ Эссену, откровенно высказывалъ ему свое мнѣніе. Конституція 3 мая, по его словамъ, есть не что иное какъ романъ, затѣянный преимущественно двумя лицами (Игнатіемъ Потоцкимъ и сеймовымъ маршаломъ Малаховскимъ) при помощи нѣкоторыхъ молодыхъ людей, недоученыхъ политико-экономовъ и несчастныхъ мечтателей, съ цѣлью пріобрѣсти себѣ славу и высокое положеніе; но эти дѣятели совсѣмъ не знаютъ своего народа и ничего не понимаютъ въ политикѣ. Хребтовичъ изъявилъ сожалѣніе, что взялъ на себя участіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Однако это сожалѣніе не мѣшало ему разыгрывать передъ сеймомъ комедію по поводу переговоровъ съ саксонскимъ курфирстомъ, то-есть скрывать то что они заключали въ себѣ непріятнаго и передавать ихъ въ искаженномъ видѣ. Когда же со многихъ сторонъ поднялись протесты противъ наслѣдственнаго трона, господствующая партія прибѣгла къ слѣдующей уловкѣ. Король вмѣстѣ съ значительною частью сенаторовъ и пословъ подписалъ свидѣтельство въ томъ, что сеймъ *единогласно* уполномочиваетъ Малаховскаго разсѣять сомнѣнія курфирста и ускорить его согласіе на принятіе короны.

Съ такимъ же легкомысліемъ король Станиславъ Августъ, въ одномъ изъ сентябрскихъ засѣданій, завѣрилъ сеймъ, что оба сосѣдніе кабинеты, австрійскій и прусскій, согласились не только поддерживать независимость Польши, но даже гарантировать ей конституцію 3 мая и престолонаслѣдіе. Это неожиданное заявленіе смутило посланниковъ обѣихъ державъ. По приказанію своего кабинета, Гольцъ не замедлилъ внушить варшавскому двору, что австрійско-прусская конвенція 25 іюля, подавшая поводъ къ неосновательному объявленію о гарантіяхъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ обязательствъ защищать конституцію 3 мая; а прусско-польскій союзъ 1790 года точно таже не могъ поручиться за тѣ перемѣны, которыя совершились въ республикѣ послѣ него. Вообще Пруссія все болѣе и болѣе теряла расположеніе жертвовать чѣмъ-нибудь для націи, которая была не способна помочь сама себѣ. Послѣднее обстоятельство ясно обнаружилось изъ дальнѣйшаго хода дѣлъ.

Вмѣсто того чтобы немедленно принять самыя существенныя и необходимыя мѣры для укрѣпленія разрушающагося государственнаго зданія, сеймъ занимался обработкою подробностей конституціи, которая явилась 3-го мая только въ общихъ чертахъ, а именно: формою сеймовъ и сеймиковъ, проектомъ сеймоваго суда, устройствомъ министерства и великаго совѣта, правомъ помилованія, вопросами о полиціи, объ организаціи городовъ и сочиненіи уголовнаго и гражданскаго свода. Безспорно, статьи, обработанныя сеймомъ, заключали въ себѣ много хорошаго, сравнительно съ прежними порядками; но въ томъ-то и дѣло, что нигдѣ въ мірѣ не было такого разъединенія между законами и ихъ исполненіемъ какъ въ Польшѣ. И сеймъ первый показывалъ примѣръ ихъ неисполненія. 18-го апрѣля, какъ извѣстно, городскому сословію, между прочимъ, даровано и право нѣкотораго представительства на сеймѣ; конституція 3-го мая подтвердила за нимъ это право. Тѣмъ не менѣе, когда весьма немногочисленные послы отъ городовъ (не болѣе 20) явились на сеймъ, шляхта не допустила ихъ принять участіе въ отдѣльныхъ коммиссіяхъ. А между тѣмъ сами шляхетскіе послы безсовѣстнымъ образомъ прогуливали засѣданія этихъ коммиссій. Такъ, военная коммиссія была составлена изъ 18 членовъ; а число присутствовавшихъ почти никогда не доходило до 7 голосовъ, назначенныхъ minimum для постанов-

ленія рѣшеній, и сеймъ не нашелъ другаго способа помочь горю, какъ понизить законный minimum съ 7 на 5 голосовъ.

Какъ мало въ самомъ обществѣ было уваженія къ верховному и единственному тогда авторитету въ странѣ—къ сейму, показываетъ слѣдующій случай. Рѣшено было учредить такъ-называемые ассессоріальные суды. Во время засѣданія 6-го октября жена одного польскаго шляхтича вошла въ залу собранія, пробралась къ тому мѣсту гдѣ сидѣлъ секретарь, составлявшій сеймовые протоколы, и выдрала его за уши, за то что онъ не внесъ имени ея мужа въ списокъ кандидатовъ на судейскія мѣста проектированныхъ ассессоріальныхъ судовъ. Эта оригинальная месть возбудила въ собраніи большой шумъ, и пришлось отложить засѣданіе на нѣсколько часовъ.

Такъ какъ никто не хотѣлъ слышать о новыхъ налогахъ для поправленія финансовъ, то господствующая партія обратилась къ отчаянной мѣрѣ, о которой возникалъ вопросъ и прежде,—къ продажѣ національныхъ имуществъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предложено было совершить продажу и всѣхъ староствъ, которыя находились во временномъ владѣніи разныхъ лицъ и также относились къ національнымъ имуществамъ. Это предложеніе возбудило весьма бурную оппозицію, потому что поражало самые существенные интересы очень многихъ лицъ. Но напрасно вопіяли они, указывая на тотъ пунктъ конституціи 3-го мая, который обезпечивалъ за всѣми спокойное пользованіе имуществомъ, напрасно говорили они, что подобная мѣра раззоритъ не менѣе 4.000 семействъ, и что надобно оставить настоящимъ владѣльцамъ по крайней мѣрѣ пользованіе по смерть. 18-го декабря большинствомъ 105 голосовъ противъ 93 рѣшено было немедленно приступить къ продажѣ староствъ. Это рѣшеніе произвело окончательное разъединеніе сейма на два непримиримые лагеря. Нѣкоторыя изъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя были участниками въ переворотѣ 3-го мая, перешли теперь на сторону оппозиціи, и отчасти покинули столицу. Такъ, двое изъ Потоцкихъ отправились за границу; тетка Игнатія, каштелянша Каменецкая, державшая въ Варшавѣ открытый домъ, посѣщаемый почти всѣми членами сейма, съ неудовольствіемъ уѣхала въ Галицію; родственница Потоцкихъ, княгиня Любомирская, только что пріѣхавшая на зиму въ Варшаву,

послѣ 18-го декабря не захотѣла здѣсь долѣе оставаться, и, несмотря на просьбы самого короля, отправилась въ Вѣну

Главными дѣятелями контрареволюціонныхъ интригъ были Феликсъ Потоцкій и Ржевускій, проживавшіе въ Яссахъ. Напрасно сеймъ лишилъ ихъ занимаемыхъ ими должностей; это укрѣпило только ихъ вражду противъ патріотовъ. Къ нимъ отправился и извѣстный представитель русской партіи графъ Браницкій, который получилъ отъ короля отпускъ, подъ предлогомъ хлопотъ о наслѣдствѣ своей жены послѣ смерти ея дяди Потемкина. Въ самой Варшавѣ началась оживленная дѣятельность русской партіи; прошелъ слухъ, будто Булгакову прислана невѣроятная сумма (700.000 дукатовъ) на образованіе контраконфедераціи. Въ виду угрожавшей со всѣхъ сторонъ опасности, сеймъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ отложить свои засѣданія почти на шесть недѣль (отъ 4-го февраля до 15 марта 1792 г.).

Между тѣмъ Ясскій миръ освободилъ Екатерину отъ заботъ со стороны Турціи, и теперь она могла обратить все свое вниманіе на разрѣшеніе польскаго вопроса. Браницкій, Потоцкій и Ржевускій переѣхали въ Петербургъ, и здѣсь при помощи графа Платона Зубова были допущены на частную аудіенцію. Но судьба Польши находилась въ рукахъ трехъ державъ. Представлялся вопросъ, какъ отнесутся къ ней два другіе сосѣдніе двора?

Этимъ вопросомъ заканчивается обозрѣніе польскихъ дѣлъ въ VI томѣ Германа. Исходъ польскаго вопроса извѣстенъ. Но, благодаря фактамъ, собраннымъ нѣмецкимъ историкомъ, читателю еще болѣе уясняется непрочность майскаго переворота въ Варшавѣ. Конституціи 3-го мая не суждено было перейдти въ жизнь; и притомъ не вслѣдствіе однихъ препятствій извнѣ, а главнымъ образомъ по недостатку зиждительныхъ матеріяловъ внутри. Еще прежде нежели произошло открытое столкновеніе съ сосѣдями, конституція эта уже достаточно показала свою несостоятельность, и самые приверженцы ея успѣли потерять всякую надежду на ея осуществленіе. Въ исторіи рѣдко можно встрѣтить примѣры болѣе поучительные.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

ДВА ГЕНЕРАЛА

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ РОМАНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

знакомитъ съ помѣщикомъ Люлюковымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываетъ, что платформы желѣзныхъ дорогъ сущая находка для людей сообщительныхъ.

Годъ тому назадъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, не помню только какого числа, у платформы одной изъ промежуточныхъ станцій Московско-Петербургской желѣзной дороги, показался коротенькій, кругленькій господинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, но очень еще оживленнаго, бодраго и даже храбраго вида.

Если, какъ говорятъ, каждый человѣкъ болѣе или менѣе похожъ на какое-нибудь животное, то незнакомецъ ближе всего напоминалъ тѣхъ мелкихъ, но весьма задорныхъ пѣтушковъ, которые извѣстны подъ именемъ „корольковъ“.

Глаза его, табачнаго цвѣта, безпрестанно моргали; носъ, довольно объемистый, если взять въ разчетъ незначительность роста, бросалъ тѣнь на его усы, въ которыхъ сильно уже пробивала сѣдина. Одѣтъ онъ былъ по-лѣтнему, весь

въ парусинѣ; даже картузъ, выкроенный на манеръ тѣхъ какіе носятъ африканскіе стрѣлки, и тотъ былъ изъ парусины. Животъ его, выставлявшійся на подобіе груши, приподнималъ нижнюю часть панталонъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, округлялъ жилетъ, который, въ свою очередь, выпучивался часами и табакеркой запрятанными въ боковые карманы.

Вообще говоря, наружность этого господина рекомендовала себя самымъ пріятнымъ образомъ; добрякъ смотрѣлъ изъ нея во всѣ глаза. Можно было держать сто противъ одного, что незнакомецъ служилъ прежде въ военной службѣ; было даже что-то такое въ его пріемахъ и походкѣ, что невольно говорило въ пользу кавалеріи противъ пѣхоты. Онъ могъ бы, кажется, съ успѣхомъ примѣнить къ себѣ слова Булгарина, ни мало не рискуя возбудить недовѣріе: „Когда я былъ молодъ и служилъ въ уланахъ, я былъ очень ловокъ и славно танцовалъ мазурку!...“

Незнакомецъ, очевидно, только что вышелъ изъ экипажа: за стриженными акаціями и клумбами, украшавшими обѣ стороны станціи, виднѣлась объемистая, старомодная карета, запряженная четверней довольно, впрочемъ, не казистыхъ коней.

Осмотрѣвшись на обѣ стороны дороги, господинъ въ парусинѣ, въ которомъ самый близорукій изъ его знакомыхъ давно бы узналъ Сергѣя Львовича Люлюкова, сосѣдняго помѣщика, сладко понюхалъ изъ лукутинской табакерки съ изображеніемъ саней и тройки. Исполнивъ эту операцію съ видомъ человѣка, у котораго мысли текутъ невозмутимо, стройно и пріятно, онъ взглянулъ на часы; послѣ чего коротенькія его ножки пришли въ движеніе и внесли своего владѣльца по ступенькамъ платформы.

Вокругъ пустота была страшная,— совершенная тундра; солнце палило невыносимо, освѣщая спереди обгорѣлый еловый лѣсъ; влѣво и вправо убѣгали въ неизмѣримое плоское пространство сверкавшія полосы желѣзной дороги. Подстриженныя акаціи, клумбы съ цвѣтами, крашеныя рѣшетки, красивое зданіе станціи и самая дорога представлялись посреди всего этого, чѣмъ-то въ родѣ пестраго мелковаго лоскутка, напитаго на сермяжное обдерганное рубище. Платформа была почти пуста. На одномъ концѣ нѣсколько бабъ и мужиковъ въ ожиданіи поѣзда, жевали хлѣбъ, лежа на своихъ мѣшкахъ, перевязанныхъ покромками. На другомъ концѣ,

бѣлокурый, курносый малый, въ сюртукѣ, только что открывалъ прилавокъ съ навѣсомъ. Но въ первую минуту это послѣднее лицо не было замѣчено Сергѣемъ Львовичемъ: блескъ платформы ослѣпилъ его совершенно.

Проведя нѣсколько разъ ладонью по глазамъ, Сергѣй Львовичъ прямо направился къ прилавку, передняя часть котораго, видимо заставлялась принадлежностями съѣстной торговли. Прибытіе поѣзда не могло замедлиться, если взять въ соображеніе чудеса расторопности, выказываемыя бѣлокурымъ малымъ; пальцы его, весьма похожіе на свиныя сосиски, съ изумительною быстротой переходили отъ водокъ яркихъ цвѣтовъ къ бутербродамъ пыльнаго и затасканнаго вида, отъ папиросъ къ бутылкамъ винъ съ иностранными ярлыками, отъ сухаго миндальнаго пирожнаго къ кучкамъ мѣдныхъ денегъ. Въ ту минуту какъ подходилъ къ нему Сергѣй Львовичъ, бѣлокурый малый выставлялъ впередъ тарелку съ слоеными пирожками, такъ искусно уложенными лицевою стороной кверху, что путешественникъ могъ убѣдиться въ совершенной ихъ негодности тогда только, когда пирожокъ попадалъ уже въ ротъ и деньги за него были отданы.

Сергѣй Львовичъ очень удивился, встрѣтивъ въ конторщикѣ незнакомое лицо.

— Я, братецъ, прежде не видалъ тебя здѣсь, произнесъ онъ, посылая въ носъ новую порцію табака,—ты видно недавно опредѣлился?...

— Третьяго дня поступилъ.

— Откуда?

— Съ Кокинской станціи....

Сергѣй Львовичъ пытливо оглянулъ прикащика моргающими глазами; мгновеніе спустя, лицо его оживилось игривою мыслію, отъ которой ноздри его задвигались, а носъ самодовольно поморщился и потянулъ воздухъ.

— Что бы ты сказалъ, братецъ, проговорилъ онъ ухмыляясь,—еслибъ я, напримѣръ, съѣлъ у тебя нѣсколько пирожковъ, и вдругъ оказалось бы, что я забылъ взять съ собою деньги.... а?

— Мы торгуемъ на чистыя....

— Ты развѣ меня не знаешь? спросилъ помѣщикъ, бодрясь и прищуриваясь.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ей! Тарасенко! Тарасенко! закричалъ Сергѣй Львовичъ,

увидя всходившаго на платформу унтеръ-офицера:—поди-ка, братъ, сюда!...

Тарасенко, у котораго лицо совершенно почти заслонялось бакенами, усами и бровями, подбѣжалъ дробнымъ шагомъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! сказалъ онъ, почтительно выпрямляясь.

— Вотъ, братецъ, не хочетъ мнѣ въ долгъ повѣрить, а? Какъ это тебѣ кажется, а? вымолвилъ Сергѣй Львовичъ, подмигивая на прикащика и самодовольно ухмыляясь.

— Всего третій день здѣсь, сударь; онъ, сударь, впервой васъ видитъ, сказалъ Тарасенко:—изволите вѣрно кого-нибудь, сударь, дожидаться? добавилъ онъ, между тѣмъ какъ Сергѣй Львовичъ посолилъ бутербротъ въ ротъ, обмазавъ его горчицей.

— Да, жду жену и дочь; онѣ ѣздили въ Старую-Русу, пить воды....

— Давно, сударь, изволили уѣхать?

— Мѣсяцъ назадъ; а ты ужь и забылъ! ты же и чемоданы вѣшалъ!

— Такъ точно-съ! спохватился Тарасенко.

Сергѣй Львовичъ бросилъ гривенникъ на прилавокъ; конторщикъ поспѣшилъ подать ему сдачу; но Сергѣй Львовичъ возвратилъ ее назадъ, сказавъ съ добродушною улыбкой:

— Возьми, братецъ, себѣ! себѣ возьми!!

Послѣ чего, съ самымъ довольнымъ видомъ пошелъ онъ въ другую сторону, сопровождаемый Тарасенко, который поминутно наклонялъ впередъ голову, какъ бы опасаясь не подоспѣть вовремя, когда заговоритъ помѣщикъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Сергѣй Львовичъ сунулъ руку въ карманъ жилета, вынулъ монету и какъ бы въ разсѣянности опустилъ ее въ руку Тарасенко.

— Напрасно, сударь, изволите безпокоиться.... замѣтилъ служивый, принимая даръ съ большимъ, однакожь, удовольствіемъ.

— Возьми, братецъ, возьми; ты честный человѣкъ; а я люблю честныхъ людей! сказалъ поощрительно Сергѣй Львовичъ и отвернулъ лицо; при чемъ можно было замѣтить, что ноздри его двигались сильнѣе обыкновеннаго, а въ моргавшихъ-глазахъ показалась влага, какъ у внезапно расчувствовавшагося человѣка.

Противъ станціи, Тарасенко зачѣмъ-то позвали. Сергѣй

Львовичъ пошелъ далѣе по направленію къ водоему; поровнявшись съ группою бабъ и мужиковъ, онъ остановился.

— Откуда вы? спросилъ онъ.

— Изъ Рожновки, отозвалась одна изъ бабъ.

— Ба! это значитъ вы всего въ двадцати верстахъ отъ меня! Дудиловку знаете?

— Какъ же, батюшка!...

— Ну.... а меня знаете? спросилъ Сергѣй Львовичъ, потягивая носомъ воздухъ.

— Нѣтъ, касатикъ.... проговорила баба, разинувъ ротъ, выпучила глаза и стала подниматься; остальныя лица группы лѣниво и нехотя послѣдовали ея примѣру.

— Не надо! не надо; лежите!... торопливо предупредилъ помѣщикъ, — я такъ только спрашиваю; ложитесь, повторяю вамъ!...

На этомъ самомъ мѣстѣ, онъ внезапно былъ прерванъ отдаленнымъ свистомъ локомотива; онъ живо обернулся назадъ и торопливо зашагалъ по платформѣ, не отрывая глазъ отъ дымнаго столба и черной точки, которые быстро приближались. Минуты двѣ спустя, уже можно было различать паровозъ и машиниста, который двигалъ локтями. Еще минута,— паровозъ, шипя и фыркая, прокатилъ мимо, таща за собою нескончаемую цѣпь вагоновъ; раздался еще свистъ, — и поѣздъ остановился.

Въ первую секунду, Сергѣй Львовичъ рѣшительно не зналъ въ какую сторону направить шаги свои; его моргающіе глаза, казалось, разомъ хотѣли проникнуть во всѣ окна вагоновъ; публика, хлынувшая на платформу, окончательно привела его въ замѣшательство. Онъ ринулся вправо, потомъ влѣво, наскочилъ на двухъ худощавыхъ дамъ, которыя суетливо переходили платформу, бросая вокругъ безпокойные взгляды и какъ бы отыскивая чего-то, — попалъ между двумя мущинами, которые закуривали папиросы у одной спички, чуть не сшибъ съ ногъ кадета съ яблоками въ рукахъ и, по всей вѣроятности, долго бы еще метался безъ успѣха, еслибы, неожиданно, въ сторонѣ, не послышалось знакомаго дѣтскаго голоса.

— Папаша! папаша, мы здѣсь!!..

Вслѣдъ за тѣмъ, хорошенькая бѣлокурая дѣвочка, веселая и рѣзвая какъ птичка, бросилась ему на шею.

— Ба! Вѣрочкъ! здравствуй, здравствуй, мой ангелочекъ!..

Всѣ здоровы? гдѣ же мамаша? гдѣ она? заговорилъ Сергѣй Львовичъ нѣжно цѣлуя дочь, но въ то же время блуждая глазами во всѣ стороны.

— Мамаша здѣсь... пойдемъ.... она здѣсь! кричала дѣвочка, увлекая впередъ отца.

У одного изъ переднихъ вагоновъ, стояла широкая дама, съ лицомъ кругымъ, какъ сайка, но однакожь болѣзненнымъ, увядшимъ и совершенно лишеннымъ опредѣленаго выраженія; тончайшій наблюдатель человѣческой физіономіи, и тотъ ничего бы не сказалъ, кромѣ того развѣ, что дама эта по всей вѣроятности жестоко устала и ее сильно клонитъ ко сну. Валые глаза ея, цвѣта фіялки крѣпко вываренной въ молокѣ, нехотя вращали мутные, луженые взгляды. При видѣ Сергѣя Львовича, она сдѣлала шагъ впередъ; но въ ту же секунду остановилась задержанная одышкой и слезами; надъ глазами ея, вмѣсто бровей, показались вдругъ два красныя пятна.

Не успѣла она поднести платокъ къ глазамъ, какъ уже Сергѣй Львовичъ дѣлалъ усилія, стараясь обхватить ея талію своими коротенькими руками.

— Успокойся, Sophie.... Дома всѣ здоровы! я здѣсь! видишь: я здѣсь! все благополучно! здравствуй, мой другъ, здравствуй! повторялъ онъ, устанавливаясь на цыпочки какъ танцоръ, чтобы достать губами до ея щекъ, которыя, какъ киселъ задрожали отъ его поцѣлуевъ: — но обо всемъ этомъ поговоримъ послѣ, послѣ! продолжалъ онъ: — гдѣ Аннушка? въ другомъ отдѣленіи?... Надо позаботиться, чтобы скорѣе вынули вещи изъ вагона...

— Мамаша отдала багажные билеты кондуктору, живо вмѣшалась дѣвочка.

— Прекрасно! ну а мѣшки? твой рабочій ящикъ? суетливо подхватилъ Сергѣй Львовичъ,—они еще въ вагонѣ?.... я сейчасъ.... ты, Sophie, подожди пока здѣсь.... сядь сюда на скамейку.... здѣсь совершенно безопасно.... я сейчасъ.

Сказавъ это, онъ юркнулъ съ дѣвочкой въ вагонъ и, минуту спустя, явился оттуда отдуваясь подъ тяжестію узловъ и коробковъ.

— Сидите здѣсь; сію минуту отыщу Аннушку; распоряжусь насчетъ чемодановъ, проговорилъ онъ, бросаясь въ толпу и, съ первыхъ шаговъ, снова наталкиваясь на двухъ худощавыхъ дамъ, которыя бѣжали теперь съ другой стороны, но

съ прежнимъ безпокойствомъ продолжали бросать растерянные взгляды, какъ бы отыскивая чего-то. Нѣсколько далѣе, онъ встрѣтилъ Аннушку; она объявила, что чемоданы уже вынуты и она приставила къ нимъ солдата; Сергѣй Львовичъ велѣлъ ей идти къ вещамъ, а самъ поспѣшилъ возвратиться къ женѣ и дочери.

— Вещи всѣ вынуты; при нихъ Аннушка и солдатъ! сказалъ онъ заботливо наклонясь къ женѣ: — ну что, какъ ты себя теперь чувствуешь, какъ твои нервы? Это главное!.. помогли ли воды?... кажется все благополучно!... у насъ также все хорошо! Надо будетъ однако подождать отхода поѣзда; будетъ удобнѣе: суеты меньше.... Ахъ, Боже мой, воскликнулъ вдругъ Сергѣй Львовичъ, — подожди меня здѣсь одну секунду....

— Куда ты, Serge?... произнесла супруга кисло-слезливымъ голосомъ.

— Я сейчасъ.... только два слова.... сію секунду! возразилъ супругъ, стремительно продираясь въ толпѣ обступившей буфетъ и усиливаясь протискаться къ высокому сѣдому господину въ генеральской шинели.

Поровнявшись съ генераломъ, Сергѣй Львовичъ пріосанился, пожалъ плечами и кашлянулъ; онъ принялъ сначала видъ какъ будто не замѣчаетъ сосѣда; черты его прыгали однакожъ отъ усилій сдержать нетерпѣніе. Цѣль его очевидно состояла въ томъ, чтобы попасть въ лучъ зрѣнія сосѣда, но такъ однакожъ, чтобы послѣдній первый его замѣтилъ и первый къ нему обратился. Но такъ какъ это не удавалось, а съ другой стороны, съ минуты на минуту долженъ былъ послышаться звонокъ, Сергѣй Львовичъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и сталъ въ самый упоръ генералу. Тотъ только посторонился. Сергѣй Львовичъ, дорожившій каждою секундой времени, рѣшился тогда прямо приступить къ дѣлу.

— Вы меня не узнаете, ваше превосходительство?... произнесъ онъ охорашиваясь.

— Виноватъ.... пробормоталъ генералъ наклоняясь съ привѣтливою улыбкой.

— Люлюковъ.... Сергѣй Львовичъ.... поспѣшилъ сказать помѣщикъ.

Но такъ какъ это, повидимому, ничего не объяснило генералу, Сергѣй Львовичъ прибавилъ:

— Помните, ваше превосходительство, четыре года назадъ, мы вмѣстѣ обѣдали въ Петербургѣ. у родственника моего Помпея Николаевича Пыщина?...

— Ахъ, какже.... очень пріятно.... сказалъ генералъ, между тѣмъ какъ Сергѣй Львовичъ видимо захлебывался отъ внутренняго удовольствія, и ноздри его растирились и двигались....

— Вы также ѣдете?... Какъ же мы не встрѣтились? спросилъ генералъ.

— Нѣтъ, я не ѣду, ваше превосходительство.... Я ждалъ жену, которая ѣздила въ Старую Русу на воды.... У меня тутъ подлѣ имѣнье.... Вы не можете себѣ представить, ваше превосходительство, какъ это удобно: сосѣдство съ желѣзною дорогой....

На этомъ мѣстѣ раздался звонокъ, и Сергѣй Львовичъ долженъ былъ заключить свою рѣчь торопливымъ пожатіемъ руки, которую подалъ ему генералъ, спѣшившій въ свой вагонъ. Чтобы не быть опрокинутымъ толпой хлынувшею съ платформы, Сергѣй Львовичъ приблизился къ вагонамъ и снова увидѣлъ двухъ худощавыхъ дамъ бѣгавшихъ съ растеряннными глазами; лица ихъ выражали на этотъ разъ совершенное отчаяніе; Сергѣй Львовичъ явственно даже разслышалъ какъ одна изъ нихъ шепнула другой: Mon Dieu qu' allons nous faire?!.. Въ другое время, Люлюковъ, отличавшійся вообще большою услужливостію, не преминулъ бы тѣмъ или другимъ способомъ вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія; но вопервыхъ, онъ уже опоздалъ для этого; во-вторыхъ, обязанности супруга и отца давно призывали его на другой конецъ платформы.

— Прекрасно! все уже здѣсь: — и чемоданы и Аннушка!... заговорилъ онъ, подбѣгая къ женѣ и дочери, подлѣ которыхъ суетились: горничная, солдатъ Тарасенко и еще лакей въ синей, довольно потертой ливреѣ, съ красными выпушками.— Берите вещи, пойдемте.... теперь мы можемъ отправиться... Дай мнѣ руку, мой другъ.... Вѣрокъ, ступай впередъ!... Ты однакожъ прости меня, душа моя, что я оставилъ васъ одѣхъ, торопливо подхватилъ Сергѣй Львовичъ,—я нисколько не виноватъ! Ты знаешь, у меня вездѣ столько знакомыхъ! Меня всѣ знаютъ! я и радъ бы.... но это совершенно противъ моей воли.... пойдемте скорѣе, чтобы снова кого-нибудь не встрѣтить.... Вѣрокъ, ступай впередъ!...

Въ отвѣтъ на такія оправданія, Софья Алексѣевна (такъ звали Люлюкову) не произнесла ни слова; луженые глаза ея смотрѣли совсѣмъ въ другую сторону; повидимому, она не слыхала даже что говорилъ Сергѣй Львовичъ.

Спустившись съ платформы и обогнувъ станцію, семейство вышло на площадку, гдѣ ожидала ихъ старомодная карета. Кучеръ, сидѣвшій уже на козлахъ съ вытянутыми вожжами, сказалъ обѣими руками шляпу и поклонился. Минуту спустя, вещи были уложены, и всѣ усѣлись. Лошади дружно рванули, карета двинулась и тутъ же повернула на пыльный проселокъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

въ которой кротость семейныхъ сценъ омрачается столкновеніемъ двухъ несогласныхъ взглядовъ на вещи.

Говоря по справедливости, собственно теперь только надлежало судить о томъ, на сколько Сергѣй Львовичъ обрадовался пріѣзду жены. До сихъ поръ, радость, развлекаемая, какъ мы видѣли, то тѣмъ, то другимъ обстоятельствомъ, не имѣла положительно никакой возможности сосредоточиться; она, естественно, могла вполнѣ высказаться только на свободѣ. Такъ дѣйствительно и случилось.

Не взирая на большія неудобства, представляемыя толчками кареты, Сергѣй Львовичъ не переставалъ припадать къ рукѣ жены и цѣловалъ дочь со всею горячностію нѣжнѣйшаго отца; онъ въ то же время осыпалъ ихъ заботливыми распросами о томъ, хорошо ли онѣ совершили путешествіе, гдѣ были, что видѣли, какая была погода, въ какихъ гостиницахъ останавливались и проч.

Софья Алексѣевна, между тѣмъ, только разъ обратилась къ мужу; ей хотѣлось узнать, получилъ ли онъ въ ея отсутствіе письмо отъ сына.

— Получилъ, возразилъ супругъ;—но развѣ ты не видалась съ нимъ въ Петербургѣ?...

— Нѣтъ....

— Стало-быть, онъ еще въ Дерптѣ; мудренаго нѣтъ: онъ только что кончилъ свою диссертацію; вѣроятно это обсто-

рательство задержало его лишнее время. Онъ пишетъ, пророчитъ, что все благополучно, все такъ хорошо какъ нельзя быть лучше.... Онъ думаетъ навѣрно пріѣхать къ дню твоего рожденія.... Но ты что-то не весела, мой другъ, замѣтилъ Сергѣй Львовичъ, неожиданно перебивая самого себя,—лицо твое ясно говоритъ мнѣ объ этомъ.... Если я не привезъ дѣтей встрѣчать тебя, такъ это потому, вопервыхъ, что они не умѣстились бы въ маленькомъ тарантасѣ: большой тарантасъ до сихъ поръ еще не возвращается этотъ проклятый кузнецъ.... во-вторыхъ, я отчасти сдѣлалъ это съ умысломъ: мнѣ хотѣлось раздѣлить радость встрѣчи; я такъ разчелъ: на станціи, — буду я; при въѣздѣ въ деревню, — дѣти!... Тебѣ однакожъ, кажется, не совсѣмъ-то удобно сидѣть?... прислонись сюда.... еще.... еще немножко.... вотъ такъ!... Скажи-ка теперь, что дѣлается въ Петербургѣ? Ты конечно видѣла дядю Помпея Николаевича, заключилъ Сергѣй Львовичъ, нетерпѣливо моргая глазами.

— Да, онъ былъ у меня; потомъ я къ нему поѣхала...

— Ахъ, папаша, какъ хорошо у дядюшки! живо вмѣшалась Вѣрочка:—какая у него дача, какъ много цвѣтовъ! Онъ живетъ на Аптекарскомъ островѣ.... такъ мамаша?... Мы тамъ вѣдь были! Какой великолѣпный садъ....

— Ну какъ вообще былъ съ тобою Помпей Николаевичъ?... озабоченнымъ тономъ спросилъ Люлюковъ, трепля въ то же время щечку дочери.

— Какъ всегда; онъ очень хорошо меня принялъ... возразила, какъ бы черезъ силу, Софья Алексѣевна.

— Сегодня же напишу ему, и буду благодарить его! съ чувствомъ проговорилъ Сергѣй Львовичъ.

Софья Алексѣевна хотѣла что-то еще прибавить; но въ эту самую минуту, Вѣрочка, не переставшая выглядывать на дорогу, закричала, что видна деревня; при этомъ Люлюкова замолкла и опустилась на подушки.

— Мамаша, мамаша, кричала дѣвочка, посмотри:—вотъ ужъ и садъ показался! Сейчасъ пріѣдемъ! сейчасъ! подхватила она, радостно подпрыгивая; охъ какъ мнѣ хочется скорѣе увидать Катю, Соню, Кокошу.... тетю Зину.... Ольгу Ивановну.... всѣхъ, всѣхъ хочу видѣть!... вотъ и садъ нашъ.... мамаша! вотъ Катя и Соня!!..

При этомъ извѣстіи, пухлое лицо Софьи Алексѣевны окончательно раскисло, и она поспѣшила приложить къ нему

платокъ. Сергѣй Львовичъ торопливо придвинулся къ женѣ, взялъ ея руку и также заморгалъ глазами; предстоящая сцена не могла не производить на него своего разслабляющаго дѣйствія; онъ самъ былъ очень слезливъ и нервенъ,—особенно стало это замѣтно въ послѣдніе два года послѣ обнародованія эманципаціи....

Карета, миновавъ большую, сѣрую деревню, лѣпившуюся на берегу пруда, повернула вдругъ въ длинную березовую аллею. Въ глубинѣ ея показался домъ и уголъ стараго сада; минуту спустя, изъ сосѣднихъ кустовъ вышла на дорогу группа дѣтей въ бѣлыхъ платьяхъ.

— Вотъ они! вотъ они! Я ихъ всѣхъ вижу! восторженно закричала Вѣрочка, хлопая въ ладоши.

Сергѣй Львовичъ поспѣшно высунулся изъ окна.

— Скорѣй, скорѣй! крикнулъ онъ кучеру; полно другъ мой... присовокупилъ онъ, ныряя опять въ карету и приступая къ женѣ, которая начала всхлипывать.—Нѣтъ, я вижу, твои нервы нисколько не поправились...Ты напрасно такъ распускаешься...

Сергѣй Львовичъ, самъ, повидимому, крѣпившійся черезъ силу, приказалъ кучеру остановиться, какъ только услышалъ дѣтскіе голоса.

Едва приказаніе было исполнено, онъ распахнулъ дверцы кареты, высадилъ сначала дочь, потомъ приступилъ къ высаживанію жены, соблюдая, чтобъ она отъ волненія и слезъ, застилавшихъ зрѣніе, не оступилась какъ-нибудь на подножкахъ.

Прежде еще чѣмъ Софья Алексѣевна успѣла утвердиться на землѣ, мальчикъ лѣтъ шести и двѣ дѣвочки повисли на ея шеѣ. Сергѣй Львовичъ, желая облегчить жену, попробовалъ было приподнять дѣтей и придержать ихъ на вѣсу; но не осилилъ и ограничился тѣмъ, что ухватилъ жену подъ руку. На выручку, къ счастію, подоспѣла костлявая особа женскаго пола съ тощимъ лицомъ, украшеннымъ парою водянистыхъ глазъ на выкатѣ и римскимъ носомъ въ значительной уже степени подсушеннымъ временемъ; тщательно гофрированные бандо рѣденькихъ бѣлокурыхъ волосъ, сердоликовая брошка на груди и пудра на лицѣ служили яснымъ доказательствомъ заблужденій человѣческихъ касательно борьбы противъ силъ природы. Дама эта, (слѣдовало бы сказать: дѣвица, потому что она не была еще замужемъ), имѣвшая въ общемъ своемъ ансамблѣ большое сходство съ подстрѣ-

ленною папашей, доводилась Люлюковой дальнею родственницей; онѣ воспитывались въ одномъ институтѣ, и съ тѣхъ поръ никогда не разлучались.

Тутъ находилась еще гувернантка Люлюковыхъ,—молоденькая, весьма не дурная собой брюнетка, съ волосами коротко обстриженными и завитыми, какъ говорится, „въ крутую“. Съ перваго взгляду можно было узнать въ ней образцикъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ въ среднихъ провинціяльныхъ кругахъ называютъ обыкновенно „барышнями-растрепе“, а въ губернскихъ, уже болѣе утонченныхъ кругахъ „барышнями съ растрепанными чувствами“. Если только подобныя опредѣленія основываются на наружныхъ свойствахъ, гувернантка Люлюковыхъ вполнѣ ихъ оправдывала. Кринолинъ ея, качавшійся какъ колоколъ, странно выпучивался какъ-то на одинъ бокъ; рубашка изъ краснаго кумача, обшитая бѣлыми шнурками, была весьма сомнительной свѣжести; колечки на рукахъ обращали вниманіе на ея пальцы съ объѣденными ногтями. Въ ея походкѣ, взглядѣ, было что-то невыразимо самоувѣренное, заносчивое, смѣлое и рѣшительное. Она казалась очень веселою; можно было думать,—картина трогательной семейной встрѣчи пробуждала въ ней такое чувство.

— Дѣти, тише, осторожнѣе; не бросайтесь такъ!... говорилъ разнѣженный Сергѣй Львовичъ, удерживая особенно мальчика, который, повиснувъ на шеѣ матери, барабанилъ безъ милосердія ногами по ея животу,—ну, довольно, полно!... Вы довольно выказали вашу радость... Мамашенька вѣритъ, что вы радуетесь ея пріѣзду... мамашенька совершенно вѣритъ....

Тутъ хорошенькая гувернантка поспѣшила даже отвернуться и закашляться: смѣхъ душилъ ее.

Освобожденная отъ дѣтей, Люлюкова поступила въ объятья Зинаиды Львовны (такъ звали подругу дѣтства); послѣдняя съ какою-то пламенною восторженностію обвила Софью Алексѣевну руками, и подняла даже при этомъ глаза къ небу. Послѣ этого, Люлюкова, дѣйствительно очень уставшая отъ волненій и дороги, обратилась къ гувернанткѣ.

Та ограничилась пожатіемъ руки, и поклонилась съ какимъ-то вычурнымъ достоинствомъ.

— Ну, mesdames, домой! Дѣти, маршъ впередъ! вмѣшался Сергѣй Львовичъ.—Ба! да гдѣ же Кокò! Кокò? обратился онъ къ мальчику, который въ это время успѣлъ вскараб-

кататься на козла кареты.—Кокò, что это значитъ? кто тебѣ позволилъ? И наконецъ—какъ тебѣ, братецъ, не стыдно! маменька только что пріѣхала, а ты, вмѣсто того чтобы быть съ ней, какъ сестры,—ты влѣзъ на козлы... Стыдись, братецъ, стыдись! Слѣзай скорѣй!!...

— Николай Сергѣевичъ,пожалуйте къ папенькѣ, пробасилъ кучеръ.

Кокò, взявшій уже одну вожжу въ руки, не тронулся съ мѣста; онъ только побагровѣлъ.

— Николай Сергѣевичъ, пожалуйте, я васъ возьму на ручки.... сказалъ въ свою очередь лакей въ потертой ливреѣ.

Но шестилѣтній Николай Сергѣевичъ, въ отвѣтъ на это, отвернулся и запищалъ тоненькимъ голосомъ.

— Кокò, сію минуту долой! закричалъ Сергѣй Львовичъ, не обращая никакого вниманія на знаки, которые подавала ему Зинаида Львовна.

Зная вспыльчивый нравъ Сергѣя Львовича и предвидя сцену, Зинаида Львовна мигнула дѣтямъ, и, нѣжно взявъ подъ руку Люлюкову, повела ее скорѣе къ дому.

— Сидоръ! энергически крикнулъ между тѣмъ Сергѣй Львовичъ, обратясь къ лакею,—Сидоръ, сними съ козелъ Николая Сергѣевича и неси его въ домъ!!...

Распорядившись такимъ образомъ, Сергѣй Львовичъ зашагалъ, чтобы догнать жену, но былъ остановленъ гувернанткой.

— Извините меня, сказала она, бойко поглядывая своими черными глазами:—не могу я вамъ въ этомъ сочувствовать. Это.... это совершенный деспотизмъ....

— Въ чемъ сочувствовать? Какой деспотизмъ? нетерпѣливо спросилъ Люлюковъ, прислушиваясь съ видимымъ неудовольствіемъ къ воплямъ сына, который неистово бился на рукахъ Сидора.

— Что за бѣда, что мальчику хотѣлось посидѣть на козлахъ?...

— Помилуйте, Ольга Ивановна, горячо вступился Сергѣй Львовичъ,—мать только что пріѣхала, не успѣла поцѣловать его, какъ онъ уже шмыгъ на козла.... Что же это такое въ самомъ дѣлѣ?... Надо ему внушить.... необходимо внушить....

— Нѣтъ-съ, какъ хотите, это деспотизмъ, самый возмутительный деспотизмъ! заговорила въ свою очередь и также горячо Ольга Ивановна:—вы этимъ только насилуете въ

ребенкѣ свободное проявленіе личности! Ему хочется обнять мать,—прекрасно. Хочется вмѣсто того сѣсть на козлы,—что за бѣда?! Дайте ему волю располагать, по крайней мѣрѣ, своими чувствами! Заставляя его насильственно исполнять ваши желанія, вы подавляете въ немъ личное чувство и убиваете въ немъ всякую индивидуальность! продолжала Ольга Ивановна, не замѣчая въ увлеченіи своемъ, на сколько взглядъ ея касательно естественнаго развитія мальчиковъ, расходился со взглядомъ на дѣвочекъ, которыхъ муштровала она самымъ крутымъ образомъ, заставляя ихъ съ утра до вечера долбить такіе предметы, которые ей самой были и скучны и не подъ силу.—Да, Сергѣй Львовичъ, заключила Ольга Ивановна, потрясая своими локонами:—дѣйствуя такимъ образомъ съ ребенкомъ, вы отнимаете у него всякую инціативу, всякую самостоятельность!

— О какой самостоятельности вы мнѣ говорите? Я право васъ не понимаю! воскликнулъ разгорячennый помѣщикъ,—какая самостоятельность въ шестилѣтнемъ мальчуганѣ? Я хочу, чтобы прежде всего онъ меня слушалъ: вотъ и вся тутъ инціатива! Другой я не знаю, — да-съ, и больше ничего!.. заключилъ онъ, поворачиваясь спиною и поспѣшая присоединиться къ семейству, которое подходило къ дому.

Пропустивъ Сергѣя Львовича и заклеймивъ его затылокъ презрительнымъ взглядомъ, Ольга Ивановна, къ великому удивленію, не выказала однакожъ никакого участія къ судьбѣ бѣднаго Кокò, который тутъ же, въ двухъ шагахъ, продолжалъ биться и кричать на рукахъ Сидора. Она прошла мимо такъ же равнодушно, какъ бы его вовсе не было; бѣдный Кокò не удостоился даже одной искры того огня, который пылалъ въ глазахъ Ольги Ивановны, когда она защищала его нравственную независимость.

Надо думать, назначеніе Ольги Ивановны состояло въ томъ, чтобы быть только проводникомъ идей извѣстнаго рода; горизонтъ ея дѣйствій ограничивался, вѣроятно, скорѣе распространеніемъ гуманитарныхъ и прогрессивныхъ началъ, чѣмъ примѣненіемъ ихъ къ практикѣ; послѣднимъ, какъ дѣломъ нѣкоторымъ образомъ уже матеріяльнымъ, примѣнительнымъ и слѣдовательно второстепеннымъ, могли заниматься обыкновенныя личности—трутни человѣчества.

Заклеймивъ удалявшагося ретрограда новымъ презритель-

нымъ взглядомъ, „отвлеченная“ Ольга Ивановна направилась къ дому, который.... Но нѣтъ, пусть лучше домъ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

„Ненасытный верзила“, со включеніемъ разныхъ домашнихъ обстоятельствъ и частныхъ соображеній.

Домъ въ Дудиловкѣ, если смотрѣть на него со стороны старой почтовой дороги, откуда видѣлся онъ верстъ за восемь, рекомендовалъ себя какъ нельзя лучше: огромный, въ два этажа, съ мезонинами, надстройками и надворными флигелями, онъ издали принималъ величественный видъ замка и невольно поражалъ каждаго путешественника, одареннаго сколько-нибудь близорукостію. Вблизи было, однакожь, совсѣмъ не то: вблизи величавость исчезала, какъ исчезаетъ часто величавость, когда начинаешь разсматривать ее на близкомъ разстояніи. Глазъ встрѣчалъ неуклюжее, изветшалое строеніе, Богъ вѣсть, какъ еще державшееся. Дѣло въ томъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые строились, лѣтъ семдесятъ назадъ, помѣщиками, имѣвшими тысячи полторы душъ. Доставаясь потомъ по наслѣдству сыну или внуку, которымъ пришлось получить по раздѣлу всего душъ триста, дома этого рода ставятъ послѣднихъ въ чрезвычайно критическое положеніе; положеніе доходитъ до трагическаго, когда наслѣдникъ въ триста душъ,—какъ напримѣръ Сергѣй Львовичъ,—считаетъ священнѣйшею своею обязанностію поддержать достойнымъ образомъ жилище своихъ предковъ. Уже одна починка крыши и возобновленіе рамъ во второмъ этажѣ до такой степени подрѣзали финансы Сергѣя Львовича, что онъ тутъ же заложилъ бы свои триста душъ, еслибъ это не было уже сдѣлано его предшественникомъ. Словомъ сказать, домъ поглотилъ бы Сергѣя Львовича, какъ въ блаженныя времена китъ поглотилъ Іону; но встрѣтилось, къ счастію, обстоятельство, которое неожиданно его выручило.

Люлюковъ, посѣщавшій съ похвальнымъ рвеніемъ дворянскіе выборы и выбранный наконецъ въ дворянскіе предводители (съ этою цѣлію собственно и было предпринято возобновленіе дома), былъ на второе трехлѣтіе неожиданно

забаллотированъ. Вотъ какъ это случилось. Сначала гг. дворяне, преисполненные чувствомъ сердечной признательности къ бывшему своему предводителю, неотступно просили его не оставлять своего поста и вновь баллотироваться. Сергѣй Львовичъ, какъ принято обыкновенно въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, поблагодаривъ гг. дворянъ, началъ отказываться, приводя въ оправданіе домашнія свои обстоятельства (голосъ его былъ сильно растроганъ, и онъ нѣсколько разъ прикладывалъ руку къ сердцу); просьбы гг. дворянъ были однакожъ такъ убѣдительны, въ ихъ голосѣ и взглядахъ проглядывало столько искренняго чувства, что Сергѣй Львовичъ не могъ бы не согласиться даже въ томъ случаѣ, еслибы въ самомъ дѣлѣ питалъ жестокое намѣреніе отказаться.

Когда послѣ баллотировки сосчитаны были шары, открылось, что гг. дворяне единодушно забаллотировали Люлюкова, или, какъ выражаются въ провинціи: „чистогаломъ прокатили его на воронихъ“.

Случай, когда гг. дворяне убѣдительно просятъ кого-нибудь баллотироваться, и потомъ на чистоту забаллотировываютъ, хотя самъ-по-себѣ не представляетъ ничего новаго, сдѣлалъ тѣмъ не менѣе сильное впечатлѣніе на Сергѣя Львовича. Отказавшись отъ предводительства и даже отъ сношеній съ дворянами своего уѣзда, Сергѣй Львовичъ объявилъ, что не станетъ давать ни копѣйки на поддержку „ненасытнаго верзилы“,—такъ называлъ онъ обыкновенно прадѣдовскій домъ. Въ то же время рѣшено было переселиться въ Москву, съ тѣмъ чтобы пріѣзжать въ Дудиловку только на лѣтніе мѣсяцы.

Не случись впрочемъ баллотировки, Люлюковъ, все равно, рано или поздно, пришелъ бы къ тому же концу, относительно переѣзда въ столицу.

Уже доказано рядомъ самыхъ точныхъ изслѣдованій надъ природою человѣка, что какъ только финансы какого-нибудь смертнаго, приходятъ въ колебаніе или упадокъ, первая забота такого смертнаго состоитъ не въ томъ, чтобъ ихъ поправить, но въ томъ, чтобы скрыть что финансы поколебались.

Въ провинціи всего труднѣе достигнуть такой цѣли. Главнымъ препятствіемъ служитъ здѣсь слишкомъ большая короткость отношеній между людьми; короткость эту обусловливаетъ патріархальность сельскихъ нравовъ. Скромнѣйшій

гость, заживалась нѣсколько дней сряду у сосѣда, поневолѣ поставлена въ необходимость бросить нѣсколько взглядовъ въ бокъ и уловить нѣсколько чертъ изъ закулисной обстановки гостепріимнаго крова. Всего этого, конечно, не можетъ случиться въ городѣ; тамъ даже любознательный гость рѣдко найдетъ случай заглянуть дальше гостиной.

Въ деревнѣ, слѣдовательно, малѣйшая экономическая перемѣна, вынужденная вашими обстоятельствами (не говорю уже объ уменьшеніи слугъ и лошадей; но если, напримѣръ, въ прошломъ году за обѣдомъ на именинахъ жены подавалась спаржа, а въ нынѣшнемъ году ее замѣнилъ шпинатъ съ крутыми яйцами), все это никакъ не ускользнетъ отъ проницательности сосѣда и неминуемо послужитъ ему коментаріемъ для опредѣленія грустнаго факта, что дѣла ваши въ значительной степени приходятъ въ упадокъ.

Изъ этого ясно слѣдуетъ, что какъ только провинціальнаго жителя, какъ говорится, „схватитъ поперекъ живота“, первая его забота должна состоять въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе перебраться на время въ столицу. Начать съ того: вѣсть о вашемъ отъѣздѣ не успѣетъ еще распространиться по уѣзду, какъ уже почувствуется поворотъ въ мнѣніяхъ касательно вашей особы; слухи о вашемъ разстройствѣ подтверждаемые шпинатомъ съ крутыми яйцами замѣнившими спаржу и также другими не менѣе убѣдительными доказательствами, тотчасъ же встрѣтятъ энергическій отпоръ въ самомъ фактѣ отъѣзда. Всѣ заговорятъ въ одинъ голосъ: „Г-нъ уѣхалъ съ семействомъ на зиму въ столицу; гдѣ же, говорили, разстроенныя его дѣла? Все вздоръ, стало-быть, чепухи, нелѣпица и сплетни!“ Возстановивъ себя такимъ образомъ до извѣстной степени въ глазахъ общества, вы извлекаете изъ вашей поѣздки ту еще выгоду, что самые эти толки неминуемо произведутъ благотворное дѣйствіе на ваше самолюбіе; послѣднее очень важно если принять во вниманіе, что при разстроенныхъ обстоятельствахъ самолюбіе всегда болѣе или менѣе находится въ раздраженномъ состояніи. Но это еще не все: оторвавшись отъ деревни какъ коренной ея житель, пріѣзжая туда только на лѣто, а на зиму снова отправляясь въ столицу, вы можете смѣло поздравить себя съ разрѣшеніемъ труднѣйшаго жизненнаго вопроса: вы освободили себя разъ навсегда отъ роли домохозяина, которая (припомните сами!) служила вамъ всегда, при безденьжьи,

источникомъ самыхъ назойливыхъ огорченій. Принимая сосѣда лѣтомъ въ деревнѣ, вы сами теперь поспѣшите предупредить его относительно царствующаго вокругъ безпорядка; вы первый теперь обратите его вниманіе на трескучую штукатурку, на бревенчатыя стѣны, на полинявшіе обои: „Мы, здѣсь, какъ видите, ведемъ совершенно бивачную жизнь; главная наша квартира собственно въ Москвѣ, говорите вы, производя увеселительные жесты, приправленные добродушною улыбкой:—согласитесь сами: для двухъ-трехъ мѣсяцевъ не стóитъ устраивать; къ тому же, лѣтомъ вездѣ хорошо. Былъ бы свѣжій воздухъ и садъ для дѣтей,—это главное!“

Въ Москвѣ вы не перестаете жаловаться гостямъ на тѣсноту и неудобства помѣщенія: „Мы здѣсь какъ на бивакѣ, повторяете вы съ тѣми же увеселительными жестами и улыбками:—ни гостиной порядочной, ни залы гдѣ бы дѣти могли рѣзвиться свободно... какъ напримѣръ, въ деревнѣ. Москва ваша,—ужасъ! Не требуй этого воспитаніе дѣтей, мы никогда не разстались бы съ деревней; здѣсь не столько живешь, сколько, такъ сказать, временно прозябаешь...“ и т. д.

Короче, изъ всѣхъ способовъ, изобрѣтенныхъ въ послѣднее время помѣщиками, которые явно уже разстроились, но желаютъ еще поддержать свое достоинство, способъ переселенія на зиму въ столицу, подъ предлогомъ воспитанія дѣтей, самый удобный и вѣрный.

Отказавшись давать деньги на поддержку „версилы“, Сергѣй Львовичъ счелъ также необходимымъ отказаться отъ плановъ преобразованія внутри дома. Все осталось почти въ томъ же видѣ какъ было въ старину. Зала, гостиная и кабинетъ, комнаты гдѣ производится обыкновенно постоянная выставка домашнихъ сокровищъ, обставлены были стародавнею мебелью; подушки на ней были такъ жестки, что каждый, кто садился на нихъ съ необдуманною смѣлостію, разбивался въ дребезги какъ объ скалу. Улучшенія, сдѣланныя Сергѣемъ Львовичемъ, были самыя незначительныя; они почти ограничивались старымъ фамильнымъ портретомъ съ проткнутою щекой и косыми калмыцкими глазами; Сергѣй Львовичъ велѣлъ снести его съ чердака, гдѣ заѣдали его мыши, и повѣсилъ въ залѣ, гдѣ нещадно засиживали его теперь мухи. Портретъ этотъ, полуфантастическаго свойства, принадлежалъ Татарину Люлюку, родоначальнику фамиліи Люлюковыхъ, — преданіе особенно часто выставляемое на видъ

приходскому священнику, отцу Леониду, успѣвшему также давно затвердить наизусть, что предки Софьи Алексѣевны были еще древнѣе и знаменитѣе: по отцу происходила она отъ древней чисто славянской фамиліи Золотухиныхъ, по матери доводилась родною племянницей Помпею Николаевичу Пыщину; послѣдній былъ человѣкъ нашего вѣка, но столь знаменитый и значительный, что каждый разъ какъ произносилось громко его имя (а оно иначе никогда не произносилось въ Дудиловскомъ домѣ), отецъ Леонидъ робко привставалъ со стула.

Къ портрету Сергѣй Львовичъ прибавилъ только зеленыя шерстяныя занавѣси и портьеры, которыя каждую весну и осень сопровождали семейство изъ Москвы въ деревню и обратно; такою же матеріей обиты были диваны и стулья гостиной; послѣдніе возобновлялись каждыя пять-шесть лѣтъ, и всякой разъ по сюрпризу въ день рожденья Софьи Алексѣевны. Точность требуетъ еще присоединить къ числу нововведеній нѣсколько мѣдныхъ плевальницъ и двѣ зеленыя кадки съ плющомъ, который огибалъ дверь изъ залы въ гостиную. Такое украшеніе часто впрочемъ встрѣчается въ помѣщичьихъ домахъ; оно даже совершенно непонятно, если обсудить, что плющъ всегда является въ пересохшемъ видѣ и, вмѣстѣ съ плевальницами, почти исключительно интересуетъ только однѣхъ домашнихъ кошекъ.

Внѣшняя и внутренняя обстановка „ненасытнаго верзилы“ пришла впрочемъ къ крайнему предѣлу своей скромности только въ эти послѣдніе два года; до того времени „верзила“, съ своею подновленною крышей и новыми рамами, смотрѣлъ еще бодрымъ маститымъ старцемъ, которому внуки, въ день именинъ, надѣли новую ермолку и подвязали новый галстукъ. Воздвигнутый, какъ мы замѣтили, лѣтъ семдесятъ назадъ, почти безъ жертвы со стороны прежняго своего владѣльца, (рубили его даромъ крѣпостные дудиловскіе мужики и притомъ изъ не купленнаго дудиловскаго лѣса),—„верзила“, казалось, вѣрить не хотѣлъ въ несокрушимость того принципа и той силы, которые его соорудили. Самый приказъ Сергѣя Львовича—не выдавать болѣе ни копѣйки на поддержку дома, встрѣченъ былъ послѣднимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Дѣйствительно, пока еще не отъ чего было падать духомъ: года не проходило безъ того, чтобы закоренѣлыя старческія убѣжденія „верзилы“, не встрѣчали краснорѣчиваго подтвер-

ждевія; въ стѣнахъ его то и дѣло раздавался голосъ Сергѣя Львовича: „ей, Софронъ, починить въ домѣ балконъ!“ „Никаноръ, законопатить уголъ къ саду!“ „Зензевѣй! обмазать глиной фундаментъ!“ и т. д. Послѣ каждаго изъ этихъ приказаній, исполнявшихся безъ прекословія, „верзила“ казалось, только прищуривался и говорилъ про себя: „не выдавай пожалуй на меня денегъ,—мнѣ не хуже отъ этого; меня все-таки и чинятъ, и конопатятъ!“

Такъ продолжалось до той поры, когда разъ тѣ же стѣны, „верзилы“ потряслись извѣстіемъ, что Софронъ, Зензевѣй и Никаноръ, ни за что уже не станутъ подновлять его, довольствуясь одними приказаніями Сергѣя Львовича, но потребуютъ еще въ придачу денежныхъ жертвъ со стороны владѣльца. Дѣло, очевидно, стало изъ рукъ вонъ плохо. Съ перваго же лѣта, „верзила“, неподкрашенный и неподтыканный, пересталъ улыбаться; щеки его покрылись трещинами и морщинами какъ у старой барыни, которая вдругъ перестала бѣлиться и румяниться. Единственнымъ утѣшеніемъ „верзилы“ осталась многочисленная дворня хранѣвшая во всѣхъ его углахъ и закоулкахъ, или снующая по всѣмъ направленіямъ обширнаго двора; въ этомъ грезилось ему напоминаніе минувшихъ дней золотаго вѣка,—вѣка его невозвратно протекшей юности. Но когда отняли у него и эту послѣднюю радость, когда въ одно прекрасное утро, изъ сорока-семи дворовыхъ людей, остались только подслѣповатый кучеръ Власъ, старая нянька Ульяна, да лакей Петръ Кондратьевичъ съ женою; когда, три дня сряду, кухня не огласилась звукомъ ножа, потому что бывшій поваръ заломилъ вдругъ такую цѣну, что Сергѣй Львовичъ приказалъ въ тотъ же мигъ вытолкать его въ шеи; когда на опустѣвшемъ барскомъ дворѣ изрѣдка стали показываться чужіе наемные люди, Петръ, Прохоръ и горничная Аннушка,—тогда „верзила“ окончательно уже опустился, пріунылъ и насупился.

Вмѣстѣ съ нимъ насупился и даже какъ будто похирѣлъ самъ Сергѣй Львовичъ. Хотя это произошло, какъ мы видѣли, не на столько, чтобы нельзя было заключить сразу о томъ, что въ молодости онъ былъ очень ловокъ и славно танцовалъ мазурку,—близкіе его знакомые находили однакожъ, что онъ „шибко опустился“. Человѣкъ самаго веселаго нрава, безпечный и въ высшей степени снисходительный и добрый, онъ

вдругъ началъ выказывать тѣ же симптомы раздражительности, какъ было послѣ измѣнническої забаллотировки. Раздражительность возбуждалась теперь только другими причинами; тогда избѣгали говорить съ нимъ о дворянахъ; теперь не слѣдовало прикасаться къ крестьянамъ, „этимъ добрымъ дудиловскимъ мужичкамъ“, какъ называлъ онъ ихъ прежде и „этимъ неблагодарнымъ скотамъ“, какъ сталъ онъ называть ихъ въ послѣднее время.

Но объ этомъ послѣ; намъ необходимо скорѣе присоединиться къ Сергѣю Львовичу, который старается догнать жену прежде чѣмъ она войдетъ въ домъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

состоящая изъ сюрпризовъ и короче знакомящая съ членами семейства.

Сергѣй Львовичъ настигнулъ жену уже въ прихожей; онъ вошелъ въ ту минуту, какъ она цѣловалась съ нянькой Ульяной, старушкой лѣтъ семидесяти, выпянчавшей Сергѣя Львовича, потомъ поочередно всѣхъ его дѣтей. Шепнувъ что-то Зинаидѣ Львовнѣ, все еще державшей подъ руку свою подругу, Люлюковъ, къ которому успѣла возвратиться веселость, пригласилъ всѣхъ идти въ залу.

Тамъ былъ уже накрытъ столъ. Не считая двухъ пузатыхъ графиновъ съ квасомъ, на столѣ красовались: початая бутылка хересу противъ стула Сергѣя Львовича и большой букетъ цвѣтовъ противъ тарелки Софьи Алексѣевны. Голоса Кати, Сони, Маши и только что пріѣхавшей Вѣрочки звонко долетали изъ саду въ растворенныя окна.

Какъ-бы случайно проведя жену мимо букета, Сергѣй Львовичъ пріостановился и кашлянулъ два раза. Невниманіе жены, которая такъ была поглощена Зинаидой Львовной, что не повела даже глазомъ, нѣсколько обидило супруга; но это продолжалось всего секунду; веселость и оживленіе въ тотъ же мигъ отразились на его щекахъ; въ немъ видимо играла какая-то мысль водстрекавшая въ высшей степени его нетерпѣніе и не дававшая ему угомону. Мигая украдкой Зинаидѣ Львовнѣ, онъ взялъ жену подъ другую руку, и суетливо повелъ ихъ обѣихъ изъ залы въ корридоръ

оттуда вверхъ по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находились собственно жилыя комнаты; тутъ, между прочимъ, была и спальня Люлюковой.

Войдя въ нее и окинувъ глазами стѣны только-что оклеенныя новыми обоями и даже издававшія кислый запахъ клею, Софья Алексѣевна ограничилась тѣмъ лишь, что обмѣнялась съ подругой выразительнымъ пожатіемъ руки. Сергѣй Львовичъ не замѣтилъ этого движенія.

— Я Serge, очень тебѣ благодарна,... но зачѣмъ все это?.. зачѣмъ?.. проговорила Софья Алексѣевна, обративъ къ мужу увлаженный взглядъ.

— Душа моя, ты давно этого желала! воскликнулъ нѣсколько умиленный супругъ, — я это зналъ! давно зналъ!...

Софья Алексѣевна отрицательно покачала головой.

— Пожалуйста не скрывай! не думай, главное, чтобы кто-нибудь высказалъ мнѣ твою мысль, убѣдительнымъ токомъ подхватилъ Сергѣй Львовичъ, — ни дѣти, ни Зиночка, никто не сказалъ ни слова!.. (выразительное пожатіе руки было на этотъ разъ со стороны Зинаиды Львовны). Я нарочно ждалъ твоего отъѣзда чтобы сдѣлать тебѣ этотъ маленькій сюрпризъ... Суцая бездѣлица: всего нѣсколько кусковъ обоевъ.. конечно такъ; но посмотри, между тѣмъ, какую веселость эта бездѣлица придала твоей комнатѣ!... добавилъ онъ, весело размахивая во всѣ стороны руками и стараясь этою оживленною пантомимой навести глаза жены на мебель и ширмы обитыя новымъ ситцемъ.

Сергѣй Львовичъ, казалось, только и ждалъ этой минуты; восторгъ и радость неистово забушевали въ его моргающихъ глазахъ. Не давъ женѣ произнести слова, не давъ ей даже хорошенько осмотрѣться, онъ съ необычайнымъ проворствомъ схватилъ ее за талію, опустилъ въ ближайшее кресло, качнулъ ее раза два сверху внизъ, чтобы дать почувствовать эластичность новыхъ пружинъ, въ тотъ же мигъ приподнялъ ее опять на ноги, тутъ же погрузилъ на сосѣдній диванъ, и снова подвергнулъ испытанію новыя пружины. Склонный увлекаться и развеселяться такъ же скоро, какъ и падать духомъ, Сергѣй Львовичъ не остановился на этомъ. Бросивъ Зинаидѣ Львовнѣ взглядъ, который ясно говорилъ: „озадачивать, такъ озадачивать!“— и вовсе не замѣчая, что глаза послѣдней магнетически

устремлялись на Софью Алексѣевну, съ очевидною цѣлію поддержать въ ней нравственныя и физическія силы, онъ снова приподнялъ жену и повелъ ее за ширмы, но такъ однакожъ, чтобы глазамъ ея представилась сначала одна кіота съ образами; послѣ этого, онъ вдругъ подвернулъ ее лицомъ къ постели, завѣшенной новымъ кисейнымъ пологомъ, прикрѣпленнымъ къ потолку розовымъ бантомъ.

— Это тебѣ отъ мухъ!.. отъ мухъ!!.. воскликнулъ Сергѣй Львовичъ, приходя неожиданно въ умиленное состояніе.

Тутъ онъ обнялъ жену, стараясь отвернуть голову, частію чтобы свободно моргать увлажеными глазами, частію потому, что ребро лифа какъ разъ пришлось ему поперегъ носа.

Разсудивъ въ простотѣ своей безхитростной души, что все это можетъ черезчуръ уже потрясти и безъ того разстроенные нервы супруги, Сергѣй Львовичъ объявилъ на отрѣзъ, что сюрпризы кончены; во что бы ни стало, слѣдовало ему теперь какъ можно скорѣе развлечь, разсѣять и даже укрѣпить Софью Алексѣевну. На этомъ основаніи, онъ поспѣшилъ принять веселый, улыбающійся видъ, — на что, впрочемъ, не потребовалось съ его стороны слишкомъ большихъ усилій.

— Ты устала, я знаю, заговорилъ онъ, но сдѣлай надъ собой еще крошечное усиліе: не отдыхай до поры до времени! Вопервыхъ, ты испортишь себѣ ночь, вовторыхъ, сейчасъ обѣдать, втретьихъ.... но втретьихъ, я попросту самъ не допущу тебя до этого....

— Но Сергѣй Львовичъ.... начала было супруга.

— И не говори: — не допущу, не допущу! кричалъ Сергѣй Львовичъ, размахивая руками.

— Но Сергѣй Львовичъ.... вмѣшалась Зинаида Львовна.

— Ничего не хочу слушать! — ничего, рѣшительно! продолжалъ Люлюковъ.—Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ: ждали цѣлый мѣсяцъ, сегодня пріѣхала, и вдругъ не увидишь тебя цѣлый день! Нѣтъ, ты просто и не имѣешь права лишить всѣхъ насъ удовольствія побыть съ тобою.

— Я вовсе не о томъ, Serge.... сказала Люлюкова разслабленнымъ голосомъ.

— Она не о томъ вовсе... вмѣшалась опять Зинаида Львовна, начинавшая терять терпѣніе.

— Что жь такое? Въ чемъ же дѣло? спросилъ все болѣе и болѣе оживлявшійся Сергѣй Львовичъ.

— Мнѣ бы хотѣлось сегодня отслужить молебенъ... проговорила какъ бы черезъ силу Софья Алексѣевна.

— А, ну, это другое дѣло! Ты бы давно такъ сказала! Изволь душа моя! сейчасъ же распоряжусь, чтобы священникъ былъ здѣсь часамъ къ пяти... проговорилъ Сергѣй Львовичъ, переходя къ снисходительному, отчасти даже серіозному тону, какъ и требовалъ предметъ разговора.—Да будетъ однакожь извѣстно вамъ обѣимъ, промолвилъ онъ:—вамъ дается всего нѣсколько минутъ времени,— ровно столько, чтобъ освѣжить себѣ лицо водою и поправить кринолины, которые, вѣроятно, шибко измялись въ дорогѣ.... Чтобы вы не тратили попусту времени, велю между тѣмъ подавать супъ! Помните же господа: всего нѣсколько минутъ!!....

Сдѣлавъ такое заключеніе уже въ шутливомъ тонѣ, Сергѣй Львовичъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты и застучалъ сапогами по лѣстницѣ.

Оставшись вдвоемъ, дамы сдѣлали такое движеніе, какъ актрисы въ живыхъ картинахъ, когда упавшая занавѣсъ позволяетъ имъ перемѣнить трудную позу.

— Господи! простонала Софья Алексѣевна.

— Господи! повторила за нею Зинаида Львовна.

Послѣ этого неожиданно простерли руки одна къ другой; простоявъ такимъ образомъ нѣсколько секундъ, и не то любуясь одна другою, не то прислушиваясь къ удалявшимся шагамъ Люлюкова, обѣ вдругъ ринулись впередъ и заключили другъ друга въ объятья.

— Зинаида! проговорила Софья Алексѣевна, опуская лицо на шею подруги.

— Sophie! подхватила Зинаида Львовна, томно закидывая голову и вперяя мокрые глаза въ потолокъ.

Надо сказать, однакожь, что въ этой короткой, но выразительной сценѣ, Люлюкова показала себя несравненно холоднѣе своей подруги; у нея замѣтно не было столько огня, столько воодушевленія и экзальтаціи, какъ у послѣдней. Отчасти это понятно: Софьѣ Алексѣевнѣ было уже подъ сорокъ, тогда какъ Зинаида Львовна была моложе ея цѣлыми двумя годами!

Освободившись изъ объятій подруги, Софья Алексѣевна опустилась на диванъ, и снова вздохнула.

Зинаида Львовна съ живостью схватила ея руку.

— Понимаю тебя! понимаю! произнесла она съ чувствомъ,— между нами не нужно словъ; мы могли бы, кажется, быть нѣмыми и все-таки понимали бы другъ друга такъ же хорошо, какъ теперь понимаемъ!... Но что же дѣлать? не всѣ созданы одинаково, и есть люди, которые.... словомъ, я вполнѣ тебѣ сочувствую, вполнѣ тебя понимаю.....

Зинаида Львовна не ошибалась. Проникая въ сокровеннѣйшіе изгибы души подруги дѣтства, она очень хорошо знала, чего хотѣлось въ настоящую минуту Софьѣ Алексѣевнѣ и о чемъ она такъ глубоко вздыхала; Зинаида Львовна какъ нельзя болѣе сочувствовала желанію подруги, состоявшему въ томъ, чтобы остаться въ комнатѣ, провести нѣсколько благоговѣйныхъ минутъ передъ образами, потомъ скорѣе лечь въ постель, накушаться чаю и предаться возстановительному отдыху столь необходимому послѣ долгаго путешествія. Но что дѣлать! какъ быть! Не въ томъ ли именно и заключается высокая роль женщины, чтобы всегда и во всемъ умѣть подавлять въ себѣ желанія и стремленія? Не въ томъ ли состоитъ ея назначеніе, чтобы, подобно сказочному пеликану, приносить всегда свои чувства, и, въ случаѣ надобности, даже печенки, въ жертву тому, что люди приняли называть долгомъ? Именно такъ! Ангельская покорность, выражавшаяся на лицѣ Софьи Алексѣевны въ то время какъ она подымалась съ дивана (Богъ свидѣтель, однакожь, какъ тяжело было ей это сдѣлать) не оставляла сомнѣнія, что сознаніе долга и высокое свойство самоотверженія управляли въ ея душѣ всѣми остальными чувствами. Зинаида Львовна, не переставшая поддерживать энергію подруги, доказывала съ своей стороны, что чувства эти были ей также хорошо знакомы. — „*Онъ* этого хочетъ! *Онъ* этого желаетъ! что жь дѣлать! надо покориться его требованію!“ повторяла она, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ внушить, какъ имъ необходимо торопиться, чтобы поспѣть къ приходу Сергѣя Львовича.

Легко также могло статься, что Зинаида Львовна имѣла при этомъ свою собственную затаенную цѣль. Дѣйствительно, такъ оно и было. Затаенная цѣль Зинаиды Львовны

не замедлила выступить во всемъ блескѣ своей невинности при первомъ взглядѣ Люлюковой на кусокъ розоваго мыла, купленный на собственныя деньги Зинаиды Львовны. Мыло лежало на холстяномъ квадратѣ, вышитомъ по краямъ красным гарусомъ; поспѣшность, съ какою Зинаида Львовна принялась лить воду на руки подруги, не оставляла сомнѣнія, что она не придаетъ никакой цѣны этимъ маленькимъ знакамъ дружбы. Когда Софья Алексѣевна обратилась къ ней съ мокрымъ лицомъ и встрѣтила не знакомое полотенце съ шитыми концами (новый подарокъ), Зинаида Львовна и тутъ не дала ей выговорить слова; даже послѣ, когда вокругъ шеи Люлюковой обвился новый воротничокъ, а на рукахъ очутились новые рукавчики, Зинаида Львовна ограничилась тѣмъ только, что съ чувствомъ обняла ее, сказавъ: „что такъ какъ подарки эти не заключаютъ въ себѣ ничего внѣшняго и тщеславнаго (при этомъ она невольно обвела глазами новые обои стѣнъ, обивку мебели, кисейный пологъ и розовый бантъ), то деликатныя чувства Софьи Алексѣевны не только не могутъ оскорбиться ими, но она должна принять ихъ къ сердцу, такъ какъ сами они внушены чистѣйшими побужденіями нѣжнаго любящаго сердца!“

Все это, весьма натурально, сильно тронуло Люлюкову и окончательно распустило ея нервы; такъ что, когда шаги Сергѣя Львовича послышались на лѣстницѣ, она не въ силахъ уже была владѣть своими чувствами: она тяжело опустилась на диванъ и произнесла изнемогающимъ голосомъ:

— Еслибы ты знала только, Зиночка, какъ я устала!...

— Святая женщина! возразила на это Зинаида Львовна, съ какимъ-то дикимъ энтузіазмомъ въ глазахъ:—но что же дѣлать! Жизнь женщины, — испытаніе! Нашъ удѣлъ: терпѣть, страдать и приносить себя съ жертву!...

— Можно войдти? весело крикнулъ Сергѣй Львовичъ, постукивая въ дверь.

— Можно! отвѣтили обѣ женщины голосомъ, который доказывалъ, что секунды этой было имъ довольно, чтобы вполнѣ овладѣть собою и быть готовыми самоотверженно забыть себя въ пользу кого бы то ни было.

— Ну, душа моя, за священникомъ послано! Онъ будетъ въ пять часовъ, заговорилъ Сергѣй Львовичъ, щедро угощая

себя табакомъ:—ну что, какъ ты себя теперь чувствуешь? Ободрилась, а? Не правда ли, удивительно всегда дѣйствуетъ, когда умоешься послѣ дороги?... Ну и прекрасно! Пойдемте внизъ; обѣдъ давно готовъ и супъ на столѣ....

Дѣти, не выключая конечно и маленькаго Кокò, давно ожидали въ залѣ своихъ родителей; не доставало только Ольги Ивановны: она, по обыкновенію, явилась въ ту минуту какъ усаживались за столъ. Проходя мимо Кокò, лицо котораго было еще красно отъ недавно-пролитыхъ слезъ, Сергѣй Львовичъ принялъ вдругъ строгую осанку и показалъ видъ, что не замѣчаетъ сына; собственно, Сергѣй Львовичъ былъ очень веселъ. Подтвержденіемъ этого могло служить слѣдующее обстоятельство: усадивъ жену на стулъ, онъ ловко юркнулъ къ двери прихожей, полуотворилъ ее и комически подмигнулъ стоявшему тамъ старому лысому лакею, который держалъ блюдо съ пирожками для супа. Послѣ этого, онъ также проворно вернулся къ столу и занялъ свое мѣсто.

— Знаешь ли какая новость, Сонечка, очень прискорбная новость, мой другъ, началъ Сергѣй Львовичъ, когда всѣ усѣлись (Софья Алексѣевна сидѣла спиною къ двери, скрывавшей таинственную лысую личность): — ты, не пугайся однакожь, мой другъ; новость, конечно, весьма непріятная, и она жестоко тебя озадачитъ; но все-таки, она не такого рода, чтобы была неисправима; впрочемъ, если взять въ соображеніе то, что теперь совершается на бѣломъ свѣтѣ... или по крайней мѣрѣ въ нашемъ отечествѣ, надобно быть ко всему готовымъ...

Зинаида Львовна взглянула на Сергѣя Львовича, повела глазами по направленію къ Софьѣ Алексѣевнѣ и съ укоризной покачала ему головой.

— Я уже предупредилъ Сонечку, чтобъ она не пугалась, сказалъ Сергѣй Львовичъ, выразительно кашлянувъ два раза.

При этомъ, изъ двери тихонько выплылъ таинственный незнакомецъ, представлявшій изъ себя пожилаго дворовaго человѣка съ широкимъ глянцовымъ лицомъ, приплюснутымъ кверху носомъ, толстымъ подбородкомъ и маленькими свиными глазками заплывшими отъ жира; лицо его отъ одного уха до другаго, отъ подбородка до лысины, которая обнимала вокругъ голову, превращено было, казалось, въ одну

умилительную улыбку. Ставъ за стуломъ барыни, онъ вопросительно взглянулъ на Сергѣя Львовича. Дѣти, заранѣе предупрежденные отцомъ, поспѣшили уткнуть носъ въ тарелки, чтобъ удержаться отъ смѣху.

— Представь себѣ, душа моя, кого мы лишились! продолжалъ между тѣмъ Сергѣй Львовичъ, — лишились мы, можно сказать, послѣдняго изъ нашихъ Могикановъ! Да, насъ оставилъ нашъ послѣдній вѣрный слуга: Петръ Кондратьевичъ!...

Софья Алексѣевна едва пошевелила красными пятнами замѣнявшими ей брови. Очевидно, не стоило готовить ей сюрпризовъ; Сергѣй Львовичъ всякій разъ сознавался въ этомъ; но всякій разъ увлекаясь какою-нибудь новою игривою мыслію, не могъ утерпѣть, чтобы не привести ее въ исполненіе. Такъ точно было и теперь.

— Гмъ, гмъ! кашлянулъ онъ снова.

Петръ Кондратьевичъ выдвинулъ впередъ блюдо съ пирожками и умильно наклонился къ барынѣ.

— Sophie, взгляни! взгляни же! крикнулъ Сергѣй Львовичъ, заставляя ее поднять глаза.

— Петръ Кондратьевичъ! проговорила Люлюкова съ тѣмъ убійственнымъ равнодушіемъ, какое прикладывалось ею ко всѣмъ событіямъ жизни.

Но уже и этого было довольно. Сергѣй Львовичъ, а за нимъ дѣти, огласили залу такимъ хохотомъ, что окна зазвенѣли. Сергѣй Львовичъ и Коко смѣялись, впрочемъ, громче другихъ.

Подъ конецъ улыбнулась даже сама Софья Алексѣевна.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

уясняющая отчасти тенденціи Ольги Ивановны. Сергѣю Львовичу дѣлаютъ сюрпризъ, передъ которымъ блѣднѣютъ и меркнутъ его собственные сюрпризы.

Въ этомъ единодушномъ взрывѣ хохота, отъ котораго окна „верзилы“ дрогнули какъ отъ землетрясенія, одна Ольга Ивановна не приняла никакого участія. Мало того: когда дѣтскій крикъ и визгъ достигли крайняго своего

предѣла, она вдругъ строго выпрямилась, нахмурила брови и обвела присутствующихъ олимпійскимъ, величественнымъ взглядомъ.

Изъ этого, само-собою разумѣется, слѣдовало заключить, что Ольга Ивановна находится въ чрезвычайно раздраженномъ состояніи духа. Мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что виною всему было послѣднее ея объясненіе съ Сергѣемъ Львовичемъ.

Собственно говоря, объясненіе это не открыло ей ничего новаго; еще менѣе могло оно подѣйствовать во вредъ или въ пользу мнѣнія Ольги Ивановны относительно Люлюкова и вообще членовъ его семейства. Мнѣнія ея были слишкомъ основательны и тверды, чтобы могли колебаться отъ такихъ ничтожныхъ случайностей. Мнѣніе было составлено чуть ли еще не въ первый день поступленія ея въ домъ (она, между тѣмъ, жила уже здѣсь безъ малаго три мѣсяца). Ольгѣ Ивановнѣ довольно было, конечно, обмѣняться нѣсколькими словами съ Люлюковыми, чтобы понять ихъ въ совершенствѣ и горько убѣдиться (съ общечеловѣческой точки зрѣнія, разумѣется) до какой степени могутъ иногда простираться человѣческая отсталость и тупоуміе. Она, можно сказать, съ перваго взгляду раскусила ихъ и съ перваго взгляду не ошиблась, назвавъ Софью Алексѣевну: „безсмысленною лепеткой“, Зинаиду Львовну: „уксусною кислотой“, а Сергѣя Львовича: „дикимъ плантаторомъ и, сверхъ того, пошлымъ ретроградомъ.“ Но это собственно ничего не значило; она тутъ же сказала себѣ, что готова примириться съ кретинизмомъ, лишь бы кретинизмъ, съ своей стороны, держалъ себя въ отношеніи къ ней или къ просвѣщенію, что̀ въ сущности было одно и то же, скромно, смиренно и почтительно.

Но бѣда въ томъ именно и заключалась, что она никакъ не могла достигнуть такой цѣли; лучшимъ подтвержденіемъ ея неуспѣха служило послѣднее столкновеніе съ Сергѣемъ Львовичемъ. Рѣзкій и явно не уважительный тонъ Люлюкова яснѣе для доказывалъ, что Ольгѣ Ивановнѣ давали здѣсь не больше значенія какъ простой гувернанткѣ. При этомъ вся кровь бросилась ей въ голову, и въ сердцѣ невольно начинали шевелиться враждебныя чувствованія. Гувернантка! — одно это названіе напоминало что-то до

такой степени подчиненное, рабское и вмѣстѣ съ тѣмъ, обветшалое и отсталое, что очевидно ни въ какомъ случаѣ не могло быть примѣнимо къ Ольгѣ Ивановнѣ; она и по принципу, и по тенденціямъ своимъ была существомъ слишкомъ свободнымъ, передовымъ и современнымъ. Не даромъ, съ перваго дня поступленія ея къ Люлюковымъ, одна изъ главныхъ заботъ ея состояла въ строгомъ наблюденіи за собой, чтобы какъ-нибудь нечаянно не коснуться роли гувернантки, столь несовмѣстной съ ея достоинствомъ. Ольга Ивановна ни разу не вошла въ спальню дѣтей, не присутствовала когда дѣвочки ложились спать, вставали, одѣвались, умывались и причесывались; она не останавливала дѣтей когда они шалили, не вмѣшивалась въ ихъ игры, не говорила имъ, за столомъ въ особенности: „держитесь прямѣе; опустите ваши плечи; не кладите пальца въ ротъ“, и т. д.; все это, очень естественно, было до такой степени пошло и рутинно, что она положительно сочла бы себя компрометтированною въ собственныхъ глазахъ, еслибы когда-нибудь поступила такимъ образомъ. Она предоставляла заниматься такими мелочами кому угодно: отцу, матери, Зинаидѣ Львовнѣ; могли наконецъ для этого спеціально нанять какую-нибудь „блаженную тупицу“, какъ обыкновенно выражалась Ольга Ивановна, говоря вообще о гувернанткахъ.

Дѣло, кажется, было ясно; роль Ольги Ивановны сама собою обрисовывалась; но, повидимому, и этого еще не довольно было для полнаго вразумленія Люлюковыхъ. Обращаясь къ ней то и дѣло съ глупѣйшими требованіями какъ къ простой гувернанткѣ, они ясно доказывали, что не понимаютъ прямой, настоящей обязанности Ольги Ивановны. Оставалось только, какъ говорится, разжевать да въ ротъ положить. Ольга Ивановна такъ и сдѣлала. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, она напрямикъ объявила, что дѣло ее собственно,—„святое дѣло“—такъ она выразилась—„состоитъ исключительно въ томъ, чтобы пробуждать къ сознанію умъ дѣтей, умъ страшно запущенный отъ недостатка культуры; подвергнуть, потомъ, этотъ умъ постепенному развитію и, подготовивъ его такимъ образомъ, направить интеллигенцію къ уразумѣнію современной мысли!“ Кажется было ясно; но и тутъ-таки

Ольга Ивановна положительно не угодила ни на волосъ въ глазахъ Люлюковыхъ.

Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна слова не промолвили, ограничиваясь тупымъ вопросительнымъ взглядомъ; Сергѣй Львовичъ, въ знакъ удивленія, необдуманно засадилъ себѣ въ носъ такую порцію табаку, что черепъ его рисковалъ быть взорваннымъ на воздухъ какъ порохой погребъ. Онъ съ своей стороны также не нашелъ что отвѣтить; только развелъ руками и минуты двѣ стоялъ вытаращивъ глаза, какъ баранъ на гумно.

А между тѣмъ, говоря по справедливости, Ольга Ивановна выражалась о своихъ намѣреніяхъ не только ясно, но даже скромно. Такое свойство составляетъ впрочемъ, какъ извѣстно, отличительную черту того поколѣнія и того круга молодыхъ ученыхъ, къ которому она принадлежала. Она готовила себя для поприща несравненно болѣе обширнаго чѣмъ то, о которомъ говорила; прямымъ назначеніемъ ея было проводить свѣжія борозды въ новыхъ, не початыхъ еще дѣвственныхъ почвахъ, и сѣять въ нихъ сѣмена новыхъ взглядовъ, новаго міросозерцанія. Въ этомъ краснорѣчиво убѣждалъ ее, точно также какъ и ея подругъ, учитель словесности Іерусалимскій, человѣкъ еще молодой, но уже столь самоотверженный и до того преданный дѣлу посѣва новаго слова и новой мысли, что нарочно съ этою цѣлью взялъ скромную должность учителя, тогда какъ, изъ его же словъ было видно, стоило ему захотѣть, чтобъ играть громкую роль въ исторіи отечества, или, какъ онъ часто самъ говаривалъ: „стать во главѣ міроваго событія!“ Каждое слово самоотверженнаго Іерусалимскаго тѣмъ сильнѣе врѣзывалось въ сердца слушательницъ и превращалось тамъ въ несокрушимое убѣжденіе, что самыя эти сердца были умягчены до степени ваты пламенною любовью къ наставнику.

Послѣ всего сказаннаго, никто, конечно, не станетъ спорить, что Ольга Ивановна, поступивъ въ семейство Люлюковыхъ, была положительно не на своемъ мѣстѣ. Сомнѣніе окончательно исчезнетъ, если мы скажемъ, что здѣсь, благодаря тупоумію и жалкой отсталости, не только не понимали Ольгу Ивановну, но даже во всемъ постоянно ей противорѣчили. Такъ напримѣръ, на второй или на третій

день ея поступленія, дѣти, явившись по обыкновенію утромъ здороваться съ Сергѣемъ Львовичемъ, остановились передъ нимъ и, неожиданно протянувъ ему правую руку, сказали: „здравствуй, отецъ!“ Въ этомъ, каждый согласится, было конечно больше достоинства и естественности чѣмъ броситься къ отцу на шею, обвить его руками и назвать его папашей, папенькой или папашенькой, какъ дѣлывали они въ прежнее время. Между тѣмъ, вотъ что вышло:

— Это что значитъ? зарычалъ вдругъ Сергѣй Львовичъ дикимъ, совершенно звѣрскимъ какимъ-то голосомъ.

— Ольга Ивановна такъ приказала!... отвѣтили въ одинъ голосъ оторопѣвшія дѣти.

— Ольга Ивановна? возразилъ Люлюковъ, страшно моргая глазами,—ну пусть она себѣ тамъ какъ хочетъ, но только я вамъ приказываю здороваться со мною всегда такъ какъ вы прежде это дѣлали!

Другой примѣръ.

Около того же времени, отецъ Леонидъ явился какъ-то въ домъ; дѣти, имѣвшія обыкновеніе бѣжать къ нему подъ благословеніе, на этотъ разъ остановились въ почтительномъ разстояніи и только присѣли.

— Это что значитъ? завопилъ опять Сергѣй Львовичъ воспламеняясь такимъ негодованіемъ, что даже отца Леонида бросило въ жаръ.

— Ольга Ивановна такъ приказала! возразили перепуганныя дѣти.

— А я вамъ приказываю дѣлать такъ какъ всегда дѣлали! крикнулъ Сергѣй Львовичъ, не обративъ даже вниманія на то, что сама Ольга Ивановна тутъ присутствовала.

Такъ вотъ какія лица окружали Ольгу Ивановну и какъ ее здѣсь понимали!

Энергія ея, конечно, не ослабла отъ этого, и убѣжденія не поддались ни на волосъ; но не естественно ли было ей потерять охоту дѣйствовать съ прежнею готовностію на развитіе дѣтей такихъ тупоумныхъ родителей? Это тѣмъ болѣе натурально, что сами дѣти, сама почва доставшаяся Ольгѣ Ивановнѣ для перваго опыта (Люлюковы были первое семейство открывшее поприще ея дѣятельности), сама почва туго какъ-то, неохотно поддавалась воздѣлыванію.

Ольга Ивановна приписывала такое обстоятельство

чисто вліянію запущенности; но мы скорѣе готовы видѣть въ этомъ вліяніе подмѣси въ славянскую люлюковскую почву татарскаго элемента, что̀ очевидно должно было значительно ослабить первую и сдѣлать ее менѣе способною для принятія *заложеній*.

Познакомясь, такимъ образомъ, съ ходомъ дѣла, каждый человѣкъ обладающій самолюбіемъ и сколько-нибудь знакомый съ чувствомъ достоинства легко согласится, что Ольга Ивановна, сверхъ своихъ качествъ, должна еще была владѣть значительною долей терпѣнія, чтобы послѣ объясненія съ Люлюковымъ, ограничиваться молчаніемъ и кусаніемъ собственныхъ ногтей. Даже послѣ, за вторымъ или третьимъ блюдомъ, когда Софья Алексѣевна обратилась къ ней съ вопросомъ: довольна ли она дѣтьми и чѣмъ занимались они въ ея отсутствіе, Ольга Ивановна умѣла на столько владѣть собою, чтобъ отвѣтить ей спокойно и безъ яваго раздраженія:

— Да.... я ими довольна.... они подвинулись впередъ.... Мы прочли изъ журнала нѣсколько очерковъ римскихъ женщинъ по Тациту.... Къ сожалѣнію я должна сказать: у нихъ вообще мало любознательности къ серіознымъ предметамъ...

Не къ чему, кажется, тутъ было придраться. Каждый отецъ, безъ сомнѣнія, пришелъ бы въ неописанный восторгъ отъ мысли, что дѣти его еще на десятомъ году читаютъ Тацита; Сергѣй Львовичъ не такъ, однакожь, понялъ дѣло; упустивъ изъ виду главное, онъ придрался къ мелочи; именно: онъ оскорбился, что въ дѣтяхъ его не нашли никакой любознательности.

— Гм! Не знаю.... проговорилъ онъ обиженнымъ тономъ,—если Катя и Соня не отличаются большою любознательностію, нельзя сказать этого, по крайней мѣрѣ, о Вѣрочкѣ. Она такъ хорото описала мнѣ ботаническій садъ, подлѣ котораго живетъ дядя Помпей Николаевичъ; въ такихъ живыхъ краскахъ представила мнѣ его дачу, ея внутреннее устройство, комнаты дяди, его вещи, что, очевидно, ничто не ускользнуло отъ ея вниманія.... Впрочемъ, и то сказать надо, примолвилъ онъ,—и, вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ отстранить споръ, который непремѣнно бы возникъ съ Ольгой Ивановной вслѣдствіе такого

противорѣчія,—обстановка дяди Помпея Николаевича такого рода, что поневолѣ можетъ возбудить любопытство и любознательность.... Кстати, душа моя, обратился онъ къ женѣ,—ты должна еще разсказать мнѣ во всѣхъ подробностяхъ о томъ, что̀ говорилъ тебѣ дядя, какъ онъ вообще.... въ какомъ расположеніи.... и прочее.... Мнѣ необходимо это знать прежде чѣмъ приступлю къ письму.... Я намѣренъ писать ему сегодня же....

— Это будетъ совершенно лишнее.... флегматически возразила Софья Алексѣевна.

— Какъ? Почему?...

— Ты, Serge, не далъ мнѣ договорить, когда мы ѣхали въ каретѣ....

— Что̀ же такое? нетерпѣливо спросилъ Сергѣй Львовичъ.

— Дядя самъ сюда ѣдетъ; онъ будетъ у насъ черезъ четыре дня.

— Какъ?!.. могъ только произнести Сергѣй Львовичъ, раскрывая удивленные глаза.

Онъ откинулся назадъ, покраснѣлъ до корня волосъ и страшно заморгалъ.

— Очень просто, спокойно продолжала Софья Алексѣевна,—я застала дядю на отъѣздѣ въ деревню. Ты знаешь, онъ давно туда собирается; ему надо ѣхать мимо насъ; онъ узналъ, что въ воскресенье день моего рожденія, и далъ слово непремѣнно къ намъ заѣхать.

Еслибы могло случиться, что Софья Алексѣевна, вставъ передъ тѣмъ изъ-за стола, неожиданно сдѣлала антрша или вдругъ произнесла рѣчь на японскомъ языкѣ,—изумленіе Сергѣя Львовича не могло бы возрасти въ большей степени, какъ въ настоящую минуту.

Казалось, онъ ошалѣлъ совершенно,—ошалѣлъ какъ человѣкъ, котораго противъ всякаго ожиданія стукнули въ голову обухомъ.

Все это, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей; надо разсудить только, что Сергѣй Львовичъ, въ продолженіе своей двадцатипятилѣтней супружеской карьеры, не могъ простоять съ кѣмъ-нибудь пяти минутъ безъ того чтобы не накликнуть что женатъ на родной племянницѣ Помпея Николаевича Пыщина. Онъ иногда чувствовалъ даже, что поступаетъ не совсѣмъ ловко, чувствовалъ свою безтакт-

ность; но что жь дѣлать! желаніе высказаться все-таки перевѣшивало его волю. Принимая во вниманіе общественное положеніе и мѣсто, которое занималъ нѣсколько лѣтъ назадъ Помпей Николаевичъ Пыщинъ, не многіе, впрочемъ, находясь въ родствѣ съ нимъ, рѣшились бы скромно умолчать о такомъ предметѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ слава Помпея Николаевича начинала нѣсколько меркнуть; при всемъ томъ, еслибы пошло на сравненіе, его даже и теперь не иначе можно бы сравнить, какъ съ солнцемъ, которое, хотя и клонится къ горизонту, но, тѣмъ не менѣе, въ силѣ еще ослѣпить кого угодно.

Въ провинціи, гдѣ все немилосердно запаздываетъ, не считая модъ и журналовъ, гдѣ больше живутъ прошедшимъ чѣмъ будущимъ и даже настоящимъ,—пріѣздъ такого лица, какъ Помпей Николаевичъ, долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе. Такая мысль прежде всего пришла въ голову Сергѣю Львовичу. Потрясающее дѣйствіе, какъ могутъ думать, не сопрягалось въ душѣ его съ практическими соображеніями уѣздной дипломатіи; пріѣздъ дяди уже самъ-по-себѣ, какъ фактъ, съ избыткомъ упитывалъ его тщеславіе, чтобъ оставить въ немъ мѣсто для другихъ желаній или цѣлей. Въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ своей женитьбы, Сергѣй Львовичъ всего два раза позволилъ себѣ мечтать о томъ, что было бы, еслибы дядя Пыщинъ вдругъ нагрянулъ въ Дудиловку!

„Боже праведный, какъ взбудоражился бы тогда весь уѣздъ, вся губернія!“ Первый разъ онъ далъ волю мечтамъ своимъ въ избыткѣ радости, когда выбрали его предводителемъ уѣзда; во второй разъ, въ припадкѣ самолюбиваго огорченія, когда его такъ измѣнически забаллотировали. И вдругъ что же? Несбыточныя эти мечты осуществились! Сонъ превращается въ дѣйствительность!

— Я совершенно пораженъ тѣмъ что ты мнѣ сказала.... именно пораженъ! другаго выраженія не могу пріискать.... произнесъ Сергѣй Львовичъ приходя въ себя,—но, Боже мой, какъ же ты, мой другъ, ничего не сказала мнѣ прежде объ этомъ.... Я просто ничего не понимаю....

— Я хотѣла сказать, но ты не далъ мнѣ договорить.

— Да, помню.... помню.... тогда, въ каретѣ!... Охъ, Боже мой, Боже мой! заговорилъ опять Сергѣй Львовичъ, потирая

ладонью раскрасневшійся лобъ и щеки:—ну, признаюсь, вотъ сюрпризъ такъ ужь сюрпризъ! Можно сказать!.. Ты, однако, послушай мой другъ: не обманулась ли ты какъ-нибудь.... не послышалось ли тебѣ?

— Нисколько, возразила супруга,—онъ положительно будетъ къ намъ или въ пятницу, или въ субботу.

— Сегодня вторникъ! разъ.... два.... три, стало-быть черезъ три дня! воскликнулъ Люлюковъ, приходя въ движеніе до послѣдняго суставчика.

„Все это прекрасно“, пронеслось въ то же время молніей въ его головѣ, „надо подумать теперь, какъ принять его, какъ устроить все надлежащимъ образомъ, какъ все уладить въ домѣ, чтобы пріемъ соотвѣтствовалъ положенію, наконецъ привычкамъ Помпея Николаевича....“

Попавъ разъ въ эту колею, мысли Сергѣя Львовича пришли въ такое же безпокойное движеніе, какъ пчелы, когда растревожатъ улей. Онъ противъ всякаго ожиданія поднялся съ мѣста, окинулъ залу растерянными глазами, и также, противъ всякаго ожиданія, сѣлъ опять на свое мѣсто. Старанія его овладѣть собою и сохранить сколько-нибудь спокойствія въ глазахъ присутствующихъ, сдѣлались къ концу обѣда окончательно безполезными. Онъ положительно не могъ дать себѣ отчета въ томъ даже, какія подавались блюда и пробовалъ ли онъ ихъ или нѣтъ. Полное сознаніе возвратилось не прежде, какъ раздался шумъ стульевъ возвѣстившій конецъ обѣда.

— Ну, господа, торопливо началъ Сергѣй Львовичъ, вскакивая со стула и въ разсѣянности запрятывая салфетку въ карманъ:—какъ видите, я въ восхищеніи! Видѣть у себя дядю Помпея Николаевича было всегда моею мечтой! Это такой человѣкъ, такая личность, которая.... Но что говорить! вы сами это увидите!... Жена не могла сдѣлать мнѣ болѣе неожиданнаго, болѣе пріятнаго сюрприза!...

Тутъ онъ остановился, подбѣжалъ къ Софьѣ Алексѣевнѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ, потрепалъ щеку первой подвернувшейся дочери, пожалъ мимоходомъ руку Зинаидѣ Львовнѣ и снова заговорилъ съ прежнимъ увлеченіемъ:

— Теперь надо подумать какъ бы устроить все какъ слѣдуетъ къ его пріѣзду; прежде всего, какія отведемъ мы ему комнаты? подхватилъ онъ, блуждая вокругъ глазами:—

надо ихъ устроить такъ, чтобы.... словомъ, надо похлопотать! Теперь не то что прежде, когда, бывало, подъ рукою полсотни дворовыхъ и вся Дудиловка въ полномъ распоряженіи: ей Власъ, Петрушка, сдѣлать то-и то, и тотчасъ все закипитъ и все готово.... Теперь предстоитъ самимъ похлопотать.

— Только кромѣ Sophie, горячо вступилась Зинаида Львовна,—вы знаете какъ она устала.... Я буду вдвойнѣ помогать вамъ.

— Нѣтъ, отчего же.... я готова.... вымолвила Софья Алексѣевна, у которой слипались глаза.

— Спасибо, душа моя, спасибо; я всегда былъ въ тебѣ увѣренъ... всегда зналъ что ты... Петръ Кондратьевичъ! обратился неожиданно Сергѣй Львовичъ къ лысому лакею:— не отходи отъ меня ни на шагъ; ты нуженъ мнѣ каждую секунду!... Итакъ, за дѣло, друзья мои, за дѣло!... Ахъ, Боже мой, я въ разсѣянности захватилъ салфетку! Петръ Кондратьевичъ, возьми ее.... или нѣтъ, останься здѣсь, ты мнѣ нуженъ. Коко возьми салфетку!... Ну, пойдемте! заключилъ Люлюковъ, порываясь изъ залы съ такою силой, какъ будто въ сосѣдней комнатѣ засѣли разбойники и ему предстояло вступить съ ними въ ожесточенный бой.

Дѣло пріисканія достойнаго помѣщенія именитому гостю, по важности своей, требовало присутствія всего семейства.

— Въ иныхъ случаяхъ, сказалъ Сергѣй Львовичъ:—ребенокъ можетъ то замѣтить, что намъ взрослымъ не придетъ въ голову.

Обзоръ нижняго этажа показалъ, что гостиная и кабинетъ достойнѣе другихъ комнатъ вмѣщать въ стѣнахъ своихъ дядю Пыщина; но ихъ нельзя было, однакожъ, употребить въ дѣло. Начать съ того, надо было также подумать о помѣщеніи гостей, которыхъ Сергѣй Львовичъ намѣревался позвать столько же ко дню рожденія жены, сколько для приличной обстановки почетнаго дяди; вовторыхъ, гостиная и кабинетъ, разсматриваемые какъ особое жилое помѣщеніе, представляли еще то важное неудобство, что при нихъ не было.... (тутъ Сергѣй Львовичъ наклонился къ женѣ и пошепталъ ей что-то на ухо, при чемъ Зинаида Львовна потупила глаза и покраснѣла).

Софья Алексѣевна предложила было свою вновь отдѣ-

ланную комнату; но Сергѣй Львовичъ рѣзко отвергъ такую мысль,—обстоятельство, въ которомъ Зинаида Львовна увидѣла съ одной стороны лишній фактъ самоотверженія своей подруги, съ другой, извлекла новый фактъ, касательно загрубѣлости чувствъ нѣкоторыхъ мужей.

— Не понимаю отчего предложеніе Sophie отвергается вами... проговорила она кисленькимъ голосомъ,—не говорю о другихъ удобствахъ, но во второмъ этажѣ превосходные виды...

— Виды хороши, спора нѣтъ, очень хороши! перебилъ Люлюковъ: — но вы забыли лѣстницу! Надо взять также въ соображеніе лѣта дяди: штука подниматься каждый разъ!.. И наконецъ это просто нейдетъ какъ-то.... положительно нейдетъ.... Вы сами увидите: это такой человѣкъ, одинъ видъ котораго укрѣпляетъ какъ-то, возвышаетъ невольно нравственную сторону каждаго кто на него смотритъ! подхватилъ онъ восторженно:—но это мимоходомъ; главное: на первомъ планѣ должны стоять удобство и спокойствіе! Комнаты Sophie нейдутъ къ дѣлу! Что жь касается видовъ, ты, Зиночка, подала мнѣ прекрасную мысль; виды дѣйствительно очень важная статья, и надо объ этомъ подумать.... Обойдемте-ка еще разъ всѣ комнаты; можетъ-быть, можно будетъ сладить какъ-нибудь съ видомъ....

Послѣ долгихъ колебаній и преній, въ которыхъ принимали участіе всѣ члены семейства, рѣшено было остановиться на трехъ комнатахъ имѣвшихъ сообщеніе съ заднимъ крыльцомъ. Только нельзя было, конечно, оставить ихъ въ настоящемъ видѣ; слѣдовало наложить тутъ сильную руку и перевернуть все верхъ дномъ.

— Просто голова кругомъ идетъ! сказалъ Сергѣй Львовичъ внезапно останавливаясь. Страшный напоръ мыслей по поводу перемѣнъ и преобразованій окончательно его озадачилъ.

Положеніе его въ настоящую минуту было весьма схоже съ положеніемъ человѣка неожиданно попавшаго въ водоворотъ, который завертѣлъ свою жертву прежде чѣмъ та успѣла опомниться.

Сергѣй Львовичъ чувствовалъ очень хорошо, что подлѣ него, на берегу, сидѣли жена и дочь, которыя только что пріѣхали; чувствовалъ что требовалось, хоть для виду,

отдать имъ себя на этомъ вечеръ; чувствовалъ, что на берегу находились также другія дѣти со включеніемъ посторонних лицъ, которыя смотрѣли на него вопросительно,—и между тѣмъ, не могъ преодолѣть силы водоворота увлекавшаго его все глубже и глубже на самое дно, гдѣ въ видѣ какого-то морскаго божества, возсѣдалъ дядя Помпей Николаевичъ Пыщинъ. Можно было судить по лицу и глазамъ Сергѣя Львовича, какъ бился онъ иногда стараясь вынырнуть и показать присутствующимъ нормальное состояніе духа; но это продолжалось всего секунду; въ то же мгновеніе рука дяди Пыщина какъ бы высовывалась изъ водоворота, хватала его за голову и снова увлекала на самое дно пучины!

— Уфъ! произнесъ Сергѣй Львовичъ, овладѣвая собою на минуту,—друзья мои, вижу: изъ этого ничего однакожъ не выйдетъ! Мы никогда ничего этакъ не кончимъ!... Я позвалъ васъ сюда, просилъ помочь мнѣ.... но вижу: такъ дѣло не пойдетъ! Та совѣтуетъ одно, другая другое, дѣти болтаютъ не милосердно, Коко какъ-то сапитъ.... Я положительно теряю голову! Чувствую, что столбнякъ находитъ!... Нѣтъ ужь, Бога ради, оставьте меня на минуту одного, дайте мнѣ обдумать все это на свободѣ.... Я лучше послѣ зайду къ вамъ и поголкую съ вами..... но теперь.... Петръ Кондратьевичъ, не отходи ни на шагъ; я могу позвать тебя съ минуты не минуту....

Заключивъ такимъ образомъ, Сергѣй Львовичъ понюхалъ въ нѣсколько пріемовъ какъ бы стараясь сосредоточить и привести въ порядокъ свои мысли, и поспѣшно зашагалъ въ кабинетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

доказывающая, что человѣкъ можетъ проходить черезъ всѣ испытанія, можетъ проходить сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы и все-таки остаться цѣлымъ и невредимымъ.

Сергѣй Львовичъ жестоко однакожъ ошибся, разчитывая на тишину и уединеніе своего кабинета. Онъ, правда, усѣлся въ кресло, прислонилъ голову къ спинкѣ и даже крѣпко зажмурилъ глаза. Но это нисколько не подѣйствовало въ пользу

сосредоточенія мыслей. Напротивъ, не стѣсняемыя теперь постороннимъ сужденіями, чувствуя себя вполнѣ на свободѣ, онѣ пришли въ самое неукротимое броженіе. Пущенныя сильно въ ходъ извѣстіемъ о пріѣздѣ дяди и подстрекаемыя тѣмъ сильнѣе, что срокъ пріѣзда былъ такъ коротокъ,—онѣ поднялись, какъ рой, и задвигались во всѣ стороны, перегоняя другъ дружку. Мысль объ оклейкѣ комнатъ новыми обоями не успѣвала установиться, какъ уже отлетала въ сторону, смѣняясь мыслію о скорѣйшемъ перенесеніи сюрпризной мебели изъ комнаты жены въ комнаты предназначенныя именитому дядѣ; послѣдняя неожиданно вытѣснялась необходимостію вырубить передъ окномъ четыре акаціи и нѣсколько кустовъ бузины заслонявшіе видъ на главную аллею сада. Воображеніе Сергѣя Львовича, углубляясь въ садовую аллею, которую требовалось посыпать пескомъ, хватало на лету заднее крыльцо, и въ то же время останавливалось на крапивѣ, которую слѣдовало скосить подъ окнами; отъ крапивы Сергѣя Львовича бросало вдругъ совсѣмъ въ другую сторону: потребовалось вдругъ достать во что бы то ни стало печатный портретъ дяди и повѣсить его въ залѣ или поставить въ кабинетѣ на самомъ видномъ мѣстѣ. Нельзя же: портретъ дяди существуетъ, находится у постороннихъ, а они родственники—и не имѣютъ его! Очевидно не ловко! Сергѣй Львовичъ не понималъ даже, какъ прежде такая мысль была упущена изъ виду. Отъ портрета воображеніе такъ же быстро перелетѣло къ лакею Петру, котораго немедленно надо было послать въ городъ за покупками.

Вопросъ о покупкахъ такъ усложнилъ и безъ того уже спутанный ходъ мыслей, что даже потъ выступилъ на лбу Сергѣя Львовича.

Положеніе его тѣмъ болѣе возбуждало участіе, что всѣ эти хлопоты падали собственно только на его шею. Онъ зналъ это очень хорошо, и приглашая жену къ совѣту, дѣйствовалъ столько же потому что въ первую минуту рѣшительно растерялся, сколько изъ внутренняго деликатнаго побужденія. Единственное занятіе Софьи Алексѣевны состояло въ томъ, чтобы производить дѣтей; но даже и это занятіе кончилось съ появленіемъ на свѣтъ Коко. Время свое она раздѣляла между кіотомъ и кузиной Зиночкою. Вся обуза хлопотъ по хозяйству и по дому была предоставлена Сергѣю Львовичу: онъзаказывалъ обѣдъ, покупалъ провизію,

даже покупалъ оборочки, кисею и башмаки дочерямъ,—занятіе, въ которомъ пріобрѣлъ онъ впрочемъ большую опытность. Несмотря на многочисленность семейства, Сергѣй Львовичъ, въ строгомъ смыслѣ слова, былъ болѣе даже предоставленъ самому себѣ, чѣмъ извѣстный Робинзонъ Крузе, если вспомнить, что у послѣдняго былъ помощникъ Пятница. На двадцати-трехлѣтняго сына своего, Петра Сергѣевича, отецъ, конечно, могъ разчитывать; но подожди, когда-то онъ еще пріѣдетъ!

Единственная надежда почтеннаго семьянина могла основываться въ настоящую тяжелую минуту на одномъ развѣ Петрѣ Кондратьевичѣ.

Виски и пухлые свиные глазки Петра Кондратьевича были окружены множествомъ дугообразныхъ морщинъ! Когда баринъ смотрѣлъ на престарѣлаго вѣрнаго слугу,—морщины эти мгновенно собирались, и лицо послѣдняго принимало выраженіе глубочайшей преданности; когда же, повинуясь какому-то внутреннему механизму, которымъ произвольно располагалъ Петръ Кондратьевичъ, морщины расходились, лицо мгновенно принимало выраженіе ворчливо-недовольнаго состоянія духа, и какъ бы говорило:—„а чортъ бы тебя взялъ; надоѣлъ ты мнѣ пуще горькой рѣдьки!!..“

Такое странное противорѣчіе физіономіи и мыслей объяснялось отчасти фальшивымъ положеніемъ, въ которое поставленъ былъ почтенный служитель, послѣдній изъ Могикановъ, или просто: „лысакъ“, какъ называлъ его иногда помѣщикъ, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Сергѣй Львовичъ, разчувствовавшись преданностію Петра Кондратьевича, который, одинъ изъ многочисленной дворни вызвался служить своему барину,—тутъ же подарилъ ему три десятины земли. Петръ Кондратьевичъ воздвигъ на ней избу, перетащилъ туда жену, дѣтей и все хозяйство; онъ бы и самъ туда перебрался, еслибъ не остановило его неодолимое желаніе пріобрѣсти еще лужокъ, находившійся непосредственно за его усадьбой, но принадлежавшій помѣщику. Оживляемый постоянной надеждой примкнуть лужокъ къ своимъ владѣніямъ, и для этой цѣли собственно оставшись вѣрнымъ помѣщику (чорта было бы ему иначе тормошиться),—преданный Петръ Кондратьевичъ усугублялъ подобострастныя улыбки, лѣзъ изъ кожи отъ рвенія, но въ то же время сильно раздражался противъ судьбы, которая заставляла его тянуть

лянку, тогда какъ онъ давно уже могъ бы быть собственникомъ и лежать на боку ничего не дѣлая!

Но это мимоходомъ. Пока лужокъ не былъ еще собственностію „дысака“, Сергѣй Львовичъ могъ разчитывать на него, какъ на каменную стѣну.

Сергѣй Львовичъ, конечно, ничего этого не подозрѣвалъ. Не подозрѣвалъ онъ также другой черты Могикана, состоявшей въ томъ, чтобы подкрадываться тихомолкомъ ко всѣмъ дверямъ, припадать ухомъ къ замкамъ и скважинамъ и подслушивать что говорили господа. Такое свойство управляло Петромъ Кондратьевичемъ, казалось, даже противъ его воли; оно влекло его подслушивать даже въ тѣхъ случаяхъ когда баринъ одинъ сидѣлъ въ кабинетѣ. Мудренаго нѣтъ, слѣдовательно, что стоило Сергѣю Львовичу прикоснуться къ звонку, чтобы Петръ Кондратьевичъ явился на лицо въ одно мгновеніе ока.

— Ну, братъ, Петръ Кондратьевичъ, вижу: придется намъ съ тобою похлопотать; шибко похлопотать придется! смотри же: не зѣвай! сослужи службу, старина! сказалъ Сергѣй Львовичъ.

Онъ подошелъ къ нему, и съ добродушною улыбкой нѣсколько разъ потрепалъ его по плечу.

Петръ Кондратьевичъ вполнѣ заслуживалъ такой фамильярности, почти дружескаго обращенія: дугообразныя морщинки вокругъ свиныхъ глазъ, сузившись до крайне-возможной степени, выражали столько усердія, преданности и покорности, что Сергѣй Львовичъ, ни мало бы не уронилъ своего помѣщичьяго достоинства, еслибы даже облобызалъ въ эту минуту Петра Кондратьевича.

Сергѣй Львовичъ тутъ же передалъ ему во всѣхъ подробностяхъ планы свои касательно перемѣнъ и преобразованій долженствовавшихъ изготовиться къ пріѣзду дяди.

— Теперь вотъ въ чемъ дѣло, пойми ты меня хорошенько, пойми и вникни! присовокупилъ онъ:—главное въ томъ, что на все это у насъ имѣется всего какихъ-нибудь три дня.... Распорядись такъ, чтобы завтра же чѣмъ свѣтъ всѣ мужики и бабы, даже дѣвчонки и мальчишки,—послѣдніе будутъ полоть траву, расчищать дорожки, клумбы и выносить соръ,—словомъ, чтобы весь народъ былъ здѣсь на лицо.... Ты, кажется, хочешь что-то сказать?... заключилъ онъ, видя что лицо стараго слуги странно какъ-то повело на сторону.

— Осмѣлюсь доложить, сударь, насчетъ то-есть... времени... время такое...

— Какое время?..

— Покосъ, сударь....

— Знаю, братецъ; ну такъ что жъ?..

— Ничего-съ... а такъ только... то-есть къ примѣру сказать... возразилъ Петръ Кондратьевичъ, кашляя въ рукавъ съ видомъ глубокой покорности.

— Объ чемъ же стало-быть рѣчь?

— Больше насчетъ того, сударь, прохрипѣлъ слуга,—не соберешь никакъ... всѣ въ лугахъ, какъ есть!

— Вотъ вздоръ какой! Неужто такъ ужь приспичило, что и оторваться нельзя на время. Время слава Богу не дождливое, успѣютъ собрать сѣно... И наконецъ случай такой, что, кажется, можно все бросить и побезпокоиться!... Ты хорошенько все это объясни имъ, втолкуй!... Впрочемъ, даже и этого не нужно; просто скажи: баринъ проситъ дескать подсобить! Они надѣлали мнѣ въ этотъ годъ столько всякихъ пакостей, что авось хоть разъ возьметъ совѣсть.... Скажи имъ: баринъ ни въ чемъ никогда не утруждалъ васъ; пришелъ такой случай: докажите ему хоть разъ, что вы помните всѣ его благодѣянія!... Самъ видишь дѣло какое: не ждалъ не гадалъ что такой дорогой гость ѣдетъ!... Ну, такъ ступай же скорѣй и дѣлай такъ какъ я сказалъ; я вполнѣ надѣюсь на твое усердіе и расторопность; какъ только переговоришь и все уладишь, приходи тотчасъ же доложить....

Оставшись одинъ, Сергѣй Львовичъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету съ закинутыми назадъ руками и вертя между пальцами табатерку.

— Да, да, проговорилъ онъ голосомъ человѣка, сдѣлавшаго надъ собою усиліе:—вотъ до чего дожили! Оказывается, *намъ* надо теперь въ упросъ просить; *мы* ихъ покорные слуги, а не они наши!... Да, да, все это такъ, все это безподобно; но я всегда говорилъ и всегда скажу: посмотримъ еще, что изъ всего этого выйдетъ. По моему: это ума-коловрата и ничего больше, именно ума-коловрата.

Разсудивъ очень основательно, что не время теперь предаваться тревожнымъ мыслямъ будущаго, Сергѣй Львовичъ вышелъ изъ кабинета съ намѣреніемъ освѣжить голову воздухомъ.

Въ прихожей встрѣтился онъ съ отцомъ Леонидомъ, малень-

кимъ старичкомъ, такого же невиннаго вида какъ послѣдній младенецъ, котораго онъ окрестилъ. При немъ была попадья, пріѣхавшая поздравить Софью Алексѣевну съ благополучнымъ возвращеніемъ; послѣдняя представляла изъ себя особу съ черными зубами, особу такого объема и роста, и столь мужественную, что въ чужѣ забиралъ страхъ при мысли, какъ расковалъ отецъ Леонидъ, допуская ее парить себя въ банѣ вѣникомъ. Тутъ же выступалъ отецъ дьяконъ, человѣкъ коренастый, съ лицомъ выдавшимся впередъ, какъ на-скоро отесанный клинъ, и глазами вытаращенными, какъ у рака; главная достопримѣчательная сторона отца дьякона состояла въ томъ, что жена его четыре года къ ряду рожала ему двойни; такъ что въ семь лѣтъ супружества, семейство оказалось въ прибыли на восемь человѣкъ, которыхъ, хотя безъ намѣренія, но совершенно основательно, отецъ дьяконъ называлъ всегда: „червями“. Дѣйствительно, они нѣсколькими мѣсяцами раньше поѣдали всегда все, что доводилось отцу пріобрѣтать отъ паствы во время Рождества и Святой недѣли.

— Батюшка и матушка, здравствуйте! Здравствуйте, отецъ дьяконъ! проговорилъ не безъ торжественности Сергѣй Львовичъ,—вы видите меня въ ужаснѣйшихъ хлопотахъ: жена пріѣхала!

— Имѣемъ уже извѣщеніе. Вотъ также и матушка моя собрались и пріѣхали поздравить, смиренно сказалъ отецъ Леонидъ.

— Честь имѣемъ поздравить, глухо, какъ бы сквозь перину сказала попадья.

— Имѣемъ честь поздравить съ возвращеніемъ! буркнулъ въ свою очередь отецъ дьяконъ, какъ изъ бочки.

— Спасибо, спасибо; я еще потому въ хлопотахъ, поспѣшилъ прибавить Люлюковъ,—что жена привезла извѣстіе: къ намъ будетъ на дняхъ дорогой гость; представьте, кто къ намъ будетъ: дядюшка Помпей Николаевичъ!!

При этомъ имени, Сергѣй Львовичъ невольно пріосанился и повелъ плечами. Отецъ Леонидъ поклонился; глаза отца дьякона окончательно приготовились выскочить изъ впадинъ; одна попадья не вполнѣ, казалось, поняла въ чемъ дѣло и сохранила прежнюю свою неподвижность.

— Изволили сказывать, Сергѣй Львовичъ, дяденька давно обѣщались посѣтить васъ, проговорилъ наконецъ священникъ.

— Да, обѣщалъ, а теперь,—бухъ, и ѣдетъ! Вы, батюшка,

распорядитесь уже сами пожалуста насчетъ молебна; не ждите меня. Такъ и скажите Софьѣ Алексѣевнѣ; я приду если позволитъ время. Вотъ, кстати, и Петръ Кондратьевичъ!

Давъ ему время подставить лысину подъ благословеніе и облобызать руку отца Леонида, Сергѣй Львовичъ не теряя секунды, повелъ его въ кабинетъ.

— Ну, что? спросилъ онъ.

Прежде еще чѣмъ Петръ Кондратьевичъ собрался съ отвѣтомъ, въ сердцѣ Люлюкова шевельнулось безпокойство: лицо вѣрнаго слуги не предвѣщало ничего добраго; онъ явно переминался и затруднялся приступить къ дѣлу.

— Ну? нетерпѣливо повторилъ Сергѣй Львовичъ.

— Ничего, сударь, не сообразишь, никакого то-есть толку. Ужь это и Богъ знаетъ, что такое! проговорилъ Петръ Кондратьевичъ:—прихожу, тамъ сходка, я всѣ ваши слова, какія сказывать изволили, всѣ слова передалъ....

— Ну? произнесъ Сергѣй Львовичъ, судорожно сжимая табатерку.

— Ничего, сударь, не сдѣлаешь, словно оголтѣлые какіе! Никакимъ, то-есть, манеромъ не сообразишь: всѣ въ одномъ стоятъ.

— Что жь они говорятъ?

— Говорятъ: съ сѣномъ запоздали, косить надо!

Сергѣй Львовичъ началъ дышать такимъ ускореннымъ тактомъ и такъ тяжело, что Петръ Кондратьевичъ невольно остановился.

— Но объяснялъ ли ты этимъ канальямъ причину? спросилъ онъ, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы преодолѣть свои чувства:—сказалъ ли имъ, что мнѣ теперь каждый часъ дорогъ?

— Сказывалъ, сударь; упорствуютъ все единственно; главное потому больше: узнали теперь въ нихъ надобность есть.

— Негодяи! перебилъ Сергѣй Львовичъ, вспыхивая:—какъ быть однакожь? Дѣлать нечего; нельзя же такъ.... Ступай, спроси: сколько хотятъ они за работу? Я готовъ заплатить этимъ мерзавцамъ!

— Я ужь говорилъ, сударь.

— Ну!

— Такую цѣну ломятъ, ни съ чѣмъ не сообразную; просятъ въ день по полтиннику съ души, бабы по четвертаку, ребятишки и тѣ нейдутъ меньше гривенника.

Сергѣй Львовичъ затрепеталъ весь отъ головы до пятокъ.

— Когда такъ: не надо, не надо!! крикнулъ онъ такъ яростно, что сидѣвшіе въ залѣ отецъ Леонидъ, дьяконъ и попадья вздрогнули,—не надо, когда такъ! Сейчасъ же отправляйся въ Сусловку и найми тамъ народу, бабъ и мужиковъ; не хотятъ дудиловскіе, сусловскіе будутъ работать! Отправляйся сію же минуту; всего двѣ версты; не теряй времени, поѣзжай верхомъ! Главное: скорѣй отвѣтъ!

Каждый, кому привелось бы встрѣтить Петра Кондратьевича въ кабинетѣ и который бы увидѣлъ его въ ту минуту, какъ онъ затворялъ за собою дверь кабинета, глазамъ бы своимъ не повѣрилъ, что передъ нимъ одинъ и тотъ же человѣкъ. Правда, лысина, свиные глазки, вся фигура и самый нанковый сюртукъ на крючкахъ, были все тѣ же; но выраженіе до такой степени измѣняло физіономію Петра Кондратьевича, что не было уже никакой возможности узнать въ ней прежняго вѣрнаго и преданнаго кабинетнаго Калеба. Слѣпой, для котораго черты лица сокрыты, и тотъ не могъ бы обмануться; стоило прислушаться: „А чортъ бы тебя дралъ!“ ворчалъ хриплый голосъ, не имѣвшій ничего общаго съ подобострастнымъ голосомъ кабинетнаго Петра Кондратьевича,—„экъ его тормошитсa!... Эхъ ты латоха, быкъ тебя забодай, дьяволъ тебя занеси, прости Господи!“

Проходя черезъ залу и заслышавъ страшный трескъ въ кабинетѣ, точно стулъ грохнулся объ полъ, Петръ Кондратьевичъ махнулъ только рукою и поспѣшилъ въ прихожую.

— Ну, теперь пошелъ швырять чѣмъ ни попало! проговорилъ онъ выходя на крыльцо.

Трескъ упавшаго стула повторился, между тѣмъ, второй и третій разъ. Священникъ, отецъ дьяконъ и попадья подумали, что начались уже приготовленія и перестановка мебели къ пріѣзду сановника-дяди, но Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна, спускавшіяся въ это время внизъ вмѣстѣ съ дѣтьми, не могли, конечно, обмануться въ значеніи шума.

— Что-нибудь случилось. Его вѣрно чѣмъ-нибудь растревожили, пролепетала Зинаида Львовна.

— Вѣроятно, проговорила со вздохомъ Софья Алексѣевна.

Пожавъ другъ другу руку и обмѣнявшись выразительнымъ взглядомъ, обѣ спустились съ лѣстницы и боковою дверью вошли въ кабинетъ. Въ ту же секунду вбѣжали за ними Катя, Соня и Вѣрочка.

Два стула лежали на полу, одинъ въ одномъ углу, другой

въ другомъ. Сергѣй Львовичъ, сидѣвшій въ креслахъ, держалъ себя обѣими руками за голову; лицо его отливало багровымъ блескомъ, а въ моргающихъ глазахъ проступали ясные слѣды сильнѣйшаго раздраженія.

— Что случилось? спросили въ одинъ голосъ Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна.

— Sophie, или Зиночка, или все равно кто-нибудь изъ дѣтей, сказалъ надорваннымъ голосомъ Сергѣй Львовичъ,—скажите нянькѣ Ульянѣ, чтобъ она намочила въ уксусѣ полотенце и принесла его сюда.

Катя, Соня и Вѣрочка взапуски выбѣжали изъ кабинета.

Сергѣй Львовичъ, въ короткихъ, но выразительныхъ словахъ, передалъ присутствующимъ о всемъ случившемся.

— Эхъ, батюшка, Сергѣй Львовичъ, захотѣлъ ты отъ нихъ! проговорила нянька Ульяна, обвязывая ему полотенцемъ голову,—словно право ты мужиковъ-то и не видывалъ; впервой узналъ ихъ! Плюнь ты на нихъ! Вотъ теперь головка разболѣлась, ну, что хорошаго?... э, право!

— Да-ст, да-съ,—вѣкъ живи, вѣкъ учись! Именно такъ! сказалъ Люлюковъ, когда нянька удалилась:—видѣли вы: стоило имъ понять что я въ нихъ нуждаюсь, сейчасъ пошли на прижимки, сейчасъ же торговаться и набивать цѣну! И такъ поступать со мною! Со мною! подхватилъ онъ, начиная снова горячиться.

— Что жь вы хотите?.. другаго нельзя ожидать... замѣтила кузина.

— Ты зналъ ихъ, мой другъ.... сказала ея подруга.

— Зналъ? Нѣтъ я не зналъ ихъ! я прожилъ съ ними всю жизнь,—и не зналъ ихъ! Я тогда только ихъ понялъ, тогда только раскусилъ вполнѣ, когда обстоятельства послѣднихъ этихъ годовъ поставили меня въ горькую необходимость имѣть съ ними лично дѣло! Тутъ только они вполнѣ себя показали!... Да, такъ поступаетъ со мною тотъ самый народъ, который я всю мою жизнь осыпалъ благодѣяніями! примолвилъ онъ вдругъ съ такою силой, что уксусная повязка слетѣла съ головы и шлепнулась на полъ, произведя звукъ пощечины.

Зинаида Львовна поспѣшила поднять ее.

— Да, это тотъ самый мужикъ, котораго я не переставалъ осыпать благодѣяніями! продолжалъ Сергѣй Львовичъ, придерживая рукою повязку на лбу, между тѣмъ какъ Зинаида

Львовна, грацiозно изгибая станъ, перевязывала концы на его затылкѣ,—тотъ самый народъ, которому дѣлалъ я всевозможныя снисхожденiя, котораго я, первый во всѣмъ уѣздѣ, отпустилъ на оброкъ! Вы помните: даже послѣ уставной грамоты, послѣ того какъ они поступили со мною совершенными скотами, не я ли имѣлъ еще слабость уступить всѣмъ ихъ просьбамъ? Не я ли отдалъ имъ всю оставшуюся отъ надѣла землю по два цѣлковыхъ за десятину, тогда какъ она,—это всѣ говорятъ, спросите кого угодно,—она стóитъ три рубля и три съ полтиной!! Нѣтъ, больно! Воля ваша, очень больно! Это просто не люди, нѣтъ, это неблагодарные звѣри... Какое? звѣрь—тотъ лучше; тотъ по крайней мѣрѣ чувствуетъ благодарность....

— Маманя! крикнула Катя неожиданно вбѣгая въ кабинетъ,—священникъ спрашиваетъ, не начинать ли молебенъ?...

— Идите! идите! воскликнулъ Сергѣй Львовичъ, падая въ кресло и махая имъ всѣмъ рукою къ двери.

Оставшись снова одинъ, Люлюковъ испустилъ продолжительный, тяжкiй вздохъ, который доказывалъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, какъ истинно и глубоко было его душевное разстройство.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

служащая продолженiемъ предшествующей.

Что до насъ касается, мы всегда отдавали полную справедливость высокимъ качествамъ души и сердца Сергѣя Львовича. При всемъ томъ, еслибы пришлось изречь судебный приговоръ и рѣшить, кого надо винить въ настоящемъ случаѣ: Сергѣя ли Львовича или крестьянъ его,—мы, не задумавшись секунды, оправдали бы кругомъ послѣднихъ. Вовсе даже не нужно было бы для этого восходить на судейское мѣсто, ослѣплять себѣ глаза блескомъ зерцала, прикладывать руку къ сердцу и надсаживать себѣ горло. Еще менѣе нуждались бы мы при этомъ въ подкупѣ краснорѣчiя тѣхъ ораторовъ, которые кричатъ о доблестяхъ народа, и въ доказательство какъ близко уже подошли къ этимъ

доблестямъ, нализываются до положенія ризъ съ утра и до вечера. Здѣсь дѣло совершенно чисто и факты говорятъ сами за себя.

Въ настоящемъ случаѣ поведеніе Дудиловцевъ можетъ только служить самымъ неоспоримымъ фактомъ ихъ практичности и глубокаго здраваго смысла. Была ли возможность иначе поступать съ помѣщикомъ, который, самъ сознавался, что былъ для нихъ какъ чужой до послѣдняго времени? Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли на этотъ предметъ Дудиловцы и, съ своей точки зрѣнія, они были совершенно правы. Что въ самомъ дѣлѣ было имъ беречь Сергѣя Львовича и входить такъ сильно въ его интересы, когда самъ онъ нимало объ этомъ не заботился! Случалось ли когда-нибудь, чтобы Дудиловцы ослушались въ чемъ нибудь Сергѣя Львовича? Никогда не случалось! Выѣзжая каждую весну съ семействомъ въ деревню, Сергѣй Львовичъ очень любилъ, чтобы мужики и бабы торжественно встрѣчали его у околицы. Зная такое желаніе своего помѣщика, Дудиловцы всегда были на мѣстѣ и даже подносили ему хлѣбъ-соль. Звалъ ли ихъ Сергѣй Львовичъ на обѣдъ въ день приходскаго праздника,—обѣдъ устраиваемый обыкновенно на барскомъ дворѣ и отличавшійся обиліемъ баранины, солонины, пироговъ, пряниковъ, вина и браги,—не было еще примѣра чтобы Дудиловцы отказывались когда-нибудь отъ приглашенія. Трогательно даже было видѣть при этомъ случаѣ, какъ самыя малыя дѣти, соревнуя своимъ родителемъ, лѣзли другъ на друга и давились кусками пирога, желая доказать свое усердіе. Сергѣй Львовичъ любилъ иногда пріѣзжать въ поле на работу,—что дѣлалъ всегда въ сопровожденіи семьи и въ видѣ partie de plaisir; пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ обыкновенно, чтобы тотчасъ же распустить народъ по домамъ. И что жъ? Запомнитъ ли кто-нибудь, чтобы Дудиловцы не исполнили мгновенно воли своего барина? Виноваты ли они, что Сергѣй Львовичъ ничего больше отъ нихъ не желалъ? Конечно не виноваты. „Люблю вокругъ себя веселыя лица! Люблю чтобы вокругъ меня всѣ улыбались и были довольны!“ говорилъ всегда Люлюковъ. Прекрасно питать въ душѣ такія благородныя чувства—спора нѣтъ. Но съ другой стороны, согласитесь сами, справедливо ли было, живя въ деревнѣ, гдѣ, къ сожалѣнью, всегда меньше веселыхъ физіономій чѣмъ недовольныхъ и меньше благопріятныхъ случаевъ чѣмъ неблагопріятныхъ, — справедливо ли было

избѣгать послѣднихъ такъ тщательно, какъ дѣлалъ это Сергѣй Львовичъ? Не естественно ли, что дѣйствуя въ такомъ исключительномъ духѣ, онъ имѣлъ на своей сторонѣ только смѣхуновъ, весельчаковъ, и положительно отдалялъ отъ себя недовольныхъ, которые, какъ уже сказано, всегда составляютъ большинство. Показывая себя гражданамъ Дудиловки только въ торжественныхъ случаяхъ, и скрывая себя отъ ихъ взоровъ тамъ именно, гдѣ бы чаще всего они должны были его видѣть, Сергѣй Львовичъ никакимъ образомъ не могъ сдѣлаться вполнѣ популярнымъ. Именно онъ удалялъ отъ себя Дудиловцевъ. Вотъ въ какой формѣ происходило обыкновенно это отдаленіе. Встрѣчалъ ли, напримѣръ, Сергѣй Львовичъ въ собственномъ лѣсу почтеннаго гражданина практиковавшагося въ рубкѣ дерева,—онъ никогда не шелъ къ нему прямо, никогда не нападалъ въ расплохъ. Оправдываясь передъ домашними и знакомыми тѣмъ что боится въ этихъ случаяхъ первой своей вспышки, боится самого себя, Сергѣй Львовичъ только лукаво себя обманывалъ; причина была совсѣмъ другаго рода: по обыкновенію тѣхъ натуръ, которыхъ на офиціяльномъ языкѣ называютъ слабыми или „слабцами“, но въ домашнемъ, приватномъ нарѣчіи принято называть: „черносливными натурами“,—онъ попросту терялъ энергію какъ только подходилъ критическій случай. Энергія въ немъ не держалась. Кипятясь отъ гнѣва и пыхтя какъ паровой котелъ отъ сдержанныхъ въ сердцѣ ощущеній, Сергѣй Львовичъ быстро удалялся, заботясь прежде всего укрыться отъ взоровъ Дудиловскаго гражданина (бѣда если въ эти минуты попадалась ему курица копавшая клумбы: онъ яростно пускалъ въ нее чѣмъ ни попало); онъ давалъ полную волю своему негодованію тогда только, какъ достигалъ дома и запирался на ключъ въ своемъ кабинетѣ.

— „Трахъ! трахъ!!...“ раздавалось тогда по всѣмъ комнатамъ. „Ну пошелъ опять стулья швырять! знать чѣмъ-нибудь раздосадовали!“ говорили люди. Послѣ того, онъ выходилъ всегда очень разстроеннымъ, съ головною болью, и требовалъ, чтобы нянька Ульяна обвернула ему голову полотенцемъ въ уксусѣ.

Отдаленіе Сергѣя Львовича отъ крестьянъ совершалось иногда въ другой формѣ. Такъ бывало когда не самъ онъ наскакивалъ на неблагопріятный случай, но когда докладывали ему о проступкѣ какого-нибудь Дудиловца. Тутъ уже

Сергѣй Львовичъ просто бывалъ страшенъ; всѣ отъ него бѣжали куда ни попало. Расхаживая большими шагами по залѣ, размахивая руками, онъ гремѣлъ на весь домъ угрозами: „Разобью въ дребезги! засѣку до смерти! разбойникъ! каналья! Не прощу тебя! ни за что не прощу!... (Хотя домашніе знали что въ залѣ никого не было, кромѣ Сергѣя Львовича, всѣ однакоже вздрагивали: такъ грозенъ былъ его голосъ.)—Не помилую тебя, негодяя! хоть сто лѣтъ валяйся въ ногахъ. Не помилую!“ кричалъ онъ топая каблуками и посылая въ воздухъ удары кулакомъ. Когда же приводили ему виновника, онъ мгновенно утихалъ, быстро уходилъ въ кабинетъ и приказывалъ сказать, что не хочетъ видѣть негодяя; чтобы съ этой минуты не смѣлъ онъ ему на глаза попадаться, и т. д.

Дѣло имѣло, впрочемъ, къ концу одинаковый результатъ: страшно разболится голова и снова идетъ нянька Ульяна примачивать ее уксусомъ. Видя такое явное отчужденіе отъ себя своего помѣщика, Дудиловцы чуть ли не рѣшили наконецъ, что у нихъ вовсе не было помѣщика. На всѣ попреки сосѣдей, у Сергѣя Львовича былъ одинъ отвѣтъ:—„Знаю, знаю что страхъ ихъ балую; но знаю и то также,—и это, признаться, вознаграждаетъ меня за все,—знаю, что они по крайней мѣрѣ любятъ меня и преданы мнѣ отъ перваго до послѣдняго! Вотъ какъ—скажи я: Софронъ, бросься въ рѣку,—онъ это сдѣлаетъ; да-съ, сдѣлаетъ, я вамъ за это ручаюсь!...“—„Попробуйте!“ говорили сосѣди.—„Да что пробовать! Придетъ случай: я вамъ докажу это!...“

Случай пришелъ наконецъ.

Хотя дѣло было не въ рѣчкѣ куда надо было броситься, а въ уставной граматѣ, которую надо было подписывать,—все равно: пришелъ часъ испытанія.

Люлюковъ началъ съ того что произнесъ рѣчь (онъ трудился надъ ней цѣлую недѣлю), рѣчь, въ которой ясно выразилъ мысль, что все здѣсь основано на взаимномъ довѣріи. „Мы должны вѣрить другъ другу! сказалъ онъ.—Вы докажете тѣмъ ваше ко мнѣ довѣріе, что, не въ примѣръ вашимъ сосѣдямъ, подпишете уставную грамату. Не забудьте, ребята (на этомъ мѣстѣ кто-то громко икнулъ въ толпѣ, и Сергѣй Львовичъ остановился),—не забудьте, ребята, подхватилъ онъ возвышая голосъ, — грамата въ Дудиловкѣ будетъ первая

подписанная грамата во всемъ нашемъ уѣздѣ!.. И вамъ будетъ лестно,—и мнѣ также."

Выслушавъ рѣчь до конца и назвавъ единодушно своего помѣщика отцомъ и благодѣтелемъ, Дудиловцы согласились подписать уставную грамату въ томъ только случаѣ, когда Сергѣй Львовичъ уступитъ имъ выгонъ за мельницей. Сергѣй Львовичъ, надававшій въ видахъ миролюбія и безъ того уже много, пришелъ въ справедливое негодованіе, но далъ однакоже и выгонъ. Пришло дѣло къ подписи. Дудиловцы не трогались съ мѣста. Препятствіемъ было теперь болото, безъ котораго, по словамъ ихъ, не было никакой возможности согласиться. Сергѣй Львовичъ вышелъ изъ себя, но далъ болото. Дудиловцы повалились въ ноги и такъ слезно благодарили помѣщика, что тотъ не зналъ уже какъ отъ нихъ отдѣлаться. Грамата тѣмъ не менѣе все-таки не подписывалась. „Какого же еще рожна надо этимъ живодерамъ?" вскричалъ Люлюковъ, отказавшійся уже лично присутствовать при подписи и предоставившій все мировому посреднику. Дудиловцы въ одинъ голосъ отказывались подписываться, если Сергѣй Львовичъ не отрѣжетъ имъ еще семь десятинъ кустарнику.

Но главный источникъ огорченій заключался не столько въ пожертвованіяхъ, не столько въ томъ даже, какъ много обманулся онъ въ мужичкахъ своихъ, сколько въ томъ, что крестьяне сосѣда его, Бабаева, человѣка весьма суроваго, безпрекословно подписали грамату и согласились на всѣ его условія. Не обидно ли было въ самомъ дѣлѣ! Не самъ ли онъ постоянно стращалъ Бабаева этою уставною граматой; не самъ ли сколько разъ хвасталъ, что не встрѣтитъ съ этой стороны никакого препятствія; и между тѣмъ, самъ первый такъ горько опростоволосился.

Скорбно также уязвленъ былъ потомъ Сергѣй Львовичъ тѣмъ, что у Бабаева полевое хозяйство пошло отлично, между тѣмъ какъ у него все тотчасъ же пошло къ окончательному разрушенію и безпорядку: сегодня запустили скотъ въ его луга, тамъ нарубили дровъ въ его рощѣ, а объ оброкѣ и говорить нечего; просто со всѣмъ о немъ забыли; такъ что еслибы не посредникъ, Люлюковъ не зналъ бы на что купить чаю и сахару.

Не малую долю огорченій и разочарованій принялъ онъ также съ дворовыми людьми. Здѣсь, какъ въ первомъ случаѣ,

всего сильнѣе задѣло за сердце сравненіе съ сосѣдомъ; не странно ли, что дворовые Бабаева, человѣка, какъ уже извѣстно, суроваго, остались всѣ до одного въ домѣ, тогда какъ у Сергѣя Львовича, который баловалъ ихъ какъ отецъ, всѣ одинъ передъ другимъ заломили вдругъ страшно-безобразную цѣну, и когда онъ отказалъ имъ, всѣ оставили его тотчасъ же, не выразивъ даже при этомъ ни тѣни сожалѣнія, ни тѣни раскаянія.

Вотъ съ этихъ-то поръ собственно перемѣнилъ онъ окончательно мнѣніе свое касательно новой реформы и не могъ говорить о ней равнодушно. Въ первое время онъ думалъ о ней совсѣмъ иначе. Когда прошелъ первый слухъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, онъ такъ даже обрадовался, что навлекъ на себя въ уѣздѣ названіе „краснаго“ и былъ причисленъ къ партіи самыхъ ярыхъ либераловъ. Сергѣй Львовичъ былъ въ этомъ совершенно искрененъ. Онъ находилъ только, что такая перемѣна была совершенно лишнею для Дудиловскихъ крестьянъ, которые и безъ того были свободны.

Дѣло все въ томъ, изволите ли видѣть, такъ выражался онъ въ послѣднее время, освобожденіе, не касаясь уже того, конечно, что оно нарушило патріархальныя отношенія, которыя связывали крестьянъ съ помѣщиками и составляли, можно сказать, всю прелесть сельской жизни; не считая этого, освобожденіе, главное, сильно подѣйствовало, и вдругъ, знаете ли, какъ-то, вдругъ подѣйствовало во вредъ нравственности народа; оно убило въ немъ чувство признательности и благодарности; сдѣлало его грубымъ, непочтительнымъ, словомъ, испортило его окончательно!... „А жаль, жаль, потому что прежде были залоги!...“

Такъ и теперь отчасти размышлялъ Сергѣй Львовичъ, сидя въ своемъ кабинетѣ и невольно содрогаясь всякій разъ, когда посреди молебна отецъ дьяконъ возвышалъ голосъ, звучавшій какъ труба втораго пришествія.

Само собою разумѣется, ни эти мысли о крестьянахъ, ни голосъ отца дьякона, ни даже головная боль, не мѣшали Сергѣю Львовичу заниматься дѣломъ. Онъ успѣлъ въ это время просмотрѣть отъ начала до конца печатный каталогъ изъ магазина Андреева, успѣлъ отмѣтить въ немъ всѣ предметы необходимые для пышныхъ завтраковъ и обѣдовъ, долженствовавшихъ удивлять именитаго дядю. Обыкновенно, Сергѣй Львовичъ

самъ всегда ѣздилъ въ магазинъ Андреева и лично дѣлалъ свои покупки, причемъ вступалъ всегда въ нескончаемыя бесѣды съ прикащиками; на этотъ разъ онъ рѣшился послать въ Москву лакея Петра. Можно было замѣтить также, при этомъ, другое измѣненіе обычному правилу. Дѣлая свои покупки, Люлюковъ придерживался обыкновенно системы общеупотребительной въ провинціальныхъ домахъ, гдѣ страсть къ гостямъ и угощеньямъ, часто превышая средства хозяевъ, заставляетъ послѣднихъ покупать припасы пудами, но всегда третьяго сорта; такъ ужъ всегда отмѣчается въ спискѣ закупокъ: рису одинъ пудъ, третьяго сорта; макаронъ, 20 фунтовъ, третьяго сорта; сладкаго горошка,—15 фунтовъ, третьяго сорта, и т. д. Система основана главное на томъ, чтобы всего было въ волю, въ изобиліи; чтобы гости не успѣвали очнуться отъ разнообразія угощеній; чтобы кофе слѣдовалъ за чаемъ, шоколадъ за кофе, конфеты за фруктами, мороженое за вареньемъ и т. д.

Правда, угощенія этого рода часто становятся гостю поперекъ горла; но не всѣ такъ взыскательны; для большинства, радушіе тогда вѣдь только и достигаетъ вполнѣ своей цѣли, тогда только и прославляется по уѣзду, когда гость наѣдается у сосѣда до вторыхъ и до третьихъ коликъ.

Сергѣй Львовичъ, какъ радушный хозяинъ и хлѣбосолъ, зналъ очень хорошо къ чему приводитъ система изобилія; справедливо опасаясь ея вліянія на столичный желудокъ именитаго дяди, онъ на этотъ разъ вездѣ отмѣтилъ въ каталогѣ Андреева „первый сортъ.“

Стараясь обставить дядю столько же комфортомъ сколько и почетомъ, онъ составилъ также списокъ сосѣдямъ и главнымъ сановникамъ уѣзда, которыхъ хотѣлъ пригласить на воскресенье, день рожденія Софьи Алексѣевны. Такъ какъ времени оставалось очень мало, онъ рѣшился отправиться съ визитами нынче же вечеромъ.

Оставалось только подождать возвращенія Петра Кондратьевича, получить отвѣтъ его и повторить ему тѣ перемѣны и преобразованія, которыя предположено было исполнить.

Въ ожиданіи этого, Люлюковъ снова вышелъ въ залу, чтобъ освѣжиться.

Молебенъ давно уже кончился; семейство пило чай, за исключеніемъ хозяйки дома, которая тотчасъ же послѣ службы

подлялась къ себѣ наверхъ. Священникъ, попадья и дьяконъ сидѣли передъ блюдечками съ опрокинутыми чашками; они ждали Сергѣя Львовича чтобы встать и проститься.

— Сергѣй Львовичъ, сказала Зинаида Львовна, дѣлая ему знакъ и вызывая въ гостиную:—бѣдняжка Sophie, которая такъ устала что едва могла достоять службу, поручила мнѣ сказать: не прилично ли будетъ также пригласить священника къ пріѣзду дяди...

— Я, душа моя, уже думалъ объ этомъ, отвѣтилъ Сергѣй Львовичъ,—только вотъ бѣда: у него подрясникъ очень плохъ. Еслибъ обѣ вы объ этомъ позаботились, не худо бы было. Въ два дня успѣете ему сшить новый... А то, право, неловко какъ-то.... Вотъ еще что: подумайте-ка вдвоемъ, не нужно ли чего-нибудь вамъ въ Москвѣ по части туалета; я нарочно посылаю Петра сегодня же вечеромъ съ послѣднимъ поѣздомъ; я бы самъ поѣхалъ, но невозможно; необходимо сдѣлать тьму-тьмущую визитовъ... я сейчасъ же отправляюсь...

— Какъ... сегодня? сегодня?...

Зинаида Львовна остановилась вперяя въ него взоръ укоризны.

— Знаю! знаю! но что жь прикажешь дѣлать, душа моя! возразилъ Люлюковъ съ очевидною неловкостію,—сама ты разсуди: сегодня вторникъ; онъ будетъ въ субботу, можетъ-быть даже въ пятницу!... Объясни все это хорошенько Sophie... Скажи ей, между прочимъ: я душевно радъ исполнить ея желаніе и приглашу священника... впрочемъ, я зайду еще къ вамъ проститься передъ отъѣздомъ!...

Передавъ священнику приглашеніе отъ имени жены,—но такъ, однакожь, чтобы не могъ этого слышать отецъ дьяконъ, Сергѣй Львовичъ распорядился, чтобы не медля ни минуты закладывали ему тарантасъ. Послѣ того онъ крикнулъ Петра, приказалъ ему снаряжаться въ путь, но прежде вызвалъ его въ кабинетъ для полученія инструкцій и для того также, чтобъ онъ помогъ ему одѣться.

Туалетъ приближался къ концу, когда дверь кабинета скрипнула и пропустила лысину Петра Кондратьевича.

— Ну что? съ живостію спросилъ Люлюковъ.

— Говорилъ, сударь, съ сусловскими мужиками, троихъ привелъ съ собою; говорятъ: готовы служить...

— Ну и прекрасно; очень радъ! сказалъ мгновенно пове-

селѣвшій помѣщикъ,—я сейчасъ одѣнусь, обойду вмѣстѣ съ вами дворъ и садъ и укажу что надо будетъ дѣлать...

— Осмѣлюсь доложить, сударь, наши лѣзутъ! промолвилъ Петръ Кондратьевичъ:—какъ проходилъ по деревнѣ, всѣ пристали; говорятъ: чѣмъ чужихъ звать, мы лучше станемъ работать....

— Ни одного чтобы не было! крикнулъ Сергѣй Львовичъ, мгновенно вспыхивая:—слышишь: ни одного! Сначала отказались негодяи, начали даже со мной торговаться; а теперь какъ увидѣли что дѣло безъ нихъ сбойдется, давай соглашаться;—ни за что! Вонъ гони ихъ! Даромъ станутъ работать—не возьму ни одного. Слышь, Петръ Кондратьевичъ: чтобы ни одинъ дудиловскій каналья не смѣлъ здѣсь быть!..

Негодованіе, закипѣвшее въ груди Сергѣя Львовича, ограничилось на этотъ разъ только вспышкой. Оно прошло, какъ только вышелъ онъ на крыльцо и увидѣлъ сусловскихъ мужиковъ.

Сусловцы представляли съ Дудиловцами такое же разительное сходство какъ мѣдные пятаки похожи на мѣдные пятаки вычеканенные въ Сестербекѣ въ одно и то же время. Зная, что безъ нихъ дѣло не обойдется теперь никакимъ манеромъ, они заломили тройную цѣну прежде еще чѣмъ было имъ извѣстно въ чемъ состоитъ работа и что отъ нихъ потребуется. Сергѣй Львовичъ на все согласился; то что казалось возмутительнымъ со стороны Дудиловцевъ, было очень естественно со стороны Сусловцевъ, не связанныхъ съ Сергѣемъ Львовичемъ ни чувствомъ благодарности, ни чувствомъ преданности.

Приказавъ имъ завтра же чѣмъ свѣтъ явиться на работу, онъ торопливо поднялся на верхъ проститься съ женою.

— Душа моя, ты видишь меня въ отчаяніи. Я долженъ отправиться въ тотъ самый день какъ ты пріѣхала!.... сказалъ Сергѣй Львовичъ, цѣлуя жену въ лобъ:—но я обдумалъ: иначе сдѣлать нѣтъ никакой возможности. Зиночка передала тебѣ причину; необходимо мнѣ самому сдѣлать кой-какія приглашенія... Кстати, припомните пожалуста: не встрѣчали ли у кого-нибудь изъ сосѣдей печатнаго портрета дяди? Не слыхали ли по крайней мѣрѣ, что онъ у кого-нибудь существуетъ, промолвилъ онъ озабоченнымъ тономъ.

Зинаида Львовна и Софья Алексѣевна отвѣчали отрицательно.

— Ужасно досадно! Достать его, между тѣмъ, необходимо. Портретъ существуетъ, а мы, родные, не имѣемъ его!... Неловко, воля ваша.... Вотъ еще что: если вамъ нужно что-нибудь по части туалета для себя или для дѣтей,—я полагаю, не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на дѣтскій туалетъ,—составьте поскорѣй списокъ и отдайте его Петру, я посылаю его нынче съ послѣднимъ поѣздомъ въ Москву... Ну, прощайте, друзья мои... поцѣлуйте за меня дѣтей; проходя черезъ корридоръ, я слышалъ, они укладываются уже спать.... Сегодня вторникъ; я вернусь домой въ четвергъ и все обдѣлаю... Надѣюсь, ты поняла, мой другъ, что одна только крайняя необходимость заставляетъ меня ѣхать въ такой день; въ противномъ случаѣ, я бы.... но ты, конечно, поняла меня и не будешь сердиться...

Такое объясненіе было совершенно лишнимъ, если припомнить, что Софья Алексѣевна съ утра еще такъ явно выражала желаніе предаться уединенію и отдыху. Просить у нея извиненія въ отъѣздѣ не значило ли почти то же, въ настоящую минуту, что извиняться въ томъ что не наступаешь сосѣду на ногу. Сергѣй Львовичъ зналъ все это очень хорошо; но дѣйствовалъ единственно въ силу мягкоты своей,—мягкоты слишкомъ впрочемъ уже извѣстной, чтобы слѣдовало ее краснорѣчиво доказывать.

Зинаидѣ Львовнѣ также очень хорошо было извѣстно, какое дѣйствіе можетъ произвести отъѣздъ Сергѣя Львовича на нервы обожаемой подруги; дѣло было ясно какъ день. Но сердце ея имѣло, видно, свойство проливать свой собственный свѣтъ, передъ которымъ ясность дня и самая очевидность факта равнялась густѣйшимъ потемкамъ. Отъѣздъ Сергѣя Львовича и поспѣшность его при прощаньи съ женой послужили для Зинаиды Львовны новымъ доказательствомъ непостижимой загрубѣлости чувствъ мущинъ вообще и мужей въ частности. Уѣхать! Уѣхать какъ нарочно въ самый день пріѣзда жены; въ такой день, которымъ именно слѣдовало бы воспользоваться, чтобы выразить женѣ все свое вниманіе! Неожиданное прибытіе дяди, такъ взбудоражившее Сергѣя Львовича, ничего не значило. Всѣмъ слѣдовало пожертвовать, всѣмъ рѣшительно! Сердце не принимаетъ никакихъ отговорокъ. Положимъ, Софья Алексѣевна очень равнодушно приняла вѣсть объ отъѣздѣ мужа; положимъ, она не сказала слова, продолжала лежать на диванѣ и

тотчасъ послѣ ухода мужа зажмурила глаза (въ комнатѣ такъ уже сгустились сумерки, что нельзя было различать, закрыла ли она или нѣтъ); но что̀ слѣдовало изъ всего этого? Не убѣдительно ли говорило все это въ пользу неисчерпаемой кротости характера и ангельской терпимости Софьи Алексѣевны?...

Зинаида Львовна не высказала, однакожъ, высокихъ чувствъ своихъ по этому предмету. Быть-можетъ, они такъ бы и остались сокрытыми въ тайной сокровищницѣ ея сердца; но въ эту самую минуту, какъ нарочно, послышался шумъ тарантаса, который увозилъ Сергѣя Львовича.... При этомъ, она сама не понимала что̀ съ ней сдѣлалось (такъ послѣ открылось изъ собственныхъ ея словъ), она не могла долѣе привеволивать порывовъ своего сердца. Она быстро подошла къ раскрытому окну, прищурила глаза по направленію къ удалявшемуся экипажу и произнесла голосомъ глубоко оскорбленнаго и взволнованнаго чувства:

— О, эгоистъ! эгоистъ! эгоистъ!!..

Энергическое восклицаніе Зинаиды Львовны, пробудивъ внезапно Софью Алексѣевну, послужило поводомъ къ весьма интересному разговору.

Чувствуя неодолимую потребность передать его скорѣе читателю, мы думаемъ, однакожъ, не лишнимъ будетъ прежде познакомить его короче съ тѣми отношеніями, которыя связывали двухъ подругъ.

Такъ какъ нѣтъ никакой возможности исполнить это однимъ взмахомъ пера и притомъ въ одну секунду, мы, подумавъ хорошенько, рѣшились отложить дѣло до слѣдующей главы.

(*До слѣд.* №.)

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

* * *

Ты видишь—за спиной косцовъ
Сверкнула сталь въ закатѣ яркомъ,
И поздній дымъ отъ ихъ котловъ
Упитанъ праздничнымъ приваркомъ.

Лиловымъ дымомъ высь поя,
За рощей тонетъ дня свѣтило
И набѣжавшихъ тучь края
Стекломъ горючимъ окаймило.

Уже подрѣзанъ, каждый рядъ
Цвѣтовъ лежитъ душистой цѣпью,
Какая тѣнь и ароматъ
Плывутъ надъ меркнущею степью.

Въ душѣ смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной
И до огней зари восточной
Подъ звѣзднымъ пологомъ усни.

А. ФЕТЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Тайный совѣтникъ Филиппъ Филипповичъ Вигель родился въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Симбухинѣ, 12-го ноября 1786 года; скончался въ Москвѣ 20-го марта 1856 г. и похороненъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Послѣдніе годы своей жизни Вигель, свободный отъ служебныхъ занятій и семейныхъ обязанностей, провелъ въ путешествіяхъ по чужимъ краямъ, преимущественно же въ разъѣздахъ по Россіи, и писалъ свои *Воспоминанія*. Онъ вынесъ изъ обстоятельствъ своей жизни, вообще очень оригинальныхъ и замѣчательныхъ, богатые матеріялы для подобнаго труда. Природная его наблюдательность, развившаяся еще съ дѣтскихъ лѣтъ, неистощимое остроуміе, оригинальность его взгляда на многіе историческіе вопросы и блестящій литературный талантъ обнаруживающійся и въ мастерствѣ его разказа, и въ умѣньи, при описаніи происшествій своей жизни, коснуться важныхъ историческихъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, а иногда и участникомъ,—все это дѣлаетъ *Воспоминанія* Вигеля явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ, можно сказать, небывалымъ въ нашей литературѣ.

Воспоминанія Вигеля составляютъ семь большихъ рукописныхъ томовъ и доведены до 1830 года. Редакція *Русскаго Вѣстника* пріобрѣла

отъ его наслѣдниковъ право печатать изъ этой рукописи все что будетъ ею найдено удобнымъ. Во всякомъ случаѣ—почти излишне прибавлять, что редакція не можетъ взять на себя малѣйшей отвѣтственности какъ за взгляды автора на различные предметы, такъ и въ особенности за его сужденія о лицахъ. На записки Вигеля должно смотрѣть какъ на любопытный историческій матеріялъ, и читатели *Русскаго Вѣстника*, конечно, будутъ встрѣчать съ удовольствіемъ, въ теченіи даже многихъ мѣсяцевъ, въ каждой книжкѣ этого журнала послѣдовательныя главы совершенно неизвѣстнаго публикѣ произведенія, авторъ котораго, по дарованіямъ своимъ, долженъ занять видное мѣсто между замѣчательнѣйшими нашими писателями.

I.

Въ наше время появилось безчисленное множество историческихъ записокъ; ими наводненъ западъ Европы. Иныя изъ нихъ мало занимательны, другія мало правдивы, но всѣ могутъ, для будущихъ историковъ, быть болѣе или менѣе полезны. Сіи источники, иногда весьма мутные, бывъ собраны, пропущены сквозь безпристрастную критику, очищены вкусомъ и геніемъ, могутъ составить величественный, ясный потокъ, коимъ Карамзины грядущихъ временъ будутъ напоять любопытную жажду къ познаніямъ, болѣе и болѣе увеличивающуюся въ моемъ отечествѣ.

Давно родились во мнѣ мысль и желаніе обратиться въ одинъ изъ сихъ источниковъ, вродить къ концу приближающееся, тѣсное и малозначительное бытіе мое, превратить его въ существованіе столь же неизвѣстное, невидимое, въ журчаніе несмышимое, съ надеждою случайно брызнуть когда-нибудь изъ мрака и земли, и быть замѣчену какимъ-нибудь великимъ мужемъ, который удостоитъ пріобщить меня къ своему безсмертію или, по крайней мѣрѣ, долговѣчію.

Обстоятельства, неблагопріятствующія намѣренію моему, препятствовали мнѣ доселѣ приводить его въ исполненіе; они не перемѣнились, но я рѣшился вопреки имъ приступить къ труду сему, столь заманчивому, быть-можетъ безполезному для другихъ, но для меня уже тѣмъ полезному, что доставляетъ мнѣ занятіе на весь остатокъ дней моихъ.

По большей части историческія записки составляются государственными людьми, полководцами, любимцами царей,

однимъ словомъ, дѣйствующими лицами, которыя, описывая происшествія, на кои они имѣли вліяніе и въ коихъ сами участвовали, открываютъ потомству важныя тайны, едва угадываемыя современниками: ихъ записки главнѣйшіе источники для исторіи. Но если симъ актерамъ вѣдомо все закулисное, то между зрителями развѣ не можетъ быть такихъ, коихъ замѣчанія пригодились бы также потомству? Имъ однимъ могутъ быть извѣстны толки и сужденія партера; прислушиваясь къ нимъ внимательнымъ ухомъ, они въ то же время могутъ зоркимъ окомъ проникать въ самую глубину сцены, и если они хотя сколько-нибудь одарены умомъ наблюдательнымъ и счастливою памятью, то сколько любопытнаго и неизвѣстнаго могутъ сообщить они своимъ потомкамъ!

Отъ самаго рожденія, природой и фортуной бывъ осужденъ, по мнѣнію моему, болѣе чѣмъ на ничтожество, во всемъ получивъ отъ судьбы посредственность въ удѣлъ, я однакоже бесѣдовалъ много съ мудрѣйшими изъ моихъ соотечественниковъ, былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ. Глупцы и невѣжды мнѣ также вовсе не были чужды, я долго жилъ посреди ихъ и въ мысляхъ часто мѣрилъ пространство тѣхъ и другихъ отдѣляющее. Я не убѣгалъ даже отъ нищеты и не отказывался отъ знакомства съ богатыми: отъ знатнаго до простолюдина, всѣ состоянія мнѣ были извѣстны. Пространнѣйшее государство въ мірѣ проѣзжалъ я отъ востока до запада и отъ юга до сѣвера и былъ внѣ предѣловъ его; его блестящія столицы и отдаленнѣйшія отъ нихъ провинціи, непроходимые лѣса Сибири и безлюдныя степи Новороссійскаго края мнѣ равно знакомы. Я пилъ воды Селенги и Сены и отъ вершины Хамарь-Дабана странствовалъ до Содома Новаго Завѣта, который посѣтилъ я послѣ паденія минутной великой имперіи.

Я родился при Екатеринѣ, записанъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю ее при Николаѣ. Еще въ младенческомъ возрастѣ, все окружавшее меня сильно возбуждало во мнѣ вниманіе и любопытство, все врѣзывалось мнѣ въ память, и все въ ней сохранилось. Пока еще лѣта не лишили меня сей способности, желаю я внукамъ моихъ соотечественниковъ, за неимѣніемъ собственныхъ, завѣщать повѣсть о разнообразныхъ предметахъ, встрѣченныхъ мною на длинномъ пути не совсѣмъ обыкновенной жизни.

О себѣ буду говорить мало: скромность не позволитъ мнѣ хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которыя едва могутъ служить перевѣсомъ безчисленнымъ недостаткамъ или даже порокамъ, а стыдъ, который еще знали въ наше время, не допуститъ меня открывать послѣднихъ. Не имѣя великой славы Жанъ-Жака Руссо, не имѣю и правъ на безстыдство его.

Въ описываемомъ мною я буду ничто: я буду только рама или, лучше сказать, маляръ, вставляющій въ нее поперемѣнно картины и портреты и многоразличіемъ ихъ старающійся замѣнить недостатокъ въ искусствѣ живописномъ.

Но дѣлаясь провожатымъ читателя сквозь мѣста и происшествія, мною видѣнныя, долженъ необходимо прежде всего говорить ему о себѣ, даже о томъ что было до меня, о моемъ происхожденіи.

II.

Я долго почиталъ себя Шведомъ: одинъ нечаянный случай, а еще болѣе любопытство мое и тщеславіе показали мнѣ мою ошибку, открыли мнѣ горькую истину.

Предки мои въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ, владѣли мызами Иллукъ и Куртна; мой дѣдъ заложилъ ихъ въ 1765 году на пятьдесятъ лѣтъ, и мнѣ досталось или выкупать ихъ или за нѣкоторую сумму уступить право на вѣчное ими владѣніе. Я былъ молодъ, жилъ тогда въ Петербургѣ; Эстляндія, которую увидѣлъ я зимой, показалась мнѣ мрачнымъ оледенѣлымъ адомъ, я боялся хлопотъ и радъ былъ за маловажную сумму отказаться отъ права принадлежать къ знаменитому рыцарству. Поспѣшая обратно въ столицу, я не исполнилъ даже священной обязанности посѣтить могилу моего дѣда и не подумалъ заглянуть въ документы, по коимъ фамилія моя владѣла сказанными мызами.

Какое-то аристократическое чувство, дѣйствіе коего я впрочемъ весьма рѣдко ощущалъ, побудило меня гораздо послѣ, лѣтъ шестнадцать спустя, стараться съ точностію узнать эпоху, въ которую могущественные предки мои основали свое владычество за Наровой, тѣмъ болѣе что представилось къ тому весьма удобное средство. Г. Брунъ, шуринъ

г. Ребиндера, коему уступилъ я права своей фамиліи, служилъ тогда подъ моимъ начальствомъ. По просьбѣ моей, скоро доставилъ онъ мнѣ копію съ нужныхъ для меня бумагъ, и что же открылось? Первымъ владѣльцемъ помянутаго имѣнія въ моемъ родѣ былъ только дѣдъ отца моего, именемъ Валдемаръ, и что еще ужаснѣе, онъ назывался Вигеліусъ!

Кому неизвѣстно нынѣ, что въ Финляндіи природные жители имѣютъ обычай, коль скоро получатъ какую-нибудь ученую степень, облагораживать прозваніе свое латинскимъ усомъ. И потому-то вѣроятно, что прадѣдъ мой—сынъ какого-нибудь пастора или профессора финскаго племени, который, происходя изъ низкаго состоянія, украсилъ имя свое сею ненавистною для меня окончательною прибавкой. Почему бы кажется, если онъ былъ докторъ богословія или медицины и коли непремѣнно ему нужно было себя латинизировать, не назваться ему донъ-Вигелемъ, какъ были донъ-Калметъ, донъ-Букетъ. Донъ не такъ тѣсно связывается съ именемъ какъ усъ, его легче отбросить. Хвала дѣдушкѣ, что вступивъ въ военную службу, онъ сбрилъ сей ученый усъ.

Но какъ бы то ни было, я не Шведъ: увы! нѣтъ никакого сомнѣнія, я Финнъ или Эстъ, или попросту сказать Чухонецъ. Потомству обязанъ я говорить всю истину, но отъ современниковъ буду тщательно скрывать сію ужасную тайну. Открывъ ее, враги насмѣшки конечно не оставятъ попрекать меня чудскою моею породой, они готовы сдѣлать болѣе, они готовы будутъ сравнивать меня съ сими безчисленными, несчастными, презрѣнными, тварями, съ сими потерянными женщинами, кои, родясь въ окрестностяхъ сѣверной столицы, такъ легко впадаютъ въ бездну пороковъ, и которыя думаютъ возвысить себя и состояніе свое, называя себя вѣтками, то-есть Шведками. Впрочемъ, что дѣлать? Если бы сіе и случилось, у меня всегда будетъ чемъ заплатить имъ.

Похвастаться дѣдомъ моимъ, Лаврентіемъ Владиміровичемъ, какъ Русскіе его называли, имѣю я болѣе причинъ. Почти съ самаго дѣтства слѣдовалъ онъ за побѣдоносными знаменами Карла XII, быстро проходилъ онъ чины и земли его герою покоряющіяся и въ званіи капитана драбантскаго полка, едва имѣя двадцать лѣтъ отъ роду, взятъ Русскими въ плѣнъ подъ Полтавою. Почему съ другими плѣнниками не былъ онъ тогда отправленъ въ Сибирь, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно изъ числа ссылаемыхъ были изъяты владѣльцы

остзейскихъ провинцій, содѣлавшіеся новыми подданными Петра Великаго.

Новаго своего отечества не полюбилъ дѣдъ мой и никогда не хотѣлъ ему служить. Онъ спрятался на мызѣ своей и долго велъ уединенную, мрачную и безбрачную жизнь. Не знаю какъ сіе случилось, но наконецъ полюбилась ему одна благородная дѣвица, Гертруда фонъ-Бриммеръ. Онъ вступилъ съ нею въ законный бракъ, и по ней отецъ мой и дяди удостоились чести быть въ родствѣ съ Буксгевденами, Бревернами, Розенами и другими знаменитыми лифляндскими баронами, чести, которою я по крайней мѣрѣ всегда весьма мало гордился.

Дальнѣйшихъ подробностей о дѣдѣ моемъ я не имѣю, ибо отецъ мой выросъ не при немъ и рано его лишился. Знаю только, что онъ никогда не покидалъ своего помѣстья, былъ столь же трудолюбивымъ хозяиномъ, какъ храбрымъ воиномъ, и что сей капитанъ-Цинцинатъ всегда плакалъ при имени Карла XII и постоянно ненавидѣлъ Россію.

Доказательствомъ сей ненависти служитъ слѣдующее: изъ семи сыновей своихъ, четырехъ старшихъ, не знаю по какому праву, послалъ онъ за границу служить другому герою, великому Фридриху. Неблагодарность его противъ Россіи, подъ правленіемъ коей онъ столь долго наслаждался спокойствіемъ и независимостью, была жестоко наказана; одинъ только старшій сынъ, Лаврентій, уцѣлѣлъ въ Семилѣтнюю войну, другіе же три: Оттонъ, Фридерикъ и Валдемаръ, въ цвѣтѣ лѣтъ погибли отъ русскихъ ядеръ или штыковъ. Старшій же сынъ жилъ, видно, очень долго, ибо въ прусской службѣ умеръ генералъ-майоромъ и комендантомъ крѣпости Торуни. Дѣтей онъ не оставилъ, а вдова его, урожденная Глазенаппъ, какъ она подписывалась, обращалась къ отцу моему съ просьбою объ исходатайствованіи ей пансіона, посредствомъ нашей миссіи.

Младшихъ трехъ сыновей своихъ: Ивана, Якова и Филиппа, рѣшился дѣдъ мой посватить Россіи, но на то были особливыя причины. Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ голштейнскій, внукъ сестры Карла XII, великій почитатель, какъ извѣстно, великаго Фридерика, былъ также племянникъ императрицы Елисаветы Петровны и наслѣдникъ ея престола.

Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру, онъ никакъ не умѣлъ сдѣлаться Русскимъ:

воспоминанія младенческихъ лѣтъ и окружавшіе его Нѣмцы, кои сохраняли ихъ въ немъ и въ его царствованіе надѣялись воскресить времена Бирона, никакъ его къ тому не допускали. Образцомъ его сдѣлался просвѣщенный геній, но онъ умѣлъ только перенять его ошибки; подобно Фридриху, обожателю всего французскаго, который не зналъ истиннаго духа Германцевъ, сихъ мыслителей по превосходству, и видѣлъ въ нихъ только ратныхъ людей и боевыя машины, всероссійскій наслѣдникъ началъ подражать всему нѣмецкому.

Подъ его покровъ поставилъ дѣдъ мой трехъ маленькихъ сыновей, можетъ-быть видя въ нихъ тайно будущихъ мстителей, будущихъ повелителей въ ненавистной землѣ. Ихъ приняли въ кадетскій корпусъ, и когда половина семейства моего дѣда проливала русскую кровь, другая содержалась и воспитывалась на русскія деньги. Старая Россія, въ незлобіи и безпечности, во всемъ походила на нынѣшнюю.

Изъ трехъ сыновей, о коихъ я выше упомянулъ, одинъ только былъ дѣйствительно уменъ: въ наукахъ, въ поведеніи, даже самою наружностію младшій отличался отъ двухъ старшихъ—это былъ мой отецъ. Но оставимъ сей любезный для меня предметъ: къ сему жизнѣйшему, сладчайшему изъ моихъ воспоминаній я часто буду возвращаться. Теперь поспѣшу окончить разказъ о моихъ дядяхъ.

Старшій изъ нихъ, Иванъ, всю жизнь свою служилъ въ военной службѣ; другой же, Яковъ, началъ было съ нея, но скоро перешелъ въ гражданскую. Съ ограниченнымъ умомъ, съ пылкими страстями они не могли пойдти далеко. Дядя мой Иванъ былъ то, что въ старину называлось „забубенный“, влюбчивъ, мотоватъ и весьма не строгихъ правилъ. Онъ не дожилъ до старости и кончилъ жизнь премьеръ-майоромъ и комендантомъ Орской крѣпости, бездѣтенъ, хотя и былъ женатъ на дочери какого-то гарнизоннаго офицера Семенова.

Другой мой дядя, Яковъ Лаврентьевичъ, былъ примѣчателенъ необыкновенною честностію въ дѣдахъ. Къ сожалѣнію, безкорыстные, безпристрастные судьи у насъ всегда были рѣдки, они почитались феноменомъ, и когда-то имъ дивились и ихъ уважали. Не въ это время дядя мой былъ судьею въ санктпетербургскомъ надворномъ судѣ: надъ нимъ смѣялись и о немъ жалѣли; въ нынѣшнее просвѣщенное время его бы стали преслѣдовать. Онъ былъ отмѣнно трудолюбивъ и точенъ, занималъ всегда должности мелкія, но, какъ говорится,

доходныя, жилъ весьма бѣдно и послѣ себя ничего, кромѣ скудной движимости, не оставилъ. Длинное поприще жизни и службы окончилъ онъ въ одно время, въ 1802 году, едва достигнувъ чина коллежскаго совѣтника.

Я его зналъ и всегда дивился скромности его желаній и удовольствій: чтеніе весьма незанимательныхъ нѣмецкихъ книгъ и изрѣдка бесѣда стариннаго пріятеля коротали для него зимніе вечера; лѣтомъ же занималъ онъ огородъ въ Екатерингофѣ, и покопавшись въ немъ, отдыхалъ на свѣжемъ воздухѣ. Миръ праху его, сего добраго и почтеннаго родственника!

Жизнь его, однакоже, не всегда была безмятежна; онъ зналъ любовь и въ ней только не зналъ постоянства. Онъ не плѣнялся ни знатностію рода, ни блескомъ воспитанія; красота овладѣвала имъ, гдѣ бъ она ему ни являлась, въ прачешной ли, или хотя въ коровникѣ. Но честность его правилъ была видна даже среди волненія его страстей. Слово „наложница“ пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбляясь въ какую-нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была кистерская дочь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Какъ это сходило ему съ рукъ, вотъ чего я никакъ понять не могу. Тогда еще не было устава евангелическихъ въ Россіи церквей.... Какъ бы то ни было, но почтенный дядя мой былъ многоженецъ; я узналъ это послѣ смерти его, когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи; потомъ пришла другая, наконецъ третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускать. Увы! говорятъ, ихъ было до восьми; одна гдѣ-то жила въ нянькахъ, другая была кухарка, а третья что-то еще хуже. Утверждаютъ, что всѣ тираны имѣютъ склонность къ многоженству и ставятъ въ примѣръ Генриха VIII и Ивана Васильевича, а мой бѣдный дядя скорѣе на все могъ быть похожъ чѣмъ на тирана.

Между родными съ отцовской стороны былъ еще одинъ чудакъ, о коемъ никакъ умолчать не могу. Это Федоръ Ивановичъ Сандерсъ, единственный сынъ Софіи, старшей сестры отца моего, которая лѣтъ двадцать была его старѣе, такъ что племянникъ былъ почти ровесникомъ дяди. Любовь и война были его девизомъ: съ ребячества до глубокой старости онъ жилъ или среди тревогъ ихъ, или ихъ воспоминаніями. Въ первый разъ видѣлъ онъ непріятельскій огонь

въ чинѣ поручика при Кагулѣ въ 1770 году, въ послѣдній же разъ въ чинѣ генералъ-майора подъ Парижемъ въ 1814-мъ; и такъ сорокъ четыре года воевалъ онъ, и потомъ точно отдыхалъ на лаврахъ въ Измаилѣ, куда его сдѣлали комендантомъ, на приступѣ и при взятіи коего онъ былъ три раза. Смерть его щадила, но не пули: онъ былъ весь изранень, и не взирая на то, здоровъ, веселъ и бодръ до самой смерти. Совершенный недостатокъ въ способности мыслить при воображеніи живомъ, вѣчно юномъ, спасли его отъ нравственныхъ болѣзней и сохранили ему и физическія силы. Подъ-конецъ жизни онъ былъ въ отставкѣ генералъ-лейтенантомъ, и хо, тѣлъ еще разъ взглянуть на столицу; дорогой въ Твери одинъ бродяга, котораго въ Измаилѣ онъ взялъ кучеромъ, ударилъ его оглоблей и расшибъ ему руку и ногу съ намѣреніемъ его убить и ограбить: разбойника успѣли схватить, а онъ, на 90-мъ году жизни, черезъ два мѣсяца вылѣчился и явился въ Петербургѣ. Казалось онъ безсмертенъ; однакоже по пріѣздѣ кончилъ онъ необыкновенную жизнь свою весьма необыкновеннымъ образомъ: въ самый день рожденія своего, когда ему исполнилось 90 лѣтъ, 1 января 1836 года, онъ, будучи совершенно здоровъ, нарядился, поѣхалъ въ Зимній Дворецъ и умеръ на ступеняхъ парадной онаго лѣстницы, по коей онъ всходилъ.

Къ числу странностей его характера и жизни принадлежитъ и самый бракъ его; онъ выигралъ жену свою на биліярдѣ. Одна молодая, прекрасная кіевская мѣщанка плѣнила богатаго, вѣтренаго Поляка, князя Яблоновскаго, вышла за него замужъ и черезъ годъ или два ему надоѣла. Сандерсъ съ батальйономъ стоялъ тогда на квартирѣ въ одномъ изъ городовъ, нашихъ западныхъ губерній, принадлежавшихъ тогда Польшѣ, но занятыхъ нашими войсками; онъ часто игралъ въ биліардъ съ Яблоновскимъ и выигралъ у него нѣсколько тысячъ злотыхъ; когда онъ сталъ требовать отъ него уплаты, то увидѣлъ его Аріадну, воспламенился и предложилъ ему взаимную уступку. Договоръ былъ скоро заключенъ, ибо всѣ стороны изъявили согласіе, особенно же молодая княгиня, по чувству оскорбленнаго самолюбія. Онъ прожилъ съ ней до самой смерти лѣтъ сорокъ-пять; кажется, искренно она его никогда не любила, обманывала его, часто измѣняла ему, но будучи гораздо его моложе, будучи умна, хитра и ловка, дѣлала жизнь его весьма счастливою; можетъ-быть своею

заботливостію она ее продлила, ибо лелѣяла его, ухаживала за старымъ мужемъ какъ за ребенкомъ *.

Когда за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ продолжалъ еще влюбляться, то ей одной повѣрялъ тайныя муки своего сердца; она всегда выслушивала его съ участіемъ, то смѣялась, то утѣшала его, и не одними только словами, уговаривая молодыхъ красавицъ улыбкою, умнымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ и иногда даже холоднымъ поцѣлуемъ усладить страданія старика.

Конечно, не возможно Марину Игнатьевну ставить въ примѣръ добродѣтели нашимъ губернскимъ барынямъ, супругамъ нашихъ помѣщиковъ; онѣ живутъ тихо, спокойно и отъ нихъ можно требовать болѣе точности въ исполненіи обязанностей. Но среди безпрестанныхъ переходовъ, среди шумной бурной воинской жизни, какъ иногда не забыться? Сколько я зналъ такихъ воинственныхъ женъ, которыя говорили: нашъ полкъ, нашъ эскадронъ; онѣ готовы были раздѣлять опасности своихъ мужей, готовы были сразиться рядомъ съ ними и жертвовать за нихъ жизнію, а не считали за грѣхъ мимоходомъ любить другихъ. Въ нихъ есть что-то особенное, онѣ милы какою-то солдатскою откровенностью. Жаль, что ни одна изъ нихъ не извѣстна Жакобу, Сю или Бальзаку, какой бы изъ нихъ прекрасный можно было сдѣлать романъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Марина Игнатьевна не во всемъ на нихъ похожа, но можетъ также почитаться совершенно походною женой.

Я счелъ неизлишнимъ упомянуть объ этомъ старомъ воинѣ, послѣднемъ близкомъ родственникѣ отца моего (ибо дѣтей онъ не оставилъ), тѣмъ болѣе что оригинальность его довольно замѣчательна.

---

* Слѣдуя сему примѣру, можно совѣтовать всѣмъ холостякамъ и вдовцамъ, достигающимъ глубокой старости и пользующимся пожизненными только достаточными доходами, жениться на пожилыхъ красавицахъ, не строгой нравственности и владѣвшихъ долго искусствомъ пѣнять. По старой привычкѣ, онѣ привязываются къ послѣдней своей жертвѣ, къ послѣднему поклоннику и берегутъ его какъ зеницу ока. Онѣ тѣшатъ его, очаровываютъ, и окруженный призраками, старый мужъ медленнѣе приближается къ гробу. Наши Русскія въ этомъ дѣлѣ еще не мастерицы. Какъ мы во всемъ еще отъ Запада отстали!

III.

Разказавъ все, что̀ зналъ о предкахъ и родственникахъ отца моего, съ чувствомъ нѣкоторой гордости начинаю говорить о русскомъ происхожденіи моемъ по матери.

Много есть нынѣ такихъ фамилій, кои гордясь древностію происхожденія, имѣютъ сильныя притязанія на знатность, но коихъ названій отыскать невозможно въ такъ-называемой бархатной книгѣ. Извѣстно, однакоже, что она замѣнила родословныя книги дворянъ, преданныя всесожженію для истребленія мѣстничества при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, то-есть, лѣтъ не съ большимъ полтораста тому назадъ.

Родъ Лебедевыхъ, отъ коихъ происхожу я по матери, въ ней, однакоже, находится. Сіе, впрочемъ, могло бы ничего не доказывать; я зналъ Ушаковыхъ, Новосильцовыхъ, Сабуровыхъ, людей именующихъ себя въ исторіи россійской вездѣ встрѣчающимися названіями, кои были, однакоже, или отпущенные на волю, или отданные въ рекруты крѣпостные люди. Я не говорю уже о безчисленныхъ Павловыхъ, Алексѣевыхъ, Яковлевыхъ, Мартыновыхъ, сихъ именныхъ прозваніяхъ, кои по отцу всякой принять и потомству передать можетъ. Выслужившись до штабъ-офицерскаго чина, право или не право нажити имѣніе, женившись на богатой купчихѣ или бѣдной дворянкѣ, они дѣтямъ своимъ, а еще болѣе внукамъ, передаютъ право безъ малѣйшаго препятствія причислиться къ благороднымъ фамиліямъ, имъ вовсе чуждымъ, и даже затмевать ихъ, если чины и состояніе то дозволяютъ.

Дѣдъ мой, Петръ Ивановичъ Лебедевъ, умеръ въ 1752 году, оставивъ вдову, беременную моею матерью, и старшую восьмилѣтную дочь Елисавету. Онъ былъ тогда прапорщикомъ гвардіи Измайловскаго полка, а службу началъ простымъ рядовымъ. Это могло бы заставить подумать что онъ также не что̀ иное какъ вѣтвь самовольно привившаяся къ древнему, благородному древу; но вотъ что̀ служитъ доказательствомъ противному: всѣ дворяне и даже князья, вступая тогда въ войско, начинали быть простыми солдатами, а что еще убѣдительнѣе того, матери моей досталось отъ отца по наслѣдству село Лебедевка, при рѣчкѣ Ардымѣ, въ шести верстахъ

отъ Пензы, еще донынѣ въ нашемъ семействѣ сохранившееся. Въ кладбищенской, полусгнившей деревянной церкви сказаннаго села находятся съ надписями могилы Ивана Кондратьевича и Ивана Ивановича Лебедевыхъ, прадѣда и дѣда моей матери, надъ прахомъ коихъ по извѣстнымъ временамъ она служила панихиды. Такъ какъ Пенза сдѣлалась городомъ только въ 1666 году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то весьма вѣроятно, что Иванъ Кондратьевичъ былъ основателемъ и первымъ вотчинникомъ селенія, которое назвалъ своимъ фамильнымъ именемъ; если же онъ получилъ его по наслѣдству отъ предковъ, то тѣмъ лучше для дворянскаго нашего тщеславія.

Моя бабка, овдовѣвъ, вышла во второй разъ замужъ за одного рязанскаго помѣщика Трескина, прижила съ нимъ дѣтей, но умерла въ молодости и оставила мать мою у вотчима, въ совершенномъ почти ребячествѣ.

Вскорѣ потомъ бабка ея съ материнской стороны приняла къ себѣ малютку, но и подъ крыломъ сей послѣдней не долго она осталась. Она была во второмъ бракѣ за однимъ Василіемъ Ивановичемъ Чулковымъ, и не имѣвъ отъ него дѣтей, умирая, отказала ему попеченіе о своей внучкѣ.

Хотя сей г. Чулковъ былъ намъ почти вовсе чужой, но какъ онъ былъ единственный покровитель и единственное воспоминаніе младенческихъ лѣтъ моей матери, такъ рано лишившейся родителей и родныхъ и знавшей ихъ почти только по слуху, то мнѣ желательно сохранить здѣсь трогательное семейное о немъ преданіе.

Родившись въ низкомъ состояніи, онъ неизвѣстно какъ попалъ въ придворные истопники на половину цесаревны Елисаветы Петровны; по усердію своему онъ сдѣлался ей извѣстенъ и близокъ и, служивъ, какъ божеству, дочери Петра Великаго. Почести на него посыпались съ ея воцареніемъ; онъ вскорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, Александровскимъ кавалеромъ и даже наконецъ генералъ-аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не находился. Тогда-то дворянка Кривская, урожденная, хотя татарская, но все таки княжна Мещерская, не только не погнушалась руки бывшаго истопника, но съ благодарностію приняла его предложеніе. Сей бракъ былъ устроенъ Провидѣніемъ какъ будто для того чтобы дать защиту круглой сиротѣ, моей матери.

Я зналъ людей, кои помнили еще царствованіе Елисаветы

Петровны и со слезами умиленія вспоминали объ немъ. Сія государыня, съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, получила самое дурное воспитаніе; она выросла среди древнихъ, грубыхъ, но уже не простыхъ и чистыхъ, а европейскимъ первоначальнымъ образованіемъ испорченныхъ нравовъ тогдашняго времени. Ей было вѣдомо искусство дѣлать подданныхъ счастливыми и заставить чужіе народы уважать имя Русское, во она не знала тѣхъ приличій, сего кроткаго величія, коимъ Екатерина Вторая умѣла вселять благоговѣйный къ себѣ страхъ. Обхожденіе съ нею было самое простое, хотя и трепетали ея гнѣва, и образъ жизни ея можно было встрѣтить лѣтъ съ тридцать тому назадъ между помѣщицами отдаленныхъ губерній.

Во внутренности дворца своего, она была окружена толпою женщинъ изъ простонародія, болтуній, сплетницъ. Суевѣріе, ложные страхи производили въ ней безсонницу, а эти женщины, сидя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея постели, должны были сначала разказывать ей сказки, а потомъ, когда замѣчали что она начинаетъ забываться, продолжали между собою разговоръ шепотомъ, чтобы совершенно усыпить ее. Вѣрный слуга, Василій Ивановичъ, долженъ былъ также тутъ находиться, и не взирая на разницу лѣтъ и званія, являясь опять прежнимъ истопникомъ, смиренно клалъ на полъ тюфячекъ свой подлѣ кровати императрицы и какъ безсмѣнный стражъ ложился у ногъ ея. Зная что государыня не спитъ еще, гнусныя твари въ разговорахъ своихъ, часто злословили царедворцевъ, не довольно къ нимъ *чивыхъ*: тогда правдолюбивый Чулковъ тихо возвышалъ голосъ чтобъ опровергать ихъ клеветы, понося ихъ словами, которыя во дворцѣ слышать бы не должно было, и тѣмъ успокоивалъ раждающіяся подозрѣнія добродушной своей царицы. Случалось, что она вставала ранѣе утомленнаго старика, тащила его, шутила съ нимъ, а онъ, приподымаясь легонько, потрепывалъ ее, говоря: „охъ, ты моя лебедка бѣлая“.

Не мое дѣло описывать царицу среди великолѣпій пышнаго двора ея, побѣды ея полководцевъ надъ великимъ Фридрихомъ, благоденствіе Россіи подъ ея правленіемъ, раждающіяся при ней художества, театръ и поэзію; для того были Ломоносовы и будутъ еще другіе счастливцы, кои въ исторіи ея изобразятъ золотой вѣкъ Россіи. Мнѣ пришлось сказать нѣсколько словъ о домашнемъ бытѣ старинной боярыни

на тронѣ, и столько сколько сіе касалось до благодѣтеля моей матери, предка моего не по крови, а по благодѣяніямъ. Я увѣренъ, что читатели не причтутъ меня къ числу тѣхъ злонамѣренныхъ людей, коими изобилуетъ наше время, кои, подобно свиньѣ Крылова, ищутъ одного навоза, не хотятъ или не умѣютъ отдѣлить частной жизни царей отъ политической, и привязываясь къ однимъ человѣческимъ ихъ слабостямъ, стараются затмить весь блескъ ихъ царственныхъ дѣяній.

Лѣтъ четырнадцати мать моя лишилась и попечителя своего, который вспоилъ, вскормилъ ее, берегъ и лелѣялъ, оставилъ ей примѣръ своихъ добродѣтелей и нѣсколько отеческихъ наставленій, но едва выучилъ ее грамотѣ, которую самъ плохо зналъ. Она отправилась въ свое помѣстье, вступила въ управленіе, сдѣлалась полною госпожей и.... не погибла. Ангелъ-хранитель ея остался тогда единственнымъ заступникомъ бѣдной сироты; казалось, начертавъ на лицѣ ея свой образъ, онъ въ сердце ея вдохнулъ свою непорочность.

Я не могъ видѣть ея молодости; она родила меня будучи слишкомъ тридцати лѣтъ; но отъ стариковъ, искавшихъ руки ея, много слышалъ о ея разборчивости и красотѣ. Когда я могъ судить объ ней, она уже была въ преклонныхъ лѣтахъ, но и тутъ еще нравилась; для ребенка добрая мать прекраснѣе всего въ мірѣ, а мнѣ казалось и въ совершенолѣтіи, что такой миловидной старушки я не встрѣчалъ никогда.

Въ слѣдующей главѣ буду говорить объ ней пространнѣе, но и здѣсь не утерпѣлъ сказать нѣсколько словъ.

IV.

Говоря о младшихъ сыновьяхъ моего дѣда, сказалъ я, что младшій изъ нихъ былъ мой отецъ и вмѣстѣ съ ними воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ.

Симъ первымъ полезнымъ учебнымъ заведеніемъ Россія обязана Нѣмцамъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, когда они у насъ неистовствовали, безжалостно терзали Россію, грабили ее, унижали, былъ однакоже между ними одинъ знаменитый мужъ, который не довольствовался дарить наше отече-

ство побѣдами, но и думалъ о внутреннемъ его благѣ. Имя Миниха ярко блеститъ среди воспоминаній того мрачнаго времени.

Его мыслію создано, его стараніями, попеченіями устроено первое въ Россіи военное училище. При недостаткѣ въ средствахъ къ домашнему воспитанію, при стремленіи сравняться въ познаніяхъ съ господствовавшими тогда Нѣмцами, лучшіе дворяне, самые вельможи почитали милостію опредѣленіе дѣтей въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій корпусъ, какъ онъ тогда назывался. Знатные и иностранцы, разумѣется, въ семъ случаѣ предпочитались. Въ послѣдствіи, при Елисаветѣ Петровнѣ, когда основатель корпуса томился въ ссылкѣ, разсадникъ просвѣщенныхъ воиновъ, имъ насажденный, процвѣталъ все болѣе и болѣе, и даже наслѣдникъ престола быть назначенъ его шефомъ....

Сіе назначеніе конечно умножило наружный блескъ заведенія, но ничего не прибавило къ пользѣ внутренняго его устройства. Видно, что оно основано было на твердыхъ началахъ, ибо Петръ III, какъ извѣстно, мало заботился о распространеніи наукъ.....

Однакоже, подъ его управленіемъ образовались въ корпусѣ почти всѣ государственные люди, прославившіе царствованіе Екатерины II.....

Отецъ мой, коего замѣтилъ и полюбилъ онъ еще съ дѣтства, отличался совершенно дѣвственною чистотою. Пылкій, смѣлый, отважный, онъ однакоже и въ старости готовъ былъ краснѣть отъ всякаго нескромнаго, неблагопристойнаго изреченія, коими изобилуетъ солдатскій языкъ и коихъ употребленія самъ онъ вовсе не зналъ. Стройный, статный, благообразный, онъ, безъ крайней необходимости, даже передъ слугою, не обнажалъ груди или плеча.

Можетъ-быть мнѣ не повѣрятъ, но прахомъ его клянусь, что совершеннѣе человѣка, какъ мой отецъ, я не встрѣчалъ. По мнѣнію моему, онъ былъ выродокъ не только въ семействѣ своемъ, но и въ родѣ человѣческомъ. Еслибъ онъ мнѣ былъ и чужой, то мнѣ пріятно было бы изобразить его какъ самое чудное явленіе въ мірѣ.

Излишество во всемъ бываетъ вредно, и для самыхъ похвальныхъ качествъ есть границы, за коими они превращаются въ слабости и даже въ пороки. Такъ напримѣръ, излишняя щедрость дѣлается расточительностію, а бережли-

вость скупостію, смѣлость обращается въ дерзость, покорность въ раболѣпство, и благородное чувство собственнаго достоинства въ несносную спѣсь. Мудрость человѣческая состоитъ въ способности избѣгать крайности и въ этомъ отношеніи я не зналъ человѣка, котораго бы болѣе какъ отца, можно было назвать l'homme du juste milieu.

Онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ, а дѣйствіями его всегда управлялъ разсудокъ, страстно любилъ женщинъ, а всегда былъ цѣломудренъ и вѣренъ долгу супружества. Другъ порядка, почитатель установленныхъ властей, онъ однакоже никогда не былъ очень любимъ начальниками, всегда уважаемъ ими. Точность его ума болѣе всего дѣлала его способнымъ къ математическимъ наукамъ, и онъ примѣрно въ нихъ успѣвалъ, но въ то же время чрезвычайно любилъ художества и музыку. Въ особенности же имѣлъ онъ страсть къ архитектурѣ; для сосѣдей, для пріятелей, даже иногда просто для знакомыхъ онъ чертилъ планы домовъ, церквей, заводовъ и потомъ, при производствѣ работъ, помогалъ имъ совѣтами, какъ дешевле и прочнѣе возводить строенія; и все это разумѣется даромъ. Въ провинціяхъ и доселѣ чувствуютъ недостатокъ въ архитекторахъ; проекты маловажныхъ зданій выписываются изъ столицъ, что же было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ! Присутствіе моего отца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находился, въ семъ отношеніи, было точно для нихъ благодѣяніемъ. Однимъ словомъ, человѣкъ сей, съ правдолюбіемъ, съ простотою нравовъ древнѣйшихъ временъ, соединялъ всю образованность осьмнадцатаго столѣтія.

Слогъ есть человѣкъ, сказалъ кто-то, и справедливость этого изреченія доказывалъ мой отецъ. Не бывъ природнымъ Русскимъ, не имѣвъ никакихъ предъ собою образцовъ, ибо по-русски онъ началъ писать лѣтъ за десять до рожденія Карамзина, русскія письма его могутъ сами служить образцами. Цѣлую сотню сохранилъ я какъ святыню, и они могутъ служить тому доказательствомъ. Откуда было взять ему столь чистый слогъ, если не изъ самаго чистаго источника прекрасной души своей? Возможно ли ему было съ такою стройностію, съ такою правильностію выражать мысли, еслибы въ самихъ сихъ мыслахъ не было столько ясности и красоты? И это былъ иностранецъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса 750-хъ годовъ! И онъ никогда не думалъ быть литераторомъ, и что всего удивительнѣе, въ письмахъ его никогда нельзя

найдти ни словъ изъ приказнаго слога, сирѣчь, повеже и дондеже, ни сентиментовъ, реверансовъ, декора, конфузіи, словъ иностранныхъ, коими необразованный еще тогда языкъ нашъ столь изобиловалъ. На нѣмецкомъ языкѣ писалъ онъ какъ на природномъ, а на французскомъ писалъ онъ и говорилъ, хотя безошибочно и правильно, но какъ человѣкъ, который, чувствуя необходимость его въ обществѣ, не безъ усилій ему выучился, и выговоръ на немъ имѣлъ нѣмецкій.

У людей совѣстливыхъ долгъ и наклонность въ безпрестанномъ состязаніи. Отецъ мой ненавидѣлъ низкія, подлыя или беззаконныя дѣла, но въ равной степени не терпѣлъ также и злословія. Какъ быть? Какъ ненавидѣть зло и не осуждать его? Смѣшной стороны онъ ни въ комъ не видѣлъ, слабости ему подвластныхъ старался увѣщаніемъ исправлять, слабости чужихъ всегда находилъ средство извинять, на пороки смотрѣлъ въ грозномъ молчаніи. Любопытно было видѣть, какъ, убѣжденный въ гнусности какого-нибудь нечестивца, послѣ замѣтной внутренней борьбы, онъ иногда съ тяжкимъ вздохомъ произносилъ наконецъ: „какой негодный человѣкъ!“ Какъ всякій праведникъ, терпѣлъ онъ много отъ несправедливости людей, отъ начальниковъ и даже отъ подчиненныхъ. Иногда позволялъ онъ себѣ жаловаться на сіи несправедливости, но не примѣтивая ни единаго оскорбительнаго слова для тѣхъ, кои ихъ учинили. Въ обществѣ оставлялъ онъ пересуды безъ вниманія; у себя же дома всегда учтиво просилъ осуждающихъ перемѣнить разговоръ: изъ сего можно заключить, какъ мало дозволялъ онъ семейству своему порицать ближнихъ. Можетъ-быть, сія самая строгость произвела во мнѣ дѣйствіе совсѣмъ противное, сіе чувство нетерпѣнія, съ коимъ такъ трудно переносить мнѣ несправедливости не только ко мнѣ, но и къ другимъ, и сію способность обильными словами облегчать страданія, причиняемыя мнѣ глупостію или злостію людей.

Люди добродушные, какъ мой отецъ, бываютъ обыкновенно нѣсколько лѣнивы, весьма невзыскательны насчетъ опрятности и сами мало ее соблюдаютъ; въ старости сей порокъ дѣлается ощутительнѣе и еще тѣмъ болѣе безобразитъ ее. Съ отцомъ моимъ было совсѣмъ противное: онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ, онъ не зналъ минуты бездѣйствія и скуки: съ ранняго утра, причесанный, умытый, одѣтый, онъ раздѣвался только когда ложился спать; халатъ былъ для него

эмблемой болѣзни, пятно на мундирѣ или фракѣ почиталъ онъ несчастіемъ не много меньше пятна на чести. Таковъ былъ онъ до старости, до послѣдней минуты жизни. Сіе тѣмъ примѣчательнѣе, что въ его молодые годы мы въ Россіи мало знали опрятность и въ самыхъ знатныхъ домахъ, сами баринки были весьма нечистоплотны; опрятность есть одно изъ малаго числа благодѣяній, коими, по мнѣнію моему, Западу мы обязаны.

Одно изъ воспоминаній объ отцѣ тревожитъ меня и смущаетъ: онъ не былъ набоженъ и всегда избѣгалъ не только споровъ, но и разговоровъ объ религіи; объяснить это себѣ стараюсь я слѣдующимъ образомъ. Онъ родился и воспитанъ въ лютеранской вѣрѣ; будучи уже мужемъ и отцомъ семейства, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, врачи отъ него отказались и осудили его на смерть. Матери моей, отчаянной супругѣ, представилась ужасная мысль, что ей, православной, даже и въ будущей жизни невозможно будетъ встрѣтиться съ обожаемымъ ею еретикомъ; пользуясь его безпамятствомъ, она призвала священника и умолила его совершить надъ нимъ святое муропомазаніе. Такимъ образомъ поступилъ онъ въ нѣдра греко-россійской церкви. Едва любовь и вѣра свершили обрядъ, какъ уже лучъ надежды блеснулъ для моей матери; съ той минуты онъ началъ оживать, воскресъ, узналъ о томъ что̀ произошло и не смѣлъ огорчить упрекомъ ту, которая въ выздоровленіи его видѣла чудо небесное. Всѣ дѣянія его были истинно христіанскія; по присоединеніи къ восточной церкви, онъ съ точностію слѣдовалъ ея обрядамъ; но можетъ-быть, чувствуя тайно ложный стыдъ, онъ не любилъ говорить о томъ что̀ напоминало ему о невольно случившейся съ нимъ перемѣнѣ.

Послѣ всего вышесказаннаго, нужно ли говорить, что онъ былъ нѣжный супругъ и отецъ, постоянный другъ, добрый господинъ, справедливый и пріятный въ обхожденіи начальникъ? Все это, хотя не совсѣмъ обыкновенно, но къ счастію и не весьма рѣдко встрѣчается между людьми. Мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ только то, что̀ отличало его отъ другихъ, представить въ немъ противоположности, согласіе или соединеніе коихъ производило совершенство. Блестящій взглядъ его, разговоръ живой и умный и на устахъ почти всегда улыбка непорочнаго веселія, знакомаго только ему подобнымъ, дѣлали его привлекательнымъ еще и въ старости.

Младшій изо всего многочисленнаго своего семейства, онъ родился 12 іюня 1740 года; не знаю когда поступилъ онъ въ кадетскій корпусъ, но знаю только, что въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы Петровны, былъ уже онъ въ немъ прапорщикомъ и преподавалъ науки кадетамъ, изъ коихъ многіе были ему ровесниками.

Нѣмецкое происхожденіе и совершенное знаніе фронтовой службы ввели его въ особенную милость къ наслѣднику престола. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ III сравнялъ кадетскихъ офицеровъ съ гвардейскими, и щедрый на награды какъ сынъ и внукъ, въ продолженіи шестимѣсячнаго царствованія своего, произвелъ моего отца въ подпоручики, въ поручики и въ капитанъ-поручики. Приближался Петровъ день, царскія именины, и баронъ Унгернъ-Штернбергъ, генералъ-адъютантъ и двоюродный дядя моего отца объявилъ именемъ государя, что въ сей день онъ будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Можно посудить о радости двадцати-двухъ-лѣтняго юноши; онъ изъ Ораніенбаума поскакалъ въ Петербургъ, чтобы закупить все нужное къ обмундировкѣ. Но прежде 29 іюня, было 28-е.; въ этотъ день, проходя утромъ чрезъ Исакіевскую площадь и ничего не вѣдая, онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ караулъ: Екатерина вступила на престолъ.

Попали въ честь тогда Орловы,

а подобно дѣду Пушкина, отецъ мой „въ крѣпость, въ карантинъ“. Но онъ не долго въ немъ оставался, не болѣе двухъ недѣль; его выпустили, и не бывши въ числѣ крупныхъ любимцевъ, онъ скоро исчезъ въ толпѣ и возвратился къ своимъ корпуснымъ занятіямъ.

Съ величайшимъ любопытствомъ прислушивался я въ ребячествѣ къ разсказамъ покойнаго отца о благодѣтелѣ его, Петрѣ III-мъ. Съ восторгомъ говаривалъ онъ о душевной его добротѣ и безпримѣрной снисходительности къ окружающимъ. Я росъ въ Кіевѣ, никогда не видалъ царей, и представлялъ ихъ себѣ, хотя и людьми, намъ подобными, но имѣющими еще болѣе важности и величія чѣмъ самъ митрополитъ. Оттого бывалъ я въ крайнемъ изумленіи, когда слышалъ объ огромнѣйшей чашѣ съ пуншемъ, о цѣлой горѣ курительнаго табаку и о десяткахъ трубокъ, находящихся по вечерамъ въ пріемной у императора, который расхаживалъ, балагурилъ, и если не приневоливалъ, то усердно приглашалъ

всѣхъ этимъ потѣшаться. Мнѣ это казалось слишкомъ милостиво.

Около тридцати пяти лѣтъ служилъ мой отецъ Екатеринѣ Второй вѣрой и правдой, всегда съ благоговѣніемъ произносилъ ея имя, никогда не позволялъ себѣ осуждать ее,— о томъ у насъ въ домѣ и помину не было,—но за то никогда и не удавалось мнѣ слышать отъ него тѣхъ заслуженныхъ похвалъ, коими всѣ ее превозносили. Съ растроганнымъ видомъ говаривалъ онъ о ея наслѣдникѣ: по увѣренію его (а ему вѣрить было можно) и многихъ другихъ, Павелъ Петровичъ былъ въ дѣтствѣ прекраснѣйшій ребенокъ и между тѣмъ чрезвычайно похожъ на отца своего, который, однакоже, былъ ни хорошъ, ни дуренъ.

Въ 1764 году отецъ мой, послѣ долгой разлуки, посѣтилъ слѣпаго и умирающаго своего отца, принялъ его благословеніе и послѣдній вздохъ (но наслѣдства никакого) и возвратясь въ Петербургъ, былъ выпущенъ въ армію съ чиномъ премьеръ-майора и опредѣленъ въ генеральный штабъ.

Въ это время съ новымъ жаромъ начали хлопотать о водвореніи у насъ европейскаго образованія: надобно было открыть ему отверстія, дабы оно могло въ самую утробу Россіи проникнуть. Въ Германіи вызвались охотники заселять степи, коими Россія столь изобилуетъ; какъ было тому не обрадоваться? Цѣлыя массы свѣта должны были влиться къ намъ съ тысячами нѣмецкихъ мужиковъ, изъ коихъ, какъ извѣстно, особенно Баварцы и Вестфальцы отличаются образованностію. Человѣческій родъ примѣтно умножается, особенно между славянскими племенами; для сбыта излишества населенія у насъ неистощимые запасы пустошей, и эти запасы не за морями, какъ у другихъ, а такъ-сказать подъ руками; ихъ безчисленность насъ долго пугала, тогда какъ другія государства, не имѣя таковыхъ, намъ завидовали. Итакъ, сихъ пришельцевъ приняли съ распростертыми объятіями, и учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ, подъ предсѣдательствомъ самого князя Орлова, тогдашняго фаворита. Императрица Екатерина была еще довольно молода, и несмотря на врожденное въ ней искусство царствовать, по неопытности, не знала еще тогда истинныхъ пользъ своего народа.

Роскошные берега Волги, въ нынѣшней Саратовской губерніи, тогдашней провинціи, были выбраны для при-

натія дорогихъ гостей. Конечно, поселеніе иностранныхъ колонистовъ менѣе вредно на краю государства чѣмъ военныя поселенія внутри его; однакоже, и пользы отъ того мало, казна тратится, а прибыли не имѣетъ, ибо по протеченіи семидесяти лѣтъ сіи колоніи, кажется, и понынѣ пользуются льготою. Хлѣбопашество въ той сторонѣ ничего отъ того не выиграло, только жители Сарепты размножили сѣяніе табаку и горчицы, что и безъ нихъ можно было сдѣлать.

Генералъ-фельдцейхмейстеръ и надъ фортификаціями генералъ-директоръ, князь Орловъ, искалъ между подчиненными своими, военноучеными (а ихъ было такъ мало) людей, коимъ бы можно было поручить смотрѣніе за межеваніемъ земель и размѣщеніемъ на нихъ колонистовъ, и выбралъ двухъ друзей, инженеръ-майора Лабгарда и отца моего. Симъ выборомъ была навсегда рѣшена участь послѣдняго.

Саратовъ и Пенза, два провинціяльные города, почти въ одно время возникшіе, построены въ двухъ стахъ верстахъ одинъ отъ другаго, и какъ въ старину, такъ и понынѣ находятся въ тѣсномъ союзѣ и безпрестанномъ соперничествѣ или лучше сказать, соревнованіи; но участь сихъ городовъ совершенно различна.

Первый изъ нихъ стоитъ на берегу величественной Волги, царицы рѣкъ, движущагося моря, и владычествуетъ надъ одною изъ пространнѣйшихъ областей въ государствѣ. Въ сей области находятся и многолюдные уѣзды, хлѣбопашцами, помѣщичьими крестьянами населенные, и плодородныя, широкими рѣками орошаемыя степи, никѣмъ, или еще мало обитаемыя, и степи безводныя, и солончаки, въ ней Елтонское озеро, снабжающее солью треть Россіи, въ ней иностранныя колоніи, въ ней Ахтуба и развалины Сарая, въ ней растутъ березы и виноградъ, произведенія сѣвера и плоды юга, въ ней и хлѣбопашество, и торговля, и судоходство, и рыбныя ловли и соляной промыселъ.

Пенза на горѣ возвышается гордо надъ смиренною Сурой: сія рѣчка, только при устьѣ своемъ достойная названія рѣки, въ одно только время года, и то самое короткое, бываетъ судоходна; она робко и медленно приближается къ спѣсивой Пензѣ и не смѣя коснуться подошвы ея, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нея протекаетъ. * Губернія Пензенская сжата

* Въ сію Суру впадаетъ, однакоже, родимый мой Ардымъ.

на маломъ пространствѣ и тѣсно заселена помѣщичьими деревнями: въ противоположность саратовскаго разнообразія, въ ней все единообразно, вездѣ равно прекрасные виды, равно прекрасная почва земли, вездѣ изобиліе плодовъ земныхъ и вездѣ недостатокъ въ средствахъ къ ихъ сбыту. Между дворянами, вездѣ почти одинаковая невѣжественно-олигархическая спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти одинаковую холопью дерзость или низость.

Однимъ словомъ, сіи двѣ губерніи можно сравнить съ богатымъ купцомъ и довольно зажиточнымъ дворяниномъ. Но какъ русское дворянство (нынѣ столь многочисленное) прежде и болѣе другихъ сословій восприяло европейское образованіе и съ преимуществомъ происхожденія или заслугъ соединяетъ преимущества воспитанія, то купечество весьма естественно оказываетъ ему невольное уваженіе. Въ замѣнъ того, неимущему невозможно презирать деньгами, и сіе возстановляетъ равновѣсіе какъ между обоими сословіями, такъ и между обѣими губерніями.

Поселившись въ Саратовѣ, отецъ мой охотно посѣщалъ Пензу; намъ находилъ онъ начала, нѣкоторые признаки общежитія. Въ особенности же свелъ онъ тамъ дружбу съ воеводою, Андреемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ, отличавшимся нѣкоторою образованностію, кроткимъ нравомъ и пріятнымъ обхожденіемъ.

Нѣкогда слобода, а со временъ царствованія Алексѣя Михайловича, провинціяльный городъ, Пенза состояла тогда изъ десятка не весьма большихъ деревянныхъ господскихъ хоромъ и нѣсколькихъ сотенъ обывательскихъ домиковъ, изъ коихъ многіе были крыты соломою и имѣли плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многіе сельскіе храмы съ тѣхъ поръ построенные и нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ небольшихъ приходскихъ церквей, служили единственнымъ ей украшеніемъ. Чтобы судить о неприхотливости тогдашняго образа жизни пензенскихъ дворянъ, надобно знать что ни у одного изъ нихъ не было фаянсовой посуды, у всѣхъ подавали глиняную, муравленую: за то человѣкъ, хотя нѣсколько достаточный, не садился за столъ безъ двадцати четырехъ блюдъ, похлебокъ, студеней, взваровъ, пирожныхъ. У одного только Михаила Ильича Мартынова, владѣльца тысячи душъ, болѣе другихъ гостепріимнаго и роскошнаго, было съ полдюжины серебря-

ныхъ ложекъ; ихъ клали предъ почетными гостями, а другія должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дворня, псарня, и конюшня, поглощали тогда всѣ доходы съ господскихъ имѣній.

Двадцать лѣтъ спустя, когда, при учрежденіи губерній, Пенза возвышена была на степень губернскаго города, въ ней все перемѣнилось. Правильныя улицы, и изъ нихъ иныя моценыя, украсились каменными двухъ- и трехъ-этажными домами, и каменными лавками, а въ нихъ показались товары, кои прежде, хотя съ трудомъ, можно было только выписывать изъ Москвы, явилась нѣкоторая опрятность, нѣкоторая бережливость, нѣкоторый вкусъ,—необходимые спутники просвѣщенія. Перемѣна во всей Россіи шла гораздо быстрѣе чѣмъ при Петрѣ Великомъ, и безъ пытокъ, безъ насилій. Геній и улыбка Екатерины творили сіи чудеса. Желѣзная трость Петра Великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла скотовъ обращать въ людей.

Что касается до Пензы, то пусть позволятъ мнѣ часть успѣховъ приписать присутствію въ ней моего отца, уваженію, которое онъ въ ней пріобрѣлъ, дѣятельности его и его совѣтамъ, которыхъ къ счастію слушались.

Верстахъ въ тринадцати отъ Пензы, по саратовской дорогѣ, находится небольшое помѣстье Симбухино, носящее фамильное имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдній изъ нихъ, отставной кирасирскій майоръ, Андрей Петровичъ Симбухинъ не имѣлъ никого близкихъ родныхъ и былъ женатъ на Нѣмкѣ; умирая, отказалъ онъ ей съ малолѣтною дочерью помянутое имѣніе.

Не удивительно что вдовѣ г. Симбухина, живущей такъ сказать на чужой сторонѣ полюбился молодой, красивый и всѣми уважаемый землякъ. Едва ея дочь достигла шестнадцатилѣтняго возраста, какъ сама она предложила ее моемуотцу. Не трудно было ему согласиться вступить въ бракъ съ такою молоденькой дѣвочкой, съ нѣкоторымъ состояніемъ, которой могъ онъ надѣяться быть не только супругомъ, но и образователемъ. Сей бракъ былъ счастливъ, но въ семъ мірѣ счастіе бываетъ рѣдко продолжительно. Едва прошелъ годъ послѣ замужества Пелагеи Андреевны, (такъ звали первую жену отца моего) какъ она родила сына Андрея и черезъ недѣлю спустя

вмѣстѣ съ нимъ пошла въ гробъ. Но какъ бы предчувствуя раннюю кончину свою, она еще во время беременности, по совѣту матери своей, укрѣпила помѣстье свое за отцомъ моимъ. Сіе помѣстье еще и понынѣ находится во владѣніи нашего семейства.

Неутѣшный вдовецъ остался единственнымъ утѣшеніемъ и подпорой горестной, бездѣтной тещи: не помня собственной матери своей, коей лишился въ младенчествѣ, онъ въ ней обрѣлъ нѣжнѣйшую мать, а ей замѣнялъ онъ дѣтей, друзей и родныхъ, коихъ у нее не было. Но сія добродѣтельная, благоразумная женщина не хотѣла дарованнаго ей Провидѣніемъ сына осудить на вѣчное вдовство; по прошествіи траурнаго года, она первая начала ему совѣтовать помышлять о новой женитьбѣ; она сдѣлала болѣе: между дѣвицами, живущими въ Пензѣ, она начала искать достойную его руки.

Между тѣмъ время шло и врачевало горести молодаго вдовца. Еще при жизни первой жены своей, онъ отдавалъ справедливость прелестямъ и дѣвственно-гордому цѣломудрію юной сироты Лебедевой. Не получивъ никакого образованія, въ ней однакоже въ высшей степени господствовало природное чувство, которое Французы называютъ тактомъ. Безъ жеманства другихъ провинціальныхъ дѣвицъ, ея обхожденіе было со всѣми непринужденное, но вселяло какую-то робость въ тѣхъ кои руки ея искали. Иные пытались однакоже являться съ предложеніями, и хотя получали отказы, но въ нихъ было столь много вѣжливаго и утѣшительнаго для самолюбія неудачныхъ искателей, что не оставалось мѣста досадѣ и злословію.

У сей недоступной дѣвы было однакоже сердце, и оно противъ воли ея, тайно принадлежало человѣку, о коемъ она не смѣла помышлять, ибо онъ былъ женатъ. Никто не вѣдалъ о томъ, а еще менѣе другихъ тотъ, который былъ любимъ. Онъ былъ уже вновь давно свободенъ и все еще не подозрѣвалъ ничего. Одинъ только женскій опытный взглядъ можетъ проникнуть въ сокровенныя тайны женскаго сердца: въ заботливости объ участи отца моего, теща его подмѣтила неравнодушіе къ нему независимой и непорочной дѣвицы, ея ближайшей сосѣдки и захотѣла вторично сдѣлать, его счастливымъ. „Вы любите другъ друга, сказала она наконецъ обоимъ, —женитесь.“ Тутъ не было отказа, ниже минутной притворной колеблемости. Такимъ образомъ состоялся бракъ, коему я обязанъ жизнію.

V.

Вторая женитьба отца моего была въ 1772 или въ 1773 году, хорошенько не припомню, ибо не имѣлъ несчастія быть свидѣтелемъ брака родителей, какъ съ иными сіе случается. Знаю только навѣрно, что первый ребенокъ отъ сего брака, старшая сестра моя Елисавета, родилась въ іюнѣ 1774 года.

Вскорѣ послѣ сей второй женитьбы, послѣдовали въ участи отца моего важныя перемѣны. Всего важнѣе было для него оставить Пензу и Саратовъ. Онъ давно уже находился въ одномъ чинѣ, не получалъ никакихъ наградъ, а между тѣмъ весьма добродушный и довольно просвѣщенный начальникъ его, князь Орловъ, былъ къ нему отмѣнно благосклоненъ. Но ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, а съ повышеніемъ его онъ долженъ былъ его лишиться. Наконецъ, по чувству справедливости, онъ рѣшился доставить ему чинъ подполковника съ назначеніемъ командиромъ батальйона, опять не помню, котораго-то егерскаго корпуса *.

Такъ какъ, вѣроятно, мнѣ не придется болѣе говорить о Саратовѣ, въ коемъ я никогда не бывалъ, то я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и бросить недовольный взглядъ на службу тамъ отца моего. Мѣсто, которое онъ тамъ занималъ, было что-называется самое наживное: въ томъ краю, который называется денежною стороной, какъ Пенза хлѣбобою, тамъ гдѣ все гласитъ и понынѣ о прибыли, онъ ничего не пріобрѣлъ, кромѣ двухъ друзей или можетъ-быть только пріятелей, совсѣмъ не одинаковаго съ нимъ образа мыслей, но съ коими сохранилъ связи до послѣдняго конца жизни, безъ чего по мнѣнію моему онъ весьма бы могъ обойдтись. Это были секретари саратовской колоніальной конторы, а наконецъ преважные люди и сенаторы Иванъ Сергѣевичъ Ананьевскій и Петръ Ивановичъ Новосильцовъ.

Можетъ-быть въ толпѣ грубыхъ, жадныхъ чиновниковъ, ему пріятно было найдти людей болѣе совѣстливыхъ, болѣе

* Тогда егерскихъ полковъ не было, а семь или восемь батальйоновъ составляли корпусъ, котораго шефомъ былъ обыкновенно одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ. Батальйоны назывались нумерами.

умѣренныхъ и благопристойныхъ; тогда это было рѣдкостію и могло почитаться почти за честность; нынѣ это сдѣлалось весьма обыкновенно. Впрочемъ и нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подьячему открыли путь до степени государственнаго человѣка, и дали семейству его притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ и пусть мнѣ позволятъ въ семъ случаѣ послѣдовать его примѣру.

Въ Пензѣ было также два человѣка, съ коими отецъ мой имѣлъ тѣсныя, постоянныя связи. Первый изъ нихъ, Ефимъ Петровичъ Чемесовъ, былъ послѣднимъ пензенскимъ воеводою и въ душѣ былъ старинный дворянинъ. Онъ отличался честностью, прямодушіемъ, веселонравіемъ, незлобіемъ и необычайнымъ здравымъ смысломъ; но по формамъ своимъ, по выраженіямъ, по пріемамъ, по самому произношенію словъ казался даже и тогда запоздалымъ, казался выходцемъ изъ временъ допетровскихъ. Другой, Богданъ Ильичъ Огаревъ, былъ человѣкъ съ умомъ пріятнымъ и основательнымъ, твердыми и благородными правилами и, въ тогдашнее время, съ большими свѣдѣніями по части агрономической: сими одними средствами умѣлъ онъ умножить и безъ того уже довольно хорошее состояніе *.

Предъ отъѣздомъ изъ Пензы, родители мои имѣли прискорбіе лишиться той, которая для обоихъ была нѣжнѣйшею матерью. Время было тогда для Россіи самое несчастное; на востокѣ свирѣпствовалъ Пугачевскій бунтъ и близился къ Пензѣ, на югѣ чума и война съ Турками. Бѣдная мать моя должна была оторваться отъ теплаго гнѣзда своего, отъ всѣхъ привычекъ, отъ наслажденій первоначальной спокойной супружеской жизни. Она уже имѣла болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, но совсѣмъ не знала свѣта, ибо Пензу можно было тогда назвать тьмою; но у нея былъ вѣрный и нѣжный путеводитель.

Батальйонъ, въ который отецъ мой былъ назначенъ, находился тогда на Кубани. Счастіе ему не всегда благопріятство-

---

* Я обоихъ зналъ и помню. Первый изъ нихъ былъ мой крестный отецъ.

вало: вмѣсто того чтобы подъ знаменами Румянцова идти противъ Турокъ и въ блистательной войнѣ сдѣлать себѣ имя, или по крайней мѣрѣ съ Суворовымъ и Михельсономъ спасать отечество отъ внутреннихъ враговъ, онъ долженъ былъ въ безвѣстной, но не менѣе того въ опасной борьбѣ, сражаться съ горцами и еще болѣе съ климатомъ и всякаго рода нуждами, среди пустыннаго края, тогда еще не населеннаго Черноморскими казаками. Закавказскія области намъ еще не принадлежали, и, подстрекаемые Турками, Черкесы всѣхъ наименованій, съ большею безопасностію, съ большею дерзостію на наши войска нападали. Въ это время мать моя жила попеременно то въ Черкасскѣ на Дону, то въ Таганрогѣ, то въ крѣпости Св. Димитрія, нынѣшнемъ Ростовѣ, убѣгая ужасовъ чумы и вездѣ ею настигаемая.

Наконецъ насталъ миръ и тишина; мои родители посѣтили мирный уголокъ свой, который въ ихъ отсутствіе переставалъ быть мирнымъ, и многихъ знакомыхъ не нашли уже въ немъ; они погибли отъ Пугачева, и между прочимъ добрый пріятель отца моего, воевода Всеволожскій, который вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гуляевымъ былъ сожженъ въ томъ домѣ, въ коемъ заперся отъ злодѣевъ. Изъ Пензы поспѣшили они въ Москву, чтобы видѣть извѣстное торжество на Ходынкѣ.

Матери моей, которая Петербургъ оставила почти въ ребячествѣ, въ первый разъ міръ представился въ такомъ блескѣ. Въ ея лѣта, съ ея воображеніемъ, московскіе праздники оставили неизгладимыя, впечатлѣнія и она съ живостію умѣла ихъ передавать. Мнѣ всего памятнѣе одинъ разказъ ея о мученіи, которое она съ великимъ терпѣніемъ перенесла. За полторы сутки до какого-то славнаго бала, была она причесана рукою искуснѣйшаго тогда парикмахера, разумѣется Француза, который двое сутокъ сряду долженъ былъ работать надъ головами всѣхъ желающихъ быть по модѣ. За то что за прическа! Все тутъ было, и бастіоны, и башни, и ленты, и цвѣты, и блонды, и пудра, и помада, и все это воздымалось на аршинъ вышины надъ головою; правда и цѣна за то была неимовѣрная, кажется, пять рублей.

Между тѣмъ, егерскій корпусъ, въ которомъ служилъ мой отецъ, былъ переведенъ въ страну не менѣе враждебную чѣмъ Кавказъ, но гораздо болѣе пріятную, въ Польшу: туда отправились мои родители. Съ перваго раздѣла, русскія войска

почти не покидали Польши, хозяйничали въ ней и привыкали видѣть въ ней собственность своихъ царей. Сначала батальйонъ отца моего стоялъ въ Люблинѣ, а наконецъ въ самой Варшавѣ.

Природа гораздо сильнѣе искусства; иныхъ женщинъ она одаряетъ такими граціями, которыхъ одно послѣднее дать никакъ не въ состояніи. И потому-то посреди образованныхъ, ловкихъ Полекъ, превосходнѣйшихъ кокетокъ въ мірѣ, мать моя не чувствовала ихъ превосходства и въ глазахъ супруга ничего не теряла отъ сравненія съ ними. Напротивъ того, видя молодую Москальку, умную, пріятную, безъ притворства, безъ претензій, польскія дамы сами полюбили ее до того, что наконецъ и самой ей сдѣлались милы, и сію склонность сохранила она цѣлую жизнь.

Что̀ каса́ется до Поляковъ, то въ послѣдствіи она имѣла случай удостовѣриться въ недоброхотствѣ ихъ къ Россіи, а во время пребыванія въ Варшавѣ ничего непріязненнаго не замѣтила: изъ уваженія ли къ дамѣ, скрывали отъ нея вражду къ ея націи, или изъ страха передъ одною знаменитѣйшею русскою дамой, Екатериною Второй? Отцу моему они также показывали любовь и уваженіе, можетъ-быть потому, что онъ самъ отличался вѣжливостію формъ отъ другихъ русскихъ военныхъ начальниковъ, которые, по правдѣ сказать, мало тамъ церемонились. Въ особенности же начальникъ отца моего, генералъ-поручикъ Романіусъ, о которомъ впрочемъ онъ всегда съ большими похвалами отзывался, и пріятель его, гусарскій полковникъ Древицъ, который для Поляковъ былъ истинно несносенъ. Они не могли имѣть противъ нихъ нашей національной вражды, а это была просто жестокость, грубость, которою въ завоеванныхъ земляхъ отличались нѣмецкіе воины, со временъ Тридцатилѣтней войны.

По случаю рожденія перваго внука Екатерины, столь славнаго Александра Павловича, было во всей арміи большое производство по старшинству. Въ сіе производство попалъ и отецъ мой; онъ пожалованъ полковникомъ въ Нарвскій карабинерный полкъ, сверхъ комплекта *. Тогда полковникъ было и чинъ и мѣсто; названіе полковыхъ командировъ не было употребляемо, а полковники, не имѣющіе полковъ, были

* Карабинерные полки были тогда кавалерійскіе, на подобіе драгунскихъ.

приписываемы къ нимъ сверхъ комплекта, какъ бы за урядъ, и могли за то къ нимъ почти и не являться и жить гдѣ угодно, въ ожиданіи назначенія. И потому-то отецъ мой возвратился опять въ свое помѣстье.

Не долго однакоже могъ онъ подышать свободой и заняться хозяйствомъ; ему скоро дали Александропольскій пѣхотный полкъ, который былъ расположенъ на берегахъ Днѣпра, во вновь занятыхъ тогда степяхъ Новороссійскаго края.

Умы были тогда наполнены Греціей и Востокомъ, которые были любимою мечтой Екатерины. Только не за долго до кончины своей, разсталась она съ нею, когда она уступила мѣсто печальнымъ истинамъ съ Запада, и тогда вмѣсто того чтобы разить враговъ просвѣщенія, Екатерина должна была помышлять о борьбѣ съ ужасными его распространителями. Но сіе время еще не пришло и въ южномъ краѣ, на дорогѣ ведущей въ Константинополь, учреждались этапы и украшались звучными именами не существующихъ греческихъ городовъ.

Въ память древняго Херсона, гдѣ Св. Владиміръ воспріялъ крещеніе, одинъ изъ подданныхъ Екатерины, но могуществомъ равный сильнѣйшимъ царямъ, захотѣлъ при устьѣ Днѣпра поставить новый городъ, такъ сказать южный Петербургъ. Въ князѣ Потемкинѣ простительно желаніе быть Петромъ Великимъ, когда Россія нынѣ полна создателей и преобразователей.

Итакъ начали строить Херсонъ. Читателямъ моимъ уже извѣстна страсть моего отца къ архитектурѣ; онъ тутъ находился съ полкомъ; какое поле или, лучше сказать, какая степь представилась тогда для его дѣятельности! Неутомимо, безвозмездно началъ онъ трудиться надъ планами, и первый красивый домъ построилъ для себя; въ послѣдствіи съ убыткомъ онъ долженъ былъ продать его въ казну. Сіи занятія сблизили его, сдружили съ однимъ Негромъ, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ *, съ извѣстнымъ инженеръ-генералъ-поручикомъ Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, главнымъ производителемъ какъ крѣпостныхъ, такъ и другихъ строительныхъ работъ.

Явился самъ Потемкинъ. Быстрота исполненія его воли,

* Названіе одного романа, впрочемъ не весьма замѣчательнаго, нынѣ совсѣмъ забытаго.

никакъ его не удивила; едва ли Наполеону были люди болѣе послушны. Подобно ему, окруженный лестію и подлостями, Потемкинъ съ трудомъ могъ отличить отъ нихъ долгъ строгой подчиненности и искреннее уваженіе къ его высокимъ дарованіямъ. И потому-то отецъ мой остался въ толпѣ безчисленныхъ, мало извѣстныхъ ему поклонниковъ, былъ мало замѣченъ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ отдавать справедливость достоинствамъ, когда могъ до нихъ добраться. Въ младенчествѣ моемъ, я такъ много слышалъ о семъ гигантѣ, столь внезапно свалившемся тогда во гробъ, что мнѣ невозможно, хотя вкратцѣ, не изобразить его.

Невиданную еще дотолѣ въ вельможѣ, силу свою онъ никогда не употреблялъ во зло. Онъ былъ вовсе не мстителенъ, не злопамятенъ, а его всѣ боялись. Онъ былъ отваженъ, властолюбивъ; иногда лѣнивъ до неподвижности, а иногда дѣятеленъ до невозможности; однимъ словомъ, въ немъ видно было все, чѣмъ славится русскій народъ, и все то, чѣмъ по справедливости его упрекаютъ, а со всѣмъ тѣмъ онъ русскими не былъ любимъ. Сіе покажется загадкой, а ее можно объяснить весьма естественно. Не одна привязанность къ нему императрицы давала ему сіе могущество, но полученная имъ отъ природы нравственная сила характера и ума ему все покоряла: въ немъ страшились не того, что онъ дѣлаетъ, а того, что можетъ дѣлать. Бранныхъ, ругательныхъ словъ, кои многіе изъ начальниковъ себѣ позволяли съ подчиненными, отъ него никто не слыхивалъ, въ немъ совсѣмъ не было того, что привыкли мы называть спѣсью, но въ простомъ его обхожденіи было нѣчто особенно обидное, взоръ его, всѣ тѣлодвиженія, казалось, говорили присутствующимъ: „вы не стоите моего гнѣва.“ Его невзыскательность, снисходительность весьма очевидно проистекали отъ неистощимаго его презрѣнія къ людямъ, а чѣмъ можно болѣе оскорбить ихъ самолюбіе?

Его разсѣянно-прихотливый взглядъ въ обществахъ иногда останавливался или, лучше сказать, скользилъ на пріятномъ лицѣ моей матери; сего достаточно было, чтобы встревожить совсѣмъ не ревниваго, но благородно-самолюбиваго отца моего. Въ одинъ вечеръ, звѣздоносные шуты тѣшили свѣтлѣйшаго разговорами о женской красотѣ: одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ никогда не видалъ столь прелестной, маленькой ножки, какъ у моей матери. „Неужели, сказалъ

Потемкинъ, я не примѣтилъ? Когда-нибудь приглашу ее къ себѣ и попрошу показать мнѣ безъ чулка.“ И не прошло двухъ дней, какъ мой отецъ узналъ о семъ разговорѣ. Можно себѣ вообразить страхъ и гнѣвъ, коимъ онъ вскипѣлъ; онъ представлялъ себѣ отчаянье супруги, еслибъ ей осмѣлились сдѣлать столь обидное предложеніе. Для предупрежденія всякихъ непріятностей, онъ упросилъ ее отправиться немедленно въ деревню: ничего не подозрѣвая, она изумилась, но должна была повиноваться.

Нѣсколько времени спустя послѣ сей домашней тревоги, о коей виновникъ ея вовсе ничего не зналъ, прибылъ въ Херсонъ виртембергской принцъ Фридрихъ, для командованія дивизіей, въ которой находился мой отецъ. Это было самое умное и самое капризное созданіе въ мирѣ, столь извѣстный послѣ толстый король виртембергскій. Уваженія къ высокой его особѣ, точнаго исполненія своихъ обязанностей не достаточно было, чтобъ угодить ему; онъ требовалъ.... онъ требовалъ Богъ знаетъ чего; своенравію, странностямъ его не было предѣловъ. Съ такимъ начальникомъ трудно было ужиться отцу моему; съ перваго взгляда онъ не полюбился Монбеліарскому принцу, который всячески началъ его тѣснить, а какъ онъ былъ тиранъ въ полномъ смыслѣ сего слова и тиранъ искусный, то скоро положеніе отца моего сдѣлалось несноснымъ.

Князь Потемкинъ не очень баловалъ нѣмецкихъ принцевъ въ нашей службѣ находящихся. Глядя на нихъ не только съ той высоты, на которой стояла тогда Россія, но съ той, на которую мечталъ онъ вознести ее, они казались ему менѣе чѣмъ ничто: но родному брату супруги наслѣдника Россійскаго престола онъ долженъ былъ невольно болѣе показывать уваженія. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, онъ будто на перекоръ ему сталъ болѣе покровительствовать моему отцу. Такъ продолжалось нѣсколько времени до тѣхъ поръ, какъ взаимныя жалобы ихъ наскучили князю Потемкину, и онъ рѣшился развести ихъ. Въ разлукѣ съ женою, съ дѣтьми, посреди такихъ непріятностей, моему отцу самому желательно было отойдти съ честію.

Онъ былъ уже лѣтъ семь полковникомъ, ему доставалось въ бригадиры, а въ семъ чинѣ не многимъ оставляли полки. Потемкинъ представилъ его къ чину и вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ его отдалъ другому. Сіе не совсѣмъ было пріятно, но дѣлать

было нечего: онъ былъ по крайней мѣрѣ утѣшенъ мыслію близкаго свиданія съ семействомъ, и вскорѣ потомъ отправился въ Пензу. Возвратившись туда, онъ не долго дожидался производства; онъ получилъ бригадирской чинъ, но съ назначеніемъ къ опредѣленію въ оберъ-комендантскую или комендантскую должность. *

Не прошло года по прибытіи отца моего въ пензенскую деревню свою Симбухино, какъ я въ ней родился, среди сельской тишины. Здѣсь кончается біографія моихъ родителей и начинается моя собственная; скоро перестану я быть разсказчикомъ слышаннаго, а сдѣлалось повѣствователемъ видѣннаго мною.

Я всегда уважалъ старшинство, и потому прежде нежели буду говорить о себѣ, считаю долгомъ поименовать братьевъ и сестеръ, прежде меня увидѣвшихъ свѣтъ. Я уже сказалъ, что сестра моя Елисавета родилась въ 1774 году, послѣ нея Наталья въ 1775-мъ, потомъ братъ Александръ въ 1776-мъ, за нимъ Павелъ въ 1777-мъ и наконецъ Николай въ 1778-мъ. Изъ нихъ одинъ только Александръ жилъ не долго, другіе же всѣ достигли совершеннолѣтія, а нѣкоторые и старости. Первые пять лѣтъ мои родители всякій годъ имѣли дѣтей, потомъ моя мать начала родить рѣже, но все-таки до меня еще было три сестры, Катерина, Мавра и Анна, изъ коихъ первая умерла пяти лѣтъ, а другія двѣ въ колыбели (читатель не избѣжитъ со мною ни малѣйшей подробности, до семейства моего касающейся). Послѣ меня черезъ пять лѣтъ, родилась сестра Александра, которая и донынѣ находится въ живыхъ.

Я былъ еще на рукахъ кормилицы, когда въ жизни моихъ

---

* Чтобы генеральскому чину дать болѣе важности, то изъ полковниковъ не прямо въ него жаловали: для того надобно было въ бригадирахъ года два подождать. Нѣкоторыхъ считали неспособными къ продолженію военной службы; они оставались въ армейскихъ спискахъ и были кандидатами на губернаторскія или комендантскія мѣста: они въ семъ положеніи иногда цѣлый вѣкъ оставались. Екатерина Вторая всегда призывала къ себѣ тѣхъ, кои были представлены въ губернаторы, нѣсколько разъ разговаривала съ ними и, не прежде какъ убѣдясь въ ихъ способностяхъ, ихъ къ мѣсту опредѣляла. Заслуженные же, но менѣе способные, назначались въ оберъ-коменданты. Сіи послѣдніе, исключая главной крѣпости, имѣли цѣлый рядъ крѣпостей и гарнизоновъ въ своемъ вѣдѣніи, и сверхъ настоящей своей должности были то, что нынѣ называютъ окружные начальники внутренней стражи.

родителей произошла важная перемѣна. Вотъ какъ сіе случилось. Князь Потемкинъ наконецъ поссорился съ виртембергскимъ принцемъ и, такъ сказать, почти его прогналъ. Одинъ изъ его любимцевъ, Василій Степановичъ Поповъ, съ которымъ отецъ мой былъ хорошо знакомъ, но не имѣлъ никакихъ связей, разговорился объ немъ съ княземъ и представилъ какъ жертву своенравія принца. Потемкинъ былъ великодушенъ, какъ всѣ люди сильные и умные: онъ началъ съ того, что бригадиру, почти въ отставкѣ живущему, доставилъ генералъ-майорскій чинъ, а потомъ чрезъ г. Попова прислалъ ему письмо, адресованное на имя тогдашняго статсъ-секретаря (послѣ канцлера) Безбородки. Въ семъ письмѣ, выражаясь съ величайшимъ участіемъ о своемъ кліентѣ, онъ требовалъ повелительно, чтобъ ему дано было первое вакантное мѣсто, согласно съ его желаніемъ.

Съ симъ письмомъ оставалось только отцу моему поскакать въ Петербургъ; съ такимъ талисманомъ въ рукѣ, хлопотать ему тамъ было нечего. Безбородко объявилъ ему, что открываются двѣ вакансіи: олонецкаго губернатора и кіевскаго оберъ-коменданта; онъ предпочелъ послѣднее изъ сихъ двухъ мѣстъ, въ хорошемъ климатѣ, почетное, спокойное и законно прибыльное, ибо доходы съ тысячи душъ давались на содержаніе занимающихъ оное. Сіе мѣсто было обѣщано другому, но нельзя было идти противъ воли Потемкина.

Отцу моему было тогда отъ роду 47 лѣтъ, въ эти лѣта еще позволено бы было помышлять о почестяхъ, о дальнѣйшемъ возвышеніи; но тогда, не такъ какъ въ наше время, довольствовались малымъ и вѣрнымъ, умѣли на пути честей останавливаться. Я не смѣю роптать на отца моего за его выборъ; не могу однакоже не пожалѣть о томъ, что онъ не предпочелъ губернаторское мѣсто, хотя въ каменистой, безлюдной Олонецкой губерніи. Это былъ для него единственный случай сдѣлаться извѣстнымъ императрицѣ, а онъ долженъ былъ знать, что съ нею даромъ никто уменъ не бывалъ.

Кіевъ для меня вторая родина, и потому-то намѣренъ я посвятить ему слѣдующую главу.

VI.

Весною 1788 года, мать моя съ довольно многочисленнымъ семействомъ изъ Пензы отправилась къ отцу моему, на постоянное жительство въ Кіевъ, гдѣ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находился. Я былъ тогда еще такъ малъ, что этого даже и какъ во снѣ не помню.

Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ охладѣвшее мое сердце, изъ потухающихъ глазъ моихъ воспоминанія о немъ еще и по нынѣ способны извлекать слезы. Въ теченіи всей жизни моей, ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры. Подобно Іерусалиму, сей праотецъ градовъ южной и западной Россіи долго стенялъ подъ игомъ невѣрныхъ; какъ мусульмане у дверей гроба Господня, продаютъ христіанамъ позволеніе поклониться ему, такъ Евреи у Поляковъ держали въ немъ на откупѣ православные храмы и безъ платы молящихся въ нихъ пускали. Уже болѣе полутораста лѣтъ возвращенъ онъ былъ Россіи, а язвы, нанесенныя ему Татарами, Литвою, но болѣе всего польскимъ правительствомъ еще не исцѣлились.

Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, что вездѣ являлъ контрасты, нищету и великолѣпіе; безчисленные храмы его съ позлащенными, какъ жаръ горящими куполами, были окружены низкими, едва надъ землею замѣтными хатами; огромныя, живописныя горы служили ему подножіемъ, а позади его разстилались необозримыя, безконечныя равнины; съ одной стороны была спокойная, величественная Россія, съ другой бунтующая, истерзанная Польша *.

Въ Кіевопечерской крѣпости, гдѣ Лавра и пещеры, въ священномъ Сіонѣ древней Россіи, посреди святыни, примѣровъ благочестія и великихъ отечественныхъ воспоминаній возрасло счастливое мое младенчество. Тамъ набожная мать и сестры учили меня молиться; тамъ почтенный отецъ не столько словами, сколько примѣромъ, научалъ меня почитать добродѣтель; тамъ все ласкало, нѣжило, лелѣяло меня.

* Польская граница находилась тогда въ Васильковѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

Посреди воспоминаній того быстро протекшаго времени, подобныхъ сладчайшему сну является мнѣ одна старушка, няня моя или мама, какъ ее называли. Слово мама происходитъ отъ названія матери и потому-то оно было приличнѣе моей незабвенной Аксиньѣ Ивановнѣ. Своею грудью она вскормила мать мою и потомъ всѣхъ дѣтей ея имѣла на своихъ рукахъ и воспитывала до семилѣтняго возраста. Она была старинная, русская крѣпостная женщина, не Англичанка, не Швейцарка, но ея усердіе, ея нѣжныя объ насъ попеченія, едва не болѣе были для насъ полезны чѣмъ бы наемная привязанность этихъ иноземокъ. Теперь дѣло другое; но моя мамушка принадлежала къ такому времени, гдѣ господа немного поменѣе чадъ своихъ любили своихъ домочадцевъ, и когда въ глазахъ сихъ послѣднихъ, господская власть смягчалась и украшалась отеческою. Просвѣщеніе все это измѣнило; чѣмъ болѣе окцидентальный духъ началъ между нами распространяться, тѣмъ болѣе рабъ и скотъ, плантація и деревня начали имѣть въ глазахъ нашихъ одинаковое значеніе. Трудно было бы Простакову съ Еремеевной найдти до Петра Великаго и нѣсколько времени послѣ него, и хотя утверждаютъ, что комедія *Недоросль* есть картина нашего варварства—неправда: она изображаетъ только полупросвѣщеніе Русскихъ.

Но возвратимся къ Аксиньѣ Ивановнѣ: она выросла въ домѣ предковъ моихъ по матери, коихъ просвѣщеніе тогдашняго времени видно не коснулось, и она всегда съ любовію и слезами объ нихъ вспоминала. Все что преданность имѣетъ благороднаго, являла въ себѣ сія старуха; почтительно и смѣло говорила она съ моими родителями, нѣжно и строго обходилась со мною. Слово: барское дитя, много для нея значило, но оно все-таки было дитя, и она съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла журить и унимать меня. Сохраненію моего здоровья жертвовала она безпрестанно собственнымъ; сего мало, ей обязанъ я и первымъ нравственнымъ воспитаніемъ. Дѣтскимъ языкомъ, приноровленнымъ къ моимъ понятіямъ, говорила она мнѣ о Богѣ, объ обязанностяхъ къ нему человѣка, о любви къ родителямъ, о любви къ ближнему; даръ Божій была для меня женщина сія.

Была еще другая, о которой съ равнымъ почти удовольствіемъ вспоминаю, жена гарнизоннаго прапорщика, Василиса Тихоновна; фамильнаго имени ея не запомню, потому

что у насъ въ домѣ мало объ немъ заботились. Она была природная, чрезвычайно бѣдная новгородская дворянка, обытая съ рукъ, вытолкнутая замужъ за проходящаго съ полкомъ столь же бѣднаго офицера. Умная и пріятная женщина, воспитаніе ея было не завидное до того, что она не умѣла грамотѣ; со всѣмъ тѣмъ, ей, дворянкѣ, не могло быть весело водиться съ другими гарнизонными офицершами, совсѣмъ не образованными солдатскими дочерьми, а въ тогдашнее время, я думаю еще и въ нынѣшнее, трудно было пропорціцѣ попасть въ общество къ генеральшѣ. Она однакоже нашла туда дорогу, не искавши ея.

Она повадилась ходить къ Аксиньѣ Ивановнѣ, также умной женщинѣ, хотя и не дворянкѣ; гости ея, разумѣется, не могли быть посѣтителями моей матери, но я пристрастился къ Василисѣ Тихоновнѣ. Она была дородная, свѣжая женщина, лѣтъ сорока; каждая черта ея румяно-смуглаго лица выражала веселость, умъ и доброту, свойства, которыя уже въ малолѣтствѣ имѣли для меня притягательную силу. Но всего привлекательнѣе была для меня ея память и просвѣщенная страсть къ повѣстямъ; мужа и кого умѣла найдти пограмотнѣе заставляла она по цѣлымъ вечерамъ читать себѣ романы; *Бову Королевича*, *Петра золотыхъ ключей* она терпѣть не могла, вообще сказокъ не любила, но плѣнялась *Тысячью и одною ночью*, прислушиваясь со вниманіемъ; всѣ ихъ знала наизусть и мнѣ потомъ разсказывала; однимъ словомъ была моя Шехеразада. Бывало только и рѣчей у меня что объ ней, когда приведутъ меня къ матери, ей стало любопытно узнать плѣнившую меня красоту, она сама полюбила ее, и сія женщина сдѣлалась наконецъ у насъ домашнею.

Кругъ знакомства моей мамушки былъ довольно отборный; у нея еще было два пріятеля, которые посѣщали ее и слѣдственно и меня. Первый, отецъ Степанъ, духовникъ нашего семейства и священникъ комендантской воскресенской церкви и кіевскихъ гарнизонныхъ батальйоновъ; другой, Евстафій Яковлевичъ Яковскій, штабъ-лѣкарь тѣхъ же батальйоновъ, и нашъ домашній тѣлесный врачъ, какъ тотъ былъ духовный. Не могу судить о искусствѣ послѣдняго, ибо, сколько припомню, у насъ въ домѣ всѣ и всегда были здоровы, но помню, что онъ былъ весьма пріятный человѣкъ, небольшаго роста, съ живымъ веселымъ взглядомъ, постоянною улыбкой на устахъ и маленькою лысиной на головѣ, которая не только

не безобразила его, но въ цѣломъ еще умножала оригинальную его пріятность. Онъ былъ kiевскій бурсакъ, то-есть учился въ духовной академіи; малороссійскимъ нарѣчіемъ онъ съ жаромъ разkазывалъ происшествія своей Украйны. Отецъ Степанъ разkазывалъ мнѣ про Адама, про Еву, про грѣхопаденіе, Ноевъ kовчегъ и прочее; мамушka про русскую старину; Василиса Тихоновна сkазывала сkазkи. Я весь былъ слухъ, весь вниманіе, и издали приготовлялся быть самъ разkащикомъ.

Во дни оны, Kіевъ былъ проѣзжій, пограничный городъ и почти столица Малороссіи; kругомъ его были расположены войска; въ немъ стеkались и воинскія чиновныя лица и уkраинскіе помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и великороссійскіе набожные дворяне съ семействами для поkлоненія святымъ мощамъ, и наkонецъ, просто путешественниkи, kоторые для развлеченія посѣщали тогда южную Россію, kаkъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе kрая. Сосѣдство съ Польшей, оборонительныя мѣры давали много заботъ отцу моему и должность kіевсkаго kоменданта была тогда совсѣмъ не синеkурой, kаkъ она послѣ сдѣлалась. Къ тому же съ европейсkимъ вkусомъ и нѣмецkою бережливостію онъ соединялъ русское хлѣбосольство и былъ, kаkъ тогда называлось, мастеръ жить. Мѣсто имъ занимаемое давало ему средства быть гостепріимнымъ, и онъ всѣхъ порядочныхъ людей радушно угощалъ. Съ утра до вечера нашъ домъ былъ наполненъ гостями.

Ему оставалось тогда мало времени думать о моемъ болѣе растительномъ воспитаніи. У матери моей было также много занятій; повинуясь волѣ отца моего, она бо́льшую часть дня должна была посвящать принятію гостей, а утро занималась хозяйственными дѣлами и воспитаніемъ дочерей, kоторыя подрастали и близились kъ возрасту невѣстъ. Опытъ поkазалъ ей, что можно положиться на Аkсинью Ивановну и она ограничивалась со мною ласkами, поцѣлуями, предоставляя маленьkія строгости kормилицѣ своей.

Меня довольно часто водили въ гостиную; тамъ видѣлъ я и лэпты, и звѣзды, и много чопорныхъ разряженныхъ барынь. Въ угожденіе ли матери моей или дѣйствительно я былъ таkъ миловиденъ, всѣ въ запуски меня хвалили; все мнѣ позволялось: kататься kубаремъ, лазить по kресламъ, любой вѣшаться на шею; kажется, житье бы мнѣ тамъ, а меня все тянуло домой. Kаkой-то инстинkтъ давалъ мнѣ

понимать, что въ одномъ мѣстѣ мною забавляются и въ другомъ меня забавляютъ и съ первымъ развитіемъ мыслей уже раждалось во мнѣ самолюбіе. Такимъ образомъ всегда предпочиталъ я свое мѣщанское общество чиновной кіевской аристократіи и свою дѣтскую гостиной моей матери. Чего у меня не было въ дѣтской? И Аксинья Ивановна, и Василиса Тихоновна. Прибавить ли еще моську Азорку, первую и посѣдаю собаку, которую я любилъ!

Увы, куда я забрелъ съ своими воспоминаніями! Я чувствую, что въ разказѣ моемъ нѣтъ ничего занимательнаго, но какой жестокій читатель не проститъ мнѣ продолжительнаго взгляда, который можетъ-быть въ послѣдній разъ я бросаю на столь же отдаленную, какъ и памятную эпоху моей жизни. Сквозь тьму временъ все еще блеститъ оно мнѣ, сіе время непорочности моей и совершеннаго благополучія.

Золотой вѣкъ мой, сіе блаженное время не долго продолжалось: тогда воспитаніе рано начиналось, рано и оканчивалось; едва исполнилось мнѣ семь лѣтъ какъ мнѣ наняли учителя. При братьяхъ моихъ находился одинъ, какъ говорятъ, весьма ученый г. Гагеръ; я долженъ былъ наслѣдовать имъ въ его попечевіяхъ, но онъ пожелалъ возвратиться въ Германію, свое отечество; ихъ отправили въ Петербургъ, въ пансіонъ, сколько припомню, г. Девеля, а ко мнѣ взяли другаго Нѣмца, Христіана Ивановича Мута.

Уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала тогда революція; первые ея взрывы уже сбросили митурную поверхность блестящихъ аристократическихъ обществъ, а вскорѣ потомъ и съ нѣдръ Франціи цѣлые потоки невѣжественнаго дворянства полились на сосѣднія страны, Англію, Германію, Италію. Бѣжать сдѣлалось славою высшихъ французскихъ сословій, и какъ господа сіи умѣютъ все облекать пышными фразами и щеголеватыми формами, то побѣгъ назвался эмиграціей. Остались во Франціи нѣсколько знаменитыхъ, великодушныхъ жертвъ и святый мученикъ, бывшій король. Его вѣрные подданные издали, внѣ опасностей, старались защищать его воплями и интригами. Со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, на унесенныя съ собою деньги и драгоцѣнности жили они весело и роскошно, ожидая нетерпѣливо минуты возвращенія и мести. Она не пришла, они все прожили, все издержали; надобно было подумать, какъ и чѣмъ промышлять. Отъ познаній эмигрантовъ нѣмецкая и англійская ученость не могла

ла ожидать великой пользы, французская литература въ сихъ земляхъ мало уважалась, въ Италіи науки были дѣло постороннее, но по художественной части, тамъ на Французовъ смотрѣли съ презрѣніемъ, и Гужоны, Жирардоны, Пуссены и Ле-Сюёры едва ли тамъ почитались ваятелями и живописцами. Какъ быть? Французъ думаетъ не долго, а иногда и ничего не думаетъ; прежнія свои склонности, служившія имъ забавою, они поспѣшили обратить въ пользу. Франція есть царство и отчизна моды, посредствомъ скипетра ея съ гремушками, она владычествуетъ надъ просвѣщенною Европой; въ поваренномъ искусствѣ, французская школа не въ шутку имѣетъ превосходство предъ всѣми другими; во Франціи всякій родится комедіантомъ, тамъ все поддѣльное, все театральное, все нарумяненное, налакированное, и слава Богу, ибо природа людей ужасаетъ тамъ наготой. Сынамъ сей благословенной страны можно было въ другихъ земляхъ не умирать съ голоду; многіе изъ нихъ пошли въ актеры и составили труппы въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и другихъ мѣстахъ; для иначе бывшаго артиллериста кухонный огонь замѣнилъ боевый, и на столы гастрономовъ, онъ началъ пускать bombes á la Sardanapale; познакомились тогда нѣмецкія уста съ бешамелемъ, майонезами, но — хвала имъ! — все не отставая отъ родимаго бирсупа и жареная митъ пфлаумекъ увдъ розинекъ; иной щеголь началъ шить дамскія платья или башмаки, а иной причесывать букли и сочинять шиньоны; однимъ словомъ, кто во что горазд.

Но потребность забавъ была не въ соразмѣрности съ числомъ забавниковъ, безпрестанно умножающимся. Нѣмцы мастера избавляться отъ докучливыхъ и вредныхъ гостей; какъ нѣкогда Жидовъ, въ царствованіе Казимира Великаго, уступили они Польшѣ, такъ Французамъ указали на Россію, страну сѣверную, гдѣ дикая природа людей ожидаетъ искусныхъ рукъ воздѣлывателей. Почуя русскій хлѣбъ, голодные искусники, какъ съ цѣпи сорвались, большими стаями ринулись на бѣдную Русь и начали ее просвѣщать по своему. Отецъ мой былъ до нихъ не большой охотникъ, а впрочемъ когда началось мое ученіе, то и взять ихъ было негдѣ, ибо они въ небольшомъ еще числѣ начали только появляться въ столицахъ. И такъ, по счастію моему, мнѣ на участь досталася Нѣмецъ.

Я распространился о такомъ предметѣ, который повидимому

не имѣетъ никакого отношенія къ моему воспитанію, но какъ въ послѣдствіи французская образованность имѣла большое вліяніе на судьбу мою, то я счелъ приличнымъ здѣсь означить начало зла, въ моихъ глазахъ по всей Россіи распространеннаго.

Трудно вообразить себѣ мое отчаяніе, когда изъ нѣжныхъ рукъ моей мамушки упалъ я въ холодныя лапы германскаго педагога! Я помню только одно, первую ночь, которую провелъ я въ одной съ нимъ въ комнатѣ, а уже не въ дѣтской; я не могъ заснуть и всю ночь сію горько проплакалъ. Видъ его не суровый и не нѣжный, обхожденіе его не строгое, но и не ласковое изумляли и мертвили меня пріученнаго къ демонстраціямъ. Въ глазахъ моихъ въ немъ все напоминало отца моего, но между мною и имъ были всегда нѣжные посредники, мать и сестры, тогда какъ съ учителемъ долженъ былъ я находиться въ безпрерывныхъ, самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

Сказать ли истину, я только поздно узналъ всю цѣну почтеннаго моего родителя. У него были особенныя понятія насчетъ важности отеческихъ обязанностей; онѣ казались ему какимъ-то священнодѣйствіемъ, и малѣйшая фамиліярность, особенно съ сыновьями, по мнѣнію его, унижала его въ глазахъ ихъ. Равномѣрно воздерживался онъ съ ними и отъ изъявленій гнѣва; нравоученія дѣлалъ рѣдко, и они имѣли всю краткость оракуловъ, онъ произносилъ ихъ тихо и внятно, но потомъ не дозволялъ ни возраженій, ни даже вопросовъ. Никогда рука его не ласкала моего ребячества, никогда не подымалась на меня для наказанія, и потому-то въ чувствѣ, которое поселилъ онъ во мнѣ, была не любовь, а нѣчто богобоязненное. Можетъ-быть все это весьма нужно съ другими дѣтьми, но у меня оно отняло много счастія, и мнѣ кажется, что и самого Бога, Отца вселенной, надобно представлять дѣтямъ его не столько грознымъ судіей, какъ пучиной благости.

Въ послѣдствіи, когда я уже началъ подростать, были нѣкоторые случаи, въ которые, можно сказать, вся страсть его ко мнѣ, долго удержанная, вдругъ, какъ будто противъ воли его, съ небычайною силой обнаруживалась; я не смѣлъ вѣрить счастію своему, тѣмъ болѣе что вскорѣ потомъ спѣшилъ онъ принять со мною свой прежній, безстрастный и холодный видъ. Родитель строгій и нѣжный! Не смѣю

упрекать священную тѣнь твою, ты всѣмъ жертвовалъ тому что почиталъ своимъ долгомъ, но еслибы ранѣе открылъ мнѣ сокровища твоего сердца, то и въ моемъ ранѣе бы увидѣлъ способность любить тебя и добродѣтель!

Съ матерью моею было дѣло совсѣмъ другое, съ нею зналъ я печали и радости, и гнѣвъ и нѣжнѣйшіе восторги, и слезы и поцѣлуи; ея владычеству отдано было первоначальное мое воспитаніе, отъ нея получалъ я всѣ первыя впечатлѣнія, и отъ того удивительно ли, что и съ сѣдыми волосами сохранилъ я раздражительность почти женскую и всю пылкость юноши? Но возвратимся къ первому учителю, отъ котораго я безпрестанно отхожу.

Онъ былъ человѣкъ умный и холодный только по наружности. Онъ прибылъ въ Россію въ царствованіе Екатерины, когда блистательнѣйшая изъ Нѣмокъ землякамъ своимъ подавала примѣръ любви и уваженія къ Россіи. Онъ жилъ сначала у переяславскаго коменданта, подполковника Фонъ-Фока, подчиненнаго и друга отца моего, и воспитывалъ старшаго сына его, столь извѣстнаго потомъ Максима Яковлевича. Когда воспитаніе сего послѣдняго кончилось, и его отправили на службу, то Фонъ-Фокъ предложилъ г. Мута для меня въ наставники. Его приняли съ радостію, ибо Адамовъ Адамычей Вральмановъ было тогда довольно въ Россіи, но люди съ нѣкоторыми дарованіями и познаніями были очень рѣдки: ему самому было довольно легко перейдти изъ комендантскаго дома въ оберъ-комендантскій, онъ видѣлъ въ этомъ какое-то повышеніе. Вспомнимъ, что онъ былъ Нѣмецъ, и что мѣста и чины уважались тогда не по нынѣшнему.

Сей человѣкъ не только не позволялъ себѣ говорить съ презрѣніемъ о нашихъ обычаяхъ, сколь бы они странны ни казались, но даже они освящались въ глазахъ его древностію. Впрочемъ сіе происходило, можетъ-быть, не столько отъ уваженія къ Русскимъ, сколько отъ природной доброты, душевнаго расположенія видѣть во всемъ хорошую сторону. Онъ былъ лютеранинъ, а всегда отзывался съ похвалами о папѣ, о великолѣпіяхъ духовнаго Рима: остроуміе Французовъ плѣняло его, равно какъ и основательность и разчетливость Англичанъ. Въ добротѣ и злости, въ умѣ и въ глупости нравились ему разнообразные виды, въ коихъ является природа. Странный человѣкъ: онъ готовъ былъ также хвалить

силу медвѣдя, неукротимость тигра, какъ и вѣрность собаки. Изъ сего можно бы заключить, что онъ былъ весьма не строгихъ правилъ; напротивъ, въ разнообразіи природы онъ искалъ для себя и для воспитанника своего все, что̀ ему казалось лучшимъ.

Еще до г. Мута училъ уже меня русской грамотѣ по псалтырю и часослову нашъ крѣпостной, молодой человѣкъ, Александръ Никитинъ, родъ дядьки при братьяхъ моихъ. Разумѣется, я рѣдко принимался за книгу, но метода моего русскаго учителя была прекрасная: сколь бы ни ничтожны были успѣхи мои въ чтеніи, онъ всегда дивился чудесной понятливости маленькаго барина и тѣмъ возбуждалъ меня къ новымъ чудесамъ. Совсѣмъ противное дѣлалъ г. Мутъ; часто пожималъ онъ плечами, съ состраданіемъ говоря о моей безтолковости; наказывалъ рѣдко и то за явныя ослушанія, и какъ наказывалъ! ставилъ въ уголъ, на колѣни, а иногда билъ по рукамъ линейкой.

Съ дѣтскимъ простодушіемъ человѣкъ сей соединялъ самую чистѣйшую нравственность, вся жизнь его казалась изъявленіемъ благодарности къ Творцу, за то, что Онъ въ глазахъ его такъ украсилъ міръ сей, ибо, какъ уже я выше сказалъ, на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ предметы, его пріятно удивляющіе. Я чувствовалъ, что онъ достоинъ любви, все собирался полюбить его и подъ-конецъ успѣлъ таки въ томъ. Онъ же своей стороны сколь ни казался холоденъ, но съ каждымъ днемъ болѣе прилѣплялся къ своему воспитаннику, и хотя онъ того не говорилъ, но я замѣчалъ иногда, что странности моей природы его восхищаютъ.

Онъ имѣлъ удивительную память и познанія, посредствомъ ея пріобрѣтаемыя, зналъ хорошо исторію, географію, зналъ правильно французскій языкъ, но выговаривалъ на немъ Богъ знаетъ какъ. Что̀ самъ зналъ, тому по-маленьку училъ и меня. Когда я попривыкъ къ нему и началъ понимать по-нѣмецки, то разговоры съ нимъ начали для меня становиться занимательнѣе, мало-по-малу началъ я даже заимствовать и нѣкоторыя изъ его привычекъ. Напримѣръ, онъ любилъ собирать гербовыя печати со всѣхъ пакетовъ, получаемыхъ отцомъ моимъ и кѣмъ бы то ни было, онъ ихъ потомъ наклеивалъ на большіе листы; мнѣ это понравилось, я скоро началъ то же дѣлать и могъ узнавать гербы всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи фамилій. Хотя онъ не былъ ботаникъ, но

собиралъ разные цвѣты, травы и растенія, клалъ ихъ по листамъ, однимъ словомъ составлялъ herbier, и у меня до сихъ поръ страсть къ коллекціямъ. Все что̀ касается до хронологіи достопамятнѣйшихъ происшествій въ мірѣ, до генеалогіи знаменитѣйшихъ домовъ въ Европѣ, зналъ онъ наизусть, и въ послѣдствіи по этой части могъ бы и я съ нимъ состязаться.

Нѣкоторое время жили мы съ нимъ, такъ-сказать, съ глазу на глазъ, но скоро одиночество мое прекратилось, общество мое умножилось нѣсколькими товарищами. Средства воспитанія были тогда такъ скудны, что родители у моихъ выпрашивали какъ дозволеніе дѣтямъ своимъ со мной учиться. Ихъ было трое, сыновья артиллерійскаго генералъ-майора Нилуса, гарнизоннаго майора Яхонтова и штабъ-лѣкаря Яновскаго, о которомъ уже я какъ-то говорилъ *. Между ими какъ хозяйскій сынъ, бралъ я натурально первенство; но г. Мутъ не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго предпочтенія а иногда въ молчаніи улыбался прилежнѣйшему. По утру задавалъ онъ намъ уроки, которые мы твердили и должны были сказывать ему наизусть передъ обѣдомъ, а онъ между тѣмъ читалъ про себя что-нибудь изъ исторіи и географіи, съ тѣмъ чтобы послѣ обѣда въ видѣ повѣсти намъ это перезказывать. Такимъ образомъ узналъ я исторію Іудеевъ, Ассиріанъ, Мидянъ, Персовъ и Грековъ, но до Рима едва только съ нимъ дошли. Говоря словами Пушкина, мы учились чему-нибудь и кое-какъ.

Сверхъ того, я бралъ еще другіе уроки. Софійскій каѳедральный протоіерей Сигаревичъ преподавалъ мнѣ законъ Божій, артиллерійской штыкъ-юнкеръ Скрипкинъ училъ меня

* Всѣ они были добрые ребята, простые, провинціальные, гарнизонные мальчики, какъ и я. Всѣ трое шли потомъ по военной службѣ, ни одинъ изъ нихъ не гремѣлъ именемъ въ мірѣ, но всѣ они отличались благородствомъ чувствъ, правилъ и поступковъ и были утѣшеніемъ и подпорой овдовѣвшихъ матерей. Послѣдній изъ нихъ кажется еще живъ; лѣтъ двѣнадцать тому назадъ видѣлъ я его армейскимъ подполковникомъ, Яхонтовъ убитъ въ Фридландѣ, а почтенный другъ мой Нилусъ въ генеральскомъ чинѣ, покрытый ранами и крестами, русскими и иностранными, окончилъ достославный походъ 1812—13 и 14 годовъ, бывши вездѣ примѣромъ храбрости. Прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ и женившись, онъ нашелъ успокоеніе въ окрестностяхъ Одессы, и императоръ Александръ, сохранивъ ему все содержаніе, далъ безсрочный отпускъ.

ариѳметикѣ и геометріи, наукамъ, въ коихъ, мимоходомъ сказать, я весьма мало успѣвалъ. Одинъ малороссійскій виртуозъ, котораго очень хвалили, кажется звали его Черницкій, училъ меня играть на фортепіано, и какой-то маляръ училъ рисовать. Не моя вина если въ обоихъ сихъ искусствахъ я не мастеръ: нашли что они безполезны и скоро заставили бросить, тогда какъ къ музыкѣ я всегда чувствовалъ особенную склонность. Старшіе братья, выпущенные гораздо послѣ въ кавалерійскіе полки, учили меня ѣздить верхомъ, а про такую еще рѣчь впереди.

Я обѣщалъ вначалѣ говорить о себѣ очень мало, а теперь ввожу читателя во всѣ подробности ничѣмъ не замѣчательнаго домашняго моего воспитанія. Что дѣлать! Воспоминанія изъ головы моей такъ и лѣзутъ на бумагу. Впрочемъ, Богъ знаетъ, будетъ ли меня кто-нибудь еще читать, а память можетъ ослабѣть. Если записямъ симъ не повѣрю прошедшаго, для меня столь занимательнаго, то мало-по-малу оно будетъ изглаживаться изъ памяти, и я напрасно буду искать его въ головѣ моей, тогда какъ имъ однимъ уже начинаю я жить.

Иногда, хотя весьма рѣдко, собирались у моего учителя по вечерамъ пріятели его, единоземцы: губернскій архитекторъ Гелмерсенъ, пасторъ Граль, аптекарь Бунге, плацъ-майоръ Брокгаузенъ и капельмейстеръ Диль. Но гораздо чаще посѣщалъ онъ ихъ самъ по очереди и водилъ меня съ собою въ сіи общества, степенныя, спокойно веселыя. Они были мнѣ совсѣмъ не по вкусу; вечера обыкновенно начинались разговорами о политикѣ, въ которой я тогда ничего не понималъ, замѣчанія выслушивались со вниманіемъ, отвѣты были всегда обдуманы, ибо каждому предшествовало нѣсколько минутъ молчанія, потомъ подавали всѣмъ по трубкѣ, потомъ садились играть въ ламушъ или въ лото, а все оканчивалось стаканомъ пива, нѣсколькими ломтями бутерброта и прощальнымъ дружескимъ рукожатіемъ. Конечно въ сихъ обществахъ много хвалили Германію, но никогда я не слыхалъ ругательствъ на Россію, какъ сіе случалось мнѣ послѣ иногда слышать между Нѣмцами. Мало-по-малу я было самъ сдѣлался Нѣмцемъ, говорилъ не иначе какъ по-нѣмецки, выражался, какъ Нѣмецъ, смотрѣлъ маленькимъ Нѣмцемъ, и покойный отецъ мой имѣлъ слабость этому радоваться. Слава Богу, характеръ у меня остался совершенно русскій

Не болѣе четырехъ лѣтъ пользовался я наставленіями г. Мута, все тянуло его въ Переяславль, и несмотря на возрастающую его привязанность къ нашему дому, нѣмецко-лютеранское семейство г. фонъ-Фока было ближе къ его сердцу; къ тому же онъ далъ ему слово заняться воспитаніемъ меньшихъ его сыновей, какъ скоро они начнутъ подрастать. Итакъ онъ оставилъ меня въ началѣ 1797 года, когда примѣры его и нравоученія могли мнѣ быть болѣе полезны. Я помню прощаніе его со мною, черты его сохранили обычную неподвижность, но изъ глазъ его ручьями текли слезы. Мнѣ случалось потомъ въ самой первой молодости встрѣчаться съ нимъ: лицо его не измѣнялось, а самъ онъ трепеталъ отъ радости.

Недавно узналъ я, что живъ еще сей почтенный старецъ; когда вступилъ онъ въ домъ нашъ, ему было около сорока лѣтъ, прошло тому болѣе сорока, и слѣдственно ему теперь за восемьдесятъ. Онъ долго оставался въ семействѣ г. фонъ-Фока, которое послѣ переѣхало въ Бѣлоруссію; наконецъ онъ опять поселился въ окрестностяхъ Переяславля, въ деревнѣ Еввы Яковлевны Дараганъ, старшей дочери фонъ-Фока, воспитывалъ дѣтей ея, но внукамъ посвятить трудовъ своихъ уже былъ не въ состояніи. Онъ живетъ еще тамъ и понынѣ, среди трехъ поколѣній, предъ нимъ благоговѣющихъ. Съ растроганнымъ сердцемъ читалъ я прошлаго года письмо его къ Петру Яковлевичу, младшему изъ сыновей фонъ-Фока; оно показало мнѣ, что вечеръ его столь же тихъ и ясенъ, какъ вся жизнь его была безмятежна.

Хотя въ 1797 году дѣтскій возрастъ мой еще не прошелъ, но какъ это былъ годъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ цѣлой Россіи, равно какъ и въ моей ребячьей жизни, то имъ слѣдуетъ заключить здѣсь главу сію. Въ семъ первомъ періодѣ моего существованія являлись мнѣ однакоже нѣкоторыя примѣчательныя лица, о коихъ я ни слова не упомянулъ, вопреки обѣщанію данному самому себѣ и читателю. И потому прежде всего прошу позволенія обратиться къ нимъ и въ слѣдующей главѣ исправить сдѣланное мною упущеніе.

VII.

Всего памятнѣе мнѣ одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ и коей пріѣздъ приводилъ въ движеніе, можно сказать въ волненіе, весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая, любимая племянница князя Потемкина и жена польскаго коронного гетмана. Не знаю гдѣ и какъ познакомилась она съ моею матерью, но она ее полюбила; и когда ѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой Церкви, находившійся тогда за границей, хотя только въ восьмидесяти верстахъ отъ Кіева, то проѣздомъ чрезъ сей городъ всегда у насъ останавливалась и живала по недѣлѣ и по двѣ.

Потемкина уже не было на свѣтѣ, но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, все еще какъ будто бы озарялась его славою. Умнѣйшая изъ пяти сестеръ, урожденныхъ Энгельгардтовыхъ, она была ихъ и богаче. Императрица особенно благоволила къ ней и, сверхъ того, ласкала ее какъ жену довольно сильнаго польскаго магната, преданнаго Россіи.

По всѣмъ симъ причинамъ, знаки уваженія ей оказываемые были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго времени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрять, всѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ, а она умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на то безъ удивленія, ни мало не осуждала сего, но вѣроятно чувствуя все неприличіе такого рабольпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браницкой было самое свободное, пріязненное, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было только замѣтить изъ *ты* и *вы*, которыя они другъ другу говорили.

Могущество Потемкина вызвало изъ смоленской деревни прекрасныхъ его племянницъ, гдѣ получили они обыкновенное тогдашнее провинціальное воспитаніе. Старшая изъ нихъ, Браницкая, уже неспособна была къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора. Но имѣя умъ, характеръ

бывши въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ со всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія. Выйдти замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое ея старѣе, въ такой вѣкъ, который нравственностію не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколько разъ спасала его отъ раззоренія и бережливостію своею, можетъ-быть и скупостію, удвоила огромное его состояніе.

Когда я началъ знать ее, она была ни стара, ни молода: станъ ея былъ стройный, хотя не гибкій, лицо отмѣнно пріятное, свѣжее и серіозно улыбающееся. Любимый нарядъ ея былъ подражаніе костюму императрицы: длинное, нижнее платье съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающее грудь: оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ съ одною огромною, широкою и длинною пряжкой *; а сверхъ его было другое платье коротенькое безъ рукавовъ и спереди совсѣмъ открытое, которое называлось *гречанкою*. Все это напоминало Востокъ и романическо-государственные виды на него Екатерины Второй.

Портретъ сей царицы, списанный искусною рукой Демейса съ оригинальнаго портрета извѣстнаго Ламми, висѣлъ въ гостиной нашего казеннаго дома; когда бывало кто взглянетъ на него только что не перекрестится; я же рѣшительно почиталъ его иконой. Вдругъ онъ ожилъ передо мною; я увидѣлъ посреди комнаты женщину, которая показалась мнѣ столь же величавою, точно въ такомъ же нарядѣ, также съ лентою черезъ плечо, и вокругъ ея стоящихъ съ подобострастіемъ; мудрено ли, что въ головѣ пяти или шестилѣтняго мальчика понятія о величествѣ перепутались, и онъ подданную принялъ за государыню. Я обмеръ, но скоро подозвала она меня къ себѣ и осыпала ласками; благосклонность ли ея къ матери моей, или дѣйствительно я такъ ей понравился, я съ той минуты сдѣлался маленькимъ любимцемъ. Къ сожалѣнію, тщеславіе не чуждо иногда бываетъ и дѣтямъ; я пристрастился къ ней и бывало плакалъ когда

* Эти пряжки были тогда въ модѣ у всѣхъ дамъ; ихъ называли *пафталями*, онѣ были самой искусной азіятской работы съ цѣпями, серебряныя, позолоченныя или золотыя, смотря по состоянію, съ бирюзой или съ дорогими камельями, также смотря по состоянію.

меня къ ней не пускали. Лѣтъ пятнадцать тому видѣлъ я ее въ послѣдній разъ и уже смотрѣлъ на нее не тѣми глазами. Она не роза, но жила близъ нея, и отпечатокъ величія Екатерины долго еще блисталъ на ней; она еще жива, но въ глубокой старости осталась теперь какъ полуразрушенный ея памятникъ.

Мнѣ разказывали про меня самого одинъ анекдотъ, который по мнѣнію моему заслуживаетъ найдти мѣсто въ сихъ запискахъ; онъ покажетъ духъ того времени, которымъ были проникнуты даже мозги малыхъ ребятъ. Прежде еще описаннаго мною появленія графини Брацкой, пріѣзжала она уже въ Кіевъ въ такое время, котораго я не запомню, ибо имѣлъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду. Съ нею былъ старшій сынъ ея, Владиславъ, нынѣшній сенаторъ; мнѣ давали играть съ нимъ, хотя онъ былъ года два или три меня постарѣе. Мы смотрѣли разъ въ окошко на плацъ Кіевской крѣпости и на гауптвахту, гдѣ стояли въ караулѣ какіе-то новонабранные малороссійскіе пѣшіе казаки стрѣлки, которые были раздѣлены не на полки, а на когорты, и поэтому называли ихъ когортами; ихъ не успѣли еще обмундировать, и они были въ сѣрыхъ кафтанахъ, какъ ратники 812 года. Ясновельможный панокъ расхохотался, и оборотясь ко мнѣ сказалъ: „вотъ какія жолнеры (воины) у васъ Москалей“; я ли или что-то во мнѣ вступилось за честь Русскихъ, и на замѣчаніе его какъ смѣю такъ говорить съ польскимъ графомъ (будто есть настоящіе польскіе графы), отвѣчалъ, что всякій Русскій важнѣе всякаго Поляка. За это, говорятъ, получилъ я пощечину, на которую отвѣчалъ таковою же, и пошла у насъ сильная драка, и насъ розняли, и молодаго графа леговько побранили, а меня чуть ли не наказали. Я бы не осмѣлился похвастаться рановременнымъ патріотизмомъ своимъ и можетъ-быть самъ ему бы не повѣрилъ, еслибы нѣсколько разъ не слышалъ какъ про него разказывали, будто бы со смѣхомъ, однакоже съ видомъ самодовольствія.

Первые годы пребыванія нашего въ Кіевѣ, кажется, ни Французовъ, ни Поляковъ, тамъ совсѣмъ почти не было, а Жидовъ очень мало. Послѣднихъ я нѣсколько времени принималъ за первыхъ и вотъ почему: едва началъ я ходить и говорить, какъ зналъ уже что Спаситель рода человѣческаго былъ Жидами поруганъ, мученъ и умерщвленъ; еще понятія мои не имѣли настоящей ясности, какъ изо всѣхъ устъ услы-

малъ я проклятія противъ одного народа, безжалостно пролившаго невинную кровь Царя своего, кроткаго, мягкосердаго и который за злобу сего народа платилъ ему отеческою любовію. Все это перепуталось въ головѣ моей и я долго представлялъ себѣ Французовъ весьма нечистыми (въ чемъ и не много ошибся), въ длинныхъ, черныхъ платьяхъ съ бородами, ермолками и фесиками.

Вдругъ одна французская чета поселилась въ Кіевѣ, въ самой крѣпости, въ нашемъ сосѣдствѣ. У насъ въ Россіи въ старину истинная наука мало уважалась, все гонялось за блескомъ, всѣ молодые дворяне лѣзли въ гвардію, изъ нея выпускались въ армейскіе полки не менѣе какъ капитанами, а на артиллерію, на генеральный штабъ, особенно на инженерный корпусъ смотрѣли съ пренебреженіемъ: сіи части необходимыя для войска, за исключеніемъ малаго числа благомыслящихъ дворянъ, наполнялись обыкновенно или людьми низкаго происхожденія, съ похвальными, природными склонностями къ познаніямъ, или чужестранцами, изъ коихъ какъ извѣстно, было въ то время на половину бродягъ *. Не знаю какъ и когда нѣкто г. Шардонъ или де-Шардонъ, какъ онъ требовалъ чтобы къ нему надписывали, вступилъ въ нашу службу инженеромъ: онъ давно уже въ ней находился и все еще ни слова почти не зналъ по-русски, когда въ генеральскомъ чинѣ назначили его инженернымъ командиромъ въ Кіевъ. Никто не хотѣлъ взять труда доискиваться откуда онъ родомъ и происхожденіемъ; Французъ да и только, этого было довольно. Дородная его супруга поспѣшила сдѣлать визиты дамамъ и, разумѣется, первую почтила своимъ посѣщеніемъ сосѣдку свою, мать мою. Меня не знаю почему, всегда водили на показъ пріѣзжимъ гостямъ: мнѣ сказали, что я увижу Француженку и повели въ гостиную; съ потупленными взорами, съ ужасомъ и ненавистью подступилъ я къ ней; наконецъ поднялъ глаза, взглянулъ на нее, и весь страхъ мой исчезъ. Я расхохотался, и какъ ни старались унять меня, это было дѣло невозможное, пока меня опять не увели.

Представьте себѣ, любезный читатель, старую, полную, румянами крѣпко натертую, смѣющуюся рожу, и посреди ея длинный ястребиный носъ съ двумя широкими отверстіями, источниками двухъ табачныхъ ручьевъ; усы, по коимъ они протекаютъ, потомъ зобъ, тройной подбородокъ и подъ нимъ

* Нынѣ мы стали умнѣе и просвѣщеннѣе, и едва ли есть десятая доля.

старую, наморщенную, бронзоваго цвѣта шею и такую же полуоткрытую грудь, украшенную алмазами Тульской работы и осыпанную табакомъ. Все это на огромномъ туловищѣ, въ странномъ, пестромъ нарядѣ, въ платьѣ яркаго цвѣта, разъ тридцать перекроеннаго и перешитаго по послѣдней модѣ. Прибавьте къ этому вокругъ ея атмосферу, которою обыкновенно дышатъ только по близости сельдяныхъ буяновъ. Вы человѣкъ благоразумный, умѣете владѣть собою, и при видѣ ея, вѣроятно, даже не улыбнулись бы, но не требуйте того отъ ребенка, которому красоты сіи случилось столь внезапно созерцать.

Эта Француженка была баба умная, веселая, страстная охотница до свѣтскихъ забавъ, весьма искательная и совсѣмъ не взыскательная, большая мастерица играть въ бостонъ и неутомимая въ семъ упражненіи; не знаю какъ-то, наконецъ, мы всѣ къ ней привыкались. Къ намъ ѣздить повадилась она очень часто; всякій вечеръ находила у насъ гостей, находила партію и увѣряла, что никого въ свѣтѣ такъ не любитъ, какъ моихъ родителей. Она опрокидывала всѣ понятія, которыя тогда имѣли о важности генеральскаго чина: не было возможности съ ней церемониться; у насъ въ домѣ до того дошли, что только лишь ея хватятся, то, смотря по погодѣ, бывало повелительнымъ тономъ скажутъ: послать карету или человѣка за *Шердоншей*. Такъ называли ее по-заочности, но въ глаза поступали съ ней почтительнѣе; у нее спросили: какъ звали батюшку? потомъ изъ семи или восьми именъ, данныхъ ей при крещеніи, выбрали легчайшее для произношенія, и изъ всего этого составили Марью Леонтьевну.

Она меня также удостоивала своего вниманія, отцу моему давала совѣты касательно моего воспитанія, и мнѣ самому дѣлала наставленія. Въ чемъ же они состояли? держать себя какъ можно прямѣе, стараться лучше выговаривать по-французски (а на этомъ языкѣ говорилъ я тогда хуже чѣмъ она по-русски), наконецъ, стараться быть какъ можно любезнѣе съ маленькими дѣвочками и тѣмъ приготовлять себя къ будущимъ успѣхамъ съ большими. Любопытнымъ, внимательнымъ окомъ смотрѣлъ я часто на сіе странное существо; мнѣ все хотѣлось вникнуть въ причины мефитизма, ею распространяемаго; ихъ объяснилъ мнѣ съ самымъ важнымъ, съ самымъ ученымъ видомъ учитель мой, г. Мутъ, отъ котораго желаній

своихъ я скрыть не умѣлъ. „Тучность тѣла, сказалъ онъ мнѣ, располагаетъ ее къ частой транспираціи, а по дурной привычкѣ или по лѣности, она рѣдко мѣняетъ бѣлье; она полагаетъ, что свѣжесть лицу даютъ румяны, а не вода, и употребленіе сего элемента, кажется, ей вовсе не знакомо; наконецъ, любимая пища ея, сколько я могъ замѣтить, голландскій сыръ, треска, чеснокъ и фезандированная, то-есть, полусгнившая дичина.“ Симъ объясненіемъ совершенно удовлетворилось мое любопытство.

Нѣкоторые изъ замѣчаній моихъ насчетъ г-жи де-Шардонъ въ послѣдствіи времени оказались весьма основательными. Въ одной изъ комнатъ занимаемаго нами дома висѣло нѣсколько довольно дурно гравированныхъ эстамповъ съ картинъ Теньера и Остада; въ каждой изъ нихъ видѣлъ я по Шердонтѣ; я сказалъ объ этомъ, и тѣ, которые имѣли нѣкоторыя понятія о живописи, начали подозрѣвать, что она принадлежитъ къ фламандской школѣ. Когда эмиграція до того размножилась, что нѣкоторые эмигранты начали даже появляться въ Кіевѣ, то между ними были какіе-то проѣзжіе старики, которые ни мужа, ни жену за соотечественниковъ признать не хотѣли, утверждая, что они бельгійскіе уроженцы, и тайкомъ увѣряли, будто когда-то видѣли ихъ въ Антверпенѣ или въ Монсѣ, увеселяющими публику пляскою на канатѣ: по ультра-дородному сложенію г-жи де-Шардонъ трудно было этому повѣрить.

Скорѣе можно было найдти что-то плясовое въ походкѣ и тѣлодвиженіяхъ супруга ея; онъ былъ длинный и сухой старикъ, на длинныхъ и сухихъ ногахъ, которыми ежедневно мѣрилъ онъ верстъ до пятнадцати, обходя каждый день верхнюю, среднюю и нижнюю части Кіева. Какимъ образомъ онъ сдѣлался инженеромъ, это бы знать весьма любопытно; въ Россію вѣдь не прямо же онъ сорвался съ каната? Если догадки мои справедливы, то прежде того былъ онъ работникомъ у какого-нибудь оптическаго мастера, ибо черствыя его руки и пальцы носили на себѣ слѣды ремесленныхъ трудовъ, и онъ вѣчно занимался дѣланіемъ барометровъ и термометровъ и, разумѣется за деньги, снабжалъ ими весь Кіевъ. Сверхъ того, онъ былъ великій штукарь и эскамотеръ; сіе искусство было тогда еще въ дѣтствѣ, мы видѣли въ немъ почти колдуна. Мнѣ приходитъ иногда на мысль, что эти господа Французы, прежде отправленія въ Россію, вѣ-

роляхъ, совѣтуются между собою, а можетъ быть и мечутъ жребій кому за кого себя выдавать. Инженерная часть выпала на долю мусью Шардону, а для сей роли онъ уже былъ приготовленъ и прежними своими занятіями.

Существованіе его въ Россіи было, впрочемъ, не блестящее: они съ женой были очень бѣдны, и нынѣшніе инженеры по всѣмъ наименованіямъ должны тому дивиться. Приписать ли сіе безкорыстію его или недостатку въ доходныхъ занятіяхъ? Его все переводили изъ старой крѣпости въ старую крѣпость; строеніемъ же новыхъ въ царствованіе Екатерины занимались Сухтелены, де-Витты, де-Воланы, столь же благородные, сколь и ученые и искусные люди, коими насъ одарила Голландія, единственная западная страна, постоянно Россію однимъ полезнымъ надѣляющая.

Генералъ де-Шардонъ былъ въ Кіевѣ покровителемъ одной весьма не старой, свѣжей и плотной Жидовки, которая не только умѣла плясать на канатѣ, но даже ходить по проволокѣ. Прежде, бывало, онъ самъ привозилъ къ намъ и даромъ показывалъ китайскія тѣни, но выучивъ ее тому, уступилъ ей и право свое. Сего мало, онъ составлялъ для нее маленькія піесы, пантомимы, неизвѣстныя еще Кіевлянамъ; въ нихъ увидѣли мы ее Коломбиной, а двухъ гдѣ-то набранныхъ шутовъ Арлекиномъ и Пьерро. Все это чрезвычайно умножало доходы ея и права г. Шардона на ея благодарность. Сія женщина дерзостно и безнаказанно назвала себя мадамъ Россети; слава сего имени не гремѣла еще въ мірѣ, и можетъ-быть сама Жидовка почитала его вымышленнымъ, а можетъ-быть и имѣла на него какое-нибудь право.

Еще нѣсколько словъ о Шардонѣ и Шардонтѣ: я ничего не сказалъ о томъ, были ли они по крайней мѣрѣ добрые люди. Онъ въ обществѣ бывалъ очень мало, а когда бывалъ, то мало говорилъ, ибо немногіе тогда знали по-французски; а онъ, какъ уже я выше сказалъ, не умѣлъ или не хотѣлъ выучиться по-русски: однакоже, злодѣй, столько зналъ на нашемъ языкѣ, чтобы говорить, разсердясь за бездѣлицу на деньщика и приказывая его раскладывать: „клади его на сюртукъ и давай ему сто палокъ.“ Что касается до нея, то она была женщина не злая, и гибкость ея характера, а не стана, служитъ тому двойнымъ доказательствомъ. Главный порокъ ея былъ непостоянство; душою пухъ, хотя и свинецъ тѣломъ,

она быстро мѣняла пріятелей. Дружбою ея обязаны мы были комнатамъ немного лучше чѣмъ у другихъ убраннымъ, весьма худо, но лучше чѣмъ у другихъ освѣщеннымъ; нанятому довольно искусному повару и для всѣхъ открытому столу, и большему чѣмъ у другихъ числу гостей; но, Боже сохрани, если, бывало, болѣзнь или какая-нибудь скорбь посѣтитъ домъ нашъ, тогда съ ней прощайся, тогда она нашей печали, а мы ея веселости уже видѣть не можемъ, тогда тѣло ея, вмѣстѣ съ духомъ, отъ насъ отлетитъ. Случалось иногда, что завистники подарками стараются ее переманить, и въ томъ успѣваютъ: что̀ за бѣда! если, бывало, старая шляпка отниметъ ее у насъ, то блондовая косынка, ея легкомыслію подобная, опять намъ ее возвратитъ.

Отъ изображенія въ родѣ Гогарта, долженъ я теперь перейдти къ картинѣ въ родѣ Рафаэля, и не знаю, другая сія попытка не будетъ ли еще менѣе удачна чѣмъ первая. Не помню, въ 793-мъ или въ 794-мъ году, кіевскій вице-губернаторъ Башиловъ пожалованъ былъ оберъ-прокуроромъ въ сенатъ; какъ я его совсѣмъ почти не помню, то и нечего мнѣ о немъ говорить. На его мѣсто прибылъ изъ Москвы князь Х. въ лѣтахъ еще довольно молодыхъ, служившій въ гвардіи до капитановъ и при отставкѣ получившій бригадирскій чинъ *. Въ первой молодости онъ путешествовалъ по всей Европѣ, зналъ иностранные языки, былъ славный музыкантъ, мастеръ танцовать, брался о всемъ судить, и покрытый симъ мишурнымъ блескомъ совсѣмъ было ослѣпилъ насъ, провинціаловъ. Но въ Русскихъ есть врожденная догадливость, которая въ молодости заглушается страстями, но тѣмъ сильнѣе обнаруживается въ ихъ зрѣлыхъ лѣтахъ; изумленные, увлеченные сначала щеголеватостію фэрмъ, изысканностію фразъ, они начинаютъ

* Сихъ бригадировъ называли дюжинными, потому что ежегодно ихъ выпускалось по трое изъ каждаго гвардейскаго полка, коихъ было четыре: это были обыкновенно люди добрые, честные, достаточные, но ни къ чему не способные. Князь Вяземскій ошибается, полагая, что фонъ-Визинъ комедіей своей заклеймилъ бригадирскій чинъ; его *Бригадиръ* старинный служака, а въ долголѣтнее царствованіе Екатерины отставными изъ гвардіи бригадирами наполнилась Москва, и именно безчисленность, невѣжество и ничтожество московскихъ бригадировъ составляютъ смѣшную сторону бригадирства. Скорѣе Дмитріевъ убилъ сей чинъ, да еще и положилъ надъ нимъ эпитафію.

потомъ требовать болѣе совершенства, истинныхъ достоинствъ. Когда первое удивленіе прошло, наши Кіевляне увидѣли въ рѣчахъ князя Х. пустословіе, въ дѣлахъ по службѣ совершенное его невѣжество, въ поступкахъ непростительную вѣтреность и тщеславіе. Онъ не являлся даже тогдашнимъ Европейцемъ; въ тонѣ, въ манерахъ его, можно сказать, видна была смѣсь французскаго не съ нижегородскимъ, а съ московскимъ. Совсѣмъ противное случилось съ прибывшею съ нимъ супругою его.

Скромная, тихая, малорѣчивая, просто одѣтая, она съ перваго взгляда много теряла въ сравненіи съ мужемъ, котораго, сверхъ того, года два была и постарѣе. Но скоро обнаружились любезность ея ума, и кротость нрава, и святость ея дѣяній. Она была урожденная Нарышкина и родная племянница фельдмаршала князя Репнина, но въ ней не было замѣтно ни тѣни нынѣшней аристократической гордости, ни слѣдовъ тогдашней барской спѣси. Не будучи красавицей, она имѣла правильныя черты и самую пріятную наружность; на лицѣ ея, необыкновенной бѣлизны и прозрачности, часто проступалъ яркій румянецъ, предвѣстникъ смерти, а улыбка печальнаго ангела придавала лицу сему трогательную прелесть. Она страдала тѣлесными и душевными недугами, но никому о томъ ни слова не поминала, всякій день принимала у себя или бывала въ обществѣ съ видомъ не веселымъ, но ласковымъ, ко всѣмъ привѣтливымъ, никогда себѣ злословія не позволяла; втайнѣ молилась и творила добро, отказывая себѣ иногда въ самонужнѣйшемъ. Dulde, lächle und stirb; терпи, улыбайся и умирай; такъ въ трехъ словахъ одинъ нѣмецкій писатель изобразилъ судьбу добродѣтельной женщины, какъ будто имѣя въ виду княгиню Х.

Домъ вице-губернаторскій находился также въ крѣпости и рядомъ съ нашимъ. Не одно сосѣдство, но взаимная любовь и уваженіе сблизили моихъ родителей съ сею княгинею, и дружба съ нею была совсѣмъ иного рода чѣмъ съ тою де-Шардонъ. Отецъ мой, столь же мало расточительный на похвалы, какъ и скупой на порицанія, сознавался однакоже, что въ жизни ничего совершеннѣе не встрѣчалъ. Мать моя, будучи нѣсколько лѣтъ ея постарѣе, была ей послушна, какъ ребенокъ. Пользуясь симъ и чувствуя всю цѣну добрѣйшаго изъ сердецъ, княгиня Х. съ нѣжностію сестры позволяла себѣ указывать ей на нѣкоторые, впрочемъ, весьма

простительныe ея недостатки: молила ее воздерживаться отъ нѣкоторой вспыльчивости, любить мужа безъ ревности, дѣтей безъ баловства и, если возможно, еще болѣе облегчать участь и безъ того уже не тягостную, домашней крѣпостной прислуги; однимъ словомъ, она сдѣлалась ея второю совѣстію. Жаль только, что сама никогда не хотѣла открыть ей тайныхъ мукъ своего сердца, рѣшившись видно повѣрить ихъ единому Богу.

Давно уже свѣтъ, если не одобряетъ, то, по крайней мѣрѣ, извиняетъ невѣрность мужей. Но когда невѣрность сія выказывается съ величайшимъ безстыдствомъ, съ забвеніемъ всякой благопристойности, какъ бы съ нѣкоторымъ хвастовствомъ, когда предметъ ея достоинъ презрѣнія, то она дѣлается отвратительною даже въ глазахъ безнравственныхъ людей. Князь Х. любилъ крѣпостную свою дѣвку, стройную, ловкую, но лицомъ столь же непріятную какъ, говорили, и нравомъ. Рядомъ съ спальною своей жены, далъ онъ ей комнату, убранную со всевозможною, по состоянію его, роскошью: сія несчастная, всегда разряженная какъ кукла, всѣмъ повелѣвала въ домѣ, всѣ трепетали передъ ней; но въ свою очередь, какъ бы повинуясь невольному чувству, нечистое созданіе нѣмѣло, смущалось, когда встрѣчало тихіе взоры своей жертвы. Всѣ эти гадости были баснею цѣлаго города; онѣ принадлежали бы къ разряду обыкновенныхъ, даже самыхъ низкихъ сплетней, еслибы не отравили жизнь посвященную добродѣтели.

Для вѣрной супруги, что̀ можетъ быть горестнѣе, унизительнѣе сего положенія? Исполняя долгъ христіанки, она покорялась волѣ мужа и несла безъ ропота тяжелый крестъ сей. Но для бѣдной княгини были еще другіе источники скорби: получивъ въ приданое весьма хорошее состояніе, она принесла его въ жертву прихотямъ своего мужа; имѣніе сіе было совсѣмъ разстроено, все въ долгахъ. Въ то же время умножилась болѣзнь, таящаяся въ груди ея, силы изнемогали, и нѣжно любя трехъ малютокъ, дочерей своихъ, она уже видѣла грозящія имъ нищету и сиротство.

У трехъ дѣвочекъ сихъ, были совсѣмъ различные характеры и наружность. Старшая изъ нихъ, Наталія, была умна и только этимъ не походила на отца своего; маленькая спѣсь, насмѣшливость, едва замѣтное кокетство, съ лицомъ весьма пріятнымъ, уже въ ребячествѣ дѣлали ее оригинально

привлекательною; уже тогда было замѣтно, что она, подобно отцу своему, будетъ любить все житейское, и она исполнила свое предназначеніе. Средняя, Прасковія, была дѣвочка смирная, добрая, простая, вся какъ-то сжатая въ комокъ, не хороша собою, и самое неблагообразіе ея не имѣло въ себѣ ничего примѣчательнаго, его можно было назвать общимъ мѣстомъ. Но меньшая, Софія, была, какъ говорили въ старину, вылитая мать; никакому ребенку не могло быть приличнѣе названіе ангела; тоненькое, эѳирное созданіе, съ прекраснымъ личикомъ и молящими взорами. Ей также, какъ и матери, не суждено было оставаться долго на землѣ, но участь ея была счастливѣе она вышла за красиваго благороднаго юношу, который страстно любилъ ее и пошелъ за нею въ могилу. Если еще нужны сравненія, то старшую изъ сихъ сестеръ можно было уподобить молоденькой вакханочкѣ, еще удерживаемой стыдомъ, но готовой скоро его сбросить; меньшая была совершенная сильфида, средняя гномъ.

Князь Х. любилъ хлѣбосольство нашего дома, жена его любила хозяевъ; живши въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, наши семейства видѣлись почти каждый день. Я росъ вмѣстѣ съ миленькими дѣвочками, и, признаюсь, общество ихъ предпочиталъ дружбѣ моихъ добрыхъ товарищей. У нихъ не было тогда гувернантки, а няня и учитель, старый Французъ, мусью Фремонъ, который самъ былъ охотникъ буфонить и надъ которымъ всѣ трунили; вскорѣ явился еще Французъ-танцмейстеръ, мусью Пото, маленькій, старенькій, худенькій, чопорный и съ пребольшими претензіями на бельмонство: я все болѣе и болѣе дивился, стараясь понять, какъ могутъ цареубійцы быть такъ смѣшны.

Два раза въ недѣлю ходили мы съ маленькимъ Нилусомъ къ князю Х., брать танцовальные уроки у г. Пото: на каждаго изъ насъ были по двѣ дамы, три маленькія княжны да еще Настенька Бережецкая, дочь одного обогатившагося бывшаго таможеннаго чиновника, служившаго въ казенной палатѣ подъ покровительствомъ вице-губернатора. Я былъ довольно толстъ, тяжелъ, неповоротливъ и нѣсколько лѣнивъ, и мнѣ отъ Француза иногда доставалось хлыстикомъ по ногамъ, чтобы выше прыгать. И безъ того уже я его терпѣть не могъ; одинъ случай заставилъ меня его возненавидѣть.

Я любилъ подслушивать, когда говорили о любви, и наконецъ, мнѣ самому вошло въ голову, будто я горю чистѣй-

шимъ пламенемъ къ меньшей изъ княженъ Х.; разумѣется, я ни слова не смѣлъ о томъ сказать ей, равно какъ и старшей ея сестрѣ, которую также любилъ, но какъ-то иначе. Не надобно забыть, что мнѣ еще тогда не было десяти лѣтъ отъ роду. Вдругъ почувствовалъ я третью страсть; въ ней смѣло открылся и не худо былъ принятъ. У этой маленькой Бережецкой, которая меня годомъ была моложе, были такіе чудесные глазки, и такой поощрительный взоръ, и такія прелестныя губки, что разъ во время танцовальнаго класса, въ углу, гдѣ, я полагалъ, что насъ никто не видитъ, я рѣшился ее поцѣловать, а проклятый Пото очутился тутъ-какъ-тутъ. Онъ раскричался насчетъ безнравственности Русскихъ, у которыхъ даже дѣти заражены порокомъ, и никто не умѣлъ зажать ему ротъ. Я жестоко былъ наказанъ, не тѣмъ, что дома, хорошенько побранивъ меня, поставили на колѣна, но тѣмъ, что бѣдную дѣвочку за меня высѣкли.

Я и въ ребячествѣ былъ столь же долготерпѣливъ, какъ непокоренъ и упрямъ, когда мѣра терпѣнія моего преисполнялась. Ни угрозы, ни удары хлыстомъ не могли меня сдвинуть съ мѣста, злодѣю Французу отвѣчалъ я на нихъ презрительно-насмѣшливымъ взоромъ; я разказалъ моей матери о рубцахъ, которые покрываютъ мои ноги, и г-ну Пото отказали не совсѣмъ учтивымъ образомъ. Самъ князь Х., который о танцовальномъ искусствѣ имѣлъ вообще столь высокое мнѣніе, съ видомъ состраданія, совѣтовалъ отцу моему не тратить за меня понапрасну денегъ; онъ какъ будто хотѣлъ сказать: „жаль, право, мальчика, изъ него никакого прока не будетъ“. Мадамъ Шардонъ, которая всегда присутствовала при нашихъ танцовальныхъ упражненіяхъ, глядя на меня, также пожимала плечами, дивясь, какъ можно даже на полу не выучиться плясать.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, князь Х., не знаю за чѣмъ-то, сколько помнится за владимірскимъ крестомъ на шею, поѣхалъ въ Петербургъ, оставя жену со всѣми признаками злой чахотки и съ началомъ водяной болѣзни. Оттуда вскорѣ прислалъ онъ для образованія дочерей молодую эмигрантку, мамзель де-Рювиль, съ эмигрантомъ отцомъ. Онъ скоро куда-то уѣхалъ, а она, полуденный цвѣтокъ, въ варварскую страну заброшенный, какъ будто всѣмъ брезгала, и была весьма не сообщительна; но, надобно признаться, имѣла отмѣнный тонъ, вѣжливый и пристойный. Въ обоихъ мнѣ всего

памятнѣе костюмъ ихъ, который былъ новостью для всѣхъ жителей Кіева. Онѣ былъ въ темносинемъ, довольно поношенномъ фракѣ, съ непокрытою головой, даже на улицѣ, всегда съ шпагою при бедрѣ и шляпою-бриномъ подъ мышкой; такъ, говорилъ онъ, всегда слѣдуетъ быть легко-кавалерійскому французскому капитану. Прическа его также была замѣчательна; вмѣсто тупея, волосы его въ самой серединѣ головы дѣлились на двое дорожкой, называемой chemin de Coblence, въ обѣ стороны шли очень гладко и оканчивались надъ ушами огромными туффами à l'aile de pigeon; сзади, вмѣсто обыкновенной косы, какія тогда носили, былъ у него толстый, довольно короткій, вдвое согнутый катоганъ; за неимѣніемъ пудры и помады, то-есть денегъ на покупку оныхъ, все это было туго набито саломъ и мукой. Мамзель Рювиль первая явилась къ намъ съ короткою таліей, опоясанная преширокою лентой, которая спереди на лѣвой сторонѣ завязывалась огромнымъ бантомъ съ длинными концами; у нея увидѣли мы также въ первый разъ короткій тиньонъ, книзу расширяющійся и открывающій весь затылокъ, что, кажется, называлось à la guillotine.

Конецъ страданіямъ несчастной княгини Х. приблизился: она слегла въ постель и съ нея уже болѣе не вставала. Мать моя была при ней неотлучно; кромѣ ея и одной монахини Александры, она никого въ послѣдніе дни своей жизни видѣть не соглашалась. Она велѣла позвать дочерей, благословила ихъ, поручила ихъ моей матери, просила ее взять ихъ къ себѣ до возвращенія отца, потомъ отпустила ихъ, и черезъ нѣсколько минутъ отдала Богу праведную душу свою. Погребеніе ея, которое, по позднему осеннему времени, мнѣ позволено было только видѣть въ окно, было самое необыкновенное; не было ни одного экипажа, но цѣлыя толпы, тысячи со стономъ и слезами шли за гробомъ, который важнѣйшіе чиновники несли попеременно съ простолюдинами; все многочисленное кіевское духовенство также пѣшкомъ провожало процессію; нѣсколько дней вездѣ встрѣчались печальныя лица, и святый градъ оплакалъ истинно святую жену. Можно ли повѣрить! лѣтъ четырнадцать тому назадъ былъ я въ Кіевѣ и не нашелъ почти никого, кто бы ее помнилъ; теперь едва ли сыщется кто-нибудь такой, который слыхалъ объ ней; я посѣтилъ ея могилу и нашелъ, что, отъ небреженія, время стерло надпись на ея

надгробномъ камнѣ; въ самомъ семействѣ ея, объ ней никогда не поминалось. Грустно подумать, что примѣръ столь высокихъ добродѣтелей совсѣмъ потерянъ для людей; но я уже счастливъ тѣмъ, что галлерею мою, гдѣ столько безобразія, могъ украсить ея священнымъ ликомъ....

Возвратясь изъ столицы, князь Х., на печальныя ему привѣтствія, сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу покойной, и тотчасъ же потомъ пустился танцовать на кіевскихъ балахъ. Ему довольно понравилась дѣвица де-Рювиль, но роялистка древней фамиліи требовала серіозной, законной любви, Шардонта надила сдѣлать ея княгиней, дѣло не состоялось, она уѣхала, и для меня, по крайней мѣрѣ, слухъ объ ней пропалъ на вѣки.

Послѣ смерти княгини Х., наши семейства рѣже видѣлись; одинъ несчастный случай опять ихъ на время сблизилъ. Вновь перестроенный комендантскій домъ загорѣлся очень рано по утру. Въ ужасной суматохѣ, не знаю какъ все это случилось, что всѣ меня забыли, и родители, и учитель, и слуга, который за мной ходилъ, и хватились только тогда, какъ весь домъ былъ въ пламени. Лакей князя Х., высокій, сильный и смѣлый, по прозванію Соколовъ, соколомъ бросился въ верхъ и нашелъ что я преспокойно спаю; не давъ мнѣ опомниться, успѣлъ схватить меня, обернуть въ простыню и сквозь дымъ и плама бѣгомъ снести по загорѣвшейся уже лѣстницѣ. Я очнулся только на площади, гдѣ нашелъ моихъ родителей; не стану описывать ни радости ихъ, ни благодарности къ мужественному Соколову. Какъ я былъ босъ и полунагъ, а время было холодное, то меня отнесли въ сосѣдній домъ, къ князю Х.; тамъ оставался я недѣли двѣ, пока заняли другой домъ и все опять пришло въ порядокъ.

Семейство князя Х., коего пребываніе въ Кіевѣ мнѣ пришлось столь подробно описывать, послѣ того не долго въ немъ оставалось. Подобно предмѣстнику его, Башилову, князя Х. сдѣлали оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ, и онъ отправился въ Петербургъ. Нѣсколько разъ въ жизни случалось мнѣ встрѣчаться съ нимъ и съ его дочерьми: онъ всякій разъ припоминалъ мнѣ о пожарѣ и Соколовѣ, какъ будто почитая самого себя моимъ спасителемъ.

Въ Екатеринино время, было еще въ Кіевѣ нѣсколько примѣчательныхъ лицъ, съ коими непремѣнно надобно мнѣ

познакомить читателя, дабы дать ему понятіе о тогдашнемъ кіевскомъ обществѣ: на сіе намѣренъ я посвятить слѣдующую главу.

VIII.

Жилъ былъ тогда въ Кіевѣ одинъ баринъ, да еще же и князь, который, кажется, почиталъ себя выше обыкновенной знати. Фамилія Дашковыхъ происходила отъ рода князей Смоленскихъ, потомство коихъ, за исключеніемъ Вяземскихъ, при польскомъ правительствѣ утратило княжеское свое достоинство. Князья Дашковы не размножились, какъ другіе княжескіе роды, и ихъ имя въ русской исторіи нигдѣ не встрѣчается; первый и послѣдній блескъ дала ему честолюбивая женщина, которая почитала себя рожденною съ тѣмъ, чтобы располагать судьбою царей. Сынъ ея, послѣдній въ своемъ родѣ, былъ ею воспитанъ на славу; она возила его съ собой по всѣмъ иностраннымъ государствамъ, всему его учила, и въ Эдинбургѣ доставила ему дипломъ на званіе доктора правъ, богословія и даже медицины....

Участію матери своей въ возведеніи на престолъ Екатерины Второй, былъ обязанъ князь Дашковъ быстрому повышенію въ чинахъ: въ двадцать пять лѣтъ онъ командовалъ уже Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ и стоялъ съ нимъ въ Кіевѣ. Тутъ ему приглянулась одна дѣвочка, дочь облагороженнаго чинами купца, Семена Никифоровича Алферова. По высокимъ, философическимъ понятіямъ, которыя почерпнулъ онъ въ своихъ путешествіяхъ, по примѣру англійскихъ лордовъ, коимъ онъ старался подражать, взялъ да и женился, не бывъ даже серіозно влюбленъ. Сей бракъ поссорилъ его съ матерью, разорвалъ связи его съ обществомъ столицъ и заставилъ его поселиться въ Кіевѣ. Онъ сдалъ полкъ, но по старой памяти къ услугамъ матери, производство для него не остановилось, и онъ получилъ чины бригадира и генералъ-майора.

Самолюбивѣйшій изъ смертныхъ, Дашковъ полагалъ, что способенъ управлять государствомъ и осужденъ былъ скрывать свое величіе въ низенькомъ домѣ самаго грязнаго кіевскаго переулка. Тамъ собиралъ онъ около себя веселыхъ

людей, какихъ могъ найдти въ Кіевѣ, и шумомъ сего общества старался заглушить страданія своей гордости....

Въ Россіи есть губернскіе и уѣздные города; въ числѣ тѣхъ и другихъ есть такіе, кои должно назвать казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни только должностныя лица, помѣщики же бываютъ въ нихъ только иногда, по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которое черезъ десять лѣтъ, можно сказать, возобновляется во всемъ своемъ составѣ. Кіевъ болѣе чѣмъ всякій другой принадлежалъ къ числу сихъ казенныхъ городовъ.

Малороссія, которая нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Черниговскую и Полтавскую, тогда составлена была изъ трехъ, Кіевской, Черниговской и Новгородско-Сѣверской; бо́льшая часть нынѣшней Полтавской губерніи составляла тогдашнюю Кіевскую. Жители черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе новгородско-сѣверскихъ сохранили или приняли много русскихъ навыковъ, бывши неоднократно подъ владычествомъ московскихъ государей; жители же Южной Малороссіи остались почти такими же казаками, какими были при Хмѣльницкомъ. Богатѣйшіе изъ тогдашнихъ кіевскихъ помѣщиковъ рѣдко покидали свои хутора, съ крестьянами своими, кои лѣтъ десятка два - три передъ тѣмъ были имъ равными, имѣли одинаковые вкусы, одинаковые обычаи, одинаковую пищу, также всему предпочитали борщъ и голушки, столь же нѣжно любили свиней, въ одеждѣ сохраняли ту же запорожскую неопрятность. Ихъ губернскій городъ былъ за Днѣпромъ, почти въ ненавистной имъ Польшѣ, и со временъ Петра Великаго въ немъ безпрерывно начальствовали Москали и Нѣмцы. Они чуждались его, хотя въ немъ ни языкъ, ни происхожденіе простаго народа, имъ вовсе не были чужды; однакоже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, то обязанные служить по выборамъ, то привлекаемые пріятностями общежитія, они начали чаще и въ большемъ количествѣ появляться.

Въ изображеніи лицъ составлявшихъ тогдашнее кіевское общество, долженъ буду я слѣдовать, такъ сказать, іерархическому порядку мѣстъ, ими занимаемыхъ, и потому долженъ начать съ губернатора или правителя намѣстничества, какъ Екатерина Вторая, вводившая вездѣ русскія названія, повелѣла имъ именоваться.

Тогда управлялъ кіевскимъ намѣстничествомъ осьмидесяти-

лѣтній, полумертвый старецъ, Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, старшій генералъ-поручикъ по арміи, въ польской лентѣ Бѣлаго Орла. Онъ разрушался, но все упрямился оставаться на губернаторствѣ; наконецъ его уволили съ честію и пенсіей. Объ немъ самомъ осталось у меня самое тусклое воспоминаніе, но мнѣ очень памятны почести, ему воздаваемыя. Изъ уваженія ли къ его глубокой старости, или слѣдуя чинопочитанію, которое въ то время столь строго соблюдалось, мой отецъ всегда на крыльцѣ его встрѣчалъ и до крыльца его провожалъ.

Послѣ Ширкова, былъ губернаторомъ Василій Ивановичъ Красномилашевичъ, Смольянинъ, человѣкъ умный и пріятный, изряженый, извѣстный храбростью генералъ, который и на гражданскомъ поприщѣ умѣлъ показать усердіе и способности. Онъ былъ холостъ и не слишкомъ богатъ, слѣдственно и не могъ имѣть открытый домъ, однакоже нѣсколько разъ въ годъ давалъ балы. О вице-губернаторахъ или поручикахъ правителя я уже говорилъ.

Изъ губернскихъ предводителей мнѣ памятенъ Демьянъ Демьяновичъ Оболонскій, человѣкъ уже пожилой, но еще видный и здоровый. Онъ имѣлъ семь или восемь тысячъ душъ и жену красавицу и кокетку. Онъ лѣтомъ обыкновенно живалъ въ деревнѣ, а только по зимамъ пріѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ. Дѣйствительно, говорятъ, у него столъ не накрывался, а не раскрывался, цѣлый день пили и ѣли; завтракъ оканчивался водкой, за которой непосредственно слѣдовалъ продолжительный обѣдъ: послѣ обѣда закуски, какъ ихъ называли не сходили со стола; послѣ чаю было кратковременное отдохновеніе и все это заключалось столь же изобильнымъ ужиномъ. Ну ужъ желудки были въ старину! Два раза въ недѣлю пировалъ у него весь городъ; по тогдашнему обычаю, всѣ съѣзжались передъ обѣдомъ и разъѣзжались послѣ ужина. Меня какъ-то разъ взяли съ собой на одинъ изъ сихъ вечеровъ; вотъ что я нашелъ: двѣ пріемныя комнаты, длинную и низенькую залу и гостиную немного ея поменьше, обѣ обклеенныя самыми обыкновенными бумажными обоями и освѣщенныя довольно плохо, однакоже восковыми свѣчами, что тогда почиталось роскошью; всѣ мебели простаго дерева, обитыя разноцвѣтными ситцами; и посреди такой простоты, на карточныхъ столахъ шандалы, а по угламъ канделабры, литыя, тяжеловѣсныя, серебряныя, а иныя

позолоченыя; цѣлый полкъ служителей, не совсѣмъ худо одѣтыхъ, на огромныхъ серебряныхъ подносахъ разносящихъ питья и яствы. Жена г. Оболонскаго носила бриллианты, жемчуги и богатыя платья, изъ которыхъ каждое, однакоже, въ зиму разъ по десяти или по пятнадцати безъ всякой на немъ перемѣны, появлялось на балахъ. Изъ всѣхъ малороссійскихъ помѣщиковъ, исключая Разумовскихъ, одинъ Оболонскій позволялъ себѣ такъ жить; но вся эта роскошь, какъ можно видѣть, была весьма не раззорительна, тѣмъ болѣе что цѣны на съѣстные припасы были самыя низкія. Имѣніе свое оставилъ онъ по смерти въ цѣлости, безъ долговъ, единственному сыну своему, не разчетливому, необузданному, сластолюбивому, который началъ жить въ прихотливый вѣкъ и предаваться всѣмъ прихотямъ своимъ, который, гаушаясь вандальскимъ гостепріимствомъ отца, составилъ себѣ въ Петербургѣ избранный кругъ повѣсъ и съ ними, невидимымъ образомъ, умѣлъ промотать не только отцовское наслѣдіе, но и другія ему доставшіяся, во французскихъ трактирахъ на страсбургскихъ пирогахъ и шампанскомъ винѣ. Вотъ у насъ въ Россіи постепенный ходъ просвѣщенія.

Я часто говорилъ о кіевскихъ балахъ, не описавъ ни одного изъ нихъ, тогда какъ имѣю къ тому возможность, каждую недѣлю видѣвши ихъ у себя дома, ибо дѣтей не только не отсылали къ себѣ въ комнату, но даже возили иногда на нихъ съ собою въ чужіе дома. Они начинались рѣдко позже семи часовъ вечера; хозяинъ дома открывалъ ихъ обыкновенно польскимъ * съ почетнѣйшею изъ дамъ, мущины выступали важно, выдѣлывали па, мѣняли руки и этотъ церемоніальный маршъ продолжался не менѣе получаса. Потомъ начинались англезы или контрдансы, какъ ихъ называли; рядъ мущинъ становился противъ ряда женщинъ, старались сколь можно болѣе разнообразить фигуры и самыя названія сихъ контрдансовъ: одному дано было имя Данилы Купера, вѣроятно въ честь композитора его, какого-нибудь Англичанина, Cooper, другому имя Березани, въ честь какой-то побѣды надъ Турками, еще другія назывались Соважъ, Préjugé vaincu,

* Любимый польскій былъ тогда сочиненія кажется Козловскаго; онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ: славься симъ Екатерина, по первымъ словамъ на кои онъ былъ положенъ. Съ какою-то восторженною гордостію ходили тогда Русскіе подъ гремящіе его звуки.

англійскій променадъ; о мазуркѣ и краковякѣ' и слуху еще не было, хотя мы жили въ двухъ шагахъ отъ Польши, также о матрадурѣ и тампетѣ, которые гораздо новѣйшаго изобрѣтенія. Вмѣсто французской кадрили танцовали какой-то монюмаскъ, а потомъ чего уже не было? наскучивъ веселыми звуками, принимались иногда за менуэты, а тамъ за аллемандъ, и въ немъ особенно отличался одинъ Нѣмецъ, полусумашедшій нарумяненый докторъ Шёнфогель; кто бы могъ подумать, вальсовъ еще не знали. На сихъ балахъ можно было видѣть и малороссійскую метелицу и голубца, и казачка; плясали и по-русски, и по-цыгански, кто во что̀ горазд̀ъ. Какъ сіи балы всегда должны были начинаться польскимъ, такъ непремѣнно должны были оканчиваться алагрекомъ, который не что̀ иное былъ какъ нынѣшній, чуть ли не покойный гросфатеръ.

Когда пожилые люди не волнуются страстями, когда ихъ не мучатъ ни чрезмѣрная алчность къ золоту, ни зависть, ни пожирающее, безпредѣльное честолюбіе, когда они блаженствуютъ подъ сѣнію мудраго и твердаго правительства, которое равно охраняетъ ихъ безопасность и не допускаетъ возможности преступныхъ, дерзкихъ замысловъ, тогда, спокойные духомъ, они дѣлаются почти молоды и готовы иногда рѣзвиться какъ дѣти. Молодые же люди всегда расположены къ веселости, лишь бы имѣли благоразуміе не отказываться преждевременно отъ юности, блага невозвратнаго. Таковыми были почти всѣ тогда въ Кіевѣ: у одного князя Дашкова начинался новый вѣкъ, у него были уже и трубки, и пуншъ, и смѣлое обхожденіе безъ разбора лѣтъ и пола..... Беззаботная же, непринужденная, хотя и пристойная веселость, коей предавались въ описываемыхъ мною собраніяхъ люди разныхъ возрастовъ и состояній, дѣлали всю прелесть старинныхъ нашихъ баловъ. Коноводомъ на нихъ былъ шестидесяти семилѣтній старикъ, Нѣмецъ, артиллерійскій генералъ Нилусъ, отецъ моего товарища; онъ распоряжалъ танцами приказывалъ музыкантамъ и съ неимовѣрною живостію плясалъ весь вечеръ до упада. Надобно знать также, что онъ былъ подагрикъ; когда сія мучительная болѣзнь его удерживала дома, то отсутствіе его было очень замѣтно, и веселость уменьшалась на вечеринкахъ, но лишь только немного отпуститъ ему, онъ опять явится въ бархатныхъ сапогахъ, и уже

сидя, взоромъ, крикомъ, движеніями, хлопаньемъ возбуждаетъ танцующихъ. Всѣ, кои не были записаные бостонисты, несмотря на лѣта, участвовали въ танцахъ и отъ старика Нилуса до меня, осьми или девятилѣтняго мальчика, неудачнаго ученика г. Пото, все бывало въ движеніи. Одного отца моего, не знаю почему, исключая польскихъ, я никогда не видалъ танцующимъ.

Какъ бы мы теперь казались смѣшны! Сорокъ лѣтъ времени и тысяча двѣсти верстъ разстоянія дѣлаютъ большую разницу въ понятіяхъ и мнѣніяхъ людей. Танцы были нѣкогда пріятнымъ и для здоровья полезнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ, какъ верховая ѣзда, фехтованіе, игра въ воланъ или въ помъ: тогда могъ всякій безъ претензій въ нихъ участвовать. Они сдѣлались исключительною принадлежностію молодости, съ тѣхъ поръ какъ имъ дана цѣль и они обращены въ средство. Теперь въ состарившихся и въ старѣющихъ, которые танцовать не перестаютъ, позволено подозрѣвать жалкое намѣреніе еще прельщать и нравиться, теперь для не молодыхъ дѣвицъ есть въ обществѣ рѣзкая черта, преступая за кою, онѣ становятся смѣшны, если добровольно не хотятъ покинуть забавы первой молодости; прежде невинному веселію границъ не ставили. Говорятъ, что нынѣшніе танцы способствуютъ сближенію молодыхъ людей обоего пола, что они даютъ имъ средства короче узнать другъ друга и сокращаютъ имъ путь къ браку: это бы весьма хорошо, но полно такъ ли? Развѣ нынѣ болѣе женятся? Развѣ нынѣ мы видимъ болѣе супружествъ по склонности? А для молодыхъ замужнихъ женщинъ, къ чему нынѣшніе танцы сокращаютъ имъ путь? Не знаю, но мнѣ все кажется, что въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, однообразный шумъ мазурки или котильйона, столь утомительный для слуха, долженъ непремѣнно усыпить осторожность дѣвицъ, для нихъ столь необходимую. Безчеловѣчіе къ музыкантамъ, невнимательность, неучтивость ко всѣмъ не танцующимъ, которые во многихъ домахъ, нѣсколько часовъ сряду, состоятъ въ блокадѣ, запираются непроходимою комнатою и отрѣзываются отъ своихъ шубъ и шинелей, вотъ, по мнѣнію моему, большія неудобства нынѣшнихъ танцевъ.

Я все забываюсь и невольно переношусь въ настоящее время: спѣшу переброситься лѣтъ за сорокъ тому назадъ въ

мой любезный Кіевъ, чтобы продолжать списокъ чиновныхъ особъ обоего пола, составлявшихъ его общество.

Въ уголовной палатѣ предсѣдательствовалъ Иванъ Гавриловичъ Вишневской, человѣколюбивѣйшій изъ судей, что, кажется, довольно великая похвала для уголовнаго предсѣдателя. Онъ былъ домосѣдъ и, какъ говорили тогда, человѣкъ начитанный и просвѣщенный. Вмѣсто себя посылалъ онъ въ общество дородную жену свою, Ульяну Степановну, сестру нашего посланника въ Константинополѣ Тамары, добрую и почтенную даму. Съ нею было у него два сына, которые воспитывались въ Вѣнѣ, и коихъ возвращеніе отняло у кіевскихъ родителей желаніе посылать дѣтей за границу; да еще куча дочерей, очень хорошихъ дѣвокъ, между коими были и хорошенькія. Замѣчательно то, что при нихъ находилась русская мамзель, Прасковья Ивановна: другаго прозванія ей не было; Богъ вѣсть гдѣ и какъ выучилась она иностраннымъ языкамъ, была строгой нравственности и имѣла сверхъ того другія познанія, которыя нельзя найдти у выписныхъ мамзелей. Симъ доказывается какъ давно можно было бы завести у насъ сей полезный классъ женщинъ.

Предмѣстникъ Вишневскаго былъ совсѣмъ противныхъ ему свойствъ, грубый невѣжа и страшный взяточникъ: его я совсѣмъ не помню. Вдова его осталась жить въ Кіевѣ; часто насъ посѣщала и вообще вездѣ ее можно было встрѣтить. Она была до чрезвычайности ко всѣмъ ласкова, ни съ кѣмъ не спорила, никого не пересуживала, все хвалила и всѣмъ старалась угождать, а всѣ ее не любили и довольно сухо принимали: это происходило оттого, что она слыла отмѣнно жестокосердою дома; увѣряли будто двухъ или трехъ несчастныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ своихъ, единственное свое недвижимое имущество, она таскала всякій день за волосы по полу и била плетью. Явное къ ней недоброжелательство не доказываетъ ли сострадательность, добрыя чувства моихъ тогдашнихъ Кіевлянъ?

Предсѣдателемъ гражданской палаты былъ человѣкъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи, Иванъ Григорьевичъ Туманскій, который дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. Онъ судилъ по справедливости и законамъ, слѣдственно къ неудовольствію половины тяжущихся, а не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ. Его спокойная совѣсть изображалась на спо-

койномъ лицѣ его вмѣстѣ съ тихимъ веселіемъ, ея неразлучнымъ спутникомъ.....

Совѣстный судья, Иванъ Михайловичъ Корбе, ужасалъ безобразіемъ, но какъ увѣряли, пѣвалъ умомъ и удивлялъ ученостію, что̀ утверждать я не смѣю, ибо тогда не былъ въ состояніи о томъ судить. Жена его, коей имя не запомню, напротивъ была хороша собой, хотя и не молода. Сего нельзя было сказать о пяти или шести его дочеряхъ, онѣ всѣ были въ него, одна другой дурнѣе, одна другой добрѣе. Богъ благословилъ сіе семейство; мнѣ сказывали, что всѣ онѣ вышли замужъ очень счастливо.

Говорить ли о чиновникахъ, занимавшихъ мѣста нынѣ почитаемыя мелкими, которыя тогда считались крупными и доставляли уваженіе занимавшимъ ихъ, о совѣтникахъ губернскаго правленія и палатъ? Здѣсь еще не мѣсто говорить о постепенномъ упадкѣ сихъ должностей въ общемъ мнѣніи, упадкѣ столь вреднымъ для пользы государственной службы; тогда еще искали ихъ и старинные дворяне, и заслуженные чиновники, и люди съ достаткомъ, и получивши ихъ, вмѣстѣ съ семействами своими, играли почетную роль въ губернскихъ городахъ. Платя дань нынѣшнему образу мыслей, я умолчу о многихъ, а о другихъ скажу только нѣсколько словъ.

Въ губернскомъ правленіи было тогда только два совѣтника, Николай Ивановичъ Ергольской и Прокофій Ѳедоровичъ Пражевской; строгимъ безкорыстіемъ, умомъ, знаніемъ дѣлъ и какою-то природною важностію, безъ примѣси чванства, могли бы оба украсить сенатъ, еслибы въ немъ засѣдали. У перваго изъ нихъ было домашнее горе, добрая и любимая жена, Наталья Егоровна, но которая, къ несчастію, имѣла два порока: была престрашная лгунья, и вечеркомъ наединѣ любила выпить. Послѣдній былъ счастливѣе; странно было видѣть его, малорослаго, рыжеватаго, невзрачнаго, съ женою высокою, дородною, черноволосою, смуглою, всегда и во всемъ ему покорною какъ дитя. Татьяна Екимовна, такъ звали ее, урожденная, если не ошибаюсь, Сахновская, была тѣмъ особенно замѣчательна, что быстрые, огненные ея взоры изображали необыкновенное сердечное добродушіе, и что каждое слово, на выразительномъ малороссійскомъ нарѣчіи ею произнесенное, подтверждало то, что̀ глаза ея говорили; за то отъ стара до мала всѣ равно любили ее. Одну только замѣтили въ ней слабость: будучи двоюродною сестрою *Безбо-*

родъки, какъ она выговаривала, она часто любила о томъ напоминать *.

Ничего, кромѣ похвалъ, не могу я сказать и о другихъ чиновникахъ воинскихъ и гражданскихъ, тогда въ Кіевѣ находившихся и мнѣ нынѣ на память приходящихъ. Но какъ самое лучшее безпрестанно повторяемое можетъ наскучить, то для перемѣны скажу нѣсколько словъ о губернскомъ прокурорѣ, Григоріи Ивановичѣ Краснокутскомъ. Его никто не могъ упрекнуть въ мздоимствѣ, но чрезмѣрное самолюбіе и безпокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ. Онъ былъ бѣденъ и гордъ, чистъ и золъ, и я не берусь его осуждать, хотя онъ причинилъ много досадъ отцу моему. Сынъ его былъ одинъ изъ заговорщиковъ 14-го декабря.

Можетъ-быть отдаленіе украшаетъ въ глазахъ моихъ всѣ предметы, можетъ-быть имѣя въ сердцѣ обильный источникъ любви къ ближнимъ, ничто не препятствовало ему разливаться на все меня окружавшее, и я другихъ ссужалъ собственными чувствами; какъ бы то ни было, но мнѣ кажется, что нигдѣ еще въ Россіи не собиралось въ одно время столь много добрыхъ, умныхъ и честныхъ людей, какъ тогда въ Кіевѣ, и по мнѣнію моему, сей городъ былъ тогда вмѣстѣ святой и благочестивый. Одна минута все перемѣнила и тѣмъ доказывается, что время сіе, не для однихъ ребятъ, было золотымъ вѣкомъ Россіи.

Посреди сего всеобщаго благочестія, жилъ одинъ старецъ, ознаменованный небесною благодатію, и молитвы его, конечно, низводили ее на ввѣренную ему паству; святитель Самуилъ управлялъ, тогда древнѣйшею епархіей въ Россіи. Онъ былъ выраженіе всего, что̀ есть прекраснаго въ ученіи Христовомъ, олицетворенная христіанская любовь и, если смѣю сказать, воплощенное слово Божіе; смотря на него, можно

* У нихъ было довольно многочисленное семейство. Одна изъ дочерей ихъ была замужемъ за генераломъ Левицкимъ, который до 1830 года игралъ столь важную роль въ Варшавѣ; одинъ же изъ сыновей былъ назначенъ въ 1829 году губернаторомъ въ Бессарабію. Когда онъ пріѣхалъ въ Кишеневъ и увидѣлъ его кривыя, неопрятныя, вонючія улицы, когда предъ нимъ отверзлась бездна столь же кривыхъ и запутанныхъ дѣлъ, на каждомъ шагу встрѣчая нечистоту или нравственную, или физическую, онъ до того испугался, что пробывъ только двѣ недѣли, онъ пожертвовалъ всѣмъ, бросилъ все, и губернаторское мѣсто, и службу, и надежду на повышеніе, и будущіе успѣхи.

было постигать высоту, на кою христіанскія добродѣтели возводятъ человѣка посвятившаго себя единственно Небу. Сей великій іерархъ удостоивалъ мать мою отеческою любовію; обремененный не столько еще лѣтами какъ слѣдствіями тружеиической жизни, онъ рѣдко покидалъ свое уединеніе, однакоже два или три раза въ годъ посѣщалъ домъ нашъ. Всякій разъ призывалъ онъ меня къ себѣ, сажалъ на колѣна и цѣловалъ; какъ описать мнѣ ощущенія мои при его ласкахъ? невольный трепетъ, неизъяснимую радость, священный страхъ? Одинъ непорочный отрокъ можетъ сіе чувствовать; нынѣ же грѣшный, изнуренный пагубными страстями, едва могу себѣ все это припомнить и съ трудомъ выразить. Можетъ-быть въ другомъ мірѣ и языкомъ не земнымъ буду въ состояніи объяснить сіе.

Не за долго до смерти Екатерины угасъ сей свѣтильникъ вѣры. Похороны происходили въ Софійскомъ соборѣ безъ всякой пышности, не было ни катафалка, ни балдахина; меня какъ малолѣтняго, имъ любимаго, поставили близь самаго гроба, который довольно низко стоялъ посреди церкви. Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица усопшаго праведника, но что было со мною, когда знаменитый краснорѣчіемъ протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился къ гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: „Пастырь усне, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ!“ Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои, которыя и понынѣ могутъ служить образцами, говорилъ онъ еще лучше нежели писалъ; въ эту минуту онъ былъ очарователенъ, слезы текли ручьями изъ глазъ его, и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа и если въ послѣдствіи я не предпочелъ всему монашескую жизнь, если я остался только твердъ въ правилахъ моей вѣры и не сдѣлался даже набожнымъ, то видно нѣтъ во мнѣ той благодати, которая необходима для труднаго и славнаго поприща истиннаго христіанина.

IX.

Я говорилъ обо всѣхъ и обо всемъ, что только могъ припомнить въ первомъ моемъ младенчествѣ, но не сказалъ ни слова о семействѣ моемъ, то-есть о братьяхъ и сестрахъ. О близкихъ сердцу говорить весьма трудно, все похвальное въ нихъ хочется украсить, всѣ несовершенства хотѣлось бы скрыть, а я обязался вѣщать одну только истину: итакъ пусть ее одну только узнаютъ мои читатели.

Лѣта старшихъ сестеръ моихъ и братьевъ имъ уже извѣстны. Воспитаніе ихъ было не худо; ограниченность состоянія, недостатокъ тогдашняго времени въ хорошихъ учителяхъ, а еще болѣе въ гувернанткахъ, и жизнь въ провинціи не дозволили родителямъ моимъ сдѣлать его блестящимъ; для нравственнаго же образованія, имъ достаточно было родительскихъ примѣровъ и наставленій. При сестрахъ моихъ, какъ мнѣ сказывали, являлись по временамъ какія-то мамзели, Нѣмки или Француженки, а можетъ-быть крещеныя Жидовки, которыя за таковыхъ себя выдавали; но доказанныя невѣжество или безнравственность скоро заставляли отсылать ихъ. Пограничный Кіевъ представилъ возможность дать имъ нѣкоторые таланты: ихъ учили танцовать и играть на фортепіано; послѣднее, начатое по минованіи уже ребяческихъ лѣтъ, не имѣло большаго успѣха.

Природа была не скупа къ старшимъ сестрамъ моимъ: лучшій ея подарокъ—доброе сердце, и она обѣихъ имъ одѣлила. Старшая Елисавета умомъ и красотой уступала младшей Натальѣ, но едва ли не превосходила ее въ добросердечіи, въ этомъ сравниться трудно, ни голубицы, ни агнцы не могутъ быть незлобивѣе. Она никогда не подозрѣвала существованія зла, ниже хотѣла ему повѣрить; она знала, что есть люди раздражительные и что опасно сердить, но ихъ мщенія, хитрой, постоянной злобы она никогда не могла понять. Когда случатся маленькія, семейныя, минутныя междуусобія, или горничныя, употребляя во зло ея снисходительность, не внимательны къ ея требованіямъ, она бывало надуется, въ ней замѣтно что-то похожее на досаду, но до гнѣва, до брани, до ссоры она отъ роду не умѣла доходить.

Иные скажутъ, что это доказываетъ необыкновенную слабость характера, но въ соединеніи съ строжайшими правила-

ми нравственности, такая слабость не могла имѣть никакихъ неудобствъ для женщины или даже дѣвицы, которой опредѣлено было долго ничѣмъ не управлять, и ни надъ кѣмъ не властвовать. Съ такими милыми свойствами сохранены были и нѣкоторые недостатки: легковѣріе, легкомысліе, чрезмѣрное иногда любопытство; врожденная въ ней набожность съ лѣтами обратилась въ суевѣріе, въ наблюденіе странныхъ, нѣсколько смѣшныхъ формулъ. Все это вмѣстѣ сохранило въ ней, среди преклонныхъ уже лѣтъ, необыкновенную молодость души, она всѣмъ тѣшится какъ дитя, міръ не теряетъ для нея своей свѣжести, своихъ прелестей. Какъ будто нарочно для нея Создатель ниспославъ въ него надежду, она никогда съ ней не разставалась. Когда тяжкая болѣзнь постигаетъ одного изъ родителей или котораго-нибудь изъ родныхъ, она тиха, печальна, заботлива, но одна только не предается отчаянію; врачи объявляютъ, что опасность съ каждою минутой умножается, она бѣжитъ въ свою комнату, помолится тамъ, поплачетъ передъ образами, и выходитъ оттуда съ лицомъ спокойнымъ, почти веселымъ, какъ будто вынося съ собою жизнь и исцѣленіе; когда же смерть погаситъ передъ нею послѣдній лучъ надежды, она дѣлается молчалива, грустна, но надежды свои быстро переноситъ въ другой міръ, совершенно убѣждена, что милыя ея сердцу тамъ блаженствуютъ, и счастлива мыслію о свиданіи съ ними.

Она никогда не была хороша собою, но имѣла весьма правильныя черты, и постоянное выраженіе благосклонности придавало имъ большую пріятность. Были люди, которые искали ея руки, но они ей, или родителямъ не нравились, и Богъ не судилъ ей быть супругой и матерью: она бы могла быть ихъ образцомъ, судя по безпредѣльной любви ея къ роднымъ. Съ самой первой молодости разливала она между ими утѣшеніе и миръ; если кто-нибудь изъ насъ прогнѣваетъ родителей, она не покойна, пока не вымолитъ прощеніе; братьевъ и сестеръ она не только мирила, но старалась предупреждать малѣйшее несогласіе, всему находила извиненіе, всегда готова была вину взять на себя. Обманутыя надежды, безбрачная жизнь, необходимость покорности въ такія лѣта, когда уже можно располагать собою и другими, весьма естественно портятъ нравъ старѣющихъ дѣвицъ; кротость же сестры моей съ лѣтами, кажется, все умножалась. О достохвальныхъ ея подвигахъ мнѣ не разъ придется говорить, если продлятся

записки сіи; пожалѣетъ ограничусь сказаннымъ. Счастливъ если сего достаточно, чтобы заставить полюбить ее.

Беззащитное, безобидное существо! У одра полумертвой матери поклялся я быть твоею подпорой, но что бы могъ я для тебя сдѣлать? Награждая твои добродѣтели, самъ Всемогущій среди старости, бѣдности, сиротства твоего, послалъ незнакомаго тебѣ благодѣтеля *, который душевною добротой даже съ тобою поспорить можетъ.

Ко второй сестрѣ моей природа еще была щедрѣе: всѣ называли ее красавицей; это былъ портретъ красивой матери, списанный искуснымъ живописцемъ, который бы захотѣлъ польстить ей; нравомъ же совершенно походила на отца. Тогда какъ старшая сестра вездѣ видѣла друзей и тайны невинной души своей готова была повѣрить каждому, меньшая была осторожна, осмотрительна, даже нѣсколько недовѣрчива, и веселостямъ своего возраста предавалась съ умѣренностію, какъ бы повинуясь необходимости; не было ли это предчувствіемъ всѣхъ горестей, которыя она должна была испытать въ жизни? Ничего чувствительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе демонстративнаго я не зналъ; высокія чувства, коимъ тогда не знали даже названія, таились въ глубинѣ ея сердца, и иногда изливались въ дѣяніяхъ, но не въ рѣчахъ; старые люди дивились чрезвычайному благоразумію молодой дѣвочки, и въ обхожденіи съ нею самихъ родителей замѣтно было какое-то особенное уваженіе. Скромность, чувство приличія и собственнаго достоинства инымъ казались гордостію, но они скоро узнавали ошибку свою, увидя сколько она строга къ себѣ и снисходительна къ недостаткамъ другихъ. Умъ самый основательный, сужденія всегда логическія вывели ее рано изъ ряда подругъ и ровесницъ, и тогда какъ онѣ занимались исключительно нарядами и городскими забавами, предметомъ ея нѣжнѣйшихъ попеченій сдѣлался маленькій братъ, который только десятью годами былъ ея моложе.

Мои читатели вспомнятъ можетъ-быть о княгинѣ Х.; сіи двѣ женщины умѣли понять другъ друга, несмотря на великую разницу въ лѣтахъ. Ея примѣру, ея нѣжной любви обязана сестра моя отчасти развитіемъ прекрасныхъ свойствъ, насажденныхъ въ ней природою. Первые годы моей

* Министръ Блудовъ, выпросившій ей пенсію, на которую по законамъ она не имѣла никакого права. *Примѣч. автора.*

юности, внѣ родительскаго дома, провелъ я вмѣстѣ съ нею, слѣдственно, буду часто имѣть случай говорить объ ней и потому считаю излишнимъ здѣсь далѣе распространяться.

Та же самая разница, которую можно было найдти въ характерѣ двухъ сестеръ, встрѣчалась также въ обоихъ старшихъ братьяхъ. Оба были исполнены доброты, правдолюбія и чести, но старшій тысячью преимуществами блисталъ передъ младшимъ. Онъ былъ живчивѣе, уступчивѣе, острѣе и веселонравнѣе, не говоря уже о природныхъ способностяхъ его ко всякаго рода серіознымъ занятіямъ, которыя показалъ онъ въ продолженіи службы. Меньшой же Николай былъ нраву весьма крутаго, чрезвычайно вспыльчивъ и потомъ упрямъ, какъ всѣ люди не одаренные хорошимъ разсудкомъ. Страшная охота спорить, совершенное отсутствіе логики и всегда кривые толки дѣлали его тягостнымъ не только для посторонныхъ, но даже для родныхъ. Намѣренія же его всегда были чисты и похвальны; изобразивъ его недостатки, мнѣ пріятно отдать справедливость и добрымъ его качествамъ. Замѣтно было, что онъ менѣе всѣхъ любимъ родителями, онъ самъ это зналъ, а со всѣмъ тѣмъ никто изъ насъ не могъ равняться съ нимъ въ безпредѣльной къ нимъ преданности, въ безусловной покорности: онъ видѣлъ въ нихъ нѣчто божественное. Несмотря на безконечные его споры, онъ страстно любилъ сестеръ и особливо брата и съ непритворнымъ удовольствіемъ признавалъ его превосходство надъ собою: сей же послѣдній, въ безпрестанномъ съ нимъ сообществѣ, вѣроятно, научился терпѣливости, которою отличается.

Старшій братъ Павелъ былъ весьма недуренъ собою; одинъ несчастный случай его нѣсколько обезобразилъ; кусокъ фаянса, отскочившій отъ лопнувшей чашки, попалъ ему въ глазъ, когда еще онъ былъ ребенкомъ, и всѣ старанія, чтобъ его вылѣчить потомъ, остались тщетны. Наружность меньшаго не имѣла ничего привлекательнаго; у него были сѣрые глаза и лице блѣдное, ничего не выражающее, испорченное оспой. Наружные недостатки старался онъ замѣнить франтовствомъ, былъ чистоплотенъ, и въ мелочахъ акуратенъ до крайности, имѣлъ однакоже наклонность къ расточительности, но былъ всегда удержанъ страхомъ прогнѣвить родителей. Вообще онъ, кажется, родился болѣе въ братьевъ отца нашего чѣмъ въ него самого, нѣмецкая кровь громче въ немъ говорила

чѣмъ въ комъ-либо изъ насъ, и съ малолѣтства, курительный табакъ сдѣлался уже одною изъ потребностей его души.

Братья мои получили весьма хорошее воспитаніе: въ пензенскомъ уединеніи, въ промежутки времени между полковничествомъ и комендантствомъ, отецъ былъ самъ первымъ ихъ наставникомъ. По пріѣздѣ въ Кіевъ вручилъ онъ ихъ г. Гагеру, и изъ всего что̀ я слышалъ объ немъ можно заключить, что онъ имѣлъ основательныя познанія и былъ почтеннаго характера. Въ 1792 году мать моя со всѣми старшими дѣтьми отправилась въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы въ первый разъ показать его дочерямъ, а сыновей окончательнымъ ученіемъ приготовить ко вступленію въ службу и въ свѣтъ. Къ счастію, ей указали весьма хорошій пансіонъ г. Девела, куда всѣ почтенные, просвѣщенные и благоразумные родители отдавали тогда дѣтей; знатные же своихъ воспитывали дома или за границей, ибо объ аббатѣ Николѣ тогда еще и помину не было. Пристроивши ихъ, она скоро воротилась въ Кіевъ.

Странные были тогда обычаи, въ сіе впрочемъ столь счастливое для Россіи время: въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ, полагали, что они уже всѣму выучены, и спѣшили ихъ отдавать въ службу, чтобъ они ранѣе могли выйдти въ чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала нѣжному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были не слѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствовали счастію и возвышенію своихъ дѣтей.

Была еще другая странность, которую можно даже назвать злоупотребленіемъ: въ каждомъ гвардейскомъ полку сотнями считались сержанты, вахмистры, унтеръ-офицеры, капенармусы, капралы; всѣ они были малолѣтные, живущіе дома и ожидающіе очереди къ производству. Каждому изъ сихъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ соотвѣтствовалъ въ арміи одинъ изъ оберъ-офицерскихъ, и потому при записываніи дѣти получали сіи чины смотря по связямъ родителей съ начальниками, по покровительству, а иногда и по заслугамъ ихъ.

Благодаря весьма дальнему родству матери моей съ конногвардейскимъ премьеръ-майоромъ, отъ арміи генералъ-поручикомъ Петромъ Ивановичемъ Боборыкинымъ, насъ всѣхъ троихъ, братьевъ за азбукой, а меня въ колыбели, записали

вахмистрами лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ. Старшинство между тѣхъ сохранялось и для братьевъ приближалось уже время производства въ офицеры; стоило только подождать годъ, другой, но какимъ мальчикамъ не хочется ранѣе быть на свободѣ? Они убѣдили родителей дозволить имъ, какъ говорилось тогда, подать въ армію, и едва показавшись на службу, они были выпущены 1 января 1795 года ротмистрами въ Нѣжинскій карабинерный полкъ. Подобная участь въ послѣдствіи ожидала и меня, и я, признаюсь, ожидалъ ея также съ нетерпѣніемъ.

Тотъ полкъ, въ который вышли братья мои, стоялъ тогда на квартирахъ во вновь присоединенной отъ Польши Изяславской губерніи, нынѣшней Волынской, бывшемъ Заславскомъ воеводствѣ, не очень далеко отъ Кіева: по снисходительности начальства и вообще по необращенію въ мирное время строгаго на то вниманія, они бо́льшую часть года проводили у родителей. Пріѣздъ ихъ меня совсѣмъ не обрадовалъ; три года отсутствія въ тогдашнія мои лѣта были цѣлая вѣчность, я ихъ совсѣмъ почти не помнилъ, и смотря на ласки, расточаемыя имъ матерью и сестрами, видѣлъ въ нихъ только пришлецовъ, похищающихъ мои права.

Непріязненное къ нимъ чувство еще умножилось, когда они начали мнѣ приказывать, на мнѣ взыскивать; пусть бы сестры, думалъ я: онѣ бранятъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, когда онѣ принуждены даже взять за ухо, отъ прикосновенія ихъ менѣе боли чѣмъ удовольствія; а эти карабинеры, по какому праву? Сіе право я нынѣ уважаю, право старѣйшинства между родными, оно было тогда освящено обычаемъ и проистекало изъ самыхъ ясныхъ понятій о взаимныхъ обязанностяхъ единокровныхъ. Имъ крѣпится союзъ въ семействахъ; никакой ребенокъ не могъ тогда остаться совершенно сиротой, напрасно смерть похищала у него отца и мать; дяди и тетки, старшіе братья и сестры, при жизни ихъ уже участвовавшіе въ ихъ обязанностяхъ, тотчасъ заступали ихъ мѣсто и становились естественными покровителями младенца, отрока или даже юноши. Общее мнѣніе поручало имъ беззащитнаго и требовало отъ нихъ строгаго отчета; безжалостный братъ или хищный дядя были имъ преслѣдуемы и были столь же рѣдки какъ жестокосердые родители; но за то и они находили въ питомцахъ своихъ покорность и нѣжность. Узелъ, прикрѣпляющій дѣтей къ родителямъ, а за

неимѣніемъ ихъ къ старшимъ въ родѣ, слугъ къ господамъ и взаимно, сей самый узелъ связывалъ гражданъ между собою и привязывалъ ихъ къ правительству, вѣрѣ и отечеству. Горькая истина! всѣ сіи узы до того нынѣ ослабѣли, что стóитъ бездѣлицы, дабы совсѣмъ развязать ихъ. О всегубительный вихорь Запада!

Напрасно будутъ говорить, что народы всегда любятъ правительства, коихъ благотворные законы ограждаютъ ихъ безопасность и собственность, что людямъ необходима какая-либо вѣра, и сія необходимость заставляетъ любить ее, что общія выгоды всегда соединяютъ людей на защиту ихъ, что слуги волею или неволею и теперь повинуются господамъ, что если дѣти и не оказываютъ нынѣ родителямъ принужденнаго уваженія какъ прежде, если позволяютъ себѣ безпрестанно съ ними обо всемъ спорить и смѣются надъ ихъ ветхими предразсудками, то не менѣе того ихъ любятъ по привычкѣ, по воспоминаніямъ о младенчествѣ. Хорошо еслибъ и такъ; но это дѣйствіе необходимости, разсудка, разчета, а прежде все это было чувство, и кажется, что одно всегда бывало сильнѣе другаго.

Настоящее заставляетъ меня часто забывать прошедшее; спѣшу опять въ немъ утѣшиться. Итакъ братья мною командовали; изъ нихъ старшій, а изъ сестеръ средняя преимущественно мною занимались, мнѣ покровительствовали, меня предпочитали, тогда какъ старшая сестра и средній братъ всегда оказывали совершенное пристрастіе къ самой меньшой сестрѣ нашей, Александрѣ, которая, какъ уже сказалъ я, была шестью годами меня моложе.

Сія послѣдняя отъ природы получила все, и умъ, и красоту, и доброе сердце; но, къ сожалѣнію, все это напрасно. Если оспа не совсѣмъ ее изуродовала, то по крайней мѣрѣ весьма попортила ея лицо; кожѣ необыкновенной бѣлизны и тонкости и чертамъ самымъ привлекательнымъ дала нѣкоторую грубость и выраженіе не совсѣмъ пріятное, оставивъ ей одни только прекрасныя глаза; дурное воспитаніе еще болѣе испортило ея нравъ и не дало природному уму ея развиться и украситься. Сей Веніаминъ женскаго пола былъ идоломъ покойнаго родителя; не отягченный еще, но уже побѣжденный лѣтами, онъ не могъ сохранить съ нею притворнаго равнодушія, которое показывалъ старшимъ дѣтямъ; вся нѣжность отца, усиленная продолжительнымъ воздержаніемъ отъ ея

изъявленія, излилась на малютку, послѣдній плодъ счастливаго его супружества. Ея появленіе всякій разъ раждало улыбку на устахъ его, при ней терялъ онъ обычную свою важность; чадолюбивѣйшая изъ матерей не хотѣла или не смѣла показать ей малѣйшей строгости, старшіе братья и сестры тѣшились ею какъ куклой, а одинъ изъ нихъ, отличающійся нѣкоторою суровостію въ характерѣ, позволялъ ей все съ собою; наконецъ и мнѣ, который въ ребячествѣ имѣлъ наклонность къ постыднымъ порокамъ зависти и ревности, ни минуту не приходило на сердце ей позавидовать, и мы по близости лѣтъ чрезвычайно другъ друга любили. Все позволялось ей, всѣ ея прихоти исполнялись, долго не рѣшались занимать ее ученіемъ, а когда и принялись за то, никто не смѣлъ ее приневоливать; однимъ словомъ, это было самое избалованное дитя, и если Веніаминъ не сдѣлался наконецъ Митрофанушкой въ юбкѣ, то его спасли единственно хорошіе примѣры въ семействѣ, а можетъ-быть и счастливые дары природы.

Коротко познакомивъ читателей со всѣмъ моимъ семействомъ, мнѣ предстоитъ теперь обязанность доставить имъ новыя знакомства съ постороннимі лицами и приступить къ описанію совсѣмъ новой эпохи въ моей жизни.

X.

Кому изъ пожилыхъ нынѣ людей не памятенъ роковой 1796 годъ? Великія народныя бѣдствія постигли Россію въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины; на югѣ война пылала съ Турціей, Польша волновалась и угрожала опасностію ея западнымъ границамъ, всѣ ея юго-восточныя области кипѣли ужаснымъ Пугачевскимъ бунтомъ, и моровая язва, опустошивъ южные предѣлы, проникла въ самое сердце ея, Москву. Твердостію, счастіемъ и мудрыми выборами Екатерины, зло физическое и нравственное было вездѣ побѣждено, когда Румянцовъ предписывалъ Туркамъ условія мира, Бибиковы, Панины, Суворовы укрощали мятежъ, а Еропкины и Орловы спасали древнюю столицу. Бѣдствія миновались, и наступила для Россіи славная тишина, какой нельзя дотолѣ найдти во всѣхъ ея лѣтописяхъ. Тишина не есть однакоже бездѣйствіе: спокойствіе, коимъ болѣе двадцати лѣтъ наслаж-

далась Россія при Екатеринѣ, можно уподобить лѣтнему зною, когда въ молчаніи поля и лѣсъ, люди и стада ищутъ прохладу, а силою великаго свѣтила зрѣютъ жатвы и плоды.

Въ сіи двадцать слишкомъ лѣтъ быстро, хотя сначала едва примѣтно, естественно и непринужденно просвѣщеніе разливалось по всѣмъ отраслямъ управленія, проникало въ цѣлый составъ народный. Подъ государственное зданіе, наскоро, нетерпѣливою, насильственною рукою Петра Великаго воздвигнутое, подведенъ прочный фундаментъ, котораго оно не имѣло; грубый чертежъ его во многомъ измѣнился, и въ сей передѣлкѣ, приспособленной къ нашему народному быту, соблюдены стройность и пріятность формъ. Народный духъ, болѣе пятидесяти лѣтъ подавляемый сначала Петромъ, а послѣ него Меншиковымъ и Бирономъ, воспрянулъ уже при Елисаветѣ, но въ немъ была замѣтна не столько привязанность къ достоинству русскаго имени, сколько къ предразсудкамъ, къ варварскимъ обычаямъ старины. Первыя искры національнаго самолюбія, просвѣщеннаго патріотизма показались при Екатеринѣ; при ней родились и вкусъ, и общее мнѣніе, и первыя понятія о чести, о личной свободѣ, о власти законовъ.

Пустоши, необитаемыя степи покрылись при ней селеніями, мало извѣстныя селенія обратились въ многолюдные, губернскіе города и зацвѣли торговлей и общежитіемъ. Она никого не принуждала, но во всѣхъ умѣла возбуждать желаніе учиться, и Русскіе, какъ будто бы слѣдуя собственному внушенію, стремились сравняться съ народами, многими вѣками въ образованіи ихъ опередившими. Все шло какъ бы само собою, и очарованная ею Россія, упоенная славой, пресыщенная завоеваніями, предавалась какому-то сладкому забвенію, отъ котораго только по временамъ столь же пріятно была пробуждаема громомъ заграничныхъ нашихъ побѣдъ.

Говорятъ, что ея придворные, какъ и вездѣ, пресмыкались, завидовали и клеветали, пристально вглядывались въ царскія слабости, старались угождать имъ и въ то же время нескромными рѣчами старались поносить ихъ. Но въ дали солнце Россіи являлось намъ во всемъ своемъ блескѣ, Державинъ пѣлъ его, Суворовъ ему служилъ, мы согрѣвались его лучами, мы озарялись его свѣтомъ. Мы блаженствовали, мы ликовали, мы все болѣе и болѣе предавались врожденной намъ безпечности, забывая о прошедшемъ, не думая о будущемъ, какъ

будто бы безсмертная дѣлами была также безсмертна и тѣломъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 года ужасная вѣсть о ея внезапной кончинѣ прервала пагубительный сонъ, въ который погружена была вся Россія. День именинъ моихъ съ покойнымъ отцомъ, 14-го ноября, былъ днемъ торжественнымъ для нашего семейства и праздникомъ для цѣлаго города: въ этотъ день съ ранняго утра до обѣденнаго времени посѣтители и даже посѣтительницы являлись безпрестанно съ поздравленіями; между тѣмъ во всѣхъ комнатахъ накрывались столы, за которые тѣсно садились потомъ духовные, воинскіе и гражданскіе чиновники и нѣсколько почетнѣйшихъ кіевскихъ купцовъ; это былъ, какъ говорилось, пиръ про весь міръ. Лишь только исчезали столы, какъ начинали съѣзжаться на вечеръ и далеко за полночь веселились; самый пріятный и утомительный для насъ день.

Онъ взошелъ какъ обыкновенно; домъ нашъ наполнился всякаго званія людьми; со всѣхъ сторонъ доброжелательные лица и нельстивыя уста привѣтствовали добраго, всѣми любимаго хозяина и его семейство. Сѣли за обѣдъ и къ концу его, радость, кажется, болѣе нежели когда-либо блистала на всѣхъ лицахъ и изливалась въ шумныхъ нескладныхъ рѣчахъ. Вотъ уже встали изъ-за стола, уже наступилъ вечеръ, и молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала первыхъ ударовъ смычка, какъ вдругъ вызвали губернатора Милашевича, а за нимъ и отца моего, и чрезъ нѣсколько минутъ они воротились съ видомъ мрачнымъ и безпокойнымъ. Немногіе это замѣтили, но спустя полчаса отецъ мой объявилъ, что музыканты отосланы и пляски не будетъ. Старыя барыни приступили къ нему съ убѣжденіями и съ требованіемъ отмѣнить сей безчеловѣчный приговоръ, молоденькія дѣвицы взорами молили его о томъ. же, онъ остался непреклоненъ; одна мать моя, которая знала что онъ никогда не дѣйствовалъ по капризамъ и подозрѣвала важную тайну, была сильно встревожена. Вечеръ прошелъ довольно скучно, и всѣ рано разъѣхались по домамъ.

На другой день по утру весь городъ узналъ ужасную тайну. Проѣхавшій наканунѣ изъ Петербурга курьеръ къ фельдмаршалу графу Румянцову, генералъ-губернатору Малороссіи, съ подорожной, на которой было выставлено имя Павла Перваго, былъ остановленъ на почтѣ и проведенъ къ губернатору, который тогда находился у отца моего, и они оба

узнали отъ него нѣкоторыя подробности о кончинѣ Екатерины Второй, которыхъ никому не спѣшили сообщить. Ночью пріѣхалъ другой курьеръ съ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Павла.

Какъ описать видѣнное мною? Я помню всеобщее оцѣпенѣніе, я помню какъ сквозь слезы поздравляли другъ друга съ новымъ Государемъ, помню изъявленіе надежды, что онъ будетъ милосердъ къ своимъ подданнымъ..... Онъ явился на тронѣ, и Россія въ безмолвіи, съ благоговѣніемъ и трепетомъ преклонила колѣна предъ сыномъ Екатерины и правнукомъ Петра.

Первыя извѣстія полученныя потомъ изъ Петербурга многихъ обрадовали: щедроты лились рѣкою.....

Всѣ окружавшіе Петра III были призваны ко двору и осыпаны милостями. Вѣроятно, въ спискѣ не столь важныхъ лицъ при немъ находившихся, нашлось и имя отца моего; такъ должно полагать, ибо безъ всякаго представленія, безъ всякой извѣстной причины вдругъ получилъ онъ милостивый рескриптъ отъ царя и на шею Анненскій крестъ, огромную бляху, составленную изъ красныхъ и бѣлыхъ стеколъ изображающихъ яхонты и алмазы. Награда нынѣ маловажная, даже обидная для генерала, но въ первые мѣсяцы царствованія Павла она почиталась лестною; отмѣнивъ раздачу орденовъ учрежденныхъ Екатериною, Георгіевскаго и Владимірскаго, онъ хотѣлъ замѣнить ихъ Анненскимъ, и для того раздѣлилъ его на три степени, почитая вторую наравнѣ съ второю степенью Владимірскаго ордена. Получивъ крестъ отъ сына Петра III и въ память его, отецъ мой надѣлъ оный съ растроганнымъ сердцемъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Екатерины, 6-го декабря, скончался близъ Кіева одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея полководцевъ, Румянцовъ-Задунайскій. Онъ съ давняго времени жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ташани, во ста верстахъ отъ Кіева, и оттуда управлялъ Малороссіей, то-есть имѣлъ главное наблюденіе надъ ходомъ въ ней дѣлъ, но все время нашего тамъ пребыванія ни разу не посѣтилъ Кіева. Заслуженные воины, поклонники отечественной воинской славы, съ разныхъ сторонъ стекались къ нему какъ на богомолье. Изъ подчиненныхъ его отецъ мой, имъ особенно любимый, раза два или три въ годъ посѣщалъ его и гостилъ у него по недѣлѣ. Графъ Румянцовъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ при

Анне Ивановне, слѣдственно тогда еще былъ капитанъ германскимъ духомъ; подъ начальствомъ графа Фермора сражался съ Великимъ Фридерикомъ и среди самыхъ побѣдъ нашихъ надъ вѣнчаннымъ полководцемъ, дивился его искусству и генію; въ послѣдствіи имѣлъ случай узнать его лично и безъ восторга не могъ говорить объ немъ. Отечественное онъ мало уважалъ и жилъ всегда окруженный Нѣмцами. За то и Россія, платя ему дань удивленія, ограничивалась симъ холоднымъ чувствомъ, тогда какъ имя Суворова еще и понынѣ заставляетъ биться сердца патріотовъ. *

Тѣло покойнаго фельдмаршала привезено было въ Кіево-печерскую крѣпость и по приказанію Павла предано землѣ въ Лаврѣ, съ величайшими военными почестями. Три холостые сына, изъ коихъ младшему, Сергѣю Петровичу, было уже за сорокъ лѣтъ, прибыли къ печальной церемоніи. Они принимали посѣщенія, но сами ихъ никому не дѣлали, и одинъ только изъ нихъ, Николай Петровичъ, умѣлъ со всѣми быть любезенъ и привѣтливъ. Въ память уваженія отца своего къ

* Въ новѣйшее время у Русскаго войска было также два любимца: Воронцовъ и Ермоловъ. Первый изъ нихъ и доселѣ еще управляетъ (Читатели конечно не забыли что воспоминанія Вигеля писаны много лѣтъ тому назадъ. *Ред.*) обширнымъ, мало населеннымъ, пограничнымъ краемъ; онъ живитъ его, устраиваетъ, заселяетъ и посвящаетъ ему весь умъ свой, познанія, дѣятельность, могущество и богатство; послѣдній, во многомъ обвиняемъ, а болѣе всего въ ошибкахъ, устраненный отъ дѣлъ, нѣмущій, зарылся въ деревнѣ, величаво уединился. До двадцатилѣтняго возраста воспитанный въ Лондонѣ, графъ Воронцовъ имѣетъ всѣ англійскіе навыки, въ частной жизни какъ и въ общественной являетъ себя болѣе лордомъ чѣмъ боярикомъ. Ермоловъ видитъ въ Русскихъ (среди ихъ варварства или просвѣщенія, все равно) первый народъ въ мірѣ, онъ властолюбивъ иногда до жестокосердія, мраченъ и остроуменъ въ насмѣшкахъ, имѣетъ великодушіе, отважность и самую каружность царя лѣсовъ. Его обвиняютъ, а на каждомъ шагу вы можете найдти между военными, гражданами и купцами сильныхъ и усердныхъ его адвокатовъ; старая, вѣрная Москва хотѣла утѣшить его избраніемъ въ свои предводители; самыя милости къ нему правительства имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ знаки уваженія къ общественному мнѣнію и принимаются имъ съ восторгами благодарности. Послѣ того пусть скажутъ, что у насъ вовсе нѣтъ національности. Мы въ этомъ случаѣ нѣсколько похожи на древнихъ Грековъ; въ нашихъ богахъ и полубогахъ мы любимъ находить наши слабости и даже наши пороки, мы желаемъ, чтобъ они были мы же, но гораздо въ большемъ размѣрѣ.

моему, подарилъ онъ ему богатую, конскую сбрую и любимую лошадь покойника вороную, откормленную, на которой онъ изрѣдка выѣзжалъ, и которая потомъ болѣе шести лѣтъ служила отцу моему для прогулокъ.

Хвалясь вниманіемъ Румянцова къ покойному родителю, я было забылъ похвастаться ласками къ нему Суворова. Это еще было на Кубани, гдѣ Суворовъ сражался съ Горцами и жилъ еще съ молодою, добродушною женой, которую отмѣнно тогда любилъ. Она была красавица въ русскомъ вкусѣ, была румяна и полна, ума не высокаго, съ воспитаніемъ стариннымъ. Въ Таганрогѣ и Черкасскѣ, среди тогдашнихъ казачекъ, пріятно было встрѣтиться русскимъ барынямъ, и она очень сдружилась съ моею матерью. Самъ Суворовъ, навѣщая жену, очень полюбилъ ее, былъ съ нею чрезвычайно любезенъ и часто при ней геніально дурачился. Но съ тѣхъ поръ мои родители уже съ ними нигдѣ не встрѣчались.

Великій Суворовъ, Одинъ Русскаго воинства, вдругъ былъ отставленъ какъ простой офицеръ и посланъ жить въ деревню.....

XI.

Перемѣны шли при Павлѣ съ неимовѣрною быстротой. Званіе намѣстниковъ и генералъ-губернаторовъ уничтожено и замѣнено званіемъ военныхъ губернаторовъ, управляющихъ и гражданскою частію. Въ сію должность назначали того же самаго графа Румянцова, но онъ умеръ, и на его мѣсто прибылъ вновь пожалованный фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ. Военные генералы, управлявшіе губерніями, переименованы въ соотвѣтствующій ихъ классу гражданскій чинъ и названы гражданскими губернаторами. Оберъ-комендантъ лишились сего названія, остались просто комендантами, и у нихъ отняли инспекцію надъ крѣпостями и гарнизонами: но за то въ ихъ вѣдѣніе поступили полиціи губернскихъ городовъ, и въ случаѣ отсутствія военнаго губернатора не гражданскіе губернаторы, а они заступали его мѣсто.

Не самая важная, но для наружности самая примѣчательная перемѣна произошла въ воинскомъ нарядѣ. Щеголеватость одежды Екатерининскихъ воиновъ найдена женоподобною: въ самое короткое время, сначала гвардія, а потомъ вся армія обмундированы по новой формѣ. Описаніе новаго костюма довольно, кажется, любопытно: онъ состоялъ изъ длиннаго и широкаго мундира довольно толстаго сукна, не съ отложнымъ, а лежащимъ воротникомъ и съ фалдами, которыя спереди совсѣмъ почти сходились; изъ шпаги между сими фалдами, воткнутой съ зади; изъ ботфортовъ съ штибель-манжетами или штиблетъ чернаго сукна; изъ низкой, сплюснутой треугольной шляпы; узкаго чернаго галстука, коимъ офицеры казались почти удавленными; перчатокъ съ огромными раструбами; простаго дерева форменной палки съ костянымъ набалдашникомъ и наконецъ изъ двухъ васаленныхъ надъ ушами буколь съ длинною, туго проволокой и лентой перевитою косой. Исключая кавалеріи, всѣ одѣты были въ мундиры одинаковаго цвѣта, но за то отвороты и обшлага были и розовые, и абрикосовые, песочные, кирпичные, всѣхъ въ мірѣ цвѣтовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣланы были и такія перемѣны, которыя были весьма полезны для службы, хотя иныя и оскорбили тогда ребяческое мое самолюбіе. Безчисленныя толпы гвардейскихъ сержантовъ и вахмистровъ потребовали на службу: иные оставлены въ гвардіи, другіе выпущены въ армію не болѣе какъ прапорщиками, а малолѣтные за неявкою исключены вовсе изъ полковъ; нѣтъ нужды говорить, что я попалъ въ число послѣднихъ.

Начало 1797 года, между прочимъ, ознаменовано одною важною государственною ошибкой, коей вредныя послѣдствія ощущаемъ мы и понынѣ. Сіе дѣло было для меня предметомъ постоянныхъ горестныхъ размышленій, и я позволю себѣ здѣсь изложить ихъ съ нѣкоторою подробностію.

Остзейскія провинціи были нѣкогда достояніемъ великаго Новгорода и полоцкихъ князей. Не задолго до нашествія Татаръ и вторженій литовскихъ, начали изъ-подтишка въ маломъ числѣ показываться монахи и рыцари на Ливонскихъ берегахъ и съ дозволенія безпечныхъ Новгородцевъ и Полочанъ строить замки и кирки. Когда двѣ кровавыя тучи, одна послѣ другой, съ востока и запада, покрыли почти всю раздробленную Россію, тогда и наши Нѣмцы, усиленные прибытіемъ

многочисленныхъ сподвижниковъ, начали расширяться на сѣверѣ. Татары нагрянули, вломились, Нѣмцы же воспользовались гостепріимствомъ и засѣли, мечомъ начали крестить несчастныхъ Эстовъ и скоро захватили два русскіе города, Юрьевъ и Ругодивъ, нынѣшніе Дерптъ и Нарву; еслибы не могущество республикъ Новгородской и Псковской, они бы проникли во внутренность Россіи.

Итакъ хищные враги со всѣхъ сторонъ рвали на части и до того уже междуусобіями раздираемое наше отечество. Какъ оно не погибло, а возродилось, вознеслось, это чудо Провидѣнія, о которомъ здѣсь не мѣсто говорить. Лишь только установилось у насъ единодержавіе, лишь только справились съ Татарами, какъ тотчасъ хватились отнятаго у насъ Нѣмцами: мужество Баторія не допустило грознаго царя удержать за собою завоеванную уже Ливонію. Безчеловѣчные же ея владѣтели, истребители ея тишины и свободы, давно уже утратили неукротимое мужество предковъ и утопали въ негѣ, въ роскоши, въ развратѣ; тѣснимые сильными государствами, они должны были попеременно признавать надъ собою господство Польши, Даніи и Швеціи. Они принадлежали послѣдней, когда возгорѣлась война между Карломъ XII и Петромъ Великимъ: перваго ненавидѣли они за отнятіе будто бы какихъ-то правъ, а послѣднему поддались бы неохотно. Правда дѣло шло объ нихъ и за нихъ, но не съ ними; имъ оставалось ожидать кому они достанутся.

По праву побѣды и завоеванія, по праву прежняго владѣнія и по Ништадскому трактату, не съ ними, а съ Шведскимъ правительствомъ заключенному, земли ими захваченныя, возвращены опять Россіи. При сдачѣ одного города, Риги, были сдѣланы нѣкоторыя условія, и они увѣряютъ будто на сихъ условіяхъ вся Ливонія добровольно покорилась Россійской державѣ. Петръ Великій обрадовался новымъ подданнымъ, просвѣщеннымъ, напудреннымъ и выбритымъ, и утвердилъ всѣ ихъ привилегіи..... Всѣмъ извѣстно какъ возблагодарили они насъ за то, сіи завоеванные наши тираны, во время Бирона. При Екатеринѣ Второй дѣла пошли иначе, сближеніе ихъ съ нами сдѣлалось возможнымъ, но смерть ея отдалила ихъ отъ насъ. Шарлотта Карловна Ливенъ, осыпанная ея милостями, коей она поручила воспитаніе своихъ внукъ, представила сыну ея нѣкоторыя нововведенія какъ посяга-

тельство на священнѣйшія права Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства. Не довольствуясь симъ, она успѣла увѣрить его что и введеніе русскаго языка и законовъ въ губерніяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши, есть вопіющее насиліе.

Не станемъ говорить о справедливости или несправедливости присоединенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи; тому, кто знаетъ хорошо русскую исторію, разрѣшить вопросъ сей будетъ не трудно.

Жители Польши покорились судьбѣ, начинали привыкать къ новому порядку вещей: особенно же тѣ, кои по раздѣлу поступили въ подданство къ Россіи. Они были присоединены къ народу Славянскому, не чужому; простой народъ въ томъ краю не переставалъ называть себя русскимъ, двѣ трети его исповѣдывали греко-россійскую вѣру, а остальные, насильно вовлеченные въ латинство и унію, готовы были возвратиться въ нѣдра православія. Дворянамъ не постыдно было промѣнять имя храбрыхъ Поляковъ на имя доблестныхъ Россіянъ, которое носили ихъ предки. Опредѣляя однихъ только коренныхъ Русскихъ на всѣ мѣста въ новыхъ губерніяхъ, употребляя Поляковъ въ арміи и внутри государства, такъ сказать, тасуя два народа, Екатерина изглаживала слѣды взаимной ихъ вражды. Ея преемникамъ оставалось только, слѣдуя по пути ею проложенному, собирать плоды ея мудрой системы. Примѣръ Смоленска, а еще болѣе Бѣлоруссіи, въ самое короткое время забывшей, что она принадлежала Польшѣ, показали на опытѣ какъ легко и естественно сливаются славянскія племена подъ однимъ управленіемъ. Какъ подживаетъ переломленный членъ осторожно перевязанный искуснымъ врачомъ, такъ Украйна начинала было прирастать къ Россіи. И вдругъ толчокъ, и пробужденіе усыпленной боли, и волненіе замысловъ, и несбыточныя надежды, и ветхій литовскій статутъ.....

Въ началѣ сего самаго 1797 года сдѣлано генеральное перемежеваніе губерній; то-есть весьма многія изъ нихъ упразднены и причислены къ сосѣднимъ, въ томъ числѣ и наша Пензенская; но для чего? это одинъ Богъ знаетъ. Три малороссійскія губерніи слились въ одну, Кіевъ отъ нихъ отдѣлился и сдѣлался главнымъ городомъ Брацлавской губерніи, наполненной Польскими помѣщиками. Вскорѣ потомъ изъ

Дубно, мѣстечка Волынской губерніи переведены въ него контракты, родъ дворянской биржи, на которую они, въ извѣстное время года, съѣзжались для разнаго рода сдѣлокъ, покупки и продажи имѣній, отдачи капиталовъ въ займы и прочаго. Тутъ представляется вопросъ, для чего это? Не съ намѣреніемъ ли сбанзить Поляковъ съ Русскими?

Итакъ я въ малолѣтствѣ своемъ сдѣлался свидѣтелемъ великой метаморфозы. Древняя столица великихъ князей Русскихъ, даже при польскомъ правительствѣ сохранившая себя невредимою отъ польскаго вліянія, вдругъ ополячилась. Въ продолженіи 1797 года число русскихъ чиновниковъ и малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ ней уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличилось. Но таковы были слѣдствія направленія даннаго умамъ въ предшествовавшее царствованіе, что они не только не чуждались общества Русскихъ, но сами искали его, были ласковы до униженія, чтобы не сказать до подлости, и даже, какъ умѣли, старались говорить по-русски. О Екатеринѣ говорили съ почтеніемъ и съ восторгомъ о ея сынѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ..... Они его дѣйствительно любили; странное однакоже дѣло: они при немъ не смѣли питать тѣхъ надеждъ, кои съ такою силою обнаруживали при его преемникѣ.....

Немного времени спустя послѣ коронаціи императора Павла, начались у насъ въ Кіевѣ потѣхи и празднества. Начальники губерній, сбросивъ трауръ, заботились объ увеселеніяхъ. Въ одной изъ крытыхъ аллей прекраснаго дворцоваго сада настлали гладкій полъ и надъ нимъ изъ двухъ или трехъ палатокъ сдѣлали наметъ; въ сей открытой галереѣ новаго рода, ярко освѣщенной, танцовали два раза въ недѣлю; право входа имѣли въ нее всѣ безъ исключенія, начиная отъ высшихъ классовъ до порядочно одѣтыхъ людей. Сверхъ того, всякую недѣлю былъ балъ у военнаго губернатора графа Салтыкова: онъ жилъ тогда въ построенномъ давно, но дотолѣ никѣмъ не обитаемомъ обширномъ деревянномъ домѣ графа Разумовскаго, который, такъ-сказать, висѣлъ надъ стремниной, и изъ коего были чудесные виды за Днѣпръ. Домъ сей казался волшебнымъ, когда въ лѣтнюю, темную ночь полуденнаго края, онъ блисталъ огнями; сверхъ того, въ царскіе дни были маленькіе фейерверки, иллюминаціи, и иногда спускались небольшіе воздушные шары.....

Тутъ въ первый разъ увидѣли мы привлекательныхъ

Полекъ; они отличались не столько еще красотой и любезностію ума, сколько ловкостію и смѣлостію. Ихъ самонадѣянность, ихъ ласковое, веселое, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько насмѣшливое обхожденіе приводило въ смятеніе нашихъ добрыхъ барынь и барышень; отъ разговоровъ ихъ онѣ часто должны были краснѣть. Что касается до меня, то мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу женщинъ; они къ намъ въ домъ очень часто начали ѣздить; я не зналъ кого предпочесть, которую изъ двухъ Залѣсскихъ, панью ли Гурковскую, или Росцишевскую, или Пупертову? Наше кіевское общество составляло одно семейство, и взрослыя, и молодыя дѣвицы, какъ будто видя во мнѣ маленькаго брата, обходились со мной какъ съ мальчикомъ. А эти милыя Польки, онѣ шутили, рѣзвились со мной, щипали меня, и даже съ ребенкомъ не забывали кокетствовать.

Между сими Польками, были тогда двѣ старухи, довольно замѣчательныя. Одна изъ нихъ была вдовствующая княгиня Яблоновская, урожденная княжна Корибутъ Воронецкая, женщина лѣтъ шестидесяти, довольно добрая, не надменная, но тщеславная, не столько глупая, сколько помѣшанная. Двѣ знатныя фамиліи, къ которымъ она принадлежала, были въ родствѣ съ Чарторыйскими и Радзивилами, кои какъ извѣстно, породнились съ домами прусскимъ и виртембергскимъ; она была въ свойствѣ съ Понятовскимъ, который сидѣлъ на польскомъ тронѣ, и съ Понинскими, изъ коихъ одна была за курляндскимъ герцогомъ. Все это вскружило голову ея покойному супругу, онъ возмечталъ, что самъ онъ царь, и промотался на милостяхъ къ своимъ подданнымъ. Поврежденіе ума его привилось и къ ней; въ небольшомъ помѣстьѣ Стебловѣ, какъ-то уцѣлѣвшемъ, въ ветхомъ, не весьма обширномъ домѣ, который величала она замкомъ и палацомъ, сидѣла она, окруженная портретами родственниковъ своихъ, императоровъ и королей; дворню свою называла дворомъ, имѣла нѣсколько голодныхъ фрейлинъ, пановъ служовцевъ, а изъ мелкой, дробной шляхты ей не трудно было набрать маршалковъ и шталмейстеровъ: когда же посѣщала сосѣдей, то два казака съ пиками, должны были всегда передъ ней ѣхать верхомъ *. Визитныя ея карточки были огромныя панкарты,

* Сей обычай соблюдается и нынѣ между польскими помѣщиками въ Украйнѣ. Его бы слѣдовало строго отмѣнить, ибо онъ напоминаетъ

на которыхъ былъ напечатанъ весь ея титулъ, кастелянша такая-то и такая-то, кавалерша австрійскаго ордена звѣздчатаго креста (dame de la croix étoilée) и владѣтельница города Стеблова. Впрочемъ, она была очень тиха и благосклонна, особливо когда ей говорили о знаменитыхъ ея связяхъ и тѣшили титуломъ свѣтлости. Такія затѣи и такихъ чудаковъ случалось мнѣ послѣ видѣть и внутри Россіи.

Оригинальность другой старухи, также княгини, была иного рода. Богъ знаетъ какимъ образомъ, однофамильцы или родственники несчастнаго царя Василія Ивановича Шуйскаго остались въ Польшѣ и вступили въ ея подданство: можетъ-быть кто-нибудь и присвоилъ себѣ самовольно сіе униженное имя, никѣмъ не оспариваемое, судьбою гонимое. Какъ бы то ни было, но послѣдній, который носилъ его, жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ясногородкѣ, въ бывшемъ Кіевскомъ воеводствѣ. Вдова его слыла нѣкогда красавицей, жила долго и никогда этого не могла забыть. Не знаю какихъ лѣтъ была она, когда мы ее увидѣли, но на взглядъ ей казалось болѣе семидесяти. Какъ бы описать ее? Это былъ вѣнчанный розами изсохшій трупъ, въ которомъ, однакоже, замѣтны еще были признаки жизни; сухощавая, сгорбленная, вся дрожащая старушка, одѣтая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка, предметъ ужаса, состраданія и смѣха. Румяны и бѣлилы съ нея сыпались, но она была мрачна, угрюма и въ впадшихъ очахъ ея неподвижные взоры горѣли какимъ-то страшнымъ жаромъ. Любовь оспаривала у смерти сію жертву, но торжество послѣдней казалось весьма близкимъ. Любопытно было видѣть этотъ мосолъ подлѣ жирной Шардонши; обѣ съ удовольствіемъ говорили объ любви, но для послѣдней была она только веселымъ воспоминаніемъ, а для первой серіознымъ, вседневнымъ упражненіемъ; и не удивительно: у одной было тощее тѣло, у другой былъ тощій карманъ. Три или четыре Поляка, красивые атлеты, записные обожатели княгини Шуйской, безъ стыда и ревности всюду ее сопровождали; надобно признаться, что въ семъ случаѣ наши Русскіе уступали въ храбрости Полякамъ: ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ вступить въ ея свиту.

У нея было двѣ дочери, изъ коихъ старшая была прекрасна

давно уже не существующее, польское тиранское владычество надъ храбрымъ народомъ русскаго племени.

собою, а меньшая весьма не дурна. Въ сію послѣднюю влюбился старшій братъ мой, и дѣло шло на ладъ, но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, да и мать моя, которая въ обществѣ любила видѣть Полекъ, всегда страшилась видѣть ихъ своими невѣстками. Однакоже, дурной примѣръ и дурное воспитаніе видно не подѣйствовали на этихъ княженъ: обѣ, какъ говорятъ, въ послѣдствіи подавали собою примѣръ цѣломудрія и кротости.

Изъ русскихъ домовъ, ни въ одномъ столько Полякомъ не собиралось какъ у насъ; учтивость и образованность хозяина, врожденная любезность и умное добродушіе хозяйки, мѣсто, которое отецъ мой занималъ и что-то гостепріимное, которымъ все у насъ дышало, привлекали ихъ къ намъ. Я часто видѣлъ настоящихъ или такъ-называемыхъ графовъ, Чацкаго, Ржевускаго, Грохольскаго, Дульскаго, Олизара, и многихъ другихъ, людей отмѣнно вѣжливыхъ, хорошаго тона, остатки лучшаго варшавскаго общества. Нужно ли повторять здѣсь, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи; отечество за отечество, они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнали въ дугу.

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать здѣсь нѣсколько словъ о Полякахъ вообще, тѣмъ болѣе что мнѣ не скоро придется опять говорить объ нихъ.

При описаніи событій настоящаго времени, я долженъ буду представить ихъ, какъ народъ совсѣмъ другой, ибо разныя происшествія, для нихъ благопріятныя, или пагубныя, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ имѣли вліяніе на судьбу ихъ, во многомъ измѣнили ихъ характеръ. Итакъ я позволю себѣ теперь объяснить мысли мои о прежнихъ Полякахъ.

Славянскія племена, основавшіяся на сѣверо-востокѣ Европы, въ странахъ почти неизвѣстныхъ, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ, слились въ одинъ могущественный народъ, который назвался Русскимъ. Другія племена Славянскія, подвигавшіяся на западъ, раздробились на мелкія княжества; иныя изъ нихъ втѣснились въ самое сердце Германіи, но встрѣтившись съ силою оружія Карла Великаго, а потомъ императора Оттона, не только были побѣждены, но и вошли въ составъ народовъ германскихъ. Между сими западными и сѣверо-восточными Славянами, образовалось не

весьма обширное государство и отъ тѣхъ и отъ другихъ начало отдѣльно существовать. Поляки, несмотря на слабость силъ своихъ, какъ всѣ единоплеменные имъ народы, властолюбивые, храбрые, даже дерзкіе, не хотѣли признать передъ собою первенства безконечной, бездонной Россіи и не устрашились вступить въ опасное для нихъ соперничество. Рѣдко побѣдители, часто, весьма часто побѣждаемые, они избѣгнули завоеванія, благодаря кровавымъ междуусобіямъ князей, слѣдствіямъ пагубной удѣльной системы, но еще болѣе они сими были обязаны для самихъ Русскихъ непонятному, тайному влеченію на Югъ, куда стремились они за славою, за золотомъ, и гдѣ обрѣли они лучшее сокровище, сохранившій ихъ въ бѣдствіяхъ спасительный свѣтъ христіанской вѣры.

Симъ свѣтомъ озарились Русскіе и Поляки, почти въ одно и то же время: но первые приняли греко-восточную вѣру, послѣдніе латинскую. Несогласія двухъ церквей умножили несогласія двухъ народовъ, они приняли направленія совсѣмъ противоположныя, и препятствія къ ихъ соединенію сдѣлались неодолимы. Когда внезапно гнѣвъ Божій наложилъ на Русскій народъ ярмо татарское, тогда Польша начала добровольно налагать на себя иго западныхъ народовъ: сосѣдство съ Нѣмцами, зависимость отъ папы, а болѣе всего прельщенія Франціи развратили нравы ея жителей, испортили ихъ языкъ и породили безчисленные безпорядки, коихъ она не переставала быть жертвою.

Посреди двухвѣковыхъ жестокихъ испытаній, Русскіе сохранили нравы и обычаи предковъ, утвердились въ любви къ отечеству, научились терпѣнію, не переставали презирать хищныхъ своихъ властителей, глушаться ихъ вѣрою и, какъ драгоцѣнный металлъ, вышли чисты изъ горнила, плѣна монгольскаго. А бѣдная Польша! Все болѣе и болѣе предавалась обычаямъ Запада, принимала къ себѣ феодальныя, готическія учрежденія, совсѣмъ не сродныя славянскимъ племенамъ, сначала лишилась Силезіи, а потомъ нѣмецкій орденъ отрѣзалъ ее отъ моря: скоро, подобно Богеміи, превратилась бы она въ нѣмецкое курфирштество и существованіе ея, какъ независимаго государства, должно было прекратиться. Но брачный союзъ католички Ядвиги съ язычникомъ Ягелло, перемѣнилъ судьбу ея, и варвары Литовцы дали ей новую жизнь, новыя силы.

Симъ возрожденіемъ воспользовался одинъ только духовный Римъ; въ послѣдствіи оно сдѣлалось вредно для Россіи, а для Польши было безполезно. Правда, распространивъ въ Литвѣ римско-католическую вѣру, она взяла въ ней перевѣсъ, начала въ ней преобладать и, такъ сказать, всосала ее наконецъ въ себя со всѣми ея обширными, блестящими завоеваніями. Но что̀ значитъ распространеніе предѣловъ государства, когда въ немъ теряется духъ народности? Бѣдная Польша! Изгнанные отъ всюду Жиды стеклись въ нее и обратили ее въ помойную яму Европы, стали между господами и ихъ вассалами, первымъ облегчили средства къ полученію и умноженію доходовъ, и тѣмъ умножили склонность къ расточительности; послѣднихъ изнурили до невозможности поборами; развращали и раззоряли тѣхъ и другихъ. Бравши все на откупъ, они вездѣ истребили вкусъ къ домашнему и сельскому хозяйству. Высшіе классы предались отъ того праздности, а бѣдный простой народъ доведенъ ими до безнадежности, до безчувственности, до истуканства, почти до состоянія скотовъ.

Потомъ начали на польскомъ тронѣ являться француженки *: ихъ вліяніе на судьбу Польши было самое пагубное. Они взялись образовать въ ней прекрасный полъ и совершенно въ томъ успѣли. Жены и дѣвы Славянскія славились дотолѣ своею непорочностію, набожностію, трогательною покорностію ко власти родителей и супружеской: отъ сего тяжкаго ига избавили ихъ Француженки: они сдѣлали болѣе, они научили ихъ воспалять страсти въ мущинахъ, возбуждать въ нихъ и месть, и злобу, однимъ словомъ, научили ихъ надъ ними властвовать. Сдѣлавшись честолюбивыми, алчными, ничѣмъ не удерживаемые, ни страхомъ Божіимъ, ни законами человѣческими, могли ли Польки не забыть обязанностей супругъ и матерей? Бракъ, ими безпрестанно разрываемый, потерялъ всю святость свою и обратился въ законное наложничество, онѣ сами превратились въ очаровательныхъ Цирцей; какая-то волшебная сила заступила въ нихъ мѣсто силы небесной, коею прежде они были одарены, и тогда-то въ

* Марія де-Гонзагъ де-Неверъ была замужемъ за послѣднимъ Владиславомъ, и потомъ вышла за роднаго брата его, къ тому же кардинала, Яна Казимира, который отрекся отъ духовнаго званія и сдѣлался королемъ. Дѣвица д'Аркіенъ была женою Іоанна Собѣскаго. Въ числѣ польскихъ королей не надобно забывать и женоподобнаго Генриха Валуа.

Польшѣ, говоря словами незабвеннаго, вѣчно милаго поэта нашего, прекрасный полъ:

. . . . . Утратилъ навсегда
Стройность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Но что же дѣлали тогда мущины? Какими глазами смотрѣли они на сей ужасный переворотъ? ихъ также Француженки увѣрили, что ревность постыдный порокъ, свойственный однимъ только варварамъ; что въ просвѣщенныхъ земляхъ женщины должны быть свободны какъ воздухъ, какъ солнечный свѣтъ, что ими составляются, поддерживаются и украшаются общества, что малѣйшая прихоть ихъ должна быть закономъ для мущинъ и что сіи послѣдніе одними угожденіями могутъ имъ быть любезны. Вотъ наши Поляки принялись по своему рыцарствовать, пить венгерское вино изъ женскихъ башмаковъ и отечество свое обратили въ царство женщинъ и пародію Франціи.

Къ умноженію золъ и безпорядковъ, нагрянули іезуиты и съ извѣстною ихъ хитростію овладѣли умами. На праздность, расточительность, тщеславіе, легкомысліе Поляковъ смотрѣли они снисходительнымъ окомъ; ничего отъ нихъ не требовали, кромѣ слѣпаго повиновенія римской власти; главный догматъ ихъ, что нѣтъ преступленія, которое бы не могло быть отпущено католику, и нѣтъ добродѣтельной жизни, которая бы могла спасти еретика, сдѣлали богатыхъ Поляковъ совершенно необузданными. Я не хочу входить въ разсмотрѣніе чудовищнаго образованія Польши, королевства и республики въ одно время, и многихъ другихъ разрушительныхъ причинъ, но скажу только, могло ли ожидать славной будущности государство, коимъ управляли женщины, іезуиты и Жиды, то-есть, страсти, обманъ и корысть? Горьки были для Польши плоды европейскаго образованія!

Когда всѣ язвы сіи не глубоко еще проникли въ цѣлый составъ Польши, она встрѣтилась опять съ сестрой своею, сосѣдкой, соперницей. Но она предстала ей не въ прежнемъ уже видѣ малолюднаго княжества, хранимаго только одною отвагою своихъ жителей; она явилась ей могучею, грозною, обогащенною ея же безчисленными потерями.

Поюнѣвшая же, изъ пепла, какъ фениксъ, возникшая Россія была также сильна своею новою молодостію и въ то же время опытомъ, плодомъ двухъ-вѣковыхъ протекшихъ бѣд-

ствій; была сильна единовластіемъ царей, единомыслiемъ народа. На ней еще видны были слѣды тяжкихъ оковъ, которыя недавно она сбросила и истоптала, но самый видъ заживающихъ ранъ, самое воспоминаніе о Татарахъ, еще болѣе воспламеняли ее противъ Литвы, ибо имя Польши было ею уже давно забыто.

Началась семейная распря, народная вендетта, упорная, лютая борьба, изрѣдка прерываемая перемиріями. Въ семъ кровавомъ процессѣ, одинъ Богъ былъ судьею, Европа въ наши дѣла не мѣшалась, и сей Высшій Судія постоянно, многократно рѣшалъ въ пользу варварства противъ полупросвѣщенія. Нынѣ, послѣ троекратнаго, въ глазахъ нашихъ совершившагося покоренія, Поляки подаютъ на аппеляцію въ Парижъ; о, какъ жалки они! Судей, коихъ участь мы недавно сами рѣшили, мы не должны страшиться.

Но прежде чѣмъ Польша перестала существовать, увы! что сталось съ самой Россіей! Высшіе слои общества потеряли въ ней совершенно народную физіономію. Сначала противъ воли, и отомъ все болѣе и болѣе увлекаемые, мы наконецъ съ остервенѣніемъ устремились на Западъ, будто бы за познаніями, а въ самомъ дѣлѣ за всѣми утонченностями роскоши и порока..... Насъ потащили на сей опасный путь, и въ ослѣпленіи своемъ, часто требуютъ отъ насъ невозможнаго, любви къ отчизнѣ вмѣстѣ съ пристрастіемъ къ иноземному и такимъ образомъ ставить себя въ безпрестанное съ собою противорѣчіе. Насъ ни мало не ужасаетъ примѣръ Польши; милосердое къ намъ Небо между Европой и Россіей поставило ее какъ строгій спасительный урокъ; но мы не внемлемъ ему, и горе намъ! Позволено ли будетъ, говоря о столь важномъ предметѣ, сдѣлать сравненіе не совсѣмъ важности его приличное? Мнѣ все кажется, что судьба поступаетъ съ нами и съ Поляками какъ иной господинъ, который во устрашеніе барскаго сынка своего, безъ милосердія наказываетъ холопскаго мальчика: судьба сѣкла и сѣчетъ еще Польшу, а барченокъ Россія на то глядитъ, и все шалитъ, все проказничаетъ и если не уймется, то рано или поздно сломитъ себѣ шею.

Коль скоро дѣло коснется до Польши и до русскаго европіанизма, то кровь бросается мнѣ въ голову, мысли во множествѣ начинаютъ въ ней тѣсниться, и я дѣлаюсь плодовитъ, хоть и десятой доли ихъ не въ состояніи выразить. Такимъ образомъ, желая изобразить характеръ Поляковъ, я

заговорился о политическомъ состояніи прежней Польши, но имъ же и можно объяснить пороки, въ коихъ обвиняютъ ея жителей. Ни одно государство въ мірѣ не имѣло столь бурной жизни: славянская природа въ немъ спорила съ европейскими навыками, западная церковь съ восточною; въ немъ можно было найдти все что̀ вольность имѣетъ унизительнаго; все это пріучило Поляковъ къ сильнымъ ощущеніямъ, и все являлось въ нихъ въ преувеличенномъ видѣ, и гордость и уничиженіе. Мужикъ, который попадалъ въ шляхтичи, почиталъ высокомѣріе обязанностію своего новаго званія, и въ то же время, по старой привычкѣ, не переставалъ падать до̀ но́гъ, и цѣловать ренки пански у тѣхъ коихъ считалъ выше себя. За то мы называемъ ихъ спѣсивыми подлецами: кто гордъ и подлъ, тотъ обыкновенно бываетъ трусъ, а можно ли этимъ упрекнуть Поляковъ? Изъ множества словъ латинскихъ, вкравшихся въ польскій языкъ, ни одно такъ не ласкаетъ слуха ихъ, какъ гоноръ. Впрочемъ, падомъ до̀ но́гъ въ разговорѣ тоже самое, что покорнѣйшій слуга въ письмѣ,— одна учтивость. Весьма безтолково называемъ ихъ также безмозглыми: когда страсти не заглушали разсудокъ? Еслибъ отъ сильнаго ихъ волненія онъ и помрачился у Поляковъ, то у нихъ всегда сохранится необыкновенная живость ума и воображенія. Въ вѣкъ философіи и либерализма, всѣми обманутые, всѣми обиженные, раздѣленные и перераздѣляемые своими и чужими, то возносимые до чрезмѣрности незаслуженными похвалами, то унижаемые столь же незаслуженнымъ презрѣніемъ, всѣ понятія ихъ о ихъ правахъ и обязанностяхъ, о настоящей ихъ пользѣ, о̀ истинномъ патріотизмѣ смѣшались и перепутались.....

Я не думалъ быть защитникомъ Поляковъ, тѣмъ болѣе что имѣю много причинъ негодовать на нихъ, но я люблю истину и вспомнилъ Поляковъ моей молодости. Вѣковая ихъ вражда тогда погасла въ изумленіи предъ побѣдившимъ ихъ дивнымъ геніемъ Екатерины; ея народъ раздѣлилъ съ нею невольное ихъ уваженіе; но когда потомъ увидѣли они своихъ завоевателей на колѣняхъ въ грязи передъ тѣми, коихъ почитали своими друзьями и наставниками, то удивленіе прошло, и прежде чѣмъ они стали насъ вновь ненавидѣть, уже научились они насъ презирать.

Итакъ въ царствованіе Павла Поляки еще не смѣли ничего затѣвать; напротивъ, они старались привыкать къ своему

новому положенію и въ томъ совершенно успѣвали. Общее горе, общія опасенія сближали всѣхъ, даже личныхъ непріятелей. Въ западныхъ губерніяхъ императоръ продолжалъ во множествѣ раздавать деревни русскимъ генераламъ и министрамъ, губернаторскія и другія мѣста въ нихъ попрежнему наполнялись одними Русскими; если въ Кіевѣ увеличилось число Поляковъ, за то и Русскіе безпрестанно размножались въ другихъ городахъ вновь пріобрѣтеннаго края. По крайней мѣрѣ съ этой стороны твореніе Екатерины еще не начинало разрушаться; ея духомъ еще исполнена была Россія, и государственныя лица, совѣтники царскіе въ дѣлахъ политическихъ, все еще шли путемъ, ею начертаннымъ.

XII.

На преобразованіе войска было обращено главнѣйшее вниманіе императора. Подобно отцу, онъ былъ страстенъ къ фронту и всегда восхищался порядкомъ и устройствомъ, кои видѣлъ въ прусской арміи. Въ послѣднее время Екатерины дисциплина дѣйствительно нѣсколько ослабѣла въ нашемъ войскѣ, но ее можно было возстановить менѣе крутыми средствами.....

Названія армій, корпусовъ и бригадъ не существовали первые два года при Павлѣ Первомъ. Была одна только армія безъ главнокомандующаго, раздѣленная на двѣнадцать дивизій, и каждая изъ нихъ имѣла по два инспектора, одного по пѣхотѣ и артиллеріи, а другаго—по кавалеріи. Такимъ образомъ генералы остались бы безъ занятія, еслибы каждому изъ нихъ не дано было по полку съ названіемъ шефа. Все это я очень помню, ибо жилъ тогда въ крѣпости и мечталъ только о военной службѣ.

Изъ инвалидныхъ, болѣе чѣмъ гарнизонныхъ, кіевскихъ батальйоновъ, велѣно вдругъ составить гарнизонный полкъ, совсѣмъ на полевой ногѣ. Всѣ старые изувѣченные солдаты отосланы въ инвалидныя команды и замѣнены новонабранными рекрутами. Отецъ мой, который былъ шефомъ этого полка и который долженъ былъ отвыкнуть отъ фронтовой службы, но который нѣкогда былъ кадетскимъ офицеромъ

Петра III, вспомнилъ молодость и сдѣлалъ чудеса. Несмотря даже на недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ, черезъ три мѣсяца полкъ его ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ старымъ линейнымъ полкамъ. Это было доведено до свѣдѣнія императора, и онъ не замедлилъ наградить его чиномъ генералъ-лейтенанта, который, впрочемъ, ему слѣдовалъ и по старшинству.

Чтобъ удостовѣриться въ усѣхахъ предпринятаго имъ военнаго преобразованія, сверхъ инспекторовъ, находившихся при каждой дивизіи, Павелъ Первый разсылалъ еще инспектовать полки такъ-называемыхъ гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники. Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные....

Войска, въ Кіевской губерніи расположенныя, были счастливѣе другихъ. Узнали, что пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Баратынскій *, о которомъ дотолѣ не слыхивали: всѣ вздрогнули, всѣ ожидали видѣть людовда; тѣмъ пріятнѣе всѣ были изумлены, когда узнали сего почтеннаго, тогда еще довольно молодаго человѣка, благонамѣреннаго, ласковаго, съ столь же пріятными формами лица, какъ и обхожденія. Казалось, что онъ пріѣхалъ не столько осматривать полки, сколько учить ихъ по новому уставу, и онъ дѣлалъ сіе съ чрезвычайнымъ усердіемъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, какъ будто обязанный наравнѣ съ ихъ начальниками отвѣчать за ихъ исправность. Онъ охотно разговаривалъ о своемъ государѣ и благодѣтелѣ, увѣряя всѣхъ въ извѣстной ему добротѣ его сердца.....

Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ инспекторъ, другой Гатчивецъ, молодой измайловскій полковникъ Малютинъ: новый страхъ, новое успокоеніе. Этотъ Малютинъ былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному, тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его къ щегольству.....

Въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ Малютинъ дѣлалъ

---

* Отецъ извѣстнаго поэта Баратынскаго. Онъ недолго оставался въ милости; вскорѣ узнали въ Кіевѣ съ прискорбіемъ, что онъ отставленъ отъ службы и едва ли не сосланъ въ деревню.

смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій. Его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки, Нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе Русскихъ. Онъ не скрывалъ сколь тяжко ему *поникнуть лавровой главой* почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому, но Малютинъ не былъ видно потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена.

Послѣ такого героя, отцу моему уже не стыдно было представить новый полкъ свой на смотръ г. Малютину. Мнѣ въ первый разъ случилось тутъ увидѣть покойнаго отца передъ фронтомъ: я не могъ имъ налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лѣтъ, но всѣмъ кто тутъ былъ показался онъ двадцатью годами моложе. Самъ Малютинъ удостоилъ его величайшихъ похвалъ.

Мимоходомъ сказалъ я нѣсколько словъ о графѣ Ферзенѣ: я никакъ не могу симъ ограничиться, ибо сей человѣкъ, коего имеемъ украшаются наши военныя лѣтописи, былъ частымъ посѣтителемъ нашего дома, и мнѣ нерѣдко удавалось слышать любопытный его разговоръ. Онъ былъ тщедушенъ, роста не большаго, имѣлъ носъ длинный, щеки впалыя, лицо блѣдное; голосъ его былъ тихъ, и наружность всегда спокойна, даже тогда какъ говорилъ онъ съ жаромъ, только одни глаза его разгорались огнемъ ума и чувства. Воинъ Екатерины, онъ, подобно ей, всѣми силами пламенной души своей, привѣрнился къ нашему великому отечеству и служилъ ему не какъ наемникъ, а какъ преданнѣйшій сынъ. Германія сдѣлалась ему вовсе чуждою; несправедливость ея сыновъ противъ народа, его благороднымъ сердцемъ избраннаго, противъ земли, подательницы побѣдъ и славы, его жестоко оскорбляла. Когда соотечественники его сдѣлались образцами для нашего войска, онъ не скрывалъ намѣренія оставить службу, прибавляя, что если возгорится у насъ война съ Пруссіей, либо съ Австріей, то онъ опять готовъ вступить въ нее, хотя бы простымъ рядовымъ.

Домашнія несогласія давно разлучили его съ женой, и единственнаго сына своего онъ видѣлъ только въ колыбели. Этотъ сынъ, молоденькій мальчикъ, вызванный имъ изъ Лифляндіи, къ горю его, пріѣхалъ въ Кіевъ. „Посудите“, говорилъ Ферзенъ отцу моему, „каково мнѣ глядѣть на него? и глупъ, и

ни слова не знаетъ по-русски.“ А между тѣмъ ни одинъ портретъ, ни одна статуя не могли быть такъ схожи съ подлинникомъ какъ отецъ съ сыномъ; послѣдній былъ совершенно старикъ Ферзенъ, помолодѣвшій и не одушевленный.

Примѣчательно, что при Екатеринѣ всѣ Нѣмцы, служившіе въ нашей арміи, дѣлались наконецъ Русскими. Взаимная ихъ ненависть съ нами, возбужденная при Аннѣ Іоанновнѣ, не совсѣмъ потухла еще при Елисаветѣ Петровнѣ и на минуту опять было пробудилась при Петрѣ III, но искусствомъ Екатерины совершенно погашена. При ней, одинъ нѣмецкій генералъ обрекъ себя на вѣрную погибель, чтобы цѣною ея купить для Россіи побѣду, которую онъ не долженъ былъ раздѣлять: Вейссманъ былъ русскимъ Леонидомъ, какъ образовавшійся при ней Барклай былъ послѣ русскимъ Эпаминондомъ. Нельзя винить Нѣмцевъ, если въ послѣдующія царствованія они начали отдѣляться отъ насъ, составлять между собою какое-то братство и обратились наконецъ въ status in statu. Безпрестанно оказываемое предпочтеніе лифляндскому дворянству передъ коренными жителями Россіи должно было возгордить его и озлобить послѣднихъ.....

Мнѣ необходимо говорить теперь о вельможѣ въ 1797 году начальствовавшемъ въ Кіевѣ; его пребываніе въ семъ городѣ имѣло большое вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ членовъ моего семейства и на мою собственную. Въ предыдущей главѣ, кажется, упомянулъ уже я о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. Въ немъ можно было видѣть типъ стариннаго барства, но уже привыкшаго къ европейскому образу жизни; онъ любилъ жить не столько прихотливо какъ широко, имѣлъ многочисленную, но хорошо одѣтую прислугу, дорогіе экипажи; красивыхъ лошадей, блестящую сбрую: если не всякій, то по крайней мѣрѣ весьма многіе имѣли право ежедневно садиться за его обильный и вкусный столъ. Въ обхожденіи его, весьма простомъ, былъ всегда замѣтенъ навыкъ первенства и начальства; вообще онъ былъ ума не высокаго, однакоже не безъ способностей и сметливости, онъ не чуждъ былъ даже хитрости, но она въ немъ такъ перемѣшана была съ добродушіемъ, что его же за то хвалили; какъ воинъ, онъ болѣе былъ извѣстенъ храбростію чѣмъ искусствомъ.

Семейство его находилось въ Петербургѣ. Кто въ званіи генералъ-губернатора не любитъ одиночества, тотъ чувство-

вать его не будетъ: къ графу Салтыкову каждый вечеръ собирались на бостонъ, иногда даже и дамы. Но для перемѣны любилъ онъ разъ или два въ недѣлю проводить вечера у насъ, и обыкновенно въ сопровожденіи Алексѣева, любимѣйшаго изъ своихъ адъютантовъ.

Необыкновенная привязанность графа Ивана Петровича къ этому молодому человѣку, носящему прозваніе, которое могъ всякій, принять, и котораго, сверхъ того, звали еще Ильей Ивановичемъ, заставляла думать, что онъ его побочный сынъ. Но онъ былъ просто небогатый дворянинъ Московской губерніи, рано лишившійся отца, и по симъ двумъ причинамъ не получивъ никакого образованія, еще въ дѣтствѣ былъ отданъ въ военную службу. Графъ Салтыковъ, который прежде командовалъ конною гвардіей, увидѣвъ у себя на ординарцахъ, хорошенькаго, живаго, проворнаго мальчика, у котораго любовь и усердіе къ начальству и службѣ были написаны на лицѣ, велѣлъ чаще его наряжать, полюбилъ его и наконецъ оставилъ при себѣ.

У этого Алексѣева была самая счастливая физіономія, самый счастливый характеръ; я не зналъ почти людей, которые бы его не любили и ни одного, котораго бы онъ не любилъ. Апатія равнодушныхъ людей спасаетъ ихъ отъ враговъ, они обыкновенно ихъ не имѣютъ, но за то не имѣютъ и друзей; Алексѣевъ же былъ исполненъ огня и былъ веселый другъ вселенной. Случалось, иногда онъ вскипитъ, но тотчасъ же и простынетъ; съ нимъ бывали часто минуты гнѣва, но часовъ досады онъ не зналъ. Его филантропія не была дѣйствіемъ разсудка, слѣдствіемъ правилъ; гдѣ было ему взять ихъ? но горячее, врожденное сердечное чувство, коего притягательная сила дѣйствовала на все его окружавшее. Это былъ геній доброты: что̀ дѣлать, если другаго генія въ немъ не было?

Умному отцу моему и умной сестрѣ Натальѣ съ самаго начала полюбилось въ немъ что-то такое, что̀ лучше богатства, ума и знатности; прекрасная душа въ стройномъ тѣлѣ, которая отражалась на свѣжемъ какъ утро, румяномъ, красивомъ лицѣ. Онъ влюбился въ сестру мою и видно очень страстно, потому что обыкновенно смѣлый, онъ сдѣлался робокъ и долго не рѣшался открыться. Дочери знаютъ только что любить, а матери, забывая, что сами то же дѣлали,

гордясь красотою и достоинствами дочерей, болѣе чѣмъ цѣнили собственныя, всегда бываютъ разборчивы. Наша мать, которая въ цѣлой Россіи не видѣла столь завиднаго жениха, котораго бы, по ея мнѣнію, любимая дочь ея не была достойна, разумѣется, обидѣлась предложеніемъ двадцати-пяти-лѣтняго адъютанта, майора, у котораго всего только было 40 душъ. Но всѣ его любили, всѣ были въ заговорѣ противъ нея, самъ старый фельдмаршалъ принялся сватать; какъ человѣкъ придворный, не поскупился на убѣжденія, на обѣщанія, и она почти противъ воли принуждена была наконецъ дать свое согласіе.

Въ нашемъ семействѣ было одно маленькое существо, которому бракъ сей не нравился еще болѣе чѣмъ матери моей: это былъ я. Свободное обхожденіе съ сестрой моей мущины, который нынѣ еще былъ намъ постороннимъ, мнѣ казалось верхомъ неблагопристойности, которая должна была стыдомъ покрыть сестру и всѣхъ ея родныхъ: я сказалъ уже, что любилъ ее, и въ тайной досадѣ моей было много ревности. Мнѣ трудно было привыкнуть къ мысли, что она перестанетъ носить одно со мною фамильное имя.

Не прошло мѣсяца послѣ сговора, который былъ 14-го октября 1797 года, какъ графъ Салтыковъ получилъ извѣстіе, что онъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Москву. Сіе извѣстіе, возвѣщающее отцу моему разлуку съ дочерью, его опечалило, но матери моей подало надежду, что скорый отъѣздъ Алексѣева, а потомъ продолжительное отсутствіе, отдалятъ не совсѣмъ пріятный для нея бракъ, а можетъ-быть и не дадутъ ему состояться. Напрасно: графъ Салтыковъ, который тогда пользовался особою довѣренностію царя и вслѣдствіе ея большими правами, уѣзжая объявилъ, что онъ адъютанта своего оставляетъ въ Кіевѣ на неопредѣленное время.

Итакъ двойное горе: надобно было приготовляться въ одно время и къ свадьбѣ, и къ разлукѣ. Среди сихъ приготовленій, отцу моему пришло на мысль отправить меня съ зятемъ и сестрой, коей попеченіямъ, несмотря на ея молодость, можно было поручить меня съ полною довѣренностію. Около года у меня не было учителя: послѣ отъѣзда г. Мута, старались безуспѣшно пріискать кого-нибудь на его мѣсто, и я жилъ въ праздности, пагубной для столь нѣжнаго возраста.

У меня была особливая комната, и при мнѣ находились изъ крѣпостныхъ людей пьяный дядька Быковъ, для присмотра за мною, и шаловливый мальчикъ для прислуги. Первый обыкновенно напивался тайкомъ, только не отъ меня, а я старался скрывать его порокъ, сколько изъ сострадания къ нему, столько изъ опасенія, что заступившій его мѣсто будетъ мнѣ менѣе потворствовать; наконецъ, однакоже, его наказали и прогнали.

Къ счастію, я страстно любилъ читать, и мнѣ открыта была маленькая библіотека отца моего, вся состоявшая изъ нѣмецкихъ книгъ; я зналъ хорошо по-нѣмецки и нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку разъ перечитывалъ. Болѣе всего любилъ я путешествія, исторію и географію, описанія земель и происшествій; Шрёкка и Бюшинга зналъ я почти наизусть, также и басни Геллерта, хотя не любилъ тогда поэзію; но за то какой же Геллертъ поэтъ?—Въ такомъ положеніи мнѣ оставаться было невозможно; что̀ бъ изъ меня вышло? Дѣло рѣшено, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ и везти меня доучиваться въ Москву.

Послѣ отъѣзда графа Салтыкова, отецъ мой около мѣсяца исправлялъ должность военнаго губернатора, до прибытія вновь назначеннаго въ сію должность генерала Розенберга. Когда новый начальникъ пріѣдетъ въ провинцію, то первое дѣло ея жителей, сравнивать его съ предмѣстникомъ: по склонности людей къ перемѣнѣ, сравненія сіи бываютъ рѣдко въ пользу оставляющихъ мѣста. Сіе, однакоже, случилось въ Кіевѣ, когда увидѣли Розенберга. Какой контрастъ! Старый Нѣмецъ, который столицу видѣлъ только въ первой молодости, который болѣе двадцати лѣтъ жилъ въ забыти и чѣмъ-то командовалъ, то на Кавказѣ, то въ Крыму, человѣкъ весьма не богатый, а еще болѣе разчетливый, чтобы не сказать скупой, невзначай, какъ часто бывало въ то время, попалъ по старшинству на мѣсто знатнаго русскаго барина, жившаго пышно, всѣмъ милостиво улыбавшагося. Розенбергъ никогда не улыбался, а былъ, однакоже, весельчакъ, то что̀ Нѣмцы называютъ „брудеръ лустихъ“, и безпрестанно любилъ пошучивать; но извѣстно, что веселость Нѣмца всегда тяжела и несообщительна и веселитъ его только самого. То ли дѣло Французы!

Этотъ г. Розенбергъ былъ великій чудакъ; онъ никогда не

хотѣлъ жениться, а до того любилъ женскій полъ, что дѣвки у него подавали чай и даже, говорятъ, служили за столомъ, что̀, впрочемъ, въ Кіевѣ бывало не часто, ибо признавъ отца моего за земляка, онъ въ домѣ у насъ почти поселился и всякій день обѣдалъ. Онъ у себя дома не выпускалъ трубки изо рта, а какъ при дамахъ тогда вѣжливость дѣлать сего не позволяла, то отъ насъ, кажется, ѣздилъ онъ домой только покурить. Въ царскіе дни, всѣ обѣденные столы, долженъ былъ, какъ говорилось тогда, справлять отецъ мой, любезный ландманъ (землякъ): это было гораздо экономнѣе для г. Розенберга. Когда насъ съ сестрой уже не было въ Кіевѣ, пріѣхали туда принцъ Конде съ герцогомъ Ангіенскимъ и со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ и прожили тамъ три дня: показывая отвращеніе отъ Французовъ и извиняясь незнаніемъ французскаго языка, Розенбергъ предоставилъ отцу моему заниматься ими и ихъ угощать *.

Приближались для меня дни радости и дни печали: первое путешествіе и первая разлука съ семействомъ. Что касается до свадьбы сестры моей, то я съ чувствомъ дѣтскаго удовольствія, приготовлялся держать надъ нею вѣнецъ, такъ какъ старшій братъ мой назначенъ былъ въ шаферы къ жениху. Но и въ семъ утѣшеніи мнѣ было отказано; на бѣду мою, въ самый день свадьбы пріѣхалъ средній братъ изъ Петербурга, куда онъ отъ полку былъ посыланъ для ученія кавалерійской службѣ: итакъ я долженъ былъ удовольствоваться послѣднею ролью, то-есть нести только образъ.

Кстати о братьяхъ: я было и позабылъ сказать, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины, за какіе-то подвиги при усмиреніи какихъ-то мятежниковъ въ западныхъ губерніяхъ, произвели ихъ въ майоры, тогда какъ у старшаго еще не было и пуху на подбородкѣ. Такъ какъ при Павлѣ нельзя было часто отлучаться отъ полку, а родители наши желали имѣть при себѣ котораго-нибудь изъ сыновей, то и выпросили они, чтобы старшаго, любимѣйшаго, будто бы по

* Странная была участь генерала Розенберга. До шестидесяти пяти лѣтъ, никогда не оставляя военной службы, онъ не видалъ войны. Въ первый разъ увидѣлъ онъ непріятельскій огонь въ италіянскую кампанію 1799 года: хладнокровнымъ мужествомъ и знаніемъ военнаго дѣла заставилъ онъ Суворова жалѣть, что не ранѣе былъ употребленъ.

неспособности къ кавалеріи, перевели въ пѣхоту, изъ Нѣжинскаго карабинернаго, тогда уже кирасирскаго, въ Кіевскій гренадерскій полкъ, который тогда квартировалъ въ самомъ Кіевѣ.

Свадьбу сыграли мы 20-го января 1798 года, а въ путь отправились 16-го февраля. Въ слѣдующей главѣ вступаю я въ новый міръ и повлеку въ него за собою читателя, если онъ не остановится, наскучивъ мелочными моими разсказами.

(*До слѣд.* №.)

РАЗКАЗЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО
О
НИКОНѢ ПАТРІАРХѢ

Русскій Архивъ выпуски 8 и 9.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ въ *Русскомъ Архивѣ* „Анекдотъ о святѣйшемъ Никонѣ Московскомъ и всея Россіи патріархѣ, изустнымъ преданіемъ чрезъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сенатора и кавалера Ивана Ивановича Козлова дошедшій Московскаго Архангельскаго собора до протоіерея Петра Алексѣева.“ Въ *Анекдотѣ* разказывается, какъ однажды, на именинахъ у какого-то морскаго капитана, *послѣ обѣда*, одинъ офицеръ предложилъ Петру Первому вопросъ, за какія вины отецъ его Алексѣй Михайловичъ прогнѣвался на патріарха Никона и предалъ его суду, и что̀ императоръ Петръ отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Императоръ Петръ, въ дружеской компаніи, притомъ послѣ обѣда, говоритъ о причинахъ распри патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: это должно быть чрезвычайно интересно. Кому же лучше было знать истинныя причины этого, все еще не вполнѣ разъясненнаго дѣла, какъ не сыну царя Алексѣя Михайловича? Да и независимо отъ того, очень важно здѣсь личное мнѣніе самого Петра, высказанное въ минуты откровенности. *Анекдотъ* дѣйствительно интересенъ, только въ другомъ отношеніи. Для разъясненія же неудовольствій между Никономъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ онъ не даетъ рѣшительно ничего; и несмотря на то что дошелъ до автора „устнымъ преданіемъ

чрезъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Ивана Ивановича Козлова", мы рѣшительно отказываемся думать, чтобъ императоръ Петръ такъ мелко и поверхностно понималъ причины этихъ неудовольствій, какъ повѣствуется въ *Анекдотѣ*. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобъ императоръ Петръ былъ убѣжденъ, будто Никонъ навлекъ на себя гнѣвъ „собинаго" друга *наипаче* двумя слѣдующими, маловѣроятными случаями: тѣмъ 1) что, будто бы, подкупленный Поляками, вызвалъ царя изъ похода въ Москву, подъ предлогомъ случившагося здѣсь возмущенія, котораго на самомъ дѣлѣ не было, и 2) что будто бы когда-то научилъ и принудилъ царскаго духовника запретить царю причащеніе святыхъ таинъ? Еслибы даже эти извѣстія имѣли какое-нибудь историческое основаніе, то и тогда, изъ уваженія къ уму Петра Великаго, нельзя было бы допустить, чтобъ онъ такъ поверхностно понималъ причины и смыслъ знаменитой въ нашей исторіи и небывалой дотолѣ распри царя и патріарха, бывшихъ нѣкогда искреннѣйшими друзьями. Самое уничтоженіе патріаршей власти и учрежденіе взамѣнъ ея коллегіальнаго духовнаго правительства, съ предоставленіемъ въ немъ значительнаго участія представителю свѣтской, государственной власти, яснѣе всевозможныхъ анекдотовъ показываетъ, что не въ частныхъ случаяхъ, хотя бы они были гораздо значительнѣе и правдоподобнѣе двухъ указанныхъ въ *Анекдотѣ*, видѣлъ онъ *истинныя причины* этой распри. Итакъ, съ той стороны, которая должна быть особенно важна въ *Анекдотѣ*, онъ не представляетъ ничего интереснаго. Что же интересно въ немъ послѣ этого? Интересенъ самый разказъ, хорошо характеризующій протоіерея Петра Алексѣева, да еще интересны примѣчанія, которыми снабдилъ его редакторъ *Русскаго Архива*.

Объ Алексѣевѣ извѣстно доселѣ очень немного, именно только то, что̀ сообщено митрополитомъ Евгеніемъ въ *Историческомъ Словарѣ Писателей духовнаго чина*, откуда свѣдѣнія о немъ заимствованы и въ новѣйшій энциклопедическій словарь. Алексѣевъ получилъ образованіе въ Московской Славяно-греко-латинской академіи, откуда вынесъ основательное знаніе языковъ, особенно древнихъ (что̀ было, впрочемъ, общею принадлежностію воспитанниковъ тогдашнихъ духовныхъ академій) и любовь къ ученымъ занятіямъ, кото-

рой не измѣнялъ и на служебномъ поприщѣ. Послѣ него осталось нѣсколько сочиненій и переводовъ. Болѣе другихъ замѣчательны его *Церковный Словарь* и переводъ книги Гуго Гроція *De veritate Religionis*. Послѣдній посвященъ переводчикомъ императрицѣ Екатеринѣ II, „*истиннаго божества истинной напастницѣ* и истиннаго благочестія истинной защитницѣ", какъ сказано въ посвященіи. Въ посвященіи этомъ авторъ вообще не положилъ надлежащихъ границъ выраженію своего благоговѣнія передъ великою императрицей; онъ выражается, напримѣръ, такъ: „Бога человѣкомъ невозможно видѣти; *но живой образъ Божій на земли въ тебѣ*, великая Екатерина, *всѣ видятъ и благоговѣйно почитаютъ*." Редакторъ *Русскаго Архива* сообщаетъ въ одномъ изъ примѣчаній еще такія свѣдѣнія объ Алексѣевѣ: „Разказываютъ, что во время коронаціи Павла Петровича, когда духовныя лица цѣловали у императора руку, протоіерей Петръ Алексѣевъ поцѣловалъ и мечъ, и на вопросъ Павла, что это значитъ, отвѣчалъ, что такъ бывало въ Византіи. По преданію извѣстно также, что Алексѣевъ изъ первыхъ получилъ тогда орденскіе знаки Св. Анны 2-й степени... Алексѣевъ былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ митрополитомъ Платономъ; но ему поддержкой служили его обширныя познанія." Митрополитъ Платонъ пользовался общимъ уваженіемъ у московскаго духовенства, которому сдѣлалъ много добраго: непріязнь къ нему архангельскаго протопопа едва ли служитъ къ чести послѣдняго. А поступокъ при коронаціи Павла Петровича обнаруживаетъ въ Алексѣевѣ по меньшей мѣрѣ желаніе выставить себя изъ ряда другихъ, и обратить на себя особенное вниманіе императора въ торжественную минуту. Непріязненность къ ближайшему начальству и желаніе въ то же время выслужиться предъ верховною властью, какимъ бы то ни было способомъ—эти черты въ характерѣ Алексѣева мы указываемъ здѣсь именно потому, что въ *Анекдотѣ о святѣйшемъ Никонѣ* выступаютъ онѣ особенно ярко, и весьма непріятно дѣйствуютъ на читателя.

Надобно сказать прежде всего, что *Анекдотъ* посвященъ Алексѣевымъ императору Павлу, и доставленъ ему при письмѣ, въ которомъ авторъ говоритъ между прочимъ, что осмѣлился поднести государю *Анекдотъ* „не для того, чтобъ *обезславить* прежде усопшихъ мужей... но единственно для удовольствія (императорскаго) любопытства о древней церковной

россійской исторіи и *для соразсужденія о настоящей и будущей участи православныя нашея церкве.*“ „Дай Боже, прибавляетъ онъ, чтобы благоугодно явилося сіе вреданіе вашему величеству; въ противномъ случаѣ всеподданнѣйше прошу: милостивъ буди маѣ грѣшному, и *не предаждь немощнаго въ руцѣ сильныхъ лицъ.*“

Итакъ, по мнѣнію самого Алексѣева, въ *Анекдотѣ* говорится о такихъ обстоятельствахъ, которыя составляютъ безславіе для нѣкоторыхъ изъ прежде усопшихъ мужей, но которыя онъ считаетъ нужнымъ указать государю „для соразсужденія о настоящей и будущей участи“ православной Россійской церкви. Дѣйствительно, то что говорится въ *Анекдотѣ* о патріархѣ Никонѣ и нѣкоторыхъ изъ русскихъ архіереевъ, жившихъ послѣ него, должно сильно уронить ихъ во мнѣніи читателя; такъ, по крайней мѣрѣ, очевидно думалъ, и очевидно желалъ представить дѣло самъ Алексѣевъ. Это явствуетъ особенно изъ примѣчаній, которыми снабдилъ онъ разказъ, принадлежащій якобы императору Петру, и изъ тѣхъ прибавленій, которыя счелъ онъ не лишнимъ къ нему сдѣлать. Петръ будто бы говорилъ, напримѣръ, что Никонъ „заразился духомъ папскаго властолюбія, возмнилъ о себѣ, что онъ выше самого государя, да и народъ тщился привлещи къ сему зловредному мнѣнію, особливо въ публичныхъ церемоніяхъ“. Алексѣевъ по поводу этихъ словъ сдѣлалъ два замѣчанія. Вопервыхъ, онъ привелъ изъ регламента и изъ одного петровскаго указа слова, въ которыхъ заключался намекъ на то, что и между нашимъ духовенствомъ были лица стремившіяся расширить свою власть до предѣловъ папской. Эти слова, по замѣчанію Алексѣева, именно указывали на властолюбіе Никона. „Ибо онъ къ печатаемой *Кормчей Книгѣ* приложилъ, послѣ каталога, лжесоставленное подарованіе великаго царя Константина, якобы той царь подарилъ Римскому епископу Сильвестру древній Римъ со всею Италіей, такожъ царскія украшенія, златую корону, скипетръ, придворные чины и кавалеровъ (?). Къ чему такая пышность служителю смиреннаго Іисуса? Сію жалованную грамоту Никонъ не просто приклеилъ къ Номоканону, но *съ замысломъ объ увеличеніи архіерейской власти и умаленіи царской предъ народомъ.*“ Вовторыхъ, въ примѣръ публичныхъ церемоній, которыми Никонъ будто бы хотѣлъ внушить народу зловредную мысль, что онъ выше царя, Алексѣевъ указываетъ на обрядъ

Вербнаго воскресенья. „Не папская ли то гордость, говоритъ онъ, чтобъ Богомъ вѣнчаннаго царя учинить своимъ конюшимъ, то-есть въ недѣлю Ваій, въ подражаніе неподражаемаго Христова входа въ Іерусалимъ, патріархъ, съ великою помпою по кремлю ѣдучи на придворномъ ослятѣ, заставлялъ самодержца вести того подъяремника подъ уздѣ при воззрѣніи безчисленнаго народа? И по исполненіи той пышной церемоніи, дарилъ всероссійскому государю сто рублевъ денегъ, якобы для раздачи въ милостыню, а въ самой вещи для награжденія за труды (стыдно сказать) поводильщику. Сему униженію царскаго величества подверженъ былъ въ малолѣтствѣ и самъ императоръ Петръ Великій, держа поводъ осла Іоакимова, вмѣстѣ съ братомъ своимъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, при таковой вербной церемоніи. Но послѣ сего сей нововведенный въ церкви обрядъ вовсе оставленъ, по указу того же великаго монарха.“ Замѣтимъ на это, что обрядъ хожденія на ослятѣ введенъ не патріархомъ Никономъ, и потому странно обвинять именно его за совершеніе этого торжественнаго обряда, которому притомъ ни цари наши, ни патріархи не давали того смысла, какой находитъ въ немъ протоіерей Алексѣевъ. Что же касается грамоты императора Константина, то она встрѣчается въ древнихъ нашихъ сборникахъ законодательнаго содержанія (мѣста изъ нея приводятся напримѣръ въ Стоглавѣ), и потому опять несправедливо обвинять патріарха Никона за то, что онъ далъ ей мѣсто въ Номоканонѣ, притомъ усвоять Никону такъ рѣшительно мысль, которой можетъ быть онъ вовсе и не имѣлъ. Передавъ разказъ Петра, Алексѣевъ дополняетъ его собственными извѣстіями о послѣдней судьбѣ Никона, да кстати и о нѣкоторыхъ архіереяхъ, жившихъ послѣ Никона: извѣстія переданы въ томъ же духѣ, въ какомъ составлены и указанныя примѣчанія. Вотъ что именно говоритъ онъ, между прочимъ: „О вышереченныхъ (то-есть разказанныхъ Петромъ) двухъ Никоновыхъ винахъ (въ соборномъ дѣяніи 1667 г.) умолчано, да и показать ихъ ко всеобщему свѣдѣнію неприлично, для того и я нижайшій, сообщивъ нѣсколько анекдотовъ императора Петра Великаго издателю оныхъ г. Голикову, умолчалъ о семъ дѣлѣ, *яко къ чести царской не слѣдующемъ*. А единственно вашему императорскому величеству на благоразсужденіе и удовольствіе достохвальнаго вашего въ древностяхъ любопытства покорнѣйше пред-

ставляю. Ибо хотя патріархъ въ Россіи навсегда уничтоженъ, по учрежденіи святѣйшаго правительствующаго синода, однако послѣ были отъ нѣкіихъ архіереевъ покушенія, чтобъ паки возстановить санъ патріаршій. А именно: Ростовскій Георгій Дашковъ, въ царствованіе императора Петра II, добивался въ патріархи... Высокомѣрное Дашкова предпріятіе осталось безъ успѣха. Не упоминаю здѣсь о Ѳеодосіи, нескромномъ архіереѣ новгородскомъ, и Арсеніи Ростовскомъ, мнимомъ святошѣ, кои, безъ титла патріарха, восхотѣли было власть его восхитить, *явно противившися самодержицамъ всероссійскимъ Екатеринѣ I и II, за что осуждены правильно, и въ изгнаніе сосланы, вмѣсто смертной казни ими заслуженной*, по причинѣ важныхъ ихъ винъ, кои обнародованы въ свое время печатными указами, то и не требуютъ особеннаго повторенія.“ Итакъ, вмѣстѣ съ Никономъ предаются осужденію и еще нѣкоторые архіереи, какъ честолюбцы, стремившіеся возвысить духовную власть свою до преобладанія надъ властію царя.

Но Алексѣевъ, какъ самъ увѣряетъ, писалъ *Анекдоты* свои не для того, чтобъ „обезславить прежде усопшихъ мужей“, а для того, чтобы въ немъ дать урокъ императору Павлу, относительно управленія современными церковными дѣлами. Какой же именно урокъ? Авторъ не рѣшается высказать его прямо, а прибѣгаетъ только къ разнаго рода темнымъ намекамъ, выражая впрочемъ готовность объясниться въ послѣдствіи съ большею откровенностію. Мы приведемъ вполнѣ это любопытное заключеніе анекдота. „Кольми паче о нынѣшнихъ смиренныхъ владыкахъ писать теперь не слѣдуетъ, говоритъ Алексѣевъ. *Ибо* многіе изъ нихъ вашему императорскому величеству вѣдомы съ хорошей стороны, для того пожалованы россійскими орденами и командорствами. А ежели и есть что поправленія требующее, въ пользу церкви относящееся, о томъ, не утруждая вашу высочайшую особу, государственными великими дѣлами преутружденную, позвольте мнѣ нижайшему давать знать вашему синодальному оберъ-прокурору, безъ огласки и оскорбленія лицъ, и не образомъ доноса, что я, нижайшій, предъ сего чинилъ неоднократно въ силу 2 пункта третьей части духовнаго регламента, и мои усердные совѣты благосклонно приняты были святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ и исполнены. Я имѣю о семъ прежняго си-

синодальнаго оберъ-прокурора письма; у нынѣшняго же оберъ-прокурора имѣется мой послужной списокъ."

Таково содержаніе *Анекдота*. Что же въ самомъ дѣлѣ означаетъ онъ? Какъ надобно понимать его, и что надобно думать о самомъ ученомъ его сочинителѣ?

Алексѣевъ съ неумолимою строгостію судитъ о Никонѣ, все несчастное дѣло патріарха объясняетъ изъ его непомѣрнаго властолюбія, изъ стремленія сдѣлаться первымъ лицомъ въ государствѣ, стать выше самого царя. Съ не меньшею строгостію относится онъ и къ нѣкоторымъ архіереямъ, подозрѣваемымъ въ подобныхъ же властолюбивыхъ намѣреніяхъ, желавшимъ будто бы возстановить патріаршество въ Россіи, и обнаружившимъ явное противленіе самодержавной власти. Вообще, онъ хочетъ показать, какъ опасно для церкви и особенно для государства, когда государи „попускаютъ чрезъ мѣру усиливаться верховному духовенству". Многое можно бы сказать противъ мнѣній почтеннаго отца протоіерея. Самъ онъ, какъ мы видѣли, предоставилъ очень слабыя доказательства мнимыхъ папскихъ наклонностей въ Никонѣ; а внимательное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ знаменитой распри патріарха съ царемъ показываетъ, что здѣсь виновато не одно властолюбіе и другія непохвальныя Никона качества, но столько же, если не болѣе, вина въ этомъ дѣлѣ падаетъ и на противную сторону, гдѣ рядомъ съ безхарактерностію и нерѣшительностію Алексѣя Михайловича, и пользуясь именно этою безхарактерностію, дѣйствовала съ необыкновенною наглостію, но вмѣстѣ и съ такимъ же искусствомъ, боярская интрига. Самый смыслъ этой распри, если вывесть ее изъ сферы личныхъ неудовольствій, заключался не въ отстаиваніи боярами царскихъ правъ, на которыя вовсе и не думалъ посягать Никонъ, но въ защищеніи Никономъ правъ патріаршихъ, и вообще церковныхъ, которыя предполагались къ сокращенію,—правъ, быть-можетъ слишкомъ широкихъ, но тѣмъ не менѣе утвержденныхъ давностію и привилегіями. Виноваты ли въ такой степени, какъ думаетъ протоіерей Алексѣевъ, и тѣ архіереи, которыхъ, по уничтоженіи патріаршества, подозрѣвали въ сожалѣніи о немъ и въ намѣреніяхъ возстановить его? Могъ ли онъ, по совѣсти, сказать, что дѣла церковныя пошли гораздо лучше съ того времени, какъ Петръ Первый, ударивъ кортикомъ по столу, воскликнулъ: „вотъ вамъ патріархъ„? Нѣтъ

сомнѣнія, что коллегіальное управленіе имѣетъ на своей сторонѣ рѣшительныя преимущества предъ управленіемъ одноличнымъ, въ особенности когда управляющее лицо облечено такою обширною властію, какою былъ облеченъ патріархъ; разсужденія объ этомъ, помѣщенныя въ регламентѣ, совершенно основательны; но ужели же въ регламентѣ и во всей системѣ синодальнаго управленія затѣмъ не остается уже никакихъ рѣшительно недостатковъ, которые побуждали бы вспомнить добрымъ словомъ и минувшія времена патріаршества? Когда писанъ былъ *Анекдотъ*, тогда не было поводовъ къ подобнаго рода воспоминаніямъ (предположимъ это); во вскорѣ по уничтоженіи патріаршества, когда вновь введенная система церковнаго управленія еще не привилась какъ слѣдуетъ, и не могла дѣйствовать вполнѣ правильно, когда притомъ еще очень живо было въ народѣ недовольство петровскими нововведеніями, и было довольно (не между раскольниками даже) людей пристрастныхъ къ старинѣ, тогда не было ли естественно и недовольство вновь учрежденнымъ синодомъ и сожалѣніе объ уничтоженномъ патріаршествѣ? И потому, [еслибы даже и было доказано, что Георгій Дашковъ дѣйствительно мечталъ возстановить въ Россіи патріаршество, то и тогда * справедливо ли было бы судить его такъ строго какъ судили въ свое время поборники новыхъ порядковъ, и какъ вслѣдъ за ними, или правильнѣе вслѣдъ за осудившимъ его правительствомъ, судитъ протоіерей Алексѣевъ? Можно ли также говорить, будто и Арсеній Маціевичъ хотѣлъ восхитить патріаршую власть, и доказательствомъ этого ставить то, что Арсеній противился самодержицѣ всероссійской, какъ будто вся сущность дѣла заключалась именно въ желаніи

* Въ примѣчаніи къ тому мѣсту *Анекдота*, гдѣ говорится о Георгіи Дашковѣ, г. П. Б. отсылаетъ читателя къ статьѣ о немъ, помѣщенной въ 1 кн. *Православнаго Обозрѣнія* 1863 г., вѣроятно въ томъ предположеніи что читатель найдетъ въ ней подтвержденіе словъ Алексѣева. Но статья эта, обстоятельно излагающая дѣло по документамъ, не представляетъ никакихъ положительныхъ доказательствъ на то, что Георгій искалъ патріаршества; а изъ внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ изложенныхъ въ ней обстоятельствъ дѣла читатель выноситъ мысль не о преступности замысловъ Дашкова и его сторонниковъ, а о той придирчивости и крайней подозрительности, съ какою ихъ судили, да объ интригахъ и разнаго рода доносахъ, которые волновали не только дворъ, но и самый новоучрежденный синодъ въ то тяжелое время, когда судили Дашкова.

Арсенія противиться Екатеринѣ, а не въ томъ дѣлѣ, которому онъ противился? Все это и многое другое можно было бы сказать противъ мнѣній протоіерея Алексѣева, но конечно, никто не осмѣлится отнимать у него право имѣть свой личный взглядъ на вещи, какого бы качества онъ ни былъ. Алексѣевъ могъ питать рѣшительную непріязнь къ Никону, Георгію, Арсенію, и даже именно за то, что видѣлъ въ нихъ стремленіе расширить предѣлы своей духовной власти въ ущербъ власти государственной; онъ могъ считать ихъ не только справедливо, но и слишкомъ снисходительно наказанными; могъ вообще по своему понимать нужды православной церкви и имѣть свои планы относительно устройства церковнаго управленія: всѣ эти личныя мнѣнія могли быть его убѣжденіемъ, противъ котораго можно спорить, но за которое однакожъ никто не въ правѣ строго судить. Дѣло получаетъ совсѣмъ иной смыслъ, когда это убѣжденіе излагается въ *Анекдотѣ*, назначенномъ для конфиденціальнаго прочтенія императору; мнѣнія Алексѣева перестаютъ быть тогда уже простымъ мнѣніемъ, они становятся поступкомъ, и личность его является не въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ. Когда же въ этомъ, конфиденціально сообщаемомъ императору, анекдотѣ искусно дѣлаются, сверхъ того, еще намеки и на „нынѣшнихъ смиренныхъ владыкъ“, а самъ авторъ рекомендуетъ себя лицомъ совершенно преданнымъ верховной власти, готовымъ къ исполненію ея правительственныхъ предначертаній: тогда *Анекдотъ* представляется уже прямо „пашквилемъ“, и Алексѣевъ — лицомъ способнымъ къ составленію подобнаго рода непохвальныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе думать объ ученомъ протоіереѣ, который, доставляя Голикову лишь тѣ анекдоты о Петрѣ Великомъ, которые „къ чести царской слѣдуютъ“, сочиняетъ новый „анекдотъ“ ужь не для Голикова, а для императора Павла Петровича, и въ этомъ анекдотѣ, разражаясь противъ непомѣрнаго властолюбія „верховнаго духовенства“, самъ заискиваетъ передъ властью, и раболѣпно восхваляетъ ея распоряженія; который предлагаетъ правительству собственное содѣйствіе противъ верховнаго духовенства „безъ огласки, и не образомъ доноса“, то-есть именно посредствомъ тайнаго доноса; который, при этомъ, считаетъ не лишнимъ, на случай собственнаго повышенія, только намекнуть, что у синодаль-

наго оберъ-прокурора имѣется его *послужной списокъ*, а на случай неудачи просить государя, чтобъ онъ „не предалъ его въ руцѣ сильныхъ людей", то-есть, безъ сомнѣнія, тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ онъ готовитъ доносы, „нынѣшнихъ смиренныхъ владыкъ, съ хорошей стороны вѣдомыхъ государю и для того пожалованныхъ россійскими орденами и командорствами"?..

Такимъ образомъ *Анекдотъ* Алексѣева о святѣйшемъ Никонѣ выставляетъ предъ нами автора въ видѣ весьма непривлекательномъ, и надобно благодарить редакцію *Русскаго Архива* за напечатаніе этого любопытнаго *Анекдота*, нѣсколько знакомящаго насъ съ личностію, доселѣ мало извѣстною въ нашей литературѣ, хотя не лишенною историческаго значенія. Только редакція, кажется намъ, смотритъ на дѣло совершенно иначе; она относится съ сочувствіемъ къ автору *Анекдота*, и вполнѣ раздѣляетъ его взглядъ на лица и событія. Такъ думать заставляетъ особенно одно примѣчаніе, сдѣланное редакціей, именно относительно Арсенія Ростовскаго. По поводу отзыва, который сдѣланъ объ Арсеніи Алексѣевымъ, въ которомъ Арсеній названъ „мнимымъ святошею," заслуживавшимъ смертной казни, г. П. Б. восклицаетъ: „Вотъ какъ ученѣйшій представитель московскаго *бѣлаго** духовенства отзывался объ Арсеніи Маціевичѣ, *нынѣ возвеличенномъ въ нашей исторической литературѣ! Безъ сомнѣнія*, прибавляетъ г. П. Б., *будутъ обнародованы и другія*, болѣе положительныя показательства (sic) того, что Арсеній далеко не принадлежалъ къ числу *невинныхъ* жертвъ." На этомъ коротенькомъ примѣчаніи нельзя не остановиться.

Г. П. Б., если не ошибаемся, придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что Алексѣевъ былъ представитель *бѣлаго* духовенства, да еще ученѣйшій. Что касается учености, то хотя бы Алексѣевъ обладалъ ею въ гораздо большей степени, нежели было на самомъ дѣлѣ, и тогда особенной важности въ настоящемъ случаѣ она имѣть не можетъ: чтобы правильно судить о современномъ дѣятелѣ, для этого нужны не столько ученость, сколько нѣкоторыя другія условія. Но то обстоятельство, что Алексѣевъ былъ представитель *бѣлаго* духовенства, дѣйствительно важно, и притомъ не по отношенію къ тому только что говорится объ Арсеніи

* Курсивъ въ подлинникѣ.

Маціевичѣ, но и въ отношеніи къ цѣлому содержанію *Анекдота*: *Анекдотъ* можно разсматривать, пожалуй, какъ выраженіе протеста бѣлаго духовенства противъ преобладанія монашества, и въ такомъ случаѣ онъ будетъ важенъ и интересенъ для насъ какъ фактъ, свидѣтельствующій о существованіи такого протеста въ концѣ прошедшаго столѣтія. Но если мы будемъ разсматривать этотъ фактъ въ подробности, мы найдемъ, что онъ служитъ вовсе не къ чести бѣлаго духовенства того времени, по крайней мѣрѣ не чести его „ученѣйшаго представителя“ въ Москвѣ. Чѣмъ и какъ выражаетъ себя въ настоящемъ случаѣ оппозиція бѣлаго духовенства? Не честнымъ и открытымъ изложеніемъ своего стѣсненнаго положенія, а тайными происками, заискиваньемъ предъ свѣтскимъ правительствомъ, и раболѣпною готовностью дѣйствовать въ его видахъ, какіе бы они ни были. Лица, способныя такъ дѣйствовать не внушаютъ къ себѣ довѣрія, и едва ли было бы лучше для церкви и полезнѣе для самого бѣлаго духовенства, еслибы во главѣ церковнаго управленія стали представители его, подобные протоіерею Архангельскаго собора. Въ настоящее время, когда поднято столько вопросовъ существенной важности о нашемъ духовенствѣ, его образованіи, улучшеніи его быта и т. п., вопросъ объ измѣненіи существующихъ отношеній бѣлаго духовенства къ черному занимаетъ между ними одно изъ первостепенныхъ мѣстъ, и кто понимаетъ всю важность коренныхъ преобразованій въ жизни нашего духовнаго сословія, все значеніе ихъ для церкви и государства, тотъ не можетъ не пожелать искреннѣйшимъ образомъ нашему бѣлому духовенству большей свободы и независимости отъ начальствующаго монашества; и желанія эти громко заявлены уже въ духовной и свѣтской литературѣ. Но въ этихъ заявленіяхъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, при изображеніи стѣсненнаго положенія приходскаго духовенства, и особенно при изображеніи произвола и самовластія въ дѣйствіяхъ начальствующаго монашества, а затѣмъ и въ самыхъ требованіяхъ относительно измѣненія существующихъ отношеній между тѣмъ и другими, наши заявители нерѣдко впадаютъ въ крайности, которыхъ не допустили бы при болѣе спокойномъ и безпристрастномъ размышленіи; частные случаи нерѣдко возводятся въ общее положеніе. Въ этомъ недостаткѣ, кажется намъ, виновенъ и г. П. Б. Для него достаточно, что объ одномъ изъ архіереевъ

дѣлаетъ отзывъ представитель *бѣлаго* духовенства, и онъ склоняется уже видѣть въ этомъ отзывѣ неподлежащую сомнѣнію истину, принять его даже въ значеніи историческаго доказательства? Протоіерей Алексѣевъ въ *Анекдотѣ*, написанномъ для Павла Петровича, назвалъ ростовскаго митрополита Арсенія „мнимымъ святошею“, хотѣвшимъ безъ титла патріарха восхитить патріаршую власть, и г. Б. убѣжденъ, что Арсеній *далеко не невинная* жертва. „Вотъ какъ ученѣйшій представитель московскаго бѣлаго духовенства отзывался объ Арсеніи Маціевичѣ“, восклицаетъ онъ... „безъ сомнѣнія будутъ обнародованы *и другія* болѣе положительныя доказательства того, что Арсеній далеко не принадлежалъ къ числу невинныхъ жертвъ“! Да развѣ г. Б. не замѣчаетъ, что авторъ *Анекдота* является здѣсь только подражателемъ Екатерины, которая также звала Арсенія *вралемъ пустосвятомъ*! и что въ своемъ сужденіи *о важныхъ винахъ* Арсенія онъ основывается единственно на „печатныхъ указахъ обнародованныхъ въ свое время“? Да еслибъ его мнѣніе объ Арсеніи и было совершенно самостоятельно, то чѣмъ заслужилъ онъ въ глазахъ г. Б. такое полное довѣріе къ себѣ, кромѣ того, что былъ „представителемъ московскаго бѣлаго духовенства“? Мы понимаемъ, какъ важны свидѣтельства объ Арсеніи такихъ современниковъ, какъ напримѣръ И. В. Лопухинъ, человѣкъ дознанной честности и правдолюбія (а онъ считалъ судъ надъ Арсеніемъ чуть ли не единственнымъ жестокимъ и несправедливымъ дѣломъ императрицы Екатерины), или Шишковскій, знакомый въ подробности со всѣмъ ходомъ Арсеніева дѣла (а онъ благоговѣйно чтилъ память Арсенія): протоіерей же Алексѣевъ ничѣмъ не доказалъ ни того, что дѣло Арсенія ему было хорошо извѣстно, ни своей непоколебимой честности и правдолюбія (анекдоты его могутъ приводить даже къ противнымъ заключеніямъ); а ученость его, какъ мы говорили уже, здѣсь ничего не значитъ. Правда, г. Б. и не признаетъ словъ Алексѣева вполнѣ положительнымъ доказательствомъ виновности Арсенія; но они внушаютъ ему несомнѣнную увѣренность, что положительныя доказательства со временемъ будутъ открыты. „*Безъ сомнѣнія*, говоритъ онъ, будутъ обнародованы и другія“ и проч. Но, желали бы мы спросить г. Б., на чемъ основалъ онъ свою несомнѣнную увѣренность?..

Въ своемъ замѣчаніи г. Б. говоритъ между прочимъ, что

Арсеній Маціевичъ „нынѣ возвеличенъ въ нашей исторической литературѣ“ и конечно, по его мнѣнію, несправедливо. Что говорилось нынѣ объ Арсеніи Маціевичѣ въ нашей исторической литературѣ, все это еще въ свѣжей памяти у читателей, и замѣчаніе г. Б. по меньшей мѣрѣ неожиданно. Ему, какъ и всѣмъ читателямъ слѣдящимъ за исторической литературой, должно быть хорошо извѣстно, что рядъ послѣднихъ статей о Маціевичѣ открытъ такимъ сочиненіемъ, въ которомъ развивался взглядъ на него, вполнѣ сочувственный произнесенному надъ нимъ судебному приговору, взглядъ, по которому приговоръ этотъ признается даже слишкомъ „гуманнымъ“, однимъ словомъ, взглядъ, совершенно согласный съ взглядомъ протоіерея Алексѣева, а вслѣдъ за нимъ и со взглядомъ самого г. Б. Эта статья, строго порицавшая почитаемую народомъ память Арсенія, принадлежала г. Чистовичу, и была помѣщена въ газетѣ *День*, редакціи которой тогда же сдѣлала замѣтку противъ нея. Вскорѣ въ той же газетѣ явилась и отдѣльная статья, кратко, но, по нашему мнѣнію, весьма убѣдительно показавшая всю неосновательность заключеній, выведенныхъ г. Чистовичемъ изъ свидѣтельствъ имъ же самимъ представленныхъ. Въ отвѣтъ на нее послѣдовала, опять въ газетѣ *День*, новая статья г. Чистовича, упорно защищавшая первоначальный взглядъ на Маціевича, и по странному непониманію, представляется въ подтвержденіе этого взгляда документъ, еще болѣе рѣшительнымъ образомъ противорѣчащій ему, чѣмъ всѣ прежнія свидѣтельства. На эту вторую статью его въ газетѣ *День* отвѣта не послѣдовало, должно быть потому, что статья г. Чистовича сама въ себѣ заключала достаточный противъ себя отвѣтъ. Но вслѣдъ затѣмъ (упоминаемъ объ этомъ единственно ради изложенія дѣла въ надлежащей полнотѣ) напечатана была въ послѣднихъ №№ *Современной Лѣтописи* за прошедшій годъ статья объ Арсеніи, въ которой авторъ съ возможною обстоятельностію разсмотрѣлъ историческія данныя касательно Арсеніева дѣла, и на основаніи ихъ постарался возстановить правильный взглядъ на личность Арсенія, достойную всякаго уваженія. Если къ этому прибавить книжку, изданную г. Снегиревымъ, да нѣсколько мелкихъ журнальныхъ замѣтокъ,—вотъ и все, что въ послѣднее время написано объ Арсеніи. Гдѣ же здѣсь несправедливое возвеличеніе? Не видны ли здѣсь, напротивъ, жестокія нападки на Арсенія, небывалыя

дотолѣ въ исторической литературѣ, и съ другой стороны только возстановленіе правильнаго взгляда на его личность,—возстановленіе, вызванное именно этими нападками, и основанное на самыхъ положительныхъ свидѣтельствахъ. Этихъ послѣднихъ свидѣтельствъ, можно надѣяться, не въ состояніи будетъ поколебать никакія „болѣе положительныя доказательства“, съ такою несомнѣнною увѣренностію ожидаемыя г-номъ Б., а чѣмъ менѣе пресловутый *Anekdote*, сочиненный Петромъ Алексѣевымъ.

Н. С—НЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

ВИНОКУРЕНІИ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Теперь, когда прошло болѣе десяти мѣсяцевъ со времени введенія въ дѣйствіе новаго положенія о питейномъ сборѣ, можно судить о практическихъ послѣдствіяхъ этой мѣры. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ увеличеніи казеннаго дохода съ привилегированныхъ губерній, мы займемся только участью самого винокуреннаго производства въ Малороссіи и вліяніемъ на него новыхъ акцизныхъ правилъ. Нельзя не признать, что прошедшій годъ былъ годъ бѣдственный для заводчиковъ: многіе изъ нихъ потерпѣли болѣе или менѣе значительные убытки; лѣтомъ не проходило недѣли безъ извѣстія, что то здѣсь, то тамъ въ подвалѣ заарестована водка и назначена продажа ея съ публичнаго торгу; цѣны на вино упали, многіе заводы прекратили винокуреніе. Понятно, что жалобъ на новое положеніе слышалось и слышится довольно; нѣкоторыя спеціальныя статьи его почти всѣми осуждаются, какъ причины несчастнаго исхода прошлогодняго производства. Министерство финансовъ само обратило вниманіе на всеобщій говоръ и вызвало прошлымъ лѣтомъ депутатовъ отъ заводчиковъ для пересмотра и измѣненія особенно ненавистныхъ

статей Положенія. Депутаты уже возвращаются изъ своей поѣздки, и носятся слухи о предстоящихъ облегченіяхъ и льготахъ. Не касаясь этихъ слуховъ, мы имѣемъ въ виду въ настоящей небольшой статьѣ разсмотрѣть тѣ пункты акцизныхъ правилъ, которые вызвали наиболѣе возраженій, и по возможности дать отвѣтъ на вопросъ, отчего именно зависѣли прошлогодніе убытки заводчиковъ.

Первая по времени стала высказываться жалоба на то, что норма выхода, опредѣляемая Положеніемъ, слишкомъ высока для Малороссійскихъ заводовъ, гдѣ почти исключительно перерабатывается хлѣбъ сыромолотный, тогда какъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ на заводы идетъ большей частью овинный. Но едва ли опытъ прошлаго года можетъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія: на всѣхъ сколько нибудь *тщательно управляемыхъ* заводахъ (построенныхъ мѣстными механиками рутинерами) оказался значительный перекуръ; на многихъ только изъ опасенія и непривычки курили по низшей нормѣ, тогда какъ выгоднѣе было бы (по крайней мѣрѣ въ зимніе мѣсяцы) держаться высшей. Такъ, напримѣръ, на принадлежащемъ мнѣ заводѣ съ 1-го января по май мѣсяцъ нынѣшняго года переработано 25.727¼ пуд. муки и получилось 928.403¼ градусовъ спирта (по Траллесу), т.-е. съ небольшимъ 36° съ пуда (низшая норма 32°, высшая 34°). Заводъ мой построенъ Евреемъ, далеко не теоретикомъ, винокуръ также доморощенный; объ солодѣ и помину не было. Правда до ²/₅ переработаннаго хлѣба называлось овиннымъ хлѣбомъ; но извѣстно, что въ нашихъ мѣстахъ этимъ именемъ величаютъ просто хорошо высушенное на сушилкѣ зерно *. На самыхъ малыхъ заводахъ при внимательномъ контролѣ хозяина вытяжка не падала, круглымъ счетомъ, ниже 33°—34°. Такимъ образомъ, для насъ по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что малороссійскіе заводы могутъ выдержать казенную норму; намъ даже кажется, что въ интересахъ самихъ заводчиковъ слѣдовало бы желать уничтоженія низшей нормы при нѣкоторомъ пониженіи высшей (извѣстно, что куря по низшей

* Замѣчательно, что на томъ же заводѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1862 года изъ 12.524 пудовъ получалось всего 403.396½° т.-е. около 32° съ пуда. Все дѣло было въ томъ, что до введенія въ дѣйствіе новаго положенія производство шло спустя рукава; съ 1-го же января на него обратили вниманіе.

нормѣ заводчикъ платитъ половину акциза за перекуръ, при высшей нормѣ весь перекуръ свободенъ отъ акциза). Убѣжденіе это основывается на томъ, что послѣ урока прошлаго года заводчики будутъ внимательнѣе къ производству и что введеніе солода даетъ имъ возможность достигнуть вытяжки 36 и болѣе градусовъ съ пуда.

Второе и болѣе дѣльное возраженіе противъ новаго акцизнаго положенія, относится къ платежу акциза за усохшее и утекшее вино. Чтобы разъяснить этотъ пунктъ читателямъ, не вникавшимъ въ ходъ прошлогодняго винокуренія, считаю не лишнимъ припомнить нѣкоторыя относящіяся сюда статьи Положенія о питейномъ сборѣ. По выходѣ вина оно немедленно сдается въ подвалъ, измѣряется и записывается въ приходъ по подвальной книгѣ (ст. 138 Пол. о пит. сборѣ); окружное акцизное управленіе ежемѣсячно ревизуетъ подвалъ (ст. 69), и если при ревизіи окажется неявка вина противъ подвальной книги, то за недостающее количество взыскивается причитающійся акцизъ (ст. 192). Перекуръ выпускается изъ подвала только по уплатѣ всего акциза за нормальный выходъ (ст. 193).

Изъ сопоставленія этихъ правилъ видно, что, такъ какъ вино усыхаетъ и утекаетъ (вбирается въ бочки), то заводчику курившему по низшей нормѣ приходится оплачивать акцизомъ водку, исчезнувшую изъ его подвала безъ всякой съ его стороны вины (конечно усушка и утечка будетъ и при высшей нормѣ, но отъ этого не возрастетъ общая сумма акцизныхъ платежей ибо, какъ сказано, перекуръ при высшей нормѣ свободенъ отъ акциза). Объяснимъ это примѣромъ: положимъ, что заводъ выкурилъ милліонъ градусовъ по низшей нормѣ и что въ томъ числѣ 100.000 градусовъ перекура; казна во всякомъ случаѣ взыщетъ за 900.000° по 4 к. (полный акцизъ), что составитъ 36.000 р., и за 100.000° по 2 к. (половинный акцизъ)—2.000 р., итого 38.000 р. Между тѣмъ при продажѣ вина, его окажется значительно менѣе выше приведенной цифры. Положимъ, что усохло 30.000°; ясно, что весь акцизъ заводчику придется распредѣлить на оставшіяся 970.000°, и на повѣрку окажется, что оплачено полнымъ акцизомъ 930.000°, что составитъ 37.200 р. а половиннымъ всего 40.000°, то есть только 800 р. Другими словами перекуръ, уже уменьшенный вслѣдствіе усушки и

утечки на 30.000°, еще уменьшится на 30.000° вслѣдствіе платежа акциза за исчезнувшее вино. Ясно, что въ постановленіяхъ этихъ скрывается нѣкоторое возвышеніе нормы выхода; но это бы еще не бѣда, еслибы платежъ за усушку и утечку былъ сколько-нибудь уравнительно и справедливо распредѣленъ между заводчиками, — тогда какъ теперь онъ очевидно падаетъ по преимуществу на тѣхъ которые запоздали продажей вина. Къ тому же приходится иногда платить акцизъ не продавши ни одного ведра, что при всеобщемъ безденежьи крайне обременительно. Спрашивается однако, есть ли возможность разумно измѣнить эти постановленія. Частыя ревизіи подваловъ необходимы для обезпеченія казеннаго дохода: заводъ, уплачивающій 50.000 р. с. акциза въ годъ можетъ со всею принадлежащею къ нему землей стоить менѣе 15.000 р., значитъ, безъ постояннаго контроля не будетъ достаточной гарантіи противъ расхищенія акцизныхъ денегъ. Исключеніе можно бы сдѣлать развѣ для заводовъ принадлежащихъ большимъ и притомъ не заложеннымъ имѣніямъ. То же почти можно сказать о предлагаемомъ нѣкоторыми исключеніи усушки и утечки изъ перекура: такая мѣра, не измѣняя общей суммы платежа, избавила бы заводчиковъ отъ необходимости платить акцизъ до продажи водки, но съ другой стороны понятно, что тогда при ревизіи въ подвалахъ никогда не оказывалось бы перекура; заводчики могли бы всегда отсутствіе его объяснять усушкой и утечкой; другими словами, доходъ казны, не уменьшаясь въ цифрѣ, сталъ бы поступать позднѣе, что при огромной суммѣ питейнаго сбора могло бы составить порядочный разчетъ. Опредѣлить напередъ норму усушки и утечки довольно затруднительно и притомъ, чтобы такого рода льгота была уравнительно распредѣлена между заводчиками пришлось бы дѣлать разчетъ для каждой бочки отдѣльно, смотря по времени ея пребыванія въ подвалѣ. Самое практическое средство избѣгнуть этихъ затрудненій было бы пожалуй опредѣлить: чтобы, при ежемѣсячныхъ ревизіяхъ, на находящееся въ наличности въ подвалѣ вино полагалась бы извѣстная доля усушки и утечки — хоть $\frac{1}{4}\%$ въ мѣсяцъ. Конечно, если казна не хочетъ при этомъ потерять, то необходимо будетъ возвысить норму выходовъ.

Намъ остается, для полноты, упомянуть еще объ одномъ возраженіи на новыя акцизныя правила, мелочномъ, но не

лишеннымъ значенія для заводчиковъ. По новымъ правиламъ заводчики обязаны сами доставлять акцизъ въ казначейство, между тѣмъ какъ при откупномъ порядкѣ, акцизъ уплачивался на мѣстѣ повѣренному откупа. Прежній способъ уплаты былъ несравненно удобнѣе для заводчиковъ, но съ другой стороны нельзя не согласиться, что для казны невозможно было бы найдти достаточное число довѣренныхъ людей, которымъ она могла бы, на полной ихъ отвѣтственности, поручить сборъ столь значительныхъ суммъ. Не нужно забывать, что прежніе откупщики вели дѣло частнымъ образомъ и къ тому же за свой рискъ брали рубль на рубль барыша.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ гдѣ искать причины убытковъ понесенныхъ заводчиками въ послѣднее время. Мы видѣли, что жалобы на невозможность въ малороссійскихъ заводахъ достигнуть казенной нормы вытяжки на дѣлѣ оказались неосновательными. Что же касается до платежа акциза за усушку и утечку, то, какъ ни обременительно и, если хотите, обидно нести налогъ за временное пребываніе въ бочкахъ улетучившейся водки, сумма этого платежа слишкомъ незначительна, чтобъ ею объяснить почему заводы, дававшіе прежде нѣсколько тысячъ доходу, въ прошломъ году принесли убытокъ своимъ владѣльцамъ. Первая причина неудачи прошлогодняго винокуренія заключается конечно въ небрежности, съ какою ведено было производство: мы выше указали примѣръ того какихъ различныхъ результатовъ можно достигнуть на одномъ и томъ же заводѣ, смотря по тому какъ берется за дѣло. Къ этому присоединилась другая, еще болѣе важная причина, — совершенный недостатокъ оборотнаго капитала у большинства заводчиковъ, недостатокъ, который особенно ощутительно оказался въ прошломъ году, вслѣдствіе почти повсемѣстнаго перехода крестьянъ съ издѣльной повинности на оброкъ. Не говоря уже объ расходахъ по найму рабочихъ на заводы, уменьшеніе господскихъ посѣвовъ, отдача полей съ половины и уборка хлѣба за скопъ уменьшили количество зерна и соломы (топлива), какими помѣщики могли располагать для своихъ заводовъ, явилась необходимость покупки того и другаго въ огромномъ размѣрѣ, въ то самое время, когда

хозяйственный переломъ требовалъ болѣе или менѣе значительныхъ затратъ *. Вслѣдствіе этого, заводчики принуждены были покупать хлѣбъ и солому въ долгъ и по цѣнамъ болѣе высокимъ чѣмъ обошлась бы имъ покупка на наличныя деньги. Заводчики должны были хлопотать не о томъ, чтобы купить дешево доброкачественный матеріялъ, а о томъ, чтобы найдти Еврея соглашающагося доставить на заводъ потребное количество топлива и хлѣба съ разсрочкой платежа. Понятно, что тутъ перебѣжала не одна копѣйка на пудѣ хлѣба и возѣ соломы, и что о строгой браковкѣ поставляемаго на заводъ продукта не могло быть и рѣчи. Съ другой стороны, продажа водки, притворяемая необходимостью расплаты съ поставщиками и страхомъ понесть убытки отъ платежа акциза за усушку и утечку, не могла идти правильно. Цѣны на водку были низки и падали постоянно даже къ осени. Частыя продажи водки съ публичнаго торга въ удовлетвореніе требованій казны остановили вино въ подвалахъ акуратныхъ плательщиковъ акциза; лѣтняя усушка поглощала перекуръ, а взысканіе за нее акциза съ каждымъ мѣсяцемъ становилось обременительнѣе. На будущій годъ, какъ мы уже говорили, многіе заводы будутъ стоять безъ дѣла, а между тѣмъ возвышенія цѣны на водку пока не предвидится. Какъ мы видѣли, водка заводчиками продавалась дешево, вслѣдствіе нужды въ деньгахъ; но къ этому присоединились и другія причины. Народъ сталъ замѣтно менѣе потреблять вина (хотя и не очень возвысившагося въ цѣнѣ при раздробной продажѣ: въ шинкахъ его продаютъ даже дешевле прошлогодняго, правда, съ значительно большею примѣсью воды). Переходъ отъ панщины на оброкъ, наемъ земель, тягость повинностей мірскихъ и казенныхъ, привычка къ денежнымъ разчетамъ заставили крестьянина вести дѣла свои акуратнѣе, не считать всякую полученную копѣйку чистымъ барышомъ, и не спѣшить отвести ее въ шинокъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не могло бы причинить значительнаго поки-

* На это можно пожалуй возразить, что вмѣсто дароваго труда владѣльцы получали оброкъ и имъ могли покрыть издержки по хозяйству. Но, кромѣ того, что едва ли гдѣ нибудь оброкъ равнялся суммѣ выдаваемой рабочимъ,—перемѣна въ системѣ хозяйства повлекла за собой необходимость немедленной затраты на пріобрѣтеніе хозяйственныхъ орудій и скота.

женія цѣнъ на водку, еслибы сбытъ ея въ сосѣднія, менѣе хлѣбородныя, мѣстности не находилъ затрудненій въ новомъ акцизномъ положеніи. Прежде выпускъ изъ подвала транспортовъ вина, оплачиваемыхъ акцизомъ на мѣстѣ потребленія, не встрѣчалъ затрудненій; цѣлость вина на пути обезпечивалась карательными мѣрами, и обезпечивалась весьма дѣйствительно, ибо, по словамъ купцовъ-старожиловъ, не было примѣра умышленной растраты его по дорогѣ. Теперь (ст. 3 правилъ о разсрочкѣ акциза), при отправкѣ транспорта, въ обезпеченіе казны, должны быть представлены залоги на половину всей суммы числящагося на немъ акциза. Понятно, что это весьма стѣсняетъ торговлю виномъ. Купецъ при покупкѣ водки на 5.000 р., если не можетъ продать ее на мѣстѣ, долженъ запастись залогами приблизительно на 10.000 р. Ко всѣмъ этимъ общимъ причинамъ упадка цѣны на вино, въ нашихъ краяхъ (сѣверѣ Полтавской и югѣ Черниговской губ.) присоединилась одна чисто-мѣстная: мы говоримъ о неудачной мѣрѣ полтавскаго окружнаго акцизнаго управленія по заготовкѣ водки. По разчетамъ этого управленія, Полтавской губерніи угрожалъ недостатокъ вина, и потому оно прошлою зимой поручило роменскому купцу Остапенко заготовить по весьма высокой цѣнѣ (92 к. за ведро въ 47° по Траллесу) 100.000 ведеръ водки, которыя казна обязалась принять отъ него лѣтомъ нынѣшняго года. Когда по окончаніи прошлогодняго винокуренія оказалось, что опасенія окружнаго управленія не оправдались, Остапенко предложилъ уничтожить контрактъ, соглашаясь принять на себя закупленную водку, для которой ему представлялся выгодный сбытъ въ Землю Войска Донскаго. Къ сожалѣнію, онъ не получилъ своевременно отвѣта. Дѣло затянулось, случай былъ пропущенъ, и къ осени оказалось, что казнѣ водки дѣвать не куда, а между тѣмъ цѣны на нее упали, и ея не мало улетучилось изъ бочекъ. Наконецъ, Остапенко все-таки принялъ ее на себя, выговоривъ 35.000 р. с. отступнаго. Результатомъ этой операціи, кромѣ чистаго убытка казны, было то, что сто тысячъ ведеръ водки застряли на нашемъ мѣстномъ рынкѣ, и что при необходимости для Остапенко сбыть ихъ поскорѣе съ рукъ для разчета съ казной, цѣны на вино окончательно упали, и теперь продажа его на наличныя деньги почти невозможна.

Сообразивъ все сказанное, мы видимъ, что причинъ прошлогднихъ убытковъ заводчиковъ, кромѣ нѣкоторыхъ дѣйствительно стѣснительныхъ постановленій Положенія о питейномъ сборѣ (платы за усышку и утечку и необходимости представлять залоги при отправленіи неоплаченныхъ акцизомъ транспортовъ), должно искать главнымъ образомъ въ двухъ обстоятельствахъ: въ отсутствіи оборотнаго капитала у большинства заводчиковъ и въ нерадѣніи при управленіи заводами. Чтобъ оправдать это мнѣніе, приведемъ примѣрный бюджетъ завода, дѣйствующаго при нынѣшнихъ условіяхъ.

Положимъ, что владѣлецъ имѣнія въ нашихъ краяхъ располагаетъ капиталомъ въ 25.000 р. и что онъ употребитъ этотъ капиталъ на устройство и поддержку завода въ 150 пудовъ затора. Заводъ, подвалъ и необходимая посуда обойдутся не дороже 15.000 р.; остальныя деньги, по нашему предположенію должны составить оборотный капиталъ производства. Полагая 200 заторовъ въ періодъ винокуренія, мы увидимъ, что на все производство пойдетъ 30.000 пудовъ муки, которая при покупкѣ на наличныя деньги въ настоящее время не станетъ дороже 25 к. за пудъ. Топлива въ день истратится не болѣе 16 копъ соломы, которая стоитъ около 50 к. за копу. Заводъ потребуетъ 15 рабочихъ, которые, полагая имъ по 7 р. въ мѣсяцъ на ихъ харчахъ, въ 7 мѣсяцевъ получатъ 735 р.; кромѣ того, при подвалѣ должны быть 3 бондаря (2 на время куренія, а 1 на весь годъ), имъ положимъ 9 р. въ мѣсяцъ. Жалованье винокуру составитъ рублей 300, жалованье подвальному 120. Освѣщеніе завода потребуетъ $1^1/_2$ пуда свѣчей въ мѣсяцъ, цѣна пуду 5 р. Наконецъ, ремонтъ завода и посуды можно положить въ 10% ихъ первоначальной стоимости. Такимъ образомъ весь расходъ представится въ слѣдующемъ видѣ:

30.000 пудовъ хлѣба по 25 к. .	7.500	р.	к.
3.200 копъ соломы по 50 к. . .	1.600	„	„
Рабочіе	735	„	„
Бондари	234	„	„
Винокуръ.	300	„	„
Подвальный.	120	„	„
Освѣщеніе	52	„	50 „
Ремонтъ завода и посуды . . .	1.500	„	„
Итого.	12.041	р.	50 к.

Къ этому нужно бы прибавить расходъ на подвозку муки, соломы, льду и отвозку вина въ подвалъ, а также на содержаніе лошадей и наемъ рабочихъ при водоподъемной машинѣ, наконецъ провизію, отпускаемую винокуру и подвальному; но по нашему предположенію заводъ состоитъ при имѣніи, и всѣ эти работы производятся собственнымъ скотомъ (свободнымъ зимой), провизія же состоитъ изъ домашнихъ продуктовъ. Чтобы не дѣлать довольно затруднительнаго разчета для перевода всего этого на деньги, мы вовсе не будемъ принимать во вниманіе этихъ расходовъ, полагая, что ихъ принимаетъ на себя имѣніе, съ лихвой вознаграждающее себя удобреніемъ, какое доставляется заводомъ. *

Чтобъ опредѣлить доходъ съ завода, допустимъ, что съ пуда выкуривается 36° спирту и что изъ этихъ 36° до продажи усохнетъ или утечетъ 1°: въ результатѣ получается 35° продажныхъ на каждый пудъ затора; изъ нихъ (при низшей нормѣ) 3° перекуру. Но такъ какъ придется оплатить и улетѣвшій градусъ, всего въ пользу владѣльца завода останется половина акциза съ 2° т.-е. 4 к. Принимая цѣну водки самую умѣренную $1^1/_4$ к. за градусъ, мы увидимъ, что съ каждаго пуда получается водки на $43^3/_4$ к. Барду можно оцѣнить (за всю зиму) въ 10 р. на пудъ затора. Итакъ доходъ будетъ слѣдующій:

За 1.050.000° по $1^1/_4$ к.	13,125 р.
За 60.000° перекуру	1,200
За барду.	1,500
Итого:	15,825 р.
За исключеніемъ же расхода. . . .	12,041 р. 50 к.
	3,783 р. 50 к. чистаго дохоу.

Такимъ образомъ получится около 15% съ затраченнаго капитала, кромѣ косвенныхъ выгодъ доставляемыхъ заводомъ. **

* Скотъ находящійся на бардѣ при такомъ заводѣ доставитъ возможность поддерживать табачную плантацію десятинъ въ 10—12 (по крайней мѣрѣ), десятина же плантаціи среднимъ числомъ дастъ чистаго дохоу 100 р.

** Мы уже приняли въ разчетъ удобреніе; кромѣ того, заводъ дастъ возможность на мѣстѣ безъ хлопотъ сбыть съ выгодой весь урожай хлѣба и соломы и замѣнить дешевую осеннюю продажу браковаваго рабочаго скота продажей его весной, послѣ зимы проведенной на бардѣ. Оцѣнивъ барду въ 1.500 р., мы привели только сумму, за которую ее всегда можно продать скотопромышленнику; при этомъ понятно, что та часть ея, которую владѣлецъ оставитъ для своего скота, принесетъ ему относительно больше выгоды.

Противъ основанія нашего разчета можно возразить одно: при опредѣленіи цѣны муки мы приняли норму нынѣшняго года—исключительно урожайнаго (прочія статьи расхода нами нѣсколько преувеличены, въ чемъ убѣдится всякій знающій дѣло); но если, дѣйствительно, обыкновенно мука стоитъ около 30 к., что̀ составитъ въ нашемъ разчетѣ разницу въ 1500 р.,—то и цѣну на водку мы приняли исключительно низкую: въ прошломъ году,—нельзя сказать чтобъ особенно благопріятномъ для заводчиковъ, вино среднимъ числомъ продавалось по $1^1/_2$ к. за градусъ. Замѣчая, что въ разсматриваемомъ случаѣ измѣненіе цѣны на $^1/_4$ к. за градусъ ($1^1/_2$ вмѣсто $1^1/_4$) влечетъ за собой измѣненіе въ 2625 р., въ конечномъ результатѣ, мы, кажется, въ правѣ сказать, что исчисленный нами доходъ завода ни мало не преувеличенъ.

ЗАВОДЧИКЪ.

ХРИСТІАНЕ ВЪ ТУРЦІИ

СТАТЬЯ В. ДЕНТОНА, СВЯЩЕННИКА АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ *.

Происходившія недавно въ палатѣ общинъ пренія по поводу положенія христіанскихъ подданныхъ Турціи, а также и другіе признаки возраждающагося участія къ судьбѣ нашихъ угнетенныхъ братьевъ на Востокѣ, обязываютъ всякаго, кто можетъ сообщить какія-либо свѣдѣнія по этому предмету, внести свой вкладъ въ общую сокровищницу.

Посѣтивъ прошедшею весной на короткое время Сербію, я въ первый разъ имѣлъ возможность собрать на мѣстѣ

* Эта интересная характеристика положенія христіанъ въ Турціи появилась по-англійски въ прошломъ году и произвела въ Англіи сильное впечатлѣніе. Она свидѣтельствуетъ объ измѣнившемся взглядѣ англійской публики на турецкія дѣла, и никогда еще противъ политики британскаго правительства по этому вопросу не поднималось такого сильнаго обличительнаго голоса какъ въ этой брошюрѣ англиканскаго священника. Цѣль этой брошюры показать, что политика британскаго правительства была бы несравненно выгоднѣе для Англіи, еслибы была справедливѣе и руководствовалась по преимуществу интересами христіанскихъ народонаселеній Турціи. Онъ находитъ, что въ основаніи англійской политики былъ совершенно превратный взглядъ на отношенія славянскихъ и христіанскихъ народонаселеній къ Россіи, была ошибочная увѣренность, будто бы покровительствовать первымъ значитъ дѣйствовать въ интересахъ русской

матеріалы, которые свидѣтельствуютъ о несчастномъ положеніи племенъ, подчиненныхъ прихоти турецкихъ чиновниковъ; а бомбардировка Бѣлграда, случившаяся черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ я оставилъ этотъ городъ, повидимому погруженный въ совершенное спокойствіе, побудила меня предпринять разысканія, результатъ которыхъ я изложилъ въ этомъ небольшомъ сочиненіи. До тѣхъ поръ пока мнѣ не пришлось на мѣстѣ познакомиться съ дѣломъ, я не имѣлъ понятія о томъ, какая жестокая обида для Сербскаго народа заключается въ самомъ присутствіи турецкихъ гарнизоновъ. Такимъ образомъ я былъ какъ нельзя болѣе свободенъ отъ всякаго предубѣжденія. Изъ разговора съ свѣдущими, безпристрастными, и даже враждебными очевидцами, я впервые научился понимать, почему Сербскій народъ такъ горячо протестуетъ противъ пребыванія въ Бѣлградѣ турецкихъ гарнизоновъ, представляющихъ въ одно и то же время и нравственную заразу, и причину постоянной тревоги для Сербовъ. Пользуясь свѣдѣніями, пріобрѣтенными мною изъ сношеній съ Англичанами и иностранцами, проживающими въ Турціи, а также и изъ офиціяльныхъ архивовъ одной турецкой провинціи, въ которые мнѣ былъ открытъ доступъ, я хочу представить читателямъ, составленное мною на основаніи этихъ источниковъ спокойное повѣствованіе о несчастномъ положеніи турецкихъ подданныхъ. Говоря о такомъ предметѣ, трудно сохранить спокойствіе; трудно писать безъ волненія и сдерживать свое негодованіе. Болѣе жестокія оскорбленія, болѣе горькія страданія, болѣе продолжительныя и нестерпимыя притѣсненія едва ли выпадали когда-нибудь на

политики и упрочивать ея вліяніе на Востокѣ, что племенныя и даже религіозныя связи Россіи съ христіанскимъ народонаселеніемъ Турецкой имперіи не имѣютъ теперь того значенія, которое имъ еще приписываютъ, не имѣютъ той политической силы, на которую иными еще разчитывается, — это фактъ, который былъ уже давно замѣченъ. В. Дентонъ представилъ его только въ новомъ и разительномъ свѣтѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія не прежде какъ вслѣдствіе внутреннихъ совершающихся и готовящихся въ ней преобразованій можетъ пріобрѣсти достодолжное положеніе на Востокѣ и возвратить себѣ симпатіи его христіанскихъ населеній.

Во всякомъ случаѣ мы, Русскіе, не можемъ оставаться равнодушны къ вопросу, поднятому г. Дентономъ, и его брошюра имѣетъ для насъ особенный интересъ. Мы должны съ зоркимъ вниманіемъ слѣдить за измѣняющимся направленіемъ англійской политики на Востокѣ.

долю какого-либо другаго народа въ мірѣ. И все это еще труднѣе перевести среди окружающей свободы и въ виду всеобщей безопасности.

Еслибы вопросъ о положеніи христіанъ въ Турціи, былъ тѣсно связанъ съ интересами политическихъ партій, то я никакъ не рѣшился бы такъ безцеремонно вторгаться въ область, въ которой присутствіе духовнаго лица по справедливости считается неумѣстнымъ. Но такъ какъ несчастныя обстоятельства, посреди которыхъ страдаютъ цѣлые милліоны нашихъ собратій, въ одной изъ плодоноснѣйшихъ и прекраснѣйшихъ странъ земнаго шара, не вызовутъ никакой вражды между партіями, то я прошу англійскую публику обратить свое вниманіе на причиняемыя турецкимъ христіанамъ оскорбленія, обзоръ которыхъ я предлагаю ей въ этомъ небольшомъ сочиненіи, для того чтобы пріобрѣсти ея сочувствіе несчастнымъ страдальцамъ. Въ самомъ дѣлѣ должно сознаться, что за исключеніемъ немногихъ, благородныхъ личностей, политическія партіи всевозможныхъ оттѣнковъ находятся въ одинаковомъ невѣдѣніи относительно этого предмета, и потому одинаково равнодушны къ страданіямъ огромной массы турецкихъ подданныхъ.

Благодаря такому обстоятельству, этотъ великій политическій вопросъ остается не замѣшаннымъ въ интересы партій, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно обратить на него вниманіе лицъ стремящихся руководить общественнымъ мнѣніемъ, или только выдающихъ себя за его руководителей. Спѣшу заявить съ самаго начала, что я далекъ отъ мысли побуждать правителей Англіи къ тому, чтобъ они употребили свое вмѣшательство въ пользу этого жестоко угнетеннаго народа; я скорѣе попросилъ бы ихъ прекратить свое странное вмѣшательство противъ него, составляющее политику настоящаго англійскаго правительства, и не оказывать болѣе дѣятельной поддержки жесточайшему въ мірѣ деспотизму, который, не довольствуясь страшными муками и наказаніями, напоминающими времена Діоклетіана и другихъ древнихъ гонителей христіанской вѣры, отравляетъ и оскверняетъ семейную жизнь огромнаго большинства турецкихъ подданныхъ.

Въ письмѣ одного англійскаго джентльмена, изъ Константинополя, на которое сослался г. Кобденъ среди происходившихъ недавно преній, находится между прочимъ слѣдующее мѣсто: „Что поддерживаемъ мы нашею политикой? Меня спросили недавно, чѣмъ можно объяснить тотъ фактъ, что Англичане, самый нравственный народъ въ мірѣ, поощряютъ своимъ покровительствомъ такую глубокую безнравственность? Я отвѣчалъ, что по большей части, они или совершенно не знаютъ этихъ обстоятельствъ, или не хотятъ вѣрить тому что слышатъ.“ Но я увѣренъ, что какъ скоро это незнаніе прекратится, и Англичане поймутъ что такое значитъ: „поддерживать цѣлость Турціи“, они перестанутъ оказывать помощь правительству, существующему лишь для того, чтобы дѣлать своихъ подданныхъ несчастными какъ посредствомъ дѣятельныхъ притѣсненій, такъ и вслѣдствіе своей слабости и неспособности.

Такое невѣдѣніе со стороны Англійскаго народа вовсе не удивительно. Въ точно такомъ же невѣдѣніи относительно положенія турецкихъ подданныхъ, ихъ привычекъ и чувствъ, одушевляющихъ многочисленныя христіанскія общины, разбросанныя по лицу имперіи, долгое время находились и англійскія министерства, смѣнявшія одно другое. Въ самомъ дѣлѣ, лица, завѣдывавшія нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, считали, повидимому, совершенно лишнимъ собирать объ этомъ предметѣ какія-либо свѣдѣнія. Впрочемъ, между невѣдѣніемъ Англійскаго народа и невѣдѣніемъ его правительства существуетъ та огромная разница, что послѣднее всегда имѣло возможность получать свѣдѣнія, но умышленно уклонялось отъ нихъ; между тѣмъ какъ невѣдѣніе Англійскаго народа проистекаетъ изъ намѣреннаго нежеланія его правительства допустить, чтобы въ страну проникли какія бы то ни было извѣстія объ истинномъ положеніи турецкихъ христіанъ. Многочисленные консулы, разсѣянные по всѣмъ владѣніямъ султана, вслѣдствіе ли положительныхъ инструкцій полученныхъ ими отъ англійскаго правительства, или съ помощью тѣхъ косвенныхъ путей, чрезъ которыя подчиненнымъ становятся извѣстными желанія ихъ начальниковъ, давно знали, что одна изъ ихъ главнѣйшихъ обязанностей

состоитъ въ томъ, чтобы скрывать всякія извѣстія насчетъ положенія и особенно насчетъ страданій турецкихъ подданныхъ. Имъ весьма выразительно намекали, что если они не могутъ закалить свои сердца, то должны по крайней мѣрѣ сквозь пальцы смотрѣть на ежедневныя жестокости, совершаемыя Турками надъ безоружнымъ и несчастнымъ крестьянскимъ сословіемъ въ Румыніи, Малой Азіи и въ Сиріи: такимъ образомъ, на запросы палаты общинъ относительно какого-либо случая вопіющей несправедливости, министерству иностранныхъ дѣлъ можно было отвѣчать, что мѣстный консулъ не сообщалъ ничего подобнаго и что слѣдовательно должно считать этотъ слухъ не справедливымъ. Чтобы познакомиться съ обычнымъ способомъ дѣйствія консуловъ въ подобныхъ случаяхъ, стоитъ прочесть слѣдующее извлеченіе изъ письма, адресованнаго ко мнѣ докторомъ Сандвитомъ, главнымъ начальникомъ медицинскаго штаба при осадѣ Карса:

„Бывши два года тому назадъ въ Турціи, я имѣлъ длинный разговоръ съ однимъ консуломъ, который разказывалъ мнѣ страшныя вещи, леденившія кровь въ моихъ жилахъ, о жестокости и безчеловѣчіи Турокъ, преимущественно относительно христіанъ, хотя впрочемъ злодѣянія ихъ не ограничиваются одними этими несчастными. Вездѣ, гдѣ только можетъ грабить паша, онъ не заботится о томъ какъ велико причиняемое имъ бѣдствіе и раззореніе. Консулъ ясно доказалъ мнѣ, что странѣ грозитъ неизбѣжное опустошеніе и безлюдье.—„Во всякомъ случаѣ,“ замѣтилъ я, „вы имѣете по крайней мѣрѣ удовольствіе сообщать обо всѣхъ этихъ ужасахъ въ вашихъ депешахъ?“—„О, нѣтъ, помилуй Богъ,“ отвѣчалъ онъ, „я не смѣю этого сдѣлать. Намъ уже неоднократно намекали, что наше правительство рѣшилось поддерживать Турцію; а еслибъ я разказалъ всю правду и представилъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, то моя карьера была бы испорчена. Не одинъ консулъ уже получалъ за это строгіе выговоры.“ Въ другой разъ мнѣ пришлось услыхать также отъ одного консульскаго чиновника объ ужасномъ случаѣ судебной пытки. Я сталъ разспрашивать о подробностяхъ; но онъ не посмѣлъ мнѣ ихъ сообщить, говоря, что случай этотъ не получитъ гласности, такъ какъ консуламъ сдѣланъ былъ намекъ, что всякій слухъ, неблагопріятный Туркамъ, будетъ дурно принятъ посольствомъ.“

Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ мы не имѣемъ нужды ограничиваться одними предположеніями или прибѣгать къ свидѣтельству правдивыхъ людей. Мы можемъ прямо указать на бумаги, представленныя парламенту. Какъ офиціальные акты правительства въ Англіи, такъ и циркуляры и инструкціи нашего посланника въ Константинополѣ, равно свидѣтельствуютъ объ одномъ и томъ же твердомъ намѣреніи подавлять, и въ случаѣ надобности, искажать всякіе слухи, могущіе ознакомить Англійскій народъ съ положеніемъ имперіи, которую мы столько разъ должны были поддерживать цѣною дорогой крови и огромныхъ издержекъ.

Во началѣ 1860 г. князь Горчаковъ, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, препроводилъ циркулярную депешу къ великимъ европейскимъ державамъ, поставляя на видъ, что до сихъ поръ не прекращаются тѣ несправедливости, на которыя такъ давно роптали христіане въ Турціи, и отъ которыхъ Порта въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ нѣсколько разъ въ различные періоды времени обѣщала ихъ избавить. Въ этомъ циркулярѣ, написанномъ въ маѣ 1860 года, встрѣчается слѣдующее:

„Вниманіе, возбужденное во всей Европѣ обсужденіями восточныхъ дѣлъ, внушаетъ намъ желаніе предупредить всякое неточное, ложное и преувеличенное толкованіе той роли, которую принялъ на себя императорскій кабинетъ, и той цѣли, которую онъ задалъ себѣ въ этомъ дѣлѣ. Уже болѣе года, какъ наши агенты въ Турціи сообщаютъ намъ въ своихъ офиціальныхъ донесеніяхъ о затруднительномъ положеніи христіанскихъ провинцій, находящихся подъ властью Порты, въ особенности же Босніи, Герцеговины и Болгаріи. Положеніе это началось не съ нынѣшняго дня, но вмѣсто того чтобъ улучшиться, какъ этого ожидали, оно сдѣлалось въ послѣдніе годы еще хуже.

„При такомъ убѣжденіи, употребивъ, съ одной стороны, всевозможныя усилія, чтобы вразумить турецкое правительство относительно важности совершающихся событій, постоянно сообщая ему всѣ получаемыя нами извѣстія о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей; съ другой стороны, истощивъ всѣ находившіяся въ нашихъ рукахъ средства убѣжденія, дабы внушить христіанамъ терпѣніе, мы откровенно и чистосердечно обратились къ великимъ европейскимъ державамъ. Мы объяснили имъ всѣ обстоятельства такъ, какъ они были сообщены намъ въ доне-

свѣіяхъ нашихъ агентовъ; указали имъ на предстоящій кризисъ; высказали наше убѣжденіе, что отдѣльныя представленія, безплодныя обѣщанія и облегчительныя мѣры не предотвратятъ его, и что великимъ державамъ необходимо войдти въ соглашеніе между собой и съ Портой, чтобы сообща принять мѣры, могущія положить конецъ этому опасному порядку вещей. Мы не дѣлали никакихъ положительныхъ предложеній относительно принятія того или другаго образа дѣйствій. Мы ограничились только указаніемъ фактовъ и заявленіемъ о настоятельной потребности времени. Мы не скрыли того, что по нашему мнѣнію ясно какъ день и не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства.

„Прежде всего необходимо немедленно нарядить мѣстное слѣдствіе, въ которомъ бы приняли участіе императорскіе уполномоченные, дабы провѣрить истину фактовъ; за тѣмъ великія державы должны войдти въ соглашеніе между собой и съ Портой, чтобы побудить ее къ принятію необходимыхъ органическихъ мѣръ для дѣйствительнаго, серіознаго и прочнаго улучшенія ея отношеній къ христіанскому народонаселенію имперіи.

„Заключается ли въ этомъ вмѣшательствѣ что-либо оскорбительное для достоинства Порты? Мы не сомнѣваемся въ ея намѣреніяхъ, такъ какъ изъ всѣхъ державъ она наиболѣе заинтересована выходомъ изъ настоящаго положенія. Будь это ослѣпленіе, терпимость или слабость, но содѣйствіе Европы не можетъ не быть полезнымъ для Порты, какъ для уясненія ея понятій, такъ и для подкрѣпленія ея дѣйствій. Можетъ ли идти рѣчь о нарушеніи ея правъ, когда мы желаемъ, чтобъ ихъ уважали, или о томъ чтобы воздвигнуть какія-либо затрудненія, когда мы намѣрены ихъ предотвратить? Согласіе, которое мы желаемъ видѣть между великими державами и турецкимъ правительствомъ, должно послужить христіанамъ доказательствомъ того, что на ихъ участь обращено вниманіе, и что мы серіозно заботимся о ея улучшеніи. Въ то же самое время оно будетъ для Порты нѣкоторымъ ручательствомъ за дружественныя намѣренія державъ, постановившихъ въ числѣ самыхъ существенныхъ условій европейскаго равновѣсія сохраненіе Оттоманской имперіи. Такимъ образомъ турецкое правительство должно найдти въ этомъ источникъ довѣрія и обезпеченія для будущаго; христіане же — источникъ терпѣнія и надежды.

„Что касается до Европы, то, наученная уроками прошедшаго, она, по нашему мнѣнію, только въ этомъ нравственномъ дѣйствіи найдетъ гарантіи, требуемыя такимъ

первостепеннымъ вопросомъ, съ которымъ неразрывно связано ея спокойствіе, и въ которомъ интересы человѣколюбія соединены съ интересами политическими. Нашъ Августѣйшій Монархъ никогда не скрывалъ своего сильнѣйшаго сочувствія къ первымъ изъ этихъ интересовъ. Его величество не желаетъ обременить свою совѣсть упрекомъ въ томъ, что онъ оставался молчаливымъ зрителемъ этихъ ужасныхъ страданій, между тѣмъ какъ столько голосовъ возвышались въ другихъ мѣстахъ при обстоятельствахъ гораздо менѣе важныхъ. Сверхъ того, мы глубоко убѣждены, что такой образъ мыслей долженъ быть нераздѣльно связанъ съ политическимъ интересомъ, который Россія, подобно прочимъ державамъ, находитъ въ сохраненіи Оттоманской имперіи.

„Надѣемся, что всѣ кабинеты раздѣляютъ высказанный нами взглядъ; но мы убѣждены также и въ томъ, что время обольщеній прошло, и что всякое колебаніе, всякая проволочка будутъ имѣть серіозныя послѣдствія. Мнѣ кажется, что напрягая всѣ наши усилія, дабы склонить Оттоманское правительство къ принятію такого образа дѣйствій, который предотвратилъ бы всѣ эти случайности, мы даемъ ему этимъ самымъ доказательство нашей о немъ заботливости, и въ то же время исполняемъ долгъ человѣколюбія.“

По полученіи этого циркуляра сэръ-Генри Бульверъ, дѣйствуя по инструкціямъ англійскаго правительства, составилъ цѣлый листъ вопросовъ и разослалъ ихъ по всей Турціи къ различнымъ англійскимъ консуламъ. Конечно, эти лица могли лучше чѣмъ кто-либо отвѣчать на эти вопросы; и вѣроятно никто не изъявилъ бы большей готовности представить доказательства, могущія опровергнуть показанія русской ноты, еслибы только это было возможно. Изъ ихъ честнаго, вѣрнаго и дѣльнаго отвѣта мы могли бы получить блестящій обзоръ состоянія Турецкой имперіи, и донесенія такого рода были бы по истинѣ безцѣнны. Трудно было предположить, чтобъ англійскіе консулы стали преувеличивать несчастное положеніе христіанъ, когда имъ не однажды и различными путями давали чувствовать, что даже правда по этому предмету была бы „непріятна посольству“, и когда прежде нежели они успѣли отправить свои отвѣты сэръ-Генри Бульверу, имъ напомнили, что даже насущный хлѣбъ ихъ

зависитъ отъ воли его сіятельства посланника *. Очевидно, что еслибы въ то же время Англичане, проживающіе въ Турціи, съ своей стороны, изложили состояніе дѣла, смягчивъ нѣкоторыя изъ его обстоятельствъ, мы получили бы довольно вѣрную картину положенія народа, можетъ-быть слегка пріукрашенную, для того чтобы выставить въ лучшемъ свѣтѣ настоящій порядокъ вещей, и до нѣкоторой степени приноровленную къ желаніямъ правительства, однако въ общемъ достойную вѣроятія. Но сэръ-Генри Бульверъ тутъ же возымѣлъ предчувствіе, что простой отвѣтъ на его вопросы только подтвердилъ бы до послѣдней бездѣлицы всѣ обвиненія русскаго министра, и потому онъ рѣшился препроводить къ консуламъ, въ одномъ конвертѣ съ вопросами, циркуляръ, съ надписью „Константинополь, 11-го іюня, 1860“, въ которомъ онъ намекнулъ имъ, какого рода отвѣты онъ желаетъ и надѣется отъ нихъ получить. Въ этомъ циркулярѣ, который одинъ изъ консуловъ совершенно справедливо называетъ „инструкціей“, сэръ-Генри Бульверъ говоритъ между прочимъ:

„Припоминая жестокую, деспотическую власть пашей, еще не такъ давно свирѣпствовавшую въ провинціяхъ, и подкупъ, такъ долго господствовавшій между турецкими чиновниками, — къ чему нерѣдко подавали поводъ сами раджи, подкупавшіе ихъ для того чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать одинъ противъ другаго, — слишкомъ много было бы требовать чистоты и совершенства отъ настоящей турецкой администраціи.

„Сверхъ того, преступленія, на которыя указываетъ Россія, къ несчастію, существуютъ во всѣхъ странахъ міра и повсюду достойны сожалѣнія. Турецкое правительство всегда отличалось несравненно большею религіозною терпимостью нежели многія изъ правительствъ Европы; и несмотря на то что тамъ, гдѣ завоеватели исповѣдуютъ одну вѣру, а побѣжденные другую, въ началѣ всегда бываетъ трудно ввести систему религіозной свободы, эта система сдѣлала въ послѣднее время очевидные успѣхи въ

* „Могу васъ увѣрить, что я буду надлежащимъ образомъ слѣдить за вашимъ поведеніемъ въ этомъ критическомъ обстоятельствѣ, и каково будетъ мое мнѣніе, благопріятное или неблагопріятное для васъ, я сообщу его правительству ея величества.“ Циркуляръ сэръ-Генри Бульвера къ консуламъ ея величества. Августа 8-го, 1860 г.

турецкой столицѣ. Вслѣдствіе этого, едва ли можно допустить, чтобъ офиціяльные турецкіе чиновники, въ наибольшей части имперіи, совершенно пренебрегали этою системой, которую такъ постоянно и громко провозглашала Порта съ согласія своего государя.

„Такимъ образомъ, нисколько не отвергая необходимости значительныхъ и коренныхъ преобразованій въ провинціяльной администраціи, я въ то же время нахожу весьма преувеличенными слова людей, утверждающихъ, будто дѣла находятся въ несравненно худшемъ положеніи нежели слѣдовало бы ожидать при такихъ обстоятельствахъ, и что будто бы областные правители и ихъ подчиненные постоянно дѣйствуютъ въ противоположность общей политикѣ, держаться которой обязалось правительство.

Далѣе сэръ-Генри Бульверъ весьма знаменательно прибавляетъ:

„Какъ вамъ извѣстно, правительство ея величества желаетъ поддержать Оттоманскую имперію; въ случаѣ паденія послѣдней, общій порядокъ на Востокѣ былъ бы нарушенъ, что, по всей вѣроятности, повлекло бы за собой всемірную войну, и причинило бы цѣлый рядъ несчастій, которыя, не принеся ни малѣйшей пользы какому-либо классу турецкихъ подданныхъ, повергли бы все человѣчество въ величайшія бѣдствія.“

Не очевидно ли изъ этого, что сэръ-Генри Бульверъ, еслибъ онъ дѣйствительно находилъ положеніе Турціи улучшеннымъ или улучшающимся, безъ всякаго опасенія предоставилъ бы консуламъ полную свободу въ ихъ заявленіяхъ, не говоря чего именно онъ отъ нихъ ожидаетъ. Еслибы Турція въ самомъ дѣлѣ отличалась такою кроткою „терпимостью,“ и христіане пользовались бы въ ней спокойствіемъ и полною безопасностью отъ жестокихъ притѣсненій, то посланнику, живущему въ Константинополѣ, не нужно было бы говорить этого своимъ консуламъ, которые гораздо лучше его должны знать положеніе христіанъ. Изъ одного обстоятельства, которое можно было бы назвать смѣшнымъ, еслибъ оно не оскорбляло первыхъ правилъ нравственности, видно, что консулы приняли этотъ циркуляръ за формальное предписаніе прислать отвѣты,

согласные съ желаніемъ сэръ-Генри Бульвера и „пріятые посольству“.

Вслѣдствіе какой-то ошибки, происшедшей въ канцеляріи, г. Скинъ, англійскій консулъ въ Алеппо, получилъ только одни вопросы, безъ циркуляра. 4-го августа этотъ джентльменъ препроводилъ свои отвѣты съ дѣтски-простодушною увѣренностью, что его сіятельству дѣйствительно нужны самыя справедливыя показанія. Но черезъ нѣсколько дней по отправленіи своего отчета онъ получилъ и самый циркуляръ въ особенномъ конвертѣ. Тогда только увидалъ онъ страшный, сдѣланный имъ, промахъ; ему приказывали благословлять султана, превозносить его благодѣтельное, исполненное „терпимости“, правленіе, и опровергнуть обвиненіе, заключавшееся въ русской нотѣ; а онъ, несчастный, неумышленно осыпалъ проклятіями первое и подтвердилъ послѣднее, вѣрно изобразивъ состояніе обитаемой имъ провинціи.

Очевидно, что благоразуміе требовало не поднимать этого дѣла, такъ какъ первый недосмотръ, относительно присылки вмѣстѣ съ вопросами черновыхъ отвѣтовъ, произошелъ въ Константинополѣ, а промахъ г. Скина былъ уже слѣдствіемъ первой ошибки; но бѣдный консулъ не могъ этимъ удовлетвориться. Онъ поступилъ такъ, какъ часто поступаютъ съ испуга люди, не одаренные большимъ нравственнымъ мужествомъ. Смѣлость его дошла до дерзости. Онъ рѣшился опровергнуть самого себя, и написалъ весьма плачевное посланіе, сокрушаясь о своемъ простодушіи, и разсыпаясь въ извиненіяхъ въ томъ что сказалъ правду. Въ этомъ послѣднемъ документѣ консулъ говоритъ, что онъ не можетъ быть такимъ основательнымъ судьей какъ его сіятельство, что мысли его „не зрѣлы“, и старается отказаться отъ своихъ прежнихъ словъ, повидимому не понимая, что это уже слишкомъ поздно. Морщась отъ присланнаго ему угощенія, онъ въ тревогѣ проглотилъ гораздо больше пилюль нежели сколько слѣдовало.

Въ своемъ послѣднемъ донесеніи сэръ-Генри Бульверу, составленномъ уже послѣ того какъ онъ узналъ цѣль, для которой были присланы ему вопросы, г. Скинъ выражается такъ:

„4-го числа настоящаго мѣсяца, я имѣлъ честь препроводить мои отвѣты на вопросы, заключавшіеся въ циркулярѣ вашего сіятельства отъ 11-го іюня, дошедшемъ до меня лишь нѣсколько дней тому назадъ, а вчера я получилъ другой циркуляръ, помѣченный тѣмъ же числомъ. Такимъ образомъ я сообщилъ въ моемъ первомъ письмѣ то что̀ могъ, *еще не зная причинъ внушившихъ эти вопросы, и не имѣя драгоцѣнныхъ инструкцій, заключающихся въ другомъ циркулярѣ.* И потому я постараюсь исправить теперь недостатки моихъ первыхъ отвѣтовъ.

. . . . . .

„Ваше сіятельство считаете преувеличенными слова лицъ, утверждающихъ будто дѣла находятся въ несравненно худшемъ состояніи нежели можно было бы ожидать при настоящихъ обстоятельствахъ. Такой взглядъ на дѣло совершенно подтверждается моею опытностью.

. . . . . .

„Такъ какъ я увѣренъ, что ваше сіятельство желали получить откровенныя мнѣнія, дабы ихъ можно было надлежащимъ образомъ провѣрить и оцѣнить, смотря по ихъ достоинствамъ или по ихъ недостаткамъ, то я надѣюсь, что это послужитъ мнѣ оправданіемъ въ томъ, что я такъ открыто выразилъ свои незрѣлыя понятія о предметѣ, изслѣдованіе котораго, въ строгомъ смыслѣ слова, не входитъ въ число консульскихъ обязанностей.“

Грустно видѣть, какъ человѣкъ зрѣлаго возраста жалобно умоляетъ извинить его, что онъ по несчастію высказалъ правду; но какъ ни печально это зрѣлище, оно имѣетъ для насъ то важное значеніе, что изъ него мы узнаемъ, какое дѣйствіе оказалъ циркуляръ сэръ-Генри Бульвера на умъ одного изъ его консуловъ, и съ сожалѣніемъ видимъ, что, благодаря предусмотрительности англійскаго посланника, мы лишились драгоцѣнной картины положенія Турціи. При такихъ обстоятельствахъ всякое признаніе со стороны консуловъ относительно безпорядковъ, притѣсненій и жестокостей, совершенныхъ чиновниками турецкаго правительства, получаетъ особенную важность; и потому несправедливо было бы обойдти молчаніемъ похвальную смѣлость нѣкоторыхъ изъ нихъ, рѣшавшихся говорить чистосердечно, и высказывать не совсѣмъ-то пріятныя истины въ своихъ донесеніяхъ.

На этимъ еще не окончивается лѣтопись хитрыхъ продѣлокъ британской дипломатіи. Бумаги, предоставленныя недавно парламенту, полны самыхъ мрачныхъ примѣровъ увертокъ, двусмысленности и даже положительной неправды тамъ, гдѣ казалось необходимымъ прикрыть щитомъ англійскаго могущества, — я желалъ бы лучше сказать англійскаго величія, — жестокія притѣсненія и развратную чувственность Турокъ. Не желая утомлять читателя ссылками на многочисленныя депеши сэръ-Генри Бульвера, изъ которыхъ я могъ бы особенно указать на депеши, встрѣчающіяся въ Синей книгѣ по поводу рѣзни въ Сиріи, и отражающія въ себѣ этотъ нечестный образъ дѣйствій, я ограничусь лишь однимъ печальнымъ примѣромъ, заимствованнымъ мною изъ депешъ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Росселя. Много было писано о бомбардировкѣ Бѣлграда, случившейся въ прошедшемъ іюнѣ. Но можно ли повѣрить, чтобы солдаты турецкаго гарнизона, превышавшіе численностью все взрослое мужеское населеніе этого коммерческаго города, сверхъ того защищенные стѣнами сильной крѣпости, обнесенной крѣпкимъ валомъ болѣе нежели съ двумя стами орудій, и стоящей на верху высокаго мыса, который командуетъ надъ всѣмъ городомъ, расположеннымъ на его покатости,—могли вообразить себя въ опасности со стороны несравненно меньшаго числа городскихъ торговцевъ? Подобный предлогъ долженъ убѣдить всякаго безпристрастнаго человѣка, что такимъ солдатамъ опасно ввѣрять какое бы то ни было оружіе. Но возвратимся къ дѣлу. Послѣ бомбардировки Бѣлграда, сэръ-Генри Бульверъ, доказавшій свое пристрастіе къ Туркамъ выше приведеннымъ „циркуляромъ“, отправилъ 24-го іюня въ Лондонъ, въ министерство иностранныхъ дѣлъ депешу, въ которой хотя онъ и старается снять съ Турокъ значительную долю ихъ вины, однакоже говоритъ между прочимъ: „я полагаю, что Сербы не были ни достаточно приготовлены, ни даже вовсе расположены начать въ настоящую минуту какую-либо серіозную борьбу“. Депеша эта была получена графомъ Росселемъ 5-го іюля, а пять дней спустя онъ уже предписывалъ лорду Непиру, англійскому послу въ С.-Петербургѣ, представить это дѣло русскому кабинету въ иномъ свѣтѣ и доказывать „совершенную очевидность того, что

Сербы сами вызвали послѣднее столкновеніе въ Бѣлградѣ", вопреки только что полученному имъ противоположному извѣстію отъ сэръ-Генри Бульвера. Вотъ почему мы безъ всякаго удивленія прочли въ депешѣ г. Лумлея, что когда русскому министру передали это мнѣніе, „князь Горчаковъ усомнился въ очевидности факта, выставляемаго лордомъ Россельемъ, будто Сербы сами подали поводъ къ послѣднему столкновенію въ Бѣлградѣ. Онъ сказалъ, что по другимъ извѣстіямъ, которыя онъ имѣетъ основаніе считать совершенно справедливыми, дѣло происходило совсѣмъ не такъ, и что его взглядъ на этотъ счетъ будетъ поддержанъ мнѣніемъ генеральнаго консула ея величества въ Сербіи — благороднаго и вполнѣ честнаго человѣка, — словамъ и объясненіямъ котораго относительно этого дѣла онъ безусловно повѣритъ." Князь Горчаковъ вѣроятно зналъ, что инструкціи, данныя лордомъ Россельемъ англійскому послу въ С.-Петербургѣ, не были подтверждены показаніями очевидцевъ.

Такъ вотъ какими недостойными средствами: систематическою утайкой извѣстій, требованіемъ отъ консуловъ односторонникъ, пристрастныхъ и пріукрашенныхъ показаній, въ случаѣ же надобности, смѣлымъ уклоненіемъ отъ истины, близко подходящимъ ко лжи, — отвлекаютъ участіе англійской публики отъ страданій христіанъ на Востокѣ. Но въ нашемъ пламенномъ желаніи поддержать во что бы то ни стало „цѣлость Турціи" мы не должны забывать, что репутація нашихъ общественныхъ дѣятелей сильно страдаетъ, и что чести и человѣколюбію Англіи грозитъ опасность сдѣлаться посмѣшищемъ всего міра. Конечно было бы мужественнѣе, благороднѣе и благоразумнѣе бороться съ истинными фактами этого дѣла. Гораздо лучше было бы сознаться, — такъ какъ честность все-таки наилучшая политика, — что хотя турецкое правительство безвозвратно погибло или погибаетъ; что хотя нравственное растлѣніе всѣхъ классовъ этой страны, въ особенности же ея вождей, достигло такихъ размѣровъ, что о немъ можно только упоминать, а не разказывать въ подробностяхъ; что хотя несчастныя, подвластныя ей племена подвергаются ежедневной рѣзнѣ и оскорбленіямъ, худшимъ нежели самая смерть, и цѣлыя области имперіи, принадлежащія къ плодоноснѣйшимъ

странамъ на всемъ земномъ шарѣ, которыя еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ обрабатывались также тщательно какъ сады Фландріи и Ломбардіи, предоставляютъ въ настоящее время совершенную пустыню, пробѣгаемую то кочующими бедуинами, то христіаниномъ, спасающимся отъ жестокаго притѣсненія своего свирѣпаго повелителя, чаще же всего хищными звѣрями (таково въ краткихъ словахъ положеніе большей части Азіятской Турціи, истину котораго я могу доказать самыми непогрѣшительными документами), —однакоже, несмотря на все это, вслѣдствіе весьма важныхъ для Англіи соображеній, мы твердо рѣшились поддерживать всѣ эти ужасы. Повторяю опять, гораздо лучше было бы сознаться въ этомъ, нежели цѣной нашей собственной „честности“ пытаться скрыть то, что̀ такъ гласно и къ несчастію такъ справедливо. Мы могли бы пожалуй доказывать, что, несмотря на страшную массу бѣдствій и зла, здравая политика требуетъ поощрять эти ужасы, поддерживать этотъ сгнившій столбъ и скрѣплять разрушающееся зданіе Оттоманской имперіи. Сознаюсь, что, на мой взглядъ, образъ дѣйствій принятый министерствомъ иностранныхъ дѣлъ вредитъ и человѣколюбію и политикѣ; но если уже его находятъ необходимымъ, то пусть держатся его безъ увертокъ, обмана и лжи. Такія орудія или служатъ признакомъ безнадежности дѣла, или же могутъ повредить такому дѣлу которое отнюдь нельзя счесть безнадежнымъ, если только не употреблять такихъ орудій.

Какъ бы то ни было, хотя въ словахъ свидѣтелей, на которыхъ я хочу сослаться, и которые, большею частію, не болѣе, не менѣе, какъ наши собственные консулы, живущіе въ Турціи, и проглядываетъ очевидное сознаніе того, что всякое указаніе въ пользу угнетенныхъ племенъ этой страны было бы „непріятно посольству“, и какъ замѣтилъ въ письмѣ къ нимъ сэръ-Генри Бульверъ, самому британскому правительству, однакоже ихъ показанія несомнѣнно подтверждаютъ между прочимъ слѣдующіе факты:

1. Плодоноснѣйшія области Турціи, покрытыя въ былое и еще не такъ давно минувшее время, цвѣтущими селами, населенными трудолюбивымъ народомъ, въ настоящее время пусты, разорены, и не представляютъ ничего, кромѣ

развалинъ, гніющихъ труповъ убитыхъ мужчинъ и дѣтей, и свободно рыскающихъ хищныхъ звѣрей. Прежнія обитатели частію истреблены, частію разсѣяны, а песокъ пустыни быстро засыпаетъ нѣкогда плодоноснѣйшія земли въ мірѣ.

2. Величайшее нравственное растлѣніе и самая грубая чувственность распространились безъ исключенія во всемъ Турецкомъ народѣ, вслѣдствіе чего народонаселеніе имперіи быстро уменьшается, и все мусульманское племя гибнетъ.

3. Нѣтъ такого угла въ Турецкой имперіи, гдѣ бы христіане не испытывали тревоги и опасеній за жизнь и честь свою и своихъ семействъ; а съ уменьшеніемъ господствующаго племени, зависть и ненависть Турокъ къ христіанамъ еще болѣе усилилась.

4. Турецкое правительство не сдѣлало до сихъ поръ никакой попытки исполнить даваемые имъ отъ времени до времени великимъ европейскимъ державамъ обѣщанія не притѣснять покоренныхъ имъ племенъ.

5. Только въ однихъ христіанскихъ племенахъ Турціи есть признаки жизни; христіанское населеніе быстро возрастаетъ, и его увеличивающееся матеріяльное благосостояніе, вмѣстѣ съ трудолюбіемъ, нравственностью, и распространяющимся образованіемъ, составляютъ единственную надежду въ будущемъ.

Что положеніе Турецкаго народа, по крайней мѣрѣ значительной массы населенія этой страны, дѣйствительно представляетъ указанную мною печальную картину, вѣрность которой я намѣренъ доказать офиціяльными и неопровержимыми документами,—того конечно не будетъ отрицать никто, хотя нѣсколько знакомый съ этимъ предметомъ. Главное оправданіе такому порядку вещей, обыкновенно приводимое защитниками Турціи, заключается въ томъ, что опустошенія, рѣзня и жестокая несправедливость относительно христіанъ, проистекаютъ не изъ прямыхъ дѣйствій турецкаго правительства, но изъ испорченности его чиновниковъ и фанатизма мусульманъ, котораго оно не имѣетъ силъ ни обуздать, ни наказать. Это, конечно, отчасти справедливо; но вѣдь не должно забывать, что самая слабость центральнаго правительства есть не болѣе, какъ слѣдствіе его несправедливости. Люди, входящіе въ составъ

турецкаго правительства, обладатели великолѣпныхъ дворцовъ, окаймляющихъ Босфоръ, нисколько не выше толпы по уму, прямодушію и нравственности; и значительная доля бѣдствій, бросающихъ мрачную тѣнь на эту страну, равно и настоящее безнадежное положеніе Оттоманской имперіи, происходятъ отъ положительной порочности ея правительства, отъ его жалкаго вѣроломства въ отношеніи къ собственнымъ подданнымъ и отъ его врожденнаго безсилія. Впрочемъ, людямъ страждущимъ рѣшительно все равно гдѣ бы ни находился источникъ зла, на которое они жалуются. Крестьянину, который, потому только что онъ христіанинъ, лишенъ собственности, котораго свидѣтельство не принимается въ судѣ по той же причинѣ, котораго произвольно заключаютъ въ тюрьму, жену и дочь котораго подвергаютъ оскорбленіямъ, а сыновей казнятъ, если они осмѣливаются защищать честь своихъ матерей и сестеръ, — нисколько не легче, если ему скажутъ, что причиной зла не порокъ или испорченность правительства, а его безсиліе. Пусть не забываютъ, что всѣ средства, какія только можетъ изобрѣсти политика: безчисленные протоколы, всевозможные союзы, конвенціи для избѣжанія войны, и вопреки всему этому случающіяся войны, — все было пущено въ ходъ, чтобы влить новую жизнь въ это умирающее тѣло, и придать ему искусственную силу; но все оказалось напраснымъ. Гибель быстро приближается, и слабое правительство съ каждымъ днемъ приходитъ въ болѣе и болѣе безнадежное состояніе. Первый признакъ упадка и приближающагося конца Турціи заключается въ повсемѣстномъ безлюдьи, которое постоянно увеличивается: справедливость этого факта доказываютъ неопровержимыя и вполнѣ согласныя между собою свидѣтельства. Очевидцевъ и показаній такъ много, что даже трудно сдѣлать между ними выборъ.

Вотъ, какъ описываетъ г. Сеніоръ то, что онъ самъ видѣлъ въ окрестностяхъ Смирны, и на что обратилъ его вниманіе прусскій консулъ.

„Самымъ сильнымъ доказательствомъ безлюдья страны служатъ кочующія племена Айруковъ и Туркомановъ, которыя блуждаютъ по ней большими ордами, отъ 30 до 40 семействъ, въ сопровожденіи цѣлыхъ тысячъ рогатаго

скота, верблюдовъ, лошадей, и овецъ, пользуясь для кочевья и пастбищъ запущенными землями. Айруки живутъ въ палаткахъ, и кромѣ своихъ пастушескихъ занятій, ткутъ ковры и толстое сукно. Туркоманы же ведутъ чисто пастушескую жизнь, и иногда строятъ себѣ изъ лѣса хижины, обмазанныя глиной. Мнѣ помнится, что я въ продолженіе двухъ лѣтъ сряду находилъ такія хижины на одномъ и томъ же мѣстѣ около Сардиса. Обитатели ихъ имѣли 150 верблюдовъ, 400 или 500 головъ рогатаго скота и можетъ-быть до 10,000 овецъ. Я спросилъ у нихъ, какъ долго они намѣрены оставаться здѣсь.—„Богъ вѣсть“, отвѣчали они, и на слѣдующій годъ ихъ уже не было.

„— Кому же, спросилъ я, принадлежитъ земля, на которой они кочуютъ и пасутъ свои стада и табуны?

„— Большею частію султану, отвѣчалъ онъ.

„— А платятъ они ему что-нибудь за пользованіе?

„— Нѣтъ, ничего не платятъ, если это земля султана. Пустыми султанскими землями можно пользоваться безплатно; за земли же, принадлежащія частнымъ лицамъ, съ нихъ требуется нѣкоторое вознагражденіе. Они обязаны платить десятинную подать, но появленіе десятиннаго сборщика заставляетъ ихъ обыкновенно немедленно удалиться.

„— Какая часть Малой Азіи, по вашему мнѣнію, остается необработанною, спросилъ я.

„— Девяносто девять сотыхъ, отвѣчалъ онъ. — Если вы отправитесь отсюда въ направленіи къ Магнезіи, то вы будете ѣхать десять часовъ сряду по прекраснѣйшей странѣ, не встрѣтивъ ни одного человѣческаго жилища. Но таково плодородіе сотой обрабатываемой части, что произведенія ея, при установленіи хорошихъ путей сообщенія, оказали бы ощутительное вліяніе на европейскіе рынки.“

О Палестинѣ, г. Финнъ, консулъ ея величества въ Іерусалимѣ, доноситъ, что „эта область чрезвычайно безлюдна, вслѣдствіе чего большія пространства земли остаются въ запустѣніи;“ а о жителяхъ онъ говоритъ такъ:

„Наше рѣдкое, разбросанное населеніе, почти совершенно погруженное въ сельскія занятія, и размножающееся подобно дикимъ звѣрямъ, не имѣетъ ни образованія, въ самомъ простомъ значеніи этого слова, ни даже какихъ-либо религіозныхъ понятій. Оно не знаетъ ничего, кромѣ употребленія грубаго огнестрѣльнаго оружія, и не имѣетъ никакихъ сознательныхъ побужденій кромѣ тѣхъ, которыя исчер-

пываются ихъ племенными или товарищескими отношеніями *."

Что касается до Алеппо и его окрестностей, г. Скинъ, *въ своемъ первомъ донесеніи* пишетъ слѣдующее:

„Относительно цифры продуктовъ эта провинція находится въ хорошемъ положеніи. Но къ несчастію, производительный классъ не можетъ спокойно пользоваться плодами своихъ трудовъ: часть его продуктовъ увозятъ кочующіе Арабы, а другую часть отнимаютъ у крестьянъ откупщики десятинной подати.

„Обширныя равнины плодоноснѣйшей въ мірѣ земли находятся въ запустѣніи вслѣдствіе набѣговъ Бедуиновъ, которые вытѣсняютъ земледѣльческое населеніе на западъ, чтобы доставить пастбища своимъ увеличивающимся стадамъ и табунамъ. Я самъ видѣлъ 25 деревень разоренныхъ нападеніемъ Шейхъ-Мухамеда Духи, съ 2000 всадниковъ. Я посѣтилъ одинъ плодоносный округъ, имѣвшій двадцать лѣтъ тому назадъ сто деревень, и нашелъ лишь нѣсколькихъ оставшихся Феллаховъ, обреченныхъ, вѣроятно, вскорѣ послѣдовать за своими родственниками и увеличить собою рядъ могильныхъ холмовъ возвышающихся вдоль морскаго берега. Я исходилъ лежащія въ пустынѣ города, съ хорошо-вымощенными улицами, съ домами, еще не лишенными крышъ, съ качающимися на своихъ петляхъ каменными дверями, какъ будто готовыми для принятія жильцовъ, и между тѣмъ совершенно пустыми; кругомъ ихъ разстилаются нѣсколько тысячъ акровъ превосходнѣйшей земли, носящей слѣды водопроводовъ для ирригаціи полей, но представляющей теперь лишь скудное пастбище для овецъ и верблюдовъ Бедуиновъ. Этотъ набѣгъ пустыни на разработанныя земли начался восемдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда племена Анази вышли изъ Средней Аравіи, чтобы поискать болѣе обширныхъ пастбищъ, и наводнили Сирію. Теперь это запустѣніе въ двухъ мѣстахъ простирается уже до самаго моря, а именно около Акры и между Латакіей и Триполи.

„Арабъ, впрочемъ, не всегда похищаетъ у крестьянина весь его запасъ, и нерѣдко довольствуется умиротворительнымъ приношеніемъ деньгами или хлѣбомъ. Такимъ образомъ нѣчто остается и для сборщика податей. Послѣдній производитъ свои операціи такъ же открыто, какъ

Донесенія консуловъ о состояніи христіанъ въ Турціи, стр. 27.

и кочующій грабитель. По объявленіи аукціона на подати, члены провинціальнаго совѣта выбираютъ тѣ деревни, доходы которыхъ они желаютъ взять на откупъ. Они условливаются не соперничать другъ съ другомъ, и соединяютъ свои усилія, чтобы не дать другимъ перебить себя дорогу. Когда наконецъ цѣна продажи достигаетъ самой высокой цифры, паша спрашиваетъ мнѣнія совѣта, который объявляетъ ее удовлетворительною, и тогда члену совѣта, очередь котораго наступила, остается лишь заключить выгодную сдѣлку. Съ этой минуты крестьянинъ подвергается всякаго рода угнетеніямъ. Хлѣбъ его уже обмолоченъ и готовъ для продажи; но онъ не смѣетъ тронуть его до тѣхъ поръ, пока откупщикъ не возьметъ слѣдующей ему десятой части. Между тѣмъ рыночныя цѣны падаютъ отъ возрастающаго ежедневно привоза: крестьянинъ умоляетъ о разрѣшеніи на продажу хлѣба, и получаетъ его только подъ условіемъ удвоить или утроить цифру подати. Бываютъ примѣры, когда для удовлетворенія насущныхъ, безотлагательныхъ потребностей своей семьи, онъ уплачиваетъ сборщику 40 процентовъ вмѣсто 10. Затѣмъ его принуждаютъ безвозмездно доставлять въ городъ пай сборщика, кормить его многочисленную свиту, дѣлать ему, сверхъ того, подарки живностью, ягнятами и фуражомъ, тогда какъ на послѣдній десятинная подать не распространяется. Объ удовлетвореніи нечего и думать, потому что голосъ всемогущаго совѣта заглушаетъ всякую жалобу. Обратиться къ пашѣ? Но онъ только пожметъ плечами.

„Несмотря на все это, земледѣльческое населеніе еще не находится въ томъ безнадежномъ, нищенскомъ состояніи, котораго слѣдовало бы ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ: такъ богата почва, такъ трудолюбивъ и бережливъ земледѣлецъ.

„Въ городахъ еще недавно процвѣтала торговля и промышленность. Но съ тѣхъ поръ, какъ между мусульманами и христіанскими общинами возобновились прежнія чувства ненависти и вражды, въ матеріяльномъ бытѣ населенія произошла также чувствительная и весьма невыгодная перемѣна. Вслѣдствіе недовѣрія къ будущему, обращеніе капиталовъ остановилось, въ торговлѣ произошелъ застой; и половина рабочихъ станковъ, бывшихъ въ движеніи, осталась безъ дѣла *.“

---

* *Донесенія консуловъ о положеніи христіанъ въ Турціи*, стр. 48, 49.

Объ Арзерумской области, „заключающей въ себѣ до полуторы тысячи деревень“, мы читаемъ слѣдующее:

„Правильной переписи, какъ я полагаю, Турки не желаютъ, потому что они сознаютъ чувствительный упадокъ мусульманскаго населенія во многихъ провинціяхъ, и естественно не хотѣли бы сдѣлать этотъ фактъ гласнымъ *.“

Въ дневникѣ г. Сеніора изображена слѣдующая картина безлюдья Арменіи: **

„Суббота 24 октября. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ В. В., только что вернувшагося съ границы, раздѣляющей турецкую Арменію отъ русской, и слушалъ его разказы о страшныхъ злоупотребленіяхъ администраціи въ турецкой Арменіи.

„— Эти злоупотребленія такъ велики, сказалъ онъ, — что народъ желаетъ перейдти подъ русское владычество. Новый паша, а ихъ тамъ смѣняютъ каждые три или четыре года, обыкновенно посылаетъ ко всѣмъ подчиненнымъ ему чиновникамъ повѣстку о своемъ прибытіи. По этому знаку люди, уже имѣющіе какую-либо должность, готовятся встрѣтить его богатыми приношеніями, чтобъ удержать за собою мѣсто, а искатели должностей готовятся перещеголять послѣднихъ цифрой подкупа, чтобы такимъ образомъ занять ихъ мѣста.“

„— Но какъ же спросилъ я, — выручаютъ обратно свои деньги тѣ, которые подкупили его?

„— Посредствомъ увеличенія налоговъ, отвѣчалъ онъ, посредствомъ безотчетнаго завѣдыванія общественными доходами; посредствомъ потворства нарушенію карантинныхъ законовъ, или неплатежу таможенныхъ пошлинъ; наконецъ, съ помощію продажнаго правосудія и принудительнаго труда. Послѣдній способъ представляетъ наиболѣе обильный источникъ выгодъ. Паша, напримѣръ, совершаетъ объѣздъ, и всѣ деревни, лежащія на его пути, должны выставлять ему верблюдовъ и лошадей. Назиръ требуетъ вдвое или даже впятеро больше противъ того, что ему дѣйствительно нужно, и смотря по величинѣ выкупа, уменьшаетъ свои требованія. Если деревня зажиточна и даетъ за себя богатый выкупъ, то съ нея вовсе не требуютъ лошадей и верблюдовъ, и тогда бремя падаетъ на тѣхъ, которые не могутъ откупиться. Послѣдніе принуждены бываютъ безъ всякаго вознагражденія путешествовать вмѣстѣ съ своими животными въ

---

* *Разказъ Гумфри Сандвита объ осадѣ Карса.* Лондонъ 1856. г.

** Сеніоръ, стр. 138, 139.

продолженіи 10 или 20 дней, неся съ собой кормъ для нихъ и пищу для себя, или добывая то и другое грабежомъ; наконецъ измученныхъ, охромѣвшихъ отъ долгой ходьбы, ихъ отпускаютъ, быть-можетъ миль за сто отъ дому. О силѣ тиранніи можно судить по безлюдью. Вы проѣдете цѣлые обширные округи, не увидавъ ни одного жителя, а между тѣмъ на каждомъ шагу встрѣтите слѣды прежняго большаго, цивилизованнаго населенія, полуразрушенные водопроводы для ирригаціи полей, и остатки покинутыхъ, необитаемыхъ нынѣ городовъ. Не далеко отъ границы до сихъ поръ еще стоитъ городъ съ высокими стѣнами и большими каменными домами, въ настоящее время совершенно необитаемыми; а когда-то онъ имѣлъ 60.000 жителей. Нѣтъ ни одного дворца на Босфорѣ, который бы не разорилъ десятиннымъ сборомъ жителей какой-либо провинціи."

Точно такое же зрѣлище представляется въ Троадѣ. Въ томъ же самомъ томѣ, изъ котораго я заимствовалъ послѣднее извлеченіе, г. Сеніоръ приводитъ свой разговоръ съ г. Кальвертомъ въ слѣдующихъ словахъ: *

„Турки постепенно вымираютъ, между тѣмъ какъ Греки, изъ которыхъ многіе переселились сюда изъ Европейской Турціи, размножаются. Когда будете завтра объѣзжать равнину Трои, вы найдете въ окружности 30 миль три греческія деревни: Рункой, Еникой и Енишеръ. Всѣ онѣ замѣтно улучшаются, окружены садами и воздѣланными полями; въ старыхъ домахъ производятся починки, а рядомъ строятся новые. Затѣмъ вы увидите еще три турецкія деревни: Чифликъ, лежащій на мѣстѣ Новаго Иліума, Бунаръ-Баши пониже мѣста, гдѣ была Троя, и Галиль-Эли. Первая имѣетъ около 20 обитаемыхъ домовъ, вторая около 15, а третья, бывшая двадцать лѣтъ тому назадъ значительнымъ мѣстечкомъ, не болѣе трехъ."

Обратимся теперь къ другой провинціи. Разказывая о своемъ отъѣздѣ изъ Константинополя, г. Сеніоръ приводитъ слѣдующія слова одного изъ своихъ друзей, хорошо знакомаго съ цѣлою Турціей:

„Вы отправляетесь, сказалъ онъ, въ Смирну и въ Грецію. Когда будете въ Смирнѣ, то съѣздите въ Ефесъ. Вы

* Сеніоръ, стр. 163.

проѣдете 50 миль сряду по плодоноснѣйшей почвѣ, одаренной прекраснѣйшимъ въ мірѣ климатомъ, и не встрѣтите ни одного жителя, ни одного воздѣланнаго поля. Вотъ вамъ Турція. Въ Греціи или въ Придунайскихъ Княжествахъ вы найдете сравнительно больше богатства, и болѣе многочисленное населеніе. Причина тому весьма понятна: хотя и эти страны также находились подъ дурнымъ управленіемъ, и были даже средоточіемъ войны, но въ настоящее время онѣ сбросили съ себя турецкое иго *."

Далѣе сказано:

„Въ городахъ, гдѣ пять или шесть лѣтъ тому назадъ было 3.000 Турокъ, теперь осталось ихъ не болѣе 2.000 **.... Въ дарданельскихъ провинціяхъ цифра смертности превышаетъ цифру рожденій почти на 6 процентовъ.

„Если вспомнить, что греческое населеніе увеличивается, и что слѣдовательно Турки одни терпятъ такую сильную смертность, то можно заключить, что они дѣйствительно, какъ я уже не разъ слышалъ, быстро вымираютъ ***."

Къ сожалѣнію должно сказать, что это есть неизбѣжное слѣдствіе не какой-либо прошедшей, а до сихъ поръ существующей политики. Разореніе не только не останавливается но съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новую силу. Говоря о странѣ, окружающей Алеппо, г. Скинъ сравниваетъ ея настоящее положеніе съ тѣмъ что она была не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Находившіяся въ этомъ округѣ сто деревень совершенно исчезли въ этотъ періодъ времени. Запустѣніе неразлучно съ турецкимъ владычествомъ въ XIX столѣтіи, и не есть слѣдствіе одного только мусульманскаго господства, но составляетъ отличительное свойство именно турецкаго управленія. Въ продолженіе кратковременнаго владычества Мегмета-Али, Сирія стала снова населяться, а ея обширныя поля опять начали воздѣлываться. Вотъ что писалъ въ іюнѣ 1858 года г. Брантъ, нашъ консулъ въ Дамаскѣ.

„Я уже послалъ донесеніе о торговлѣ Дамаска, но полагаю что оно будетъ не полно, если я не прибавлю къ

---

* Сеніоръ, стр. 148.
** Тамъ же, стр. 191.
*** Тамъ же, стр. 184.

нему очерка положенія и администраціи паша̀лыка. Въ моемъ отчетѣ сказано, что покуда провинція находилась во власти Мегмета-Али-паши, многіе опустѣвшіе города и деревни снова населились, а земли ихъ опять стали воздѣлываться. Это въ особенности замѣтно было въ Горанѣ, въ сторонѣ около Гамаха и вообще на окраинахъ пустыни. Въ этихъ мѣстахъ Арабы были принуждены уважать власть, и осѣдлые жители дѣйствительно получили прочное огражденіе отъ ихъ нападеній и грабежа.

Все гражданское управленіе Сиріей было отдано въ руки Шерифа-паши, а Ибрагимъ-паша командовалъ арміей, простиравшеюся до 40.000 регулярнаго и иррегулярнаго войска. Искусная администрація перваго увеличила благосостояніе и улучшила финансы страны, между тѣмъ какъ дѣятельность и энергія послѣдняго доставили жителямъ безопасность и внушили имъ довѣріе. Конечно, многіе находили такое правительство нѣсколько суровымъ, но едва ли могло оно казаться инымъ, когда ему приходилось искоренять столько злоупотребленій, и на мѣсто безпорядка, своеволія и фанатизма, господствовавшихъ до тѣхъ поръ, водворять порядокъ и справедливость. Высшіе чиновники, эффенди и аги, были имъ чрезвычайно недовольны, потому что оно лишило ихъ возможности обогащаться чрезъ раззореніе и притѣсненіе рабочихъ классовъ; между тѣмъ какъ послѣдніе съ восторгомъ привѣтствовали освобожденіе отъ тиранiи, такъ долго надъ ними тяготѣвшей. Особенно же радовались христіане, получивъ защиту отъ фанатизма, который довелъ ихъ до невыносимаго униженія. Крестьяне также были не менѣе довольны, потому что, хотя положенныя подати взыскивались строго, но сверхъ опредѣленнаго закономъ съ нихъ ничего не требовали, и никому не было дозволено безплатно пользоваться ихъ произведеніями, вымогать у нихъ что-либо за безцѣнокъ или принуждать ихъ къ работѣ безъ хорошаго вознагражденія. Между тѣмъ какъ мусульмане подчинялись рекрутской повинности, въ то время только что введенной и возбуждавшей между ними серіозное недовольство, христіане, заплативъ *харачъ*, освобождались отъ военной службы. Чтобы помочь крестьянамъ, возвратившимся въ покинутыя деревни, правительство давало имъ взаймы денегъ для поправки домовъ и для закупки скота; сверхъ того, оно освобождало ихъ на три года отъ податей; однимъ словомъ, не упускало изъ виду ни одного поощрительнаго средства, чтобъ усилить производительность; и нерѣдко

самъ Ибрагимъ-паша выѣзжалъ во главѣ своего отряда истреблять яица и зародыши саранчи. При такомъ твердомъ, справедливомъ и благоразумномъ управленіи, благоденствіе страны постепенно подвигалось впередъ; и еслибъ египетское владычество продолжалось, Сирія возвратила бы значительную часть своего прежняго населенія и богатства, остатки которыхъ до сихъ поръ можно видѣть какъ въ безчисленныхъ деревняхъ и городахъ разбросанныхъ по Горану, такъ и въ странѣ, лежащей на востокъ отъ пустыни, гдѣ и теперь еще замѣтны слѣды римскихъ дорогъ *."

Но такой порядокъ вещей былъ непродолжителенъ. Послѣ бомбардированія Акры британскимъ флотомъ, Египтяне удалились изъ Сиріи, и она снова подпала подъ турецкое владычество. О послѣдствіяхъ этого событія тотъ же самый очевидецъ говоритъ такъ.

„Едва только изгнаны были Египтяне и устранена была сильная рука, содержавшая каждаго въ должномъ повиновеніи правительству, какъ покорность властямъ снова замѣнилась ослушаніемъ, честность и экономія въ администраціи финансовъ уступили мѣсто хищеніямъ и расточительности; доходы стали сокращаться; Арабы снова начали нападать на осѣдлыхъ жителей; вновь населявшіяся села и земли стали постепенно пустѣть, такъ что въ настоящую минуту, можно сказать, нѣтъ ни малѣйшей безопасности ни для людей, ни для имуществъ, и все свидѣтельствуетъ о возвращеніи прежняго анархическаго состоянія, въ которомъ Египтяне застали страну."

. . . . . .

„Вслѣдствіе запустѣнія селъ и полей, доходы ежедневно сокращаются, а то что удастся собрать, большею частію или идетъ на дурное употребленіе, или расхищается чиновниками. Изъ Константинополя безпрестанно должны высылать туда деньги, чтобы кое-какъ поддерживать управленіе, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что финансовыя дѣла будутъ прогрессивно ухудшаться, по мѣрѣ того какъ злоупотребленія администраціи будутъ увеличиваться." **

Если Турки и обладали когда-нибудь энергіей и довѣріемъ къ собственнымъ силамъ, то эти качества давно

---

* *Депеши по поводу безпорядковъ употребившихъ Сиріи*, стр. 22, 23.
** Тамъ же, стр. 23.

уже ими утрачены. Въ доказательство приведу опять слова Г. Сеніора:

„До сраженія при Лепанто и до отступленія отъ Вѣны Турки обладали великими, геройскими, но опасными добродѣтелями завоевательной націи. Въ настоящее же время они унизились до того, что не въ состояніи даже защищать самихъ себя, а полагаются въ этомъ на иностранцевъ. Что касается до качествъ, которыми обусловливается матеріяльное благосостояніе, богатство и численность населенія, я не думаю, чтобъ они много измѣнились противъ прежняго. Не думаю, чтобы Турки стали теперь лѣнивѣе, расточительнѣе, безпечнѣе и грубѣе нежели они были 400 лѣтъ тому назадъ. Но слѣдствія этихъ качествъ обнаружились вполнѣ только въ послѣднія 50 лѣтъ. Когда Турки густыми массами впервые проникли въ Малую Азію, Румынію и Болгарію, захваченныя ими страны были многолюдны и страшно богаты. Цѣлыхъ 350 лѣтъ продолжали они поглащать это богатство и терзать населеніе. Если Турку хотѣлось пріобрѣсти домъ или садъ, онъ становился райей; если ему нужны были деньги, онъ клалъ въ платокъ ядро, завязывалъ его узломъ, и посылавъ его къ ближайшему богатому Греку или Армянину. Наконецъ истощивъ такимъ образомъ въ продолженіе трехъ столѣтій и нравственный и матеріяльный капиталъ страны, то-есть людей и ихъ имущества, превративъ этотъ богатый многолюдный край въ пустыню, Турки обѣднѣли. Воздѣлывать землю они не хотятъ, просить подаянія — стыдятся. Чтобы не имѣть большихъ семействъ, они употребляютъ самыя ужасныя средства: женскаго пола дѣтей убиваютъ; отъ мальчиковъ ихъ освобождаютъ рекрутскіе наборы, и такимъ образомъ племя ихъ исчезаетъ. Единственное оставшееся воспоминаніе о существовавшемъ 50 лѣтъ тому назадъ многолюдномъ турецкомъ селеніи, — это переполненное могилами кладбище, въ настоящее время заглохшее.

„Въ качествѣ медика“, говорилъ мнѣ N., „одинъ я могу знать, какія преступленія совершаются въ турецкой части Смирны, живописные дома которой, разсыпанные по холму, такъ весело улыбаются изъ окружающей ихъ зелени платановыхъ и кипарисныхъ садовъ. Чтобы не знать этихъ преступленій, я по возможности избѣгаю турецкихъ домовъ. То услышишь, что молодая, вторая жена

Турка отравлена старшею женой; [illegible]о отецъ убилъ маленькую дочь, которую онъ не желалъ воспитывать, то мать умертвила сына, чтобъ отмстить отцу. Случаи дѣтоубійства составляютъ здѣсь скорѣе правило чѣмъ исключеніе. А полиція не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія и не дѣлаетъ никакого слѣдствія." *

Но есть ли какая-нибудь возможность передать всѣ факты, заключающіеся въ изданныхъ недавно парламентскихъ бумагахъ о положеніи Сиріи и вообще всей Турціи, и привести свидѣтельства всѣхъ очевидцевъ, достойныхъ вѣроятія? Да, и врядъ ли нужно множество показаній, когда справедливость факта не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію. Вотъ что говоритъ о Турціи нынѣшній лордъ-намѣстникъ Ирландіи, осмотрѣвшій не одну какую-либо турецкую провинцію, но объѣхавшій всю Оттоманскую имперію:

„Когда вы оставите позади себя блестящую столицу, съ ея великолѣпными, большими зданіями и мечетями, что̀ представляется вашимъ глазамъ на этой широкой земной поверхности, бывшей нѣкогда колыбелью искусствъ и цивилизаціи, одаренной роскошною природой и лучшимъ въ мірѣ климатомъ? Взгляните сами; спросите людей, живущихъ здѣсь, и всѣ вамъ скажутъ одно, что деревни опустѣли, поля остаются не воздѣланными, горы населены разбойниками, законы бездѣйствуютъ, администрація испорчена, населеніе исчезаетъ **".

Такимъ образомъ противъ турецкаго владычества говоритъ даже внѣшній видъ страны. Стыдно сказать, что въ XIX столѣтіи огромныя пространства земли, которая 30, 20, даже 10 лѣтъ тому назадъ процвѣтала, подъ заботливою рукой хлѣбопашца, и могла поспорить красотою съ лучшими равнинами Ломбардіи и Фландріи, теперь не болѣе, какъ продолженіе пустыни. Начиная съ береговъ Босфора, путешественникъ можетъ проѣхать болѣе ста миль подъ прекраснѣйшимъ небомъ, посреди великолѣпной обстановки, по плодоноснѣйшей въ мірѣ почвѣ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго слѣда человѣческаго

* Сеніоръ, стр. 211—212.

** *Дневникъ Лорда Карлейля во время плаванія по турецкимъ и греческимъ водамъ*, стр. 184.

жилища, кромѣ кое-гдѣ лежащихъ развалинъ, которыя лошадь его задѣваетъ копытомъ. Если онъ спроситъ о жителяхъ, ему заговорятъ о могилахъ, о жестокой рѣзнѣ, о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ громадныхъ размѣровъ, въ которыхъ роль палачей играли паши, а роль зачинщиковъ — великіе визири. Запустѣніе быстро овладѣваетъ плодородною землей, а песокъ пустыни засыпаетъ мѣста, бывшія двадцать пять лѣтъ тому назадъ жилищемъ трудолюбивыхъ и счастливыхъ поселянъ. Въ былое время страну можно было сравнить съ „земнымъ раемъ“, теперь она не болѣе какъ „дикая пустыня“.

Въ 1830 году въ Смирнѣ находилось 80,000 Турокъ и 20.000 христіанъ. Въ 1860 году число Турокъ понизилось до 40,000, а число христіанъ возросло до 75,000 *. Какъ ни увеличилась цифра христіанскаго населенія въ какія-нибудь тридцать лѣтъ, она не многимъ превышаетъ цифру упадка турецкаго населенія въ тотъ же періодъ времени; а въ небольшихъ городахъ и селахъ, упадокъ этотъ еще значительнѣе нежели въ Смирнѣ. Тотъ же консулъ, изъ донесенія котораго заимствованы эти статистическія данныя, прибавляетъ, между прочимъ:

„Должно замѣтить, что какъ ни быстро увеличивается христіанское населеніе, упадокъ турецкаго идетъ еще быстрѣе. Посѣтите любой городъ или деревню съ смѣшаннымъ мусульманскимъ и христіанскимъ населеніемъ: въ турецкой части совершенно безлюдно, на улицахъ не видно даже дѣтей; между тѣмъ какъ въ христіанскихъ кварталахъ всѣ улицы ими переполнены **.“

Впрочемъ, такая противоположность между обоими племенами не составляетъ исключительной особенности Смирны и окружающей ее страны. Упадокъ одной породы и быстрое преуспѣяніе другой встрѣчается повсемѣстно въ Турціи.

„И на материкѣ и на островахъ, только греческій крестьянинъ работаетъ и преуспѣваетъ; а Турокъ лежитъ на боку, куритъ трубку и приходитъ въ упадокъ. Греческія деревни съ каждымъ годомъ становятся многолюднѣе и

* Донесеніе Г. Чарльза Блекта, консула въ Смирнѣ. Парламентскія бумаги о положеніи христіанъ въ Турціи, стр. 31.

** Тамъ же, стр. 32.

переполнены дѣтьми, въ турецкихъ же вы увидите одни стѣны безъ крышъ и разрушающіяся мечети *."

„Проѣзжая черезъ одну изъ опустѣвшихъ турецкихъ деревень, я услышалъ отъ моего спутника слова, вполнѣ согласныя съ общимъ взглядомъ на быстрый упадокъ турецкаго населенія. По его мнѣнію, черезъ какія-нибудь 25 — 40 лѣтъ, они должны совершенно исчезнуть въ этой странѣ, даже безъ помощи войны или какихъ-либо насильственныхъ мѣръ **."

Это мнѣніе поддерживается свидѣтельствомъ г. Финна, который, разказывая о Палестинѣ, говоритъ, что и тамъ также:

„Мухометанское населеніе вымираетъ чрезвычайно быстро ***."

Объ этомъ пишетъ также и г. Блентъ (Blunt) изъ Пристины:

„Между тѣмъ какъ повсюду замѣтно, что Турки, въ особенности высшіе классы терпятъ большой уронъ и въ населеніи, и въ земледѣліи, и въ торговлѣ, христіане наоборотъ во всемъ преуспѣваютъ."

„Во всѣхъ почти городахъ, улицы и даже цѣлые кварталы перешли въ руки христіанъ ****."

Но несмотря на быстрое увеличеніе христіанскаго населенія въ Турціи, общее населеніе имперіи все-таки уменьшается, вслѣдствіе огромнаго упадка мусульманскаго элемента. Это постоянно возрастающее безлюдье происходитъ отъ двухъ различныхъ причинъ. Вопервыхъ отъ сильной смертности въ господствующей породѣ, смертности, грозящей уничтожить всѣхъ Турокъ чрезъ сравнительно короткое время. Далѣе, отъ частыхъ избіеній христіанскаго населенія, какъ тѣхъ, которые по огромному числу жертвъ дѣлаются извѣстными въ Европѣ—достаточно напомнить недавно происходившую рѣзню въ Ливанѣ, Дамаскѣ, Іеддо и другихъ мѣстахъ Азіи—такъ и тѣхъ ежедневно случающихся мелкихъ

---

* Лордъ Карлейль. *Дневникъ во время плаванія по турецкимъ и греческимъ водамъ*, стр. 183.

** Тамъ же, стр. 171.

*** Депеши по поводу безпорядковъ угрожавшихъ Сиріи 1858—60 г. стр. 89.

**** Консульскія донесенія о положеніи христіанъ въ Турціи. Стр. 36.

убійствъ, которыя въ совокупности имѣютъ даже болѣе разрушительное вліяніе на численность населенія, чѣмъ событія, подавшія поводъ къ занятію Сиріи французскими войсками, и надѣлавшія столько хлопотъ дипломатамъ. Изъ этихъ двухъ элементовъ разрушенія, я остановлю вниманіе читателя на первомъ, тѣмъ болѣе что о немъ мало упоминается въ разказахъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Турцію. Почти всѣ они слѣдуютъ примѣру Лорда Карлейля, который говоритъ: „О состояніи нравственности въ Турціи, я не позволю себѣ сказать ни слова.“ * А между тѣмъ это самый важный предметъ для соображенія, когда хотятъ приступить къ изслѣдованію положенія и будущности имперіи. Весьма естественно, что люди знакомые съ нравственностью турецкаго общества, гнушаются этимъ отталкивающимъ предметомъ, но я съ своей стороны не обойду его молчаніемъ, и нахожу, что поступить иначе было бы недобросовѣстно, такъ какъ въ немъ заключается значительная часть бѣдствій, претерпѣваемыхъ христіанами. Впрочемъ, помня изреченіе апостола Павла: „блудъ же и всякая нечистота и любостяжаніе даже и именоваться недолжны у васъ, какъ прилично святымъ,“ ** я не могу и не хочу вдаваться въ подробности, которыя могъ бы сообщить и ограничусь одними неопредѣленными выраженіями, такъ какъ другихъ не допускаетъ такой предметъ.

Вообще говоря, многоженство менѣе способствуетъ увеличенію населенія нежели единобрачіе. Кромѣ того распространившійся между всѣми турецкими классами обычай дѣтоубійства, и рекрутская повинность, падающая исключительно на мусульманъ, производятъ не только застой, но даже сильный упадокъ въ населеніи, хотя впрочемъ всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ, не могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ быстраго исчезновенія турецкаго племени. По большей мѣрѣ, онѣ могли бы только задержать или уменьшить естественный ходъ размноженія. Зло скрывается гораздо глубже; но оно такого свойства, что его нельзя обнажить. Гнусный, возмутительный развратъ всѣхъ классовъ, и почти каждаго отдѣльнаго человѣка въ каждомъ

* *Дневникъ Лорда Карлейля, вовремя плаванія по турецкимъ и греческимъ водамъ.* стр. 182.

** *Посл. къ Ефесс.*, V, 3.

классѣ, составляетъ главную причину упадка. Это ракъ, въѣвшійся въ самое сердце общества, но принявшій такую невыразимо-гнусную форму, что никакое перо не дерзнетъ описать безнравственнаго состоянія, въ которомъ находится турецкое общество.

Говоря объ этомъ предметѣ, должно ограничиваться одними неопредѣленными общими мѣстами, такъ какъ по счастію воображеніе не можетъ нарисовать себѣ тѣхъ пороковъ, которые такъ быстро истребляютъ все турецкое племя.

Много свидѣтельствъ лежитъ передо мною, и отъ частныхъ лицъ, живущихъ въ настоящее время въ Турціи, и отъ нѣкоторыхъ англійскихъ чиновниковъ, занимающихъ въ этой странѣ важныя гражданскія должности, и по своимъ обязанностямъ знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ турецкаго общества; сверхъ того, я имѣю громадный отчетъ, присланный мнѣ однимъ знаменитымъ иностранцемъ, бывшимъ нѣкогда полковникомъ въ турецкой службѣ, котораго по справедливости можно назвать однимъ изъ самыхъ основательныхъ и достовѣрныхъ свидѣтелей, потому что онъ занималъ различныя должности въ этой странѣ.

Однимъ словомъ, въ показаніяхъ нѣтъ недостатка, но они такъ отвратительны, такъ непристойны, что я не рѣшаюсь ими воспользоваться. Въ сравненіи съ ними сатиры Ювенала и Петронія Арбитра—образцы приличія и скромности.

Пусть всѣ, изучавшіе раввинскихъ писателей, вспомнятъ, какъ они описываютъ грѣхи Аморитовъ и другихъ народовъ земли Хананской, которыхъ Израильтяне выгнали за ихъ возмутительные пороки; но и тогда они получатъ лишь слабое понятіе о настоящемъ положеніи турецкаго общества. Грѣхи, за которые истреблены были города равнины (Содомъ и Гоморра) составляютъ общее, нормальное, ежедневное явленіе у этого народа.

Читатели не должны забывать, что я говорю не объ осадкахъ общества, не объ отверженцахъ человѣчества, скученныхъ въ Константинополѣ или Дамаскѣ; а объ великихъ визиряхъ, о могущественныхъ пашахъ, о многихъ изъ настоящихъ министровъ султана. Въ Синей книгѣ и въ рѣчахъ г. Лейярда то и дѣло встрѣчаются выраженія, подобныя слѣдующимъ: „такой-то паша, другъ Англіи“ или:

„паша, просвѣщенный министръ такихъ-то дѣлъ". Намъ безпрестанно толкуютъ объ ихъ умѣ, но даже самъ сэръ-Генри Бульверъ не поручится за ихъ честность, и еще менѣе за ихъ нравственность. Англійскій посолъ говоритъ только одно, что едва ли должно имъ не довѣрять, когда они что-либо „постоянно и *хвастливо*" утверждаютъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, то я еще никогда не слыхалъ, чтобы *хвастливость* могла служить ручательствомъ за правдивость; но намъ вовсе не должно прибѣгать въ этомъ дѣлѣ къ свидѣтельству англійскаго посла. Всѣмъ извѣстно, что эти паши и министры ведутъ жизнь столь постыдную и развратную, что „самые отъявленные негодяи Геймàркета" * отвернулись бы отъ нихъ, какъ отъ людей несравненно ниже ихъ павшихъ и слишкомъ грязныхъ для сообщества. А между тѣмъ этихъ самыхъ совѣтниковъ султана г. Лейярдъ превозносилъ въ палатѣ общинъ, называя ихъ „хорошими и достойными людьми."** Должно сознаться, что этотъ джентльменъ мѣряетъ на особенную мѣрку достоинства и добрыя качества людей. Если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ совѣтниковъ султана были воспитаны въ гаремѣ. Но продолжать мою мысль далѣе я могу не иначе, какъ на мертвомъ языкѣ. Atque ibi cinaedi et pathici juventutem agebant. lisdem in gubernationem regni promovendis primus ad honores et imperia gradus extitit, quod libidini regiae morigerentur. Ea autem ipsa flagitia, quibus in pueritiâ et adolescentiâ sunt imbuti, maturi viri consequuntur et pueros haud paucos, in quibus libidinem exerceant, aeque ac puellas, in domûs secretiore parte conservare solent.*** И если такихъ людей называютъ „хорошими и достойными," то какова же должна быть масса жителей этой страны? Какой честности, какой умѣренности, какой правды можно ожидать отъ такихъ правителей Оттоманской имперіи? Но я не рѣшаюсь говорить далѣе объ этомъ предметѣ.

Въ письмѣ, на которое уже ссылался г. Кобденъ въ палатѣ общинъ, между прочимъ сказано:

---

* См. рѣчь г. Грегори въ палатѣ общинъ, 29 мая 1863 г.

** См. рѣчь г. Лэярда, въ газетѣ *Morning Star*, 30 мая, 1863 г.

*** Слѣдуя примѣру почтеннаго автора, приводимъ это мѣсто на латинскомъ языкѣ и обращаемъ вниманіе читателей на эту почтенную черту англійскихъ нравовъ и свободной печати. *Прим. Ред.*

„Не много есть людей въ Англіи, вполнѣ знающихъ всѣ ужасы происходящіе въ Турціи. Вы поймете мою мысль, когда я скажу вамъ, что имѣю намѣреніе выпустить на турецкомъ языкѣ нѣкоторое число писанныхъ или литографированныхъ брошюръ, которыя Турокъ же будетъ раздавать на мосту проходящимъ. Брошюра будетъ наполнена выдержками изъ исторіи Содома и Гоморры. Послѣ этого я васъ спрашиваю, можемъ ли мы надѣяться что-нибудь сдѣлать съ такимъ народомъ? Одинъ Англичанинъ постоянно имѣющій дѣла съ Турками, увѣрялъ меня, что на сто человѣкъ Турокъ можетъ быть двое только не заражены этимъ гнуснымъ порокомъ; а одинъ турецкій учитель въ разговорѣ съ Европейцемъ утверждалъ, что свободныхъ отъ этого порока людей придется не болѣе двухъ на цѣлую тысячу. До меня дошли одинъ за другимъ множество разказовъ о насиліяхъ совершенныхъ, или которыя покушались совершить подобные люди среди бѣлаго дня. И такой народъ мы поддерживаемъ своею политикой? Не беремъ ли мы на себя отвѣтственность за испорченность, которая развивается, благодаря нашему покровительству?

„Меня спросили недавно, чѣмъ можно объяснить тотъ фактъ, что Англичане, самый нравственный народъ въ мірѣ, поощряютъ своимъ покровительствомъ такую глубокую безнравственность? Я отвѣчалъ, что большею частію они или совершенно не знаютъ этихъ обстоятельствъ, или не хотятъ вѣрить тому что̀ слышатъ. Тѣмъ не менѣе состояніе нравственности въ Турціи таково, что караванъ-сераи, бани и всѣ уединенныя мѣста весьма опасны для неосторожныхъ.....

„.....Повѣрьте мнѣ, (я говорю на основаніи вѣрнѣйшихъ источниковъ) вопросъ этотъ разрѣшатъ время; упадокъ турецкаго населенія быстро идетъ впередъ; порокъ, болѣзни, нерадѣніе и рекрутчина замѣтно сокращаютъ ихъ численность.“ *

Тяжело приводить даже такое извлеченіе, хотя оно даетъ только приблизительное, далеко не точное понятіе о страшномъ развратѣ турецкаго общества. Впрочемъ, гораздо лучше оскорбить скромность читателя нежели, оставляя Англійскій народъ въ невѣдѣніи, тѣмъ самымъ „поддерживать“, „поощрять“ такое состояніе общества и „покровительство-

* Письмо, адресованное къ его преподобію Эрнесту Гаукинсу, 8 января, 1863 г. См. рукописи въ архивахъ Общества распространенія Евангелія.

вать“ ему. Положіра знаетъ и понимаетъ нашъ образъ дѣйствій. Давно пора и намъ отдать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, и сообразить, можетъ ли какая-нибудь теорія, химера или мечта о сохраненіи равновѣсія Европы или „цѣлости Турціи“ служить оправданіемъ покровительству, которое мы оказываемъ такому невообразимому разврату.

Въ этой-то испорченности, въ этихъ возмутительныхъ проявленіяхъ грубой чувственности лежитъ причина того, что христіане считаютъ величайшимъ для себя зломъ близость турецкихъ гарнизоновъ. Если въ Константинополѣ—столицѣ имперіи,—на глазахъ европейской цивилизаціи, можетъ существовать порядокъ вещей, дѣлающій опасными для неосторожныхъ караванъ-сераи, бани и всѣ уединенныя мѣста; то каково же должно быть положеніе народа живущаго въ Сербіи, Болгаріи или Сиріи, когда рядомъ съ нимъ находятся эти вертепы грѣха и нечистоты, полные свирѣпыхъ, неудерживаемыхъ никакимъ нравственнымъ чувствомъ фанатиковъ-солдатъ, поощряемыхъ даже своими офицерами на всякое враждебное дѣйствіе противъ христіанъ? Не столько многочисленныя убійства и грабежи, сколько этотъ противуестественный развратъ вынуждаетъ сербскаго князя и жителей Бѣлграда требовать удаленія турецкихъ гарнизоновъ. Они умоляютъ избавить ихъ невинныхъ дѣтей отъ порочныхъ зрѣлищъ, оскверняющихъ иногда площадь крѣпости. Они умоляютъ, чтобы сыновья ихъ были защищены отъ насилія Турокъ.....

Не можетъ быть, чтобъ эти мольбы, обращенныя къ христіанскому народу, не были наконецъ услышаны. Если намъ отвѣтятъ, что Англія связана трактатами и потому не можетъ оказать турецкими христіанамъ дѣятельной помощи то не будемъ по крайней мѣрѣ поощрять нашимъ покровительствомъ гнусные поступки злодѣевъ. Пусть видъ нашихъ собственныхъ обожаемыхъ дѣтей, по счастію ограждаемыхъ отъ подобныхъ опасностей, оживитъ наше сочувствіе къ угнетеннымъ, и возбудитъ въ насъ по крайней мѣрѣ желаніе, чтобъ и они въ скоромъ времени получили свободу, составляющую наше достояніе; но чтобы прежде всего они избавились отъ заразы, заключающейся въ этихъ ужасныхъ формахъ порока, заразы, которой подвержены всѣ, принужденные жить въ соприкосновеніи съ Турками.

На сколько можно судить по разказамъ путешественниковъ, по свидѣтельствамъ представляемымъ парламентскими бумагами, по неполнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ о различныхъ турецкихъ провинціяхъ равно какъ и по нежеланію правительства обнародывать эти отчеты, дабы они не обнаружили истиннаго положенія имперіи, мусульманское населеніе должно непремѣнно угаснуть черезъ шестьдесятъ лѣтъ; и если упадокъ будетъ продолжаться въ настоящихъ размѣрахъ, не пройдетъ двухъ поколѣній, какъ Оттоманская имперія перестаетъ существовать. Тутъ естественно возникаетъ весьма интересный для насъ вопросъ—какова будетъ политика Англіи при такихъ обстоятельствахъ? Неужели она допуститъ, чтобы цѣлыя два поколѣнія турецкихъ подданныхъ взросли подъ властью своихъ настоящихъ притѣснителей, и чтобы вся эта нація воспиталась въ чувствахъ ненависти и вражды къ Англіи?

Приведемъ слова г. Сеніора:

„Не далеко то время, говоритъ онъ, когда Греки будутъ управлять этою страной. Мы должны желать, чтобъ они вступили въ управленіе, проникнутые англійскимъ чувствомъ, мнѣніями и симпатіями. Русскіе черезъ посредство своихъ политическихъ агентовъ, Французы съ помощію своихъ миссіонеровъ и школъ, всячески стараются внушить имъ ненависть и презрѣніе къ Англіи *.“

Судя по политикѣ нашихъ государственныхъ людей, можно подумать, что мы сами желаемъ возбудить соревнованіе между Русскими и Французами, и облегчаемъ имъ половину труда, дѣятельно стараясь о томъ, чтобы будущіе властители Малой Азіи, Сиріи и Румыніи „ненавидѣли и презирали насъ“. Во всей Турецкой имперіи господствуетъ убѣжденіе, что султанъ имѣетъ въ Англіи твердую и неразборчивую въ средствахъ союзницу. Вотъ какъ выражается о неестественномъ союзѣ Англіи съ Турціей молодой насмѣшливый мусульманинъ, не признающій даже авторитета Корана, и отвергающій его выразительнымъ, исполненнымъ самаго грязнаго смысла жестомъ. Онъ восклицаетъ: „Англичане и чалмоносцы всѣ между собою братья,—

* Сеніоръ, стр. 219.

мы всѣ фармазоны (невѣрные)“ *. Когда вожди Друзовъ избили съ невообразимыми жестокостями христіанъ въ Ливанѣ, они сдѣлали это не только по наущенію константинопольскаго двора, но даже съ увѣренностію, что такой поступокъ будетъ пріятенъ англійской королевѣ, которая, въ качествѣ правительницы этой „невѣрной“ націи, въ качествѣ преданной союзницы и, какъ они полагаютъ, данницы султана, должна непремѣнно радоваться избіенію христіанъ.“** Если это твердое убѣжденіе господствующаго племени, и если по несчастію наши дѣйствія подтверждаютъ это мнѣніе—ничего не будетъ удивительнаго, если и въ покоренныхъ племенахъ разовьется то же убѣжденіе, и они станутъ смотрѣть на Англійскій народъ, какъ на своего естественнаго и непримиримаго врага, тѣмъ болѣе ненавистнаго и нестерпимаго, что безъ всякаго основанія, безъ всякой пользы для себя, онъ принимаетъ участіе въ жестокихъ несправедливостяхъ единственно изъ любви къ искусству. Много есть печальныхъ признаковъ, по которымъ можно судить, что убѣжденіе это все болѣе и болѣе распространяется. Прежде всего я поговорю о томъ, что̀ видѣлъ и слышалъ самъ. Получивъ отъ сербскаго митрополита рекомендательное письмо ко всѣмъ духовнымъ лицамъ этой страны, я посѣтилъ въ прошедшемъ году три сербскіе монастыря.

„Когда я представилъ въ одномъ изъ нихъ, а именно въ Раковицѣ, письмо митрополита, монахъ, принявшій его, замѣтилъ мнѣ, что онъ много читалъ объ Англійской націи, но что до сихъ поръ ему не приходилось видѣть ни одного изъ моихъ соотечественниковъ, такъ какъ Англичане рѣдко заѣзжаютъ въ Сербію. — А что̀ привлекло васъ въ эту страну, спросилъ онъ? — Я отвѣчалъ, что частію пріѣхалъ для поправленія здоровья, частію же для того, чтобы покороче познакомиться съ положеніемъ греческой церкви.—Стало-быть, возразилъ онъ, несмотря на то что вы Англичанинъ, я долженъ видѣть въ васъ друга Сербіи?—Я объяснилъ ему, что нѣтъ никакой причины считать Англичанъ враждебными Сербіи.—Почему же, прибавилъ онъ, пишутъ въ газетахъ, что всякій разъ, какъ идетъ рѣчь о

* *Ниневія* Лейарда. Томъ I. стр. 163. Третье изданіе.
** Корреспонденція по поводу дѣлъ въ Сиріи. Іюнь, 1860. стр. 55.

жалобахъ нашего народа на какой-либо жестокій поступокъ Турокъ, члены британскаго парламента встаютъ, чтобы защищать и оправдывать послѣднихъ? Почему, продолжалъ онъ, воодушевляясь, будучи великими, можно сказать, величайшими цивилизаторами Европы, вы въ то же время неизмѣнно поддерживаете Турокъ, народъ, наиболѣе враждебный цивилизаціи, и поддерживаете его противъ насъ, старающихся всѣми силами слѣдовать вашему примѣру?" *

Таково чувство, одушевляющее всѣ классы въ Сербіи; но и не въ одной только Сербіи, а также и въ Малой Азіи, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующій отрывокъ, приводимый мною изъ письма друга:

„Одинъ англійскій путешественникъ заѣхалъ недавно на ночлегъ въ домъ американскаго миссіонера. Его приняли весьма радушно, но черезъ нѣсколько времени онъ замѣтилъ, что между домашними произошло какое-то волненіе, и что хозяинъ чрезвычайно смущенъ. Путешественникъ догадался, что тѣмъ или другимъ путемъ, онъ, вѣроятно, причинилъ какое-либо неудовольствіе, вслѣдствіе чего онъ и потребовалъ отъ хозяина объясненія; тогда послѣдній сообщилъ ему, что прислуга взбунтовалась, объявивъ, что она ничего не станетъ дѣлать для Англичанина, одного изъ *враговъ христіанства*. Вотъ вамъ и результаты нашей восточной политики."

Такихъ примѣровъ безчисленное множество; но къ счастію, вражда, порождаемая нашею новою политикой, еще не успѣла развиться. Восточные христіане, начиная съ Черногоріи и до границъ Персіи, до сихъ поръ не перестаютъ, посреди претерпѣваемыхъ ими страданій, обращать свои взоры къ Англіи; и чѣмъ сильнѣе бываютъ ихъ надежды, тѣмъ ожесточеннѣе становятся ихъ чувства, когда наступаетъ разочарованіе. Во Франціи они преимущественно видятъ вооруженную защитницу римской церкви и папской власти, что̀ будетъ вѣчною преградой къ сближенію восточныхъ христіанъ съ этою націей. Россіи они боятся, какъ гигантской сосѣдки, которая поглотила бы ихъ національность, и потому они отвращаются отъ нея съ опасеніемъ, которое объясняется ея близостью и могуществомъ.

---

* *Сербія и Сербы*. Соч. В. Дентона.

Австрія, извѣстная придунайскимъ народамъ своею мелочною, глупою, докучливою тиранією, равно какъ и своею религіозною нетерпимостію, еще ненавистнѣе для нихъ нежели Россія, хотя ненависть къ ней умѣряется до нѣкоторой степени презрѣніемъ. Что̀ касается до Англіи, то ея отдаленность, свойство ея правленія, ея разъединеніе съ римскою церковью, а также существенныя выгоды, приносимыя ей торговлею этихъ народовъ, заставляютъ ихъ видѣть въ ней свою естественную покровительницу. Такія чувства мы должны поощрять, а не раздражать и не отталкивать отъ себя, ради денежныхъ интересовъ нѣсколькихъ лицъ въ Англіи, или для удовлетворенія неблагоразумныхъ предубѣжденій большинства.

Но если равнодушіе къ судьбѣ турецкихъ христіанъ такъ повсемѣстно распространилось въ этой странѣ, если убѣжденіе въ необходимости поддерживать такъ-называемую „цѣлость Турціи“ глубоко вкоренилось въ умахъ Англичанъ, то нельзя ли по крайней мѣрѣ узнать, откуда оно взялось, и что̀ даетъ ему такую силу и живучесть? На это можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ, а именно, что здѣшнему народу постоянно внушаютъ мысль, будто турецкіе христіане, въ видахъ увеличенія могущества Россіи, составляютъ заговоры (по выраженію сэръ-Генри Бульвера) противъ „кроткаго“ владычества султана. Одно это мнѣніе, безконечно повторяемое заинтересованными въ дѣлѣ спекуляторами и неблагоразумными политиками, до такой степени оглушаетъ, ослѣпляетъ и притупляетъ Англичанъ, что они не слышатъ свидѣтельства безпристрастныхъ путешественниковъ, не видятъ самыхъ очевидныхъ фактовъ, и не способны внять даже голосу разсудка. Сэръ-Генри Бульверъ хорошо знаетъ цѣну этого „кумира воображенія;“ и всегда готовъ дѣйствовать имъ на испуганныхъ и провинившихся консуловъ, если они обнаруживаютъ намѣреніе поступать независимо, и такимъ образомъ заставляютъ его опасаться услышать отъ нихъ правду. Когда ему хотѣлось, чтобы „наши консульскіе агенты“ засвидѣтельствовали въ своихъ показаніяхъ, что турецкое владычество „исполнено умѣренности,“ что христіане не терпятъ никакихъ притѣсненій, и что обвиненія русской коты не справедливы, онъ сумѣлъ искусно запугать ихъ

воображеніе. Въ циркулярѣ, адресованномъ отъ 11-го іюня къ „нашимъ консульскимъ агентамъ“, посланникъ выражается въ такихъ словахъ, которыя показались бы имъ совершенно литыми, еслибъ они были искренны.

„Какъ черезъ нашихъ консульскихъ агентовъ, такъ и изъ другихъ источниковъ я узналъ, что въ послѣднее время разнаго рода люди, не принадлежащіе къ туземному населенію сильно старались распространить между нимъ недовольство и подвинуть его на жалобы, которыя могли бы достигнуть до слуха европейскихъ державъ; такимъ образомъ они особенно успѣли внушить славянскимъ народамъ, что съ помощью иностраннаго покровительства они могутъ получить большія преимущества и даже полную независимость.

„До меня дошелъ также слухъ о существованіи заговора между славянскимъ племенемъ, съ цѣлью произвести революцію въ имперіи, заговора, руководимаго избранными вождями и имѣющаго болѣе или менѣе опредѣленные планы. Хотя такой заговоръ не можетъ быть въ настоящую минуту слишкомъ опасенъ, однако вожди его могутъ думать, что онъ сдѣлается таковымъ — возбудивъ симпатіи великихъ западныхъ и сѣверныхъ державъ.“

Прислушаемся впрочемъ къ голосу основательныхъ очевидцевъ, со словъ которыхъ г. Сеніоръ сообщаетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о христіанахъ, живущихъ въ Европейской Турціи:

„Всѣ они безъ исключенія не расположены къ Россіи и обращаютъ свои взоры къ Англіи, ожидая отъ нея помощи и покровительства *.“

„Болгары такъ же какъ и Румыны не любятъ не только Русскихъ, но даже Грековъ; за то въ Ѳессаліи, гдѣ преобладаетъ греческое племя, господствуетъ желаніе соединиться всѣмъ во едино, чтобы начать войну за независимость.

„— А какія чувства одушевляютъ Сербію, Боснію и Княжества, спросилъ я?

„— Общая ненависть ко всѣмъ сосѣдямъ. Они ненавидятъ Русскихъ, Австрійцевъ, Грековъ и Турокъ. Если они чего желаютъ — такъ это независимости, по крайней

* Сеніоръ, стр. 34.

мѣрѣ той дѣйствительной независимости, которой добилась Сербія. *“

Въ той же самой книгѣ г. Сеніоръ приводитъ свидѣтельство г. Виттала изъ Смирны въ подтвержденіе вышеприведеннаго мнѣнія:

„У Грековъ нѣтъ другой мечты, какъ основать съ помощью Россіи Греческую имперію. Они презрительно относятся къ Русскимъ, и въ то же время надѣются воспользоваться ихъ услугами и потомъ сбросить съ себя русское иго. **“

Вотъ еще слова другаго лица, приводимыя г. Сеніоромъ съ тою же цѣлію:

„Мы сочувствуемъ Русскимъ только какъ врагамъ Туроkъ. Что ихъ порядки, ихъ торговли, ихъ образъ мыслей и чувства, все намъ противно. Наше сильнѣйшее желаніе заключается въ томъ, чтобы сохранить нашу національность, за которую мы крѣпко держались въ продолженіе 3.000 лѣтъ. Если мы привязаны къ особенностямъ нашей религіи, то это не потому, чтобы мы дорожили константинопольскимъ патріархомъ или ученіемъ, отличающимъ насъ отъ римскихъ католиковъ и протестантовъ, а потому что мы видимъ въ этихъ особенностяхъ охрану нашей національности. Мы не позволимъ себѣ ни слиться съ массами населяющими Россію, ни даже занять мѣсто въ кругу ея спутниковъ. ***“

Приведенныя слова не остаются только словами, но переходятъ въ очевидные факты. Турецкія провинціи находятся въ состояніи хроническаго недовольства, вслѣдствіе ежедневныхъ оскорбленій, наносимыхъ христіанамъ; и должно замѣтить, что оскорбленія эти скорѣе происходятъ отъ обдуманной политики султана и его министровъ нежели отъ фанатизма мусульманъ. Въ продолженіе всего настоящаго столѣтія эти провинціи никогда не были такъ спокойны какъ во время Крымской войны, когда турецкія войска, занятыя борьбой съ Россіей, были выведены изъ внутренности Турціи. Еслибы дѣйствительно между Россіей и этими областями существовала какая-либо тайная

* Сеніоръ, стр. 35.
** Тамъ же, стр. 205.
*** Тамъ же, стр. 215.

сдѣлка, то Боснія, Сербія, Болгарія, Эпиръ и Сирія вѣрно взялись бы за оружіе, и тѣмъ причинили бы серіозное затрудненіе западнымъ державамъ. Но мы знаемъ, что они оставались совершенно спокойными. Союзъ съ Россіей не входилъ въ ихъ разчеты, и одного этого обстоятельства достаточно было, чтобъ удержать ихъ отъ возмущенія, хотя турецкія войска и были выведены оттуда *.

Всѣмъ извѣстно, что Черногорцы уклонились отъ предложенія Россіи о покровительствѣ, и объявили, что хотятъ остаться независимыми, какъ отъ нея такъ и отъ Турціи. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ насъ увѣряли, что Греція вассальная земля и раба Россіи, и что всѣ интриги, направленныя противъ короля Оттона, клонились единственно къ тому, чтобы проложить путь къ возведенію на греческій престолъ какого-либо русскаго князя, который эту страну изъ простаго аванпоста Россіи, какимъ она была до сихъ поръ, обратилъ бы въ составную часть имперіи. Надѣюсь, что мы всѣ теперь стыдимся нашего прежняго убѣжденія, и что впредь мы будемъ менѣе довѣрять нашимъ слѣпымъ руководителямъ. Такое мнѣніе слишкомъ нелѣпо, чтобы долго оставаться въ силѣ, и потому едва ли даже заслуживаетъ оно серіознаго опроверженія. Еще можно допустить, что для избѣжанія жестокой тиранніи, люди, не могущіе достигнуть полной свободы, рѣшаются, пожалуй, отдать себя во власть другаго болѣе мягкаго владычества, но полу-освобожденныя племена, дѣйствительно независимыя провинціи не расположены приносить себя въ жертву и губить свою юную жизнь добровольнымъ подчиненіемъ новому владычеству. Исторія не представляетъ ни одного примѣра подобнаго безумія, а въ такого рода дѣлахъ можно ссылаться

---

* Обстоятельство это не ускользнуло даже отъ вниманія г. Лейярда, который видитъ въ немъ доказательство достоинствъ турецкаго правительства. Мнѣ все равно, какой бы выводъ онъ изъ этого ни дѣлалъ, но признаніе этого факта съ его стороны имѣетъ нѣкоторую цѣну. Во время происходившихъ недавно преній въ палатѣ общинъ онъ сказалъ: „въ Крымскую войну Сербы воспротивились всякой попыткѣ подвинуть ихъ на вооруженное возстаніе противъ Турціи въ пользу Россіи. Они твердо отказались принять какое бы то ни было участіе въ войнѣ противъ Турціи и во все продолженіе военныхъ дѣйствій оставались вѣрны верховной державѣ.“ Рѣчь г. Лейярда, 1863 г.

лишь на опыты прошедшаго. Итакъ простимся съ этимъ заблужденіемъ, и отошлемъ его въ область призраковъ, какъ пугало, которое можетъ иногда пригодиться, чтобы пострашать дѣтей, но которое не должно имѣть ни малѣйшаго вліянія на взрослыхъ людей и извращать ихъ понятія; въ самомъ дѣлѣ мысль, что Сербія, Болгарія, Боснія, или Малая Азія находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Россіей, такъ очевидно нелѣпа, что она не допускаетъ никакого серіознаго противъ себя опроверженія. Въ нашу жизнь мы видѣли многое, и столоверченіе, и людей вѣрующихъ въ спиритовъ и стуканье духовъ, но доказывать, будто между Россіей и восточными христіанами есть нѣкій духъ-медіумъ, значитъ прямо созваться, что мы еще суевѣрнѣе людей, полагающихъ, что красное дерево и дубъ состоятъ въ заговорѣ съ ангелами или демонами, и что домашняя мебель дѣйствительно вертится подъ вліяніемъ „иностранныхъ интригъ.“

На самомъ дѣлѣ ни русскіе агенты, ни агенты какой-либо другой державы не могли бы насильно навязать многочисленнымъ христіанскимъ общинамъ, разсѣяннымъ по лицу Турціи, чувство недовольства своею судьбой, еслибы не существовало причинъ для такого недовольства. Фактъ, что эти племена, широко разъединенныя между собою и почти не имѣющія средствъ для общенія другъ съ другомъ, въ то же время всѣ глубоко недовольны своею судьбой, можетъ по крайней мѣрѣ служить нѣкоторымъ доказательствомъ того, что они дѣствительно находятся въ страдальческомъ и угнетенномъ положеніи. Націи, доведенныя до отчаянія притѣсненіями, часто ошибаются въ выборѣ средствъ для избавленія себя отъ обидъ, но никакія интриги не заставятъ ихъ считать правду несправедливостью, добро — зломъ, свободу — неволей.

Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, мы имѣемъ другія свидѣтельства помимо показаній самихъ христіанъ. Скорби и гоненія, соединенныя съ исповѣданіемъ христіанства, слишкомъ гласны: проязительный вопль страдальцевъ такъ часто долеталъ до слуха западныхъ европейскихъ народовъ, что мы не можемъ отрицать существованія широко распространенныхъ, многообразныхъ и горькихъ страданій. Вотъ почему въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ Англія

и другія европейскія державы постоянно требовали отъ Порты улучшенія жестокой участи ея христіанскихъ подданныхъ. При всякой помощи, оказываемой Турціи, ея правительству внѣялось въ условіе, если не обезпеченіе полнаго равенства правъ за христіанскимъ населеніемъ этой страны, то по крайней мѣрѣ устраненіе нѣкоторыхъ несправедливостей въ его положеніи. Обѣщаніе исполнить это требуемо было министрами многихъ послѣдовательныхъ царствованій; оно выражалось и въ торжественныхъ трактатахъ съ великими христіанскими державами, подтверждалось и гатти-шерифами и гатти-гамаюнами, и со всѣмъ тѣмъ ни одна статья этихъ трактатовъ, ни одно постановленіе этихъ различныхъ гатти не были исполнены турецкимъ правительствомъ.

(*До слѣд.* №.)

BIBLIOTECA BODLEIANA

Приложеніе къ *Русскому Вѣстнику 1864 года.*

НОВЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Н. МАЙКОВА

НОВЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

(1858—1863)

А. Н. МАЙКОВА.

МОСКВА
Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°.)
1864.

Одобрено цензурой, 20-го января, 1864-го года.

I.

ДОМА

УПРАЗДНЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ *

(Глава изъ поэмы: *Поля.*)

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣсомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ—обрывъ! и вотъ—рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна,
Съ безглавой башней, какъ огнемъ
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣетъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

---

* Надѣемся доставить удовольствіе читателямъ *Русскаго Вѣстника* приложивъ къ нашему журналу собраніе стихотвореній А. Н. Майкова, писанныхъ даровитымъ поэтомъ послѣ 1858 года и разсѣянныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. *Упраздненный монастырь*, одно изъ лучшихъ въ предлагаемомъ собраніи, *Празднослоевы*, *Разрушеніе Іерусалима* въ первый разъ появляются въ печати; многія же совсѣмъ передѣланы авторомъ. *Прим. Ред.*

Вотъ монастырь.... Слѣды ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудахъ, что лежатъ,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?...

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползутъ
Мои лошадки по горѣ....
—„Что, отче честный, есть ли тутъ
Что посмотрѣть въ монастырѣ?“

—„А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что есть—увидишь“, молвилъ онъ,
„Да что смотрѣть-то! Сколько лѣтъ
Какъ монастырь ужъ упраздненъ.

„Святыню вывезли.... Живемъ
Одни въ привратникахъ мы тутъ
Съ отцомъ Паисіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

„Аль здѣсь помремъ.... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчился лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

„Войди въ калитку-то, смотри!“—
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться лишній мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть не много было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Всѣ церкви въ землю повросли,
Кругомъ забиты двери ихъ....
За то, что̀ кудри, до земли
Висѣли вѣтви ивъ густыхъ....

А домъ гдѣ кельи—какъ скелетъ
За блѣдной зеленью стоитъ,
И въ острыхъ окнахъ стеколъ нѣтъ,
И грустно мракъ изъ нихъ глядитъ....

Лишь бродитъ вкругъ голодный котъ;
Надъ нимъ, носясь стрѣлы быстрѣй,
Кружатся ласточки; въ разбродъ
Гуляетъ стая голубей....

Все тихо валится кругомъ....
Еще пройдетъ не много лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ....

Смотрѣть не много.... Что̀ жь изъ нихъ,
Изъ этихъ камней говоритъ
Моей душѣ, и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучитъ?

Святыню вывезли.... Но нѣтъ,
Не всю!... Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ—волшебствомъ
И чародѣйствами полна....

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ *пустынным житіемъ*
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ....

И вотъ—вдругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ....
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться.... и растетъ

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей....
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей....

А эти гости—то князья
Въ орду идущіе съ казной....
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой....

И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ....
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ—
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ....

Идутъ—съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ—
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ....

И въ темныхъ, маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ какъ жаръ
Предъ образами въ жемчугахъ—
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ....

Вотъ ѣдетъ новый караванъ....
Полумонашеская рать....
И раззолоченный рыдванъ....
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣденъ, худъ,
Выходитъ, думой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой царь Иванъ....

Ударилъ колоколъ большой,—
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и, больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь....

И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ....
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ....

Но царь на свѣтлый пиръ нейдетъ.
Одинъ, онъ въ кельѣ заперся....
Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался....

Вотъ на обитель сходитъ сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна....
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побіенныхъ имена....

Все кровь.... А тутъ—покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла....

Принять бы схиму здѣсь.... Лежать
Живымъ въ гробу—а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
Раба Ивана упокой....

Все суета!... И какъ видна
Она изъ гроба-то!... А тутъ—
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуетъ! Скажутъ: царь былъ лютъ!

Измѣна встанетъ! Зашумятъ
Опять бояре, города....
Найдется царскій братъ или сватъ,
Мой родъ зарѣжетъ.... Что тогда?

И духъ его, какъ воронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамолъ?

Зоветъ на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ,
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ—

Куетъ онъ мысль—какъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его....

А ночь, межъ тѣмъ, надъ Русью шла....
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что Царь замыслилъ въ этотъ часъ?...

И чуть звонятъ—народъ во храмъ!
Вопитъ какъ жаждущій въ степи:
„Когда жъ, Господь, конецъ бѣдамъ?“
И клиръ въ отвѣтъ ему: „терпи!“

Терпи!... и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что̀ посылалъ
Тебѣ Господь—всѣ тяготы
Насильствъ и казней, и опалъ....

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ, любя,
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка!

И вотъ—теперь..... „Что?“ опросилъ
Меня монашекъ у воротъ.
—„Нѣтъ, ничего.... я говорилъ!....“
—„А знатный былъ, молва идетъ,

„Нашъ монастырь-то въ старину!...“
—„А упраздненъ-то онъ зачѣмъ?“
—„Да стало братьи мало.... Ну....
И оскудѣли житіемъ!

„Ужь противъ прежняго—гдѣ намъ!“
И вдругъ, какъ будто спохватясь:
—„Да ты по службѣ тутъ, аль самъ?“
—„Самъ, самъ!“—„Ну то-то, въ добрый часъ!“

БАБУШКА И ВНУЧЕКЪ

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ;
—„Тутъ сувенирчикъ у васъ;“
Онъ, улыбаясь, сказалъ;

„Что̀ еслибъ онъ говорилъ?
Можетъ-быть, цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ....
Былъ бы и мужъ тутъ тиранъ,

„Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ....
Было—и въ тѣ времена—
Много, чай, всякихъ проказъ?...“

— „Грѣхъ надъ старухой шутить....“
Бабушка внучку въ отвѣтъ;
„Кто жь бы еще подарить
Могъ мнѣ его какъ не дѣдъ?“

— „Дѣдушкинъ это цвѣтокъ?“
Внучекъ опять:—„признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ!
Дѣдушка—эдакой тузъ!“

— „Молодъ покойничекъ былъ!...
Ну, да и я-то тогда....
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ!...
Тоже была молода...

„Ѣздили разъ мы весной,
Въ ранній уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной.....
Батюшка.... много гостей....

„Я и стою на мосту;
Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про мою красоту:
Что̀ тутъ на умъ не взбредетъ?

„Мельница такъ и дрожитъ;
Омутъ-то въ пѣнныхъ буграхъ
Хо́деномъ ходитъ, кипитъ,
Такъ что и вспомнить-то страхъ!

„Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
— Кто, говорю я, спрыгнетъ
Съ моста отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,

„Тотъ мнѣ и есть кавалеръ!—
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ моста-то прямо и—бухъ!

„Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ....
Только глядимъ—онъ плыветъ,
Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ....

„Мнѣ подаетъ:—я готовъ
Жизнь, молъ, за васъ положить!—
Вотъ молодецъ былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!

„Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда....
Такъ и пошла за него....
Былъ человѣкъ это!... Да!...

„Стараго вѣка кремень!
Баринъ онъ былъ матерой!
Селъ что имѣлъ, деревень!
Видный, красавецъ собой.

„Соколомъ яснымъ ходилъ!
Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
Что онъ народу кормилъ!
Ну, да и самъ жилъ царемъ....

„Въ гости ль меня вывозилъ —
Въ золото, жемчугъ, атласъ,
Словно царицу рядилъ,
Словно какъ возъ на показъ!

„Сѣрый лихой шестерикъ
Держатъ едва подъ-устцы...
Кучеръ былъ сила-мужикъ!
И гайдуки—молодцы!

„И какъ жила я за нимъ,
Тронуть меня ужь не смѣй
Кто хоть бы словомъ худымъ:
Со свѣту сгонитъ—ей-ей!

„Да, это былъ человѣкъ!...
Нынче и родъ ужь не тотъ!
Нынче—не тотъ ужь и вѣкъ!
Мелкій пошелъ все народъ!...“

— „Бабушка!“ внучекъ прервалъ,
Я отъ самихъ стариковъ
Часто про дѣда слыхалъ:
Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!

„Былъ онъ—надменный богачъ!
Жилъ—азіятскимъ пашой;
Самъ и судья и палачъ,
Ночью ѣзжалъ на разбой;

„И въ душегубствѣ не разъ
Былъ по суду обвиненъ.....
Правда, въ то время у насъ
Знатному что̀ былъ законъ!

„Пьянство и ночью и днемъ!
Въ домѣ жилъ цѣлый гаремъ!
Вы же—всю жизнь подъ замкомъ
Въ страхѣ дрожали межь тѣмъ!

„Васъ-то онъ будто любилъ?
Боже мой! онъ какъ злодѣй
Вашу всю жизнь загубилъ,
Васъ загубилъ, и дѣтей!

„Мѣсяцъ иль два присмирѣвъ,
Первой-то страстной порой,
Ласковъ былъ съ вами какъ левъ
Съ львицей своей молодой!

„Ну, а какъ душу отвелъ....
Бабушка! сердце во мнѣ
Рвется при мысли—что золъ
Вынесли вы-то однѣ!

„Вѣрьте, люблю я какъ мать
Васъ за страдальный вашъ вѣкъ....
Что жь отъ меня вамъ скрывать?
Дѣдъ былъ — дурной человѣкъ?...“

Бабка трясетъ головой,
Шепчетъ на рѣчи его:
„Что говорить мнѣ съ тобой!
Ты не поймешь ничего!“

Вяжетъ старушка чулокъ,
Вяжетъ чулокъ и молчитъ,
И на засохшій цвѣтокъ
Нѣжно порою глядитъ....

Смотритъ на бабушку внукъ....
Онъ изумленъ, что у ней
Слезы закапали вдругъ
Тихо изъ тусклыхъ очей....

Въ жизни дитя,—не умѣлъ
Сердца еще онъ понять!
Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать!

Какъ, изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя что тьму,
Сладкій лишь мигъ все ясней
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеалъ,
Образъ рисуетъ того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его!

1862.

КАРТИНКА

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.)

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что жь такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужь такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней....

Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужь увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужь вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужь на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братцы,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

СТАРОЕ И НОВОЕ

(Отрывокъ изъ поэмы: *Поля*.)

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ.
Порой для взора нѣтъ границъ....
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ....

Я ѣду день, я ѣду два—
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля!

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я.

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень....
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ....
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ....

Вотъ наконецъ бредетъ старикъ....
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то.... „Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?“

—„Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
Не подвезете ль старика?“
—„Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга жъ такъ не велика!

„Садись!“—„Я здѣсь, на облучокъ....“
—„Да мѣсто есть: садись рядкомъ!“
Но споромъ взять никто бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе бъ былъ
„Необразованный мужикъ!“

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

—„Я былъ дворовый человѣкъ“—
Онъ говорилъ—„у князя Б.
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужъ по себѣ!“

—„И слава Богу!“—„Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!

„Еще я юнѣшихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ....
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!

„Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ,—такъ съ глазъ долой!

„Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю? молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!

„Жаль ихъ самихъ!“—И тутъ старикъ
Повелъ разказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,

Слѣда ужь нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И каруселя, и сады—

Все въ запущеньи, все гніетъ....
Усадьба прежде—городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
Все пей и ѣшь, все было въ прокъ!

„Да, вспомянешь про старину!“
Онъ заключилъ: „былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

„Одинъ развратъ!“ онъ повторялъ....
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ....

„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ“,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: „спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?“

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ въ тупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ....

„Чего?...“ онъ началъ было вслухъ....
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ,—
И тройка рванулась впередъ!

Впередъ — въ пространство безъ конца!
Впередъ—не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему,—

Но мы неслись какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой....

Неслись.... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ....

Неслись.... „Куда жь те дьяволъ мчитъ!“
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль — какъ широка!...

1862.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ

(Посвящается западно-русскимъ братствамъ.)

Великолѣпные костелы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И разволоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзъ, потрясающій крестомъ,
Вопятъ въ молитвѣ изступленной:
„Да грянетъ Богъ своимъ судомъ!

„Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ!

„Да снова Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права,—
И не смутитъ ужъ хлопъ забитый
Пановъ веселыхъ торжества!...“

А тамъ, вдали, другіе храмы—
Лачуги съ погнутымъ крестомъ!
Тамъ *хлопы* молятся, тамъ—*хамы*,
Съ ихъ *подлымъ* русскимъ языкомъ!

Тамъ—гниль и ветошь! мракъ и сыро!
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира,
И въ крашеninной ризѣ попъ!

Но духомъ церкви первобытной
Все дышитъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И также бродитъ ненасытный,
Вкругъ этихъ стѣнъ, исконный врагъ,

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно—
Чтобъ вспомнилъ ихъ и русскій царь,

И русскій людъ, передъ которымъ
Вотще слеза не пролита,
Который, подъ земнымъ позоромъ
Въ убогомъ нищемъ,—чтитъ Христа....

1863.

НОЧЬ НА ЖНИТВѢ

(Отрывокъ изъ поэмы: *Поле.*)

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы.... Ужъ умолкъ
Вдали и плачъ и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ....
И тишина легла въ поляхъ!...
Какъ безконечный ратный станъ
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;

И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой....
Одно, прозрачное какъ дымъ,
Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то, неземной,
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ,

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенья на поля:
Вознаградила бъ страду жницъ
Ихъ по́томъ влажная земля.

1862.

ДРУГУ ИЛЬѢ ИЛЬИЧУ

Илья Ильичъ! Позволь, пока еще я смѣю
Гордиться дружбою высокою твоею,
Позволь воспѣть звѣзду всходящую твою!
Покинешь скоро ты друзей своихъ семью,
И потеряешься для нихъ въ сіяньи свѣта—
Недосягаемомъ для бѣднаго поэта!
Позволь мнѣ хоть сказать, какъ я люблю тебя,
Какъ милъ ты мнѣ, когда, гаванскій дымъ клубя,
Прихлебывая, пьешь ликеръ ты благовонный,
Иль сельтерской водой клико остепененный;
И въ этотъ сладкій часъ, между ѣды и картъ,
Въ бюрократическій приходишь вдругъ азартъ,
И перестроивать, съ верховъ до основанья,
Все за-ново начнешь общественное зданье!
О, какъ мы слушаемъ! Какъ нашъ ученый Шмитъ—
Сей нигилистовъ бичъ—отъ счастія пыхтитъ!
А юный правовѣдъ—сей баловень фортуны—
Какъ будто ловитъ онъ рѣчей твоихъ перуны
И прячетъ ихъ въ карманъ,—чтобъ ими, можетъ-быть,
Въ бумагахъ дѣловыхъ эффектно погромить!
А Петръ Петровичъ! Титъ Ѳомичъ! и я-то грѣшный:
Мы таемъ, учимся, и, вѣрь—не безуспѣшно!
Какіе новые пружины и винты
Въ гражданскій механизмъ искусно вводишь ты!
Какой, изъ рукъ твоихъ въ жизнь дикаго народа,
Ручной голубкою влетѣла бы свобода!
Я слушаю, лежу спокойно на софѣ,
И вижу, что и я, въ особенной графѣ,

Въ теоріи твоей стою, и также точно
Всѣ—пирамидою, осмысленно и прочно,
Сложились шестьдесятъ милльоновъ русскихъ душъ!
И какъ мы всѣ цвѣтемъ! О, Богомъ данный мужъ!
У всѣхъ одна лишь мысль, всѣ трудимся мы вмѣстѣ,
Чтобъ все, что ты завелъ, стояло вѣкъ на мѣстѣ,
Не только старики,—ты счастьемъ всѣхъ смирилъ,
Всѣхъ! Даже молодежь ты такъ переродилъ,
Что исчезаетъ въ ней ужь въ школѣ пылъ и ярость,
И прыгаетъ она изъ дѣтства прямо въ старость....
Мнѣ даже кажется, что стали наѣзжать
Ужь Нѣмцы къ намъ твое созданье изучать,
Дивясь, какой судьбой, на „свинской“ почвѣ русской
Вдругъ стало пахнуть все идилліей французской!
Конечно, иногда меня смущаетъ тутъ
Одно сомнѣніе: народецъ русскій—плутъ!
Не споритъ никогда, но всюду, какъ по стачкѣ,
Какъ въ яму спуститъ вдругъ, гладишь, по-одиначкѣ,
Созданья лучшія ученѣйшихъ головъ,
И какъ ты ни пиши, что съ нимъ ни трать ты словъ—
Онъ отъ тебя бѣжитъ подъ сѣнь роднаго мрака—
Какъ отъ нѣмецкаго намордника собака!
Но ты—ты сладишь съ нимъ.... Вотъ только бъ проложить
Тебѣ тропинку-то!... Вниманье бъ обратить
Правительственныхъ лицъ!... Лишь *тамъ* бы захотѣли
Понять твои мечты, способности и цѣли!
Тогда бъ ты сладилъ, да! Вѣдь ты не то, что былъ,
Ну хоть, твой папенька!... Ахъ, вижу, разсмѣшилъ
Тебя сравненьемъ я! Хохочешь?... Слава Богу!
Мнѣ лестно! очень! да!... Вспадетъ же на языкъ!
Вотъ въ самомъ дѣлѣ былъ забавный-то старикъ!
Полжизни на плацу вытягивалъ онъ ногу,
Былъ губернаторомъ, здѣсь чѣмъ-то управлялъ....
Застегнутъ, вытянутъ, какимъ-то дикобразомъ
Старался выступать—казалось, съѣстъ вотъ разомъ!
Пугать всегда хотѣлъ—и вовсе не пугалъ!
Въ немъ, знаешь, не было—руководящей нити....
А ты—учтивъ всегда, безъ этой лишней прыти,
И, не поморщивъ бровь, сгоняешь со двора,
Безъ объясненія, лишь почеркомъ пера,

Всѣхъ этихъ практиковъ и самоукъ несчастныхъ,
Съ великой мыслію твоею несогласныхъ!
Не слушаешь мольбы ни жёнъ ихъ, ни дѣтей....
А папенька? Смѣшно и вспомнить-то, ей-ей!
Воришку мелкаго, на сотенномъ окладѣ,
Бывало призоветъ, кричитъ, самъ весь въ надсадѣ,
Раздавитъ, кажется.... анъ, смотришь, покричитъ —
И самъ расплачется, да тутъ же и проститъ!
Закона — не любилъ! его боялся даже,
Всегда въ немъ видѣлъ то, противъ чего на стражѣ
Быть должно всякому; и встрѣтясь съ нимъ въ пути,
Съ нимъ только вѣжливость старался соблюсти....
Вотъ — въ чемъ все горе-то! Въ мундиръ весь вѣкъ рядился,
Но сквозь мундиръ его халатъ всегда сквозился!...
Вотъ ты — такъ и въ пальто, безъ звѣздъ и безъ крестовъ, —
А точно, кажется (я впрочемъ это слышалъ
Отъ маменьки твоей), на свѣтъ въ мундирѣ вышелъ!
Конечно, память твой папа у стариковъ
Оставилъ добрую — и ставятъ предъ иконы
И нынче за него свѣчу; но, милый мой,
Тебя благословятъ — не тотъ, и не другой,
Не Прохоръ, не Кузьма, не Сидоръ, — а милліоны!
И пусть кричатъ слѣпцы: ты деспотъ! ты тиранъ!
Не слушай! Это толкъ распущенныхъ Славянъ,
Привыкшихъ къ милостямъ и грозамъ деспотизма!
Тиранъ ты — но какой? Тиранъ либерализма!
А съ этимъ можешь ты — не только все ломать,
Не только что въ лицо исторіи плевать, —
Но, тиская подъ прессъ свободы, — половину
Всего живущаго послать на гильйотину!

1862, 1864.

ПРАЗДНОСЛОВЫ

Кумиры старые разбиты,
И ихъ разогнаны жрецы,
И разныхъ вѣръ сошлись левиты
И разныхъ толковъ мудрецы.

Сошлись во всеоружьи бранномъ,
Въ тіарахъ, въ пудрѣ, въ колпакахъ,
Востокъ и Западъ въ братствѣ странномъ
Усѣлись рядомъ на скамьяхъ.

И толкъ пошелъ—широко, пышно,
Но съ каждымъ мигомъ все сильнѣй,
И наконецъ уже не слышно
Совсѣмъ за криками рѣчей:

Другъ друга каждый лишь порочитъ,
И громко бога своего
На мѣсто свергнутаго прочитъ,
И счастья ждетъ лишь отъ него....

А міръ отъ гнета вѣковаго
Межь тѣмъ свободный, засіялъ,
И прыснуть жизнь вездѣ готова,
И листъ ужь почку завязалъ....

И туча пыли, мглы и смрада
Ушла съ ликующихъ небесъ,
И зданья новаго громада
Стоитъ ужь, полная чудесъ....

И передъ Тѣмъ, Кто далъ спасенье,
Предъ Кѣмъ разодралася тьма—
Уже встаетъ изъ разрушенья,
Живая, Истина сама....

Но, хоть у всѣхъ глаза открыты,—
Ея не узрятъ гордецы,
И не поймутъ ея левиты,
И не узнаютъ мудрецы!

1864.

II.

ПОЭМЫ

И

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПРИГОВОРЪ

(Легенда объ Іоаннѣ Гусѣ.)

На соборѣ, на Констансскомъ,
Богословы засѣдали;
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Разобравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборнѣ
Присудить колесованье.

Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ;

Самый трупъ предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый....

Такъ по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;

И дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ,
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Воскликали „bene, bene!“
Люди, опытные въ спорѣ.

Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ какъ изъ лѣсу выводитъ....

И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье....
И соблазнъ великій вышелъ.
Такъ гласитъ бытописанье:

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый.
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы.

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантіямъ и ризамъ;

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усъ задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя....

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и — оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился.

За владыкой — рядъ за рядомъ
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ
Отъ Сорбонны депутаты,—
Трирскій, Литтихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты.

Оглянулся даже папа!
И—суровый ликъ дотолѣ
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневолѣ.

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и—улыбаться!

И куда они глядѣли?
Что могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или розовыя горы?

Но они таятъ дыханье,
И отдавшись сладкимъ грезамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ.

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечеръ празднуя весенній.

Онъ запѣлъ—и каждый вспомнилъ
Соловья такого жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ.
Кто надъ Рейномъ въ часъ урочный;

Кто таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто трактировъ швабскихъ Гебу
Съ кружкой пѣнистаго пива....

Словомъ — всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые дни свободы —

И исторія не знаетъ
Сколько длилося молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья....

Былъ въ собраньи этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой,

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Міръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И, какъ шепотъ раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
„Жалко Гуса“ — прозвучали.

Машинально, безотчетно
Поднялся онъ, и объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: „братья!...“

Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственнаго слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова.

„Пробудитесь“, возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:
„Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его проклятый!...

„Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной.

„И вошелъ въ меня нечистый!
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
Гусъ невиненъ!... Горе, братья!...“

Ужаснулося собранье,
Встало съ мѣстъ своихъ, и хоромъ —
„Да воскреснетъ Богъ“ запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ.

И очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ;

И, возставъ, Іогана Гуса,—
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ, —
Осудили на сожженье.

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада.
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада.

И надъ озеромъ Констанскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ, искры сѣя....

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки
И одинъ констанскій ратманъ....
Возвращавшійся съ пирушки.

1860.

ИСПОВѢДЬ КОРОЛЕВЫ

(Легенда объ испанской инквизиціи.)

Искони твердятъ Испанки:
„Въ кастаньйеты ловко брякать,
Подъ ножомъ вести интригу,
Да на исповѣди плакать—

„Три блаженства только въ жизни!“
Но въ одной Севильѣ старой
Такъ искусно кастаньйеты
Ладятъ съ звонкою гитарой;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ подъ звѣздной ризой ночи
Жены нѣжны, смѣлъ любовникъ,
И ревнивца зорки очи;

Но въ одной Севильѣ старой
Такъ на утро полны храмы,
И такъ пламенно стремятся
Исповѣдываться дамы....

И хорошій исповѣдникъ
Былъ всегда ихъ сердцу дорогъ,
Можетъ-быть, дороже кружевъ,
Лентъ и перловыхъ уборокъ!

И таковъ былъ у Санъ-Пабло
Исповѣдникъ — знаменитый
Донъ Гуанъ ди Санъ-Мартино —
Кладезь мудрости открытый!

Вся имъ бредила Севилья,
Дамы голову теряли,
И съ любовниками даже
О монахѣ лишь шептали:

Какъ-то сладостно имъ было
Млѣть въ его духовной власти,
Особливо, если грѣшенъ
По сердечной кто былъ части ....

Разъ вошла въ Санъ-Пабло дама....
Храмъ былъ пустъ; одни, нѣмыя,
Въ серебрѣ, въ шелку и лентахъ,
Изваянья расписныя

По стѣнамъ стояли въ церкви,
Созерцая благосклонно
Мраморъ, золото и солнце
Въ дымѣ мирры благовонной.

Только нищій у колонны
Отдыхалъ въ дремотѣ сладкой,
Да бродила собачонка
Полъ обнюхивая гладкій....

Незнакомка подъ вуалемъ
Кружевнымъ лицо укрыла,
Но — инкогнито съ монахомъ
Соблюсти, знать, трудно было:

Чуть она предъ нимъ склонилась,
Какъ надъ нею внятно, смѣло
Раздалось: „чего желаетъ
Королева Изабелла?“

Дама вздрогнула, и въ страхѣ
Уронила на полъ четки,
Но спокойно тотъ же голосъ
Говорилъ изъ-за рѣшетки:

„Благо кающимся, благо!
Жду тебя уже давно я!
У тебя, я знаю, сердце
Жаждетъ мира и покоя!

„Въ чемъ грѣшна ты передъ Богомъ?
Кайся мнѣ нелицемѣрно!“
И покаялася дама
Католичкою примѣрной:

„Утромъ нынче камерэру
Разбранила я обидно
И булавкой исколола....
Было послѣ такъ мнѣ стыдно....

„Мы поссорились съ супругомъ....
Почему, сама не знаю,
Я его въ опочивальню
Ужь недѣлю не пускаю....

„Я люблю его всѣмъ сердцемъ,
И ревную.... но со мною
Что-то странное творится....
Точно спорю я съ собою....

„Надо думать лишь о мужѣ,
Безпрестанно повторяю,
И — другаго, чуть забудусь,
Черезъ мигъ воображаю.

„Донъ Фернандо, донъ Фернандо!
Я твержу усильно, внятно, —
Изъ груди жь другое имя
Рвется съ силой непонятной!

„Такъ и крикнула бъ съ балкона,
Ночью, въ небо голубое
И на всѣ бы королевство
Это имя роковое!

„Сердцу страшно съ этой тайной
Притворяться и лукавить....
Помоги мнѣ.... ты умѣешь
И утѣшить, и наставить....“

Могъ утѣшить и наставить
Всѣхъ монахъ сердечнымъ словомъ,
Но глядѣлъ на королеву
Взглядомъ грустнымъ и суровымъ:

— „Трудно дать совѣтъ, сказалъ онъ;
Этотъ грѣхъ—не какъ другіе....
Онъ—предтеча Божьей кары
За грѣхи твои иные!

„Вслѣдъ за нимъ придетъ злодѣйство,
Скорбь и муки преисподней —
И тебя спасти мнѣ трудно:
Ты забыла страхъ Господній!

„Святотатцамъ и злодѣямъ
Въ умерщвленьи плоти грѣшной
Есть спасенье: но убійцѣ
Духа Божья—адъ кромѣшный!“

Изабелла содрогнулась, —
Но скользить надъ адской бездной
Ей, какъ истой Кастильянкѣ,
Было жутко—но любезно!

— „Научи жь, что дѣлать, padre!
И наставь меня на благо!
Я еще построю церковь,
Я пѣшкомъ пойду въ Санъ-Яго.“

— „Еслибъ храмъ ты не изъ злата
И порфира созидала,
А въ сердцахъ твоихъ народовъ
Храмъ духовный устрояла,

„И стояла бы у двери
Яко стражъ съ мечомъ горящимъ,
Возбраняя входъ гіенамъ
И ехиднамъ злошипящимъ, —

„Ты бъ избѣгла страшной кары!
Зла мятежныя пучины
Тщетно бъ храмъ твой осаждали!
Но раскрыла ты плотины,

„Разлилось нечестья море,
И волною досягнуло
Даже царственнаго трона,
И въ лицо тебѣ плеснуло!

„Омраченный духъ твой принялъ
Смрадныхъ волнъ его дыханье,
Какъ вечернюю прохладу,
Какъ цвѣтовъ благоуханье....

„Вотъ и казнь за то!...“ — „За что же?“
— „Иль не видишь, королева!
Погляди — плоды несмѣтны
Сатанинскаго посѣва:

„Вся страна — кишитъ Жидами!
Всюду маги, астрологи!
Новизна проникла всюду,
Въ кельи, въ хижины, въ чертоги!

„Саламанкскіе студенты,
Купно съ Мавромъ, съ Жидовиномъ
Надъ одной толкуютъ книгой,
За столомъ сидятъ единымъ!

„Въ оныхъ псахъ смердящихъ юность
Братьевъ чтитъ, на зло закону,
И разноситъ духъ въ народѣ
Вѣрѣ гибельный и трону:

„Мудрость истинную презря,
Что толкуетъ людъ безбожный?
Будто шаръ земля, который
Весь кругомъ объѣхать можно,

„И открыть такія земли,
О которыхъ ни въ Писаньѣ
Нѣтъ помину, ни въ единомъ
Каноническомъ преданьѣ!

„Говорятъ, рѣзныя буквы
Нынче какъ-то составляютъ,
И одну и ту же книгу
Въ цѣлыхъ сотняхъ размножаютъ,—

„Что же, если эти бредни
Въ сотняхъ списковъ по вселенной
Вихорь дьявольскій размечетъ?
Все въ хаосъ придетъ смятенный!

„И.... и кто же рукоплещетъ
Этой пляскѣ вавилонской?
Въ комъ покровъ ей и защита?
Въ королевѣ арагонской!...“

Такъ, борясь съ врагомъ исконнымъ,
Говорилъ онъ королевѣ
О ея отчетѣ Богу
И о Божьемъ близкомъ гнѣвѣ,—

Но укорамъ громоноснымъ
Не нашелъ монахъ отвѣта;
Было сердце королевы
Точно бронею одѣто.

Не испуганнымъ ребенкомъ
Передъ нимъ она стояла;
Не того, молвѣ повѣря,
Отъ монаха ожидала.

Ей ужь сталъ казаться лучше
Духовникъ ея придворный,
Но искуснѣе обоихъ
Пріоръ, въ Бургосѣ, соборный.

„Ну а этотъ!... мнѣ пророчитъ
Адъ и всяческіе страхи
За Жидовъ и за ученыхъ!
Онъ такой, какъ всѣ монахи!“

И собою не владѣя,
Изабелла гордо встала,
И вуаль съ чела откинувъ,
Такъ монаху отвѣчала:

„Я, какъ женщина, о padre,
Дѣлъ правленья не касаюсь.
Ихъ—король ведетъ. Сама же
Въ чемъ грѣшна я—въ томъ и каюсь.

„Мнѣ самой Жиды противны.
Но они—народъ торговый,
И—политикъ это цѣнитъ—
На налогъ всегда готовый.

„Съ королемъ—моимъ супругомъ
Въ Саламанкѣ мы бывали.
Насъ нигдѣ съ такимъ восторгомъ,
Какъ студенты, не встрѣчали.

„Донъ Фернандо былъ доволенъ.
Я жь скажу, что говорила—:
Въ ихъ сердцахъ—опора трона,
Наша слава, наша сила!...

„А отъ тѣхъ ученыхъ бѣдныхъ,
Съ виду, можетъ-быть, забавныхъ,
Ужь давно у насъ въ бумагахъ
Много есть проектовъ славныхъ.

„Ихъ труды и жажду знаній
Для чего стѣснять — не знаю!
И возможно ль всѣхъ заставить
Думать такъ, какъ я желаю!

„Пусть ихъ мыслятъ, пусть ихъ ищутъ!
Мысль мнѣ дастъ бѣднякъ ученый —
Изъ нея, быть-можетъ, выйдетъ
Лучшій перлъ моей короны!

„И — что̀ будетъ — воля Божья!
Только все намъ предвѣщаетъ:
Міру царствованье наше
Новыхъ дней зарей сіяетъ!“

И уйдти она хотѣла
Безъ смущенія, безъ страха,
Лишь сердясь на дамъ придворныхъ,
Расхвалившихъ ей монаха.

Но монаха, знать, не даромъ
Жены славили и дѣвы:
Какъ глаза его сверкнули
На движенье королевы!

Онъ какъ барсъ въ желѣзной клѣткѣ
Встрепенулся, — со слезами
Упуская эту душу
Отягченную грѣхами!

— „Погоди!“ онъ крикнулъ громко,
„И познай: не я, царица,
Говорилъ съ тобой. Здѣсь явно
Всемогущаго десница!

„Я въ лицо тебя не видѣлъ:
Ты его мнѣ скрыть хотѣла.
Кто жь сказалъ мнѣ—предо мною
Королева Изабелла?

„Все, царица, все я знаю....
Всѣ дѣла твои, мечтанья,
Даже—имя, предъ которымъ
Ты приходишь въ содроганье....

„Балъ французскаго посольства....
Кавалеръ иноплеменный
Въ черной маскѣ.... на охотѣ
Разговоръ уединенный....

„Послѣ въ паркѣ....“—„Здѣсь измѣна!“
Горькимъ вырвалося стономъ
Изъ груди у королевы.
„Кто же былъ за мной шпіономъ?!...

„Кто? отвѣтствуй?...“ Все забывши,
Воскликала королева —
Величава и прекрасна
Въ блескѣ царственнаго гнѣва....

Еслибъ не былъ Санъ-Мартино
Небомъ свыше вдохновенный,
Я бъ сказалъ: глаза горѣли
У него какъ у гіены;

Но когда съ негодованьемъ
На него она взглянула,
Въ этотъ мигъ, въ глаза гіены
Точно молнія сверкнула!

Но.... сверкнула — и угасла!
„Нѣтъ“, сказала Изабелла,
„Я одна лишь знала тайну!
Я владѣть собой умѣла!

„Даже онъ не смѣлъ подумать!
Гдѣ жь предатель? гдѣ жь Іуда?...
Это имя только чудомъ
Могъ ты знать....“ — „И было чудо:“

Произнесъ монахъ, — „и нынѣ
Не случайно, не напрасно
Въ храмъ пришла ты.... Это имя —
Вотъ оно!“... О мигъ ужасный!...

Вдругъ лицо свое худое,
Самъ робѣя безъ отчета,
Къ Изабеллѣ онъ приблизилъ,
И дрожа, шепнулъ ей что-то....

Отшатнулась, онѣмѣла
Королева въ лютомъ страхѣ!
Взоръ съ тоской и изумленьемъ
Такъ и замеръ на монахѣ....

На нее жь его два глаза
Съ торжествомъ изъ тьмы глядѣли;
Точно всю ее опутать
И сковать они хотѣли....

И душа ея, какъ птичка
Въ тонкой сѣткѣ птицелова
Перепуганная, билась,
Уступала, билась снова....

Въ храмѣ пусто, въ храмѣ тихо.
Неподвижны вкругъ святые;
Страшны хладныя ихъ лица,
Страшны думы неземныя....

Лишь звучалъ монаха шепотъ
И порывистый, и страстный:
„Признаю Твой промыслъ, Боже!
Перстъ Твой, Боже, вижу ясно!“

Свѣтелъ ликомъ, къ королевѣ,
Онъ воззвалъ: „жена, не сѣтуй!
Милосердъ къ тебѣ Всевышній!
Вотъ что̀ въ ночь свершилось эту!

„Для меня вся ночь — молитва!
Видитъ плачъ мой сокровенный,
И біенье въ грудь, и муки
Онъ одинъ, гвоздьми пронзенный!...

„Въ эту ночь — среди рыданій —
Вдругъ объялъ меня чудесный
Сонъ, и, вижу я, всю келью
Преисполнилъ свѣтъ небесный.

„Мужъ въ верблюжьей грубой рясѣ,
Инымъ свѣтомъ окруженный,
Подошелъ ко мнѣ и позвалъ—
Я упалъ предъ нимъ смущенный.

„Онъ же рекъ тогда: „предстанетъ
„Нынѣ въ храмѣ предъ тобою
„Величайшая изъ грѣшницъ
„Съ покровенной головою.

„Отврати ее отъ бездны,
„Отъ пути Іезавели,
„Коей кровь на стогнахъ града
„Псы лизали, мясо ѣли.“

„Усомнился я — помыслилъ:
То не въ грѣхъ ли новый вводитъ
Бѣсъ-прельститель, бѣсъ, который
Часто ночью въ кельяхъ бродитъ.

„Моему ли окаянству
Ввѣритъ Богъ Свое велѣнье?...
Но прозрѣлъ угодникъ Божій
Въ тотъ же мигъ мое сомнѣнье:

„Се ли, рекъ, твоя есть вѣра?“
Я же: „о владыче! труденъ
„Этотъ подвигъ! Дьяволъ силенъ,
„А мой разумъ слабъ и скуденъ.“

„Повинуйся!“ рекъ онъ паки,
„Повинуйся, рабъ лѣнивый!
„Се есть знаменье, которымъ
„Побѣдиши грѣхъ кичливый!“

„И развилъ онъ длинный свитокъ:
Въ буквахъ огненныхъ сіяли
Въ немъ дѣла твои и тайны,
Прегрѣшенья и печали....

„И читалъ я передъ каждымъ
Судъ Господень — и скорбѣла
Вся душа моя, и плакалъ
О тебѣ я, Изабелла!...“

У самой у Изабеллы
Сердце въ ужасѣ застыло....
„Чудо — гнѣвъ небесный — чудо....“
Какъ во снѣ она твердила....

„Неужель.... не Ты, о Боже!
Двигалъ волею моею!
Неужели весь мой разумъ —
Не былъ мыслію Твоею!

„Лишь о подданныхъ любезныхъ,
Лишь о милостяхъ безъ счета,
О смягченьи грубыхъ нравовъ —
Вся была моя забота!...

„Я лишь радовалась духомъ,
Лучшимъ людямъ въ царствѣ вѣрясь —
И ужели въ этомъ — гибель!
Неужели въ этомъ — ересь!...“

—„О заблудшееся сердце!“
Восклицалъ монахъ надъ нею.
„О сосудъ неоцѣненный
Для даровъ и для елею!

„Влей въ него святое мyро!...
Гласа свыше удостоенъ,
Я земному не подкупенъ,
Средь житейскихъ волнъ—спокоенъ!

„Волю Божью—яко солнце
Вижу ясно! въ чемъ спасенье—
Осязаю!... Королева!
Здѣсь, въ рукахъ моихъ—прощенье!“

Говорилъ онъ вдохновенный,
И въ словахъ его звучали
Сила вѣры, стоны сердца,
Міру чуждыя печали....

Изабелла, на колѣняхъ
За слезой слезу роняла,
И, закрывъ лицо руками,
„Что жь мнѣ дѣлать?“ повторяла.

—„Надо дѣлъ во славу Божью!
Чтобъ они—дѣла благія
На вѣсахъ превѣчной Правды
Перевѣшивали злыя!

„Ополчися на нечестье!
Въ царствѣ зло вели измѣрить,
Отличить худыхъ отъ добрыхъ,
Совѣсть каждаго провѣрить....

„Тотчасъ видно въ человѣкѣ,
Чѣмъ онъ дышитъ, чѣмъ напитанъ—
Изъ того ужь, какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужь, какъ молчитъ онъ!

„Эти лица безъ улыбки,
Этотъ видъ худой и блѣдный, —
Явно дьявольскія клеймы!
Духъ сомнѣнія зловредный!...“

Говоритъ онъ вдохновенный,
Но недвижная, нѣмая
Оставалась Изабелла,
Глазъ къ нему не подымая....

„Трибуналъ устрой духовный“,
Говорилъ онъ, „чрезвычайный!
Чтобъ слѣдилъ онъ въ цѣломъ царствѣ
За движеньемъ мысли тайной;

„Чтобы слухъ его и око
Былъ бы всюду, блюлъ бы души—
Въ городахъ, въ домахъ и кельяхъ,
Въ полѣ, на морѣ, на сушѣ;

„Чтобъ стоялъ онъ невидимый,
Въ школахъ, въ храмахъ, подъ землею,
И между отцомъ и сыномъ,
Между мужемъ и женою....

„И тогда — въ твоихъ народахъ
Умъ и сердце, трудъ и знанье —
Все сольется въ хоръ согласный
Восхвалять Отца созданья!

„Ни однимъ нестройнымъ гласомъ
Слухъ его не оскорбится....
И тебѣ тогда, царица,
Все простится! все простится!...“

— „Все простится....“ повторила
Изабелла.... лучъ желанный
Какъ маякъ для морехода
Ей блеснулъ въ дали туманной....

Подняла къ монаху очи:
Слезы все на нихъ дрожали,
Но уже сквозь слезъ надежда
И довѣріе сіяли....

—„Возвратись же въ домъ свой съ миромъ!
И зови меня, худаго,
Коль рѣчей моихъ смиренныхъ
Возжелаешь сердцемъ снова....

„А въ дому своемъ отнынѣ
Тщися мудрыми рѣчами,
Какъ Эсѳирь, въ супругѣ сердце
Преклонить — да будетъ съ нами!

„Говори ему въ совѣтѣ,
Средь забавъ, на брачномъ ложѣ,
За трапезой, съ лаской, съ гнѣвомъ,
День и ночь, одно и то же,

„Такъ какъ капля бьетъ о камень,
Говори, моли и требуй —
И тогда, о! все простится!
Всѣмъ угодна будешь Небу!...“

Онъ умолкъ. Ужь Изабелла
Какъ дитя за нимъ слѣдила,
И за нимъ опять невольно —
„Все простится“ — повторила....

По устамъ у Санъ-Мартино
Пробѣжалъ улыбки трепетъ....
Богомольныхъ дамъ — быть-можетъ —
Вспомнилъ онъ невинный лепетъ,

Вспомнилъ тайну королевы, —
И какъ будто осіянный
Новой мыслью, — „все простится“
Подтвердилъ съ улыбкой странной.

ПОЭТЪ И ЦВѢТОЧНИЦА

Она.

Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый,
Сядь и ужь мнѣ не мѣшай.... Скоро смеркаться начнетъ.

Онъ.

Что за хаосъ вкругъ тебя! и надъ нимъ, какъ любовь ты склонилась,
Мыслью готова въ него жизнь и гармонію влить!

Она.

Розы не трогай: чудесныя розы! изъ нихъ—загляденье
Выйдетъ вѣнокъ — и тебѣ этотъ вѣнокъ я подамъ!

Онъ.

Какъ мнѣ забавно всегда! на пиру ты вѣнокъ мнѣ подносишь!
Я равнодушнымъ кажусь—самъ же весь занятъ тобой!

Она.

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взглядъ твой горячій!
Точно сребристую сѣть я за собой волочу!

Онъ.

Это влечетъ тебя сердце мое въ уголокъ нашъ укромный,
Гдѣ ты—какъ Флора въ цвѣтахъ—и у колѣнъ твоихъ я.

Она.

Да, а сойдемся мы здѣсь—отъ меня ты ужь мыслью далеко!
Вотъ и теперь не глядишь.... Что же ты вдругъ замолчалъ?

Онъ.

Вотъ что я вспомнилъ: былъ Павзій, художникъ. Любилъ онъ Гликеру;
Плесть мастерица была эта Гликера вѣнки.

Она.

Это какъ будто бы мы! только ты не художникъ, а лучше —
Фебомъ любимый поэтъ! гордость и слава Аѳинъ!

Онъ.

Эту Гликеру прелестнѣйшей дѣвочкой, милымъ ребенкомъ
Онъ всю въ цвѣтахъ написалъ, и — обезсмертилъ себя!

Она.

Что же? и ты обезсмерть себя славной поэмой!... я часто
Думаю: что бы тебѣ нашу любовь описать?

Онъ.

Павзій счастливѣй! черты своей милой Гликеры онъ кистью
Могъ передать, — а въ стихахъ какъ опишу я тебя?

Она.

Вотъ какъ ты сдѣлай: пусть въ Индіи будетъ, гдѣ звѣри и птицы
Дружно съ людьми говорятъ, много гдѣ всякихъ чудесъ....

Онъ.

Странно! съ любовью въ разладъ вдохновенье идетъ у поэта!
Кажется — какъ я люблю!... и — хоть бы пѣснь! хоть бы стихъ!

Она.

Жилъ тамъ волшебникъ, похитилъ царевну — малютку. Малютка
Стала цвѣты продавать; только, однажды былъ пиръ.

Онъ.

Царскій былъ сынъ на пиру; онъ влюбился, и кончилось свадьбой.
Въ сказкахъ всегда это такъ.... только немного старо....

Она.

Нѣтъ, не старо; можно выдумать рядъ приключеній чудесныхъ,
Какъ онъ умомъ и мечомъ чары умѣлъ побѣдить....

Онъ.

Бился съ гигантами! конное, пѣшее войско, съ слонами
Тьмы колесницъ золотыхъ въ бѣгство одинъ обратилъ!

Она.

Ты только шутишь со мной!... а молчанье твое мнѣ ужасно!...
Помнишь ли ты на пиру первый вѣнокъ мой тебѣ?

Онъ.

Этотъ вѣнокъ и теперь у меня надъ кроватью хранится....
Первый, который ты мнѣ, пиръ обходя, подала?

Она.

Помнишь — вѣнчая твой кубокъ, я почку въ вино уронила:
Выпивъ вино, ты сказалъ: „дѣва! цвѣты — это ядъ!“

Онъ.

Какъ же!... и съ маленькимъ женскимъ лукавствомъ и дѣтски краснѣя,
„Пчелки, сказала ты, въ нихъ медъ достаютъ, а не ядъ!“

Она.

Если съ тѣхъ поръ твоя муза молчитъ, ты угрюмъ и несчастливъ,
Значитъ, то правда, что жизнь я отравила тебѣ?

Онъ.

Полно, мой другъ, я молчу лишь отъ счастья!... Какъ музыка, нѣжный
Голосъ твой мнѣ прозвучалъ — тамъ, средь мужскихъ голосовъ!

Она.

Лучше бъ молчать мнѣ! и пчелокъ не трогать! вѣдь къ этому слову
Рыжій придрался Тимантъ, крикнулъ — „и шмель не дуракъ!“

Онъ.

Гнусный Силенъ!... и облапилъ тебя какъ медвѣдь! покатилась
Въ уголъ корзина твоя.... всѣ разлетѣлись цвѣты!...

Она.

Какъ онъ меня напугалъ!... только слышу: „оставь ее, циникъ!“
Вижу — ты съ мѣста вскочилъ, свѣтелъ какъ самъ Аполлонъ!

Онъ.

Онъ не сробѣлъ, а держалъ тебя, бѣлые зубы оскаливъ,
Легкое платье твое по-поясъ съ плечъ разорвалъ....

Она.

Ужасъ! какъ бросишь въ него ты серебрянымъ кубкомъ!... я помню,
Какъ онъ о черепъ его звякнулъ и прыгать пошелъ!...

Онъ.

Гнѣвъ и вино ослѣпляли меня!... но успѣлъ разглядѣть я,
Какъ ни старалась ты скрыть, круглое.... это плечо....

Она.

Ахъ, что за шумъ поднялся! весь облитый виномъ, онъ затрясся!
Съ мокрыхъ волосъ по лицу кровь заструилась ручьемъ....

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!... въ слезахъ, на полу, на колѣняхъ,
Платье одною рукой ты собирала на грудь....

Она.

Блюдо, тарелки въ тебя полетѣли, звеня и блистая!
Точно взбѣшенный Аякъ все онъ ломалъ вкругъ себя!

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!... какъ быстро другою рукою
Ты подбирала вѣнки, взоромъ за нами слѣдя....

Она.

Доброе сердце! ты думалъ — меня ушибутъ.... а хозяинъ
Ярость обрушитъ на мнѣ — всталъ и меня заслонилъ.

Онъ.

Пестрый коверъ перекинулъ я на руку, точно готовясь
Въ битвѣ съ свирѣпымъ быкомъ бросить ему на глаза!

Она.

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки васъ удержать, вмѣстѣ стыдя и моля.

Онъ.

Къ счастью все кончилось смѣхомъ: вскочилъ и трагическимъ тономъ:
„Что вы Ахейцы!“ намъ рѣчь сталъ говорить Діогенъ.

Она.

Этотъ сѣдой Діогенъ притворяется только сердитымъ;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!....

Онъ.

Онъ успокоилъ все шуткой.... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искалъ! три дня на рынкѣ бродилъ!

Она.

Я со стыда не могла показаться.... вѣдь всѣ меня знаютъ,
Любятъ — и вдругъ обо мнѣ въ городѣ говоръ пошелъ!

Онъ.

Много я видѣлъ вѣнковъ, много видѣлъ цвѣтовъ и цвѣточницъ,
Не было только одной — маленькой Лиды моей!

Она.

Дома вѣнки я сплетала.... рядкомъ ихъ, бывало, развѣшу....
Вотъ и теперь они тутъ.... всѣ ужь засохли давно!

Онъ.

Гдѣ ты живешь? переспрашивалъ женщинъ, старухъ я на рынкѣ,
Даже гулякъ и повѣсъ — всѣ становились въ тупикъ!

Она.

Вечеръ, бывало, сижу я, гляжу на вѣночки, и плачу....
Ночь подвигалась... цвѣта гасли одинъ за другимъ....

Онъ.

Въ горѣ, усталый, къ богамъ я взывалъ, къ Аполлону взывалъ я:
„О, сребролукій! да гдѣ жь? гдѣ же укрылась она?“

Она.

Все мнѣ казалось, что вотъ ты войдешь.... и что̀ буду я дѣлать?
Съ тайной надеждой пошла на̀-площадь я наконецъ....

Онъ.

Я ужь давно тамъ бродилъ.... насмотрѣлся, наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, пѣтухи! крики ословъ и старухъ!...

Она.

Что̀ тамъ за шумъ былъ, когда я тебя наконецъ увидала?

Онъ.

Право, не знаю.... но вдругъ ты мнѣ мелькнула въ толпѣ....

Она.

Точно въ челнѣ сквозь высокій тростникъ, въ тѣснотѣ ты пробился....

Онъ.

И очутился вдругъ въ шумной толпѣ мы одни!

Она.

Помню, я слышала только, какъ сердце въ груди моей билось!

Онъ.

Рядомъ пошли мы съ тобой.... въ очи другъ другу глядя....

Она.

Такъ, какъ теперь ты глядишь, и съ такою же тихой улыбкой....

Онъ.

Какъ ты прекрасна была, солнцемъ облита живымъ!

Она.

Вышли мы за̀-городъ....

Онъ.

Море блестѣло въ дали серебристой.

Она.

Все это, милый, теперь кажется сказкою мнѣ!

Онъ.

И безъ волшебника сказка! безъ царскаго сына, царевны!

Она.

Это—поэма, мой другъ!

Онъ.

Милая Муза моя!

Она.

Тише! вѣнки изомнешь.... о, какъ скоро стемнѣло сегодня!...
Какъ же хорошъ и какъ смѣлъ на этомъ пирѣ ты былъ

1862.

ПѢСНИ

У воротъ монастыря
Пѣлъ слѣпецъ передъ толпою,
Прямо въ солнце взоръ вперя,
Взоръ, покрытый вѣчной тьмою.

Слѣпъ рожденъ, весь вѣкъ въ нуждѣ,
Пѣлъ онъ пѣснь одну и ту же:
Пѣлъ о Страшномъ онъ Судѣ,
Пѣлъ о Злomъ и Добромъ Мужѣ.

Чуждъ живущему всему,
Только слава Судъ Господній,
Населялъ свою онъ тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышалъ онъ во мглѣ
Вздохи, плачъ и скрежетъ зубный,
Огнь, текущій по землѣ,
И по небу голосъ трубный,

И напѣвъ его гудѣлъ
Далеко трубою мѣдной,
И невольно вкругъ робѣлъ
Старъ и младъ, богачъ и бѣдный.

Кончилъ старецъ; а народъ
Все вокругъ стоитъ въ молчаньи;
Всѣхъ томитъ и всѣхъ гнететъ
Мысль о страшномъ покаяньи....

Только вдругъ изъ кабака
Скоморохъ идетъ красивый,
Выбирая трепака
На гармоникѣ визгливой:

Словно ожилъ вдругъ народъ,
Побѣжалъ за нимъ гурьбою....
Смѣхъ и пляски—въ полный ходъ!
И слѣпецъ забытъ толпою.

Возроптали старики:
„Эка дьявольская прелесть!
Сами лѣзутъ дураки
Змѣю огненному въ челюсть!“

Слышитъ ропотъ ихъ слѣпецъ:
— „Не судите, молвитъ, строго!
Благъ — небесный нашъ отецъ:
Смѣхъ и слезы—все отъ Бога!

„Отъ Него — и скорбный стихъ!
Отъ него — и стихъ веселый!
Тотъ спасенъ, кто любитъ ихъ
Въ свѣтлый часъ и въ часъ тяжелый!

„А кто любитъ ихъ — мягка
Въ томъ душа и не злобliва,
И къ добру она чутка,
И раститъ его, какъ нива.“

1860.

МАТЬ

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему не ловко!
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу.
Подремли, мой мальчикъ!
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ....
Нѣтъ! не хочешь?... сказки вздоръ?
Пѣсня лучше будетъ....
Зашумѣлъ сыръ-темень боръ
Лисъ лисичку будитъ
Во сыромъ-темномъ бору....
Задремалъ мой крошка....
Я малинки наберу
Полное лукошко....
Во сыромъ темномъ бору....
Тише! засыпаетъ....
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ....

„*Во сыромъ бору*“ поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ....
Тихо, долго ночь идетъ....
Ночь ужь день выводитъ, —

Мать поетъ.... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла....
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнетъ, встрепенется—
„Во темномъ-сыромъ бору“
Снова раздается....

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею,—
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!

1861.

ТРИ ПРАВДЫ

Ckazka.

Именитый жилъ kупецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти.
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-kрошka, вся почти съ наперстокъ.
Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что же?—птичка
Говоритъ ему по-человѣчьи:
„Отпусти-ka ты меня, хозяинъ,
Я тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживешь и денегъ и почету,
И на зависть всѣмъ пойдешь все въ гору!“

„Чудеса Господни, да и только!
Думаетъ купчина,—эko диво!
Говоритъ по-человѣчьи птица!“
—„Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Каковы твои три птичьи правды.
Скажешь дѣло—выпущу на волю.“

—„Ну, такъ слушай, молвила пичуга:
Плачь не плачь, что было—не воротишь;
Не тянись за тѣмъ что не подъ-силу;
И не вѣрь чужимъ словамъ и толкамъ.
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды.“

—„Ну, сказалъ купецъ, оно не много,
И въ торговлѣ—тертая монета!
Плачь не плачь, что было—не воротишь;
Гдѣ ты, значитъ, лишнее просадишь,
Хоть расплачься не поможешь горю.
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ,
Да гляди ужь въ оба: знаемъ это.
Не тянись за тѣмъ что не подъ-силу;
Мало ль тутъ у насъ ошмыгъ-то ходитъ!
Торговалъ лѣтъ двадцать, сбилъ копѣйку,
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись —
Не учить насъ стать и этой правдѣ.
А—не вѣрь людскимъ рѣчамъ и толкамъ:
Ужь на что ж ь еще и поддѣваютъ
Дураковъ изъ нашенскаго брата!
Нѣтъ ужь, не сули орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки:
Мы на этомъ, тетка, зубы съѣли!...
Ну такъ какъ же! что съ тобой мнѣ дѣлать?
Аль пустить ужь уговора ради?
Ну, ступай-себѣ, Господь съ тобою!“

И пустилъ купецъ на волю птичку;
Самъ за спину заложилъ онъ руки,
И пошелъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка все надъ нимъ летаетъ,
Подъ носомъ шмыгнетъ, на вѣтку сядетъ,
И звенитъ-гремитъ что колокольчикъ,
И, выходитъ, словно какъ смѣется.
„Ты никакъ, купецъ спросилъ, смѣешься?“

— „Ничего! пичуга отвѣчала,—
Я смѣюсь на вашу братью глядя.
Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,
Ты бы первый былъ богачъ на свѣтѣ!
Еслибъ ты моихъ не слушалъ басень,
А пошелъ, да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашелъ бы брилліантикъ—
Не соврать-сказать—величиною
Что яйцо куриное! не меньше!“

У купца ажъ ноги подкосились.
Весь сомлѣлъ и руки растопырилъ.
Какъ же такъ далъ маху! ахъ мой Боже!
Какъ-нибудь поправить хочетъ дѣло;
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
„Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ, —
Что за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло еще какъ лѣто;
А какъ осень завернетъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замерзнешь!
То-ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питье и кормъ—все даровое!
По зимѣ натопимъ жарко печи —
И живи что въ царствіи небесномъ!
Право, ты вѣдь умница, птичужка,
Разсудить могла бы не по-птичьи!“

А птичуга пуще заливалась:
„Ахъ купецъ, купецъ ты именитый!
Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ!
На словахъ, поди ты, что на гусляхъ,
А на дѣлѣ—хуже балалайки!
Самъ твердилъ сейчасъ мои три правды:
Плачь, не плачь, что было, не воротишь —
Упустилъ меня и ужь горюешь!
Съ горя всѣ дѣла, пожалуй, кинешь!
Не тянись за тѣмъ что не подъ-силу:
А ко мнѣ какъ началъ подступаться!
И найдись теперь какой пройдоха,
Посули меня тебѣ представить—
Капиталъ ему по каплѣ спустишь!
Самъ *людскимъ смѣялся толкамъ глупымъ* —
Моему же, птичьему, повѣрилъ:
Ну какой во мнѣ быть можетъ камень —
И какой еще величиною!
Что яйцо куриное! ишь, умникъ!
А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ и видѣлъ—
Вся-то я не болѣе наперстка!“

Обругалъ купецъ пичугу, плюнулъ,—
Увидалъ, что въ дуракахъ остался!—
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ случай,
Разказалъ почти что передъ смертью,
Подъ хмѣлькомъ, у внучки на крестинахъ.

1861.

КОНЬ

(Изъ сербскихъ пѣсенъ.)

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣе бѣла дня,
Водитъ дѣвица лихова
Опѣненнаго коня;

Гладитъ гриву воронова,
И въ глаза ему глядитъ:
„Я коня еще такова
Не видала!“ — говоритъ.

„Чай коня и всадникъ стóитъ....
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холитъ и покоитъ....
Что онъ — холостъ аль женатъ?“

Конь мотаетъ головою,
Бьетъ ногою, говоритъ:
„Холостъ, — только за душою
Думу крѣпкую таитъ.

„Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ не разъ —
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ, въ добрый часъ.“

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
„Я для добраго коня
Стала бъ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

„Стала бъ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попону позументы
Съ бахромою нашивать;

„Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой....
Только бъ сватовъ высылали
Поскорѣе вы за мной.“

1860.

ПО ПРОЧТЕНІИ БАЙРОНОВА ПАДЕНІЯ ІЕРУСАЛИМА

Ущельемъ на гору мы шли, въ ту ночь, въ оковахъ.
Уже багровый блескъ на мутныхъ облакахъ,
Крикъ пролетавшихъ птицъ и смѣхъ вождей суровыхъ
Давно питали въ насъ зловѣщій, тайный страхъ.

Идемъ.... и ужасъ! вдругъ сверкнулъ огонь струею
На шлемахъ всадниковъ предшествовавшихъ намъ....
Пылалъ Ерусалимъ! пылалъ священный храмъ —
И вѣтеръ пламя гналъ по городу рѣкою....

И вопли наши вдругъ въ единый вопль слились....
„Ахъ, мщенья! мщенія!“... но дико загремѣли
Ручныя кандалы.... „О, Богъ отцовъ! ужели
Ты медлишь! ты молчишь!... Возстань! вооружись

„Въ грома и молніи!“... Но все кругомъ молчало....
Съ мечами на-голо, на чуждомъ языкѣ
Кричала римская когорта и скакала
Вкругъ насъ, упавшихъ ницъ въ отчаянной тоскѣ....

И повлекли насъ прочь.... и все кругомъ молчало....
И Богъ безмолвствовалъ.... и снова мы съ холма
Спускаться стали въ долъ, гдѣ улегалась тьма,
А небо на нее багряный блескъ роняло.

---

* * *

На бѣлой отмели каспійскаго поморья,
Работой каторжной изнеможенъ, лежалъ
Пѣвецъ. Вокругъ песокъ. Ни кустика, ни взгорья.
Лишь Каспій брызгами страдальца освѣжалъ,
Лишь Каспій вызывалъ пѣвца на пѣснопѣнье....
Вотъ въ душу узника слетѣло вдохновенье....
Задвигались уста, воспламенился взоръ.
Онъ руки къ родинѣ, какъ къ матери, простеръ,
Онъ очи обратилъ съ молитвой жаркой къ Богу:
Но двое часовыхъ ужь видятъ: быть грѣху —
И взводятъ ужь курки, отставили ужь ногу,
Готовясь въ крѣпости тотчасъ поднять тревогу,
Готовясь выстрѣлить по первому стиху....

1860.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
„Кто это?“ шепотомъ другъ друга вопрошали—
Давно ужь изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ въ сіяньи чистоты
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты.

И тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ,
И ждетъ—иду ли я за нею по слѣдамъ....
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду—когда же?...

1860.

АЛИ-БЕЙ

(Изъ Гейне.)

Али-Бей, герой ислама,
Упоенный сладкой негой,
На коврѣ сидитъ въ гаремѣ,
Между женъ своихъ прекрасныхъ.

Что игривыя газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играетъ,
Та разглаживаетъ кудри,

Третья, въ лютню ударяя,
Передъ нимъ поетъ и пляшетъ,
А четвертая, какъ кошка,
У него прижалась къ сердцу....

Только вдругъ гремятъ литавры,
Барабаны бьютъ тревогу:
„Али-Бей! вставай на битву!
Франки выступили въ поле!“

На коня герой садится,
Въ бой летитъ, но мыслью томной
Все еще въ стѣнахъ гарема
Между женъ своихъ витаетъ, —

И межь тѣмъ какъ рубитъ Франковъ,
Улыбается онъ сладко
Милымъ призракамъ, и въ битвѣ
Отъ него не отходящимъ....

СОНЪ НЕГРА

(Изъ Лонгфелло.)

Измученъ зноемъ и трудомъ,
Онъ на земь бросился ничкомъ.
Недвижно рисъ надъ нимъ стоялъ.
Палимый зноемъ, онъ дремалъ....
То былъ ли бредъ, то былъ ли сонъ —
Родимый край увидѣлъ онъ.

Увидѣлъ онъ: въ степи глухой
Несется Нигеръ голубой;
Подъ сѣнью пальмъ стоятъ шатры;
Къ нимъ караванъ ползетъ съ горы,
И люди веселы кругомъ:
Онъ въ томъ народѣ былъ царемъ.

Среди цвѣтовъ стоитъ жена
Толпой дѣтей окружена;
И дѣти къ ней, ласкаясь, льнутъ,
И въ лѣсъ, отца искать, зовутъ....
И вотъ сквозь сонъ, горячій сонъ,
Въ бреду заплакалъ тихо онъ....

И снова чудится во снѣ:
На борзомъ мчится онъ конѣ:
Какъ вольный вихорь конь летитъ,
Взбивая прахъ изъ-подъ копытъ,
Златою сбруею звеня, —
И сабля бьетъ въ бока коня....

Что мигъ — свободнѣй дышетъ грудь!
Что шагъ — торжественнѣе путь!
Все ближе горы. Левъ рычитъ;
Кричитъ гіена; змѣй свиститъ,
И тяжело по тростникамъ
Идетъ въ рѣкѣ гиппопотамъ.

Подъ небомъ темно-голубымъ
Фламинго красный, передъ нимъ
Несясь въ дали, крылами бьетъ,
Какъ знамя красное — и вотъ
Ему открылся Кафровъ станъ,
И въ очи глянулъ океанъ!

И всталъ онъ тамъ, и слышитъ: вдругъ,
Подобный трубамъ, мощный звукъ
Поколебалъ и долъ, и лѣсъ,
И глубь пустынь, и глубь небесъ....
То звалъ къ свободѣ изъ оковъ
Великій духъ своихъ сыновъ.

И вздрогнулъ онъ, услыша кличъ....
И ужь не чувствовалъ какъ бичъ
По немъ скользнулъ, и какъ ногой
Его толкнулъ хозяинъ злой,
Какъ онъ, сдавивъ досады вздохъ,
Пробормоталъ потомъ: „издохъ!“...

1859.

КУПАЛЬЩИЦЫ

(Мелодія съ береговъ Ганга.)

Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь
Толпу шаловливыхъ красавицъ идущихъ
Съ ночнаго купанья домой!

Прекрасенъ ты воздухъ, неся издалека,
Съ вѣнковъ ихъ роскошныхъ волну аромата,
Намъ ихъ возвѣщая приходъ.

Прекрасно ты море, когда твою свѣжесть
Я слышу у нихъ на груди и ланитахъ,
И въ черныхъ, тяжелыхъ косахъ....

1862.